ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ДРЕВНЯЯ ИНОВАЯ ИСТОРІЯ

Китайскій Востокъ.—Индія. — Отдаленные міры. — Христіане. — Варвары. — Второй Римъ.—Арабы.—Каролинги и норманны. — Рыцари и крестовые походы.

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Эфронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

Оглавленіе.

Книга вторая.—ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.
(Окончаніе).

Стр.

Гл. XI. Китайскій Востокъ. Пути сообщенія чрезъ Азію.—Горы, пустыни и исчезнувшіе города.—Населеніе и его занятія.—Травянистыя степи, Маньчжурія, Тибетъ.—Путь баковъ.—Китайскія области.—Лёссовыя пространства.—Хоанхо и Янъ-тзе-кіанъ.—Земледѣльцы и императоры.—Семья, философія и исторія.—Корея.—Происхожденіе японцевъ . . 4—101

Гл. XII. Индія. Индія и индусы.—Цейлонъ.— Первоначальные обитатели.—Вторженіе арійцевъ.—Страна пяти рѣкъ.—Пѣсни Веды.— Браманизмъ.—Міровые пути и преграды.—Касты. — Появленіе буддизма.—Походъ Александра Македонскаго.—Греки въ Азіи.—Морской путь.— Побѣдоносное распространеніе буддизма . . . . 102—206

Гл. XIII. Отдаленные міры. Индо-Китай.—Цивилизація хмеровъ.—Страна чампа.—Двѣ Явы.—Малайская народность.—Мореплаваніе.— Металанимъ. — Мадагаскаръ . . . . 207—232

Книга третья.—НОВАЯ ИСТОРІЯ.

Гл. I. Христіане. Іисусъ. —Потребность въ справедливости.—Филонъ.— Вліяніе западныхъ религій на христіанство. — Паденіе искусства.—Римская имперія и императоры. — Государство, религія и образованіе.—Борьба съ варварами.—Равенна.—Взятіе Рима Аларихомъ . . . . 237—294

Гл. II. Варвары. Пути Азіи и Европы.—Германія и германцы.—Степень культуры, искусства и миѳологія варваровъ.—Переселеніе народовъ.—Гунны, вандалы.—Готы и франки.—Конецъ римской имперіи.—Пути во Франціи.— Меровинги.—Вторженіе въ Англію и ея пути.—Язычники и христіане.—Монашество.—Ирландія . . . . 295—388

О г л а в л е н і е

Стр.

Гл. III. Второй Римъ. Римъ и Румъ.—Расхожденіе направленій эволюціи обѣихъ имперій.—Укрѣпленное положеніе Константинополя.—Армяне и евреи.—Византійское общество.—Законы, искусство, организація труда.—Закрытіе аѳинской школы.—Носители факеловъ.—Несторіанство.—Имперія хозроевъ.—Греки и варвары . . . . 389—418

Гл. IV. Арабы. Быстрое распространеніе ислама.—Коммунальная собственность.—Анархическій характеръ арабовъ.—Фатализмъ.—Результаты побѣдъ мусульманъ надъ Византіей и Персіей.—Шіиты, иконопочитатели и иконоборцы.—Завоеваніе Мавританіи.—Вторженіе въ Испанію.—Саррацины во Франціи.—Арабская наука.—Страсть къ путешествіямъ.—Равновѣсіе силъ . . . . 419—466

Гл. V. Каролинги и норманны. Карлъ Великій и его имперія.—Франція, Германія и Лотарингія.—Литературныя произведенія.—Ирландія и ея миссіонеры.—Скандинавія.—Траэндеры и датскіе короли.—Набѣги норманновъ.—Заселеніе Исландіи.—Открытіе Новаго Свѣта.—Славяне и финны, чехи, болгары, мадьяры, турки-сельджуки . . . . . . 467—536

Гл. VI. Рыцари и крестовые походы. Тысячный годъ.—Раздѣленіе церквей.—Папы, епископы и монахи.—Духовная и свѣтская власть.—Монашество на Западѣ.—Рыцарство и рабство.—Паломничество.—Причины крестовыхъ походовъ.—Переселеніе народовъ и теченіе въ обратномъ направленіи.—Франція, старшая дочь церкви.—Храмовники и убійцы.—Клюни и Сито.—Вальденсы и катары.—Арнольдъ изъ Брешіи.—Судьбы Ирландіи.—Людовикъ Святой . . . . 537—600

Алфавитный указатель географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ 601—

Списокъ чертежей и картъ.

Отдѣльная карта.

Къ стр.

Этнографическая карта отдаленныхъ міровъ . . . . 214—215

Чертежи и карты въ текстѣ.

Стр.

№ 208. Рельефъ Центральной Азіи 9
№ 209. Путь нефрита и путь шелка 17
№ 210. Тянь-Шань, Кульджа и Турфанъ 21
№ 211. Врата нефрита 25
№ 212. Рѣка Хоанхо отъ города Ланъ-Чеу до Кайфона 27
№ 213. Центральная Монголія 33
№ 214. Маньчжурія 41
№ 215. Тибетъ 45
№ 216. Путь племени баковъ 49
№ 217. Пути, расходящіеся отъ Кай-фона 57
№ 218. Мѣстность между Хоанхо и Янъ-тзе-кіаномъ 58
№ 219. Центральная часть Срединной имперіи 59
№ 220. Китай 4000 лѣтъ тому назадъ 61
№ 221. Путь отъ Кантона на Калькутту 63
№ 222. Распредѣленіе лёсса въ долинахъ 67
№ 223. Провинціи Китая 70
№ 224. Рельефъ Китая 71
№ 225. Моря Китая и Японіи 83
№ 226. Корея и различіе ея береговъ 87
№ 227. Теченія Западнаго Тихаго океана 95
№ 228. Первоначальная Индія 105
№ 229. Ари, одинъ изъ атолловъ Мальдивскихъ острововъ 109
№ 230. Островъ Цейлонъ 111
№ 231. Территорія Индіи, по картѣ Клавдія Птоломея 113
№ 232. Восточный и западный склоны южной Индіи 115
№ 233. Нарѣчія Деккана 121
№ 234. Истоки Оксуса и Инда 125
№ 235. Хребетъ Сулейманъ-Дагъ 127
№ 236. Пенджабъ 129

Списокъ чертежей и картъ

	Стр
№ 237. Современное теченіе рѣки Сарасвати	131
№ 238. Аравійское море	141
№ 239. Области Индіи	146
№ 240. Рельефъ Индіи	147
№ 241. Долина Аттока	153
№ 242. Водораздѣлъ Индостана	159
№ 243. Мостъ Рама	161
№ 244. Часть Индіи, гдѣ зародился буддизмъ	175
№ 245. Александръ Великій въ Иранѣ	187
№ 246. Александръ Великій въ странѣ Семи рѣкъ	189
№ 247. Главные города Индіи	195
№ 248. Теченія Индійскаго океана во время лѣтнихъ муссоновъ	198
№ 249. Теченія Индійскаго океана во время зимнихъ муссоновъ	199
№ 250. Континентальная часть Индо-Китая	209
№ 251. Центръ цивилизаціи хмеровъ	211
№ 252. Двѣ Явы	218
№ 253. Восточная часть Малайскаго архипелага	219
№ 254. Гавань и городъ Металанимъ	227
№ 255. Мадагаскаръ и Маскаренскіе острова	231
№ 256. Арена борьбы Ирана съ Римомъ	251
№ 257. Распредѣленіе христіанъ около 180 года	265
№ 258. Оазисъ Пальмиры	277
№ 259. Раздѣленіе имперіи при Діоклетіанѣ	279
№ 260. Западная Европа въ 375—400 гг.	286
№ 261. Западная Европа въ 400—425 гг.	287
№ 262. Равенна и ея окрестности	291
№ 263. Распространеніе въ Сибири руническихъ надписей	301
№ 264. Лѣса въ Германіи	307
№ 265. Озерныя жилища на Нейшательскомъ озерѣ	309
№ 266. Европа съ 425 по 450 г.	327
№ 267. Европа съ 450 по 475 г.	329
№ 268. Альфельдъ, мѣсто остановки кочевыхъ народовъ	333
№ 269. Европа съ 476 по 493 годъ	341
№ 270. Европа съ 493 по 526 годъ	343
№ 271. Долина д'Аннивье	347
№ 272. Сходящіяся долины Нарбоннезіи	351
№ 273. Царство Меровинговъ во времена сыновей Хлодвига	355
№ 274. Раздѣленіе Англіи на королевства	365
№ 275. Европа въ 526—552 гг.	371
№ 276. Европа въ 562—590 гг.	373
№ 277. Гора Кассино и заливъ Гаэта	381
№ 278. Константинополь и стѣна Анастасія	393
№ 279. Столицы Гайязадана	397
№ 280. Центры проповѣди несторіанства	413
№ 281. Имперія Хозроя	415
№ 282. Страна Геджры	423
№ 283. Первыя завоеванія арабовъ	429
№ 284. Область религіи Шіатъ-Али	435
№ 285. Мавританія и Сахара	445
№ 286. Карта распредѣленія арабскихъ названій въ Испаніи	448
№ 287. Орографія Испаніи	449

Списокъ чертежей и картъ

		Стр.
№ 288.	Раздѣленіе Испаніи въ XI вѣкѣ	451
№ 289.	Вторженія арабовъ во Францію	453
№ 290.	Хребетъ «Горъ Мавровъ»	455
№ 291.	Главные университеты арабовъ	461
№ 292.	Имперія Карла Великаго	471
№ 293.	Наслѣдственныя земли Каролинговъ	477
№ 294.	Ирландія, Островъ изумрудовъ	483
№ 295.	Перешеекъ полуострова Даніи	489
№ 296.	Область Трондьема и норвежскаго королевства	491
№ 297.	Скандинавія	495
№ 298.	Западные берега Шотландіи	500
№ 299.	Сѣверные берега Шотландіи	501
№ 300.	Набѣги норманновъ на Францію	503
№ 301.	Вторженіе норманновъ въ Россію	507
№ 302.	Исландія, островъ лавы и льдовъ	509
№ 303.	Планъ Альтинга	514
№ 304.	Отдаленныя путешествія норманновъ	517
№ 305.	Пути славянскихъ племенъ по Европѣ	528
№ 306.	Мадьярскія ворота	529
№ 307.	Аквилейя, Градо и Юліанскіе Альпы	543
№ 308.	Владѣнія Григорія VII	547
№ 309.	Клюни и Сито	555
№ 310.	Владѣнія графа Шампани	559
№ 311.	Пути слѣдованія перваго крестоваго похода	575
№ 312.	Христіанскія королевства на Востокѣ	577
№ 313.	Пути крестовыхъ походовъ отъ второго до послѣдняго	579
№ 314.	Страна «убійцъ»	587
№ 315.	Вальденскія долины	591
№ 316.	Латинская имперія и Восточная имперія	597

Списокъ рисунковъ въ текстѣ.

Стр.
Пустыня Лобъ, къ востоку отъ Такла-Маканъ 7
Лу-Ланъ, исчезнувшій городъ въ пустынѣ Лобъ 11
Лупа, найденная въ развалинахъ Лу-Лана 14
Рѣзьба по дереву въ развалинахъ Лу-Лана 15
Священное дерево на кладбищѣ Шигантаурки въ Старомъ Ташкентѣ . . . 19
Древній сосудъ изъ нефрита 23
Лагерь въ монгольской степи 29
Урга или Да-Курэ, столица Монголіи и второй священный городъ буддистовъ 31
Бурятка въ праздничномъ нарядѣ 35
Храмъ съ крышей изъ матеріи, въ Чокъ-чинъ-дуганѣ, въ провинціи Коконуръ, на границѣ Тибета 36
Великая стѣна 37
Пагода въ Мукденѣ 39
Священный камень изъ Тибета 43
Тибетскій всадникъ 47
Тибетскій священный барабанъ и трубы изъ костей человѣка . . . 48
Китайскіе кузнецы 51
Бумажный кредитный билетъ, выпущенный въ царствованіе императора Кунгъ-ву 53
Мостъ въ Нанкинѣ 55
Китайская лавка 65
Магическія зеркала 69
Типичныя ворота китайскаго храма, чрезъ которыя должны проходить вѣрующіе, чтобы попасть въ храмъ 73
Культъ предковъ 77
Юэнъ-юэнъ или Данъ-джинъ, богъ алхиміи въ костюмѣ древняго ученаго . 79
Конфуцій въ царскомъ облаченіи 81
Древніе глиняные сосуды, найденные въ корейскихъ гробницахъ 84
Глиняные сосуды коробокуро, первобытныхъ обитателей Японіи 85
Храмъ въ Камакурѣ, близъ Іокогамы 89
Типы айновъ 93
Японскій крестьянинъ 96
Японецъ-аристократъ 97
Японскія дѣти 98
Крестьянскій домъ близъ Іокогамы 99
Долина Джелама близъ Сринагара 107
Хижина племени тода въ Голубыхъ горахъ (Нильгири) 117
Индусская деревня близъ Калькутты 119
Женщины племени кулу въ верховьяхъ рѣки Біасъ 123
Индусъ 124

ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Человѣкъ и Земля

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ ИСТОРІЯ

Китайскій Востокъ.—Индія. — Отдаленные міры. — Христіане. — Варвары. — Второй Римъ.—Арабы.—Каролинги и норманны. — Рыцари и крестовые походы.

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, приватъ-доцента Имп. СПБ. Университета

П. Ю. ШМИДТА

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Элизе Реклю.

Человѣкъ и Земля.

Географія, по отношенію къ человѣку, не что иное, какъ Исторія въ пространствѣ, точно такъ же, какъ Исторія является Географіею во времени.

Томъ третій.

Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора,
привать-доцента Имп. СПБ. Университета
П. Ю. ШМИДТА.

ИЗДАНІЕ БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
1906.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., № 6.

Книга вторая.

(Продолженіе и окончаніе).

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Китайскій востокъ.—Индія.—Отдаленные міры.

КИТАЙСКІЙ ВОСТОКЪ: ХРОНОЛОГІЯ.

Имена наиболѣе древнихъ властителей Китая—Фу-Ши и Шинъ-Нунъ—являются первыми слѣдами, указывающими на существованіе китайскаго народа, и относятся ко времени, отдаленному отъ начала нашей эры примѣрно на 3000 лѣтъ; принимаемый всѣми историками списокъ китайскихъ императоровъ, группирующихся въ династіи, беретъ свое начало примѣрно на тысячу лѣтъ позже; въ настоящее время мы находимъ на тронѣ Срединной Имперіи представителя уже 22-ой династіи.

Нельзя, разумѣется, претендовать на полную точность хронологическихъ датъ съ самаго начала исторіи Китая; разногласія въ этомъ отношеніи, однако, несравненно менѣе значительны, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда дѣло касается египетскихъ фараоновъ. Хронологическія данныя китайскихъ лѣтописей становятся совершенно достовѣрными, начиная съ эпохи, соотвѣтствующей началу греческой хронологіи,—именно чрезвычайно точное описаніе въ этихъ лѣтописяхъ солнечнаго затменія, время котораго было опредѣлено астрономами, позволяетъ утверждать, что, начиная съ 775 г. до Р. Хр. (первая олимпіада относится къ 776 г.) и вплоть до 1905 г., точность китайскихъ хронологическихъ указаній вполнѣ совершенна.

Въ текстѣ лѣтописей сообщаются свѣдѣнія относительно императора Най-хунъ-ти, имя котораго считаютъ тожественнымъ съ Нахонтомъ Сузіаны; затѣмъ упоминается императоръ Іо и императоръ Хунъ-Земледѣлецъ (около 2250 г. до Р. Хр.),—оба извѣстны болѣе работами по землеописанію и по земледѣлію ихъ министра Ю. Этотъ же самый Ю, усыновленный предшествующимъ императоромъ, начинаетъ собою рядъ классическихъ императоровъ: его династія (Хсійская) занимаетъ китайскій тронъ отъ 2204 г. до 1766 г. до Р. Хр.; за ней слѣдуетъ династія Шанъ, затѣмъ третья династія Чоу остается у кормила правленія въ теченіе 800 лѣтъ (отъ 1123 г. до 249 г. до Р. Хр.), причемъ отъ 841 г. до 827 г., въ теченіе 14 лѣтъ, продолжалось междуцарствіе, извѣстное подъ названіемъ «Мирнаго соглашенія».

Вскорѣ послѣ того жили три знаменитыхъ философа **Лао-цзе** (604—520 г. до Р. Хр.), **Конъ-фу-цзе** (551—479 г. до Р. Хр.) и **Менъ-цзе** (400—314 г. до Р. Хр.),—они явились, слѣдовательно, современниками другихъ великихъ греческихъ и индійскихъ мыслителей.

Подъ конецъ третьей династіи Китай былъ раздѣленъ на отдѣльныя страны, вслѣдствіе существовавшаго въ немъ феодальнаго строя; императоръ Ши-хоанъ-ти (Цзинъ-ши, Шингъ-ти) возстановилъ единство имперіи, озаботился постройкой Великой Стѣны и прославился тѣмъ, что приказалъ уничтожить древнія книги (въ 213 г. до Р. Хр.); по ироніи судьбы династія его просуществовала лишь въ теченіе семи лѣтъ послѣ этого варварскаго дѣянія.

Періодъ пятой (Ханской) династіи является наиболѣе смутнымъ въ исторіи Китая. Тщеславный императоръ Ву-ти царствуетъ съ 140 г. до 86 г. до Р. Хр.; узурпировавшій затѣмъ власть императоръ Вангъ-манъ царствуетъ съ 9 г. до 24 г. по Р. Хр. Немного позднѣе, около 65 г. нашей эры, въ Китай сталъ проникать буддизмъ, создавшій новый циклъ исторіи, котораго надлежитъ коснуться въ одной изъ позднѣйшихъ главъ.

Китайскій Востокъ

> Истинная исторія Срединнаго царства резюмируется въ измѣненіяхъ земельныхъ отношеній и правъ земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю. Различныя политическія событія являются либо естественными слѣдствіями этихъ измѣненій, либо простыми случайностями.

Глава одиннадцатая.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ ЧРЕЗЪ АЗІЮ. — ГОРЫ, ПУСТЫНИ И ИСЧЕЗНУВШІЕ ГОРОДА—НАСЕЛЕНІЕ И ЕГО ЗАНЯТІЯ.—ТРАВЯНИСТЫЯ СТЕПИ, МАНЬЧЖУРІЯ, ТИБЕТЪ.—ПУТЬ БАКОВЪ.—КИТАЙСКІЯ ОБЛАСТИ.—ЛЁССОВЫЯ ПРОСТРАНСТВА. — ХОАНХО И ЯНЪ-ТЗЕ-КІАНЪ. — ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЫ И ИМПЕРАТОРЫ.—СЕМЬЯ, ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ.—КОРЕЯ.—ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЯПОНЦЕВЪ.

Въ то время какъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря разыгрывались описанныя нами историческія событія, въ то время какъ тамъ однѣ народности замѣщали собою другія,—возникали и исчезали города, возникали и исчезали государства, и наблюдались иногда прогрессивное куль-

турное развитіе, иногда явный регрессъ,—въ это время подобная же эволюція совершалась и въ другихъ странахъ нашей планеты,—въ странахъ, остававшихся неизвѣстными историкамъ Греціи и Рима. Современные способы изслѣдованія прошлаго позволяютъ намъ высказывать лишь гипотетическія предположенія относительно событій, происходившихъ на отдаленныхъ островахъ, за обширными морями. Намъ извѣстно лишь, что условія внѣшней географической среды, при всемъ своемъ многоразличіи и при всей своей безпредѣльной сложности, опредѣляли и тамъ жизнь народовъ и государствъ совершенно аналогичнымъ образомъ, какъ при развитіи цивилизаціи въ бассейнѣ Средиземнаго моря.

Полное, продолжавшееся въ теченіе 50 вѣковъ невѣдѣніе народами запада ихъ восточныхъ собратій вполнѣ объясняетъ, какимъ образомъ, послѣ разсказовъ Марко Поло, открывшаго Китай для Европы, могло сложиться представленіе, будто въ теченіе всей исторіи не было никакихъ прямыхъ сношеній между обоими склонами Стараго Свѣта—атлантическимъ и тихоокеанскимъ,—и будто два совершенно различныхъ человѣчества—одно бѣлолицое, другое желтокожее—развивались независимо одно отъ другого и параллельно въ своихъ соотвѣтственныхъ областяхъ. Какихъ бы взглядовъ ни придерживались изслѣдователи на первоначальное происхожденіе человѣчества, они считали долгое время не подлежащимъ сомнѣнію, что обѣ расы были абсолютно независимы одна отъ другой. Изысканія современной науки установили, однако, существованіе ясно намѣченныхъ путей, связывавшихъ западъ съ востокомъ, и на каждомъ изъ этихъ путей оказались очевидные слѣды передвиженія народностей въ ту и другую сторону, иногда передвиженія даже чрезвычайно энергичнаго, несмотря на то, что лѣтописцы тѣхъ временъ о немъ вовсе не упоминаютъ. Далѣе, болѣе глубокое изученіе каждаго изъ народовъ, его легендъ и историческихъ преданій, его нравовъ, обычаевъ и техническихъ пріемовъ позволило установить съ несомнѣнностью прямую связь и взаимное вліяніе другъ на друга народовъ, разсматривавшихся до тѣхъ поръ какъ расы совершенно отдѣленныя одна отъ другой и заключенныя въ строго ограниченной средѣ. Теперь нельзя уже болѣе отрицать существованія первоначальной родственной связи между западнымъ міромъ и китайскимъ востокомъ!

Прежде всего уже изученіе рельефа Азіи показываетъ намъ, что восточный склонъ Стараго Свѣта связанъ облегчающими сообщеніе путями со склономъ западнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ находится въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ, напримѣръ, полуостровъ Индіи, который почти недоступенъ со стороны суши и достижимъ лишь съ моря. Въ прежнія времена Индія находилась въ прямыхъ сношеніяхъ съ Передней Азіей и съ Европой лишь черезъ посредство Бактріаны; пустыни Ирана заставляли путешественниковъ дѣлать большой обходъ

Пустыня Лобъ, къ востоку отъ Такла-Маканъ.
Съ фотографіи Свенъ-Гедина.

по направленію къ сѣверу и дважды пересѣкать горную преграду,—именно на востокѣ, по афганскому пути чрезъ Кабулъ и перевалъ Баміанъ, и на западѣ, чрезъ горный проходъ близъ Мерва и другіе перевалы туркменскаго водораздѣла. По направленію же къ Китаю, наоборотъ, открывается значительное число вполнѣ естественныхъ путей, берущихъ начало въ бассейнахъ Каспійскаго и Аральскаго морей; одни изъ нихъ пересѣкаютъ Памиры, и хотя и доступны, но чрезвычайно затруднительны, другіе же огибаютъ Тянь-Шань и затруднительны лишь тѣмъ, что протяженіе ихъ очень велико. Съ этой сѣверной стороны, по степямъ, путь является достаточно открытымъ для прохожденія цѣлыхъ народностей.

На югѣ, на первый взглядъ, могло бы показаться, что грандіозные барьеры, представляемые Памирами, достаточны для преграждения всякаго прямого сношенія между западомъ и востокомъ Азіи. Здѣсь горные хребты какъ бы связаны въ узелъ; они нагромождены одинъ на другой, стиснуты, перемѣшаны съ боковыми отрогами, такъ что образуютъ колоссальную стѣну, тянущуюся на протяженіи тысячи километровъ съ юга на сѣверъ, отъ равнинъ Пенджаба до степей Ферганы. Въ этой части континента, до начала современной эпохи, въ теченіе которой выработаны способы и удобства передвиженія, неизвѣстныя ранѣе, пересѣченіе страны по направленію меридіана никогда не могло быть выполнено. Здѣсь тянется столько хребтовъ, застилающихъ горизонтъ своими скалами и ледниками, что даже птицы во время своихъ воздушныхъ путешествій не пересѣкаютъ эти хребты по прямому направленію, а огибаютъ ихъ съ юго-востока. Однако, въ направленіи поперечномъ, именно съ востока на западъ, изъ долинъ притоковъ Оксуса въ долины Тарима, можно все же рискнуть пробраться въ благопріятное время года, такъ какъ промытыя водою рѣчныя долины, съ той или другой стороны, прорѣзаютъ массивъ горнаго плато, средняя ширина котораго въ этихъ областяхъ колеблется около 500 километровъ.

Для значительныхъ народныхъ массъ снѣжныя пространства Памира, усѣянныя озерами и пересѣченныя моренами, были всегда непреодолимой преградой даже въ лѣтнее время,—природа тамъ слишкомъ сурова, вѣтры слишкомъ сильны, и немногочисленные пастухи, пасущіе тамъ свои стада, обладаютъ совершенно недостаточными рессурсами для того, чтобы позволить прокормиться пришельцамъ. Но, хотя высоты эти должны были бы казаться населенію равнинъ областями холода и смерти, отважные путешественники все же пускались чрезъ ихъ ледяныя пустыни; они даже принуждены были рисковать такимъ образомъ, такъ какъ между обоими склонами Памира, безо всякаго сомнѣнія, существовало извѣстное взаимное притяженіе. Пастухи, странствовавшіе по нагорнымъ лугамъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, находили по ту и по другую сторону склона, у выходовъ ущелій, густо населенныя страны, деревни и даже города, и жители послѣднихъ, быть-можетъ, именно чрезъ посредство этихъ пастуховъ находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ. Наилучшимъ доказательствомъ существованія сношеній является то, что по обоимъ противоположнымъ склонамъ Памира населеніе, повидимому, одного и того же происхожденія. Несмотря на то, что въ теченіе вѣковъ оно въ той или въ другой своей части измѣнилось, по обѣ стороны Памира оно претерпѣло совершенно одинаковую эволюцію своихъ нравовъ, своего языка и всей своей цивилизаціи. Въ самыя первыя времена историческаго періода долины къ востоку и къ западу отъ Памира, равно какъ и прилежащія равнины были населены арійцами, т.-е. индо-европейцами,

тогда какъ въ настоящее время обитатели этихъ мѣстъ, главнымъ образомъ, тюрко-монголы, занимающіе какъ русскій Туркестанъ (Хиву, Бухару,

№ 208. Рельефъ Центрально Азіи.

Фергану и т. д.), такъ и Туркестанъ китайскій (Кашгарію или бассейнъ Тарима); на обоихъ склонахъ, впрочемъ, находятся и теперь еще арійскія,

племена или сильно смѣшанныя «татарскія» народности [1]). Высокій водораздѣлъ между востокомъ и западомъ отнюдь не былъ, слѣдовательно, непреодолимой преградой для различныхъ народовъ и для ихъ цивилизаціи.

По единодушному свидѣтельству всѣхъ обитателей, по историческимъ документамъ и по слѣдамъ, оставленнымъ усохшими нынѣ водными потоками, кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что въ наше время въ центральной Азіи замѣчается постепенное усыханіе водоемовъ, быть-можетъ, соотвѣтствующее окончательному усыханію всей земной поверхности или же представляющее собою одинъ изъ тѣхъ періодовъ климатическихъ колебаній, которые обнимаютъ многія тысячелѣтія. Чѣмъ бы ни обусловливалось это загадочное явленіе—одна изъ наиболѣе сложныхъ задачъ, представляющихся географамъ—, можно утверждать все же съ совершенной положительностью, что въ отдаленныя времена передвиженіе народностей чрезъ водораздѣлъ, въ ту и въ другую сторону, совершалось несравненно энергичнѣе, чѣмъ то было бы возможно въ наше время. Бассейнъ Тарима, до сихъ поръ играющій большое значеніе въ качествѣ пути сообщенія, былъ въ прежнія времена гораздо гуще населенъ, чѣмъ теперь, и представлялъ, слѣдовательно, въ несравненно бо̀льшемъ изобиліи средства для существованія и для шедшей чрезъ азіатскій водораздѣлъ торговли востока съ западомъ.

Свенъ-Гединомъ и другими современными путешественниками было открыто много разрушенныхъ городовъ среди сыпучихъ песковъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ теперь человѣкъ совершенно не могъ бы существовать. Часто переселеніе жителей и оставленіе ими на произволъ судьбы своего города могло, правда, обусловливаться перемѣщеніемъ теченія рѣкъ; но въ такомъ случаѣ города эти возникали бы снова въ другихъ мѣстностяхъ. Дѣло въ томъ, однако, что многія рѣки, берущія начало въ Куэнъ-Лунѣ, пересохли совершенно; Керья-Дарья, напримѣръ, которая снабжала ранѣе водою огромные, многолюдные города, имѣвшіе по нѣскольку километровъ въ окружности, течетъ теперь по долинѣ лишь въ продолженіе незначительной части года, и по среднему теченію ея, тамъ, гдѣ было нѣкогда огромное населеніе, воды такъ мало, что лишь нѣсколько семей пастуховъ имѣетъ возможность напоить свои стада.

Разрушенный городъ, которому каравановожатые даютъ названіе Такла-Маканъ, первый изъ городовъ, найденныхъ въ этой пустынѣ, содержалъ тысячное населеніе. Судя по предметамъ, какіе были въ немъ открыты,—по рѣзьбѣ по дереву, по статуэткамъ и живописи,—можно за-

1) Grenard. «Mission Scientifique dans la Haute Asie». Société de Géogr. Séance de janv. 1899.

Лу-Ланъ, исчезнувшій городъ въ пустынѣ Лобъ.

Съ фотографіи Свенъ-Гедина.

ключить, что эти «азіатскія Помпеи» имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, тысячелѣтнюю древность,—по всей вѣроятности, этотъ городъ существовалъ до мусульманскаго вторженія, имѣвшаго мѣсто въ VIII вѣкѣ, и населеніе его исповѣдывало буддійскую вѣру: многія найденныя въ немъ изображенія людей—несомнѣнно арійскаго типа, столь же ясно выраженнаго, какъ у персовъ; на другихъ изображеніяхъ замѣчается желтая полоса у основанія носа, какъ у индусовъ. Колеса повозокъ, найденныя въ пескѣ пустыни, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ прежнія времена по этой странѣ были проведены колесныя дороги [1]). По изслѣдованіямъ американскихъ ученыхъ, здѣсь смѣняли одна другую цѣлый рядъ народностей, послѣдовательно погибавшихъ по мѣрѣ постепеннаго отступанія прѣсныхъ водъ по направленію къ Куэнъ-Луню и по мѣрѣ подпаденія ихъ дѣйствію губительнаго сѣверо-восточнаго вѣтра; послѣдній изъ городовъ былъ покинутъ всего лишь 60 лѣтъ тому назадъ [2]).

Далѣе къ востоку, въ преддверіи того обширнаго горнаго цирка, который окружаетъ Кашгаръ правильною стѣною вышиной болѣе 2000 метровъ и который населенъ лишь по окраинамъ на протяженіи 50—100 километровъ въ ширину, Свенъ-Гединомъ былъ найденъ другой городъ,—по обрывкамъ, покрытымъ письменами, найденными въ развалинахъ, можно заключить, что это городъ Лу-Ланъ, названіе котораго извѣстно было до сихъ поръ лишь изъ китайскихъ книгъ,—его искали значительно сѣвернѣе настоящаго его положенія. Лу-Ланъ находится на прежнемъ берегу Лобъ-Нора, этого постоянно мѣняющаго свое мѣстоположеніе водоема, который современными путешественниками отмѣчается примѣрно на 100 километровъ далѣе къ югу, чѣмъ его указывали китайскіе географы 1000 лѣтъ тому назадъ. Географическія условія страны, слѣдовательно, кореннымъ образомъ измѣнились; двѣ-три постройки изъ кирпичей, тополевыя бревна, засыпанныя пескомъ, монеты и различныя другія мелкія издѣлія, обрывки исписанной бумаги и палочки, покрытыя буквами,—вотъ все, что осталось отъ Лу-Лана, процвѣтавшаго 15 вѣковъ тому назадъ [3]). Въ наше время вѣтеръ настолько оголилъ всѣ окрестности, что тщетно приходится искать клочка земли, покрытаго растительностью.

Наконецъ, въ Турфанѣ и въ его окрестностяхъ раскопки Грюнведеля и фонъ-Лекока обнаружили также присутствіе глиняныхъ предметовъ, обломковъ статуй, фресокъ и надписей, на основаніи которыхъ можно утверждать, что эти области центральной Азіи подвергались греческому и индійскому вліянію [4]).

---

1) Sven-Hedin. «Trois ans de Luttes aux Déserts d'Asie», trad. Rabot, pp. 147—153. 2) Petermann's Mittheilungen, 52, III, p. 71.—3) Sven-Hedin. «Dans les sables de l'Asie», pp. 313 ss.—4) La Géographie, XIII, 3, p. 234.

Судя по всѣмъ этимъ находкамъ, пути, ведущіе черезъ Памиры изъ одной равнины въ другую, въ прежнія времена посѣщались часто торговцами; благодаря тѣмъ вѣхамъ, которыя остались на этихъ древнихъ путяхъ до нашего времени, географы имѣютъ возможность приблизительно намѣтить ихъ направленіе. Не подлежитъ прежде всего сомнѣнію, что важнѣйшимъ этапомъ одного изъ такихъ древнихъ путей

Лупа, найденная въ развалинахъ Лу-Лана.

Съ фотографіи Свенъ-Гедина.

являлись залежи нефрита, камня, до сихъ поръ считающагося китайцами драгоцѣннымъ, но пользовавшагося еще бóльшей славою въ до-историческія времена. Китайскія лѣтописи упоминаютъ нерѣдко страну Хотанъ, т.-е. юго-западный уголъ равнины, пересѣкаемой Таримомъ, и прославляютъ столицу этой страны Ю-Тіанъ за ея богатство «ю», т.-е. нефритомъ, который собираютъ тамъ по берегамъ трехъ сливающихся между собою рѣкъ, которыя вытекаютъ изъ Куэнъ-Луня; эти три рѣки были извѣстны подъ названіемъ рѣкъ Бѣлаго, Чернаго и Зеленаго Нефрита,—древнія китайскія наименованія эти отчасти сохранились и въ современныхъ тюркскихъ названіяхъ [1]).

Извѣстно, что магическія свойства, приписываемыя нефриту, дѣлали его драгоцѣнностью, за которую щедро платили повелители не только Китая, но и странъ запада: сдѣланные изъ нефрита топоры, которые

1) Abel Rémusat. «Histoire de la Ville de Khotan».

Рѣзьба по дереву въ развалинахъ Лу-Лана.

Съ фотографіи Свенъ-Гедина.

находятся въ могилахъ каменнаго вѣка, защищали героевъ при жизни во время битвъ, послѣ же смерти, въ теченіе долгихъ вѣковъ покоя и безмолвія, должны были защищать ихъ противъ злыхъ духовъ. Именно изъ Хотана происходилъ наиболѣе драгоцѣнный сортъ нефрита,—бѣлый нефритъ, который въ прежнія времена распространялся торговцами до самыхъ отдаленныхъ странъ: такимъ образомъ, высокая долина Тарима, гдѣ добывали эти замѣчательные камни, долина, расположенная на половинѣ пути между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, являлась важ-

нымъ центромъ торговли. Въ ту эпоху, когда страна была еще густо населена и служила мѣстомъ свиданій торговцевъ, приходившихъ изъ дальнихъ областей, добываніе нефрита, производившееся послѣ каждаго половодья, открывалось обыкновенно повелителемъ страны, какъ религіозная церемонія, и самые лучшіе куски камня должны были доставляться въ его сокровищницу. Производилась также и непосредственная разработка скалъ сіенита и слюдяного сланца для извлеченія находящихся въ нихъ жилъ нефрита,—промышленность, которая, быть-можетъ, еще когда-нибудь возобновится въ будущемъ.

Историческій путь, ведущій отъ торговаго центра Хотана на западъ, можно въ общихъ чертахъ возстановить безъ особаго труда. Этотъ западный путь, который можно было бы назвать «путемъ нефрита», беретъ свое начало отъ другого пути, ведущаго по долинѣ, которая носитъ и теперь еще тюркское названіе Кара-Катъ или «Черный нефритъ»; отъ этой долины тотъ путь поднимается на страшный перевалъ черезъ Кара-Корумъ (5568 метровъ), чтобы спуститься затѣмъ въ долину Инда. «Путь нефрита» тянется на западъ и на сѣверо-западъ вдоль подошвы горъ до той мѣстности, гдѣ находится городъ Яркандъ, важный торговый рынокъ, посѣщавшійся во всѣ времена и посѣщаемый и донынѣ китайцами и монголами Дальняго Востока, обитателями Кашмира и Индіи, арійцами и представителями странъ, лежащихъ за Памиромъ; тамъ въ прежнія времена собиралось до 5000 жителей западныхъ долинъ, которые, чтобы попасть туда, должны были, безъ сомнѣнія, пересѣкать «Крышу міра» [1]—Памиръ. Отъ Ярканда путь купцовъ огибалъ съ южной стороны массивъ Мустагъ-ата, господствовавшій надъ всей окрестностью, пересѣкалъ многочисленныя долины и промежуточные хребты, не вступая ни въ одно изъ продольныхъ ущелій, проходилъ мимо многочисленныхъ «Ташъ-Кургановъ», т.-е. «кучъ камней», которыми усѣяна эта мѣстность, и дѣлился затѣмъ на три вѣтви, спускаясь къ западу по различнымъ ущельямъ, прорытымъ притоками Оксуса; далѣе онъ вступалъ въ Бактріану.

Къ сѣверу отъ Памира имѣется другой естественный путь, намѣченный еще гораздо яснѣе, чѣмъ путь южный, и точно также соединяющій оба склона Стараго Свѣта. Онъ проходитъ по долинѣ, которая открывается широкимъ желобомъ по направленію къ востоку, между двумя параллельными хребтами—Алайскимъ на сѣверѣ и Заалайскимъ на югѣ; по этой долинѣ онъ поднимается до обширной равнины, находящейся на высотѣ 3000 метровъ и не раздѣляющейся никакимъ сколько-нибудь замѣтнымъ водораздѣломъ. Обѣ рѣки, направляющіяся одна на востокъ,

---

1) Forsyth. «From Leh to Yarkand».

другая — на западъ, носятъ одно и то же названіе—Кизылъ-Су, т.-е.

№ 209. Путь нефрита и путь шелка.

1 : 7500000

0 100 250 500 килом.

П. П.—укрѣпленіе Памирскій постъ (см. стр. 20), находящееся въ томъ мѣстѣ, гдѣ одно изъ отвѣтвленій пути нефрита пересѣкаетъ р. Мургабъ, притокъ Оксуса.

Названіе наивысшей вершины Каракорума—Дапсангъ—горы, которая лишь на 200 метровъ ниже самой высокой точки земного шара—исчезло съ нѣкоторыхъ современныхъ картъ и замѣнено названіемъ «гора Годуэнъ-Аустена»; мы предпочитаемъ, однако, сохранить прежнее названіе, пока не будетъ установлена общепризнанная номенклатура.

«Красная вода»,—оно обусловливается краснымъ цвѣтомъ увлекаемаго ими наноса. Восточная Кизылъ-Су вступаетъ на равнину въ той мѣстности, гдѣ теперь находится городъ Кашгаръ,—центральный населенный пунктъ, намѣченный самою природою, какъ мѣсто встрѣчи различныхъ народовъ. Другіе естественные пути присоединяются къ этой дорогѣ, выходящей изъ Алайской ложбины.

Въ соотвѣтствіи съ перемѣщеніемъ міровыхъ центровъ на западѣ торговое движеніе между обоими склонами Азіи переносилось изъ Кашгара то по направленію къ долинѣ обѣихъ Кизылъ-Су, то еще далѣе на сѣверъ, гдѣ оно шло чрезъ перевалы, сообщающіе Фергану или долину верховьевъ Яксарта съ бассейномъ Тарима. Въ теченіе историческаго періода дорогой наиболѣе посѣщаемой и была, повидимому, та, которая идетъ чрезъ Терекъ-Даванъ и присоединяется къ долинѣ верховьевъ восточной Кизылъ-Су. Естественныя богатства Ферганы составляли особую приманку для торговцевъ, и потому во всѣхъ лѣтописяхъ единогласно этотъ проходъ указывается какъ путь, по которому съ самой глубокой древности шли на западъ китайскіе шелка. Если южный памирскій путь можетъ быть названъ «Путемъ нефрита», то путь черезъ Терекъ-Даванъ является «Путемъ шелка» по преимуществу. Даже и теперь еще, несмотря на то, что всѣ условія торговли измѣнились, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и морскому пароходству, русскіе, тѣмъ не менѣе, ввозятъ въ свои предѣлы китайскіе шелка именно чрезъ этотъ горный проходъ.

Путь черезъ Терекъ-Даванъ, по даннымъ Костенко, не превышаетъ на самой высокой точкѣ 3140 метровъ (по Регелю—3861 метръ); онъ настолько легко доступенъ, что съ обѣихъ сторонъ, какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Китая, его пришлось защитить укрѣпленіями. До извѣстной степени путь этотъ послужилъ также и въ качествѣ пути прохожденія переселенцевъ, такъ какъ во время китайскаго завоеванія Кашгаріи въ серединѣ XVIII вѣка тюркскія войска бѣжали чрезъ этотъ прорывъ въ горахъ на западъ. Не всѣ изъ воиновъ, однако, достигли противоположнаго склона,—груды труповъ нагромоздились среди снѣговъ перевала [1]).

Городъ Ошъ, находящійся на берегу одного изъ притоковъ Яксарта, обязанъ своему положенію на міровомъ пути тѣмъ, что онъ считался въ древности столицей Сулеймана или Соломона, царя-волшебника, обладавшаго несмѣтными сокровищами и управлявшаго небесными и земными духами. Воспоминанія о нѣкогда существовавшей здѣсь богатой торговлѣ сохранились и до сихъ поръ, переродившись въ курьезныя преданія,

1) Ch. de Ujfalvy. Bull. de la Soc. de Géogr., juin 1878.

Священное дерево на кладоищѣ Шитантаурки въ Старомъ Ташкентѣ.

вращающіяся около имѣющейся здѣсь четырехвершинной скалы, которую называютъ «трономъ» или «могилой» Соломона.

Въ наши дни единственной колесной дорогой этой страны является та, постройка которой сдѣлалась необходимой вслѣдствіе завоеванія Туркестана русскими и потребности защищать границы, — эта дорога

проходитъ по тѣмъ же мѣстамъ, какъ прежній торговый путь, именно тянется отъ Оша до Памирскаго поста, проходя чрезъ три высокихъ хребта горъ,—она пересѣкаетъ Алайскій хребетъ Талдыкскимъ переваломъ (3540 метровъ), Заалайскій хребетъ—Кизылъ-Артскимъ (4270 метровъ) и третій хребетъ—Акбайтальскимъ переваломъ (4682 метра [1]).

Къ востоку отъ Кашгара, къ великому міровому пути, тянущемуся здѣсь на протяженіи примѣрно 2000 километровъ вдоль южнаго основанія горъ, присоединяются другія дороги, идущія изъ степей западнаго Туркестана и пересѣкающія или огибающія многочисленные хребты Тянь-Шаня. Одна изъ этихъ дорогъ носитъ китайское названіе Тянь-Шань-Нанъ-Лу, т.-е. «Южная дорога Небесныхъ горъ», и является чрезвычайно важной въ историческомъ отношеніи; въ лѣтописяхъ она нерѣдко упоминается какъ «Императорская дорога». Это, дѣйствительно, путь, которымъ непремѣнно должны были слѣдовать всѣ народы и всѣ арміи, направлявшіяся изъ Китая въ амфитеатръ горъ, замыкаемый съ востока Памиромъ. На востокѣ Императорская дорога прерывается сыпучими песками, болотами и солончаками; на западѣ она расщепляется на два параллельныхъ пути, которые направляются на сѣверъ, пересѣкаютъ Тянь-Шань, придерживаясь общаго направленія съ запада на востокъ. Въ промежуточныхъ долинахъ находятся тучныя пастбища, гдѣ скоплялись нерѣдко милліонны людей и милліоны вьючныхъ животныхъ, двигавшіеся при великихъ переселеніяхъ народовъ съ одного конца Стараго Свѣта на другой. Чтобы попасть изъ одной долины въ другую, приходится пользоваться перевалами, которые болѣе или менѣе трудно доступны, но, тѣмъ не менѣе, служили нерѣдко еще въ историческія времена для перехода значительныхъ народныхъ массъ. Нѣкоторые изъ этихъ переваловъ считаются особенно опасными благодаря присутствію глетчеровъ, изобилующихъ трещинами, и благодаря снѣжнымъ лавинамъ,—по нимъ проходятъ лишь рѣдкіе путешественники. Такимъ переваломъ является, напримѣръ, Музартскій [2]), надъ которымъ на западѣ царитъ грандіозный Ханъ-Тенгри, т.-е. «Царь Небесъ». Другія долины, напротивъ, чрезвычайно привлекательны, такъ какъ склоны ихъ не такъ круты и покрыты травянистыми пространствами,—между ними особенно замѣчателенъ перевалъ, соединяющій долину рѣки Или съ бассейномъ рѣки Юлдузъ (т.-е. «звѣзда»), — рѣка эта получила такое названіе за красоту своихъ пастбищъ, и пролегающій по ея долинѣ путь очень часто служилъ для передвиженія кочевымъ народностямъ. Въ этой области настолько легко передвигаться съ одного склона горъ на другой, что до-

1) Sven Hedin. Dans les Sables de l'Asie», p. 8. 2) По Костенко, 3300 метровъ высоты надъ уровнемъ моря; Ханъ-Тенгри—7320 метровъ.

лины верховьевъ Или, такъ называемый Кульджинскій районъ, несмотря

№ 210. Тянь-Шань, Кульджа и Турфанъ.

1 : 7 500 000

0 100 200 400 килом.

на свое положеніе по ту сторону водораздѣла, отдѣляющаго Китай отъ Россіи, находятся все же во владѣніи Срединной имперіи.

Кульджинскіе перевалы являются первыми проходами чрезъ сѣверный барьеръ горъ, отдѣляющій Кашгарію, которые даютъ достаточно легкій доступъ чрезъ водораздѣлъ, — потому они служили великими путями переселенія народовъ. Всѣ перевалы, расположенные далѣе къ югу, перевалы черезъ Памиръ и Тянь-Шань, «путь нефрита» и «путь шелка», равно какъ и всѣ боковыя ихъ отвѣтвленія, могли всегда служить для передвиженія лишь купцовъ, пилигримовъ и миссіонеровъ. Это были пути, по которымъ двигались торговля и цивилизація, тогда какъ Кульджинскій путь и въ особенности путь, огибающій Тянь-Шань съ сѣвера, являлись путями переселенія народовъ и путями вторженія воинственныхъ племенъ.

Этотъ послѣдній путь, Тянь-Шань-Пе-Лу, т.-е. «сѣверный путь Небесныхъ горъ», представляетъ собою одну изъ характерныхъ чертъ строенія Стараго Свѣта. Въ этой части континента открываются два широкихъ отверстія чрезъ ту ограду высокихъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, которые подъ различными названіями и въ различныхъ направленіяхъ тянутся отъ Памира и Тянь-Шаня до сѣверо-восточной оконечности Азіи. Этими двумя проходами тотъ склонъ континента, который обращенъ къ Ледовитому океану, сообщается съ Ханъ-Хаемъ китайцевъ, съ древнимъ внутреннимъ моремъ [1]), простиравшимся нѣкогда между Куэнъ-Лунемъ и Алтаемъ и покрывавшимъ пустыни Гоби и Такла-Маканъ; озера Лобъ-Норъ, Баграшъ-Куль, Эби-Норъ и другія впадины, содержащія водоемы или уже осохшія, равно какъ болотистыя пространства и солончаки, съ выступающей на поверхности солью, являются теперь слабыми слѣдами этого прежняго моря. Оба прохода, о которыхъ мы говоримъ, были настоящими морскими проливами и до нѣкоторой степени сохранили видъ таковыхъ даже и донынѣ.

Южный проходъ, представляющій собою собственно Тянь-Шань-Пе-Лу, имѣетъ въ ширину 200 километровъ,—онъ находится между Джунгарскимъ Алатау, однимъ изъ хребтовъ Тянь-Шаня, и параллельнымъ ему хребтомъ Тарбагатая. Многочисленныя впадины и озера, разбросанныя въ степи, производятъ вполнѣ впечатлѣніе остатковъ древняго моря, а скалистыя сѣроватыя горы поднимаются среди нихъ какъ настоящіе острова. Въ низменныхъ частяхъ въ началѣ прохода почва поднимается надъ уровнемъ моря всего лишь на 200—250 метровъ, но затѣмъ по направленію къ востоку долина становится выше и суживается въ корридоръ, который между горами Баркулъ и послѣдними восточными отрогами Тянь-Шаня достигаетъ 1200 метровъ высоты.

---

1) Richthofen. «China».

Сѣверный проходъ открывается между Тарбагатаемъ и Алтаемъ широкой долиною, по которой извивается рѣка Улунгулъ (Урунгу), главный притокъ могущественной водной артеріи, представленной въ Сибири Чернымъ Иртышемъ, Иртышемъ и Обью; путь, проходящій по этому прорыву, присоединяется къ предыдущему пути, огибая горы Баркулъ съ сѣвера и съ востока.

Область этихъ вратъ, ведущихъ въ Китай, имѣетъ общую форму

Древній сосудъ изъ нефрита.

Сосудъ этотъ, сдѣланный 3000—4000 лѣтъ тому назадъ, вырѣзанъ и отполированъ камышомъ и наждакомъ, тогда какъ новѣйшія произведенія такого рода изготовлены уже металлическими инструментами. Нефритъ, изъ котораго сосудъ этотъ сдѣланъ, краснаго цвѣта вслѣдствіе присутствія желѣзныхъ окисловъ,—такой нефритъ называется обыкновенно «чернымъ», на самомъ же дѣлѣ чернаго нефрита не существуетъ 1).

воронки, направленной узкимъ концомъ къ востоку; она значительна по своимъ размѣрамъ и содержитъ достаточно обширныхъ травянистыхъ пространствъ, на которыхъ могутъ жить многочисленныя кочевыя пастушескія народности и даже народности земледѣльческія. Въ различные историческіе періоды милліоны людей обитали мирно въ этой странѣ. Неоднократно также жители страны изгонялись и нерѣдко даже уничтожались ордами завоевателей-гунновъ, монголовъ, тюрковъ или джунгаровъ. Эта брешь между Тянь-Шанемъ и Алтаемъ расположена столь благопріятно въ преддверіи всѣхъ обильныхъ пастбищами странъ внутренней части континента, что мощные потоки народныхъ массъ, охваченные воинственнымъ пыломъ и стремящіеся къ захвату плодородныхъ областей, изливались неизбѣжнымъ образомъ именно здѣсь, подобно тому какъ ранѣе здѣсь же прорывались воды Ханъ-Хая. Ни одна изъ странъ не имѣла большого значенія въ смыслѣ направленія приливовъ и отливовъ народныхъ массъ, какъ этотъ прорывъ въ горахъ!

---

1) Emile Guimet. Note manuscrite.

Контрастъ между широкимъ двойнымъ проходомъ, по которому могли свободно передвигаться цѣлыя народности, и головокружительными тропинками, ведущими черезъ Памиры и позволяющими пробираться лишь торговцамъ и миссіонерамъ, невольно бросается въ глаза. Чрезъ Памиръ цивилизація могла распространяться лишь тонкими струйками или сбѣгать капля за каплей; здѣсь же подготовлялись и разыгрывались грандіознѣйшія событія!

Всѣ эти внѣшніе пути, ведущіе въ Китай,—пути, извѣстные подъ названіемъ Тянь-Шань-Нанъ-Лу и Тянь-Шань-Пе-Лу, «пути шелка» и «нефрита», и даже путь, пролегающій чрезъ Тибетъ, сходятся въ той области, гдѣ Желтая рѣка, эта основная водная артерія Китая, выходитъ изъ долинъ великихъ горъ и направляется въ области, слабо наклоненныя къ морю, въ тѣ обширныя равнины, гдѣ возникъ настоящій Китай. Внутренними вратами Срединной имперіи, которыми пользовались съ незапамятныхъ временъ торговцы, былъ длинный корридоръ, расположенный чрезвычайно своеобразно; въ мирныя времена проходить имъ было чрезвычайно легко, во времена же войнъ и набѣговъ его столь же легко было преградить. Путь проходитъ въ этой мѣстности вдоль сѣвернаго склона Нанъ-Шаня, хребта, отдѣляющагося отъ Куэнъ-Луня; съ сѣвера же здѣсь простираются негостепріимныя степи, наносные холмы песка и болотистыя пространства,—ими суживается пригодная для культуры полоса земли, по которой расположились города и деревни, и устроилось все осѣдлое населеніе. Граница пустынь, окаймляющая здѣсь съ сѣвера зеленую полосу культурныхъ земель, была еще болѣе рѣзко обозначена искусственно сложенной изъ глины стѣною, которая въ этихъ областяхъ Китая являлась продолженіемъ Великой Стѣны. Здѣсь находится наиболѣе далеко выдвинутый впередъ бастіонъ той колоссальной крѣпости, какую по мысли императора Ши-Хоанъ-Ти и его послѣдователей должна была образовать Китайская имперія.

Здѣсь Китай, на самомъ дѣлѣ, располагаетъ естественнымъ русломъ, въ которое должны были поступать всѣ элементы, являющіеся съ запада, т.-е. изъ Передней Азіи и Европы, и преодолѣвающіе ту грань, которая раздѣляетъ Старый Свѣтъ на двѣ половины. Ни одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ, играющихъ роль въ общей экономической жизни земного шара, не намѣченъ болѣе явственно: именно въ этой мѣстности должно было совершаться во всѣ времена то смѣшеніе и соединеніе различныхъ элементовъ и принциповъ, изъ котораго слагается, мало-по-малу, міровая цивилизація,—правда, оно совершалось почти всегда вполнѣ безсознательно и незамѣтно для отдѣльныхъ личностей!

Въ этой мѣстности на берегахъ Желтой рѣки возникъ городъ, извѣстный въ настоящее время подъ названіемъ Ланъ-Чеу, т.-е. «долина зелени»; онъ располагается въ плодородной равнинѣ и превосходно за-

щищенъ укрѣпленными выступами горъ. У него сходится множество дорогъ, между прочимъ, и пути, которые идутъ по плодороднымъ равни-

№ 211. Врата нефрита.

На картѣ замѣтно большое число впадинъ: озеро Куку-Норъ, огромный Цайдамъ, величиною съ Швейцарію, озеро Лобъ-Норъ, раздѣленное на нѣсколько водоемовъ, Хами и др.

Наиболѣе замѣчательной изъ этихъ впадинъ является та, которая находится на югѣ Турфана (карта № 210); поверхность озера на 130 метровъ ниже уровня моря.

намъ замѣчательнаго озера Куку-Нора, т.-е. «Синяго моря», и пути, направляющіеся по верхнему теченію Хоанхо и вдоль параллельныхъ

складокъ Куэнъ-Луня въ восточный Тибетъ; вслѣдствіе такого схожденія путей здѣсь возникаетъ возможность обмѣна чрезвычайно разнообразныхъ товаровъ, обмѣна продуктовъ горныхъ странъ съ таковыми равнинныхъ. Какъ ни значительны, однако, для торговли всѣ эти пути, они все же не могутъ сравниться по своему историческому значенію съ главнымъ сѣверо-западнымъ путемъ,—тамъ въ проходѣ Ю-Мынъ, т.-е. «врата нефрита», въ проходѣ, представляющемъ собою настоящее горлышко бутылки, соединяются всѣ дороги, пересѣкающія Памиръ и Тянь-Шань или огибающія съ сѣвера эту горную систему. Въ этомъ корридорѣ вдоль пыльной дороги слѣдуетъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ городовъ, по внѣшности уже совершенно китайскихъ; они располагаются на высотѣ примѣрно 1500 метровъ, которая подъ этими широтами между 40 и 45 параллелью является наилучшей въ смыслѣ легкости путешествія.

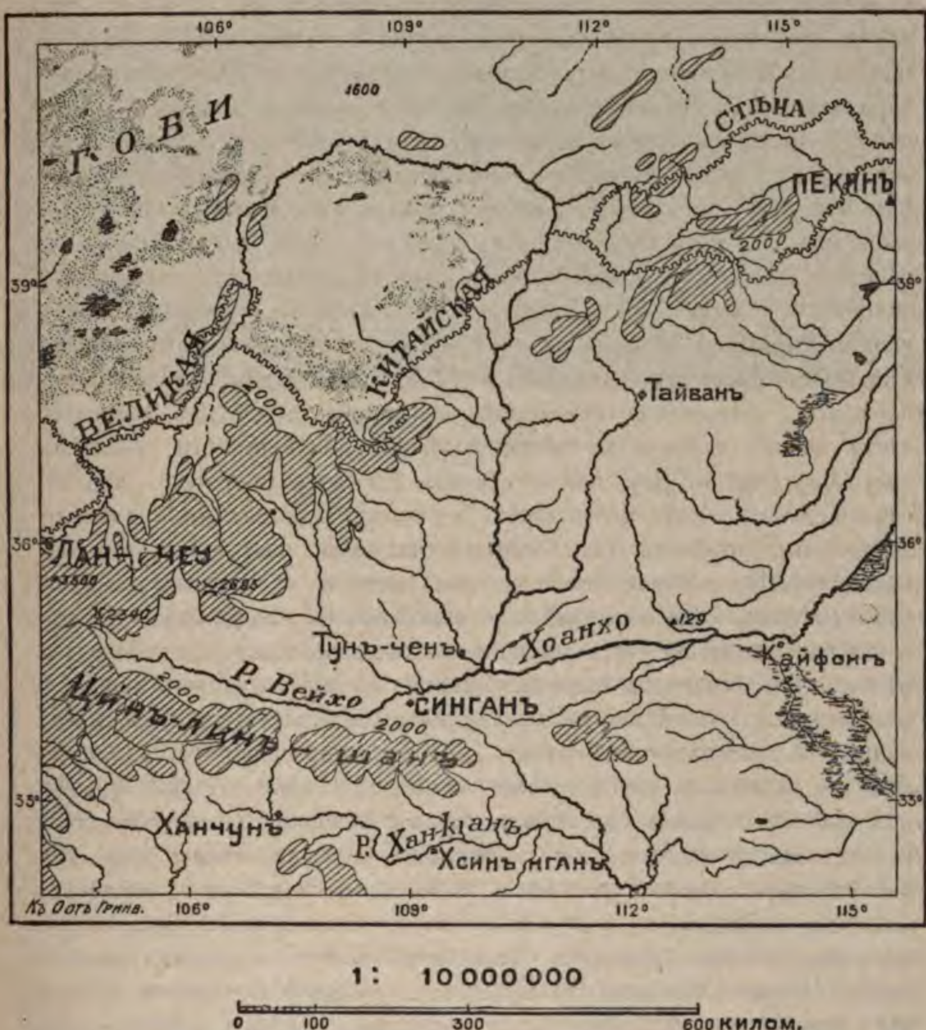
Городъ Ланъ-Чеу, расположенный столь удивительно выгодно, въ смыслѣ сходящихся у него путей, идущихъ съ запада, столь же благопріятенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ качествѣ точки отправленія путей внутрь Китая. Въ восточной половинѣ историческаго пути приходится преодолѣть лишь очень небольшія препятствія: относительно легкій подъемъ на высоту нѣсколько сотъ метровъ ведетъ отъ города Ланъ-Чеу на перевалъ, который пересѣкаетъ горный хребетъ, отдѣляющій верховья Желтой рѣки отъ верховьевъ рѣки Вейхо. Эта послѣдняя по своему правильному направленію съ запада на востокъ и по формѣ желоба, въ которомъ она течетъ, представляетъ въ сущности главную и основную вѣтвь рѣки Хоанхо; она является настоящимъ базисомъ, къ которому присоединяется цѣлая сѣть путей, пересѣкающихъ Китай по всѣмъ направленіямъ, тогда какъ сама рѣка Хоанхо дѣлаетъ огромный крюкъ среди пустынь сѣвера, въ областяхъ, незащищенныхъ Великой Стѣною, ограждавшей земледѣльцевъ отъ нападеній, и потому предоставленныхъ кочевому населенію.

Ни въ одной области земного шара взаимное пересѣченіе путей не начертано болѣе яснымъ образомъ и на болѣе обширномъ пространствѣ; ни въ одной области оно не сохранилось въ одной и той же формѣ въ теченіе болѣе длиннаго ряда вѣковъ, благодаря полному приспособленію человѣка къ природѣ. Какъ показываетъ безконечно длинная исторія китайскаго народа, между человѣкомъ и окружающей его средою установилась здѣсь совершеннѣйшая гармонія.

Какія же народности обитали въ этихъ странахъ, соединяющихъ два центра древней цивилизаціи, западный и восточный, до начала той эпохи, когда исторія набросала уже передъ нами кое-какія расплывчатыя очертанія эволюціи человѣчества въ этой части земного шара? Прежде всего должно замѣтить, что восточный склонъ, обращенный къ Тихому

океану, вся эта колоссальная территорія, заключенная между раздѣляющими континентъ высотами Памира и настоящимъ Китаемъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ равнинъ, степей, высокихъ травянистыхъ долинъ, въ которыхъ дожди рѣдки и не обильны; земледѣліе тамъ совершенно

№ 212. Рѣка Хоанхо отъ города Ланъ-Чеу до Кайфона.

немыслимо иначе, какъ по берегамъ рѣкъ, и почти волей-неволей общимъ всему населенію промысломъ сдѣлалось разведеніе домашнихъ животныхъ и уходъ за ними; это занятіе, связанное съ истощеніемъ пастбищъ, выѣдаемыхъ животными, принудило населеніе вести кочевую жизнь или, по крайней мѣрѣ, регулярно измѣнять свое мѣстообитаніе.

Каково бы ни было первоначальное происхожденіе, и каковъ бы ни былъ физическій обликъ народностей этихъ странъ, онѣ всегда принуждены вести одинаковый кочевой образъ жизни, стоящій въ соотвѣтствіи съ окружающей средою: какъ арійцы, такъ и тюрки и монголы представляютъ собою пастуховъ-кочевниковъ.

Кромѣ ордъ кочевниковъ, въ этихъ областяхъ существовало также въ началѣ историческаго періода населеніе рудокоповъ. Въ Куэнъ-Лунѣ находились каменоломни, разрабатывавшія жилы нефрита, и, безъ сомнѣнія, были также и золотоискатели. Алтай былъ населенъ, повидимому, народностью, занимавшейся добываніемъ ископаемыхъ богатствъ еще на самой зарѣ исторіи,—русскіе называютъ ихъ «чудью». Алтайская чудь занималась добываніемъ золота и мѣдной руды, что придавало этой народности въ тѣ отдаленныя времена чрезвычайно важное значеніе въ экономической жизни всего міра; однако, сокровища, добывавшіяся ею, распредѣлялись, по всей вѣроятности, по континенту чрезъ посредство купцовъ и пастушескихъ племенъ, такъ какъ въ преданіяхъ о чуди упоминается лишь очень косвеннымъ образомъ; народность эта окружена сказочной дымкой и фигурируетъ то въ качествѣ духовъ, то въ качествѣ карликовъ, совершенно непохожихъ на другихъ людей. Въ Змѣиногорскихъ копяхъ, которыя во второй половинѣ XVIII столѣтія были наиболѣе богатыми въ мірѣ копями серебра, содержащаго свинецъ, найдены сдѣланные изъ мѣди инструменты, которыми пользовались древніе рудокопы: былъ открытъ также скелетъ человѣка, рядомъ съ которымъ находились его инструменты и кожаный мѣшокъ, въ который онъ клалъ руду (Палласъ). Способы промывки чудью золото содержащихъ песковъ и способы плавленія его были настолько несовершенны, что во многихъ мѣстностяхъ русскіе золотопромышленники нашли выгоднымъ приняться за разработку уже покинутыхъ мѣсторожденій. Кромѣ того, русскіе принялись за добычу другого металла, желѣза, которое первобытные обитатели не умѣли выплавлять изъ его соединеній, и которое съ того времени получило столь важное значеніе въ міровой техникѣ. Во многихъ мѣстностяхъ залежи желѣзныхъ рудъ находятся непосредственно надъ глинами, содержащими золото. Эта чудь, обладавшая, по русскимъ преданіямъ, «желтыми глазами», по всей вѣроятности, тожественна съ народностями тинъ-линъ и кіенъ-куенъ «съ бѣлокурыми волосами и глазами свѣтлаго цвѣта», которыя, по даннымъ китайскихъ лѣтописей, обитали 22 вѣка тому назадъ въ тѣхъ же самыхъ областяхъ Алтая и Саяна [1]). Они принадлежали, быть-можетъ, къ группѣ арійскихъ народностей, какъ

---

[1]) J. Deniker. «Tour du Monde».

Лагерь въ монгольской степи.

Съ фотографіи А. Улара.

можно думать по сходству ихъ языка съ иранскими нарѣчіями, тогда какъ «хунъ-ну», въ которыхъ видятъ общихъ предковъ всѣхъ современныхъ тюркскихъ народностей, и наименованіе которыхъ сохранилось въ названіяхъ «гунны» и «венгры» (унгры, hongrois), обитали далѣе къ югу, въ странахъ, носящихъ теперь китайское названіе Ганъ-Су и Шенъ-Си. Несмотря на то, что въ теченіе вѣковъ народности эти имѣли достаточно времени для того, чтобы приспособиться къ китайскому образу жизни и смѣшаться, по крайней мѣрѣ, отчасти съ культурными китайцами, Потанинъ нашелъ въ этой странѣ множество вкрапленныхъ островковъ тюркскаго населенія, каковы шеринголы и салоры на Хоанхо, къ югу отъ Великой Стѣны, и ягуры въ верховьяхъ рѣки Эдзины.

Въ настоящее время большинство тюркскихъ племенъ, которыя стоятъ въ прямой зависимости отъ Китая, оттѣснены въ обширную котловину Кашгаріи; въ этой странѣ съ правильными очертаніями, окруженной почти сплошнымъ кольцомъ горъ, которыя тянутся на протяженіи болѣе 3—4000 километровъ, орды тюркскихъ племенъ находятся какъ бы въ плѣненіи и не могутъ ни продолжать своего пути на западъ, ни возвратиться вспять. Подобно тому какъ въ заливъ морскія теченія приносятъ наносы самаго различнаго происхожденія, такъ и здѣсь ока-

зываются перемѣшанными между собою разнообразнѣйшіе элементы, которые образуютъ племена урянхаевъ, джунгаровъ, киргизовъ и татаръ, въ ихъ безконечномъ разнообразіи. Въ этомъ смѣшеніи племенъ и народностей многія этническія группы, отброшенныя далеко отъ мѣста своего происхожденія, научились говорить на языкѣ своихъ враговъ и, въ концѣ концовъ, позабыли свой собственный; каждый новый переворотъ, каждое новое переселеніе бѣглецовъ обусловливало новое приспособленіе, соотвѣтственно съ измѣненіями внѣшней среды. Здѣсь можно найти всевозможные переходы между арійцами, тюрками чистой расы и типичными монголами. Обыкновенно основнымъ признакомъ условной классификаціи становится различіе въ религіи, и буддисты называются монголами, тогда какъ обращенные въ исламъ считаются тюрками. Крупный контрастъ между собою представляютъ, однако, лишь племена, отличающіяся своимъ образомъ жизни, — именно кочевыя пастушескія племена и племена земледѣльческія; послѣднія всегда миролюбивы по природѣ, тогда какъ первые легко мѣняютъ свой посохъ на копье и занимаются разбоемъ и грабежомъ или войнами.

Съ этой точки зрѣнія, кочевыя племена, занимающія длинную вереницу равнинъ и плоскогорій между Сибирью и Китаемъ, племена монгольскія и маньчжурскія, оказывали нерѣдко весьма значительное вліяніе на исторію всѣхъ народностей Азіи. Сложившаяся съ теченіемъ вѣковъ граница ихъ мѣстообитанія нанесена, такъ сказать, на карту «Великой Стѣной», которая, впрочемъ, не могла препятствовать ихъ вторженіямъ во время крупныхъ народныхъ передвиженій: стѣна можетъ остановить орды кочевниковъ на нѣкоторое время, но она ничѣмъ не можетъ измѣнить общихъ экономическихъ условій, нарушающихъ равновѣсіе, существующее между народами! Основнымъ положеніемъ является, что вслѣдствіе различій въ свойствахъ почвы, въ распредѣленіи водъ и въ климатѣ возникаетъ неизбѣжный контрастъ между образомъ жизни, занятіями, нравами, образомъ мыслей и чувствованіями тѣхъ народностей, которыя живутъ къ сѣверу отъ Великой Стѣны, и тѣхъ, которыя обитаютъ на югъ отъ нея. Каково бы ни было первоначальное происхожденіе племени въ смыслѣ расы, представители его должны были непремѣнно дифференцироваться либо въ ту, либо въ другую сторону,—одни оставались монголами, вполнѣ гармонирующими со своей природой, съ ея степями, солончаками и пересыхающими рѣчками, другіе дѣлались китайцами—упорными земледѣльцами, воздѣлывающими наносную почву, которая постоянно подновляется разливами ихъ рѣкъ.

Монголія, несмотря на все разнообразіе своей природы,—она обладаетъ и превосходными пастбищами и обширными безводными пустынями, то каменистыми, то солонцеватыми или же состоящими изъ рядовъ подвижныхъ песчаныхъ холмовъ,—представляетъ все же вполнѣ опредѣ-

Урга или Да-Курэ, столица Монголіи и второй священный городъ буддистовъ.

ленно выраженный общій характеръ. Ее можно въ общемъ разсматривать какъ сильно вытянутое въ длину плато, расположенное на 1000—1200 метрахъ надъ уровнемъ моря, слегка вдавленное въ центрѣ и ограниченное съ сѣвера и съ востока горными массивами или отдѣльными хребтами. Съ южной стороны, т.-е. со стороны Китая, выходы гранита и потоки лавы отмѣчаютъ окраину этого плато; воды прорыли здѣсь толщи земли, образовавъ внѣшнюю оторочку тѣхъ долинъ, въ которыя проникли китайскіе земледѣльцы. Между этими вытянутыми въ длину полосами воздѣланной земли и высокими террасами, которыя являются выступами великой «Страны травъ» съ ея волнистой поверхностью, контрастъ прямо поразительный.

Населеніе «Страны травъ» и оазисовъ, находящихся въ пескахъ Гоби, очень разнообразно по своему происхожденію, но обыкновенно его соединяютъ подъ однимъ наименованіемъ, и надо сказать, что образъ жизни сдѣлалъ, дѣйствительно, всѣ въ основѣ своей различныя народности чрезвычайно между собою похожими. Въ средніе вѣка всѣ онѣ были извѣстны подъ общимъ названіемъ «татаръ», позднѣе и, пожалуй, уже въ теченіе примѣрно тысячелѣтія ихъ называютъ «монголами», — пред-

полагается, что это слово имѣетъ смыслъ «свободные», «храбрые» или «сильные». Разсматривая эти племена (калмыковъ, чакаровъ, халха, бурятовъ и т. п.) какъ членовъ одной расы, которой они являются типичными представителями, большинство антропологовъ, занимавшихся классификаціей народностей, примѣняетъ также терминъ «монгольскихъ» или «монголовидныхъ» племенъ, чтобы обозначить имъ всѣ «желтолицые» народы востока, въ томъ числѣ даже малайцевъ и полинезійцевъ; такое обозначеніе, конечно, имѣетъ лишь совершенно условное значеніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже сами монголы обнаруживаютъ ясные признаки, отличающіе ихъ рѣзко отъ того типа, который приписывается ихъ расѣ. Прежде всего уже кожа ихъ отнюдь не «желтая», но скорѣе коричневая, и тѣ изъ ихъ племенъ, которыя живутъ въ темныхъ землянкахъ, не на свѣжемъ воздухѣ, обладаютъ нерѣдко кожею лица такою же бѣлою, какъ у европейскихъ народностей, ведущихъ одинаковый образъ жизни.

Племя халха приписываетъ себѣ нѣкоторое превосходство надъ другими монголами, въ виду принадлежности своей къ семьѣ Чингисъ-хана, и, дѣйствительно, пользуется среди нихъ наибольшимъ почетомъ; въ то же время оно далеко не соотвѣтствуетъ, быть-можетъ, монгольскому типу, созданному учеными, хотя бы уже потому, что прорѣзъ глазъ у представителей этого племени не косой, какъ у большинства китайцевъ. Въ другихъ отношеніяхъ, правда, халха не отличаются отъ монгольскаго типа, — глаза ихъ невелики, глубоко сидятъ въ глазныхъ впадинахъ и хорошо защищены вѣками, тѣлосложеніе широкое и округлое, носъ мало выдается, отдѣленъ отъ лба широкой впадиной и нерѣдко производитъ впечатлѣніе пуговицы посреди лица; губы и подбородокъ усажены рѣдкой бородою и усами, тогда какъ уши покрыты спускающимися черными и жирными волосами и защищены ими отъ холода. При суровости климата «Страны травъ», гдѣ такъ часто дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, сильно выдающійся, прямой или орлиный носъ являлся бы довольно непріятнымъ подаркомъ природы, а густая борода, при выдыханіи влажнаго воздуха, превращалась бы въ глыбу льда. Одинъ изъ мусульманскихъ писателей даетъ забавную характеристику монгольскаго типа, воспроизводя пророчество Магомета относительно предшественниковъ страшнаго суда: «явятся люди, круглое лицо которыхъ будетъ имѣть форму щита, ровно выкованнаго по всей своей окружности». При появленіи монгольскихъ воиновъ магометане, быть-можетъ, вспомнили это пророчество и заключили, что всякое съ ихъ стороны сопротивленіе будетъ безполезно.

Условія внѣшней среды сформировали внѣшній типъ монгола, они же обусловили и способъ питанія его.

№ 213. Центральная Монголія.

Каракорумъ или Холинъ, резиденція Чингисъ-хана и другихъ монгольскихъ властителей, находится на краю карты къ западу отъ Урги на лѣвомъ берегу притока Селенги, нѣсколько ниже 48-ой параллели. Развалины его, которыхъ долго искали въ разныхъ мѣстахъ, были открыты тамъ Падериномъ въ 1873 году.

«Страна травъ» почти совершенно лишена деревьевъ, не производитъ ни зерновыхъ хлѣбовъ, ни плодовъ, — растительными продуктами ея являются развѣ кое-какія луковицы и корневища, которыя жители выкапываютъ изъ земли,—они служатъ скуднымъ добавленіемъ къ обычной пищѣ человѣка, доставляемой стадами. Монголъ питается почти исключительно мясомъ своихъ домашнихъ животныхъ; онъ добавляетъ къ нимъ кое-какую дичь, сусликовъ, даже крысъ,—онъ совершенно отказывается, однако, отъ рыбы, которая кажется ему нечистымъ животнымъ, такъ какъ обитаетъ въ водѣ, столь часто грязной въ этихъ плохо орошенныхъ мѣстностяхъ и почти всегда насыщенной солью, селитрой и другими химическими веществами. Пьетъ монголъ только молоко кобылицъ и верблюдовъ и, подобно всѣмъ кочевникамъ востока, умѣетъ приготовлять изъ молока особый опьяняющій напитокъ — кумысъ. Нелюбовь его къ водѣ простирается вплоть до того, что онъ боится купаться: старинное повѣрье гласитъ, что молнія убьетъ каждаго смѣльчака, рискнувшаго погрузиться въ волны! Законодательство Чингисъ-хана запрещало даже подданнымъ мыть свою одежду,—они должны были носить свое платье до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ лохмотья и не спадало съ плечъ! Верхомъ неуваженія къ законамъ считается также мыть посуду и другія хозяйственныя принадлежности,—ихъ разрѣшается лишь вытирать травою, войлокомъ или коровьимъ пометомъ. Китайцы, которые сами не могутъ служить примѣромъ чистоплотности, называютъ монголовъ «вонючимъ народомъ». Въ Монголіи нерѣдко можно видѣть друзей или влюбленныхъ, занятыхъ исканіемъ другъ у друга блохъ и приговаривающихъ: «еслибъ такимъ же способомъ ты могъ истребить всѣхъ моихъ враговъ»!

Одежда и жилище, подобно пищѣ, опредѣляются у монголовъ условіями среды: шерстяныя матеріи и войлокъ примѣнялись въ этихъ мѣстностяхъ во всѣ времена, какъ для приготовленія одеждъ, такъ и для палатокъ,—ихъ всегда превосходно ткутъ и валяютъ, такъ какъ, если бы онѣ не обладали достаточной сопротивляемостью, бурный вѣтеръ монгольскихъ плоскогорій легко изорвалъ бы ихъ въ клочья. Такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ жизнь монгола обусловливается средой. Питаясь отъ своихъ стадъ и переходя вмѣстѣ съ ними съ мѣста на мѣсто, монголы волей-неволей должны жить кочевниками. Когда та или другая часть степи оказывается совершенно выѣденной стадами и не даетъ болѣе травы, приходится мѣнять пастбище, направляться въ другія области, нерѣдко расположенныя очень далеко. Съ лѣта до зимы и съ зимы до лѣта совершается постоянная перемѣна кочевьевъ, постоянное передвиженіе съ пастбища на пастбище, подобно тому какъ кочуютъ пастухи съ рогатымъ скотомъ въ Альпахъ и съ овцами-мериносами въ Испаніи. Интересы пасомыхъ монголами стадъ управляютъ какъ всѣми

передвиженіями племени, такъ и всей духовной жизнью его и даже всей его моралью. Верблюды, лошади и бараны съ огромными курдюкаим являются почти единственнымъ предметомъ бесѣды,—встрѣчаясь, монголы спрашиваютъ другъ у друга объ ихъ здоровьѣ!

Бурятка въ праздничномъ нарядѣ.

Особымъ предметомъ восхищенія и гордости монгола является лошадь,—монголы первые стали пользоваться этимъ благороднымъ животнымъ,—оно родомъ изъ ихъ степей. Каждый молодой монголъ научается укрощать дикихъ жеребцовъ и ухаживать за лошадьми, знакомится съ генеалогіей породистыхъ скакуновъ и, если онъ настолько богатъ, заводитъ себѣ собственную лошадь. Онъ считаетъ ниже своего достоинства выйти изъ своей кибитки и идти пѣшкомъ,—онъ всегда долженъ взирать съ высоты сѣдла на тѣхъ, кого судьба обидѣла настолько, что заставляетъ пользоваться лишь собственными ногами; онъ долженъ имѣть возможность по желанію въ мгновеніе ока исчезать за горизонтомъ или неожиданно налетать вихремъ на врага,—онъ долженъ, однимъ словомъ, не считаться съ пространствомъ. Лошадь, увеличивающая втрое быстроту человѣка, наравнѣ съ самой природой поверхности земли воспрепятствовала въ странѣ монголовъ дѣленію земли на отдѣльные участки,—безконечная ширь степей остается нераздѣленной между людьми!

Владѣніе недвижимой собственностью въ той формѣ, какъ на западѣ, никогда не существовало въ этихъ обширныхъ областяхъ, обладающихъ относительно столь скуднымъ населеніемъ. Пріобрѣтеніе въ собственность земли, къ тому же совершенно условное и не отмѣченное пограничными столбами или какими-либо другими знаками, возможно лишь со стороны отдѣльныхъ народностей, — въ мирныя времена становится обычаемъ, что тѣ или другія пастбища принадлежатъ тому или

Храмъ съ крышей изъ матеріи, въ Чокъ-чинъ-дуганѣ, въ провинціи Коконуръ, на границѣ Тибета.

другому племени, и считалось бы нарушеніемъ справедливости, если бы другія племена посягнули на эти земли. Въ предѣлахъ одного и того же племени зимнія и лѣтнія пастбища остаются общими для всѣхъ. Правда, если богатство не опредѣляется въ Монголіи количествомъ десятинъ земли, то оно опредѣляется числомъ головъ скота; нѣкоторыя указанія, впрочемъ, позволяютъ думать, что въ древности существовалъ извѣстный коммунизмъ въ обладаніи стадами. Еще и донынѣ, несмотря на различія въ состоятельности, всѣ монгольскіе пастухи считаютъ другъ друга «друзьями» и даже «братьями», подобно тому какъ это же наблюдается среди русскихъ крестьянъ. Въ этомъ духѣ братства, объединяющемъ монголовъ, сказываются первобытныя соціальныя условія. Они были ранѣе равными, они и до сихъ поръ считаютъ себя братьями, и, надо сказать, тѣ періодическія переселенія народныхъ массъ, о которыхъ разсказываетъ исторія, даже и не могли бы совершаться, если бы они не оказывали другъ другу самой широкой взаимной помощи. Монгольская община, подобно племени сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, образуетъ коллективную особь, тѣмъ болѣе сильно сплоченную, что она не можетъ прикрѣпиться къ землѣ, которая какъ бы бѣжитъ изъ-подъ ея ногъ

Великая стѣна.

Для монгола отечество—отнюдь не мѣстность его рожденія, такъ какъ самыя первыя впечатлѣнія дѣтства привязываются къ мѣстностямъ, которыя всюду постоянно одинаковы; сообразно съ временами года, сообразно съ засухами и періодами дождя, сообразно съ голодовками и временами изобилія пищи, пастухъ-кочевникъ переходитъ изъ одной мѣстности въ дру-

гую и для него навсегда остается неизвѣстной та складка земной поверхности, гдѣ нѣкогда онъ впервые увидѣлъ свѣтъ. Безграничная степь является предметомъ его обожанія, а не крохотный клочокъ земной поверхности, на которомъ онъ родился, и еще сильнѣе, чѣмъ степь, любитъ онъ привычную картину разбросанныхъ въ безпорядкѣ полушарообразныхъ юртъ, любитъ окружающихъ его друзей, одѣтыхъ въ шерсть и въ войлокъ, своихъ верблюдовъ, табуны лошадей и привольную жизнь своего странствующаго селенія! Монгольскую общину можно сравнить съ роемъ пчелъ,—гдѣ она образовалась, тамъ и ея отечество!

Ни одно скопленіе людей никогда не было столь пригодно для нападенія и для истребленія массъ осѣдлыхъ жителей, какъ кочевники «Страны травъ» въ ту эпоху, когда прилегающія области не были еще настолько вооружены, чтобы оказать имъ коллективный отпоръ. Независимо отъ того, подъ какими именами выступали эти племена кочевниковъ, до того, какъ они получили наименованіе монголовъ, одинаковыя условія окружающей среды должны были вызывать сходные результаты въ смыслѣ возникновенія великихъ передвиженій народныхъ массъ. Иногда, быть-можетъ, засуха заставляла цѣлый рядъ племенъ мѣнять свое мѣсто кочевья, и вслѣдствіе того всѣ другія кочевыя народности, съ одного конца ихъ обширной области до другого, приходили въ движеніе; иногда же вслѣдствіе какого-нибудь дѣйствительно происшедшаго событія возникала совершенно фантастическая легенда, она охватывала всю народность, вызывала какъ бы коллективное помѣшательство и заставляла всѣхъ отправляться въ путь вмѣстѣ со своими женами, дѣтьми, стариками и стадами. Пуститься въ путь было не трудно,—стоило лишь вытащить изъ земли колья, удерживавшія юрты, нагрузить на верблюдовъ все свое хозяйство, сѣсть на лошадей—и все было готово къ отправленію; вся орда приходила въ движеніе и шла по указанному направленію, руководствуясь звѣздами и солнцемъ. Слѣдомъ за нею шла смерть,—привыкнувъ къ обширному свободному пространству, монголы жгли города и превращали культурныя страны въ степи!

Передвиженія кочевыхъ племенъ до эпохи, имѣвшей такое важное значеніе для запада, именно до великаго переселенія народовъ, отмѣчаются китайскими лѣтописями лишь въ очень неясныхъ чертахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ самыя отдаленныя времена происходили набѣги пастушескихъ племенъ не только на европейскія страны, но и на восточныя равнины Азіи. Однако, эти періодическіе набѣги народностей, разрушавшихъ все на своемъ пути, не помѣшали Китаю густо заселить плодородныя равнины; послѣ каждаго нападенія снова возстановлялся тотъ путь сообщенія, который чрезъ Гань-Су, Джунгарію, Памиры и Переднюю Азію связываетъ Китай съ Европой. Эта жизненная артерія, огибающая съ юга плоскогорія Монголіи, являлась нерѣдко

Пагода въ Мукденѣ.

перерѣзанной во время войнъ, но она снова возстановлялась, какъ только наступали счастливые вѣка мира и благоденствія.

Къ востоку отъ «Страны травъ» простирается обширная область четырехугольной формы, которую съ запада отграничиваютъ хребты

Хингана; воды ея изливаются къ сѣверу въ рѣку Амуръ, главнымъ образомъ, двумя большими его притоками, рѣками Нонни и Сунгари; къ югу воды направляются въ Печилійскій заливъ, собираясь рѣкою Ляо-Хе; вся эта страна являетъ рѣзкій контрастъ со степями и пустынями Монголіи. Обширныя пространства на западѣ страны, защищенныя заслономъ горъ отъ тучъ, несущихъ дожди, напоминаютъ, правда, собою Монголію, тогда какъ наибольшая часть этой области, называемой въ настоящее время Маньчжуріей, обильно орошается муссонами, покрыта богатой растительностью, и тамъ, гдѣ земледѣльцы еще не измѣнили первобытнаго характера страны, населена множествомъ различныхъ животныхъ. Общій рельефъ Маньчжуріи, равно какъ и ея климатъ и характеръ почвы, не позволяли пастухамъ-кочевникамъ заниматься тамъ ихъ промысломъ, тѣмъ болѣе, что мѣстная фауна содержитъ большое количество волковъ, тигровъ и пантеръ, которыя нерѣдко нападаютъ даже и на человѣка. Маньчжурія—страна охоты по преимуществу, въ бассейнѣ Сунгари между людьми и хищными животными происходитъ жестокая борьба за существованіе, и даже сама религія требуетъ отъ взрослаго человѣка, чтобы онъ научился охотиться,—тотъ, кто не помогаетъ обществу въ этой борьбѣ не на жизнь, а на смерть, считается неблагочестивымъ человѣкомъ [1]). Съ другой стороны, рѣки и озера Маньчжуріи въ такой степени богаты рыбою, что цѣлыя племена могутъ ею исключительно питаться, и нѣкоторыя изъ нихъ приготовляютъ себѣ даже лѣтнія одежды изъ кожи лососей, украшенныя вышивками, сдѣланными женщинами.

До самаго недавняго времени охотники и рыболовы составляли здѣсь наиболѣе значительную часть населенія; плодородныя и хорошо орошенныя равнины чрезвычайно пригодны, однако, для земледѣлія, въ особенности въ окрестностяхъ Желтой рѣки. Такимъ образомъ, занятіями своихъ обитателей Маньчжурія представляетъ рѣзкій контрастъ съ плоскогоріями Монголіи, хотя, впрочемъ, жестокіе элементы войны имѣли также возможность зародиться и развиться въ ней. Охотничьи племена Маньчжуріи въ упоеніи собственной храбростью и ловкостью, пріобрѣтенной въ борьбѣ съ хищными звѣрями, легко увлекались и съ успѣхомъ примѣняли эти свои качества и противъ людей,—ничтожный поводъ былъ достаточенъ для того, чтобы вызвать ихъ на разбойничій набѣгъ на своихъ сосѣдей. Южные города привлекали ихъ своими богатствами, а мирное земледѣльческое населеніе, долженствовавшее защищать эти богатства, разсматривалось ими какъ толпа трусовъ, достойная лишь презрѣнія.

---

1) Carl Hiekisch. «Die Tungusen», St.-Petersburg, 1879.

Въ общемъ, Маньчжурія, окаймленная съ запада горами Хингана

№ 214. Маньчжурія.

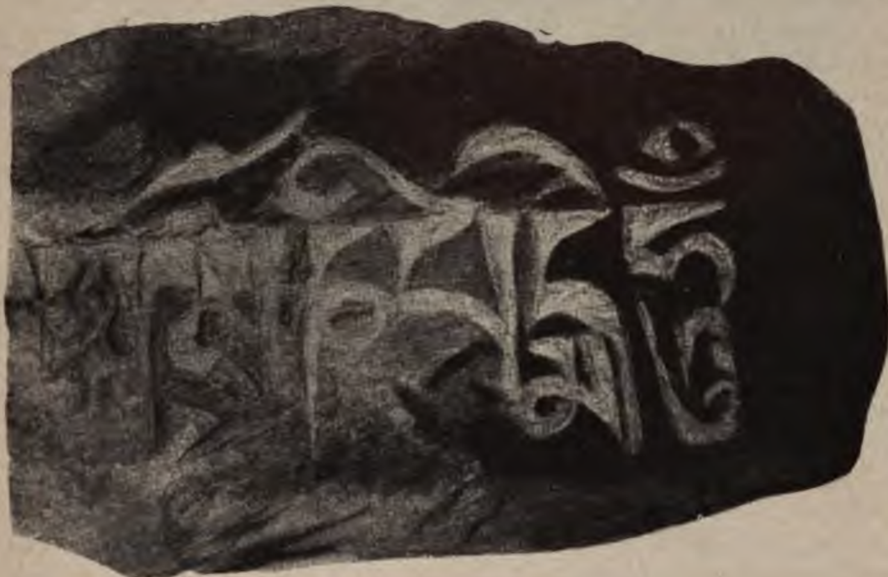

и съ востока отрогами береговыхъ хребтовъ, представляетъ собою какъ бы длинный корридоръ, связующій восточную часть Сибири съ Ки-

таемъ,—это удобный путь для передвиженія народностей, которыя нерѣдко и происходили, то увеличивая, то уменьшая давленіе, оказываемое на земледѣльцевъ юга ихъ опасными сосѣдями. Во многихъ мѣстностяхъ путь былъ прегражденъ «ивовыми заборами», но, весьма вѣроятно, такое ничтожное препятствіе не могло остановить нападающихъ,—его легко было обойти или уничтожить, ему придавалось скорѣе лишь моральное значеніе. Между сосѣдними народами, недовѣрчиво относящимися другъ къ другу, нерѣдко по взаимному соглашенію устанавливается разграничивающая ихъ болѣе или менѣе широкая полоса; какъ часто, однако, всѣ такіе договоры о неприкосновенности границъ нарушались самымъ жестокимъ образомъ въ теченіе жизни народовъ! Китайскія лѣтописи упоминаютъ о вторженіи враговъ со стороны маньчжурской границы въ самыя отдаленныя времена,—враги направлялись съ сѣвера, въ бассейнъ Желтой рѣки, или же съ юга—на Корейскій полуостровъ, который по своему изолированному положенію и относительно небольшимъ размѣрамъ былъ самою судьбою предназначенъ составлять страну, находящуюся въ зависимости отъ могущественной и сильной въ тѣ времена Срединной имперіи.

Другія пограничныя страны Китая были, подобно Корейскому полуострову, также обречены на предоставленіе своихъ предѣловъ самостоятельнымъ народностямъ, вся энергія которыхъ уходила лишь на приспособленіе къ окружающей средѣ и не оказывала большого вліянія на развитіе китайскаго міра. Это можно сказать, напримѣръ, объ обширномъ по занимаемому имъ пространству Тибетскомъ плоскогоріи; общія очертанія его имѣютъ четыреугольную форму, высота же, суровый климатъ и отсутствіе растительности таковы, что плоскогоріе это почти прерываетъ всякое прямое сообщеніе между окружающими его странами. Между Китаемъ и Индіей, между востокомъ и западомъ, сообщеніе могло установиться лишь по кружному пути, огибающему этотъ колоссальный массивъ, обильный неприступными скалами и снѣгомъ, массивъ поверхностью въ полтора милліона квадратныхъ километровъ. Названіе «Страна смерти» нерѣдко примѣнялось для обозначенія Тибета; однако, изолированность этой страны была все же неполной, такъ какъ отъ времени до времени люди, продукты промышленности и религіозныя идеи проникали изъ окружающихъ странъ внутрь ея, благодаря нѣсколькимъ естественнымъ путямъ, вьющимся кое-гдѣ по глубокимъ прорывамъ плоскогорія: безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ такимъ путемъ служилъ длинный корридоръ, высотою, въ среднемъ, около 5000 метровъ, прорытый верхнимъ теченіемъ Брамапутры, или Ярунгъ-Цангбо, между параллельными хребтами Гималаевъ и Гангъ-Дизри; по этому пути слѣдовали всѣ просвѣтители Тибета.

Обитая въ странѣ, гдѣ человѣкъ встрѣчаетъ столько препятствій своему свободному развитію, тибетцы, или племя бодо, могли жить и процвѣтать среди враждебной природы лишь при условіи обладанія живымъ и предпріимчивымъ умомъ, при обладаніи большою способностью изобрѣтать способы для добыванія пищи и способы защищаться отъ

Священный камень изъ Тибета. На немъ имѣющая мистическій смыслъ надпись: «Омъ мани падме хумъ».

вѣтра и холодовъ. Та часть населенія Тибета, которая, казалось бы, находится въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ обитаетъ въ глубокихъ долинахъ, является на самомъ дѣлѣ поставленной въ условія наиболѣе тяжелыя, ей недостаетъ тамъ ни свѣта, ни воздуха,—въ этихъ долинахъ, среди жителей, встрѣчается большое количество кретиновъ. На самихъ плоскогоріяхъ, однако, гдѣ вѣчно свирѣпствуютъ бури, и обитателямъ приходится прятаться въ своихъ норахъ, надъ которыми вѣтеръ тучею несетъ песокъ, а иногда даже и камни, тибетцы научились приспособляться къ условіямъ и добывать себѣ различнѣйшими способами рессурсы, необходимые для существованія. Съ незапамятныхъ временъ тибетцы занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, знаютъ даже тѣ же самыя ремесла, какія мы находимъ у ихъ сосѣдей въ Индіи и Китаѣ и давнымъ-давно уже пользуются инструментами, сдѣланными изъ металловъ—изъ желѣза, мѣди и золота. Именно благодаря присутствію у нихъ золотыхъ розсыпей, они и упоминаются впервые въ исторіи: преданіе, однако, курьезнѣйшимъ образомъ иска-

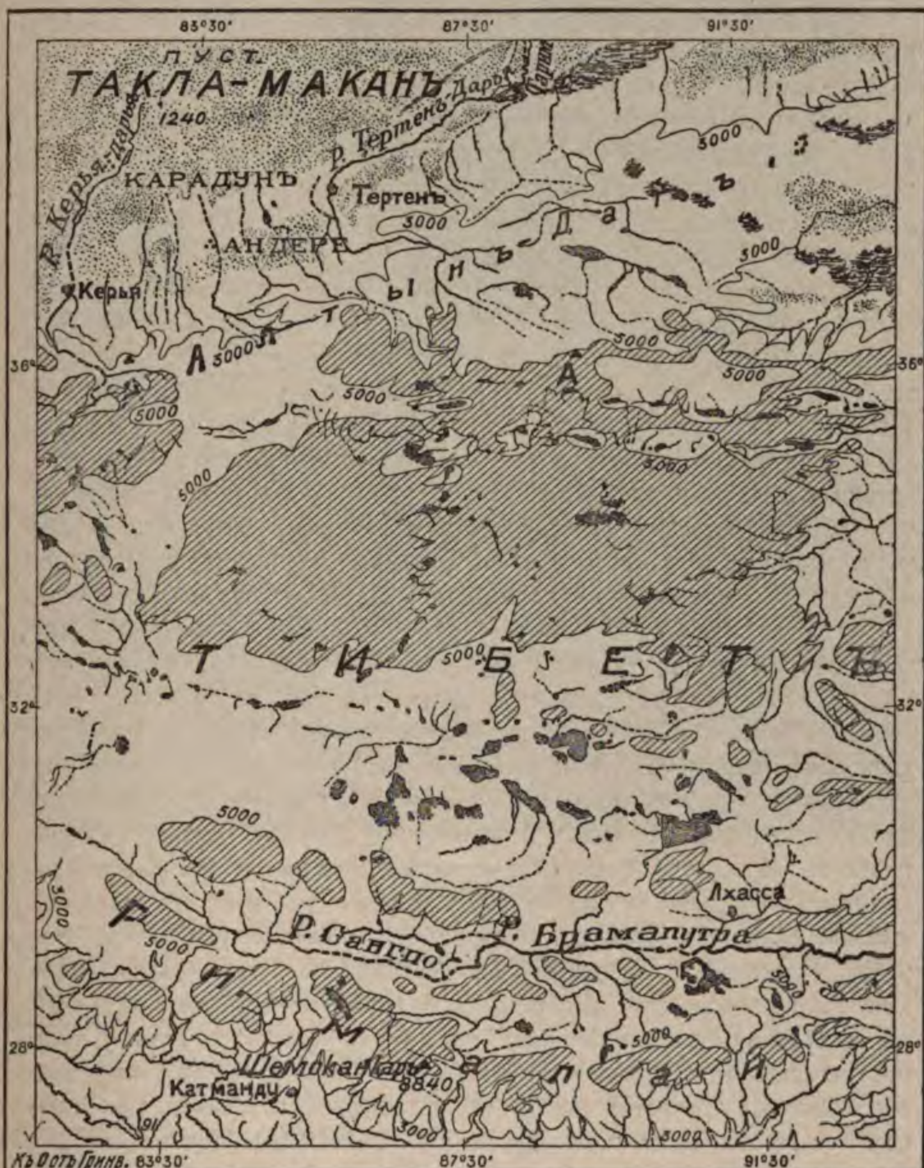
зило истину,—Геродотъ разсказываетъ о томъ, что, прокладывая свои подземные ходы для добыванія руды, они пользуются содѣйствіемъ муравьевъ, которые величиною съ собаку (книга III, 102).

Въ своей суровой борьбѣ за существованіе обитатели Тибета гораздо болѣе получаютъ извнѣ, чѣмъ даютъ другимъ странамъ,—путемъ переселенія изъ другихъ странъ заселились тѣ части Тибета, которыя пригодны для обитанія; путемъ заимствованія чужеземныхъ идей и открытій создались тибетская промышленность и культура, и въ то же время предѣлы Тибета отдѣлены отъ Китая такими высокими горами, сообщеніе съ Китаемъ столь затруднительно, что съ этой стороны на Тибетъ не оказывается ни малѣйшаго политическаго давленія. Лишь очень немногія племена тибетскаго происхожденія занимались отъ времени до времени набѣгами на сосѣднія равнины, – большею частью, напротивъ, эти туземные горные жители отступали все далѣе и далѣе на высокія равнины внутренней части страны, уступая мирному вторженію земледѣльческаго населенія изъ Китая.

Такая же этническая эволюція совершалась, впрочемъ, и на всемъ обширномъ пространствѣ собственно Китая,—она происходила всюду, гдѣ въ хребтахъ или въ массивахъ горъ обитали различныя племена, не являвшіяся китайскими по происхожденію и по роду своей культуры. Имъ даютъ одно общее наименованіе «мяо-дзе»,—что обозначаетъ «люди, родившіеся изъ земли», т.-е. туземцы; чтобы обозначить ихъ многочисленность, ихъ называютъ также «восемьдесятъ два племени» или «шестьсотъ семей». Китайцы примѣняютъ, впрочемъ, къ нимъ также названіе «и-іенъ», т.-е. «чужіе народы». Въ соотвѣтствіи съ условіями среды, съ условіями климата и почвы, въ соотвѣтствіи съ относительною силою или слабостью этихъ племенъ, можно наблюдать самые различные переходы между состояніемъ совершенной дикости этихъ «и-іенъ» и состояніемъ полной ихъ китаизаціи.

Китайскіе писатели называютъ эти чуждыя племена «сырыми» или «готовыми», «зелеными» или «зрѣлыми», сообразно съ тѣмъ, насколько подвинулось впередъ соціальное и политическое поглощеніе ихъ Китаемъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, составляющимъ отличительный признакъ каждаго настоящаго земледѣльческаго народа, покоряли себѣ китайскіе земледѣльцы окружающія горныя племена,—они рѣдко прибѣгали къ насильственному завоеванію и больше возлагали надежды на медленное дѣйствіе времени, на смѣшеніе путемъ браковъ, на уничтоженіе лѣсовъ и возникновеніе новыхъ потребностей и новыхъ промышленныхъ отраслей. Именно такимъ путемъ, мало-по-малу, достигали они «созрѣванія» дикихъ племенъ, обитающихъ въ горныхъ ущельяхъ,—это было нѣчто въ родѣ медленнаго просачиванія воды въ толщѣ земли, медленный, но вѣрный процессъ этническаго перерожденія.

№ 215. Тибетъ.

Масштабъ 1:10000000.

Вершина, носящая туземное названіе Гауризанкаръ, какъ теперь дознано, не является высшей точкой земного шара. Таковой должно считать пикъ, обозначенный геодезистами № XV и получившій потомъ названіе Моунтъ-Эверестъ; правильнѣе, однако, назвать его тибетскимъ названіемъ Шомоканкаръ (D. Freshfield. The Geographical Journal, 1903, XXIII, I, p. 361).

Буквою А обозначена вершина, которой М. Бонвало далъ названіе „горы Элизе Реклю“.

Картинное китайское выраженіе «посадить иву» является олицетвореніемъ того благотворнаго дѣйствія, которое постепенно оказывала китайская цивилизація на окружающіе народы. Тогда какъ многія другія націи горделиво сравнивали себя съ хищными звѣрями или съ хищными птицами, хвалились тѣмъ, что своими когтями и клювами разрывали въ клочья попадавшуюся имъ живую добычу, китайцы избрали эмблемой своей культурной побѣды перенесеніе на чужую почву дерева: ива съ серебристой листвою не олицетворяетъ собою ни насилія, ни коварства и обмановъ, связанныхъ съ коммерческимъ завоеваніемъ,—она является символомъ мирной, спокойной жизни, вызываетъ въ воображеніи картину тихаго осенняго вечера!

Историческіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что такъ и происходило въ дѣйствительности завоеваніе сосѣднихъ народовъ Китаемъ. Оно совершилось не столько силою оружія, сколько путемъ захватывающаго вліянія примѣра. Дѣйствительно, китайская нація во всей своей массѣ слѣдовала совѣтамъ, даннымъ Конфуціемъ одному изъ императоровъ, который хотѣлъ увеличить свои войска, чтобы одержать побѣду надъ своими южными сосѣдями: «распусти твою армію—совѣтовалъ онъ,—употребляй всѣ тѣ деньги, которыя она тебѣ теперь стоитъ, на то, чтобы научить своихъ подданныхъ и развить земледѣліе, и тогда тотъ южный народъ самъ собою прогонитъ своего властителя и покорится тебѣ».

Правда, надо все же сказать, ни одно изъ столкновеній между народностями не происходитъ безъ того, чтобы не были совершены несправедливости со стороны представителей народности болѣе сильной. Китайскія лѣтописи разсказываютъ намъ, что нѣкоторыя цивилизованныя племена были китайцами насильственно вытѣснены, изгнаны изъ обрабатывавшихся ими равнинъ и ушли въ горы. Въ силу этого являлись и отдѣльные случаи регрессивнаго движенія, случаи возвращенія къ варваризму. Такъ, въ лѣтописяхъ разсказывается, напримѣръ, что нѣкоторыя племена мяо-дзе были знакомы съ искусствомъ выковыванія желѣза въ ту эпоху, когда китайцы, знавшіе уже золото, серебро, мѣдь и олово, не умѣли еще обрабатывать этого «варварскаго» металла, называвшагося ими также «упрямымъ» металломъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что кузнецу приходится его долго ковать, пока онъ получитъ желаемую форму. Въ настоящее же время тѣ самыя племена, которыя научили китайцевъ ковать желѣзо, не знаютъ уже болѣе этого искусства. Точно также другія племена обладали тогда обширной письменностью, въ наши же дни не знаютъ болѣе ни іероглифическаго, ни силлабическаго письма. Въ бассейнѣ верховьевъ Янъ-тзе-кіана, къ западу отъ Се-Чуана и Юнъ-Нана сохранились нѣкоторые слѣды древней цивилизаціи, вытѣсненной обитателями Срединной имперіи. У племени лоло, обитающаго въ горахъ этой страны, были найдены пись-

Тибстскій всадникъ.

менныя произведенія, написанныя іероглифическими письменами, совершенно отличными отъ китайскихъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обширная территорія, носящая въ настояще время наименованіе Китая, не была еще густо населена и не обладала большими богатствами на значительной части своего протяженія въ ту эпоху, когда появились завоеватели, давшіе странѣ на чрезвычайно продолжительное время особый, характерный отпечатокъ. Положеніе Китая и его народа можетъ быть сравнено съ положеніемъ тѣхъ народностей, которыя въ Европѣ подчинились вліянію римской цивилизаціи и восприняли языкъ, литературу и пра-

вовые порядки римлянъ. Итальянцы и испанцы, французы и румыны состоятъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени изъ этническихъ элементовъ до-римскаго періода—они произошли отъ тѣхъ древнихъ расъ, кости которыхъ мы находимъ въ пещерахъ горъ и въ илѣ озеръ въ видѣ ископаемыхъ остатковъ; и, тѣмъ не менѣе, народности эти, называемыя «латинскими», были и на самомъ дѣлѣ «латинизированы»,—слова латинскаго языка образуютъ внѣшнюю форму ихъ мысли, и исторія ихъ, какъ на поприщѣ политики, такъ и на поприщѣ религіи; права и соціальныхъ отношеній, продолжала безъ всякаго перерыва исторію

Тибетскій священный барабанъ и трубы изъ костей человѣка.

римскую, подвергаясь, впрочемъ, непрерывно эволюціи. Несмотря на то, что китайскій народъ былъ, такъ сказать, сформированъ окружающей средой, совершенно своеобразной и оригинальной, онъ и извнѣ получалъ могущественные импульсы, оказывавшіе рѣшительное вліяніе на его исторію,—благодаря этимъ то толчкамъ Востокъ и былъ поставленъ въ смыслѣ цивилизаціи на одинъ уровень съ Западомъ.

Начало полуисторическихъ лѣтописей китайцевъ относится ко временамъ удаленнымъ отъ насъ на сорокъ вѣковъ, именно къ эпохѣ императора Ю, которому, разумѣется, приписываютъ всѣ открытія, сдѣ-

ланныя самимъ народомъ, — обыкновенно народы не могутъ удержать въ своей памяти безчисленное множество отдѣльныхъ открытій, сдѣланныхъ ихъ предками, и концентрируютъ всѣ эти открытія около какого-

№ 216. Путь племени баковъ.

Заштрихованная часть къ югу отъ 40о сѣв. шир. изображаетъ мѣстность, лежащую выше 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ Монголіи и въ Сибири заштрихованная часть соотвѣтствуетъ вышинѣ 1000 метровъ.

Путь ABD отъ горъ Сузіаны до Ланъ-чеу проходитъ по степямъ, легко доступнымъ между пустынями и горами. Путь ACD, болѣе прямой, пересѣкаетъ Памиры переваломъ Кизылъ-Су и слѣдуетъ затѣмъ по Тянь-шань-нанъ-лу.

нибудь одного имени, какъ бы олицетворяющаго ихъ коллективный геній. Очень вѣроятно, что переселенцы съ запада пришли въ предѣлы Срединной имперіи чрезъ сѣверо-западную границу ея очень незадолго до того. Что касается страны, изъ которой явились эти носители культуры, то преданія въ этомъ отношеніи совершенно единогласно указываютъ на одну и ту же мѣстность. Именно китайцы считаютъ своей родиной не горныя страны, а провинцію Гань-Су и «Врата Нефрита». И, на самомъ дѣлѣ, завоеватели Китая, какъ это доказалъ въ своихъ

замѣчательныхъ произведеніяхъ Террьенъ-де-ла-Купери, пришли именно этимъ путемъ [1]).

Эти завоеватели-переселенцы обозначаются обыкновенно въ китайскихъ лѣтописяхъ подъ общимъ названіемъ «Бакъ-сингъ», что обычно переводится—«Сто семействъ»; такое значеніе и придается этому наименованію большинствомъ китайцевъ. Съ этимъ связывается обыкновенно представленіе о томъ, что новые пришельцы группировались въ отдѣльныя общины, въ родѣ «сотенъ» (hundreds) англо-саксовъ; возможно также, что слово «сто», подобно «тысячи» или «десяти тысячамъ», обозначаетъ лишь вообще «большое число». По Террьенъ-де-ла-Купери, однако, это слово «Бакъ» представляетъ собою имя собственное и не можетъ быть переводимо обычнымъ образомъ. «Бакъ-сингъ», т.-е. семьи Бакъ, народность «баковъ», обитавшая въ прежнія времена въ Халдеѣ, по нижнему теченію Евфрата; имя ея сохранилось въ названіяхъ многихъ городовъ и мѣстностей, каковы, напримѣръ, Бак-тры, Бак-тріана, бак-тіары (бахтіара), Баг-истанъ и сохранившееся до сихъ поръ названіе Баг-дадъ. По этой гипотезѣ, народность «баковъ» является тожественной съ народностью «сагъ-гигга» или «люди съ черными головами», о которой говорятъ халдейскія лѣтописи, и которыя упоминаются также и въ китайскихъ.

По предположенію Террьенъ-де-ла-Купери, эта народность баковъ, обитавшая въ равнинахъ Месопотаміи, переселилась первоначально въ Сузіану, гдѣ долгое время оставалась подъ властью царей, носившихъ титулъ «Нахонтовъ». Затѣмъ народность эта двинулась далѣе на востокъ, въ страну, которая по ея имени получила названіе Бактріаны, и, наконецъ, небольшими группами перешла Памиры, спустилась въ современную Кашгарію и достигла, мало-по-малу, входа въ Китай, носящаго теперь названіе Гань-Су. Климатическія условія, бывшія въ ту эпоху иными, именно большая влажность климата, облегчали такое переселеніе. Что касается наименованія властителя народности, Нахонта, при которомъ совершилось переселеніе, то въ китайскихъ лѣтописяхъ онъ является въ формѣ Най-хун-те или Най-хоан-ти. Китайское преданіе о царѣ Шен-нунгъ можетъ быть объяснено именно существованіемъ сохранившихся въ народной памяти воспоминаній объ одномъ изъ властителей Месопотаміи, извѣстномъ подъ именемъ Шаргина или въ древности Саргона. По исчисленіямъ Террьена-де-ла-Купери, протекло 42 вѣка съ той эпохи, когда народъ, жившій въ западной

1) «Early History of Chinese Civilisation», 1880; — Articles disséminés dans «Oriental and Babylonian Record», 1887—1893.

Китайскiе кузнецы.

Месопотамiи, проникъ въ болѣе обширный и не менѣе плодородный бассейнъ великихъ китайскихъ рѣкъ.

Само собою разумѣется, что отнюдь нельзя считать вполнѣ точно установленными указанные перiоды времени, равно какъ нельзя признавать безспорнымъ приведенный переводъ китайскихъ наименованiй и сотни другихъ деталей, указываемыхъ Терръеномъ-де-ла-Купери въ подтвержденiе своей теорiи,—съ точки зрѣнiя исторической истины этотъ ученый, быть-можетъ, и погрѣшаетъ, но конечный выводъ его изслѣдованiй, можно сказать, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю. Что нѣкогда съ береговъ Евфрата на берега Хоанхо переселилось большое число эмигрантовъ, которые принесли съ собою свою цивилизацiю, превосходно привившуюся на почвѣ, представлявшейся мѣстными народами,—это можно считать вполнѣ установленнымъ.

Наиболѣе очевидныя доказательства тому даютъ математическiя и астрономическiя познанiя китайцевъ,—они не могутъ быть простымъ совпаденiемъ въ развитiи. Древнiе китайцы, безъ сомнѣнiя, отъ халдеевъ научились опредѣлять продолжительность солнечнаго года и дѣлить годъ на 12 мѣсяцевъ и на четыре времени года,—этимъ частямъ года придавались наименованiя, заключающiя символическiй смыслъ, вполнѣ аналогичный тому, какой мы встрѣчаемъ въ наименованiяхъ халдеевъ,

учителей китайцевъ. Китайцы дѣлили мѣсяцы на періоды въ 7 и въ 5 дней и сутки—на 24 часа. «Золотое число», т.-е. періодъ въ 19 лѣтъ, по истеченіи котораго солнце и луна попадаютъ въ совершенно такое же положеніе, было имъ хорошо извѣстно, и опять-таки именно отъ халдеевъ научились они опредѣлять этотъ періодъ, открытіе котораго приписывалось прежде грекамъ. Китайцы наблюдали также прохожденіе звѣздъ черезъ меридіанъ при помощи инструментовъ, аналогичныхъ употребляемымъ астрономами Халдеи; они высказывали такія же теоріи относительно движенія планетъ и обозначали послѣднія тѣми же самыми цвѣтами. Они пользовались солнечными и водяными часами и умѣли вычислять наступленіе солнечныхъ затменій; въ лѣтописяхъ ихъ упоминается даже одно изъ затменій, происшедшее 4050 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, они обозначали Плеяды, полярную звѣзду и большинство знаковъ Зодіака названіями, тожественными съ употреблявшимися въ Вавилонѣ.

Впрочемъ, Терреньъ-де-ла-Купери отнюдь не первый высказалъ предположеніе о западномъ происхожденіи «Ста семей»,—еще въ 1769 г. де-Гинь доказывалъ въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, что китайцы произошли отъ египетской колоніи; параллелизмъ въ астрономическихъ познаніяхъ Китая и Месопотаміи и сходство въ обозначеніи звѣздъ было подробно изучено Шлегелемъ 30 лѣтъ тому назадъ [1]). По Шлегелю, однако, китайцы первые сдѣлали всѣ эти астрономическія открытія, и установленіе Зодіака изъ 28 созвѣздій, изображенныхъ различными животными, относится даже ко времени, отдаленному отъ насъ на 17700 лѣтъ; именно въ эту отдаленную эпоху расположеніе созвѣздій, по отношенію къ движенію солнечной системы, объясняетъ вполнѣ названія, данныя созвѣздіямъ. Собственно говоря, изслѣдованія обоихъ ученыхъ формально не противорѣчатъ другъ другу, но время еще не пришло, когда результаты этихъ изслѣдованій могли бы послужить къ обобщенію выводовъ относительно исторіи происхожденія народовъ.

Какъ бы то ни было, халдейское вліяніе на позднѣйшее развитіе Китая оказывается столь же очевиднымъ и въ области другихъ наукъ, помимо астрономіи: мѣры и вѣса, децимальная и дуодецимальная системы счисленія, скала музыкальныхъ звуковъ у обѣихъ народностей общія; въ магіи употреблялись при вычисленіяхъ одинаковыя священныя числа, горизонтъ дѣлился сообразно тѣмъ же основнымъ точкамъ, расположеннымъ, впрочемъ, иначе, чѣмъ въ западныхъ странахъ,—именно въ Китаѣ, также какъ у различныхъ народностей Месопотаміи, въ розѣ вѣтровъ сѣверъ помѣщается слѣва и югъ справа, такъ что

---

1) G. Schlegel. «Uranographie chinoise», 1875.

востокъ находится сверху. Китайцы первые изобрѣли компасъ,—разсказываютъ, что въ XI или XII вѣкѣ до начала христіанской эры посольство одного изъ сосѣднихъ народовъ принесло подарки китайскому императору и, въ свою очередь, получило въ подарокъ пять повозокъ, причемъ въ каждой находилась «фигура», указывавшая постоянно на югъ и намѣчавшая такимъ образомъ путешественникамъ направленіе, по которому они могли дойти домой [1]).

Китайцы почему-то обратили особое вниманіе на направленіе южной половины магнитной стрѣлки, — они и до сихъ поръ говорятъ, что стрѣлка показываетъ на югъ, тогда какъ европейцы, какъ-разъ обратно, считаютъ, что стрѣлка указываетъ сѣверъ. Эта курьезная

Бумажный кредитный билетъ, выпущенный въ царствованіе императора Кунгъ-ву, основателя династіи Минъ (1368—1399).

Знакъ наверху билета обозначаетъ, что этотъ билетъ дѣйствителенъ подъ управленіемъ династіи Минъ. Ниже въ четыреугольникѣ обозначена стоимость, затѣмъ изображены десять связокъ китайскихъ чоховъ, соотвѣтствующія цѣнѣ билета. Въ нижней части объяснено употребленіе кредитнаго билета и въ послѣднемъ лѣвомъ столбцѣ имя императора Кунгъ-ву, годъ, мѣсяцъ и число. По краямъ узоры изъ китайскихъ знаковъ стариннаго начертанія.

1) F. von Richthofen. «China», I. pp. 388, 432.

противоположность обусловливается, быть-можетъ, различіемъ въ географической оріентировкѣ народностей во время ихъ переселенія. Тогда какъ западные народы, при своемъ постепенномъ движеніи отъ береговъ Средиземнаго моря къ Атлантическому океану, двигались въ общемъ къ сѣверу, изъ Греціи и Италіи по направленію къ Германіи и Англіи, китайцы двигались какъ-разъ въ обратномъ направленіи, изъ долинъ Джунгаріи въ долины Желтой и Голубой рѣки. Вполнѣ естественно, что эти обѣ половины человѣчества при своемъ движеніи по діаметрально противоположному направленію перенесли это различіе и па движеніе стрѣлки буссоли.

Предполагаютъ, что китайцы получили съ запада и клинообразное письмо въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось на памятникахъ Ниниміи и на высокихъ обрывахъ Багистана. Преданіе гласитъ, что переселенцы обладали способностью записывать событія при помощи знаковъ, похожихъ на «языки огня» или на «капли воды, замерзающія при паденіи»; выраженіе, которымъ пользуются на сѣверѣ Китая для обозначенія письменности, принесенной съ запада, имѣетъ въ то же время смыслъ «когти птицы». Правда, китайскія дѣти до сихъ поръ учатъ, что мысль передавалась ранѣе при помощи веревочекъ съ узелками, вполнѣ аналогичныхъ «кипу» племени кихуа въ Перу: «въ глубокой древности вмѣсто письма на веревкахъ навязывали узлы», говорится въ одномъ изъ школьныхъ учебниковъ [1]). Въ столь обширной странѣ, какъ Китай, было, однако, достаточно мѣста для развитія самыхъ различныхъ способовъ начертанія, тѣмъ болѣе, что переселенцы, пришедшіе съ запада, нашли уже здѣсь довольно высокую культуру. Различія въ матеріалахъ, употребляемыхъ для письма, сказались вскорѣ на измѣненіи клинообразныхъ письменъ: вмѣсто того, чтобы вырѣзать буквы на камнѣ или выдавливать ихъ на еще мягкой глинѣ, китайцы научились рисовать ихъ на обломкахъ бамбука, на корѣ деревьевъ и на тонкихъ пластинкахъ; письмена измѣнялись съ теченіемъ времени, и можно прослѣдить цѣлую серію такихъ измѣненій, происходившихъ параллельно какъ въ матеріалахъ для письма, такъ и въ формѣ и значеніи письменъ [2]).

Искусства и ремесла точно такъ же, какъ и письменность, были принесены съ собою народомъ «баковъ» въ ихъ новое отечество. Завоеватели были знакомы съ такъ называемыми благородными металлами, умѣли плавить ихъ и обрабатывать; при переправахъ черезъ рѣки они пользовались лодками, сдѣланными изъ шкуръ, въ свои боевыя колесницы запрягали двухъ коней, на глиняныхъ издѣліяхъ и на

---

1) Alexandre Ular. «La Litérature en Chine», Revue Blanche, 1-er sept. 1899, p. 19.—2) Terrien de la Couperie, op. cité.

металлическихъ сосудахъ они воспроизводили различныя изображенія; вполнѣ естественно, однако, что иныя условія внѣшней среды и иные матеріалы для издѣлій вызвали и совершенно новые способы обработки и совершенно другіе взгляды и идеи. Такъ, фантастическіе драконы, изображаемые въ китайскихъ храмахъ, считаются китайцами символами пороковъ, съ которыми слѣдуетъ бороться, тогда какъ халдеи въ нихъ видѣли духовъ, которые защищаютъ людей отъ сыпучихъ песковъ, вторгавшихся въ страну изъ окружающей пустыни. Обитатели Желтой рѣки описываютъ всемірный потопъ совершенно иначе, чѣмъ обитатели Месопотаміи, и, тѣмъ не менѣе, существуетъ множество общихъ чертъ,

Мостъ въ Нанкинѣ.

отмѣченныхъ миссіонерами,—чертъ, которыя доказываютъ, что съ той и съ другой стороны эти преданія имѣли одинаковое происхожденіе. Совершенно аналогично тому преданія, относившіяся къ властителямъ запада, превратились и были примѣнены къ императорамъ востока; Терьенъ-де-ла-Купери даетъ множество примѣровъ такихъ превращеній.

Принося въ страну сокровища своихъ знаній, народность баковъ не забыла и важнѣйшее изъ своихъ богатствъ—хлѣбъ насущный. Зерновые злаки, къ которымъ вскорѣ присоединился едва ли не еще болѣе цѣнный мѣстный рисъ, нашли въ бассейнѣ обѣихъ китайскихъ рѣкъ на огромномъ протяженіи превосходную почву, и именно благодаря этому обстоятельству земледѣльцы «Ста семей» умножились до тысячъ и милліоновъ душъ и, смѣшавшись съ туземными племенами, образовали замѣчательный китайскій народъ, развивавшійся мирнымъ путемъ въ теченіе долгаго ряда вѣковъ и непрестанно увеличивавшій свои владѣ-

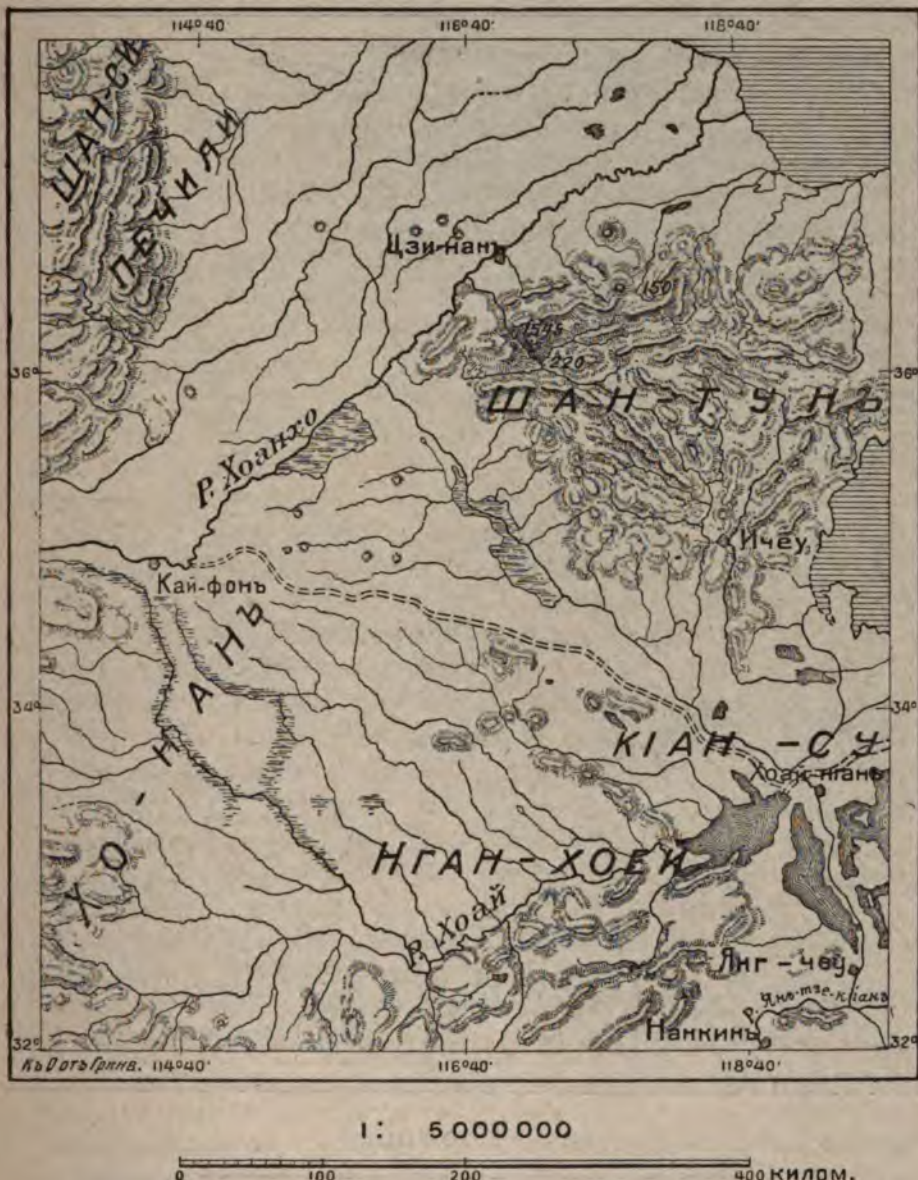
нія къ югу и къ востоку. Передъ нимъ открывалась цѣлая сѣть естественныхъ путей, которые, по своей доступности для передвиженія народовъ и культуры, были самой природой предназначены сдѣлаться историческими путями Китайской имперіи. Можно легко опредѣлить эти пути, просто-на-просто изучая современную карту Срединной имперіи,—общія черты ея еще не сильно измѣнились искусственными произведеніями рукъ человѣка, шоссейными путями и желѣзными дорогами.

Обращаясь, напримѣръ, къ сѣверо-западному углу настоящаго Китая, т.-е. къ тому изгибу верховьевъ Желтой рѣки, гдѣ находится городъ Ланъ-Чеу, конечный пунктъ естественнаго пути, служившаго для передвиженія всѣхъ переселенцевъ, мы находимъ тамъ же начало другого пути, который вскорѣ послѣ того развѣтвляется,—его южная вѣтвь направляется къ очаровательной долинѣ Ченг-ту и образуетъ путь, по которому двигались народности уже въ эпохи очень отдаленныя, тогда какъ другая вѣтвь направляется къ востоку и присоединяется къ нижнему колѣну Хоанхо долиною Вейхо, избѣгая, такимъ образомъ, огромнаго обхода, который дѣлаетъ рѣка по пустынямъ Монголіи. Въ этой впадинѣ естественный путь, сдѣлавшійся историческимъ, продолжается прямо къ западу и слѣдуетъ далѣе по теченію низовьевъ рѣки до той мѣстности, близъ которой находится современный городъ Кай-фонъ, и гдѣ рѣка отклоняется то вправо, то влѣво, обильно орошая наносныя равнины. Въ этой мѣстности великій историческій путь, тянущійся болѣе чѣмъ на тысячу километровъ, развѣтвляется на множество мелкихъ дорогъ, соединяющихъ города и деревни; однако, и не доходя до нея, онъ даетъ отъ себя во многихъ жизненныхъ центрахъ второстепенныя боковыя вѣтви значительной важности по различнымъ направленіямъ

Однимъ изъ такихъ жизненныхъ центровъ, гдѣ сама природа дала начало боковому пути, является городъ Си-нганъ, который неразъ бывалъ столицей Срединной имперіи, — здѣсь двѣ боковыя долины открываются въ главную. Пунктъ этотъ тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ населеніе, что сообщается на югѣ съ горнымъ проходомъ Тсинъ-линъ искусственно проведенной дорогой, которая поднимается на высоту примѣрно 900 метровъ, по склонамъ горъ, и пересѣкаетъ хребетъ переваломъ въ 1243 метра высоты, спускаясь затѣмъ въ бассейнъ рѣки Ханъ, вдоль притока которой, Танъ-кіанъ, она идетъ далѣе. Горный проходъ Тсинъ-линъ получилъ въ исторіи Китая почти столь же важное значеніе, какъ Врата нефрита, такъ какъ именно при посредствѣ этого прохода могли совершаться безъ всякаго труда передвиженія народовъ изъ сѣвернаго Китая въ среднюю часть его, «Срединную имперію» по преимуществу, т.-е. въ ту часть, по которой протекаетъ величественный Янъ-тзе-кіанъ.

Рѣка Ханъ-кіанъ имѣетъ, слѣдовательно, въ историческомъ отно-

№ 217. Пути, расходящіеся отъ Кай-фона.

Пунктиромъ намѣчено направленіе теченія рѣки Хоанхо до 1854 года. Въ теченіе ряда предшествующихъ вѣковъ рѣка эта текла и по другимъ русламъ; она одно время соединялась на югѣ съ Янъ-тзе-кіаномъ и впадала вмѣстѣ съ нимъ въ море: въ другое время она текла гораздо сѣвернѣе, въ окрестностяхъ Пекина (см. карту № 220).

шеніи первостепенное значеніе, и самыя формы географическихъ очертаній придали той группѣ городовъ, которые находятся близъ слiянія обѣ-

ихъ рѣкъ, преобладающую роль въ торговомъ движенiи колоссальнаго

№ 218. Мѣстность между Хоанхо и Янъ-тзе-кiаномъ.

1 : 5 000 000

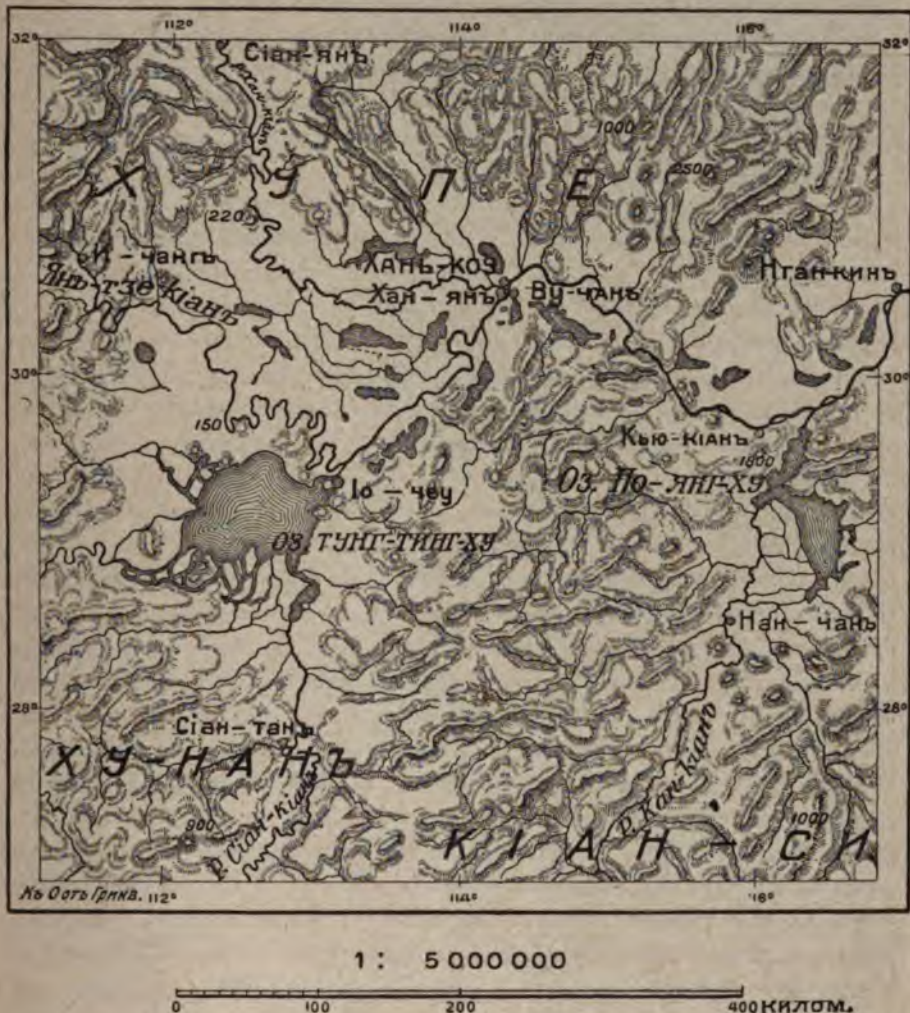
0 100 200 400 килом.

Си-нганъ расположенъ на высотѣ 360 метровъ надъ уровнемъ моря. На картѣ не нанесенъ перевалъ, которымъ этотъ городъ сообщается съ долиной Тан-кiана, равно какъ забыта и цифра, обозначающая высоту перевала—1243 метра; цифра 670 м. относится къ точкѣ, въ которой соединяются оба рукава рѣки.

Китайскаго государства. Именно въ этой области наблюдалась въ те-

ченіе многихъ вѣковъ наибольшая густота населенія на всемъ земномъ шарѣ, и не удивительно, что китайскій Триполисъ (Тройной городъ)— Хань-коу, Ханъ-янъ и Ву-Чанъ—занималъ одно время первое мѣсто

№ 219. Центральная часть Срединной имперіи.

среди населенныхъ центровъ всего міра. Здѣсь происходило основное скрещиваніе силъ и вліяній между сѣверомъ и югомъ и между востокомъ и западомъ страны. Водный путь Янъ-тзе-кіана, доступный для судовъ до И-чана, на протяженіи приблизительно 2000 километровъ, отдѣляющихъ богатыя быстринами верховья отъ океана, образуетъ основной срединный путь всего Китая; тогда какъ рѣка Ханъ-кіанъ несетъ то-

вары съ сѣвера, озера Тунгъ-тингъ и По-янгъ, соотвѣтствующія обоимъ изгибамъ Янъ-тзе-кіана выше и ниже того изгиба, на которомъ помѣщается Хань-коу, принимаютъ въ себя также многочисленныя судоходныя рѣки, спускающіяся съ горъ юга имперіи. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ человѣкъ не располагаетъ такою совершенною сѣтью водныхъ путей, безо всякихъ пороговъ или узкихъ ущелій!

Каждая изъ этихъ рѣкъ, подобно другимъ южнымъ притокамъ Янъ-тзе-кіана, протекаетъ по долинѣ, которая сдѣлалась также историческимъ путемъ, не пріобрѣтя, впрочемъ, столь высокаго значенія, какъ главный путь, соединяющій Желтую рѣку съ Голубою: торговое движеніе, разбиваясь на много вѣтвей по мало населенной странѣ, должно было этимъ самымъ соотвѣтственно ослабляться. Изъ всѣхъ различныхъ путей, по которымъ направлялась дѣятельность человѣка, главнымъ является, конечно, тотъ, который соединяетъ низовья Янъ-тзе-кіана съ заливомъ Кантона и огибаетъ съ запада горы Фо-кіена,—это самое короткое разстояніе между обоими чрезвычайно густо населенными центрами страны. Географическимъ наименованіемъ, наичаще упоминаемымъ въ сочиненіяхъ о путешествіяхъ по Китаю, является Мей-лингъ—«Перевалъ тополей» или «Лѣсистая вершина»; это перевалъ высотою около 300 метровъ, съ котораго беретъ свое начало рѣка Пе-кіанъ или «Сѣверная рѣка», названная такъ изъ-за того, что течетъ на сѣверъ по отношенію къ лабиринту рѣкъ въ области Кантона.

Эта сѣть судоходныхъ водъ, въ которой главную роль играла рѣка Си-кіанъ или «Западная рѣка», должна была по самой природѣ своей сдѣлаться областью наибольшаго схожденія и соприкосновенія различныхъ народностей, областью, въ которой долженъ былъ возникнуть либо огромный столичный центръ, либо цѣлая группа значительныхъ городовъ. Такимъ центромъ явился городъ Куангъ-тунъ или Кантонъ европейцевъ. Схожденіе здѣсь естественныхъ путей сопровождается также и другими преимуществами—глубокой изрѣзанностью берега, плодородіемъ рѣчныхъ наносовъ, разнообразіемъ продуктовъ въ тропической и умѣренной областяхъ, которыя соприкасаются и смѣшиваются между собой въ этой странѣ. Когда гражданскія войны, революціи, пожары и моровыя язвы прекращали могучую жизнедѣятельность Кантона, то всегда по сосѣдству возникалъ новый крупный центръ, притягивавшій къ себѣ населеніе всей страны.

Долина Си-кіана, при входѣ въ которую располагается Кантонъ, представляетъ собою восточную половину чрезвычайно важнаго историческаго пути—пути, соединявшаго Индію съ Китаемъ. Безъ сомнѣнія, первые завоеватели Китая въ началѣ легендарнаго періода исторіи, именно представители народа «бакъ», не проникли до столь южной части Срединной имперіи—область, описываемая Ю-Кунгомъ, распола-

гается цѣликомъ къ сѣверу отъ Янъ-тзе-кіана,—однако, самыя формы

№ 220. Китай 4000 лѣтъ тому назадъ.

Шестая книга классическаго сочиненія Шу-кингъ носитъ названіе Ю-кунгъ; составленіе ея по древнимъ документамъ приписывается Конфуцію; въ ней содержится въ двухъ первыхъ главахъ краткая географическая таблица китайскаго царства, составленная Ю, бывшимъ министромъ Іо (см. переводъ и критику у Richthofen „China", I, p. 277—364).

Послѣ описанія 9 провинцій Китая тамъ приводится описаніе 9 горъ или важныхъ 9 цѣпей холмовъ, окаймляющихъ рѣки. Великихъ рѣкъ также насчитывается 9, и бо́льшая часть ихъ извѣстна и до сихъ поръ подъ названіями, подъ которыми онѣ упоминаются Ю: Хо (Хоанхо), Вей. Ло, Ханъ, Хвай (Хоай), Кіанъ (Янъ-тзе-кіанъ); рѣка Тзи не что иное, какъ нижнее теченіе Хоанхо; рѣка Минъ, по именованію Ю, основная вѣтвь Янъ-тзе-кіана; рѣка Іо-шуй называется теперь Эдзина (см. карта № 211); рѣка Хей-шинъ течетъ на западъ отъ Су-чеу и теряется во впадинѣ Караноръ—Лобноръ.

Оставляя въ сторонѣ страны, обитаемыя варварами, собственно Китай имѣлъ въ тѣ времена своимъ центромъ тяжести Си-нганъ въ низовьяхъ долины Вей.

Линіи, намѣченныя пунктиромъ, указываютъ, по даннымъ Ю, торговые пути, не шедшіе по значительнымъ рѣкамъ.

рельефа этой части Китая вызывали здѣсь, безспорно, съ давнихъ поръ значительное передвиженіе народовъ; извѣстно, что еще 200 лѣтъ тому

назадъ въ этихъ провинціяхъ совершалось значительное торговое движеніе, которое затѣмъ почти прекратилось лишь благодаря истребительнымъ войнамъ. Въ мѣстѣ прохода, соединяющаго восточный и южный склоны высокаго Тибетскаго плоскогорія, горы, служащія продолженіемъ юго-восточныхъ великихъ массивовъ Центральной Азіи, оказываются уже значительно понизившимися и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже совершенно исчезнувшими. Водораздѣлъ между Тихимъ океаномъ и морями Сіама и Бирманіи образованъ плоскогоріемъ въ среднемъ 2000 метровъ вышиною, сложеннымъ изъ краснаго песчаника и заключающимъ въ своихъ впадинахъ озера. Именно вокругъ этого высокаго водораздѣла, постепенно спускающагося къ долинамъ, окаймляющимъ море, и расходятся вѣерообразно самыя значительныя рѣки юго-восточной Азіи—Брамапутра, Ирравади, Салуенъ, Меконгъ, Ма-лунгъ-кіанъ, называемый въ низовьяхъ Хунгъ-кіаномъ или «Красной рѣкой», Си-кіанъ и наконецъ Янъ-тзекіанъ, носящій въ этой области мѣстное названіе Кинъ-ша-кіанъ. Ни въ одной изъ частей земного шара мы не встрѣчаемъ подобнаго лучеобразнаго расхожденія рѣкъ, исходящихъ какъ бы изъ одного центра.

Путь, пересѣкающій послѣдовательно въ поперечномъ направленіи всѣ эти долины, расположенныя на небольшомъ разстояніи одна отъ другой, господствовалъ, слѣдовательно, надъ водными путями, расходящимися по всѣмъ направленіямъ отъ береговъ Индіи, омываемой водами Ганга, до береговъ восточнаго Китая, и значительно сокращалъ путешествіе, такъ какъ иначе приходилось бы совершать продолжительное плаваніе на протяженіи 6000 километровъ по водамъ, полнымъ опасностями и нерѣдко посѣщаемымъ тайфунами. На самомъ дѣлѣ, промежуточные хребты дѣлаютъ путь этотъ достаточно труднымъ, и потому, какъ ни былъ онъ важенъ въ исторіи народа, онъ состоялъ все же лишь изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ тропинокъ, которыми соединялись между собою наиболѣе легко доступные перевалы. Городъ Тали располагается въ самомъ узлѣ, связывающемъ эти водные пути. Войны, враждебныя отношенія горныхъ племенъ, опустошительные набѣги и различныя другія политическія событія неоднократно затрудняли или даже совершенно замыкали пути, лучами расходящіеся вокругъ города Тали, но какъ только устанавливался миръ, и бѣглецы, сопровождаемые новыми переселенцами, возвращались въ опустошенную страну, этотъ «путь золота и серебра», названный такъ изъ-за залежей благородныхъ металловъ въ Юн-нанѣ, пріобрѣталъ снова свое прежнее значеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда-нибудь путь этотъ сдѣлается главнымъ путемъ сообщенія между Калькуттой и Кантономъ.

Центръ тяжести въ мірѣ политики и соціальныхъ отношеній Китая мѣнялся очень часто, соотвѣтственно съ тысячами превратностей

претерпѣвавшихся страною, соотвѣтственно съ колонизаціей ея, съ за-

№ 221. Путь отъ Кантона на Калькутту.

воеваніями, съ отступленіями передъ нашествіями враговъ и новыми водвореніями на старыхъ мѣстахъ силою оружія. Си-нганъ въ долинѣ

Вей, образующей западное продолженіе Хоанхо, и расположенный ниже города Хо-нанъ, находящійся неподалеку отъ великой рѣки, выше впаденія ея притока, были самой природой предназначены сдѣлаться центрами торговли и могущества.

Рѣка Янъ-тзе-кіанъ, основная артерія Срединнаго царства, должна была также привлекать на свои берега всѣ живыя силы китайской націи. Въ верхней части бассейна этой рѣки, долина, по которой протекаетъ рѣка Минъ, считаемая основною вѣтвью Та-кіана, т.-е. «Великой рѣки», была съ самаго начала заселенія страны крупнымъ центромъ притяженія и остается до настоящаго времени, такъ сказать, самымъ ядромъ Китая, — Янъ-тзе-кіанъ течетъ здѣсь какъ бы въ длинномъ коридорѣ, отъ одного переката къ другому, и благодаря стараніямъ жителей служитъ бойкимъ торговымъ путемъ; по берегамъ его, вплоть до самаго моря, слѣдуютъ одинъ за другимъ значительные города, располагающіеся обыкновенно ниже крупныхъ притоковъ; послѣ города Сингана, столицей, намѣченной самой природой, былъ Нанкинъ. Вполнѣ естественно, что власть должна была переходить съ береговъ Хоанхо на берега Янъ-тзе-кіана, такъ какъ эти двѣ рѣки орошаютъ области, наиболѣе плодородныя и наиболѣе населенныя; однако, подобно тому какъ во Франціи и по тѣмъ же самымъ причинамъ, политическій перевѣсъ былъ почти всегда на сторонѣ сѣверныхъ областей, гораздо рѣже переходилъ онъ въ центръ страны и никогда не принадлежалъ югу [1]). Это обусловливалось тѣмъ, что завоевавшій страну народъ пришелъ изъ сѣверо-западныхъ странъ и потому располагалъ наибольшимъ количествомъ своихъ живыхъ силъ вблизи той страны, изъ которой онъ происходилъ,—здѣсь же онъ долженъ былъ удерживаться съ наибольшей стойкостью, чтобы быть въ состояніи продолжать борьбу со своими наиболѣе опасными врагами.

Также и другая причина, лежащая въ извѣстной внутренней конкуренціи китайскаго населенія между собою, должна была давать нѣкоторый перевѣсъ населенію сѣвера. Именно въ бассейнѣ Хоанхо мы находимъ страну «Желтой земли»—почвы, особенно благопріятной для земледѣлія. Эта область Хоангъ-ту («желтой земли»), подробно изученная Рихтгофеномъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи сѣвернаго Китая [2]), обнимаетъ собою почти всю долину, прорытую Желтою рѣкою, за исключеніемъ высокихъ горъ запада и наносныхъ равнинъ востока, простираясь примѣрно на протяженіи милліона квадратныхъ километровъ, т.-е. занимая площадь, превышающую вдвое площадь Франціи.

---

1) Escayrac de Lauture. «Memoires sur la Chine», Paris. 1865.—2) Ferdinand von Richthofen. «China», Berlin, 1877—1882. «Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien», I, pp. 56—85.

Китайская лавка.

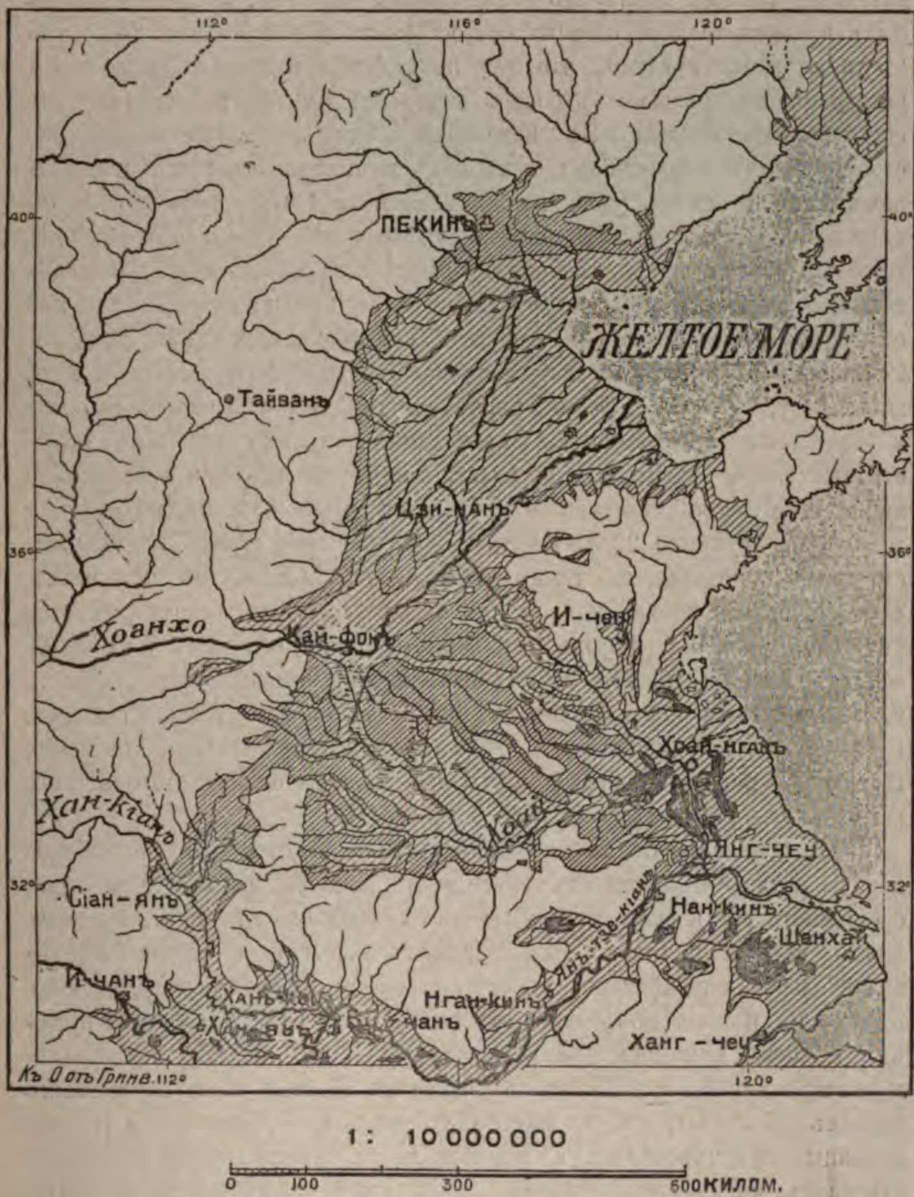
Эта рыхлая земля—не что иное, какъ лёссъ, вполнѣ сходный по внѣшнему виду съ тѣмъ, который встрѣчается въ Европѣ въ долинахъ Дуная и Рейна. Онъ образовался въ теченіе вѣковъ изъ мельчайшихъ пылеобразныхъ осадковъ, приносимыхъ вѣтрами. Каждое дуновеніе бурнаго сѣверо-западнаго вѣтра приноситъ съ собою цѣлое облако пылинокъ, происходящихъ отъ медленнаго вывѣтриванія горъ Саяна, Алтая, Тарбагатая и прилежащихъ равнинъ. Изучая развалины города Лу-Лана въ пустынѣ Лобъ, Свенъ-Гединъ опредѣлилъ толщину слоя земли, удаленнаго благодаря вывѣтриванію въ теченіе 16 вѣковъ, въ три метра Осаждающіеся слои пыли, постоянно увеличивающіе толщину слоевъ «желтой земли», отлагаются отнюдь не настолько толстыми, чтобы заглушать растительность на поверхности и препятствовать развитію животной жизни. Травы продолжаютъ расти, несмотря на то, что постепенно засыпаются пылью, и вся масса лёсса, начиная съ самыхъ нижнихъ слоевъ, прилегающихъ къ каменнымъ породамъ, пронизана безчисленнымъ количествомъ волоконецъ, какъ бы жилокъ, оставленныхъ корешками растеній; въ этой массѣ разсѣяны раковины и другіе остатки животнаго происхожденія. Во многихъ мѣстностяхъ толщина слоевъ «желтой земли», обнаруживаемая благодаря разрѣзамъ, произведеннымъ водами, оказывается не менѣе 600 метровъ, такъ что общій объемъ

равняется объему значительнаго горнаго хребта. Было вычислено, что плодородная почва Хоангъ-ту составляетъ объемъ столь значительный, что ею можно было бы покрыть всю земную поверхность, и она образовала бы слой плодородной земли толщиною въ метръ.

Если вѣтеръ образовалъ эти огромныя скопленія желтой земли, то вода, въ свой чередъ, ихъ уничтожаетъ. Желтая рѣка и ея притоки располагаютъ неистощимымъ количествомъ матеріала, служащаго имъ для расширенія наносныхъ долинъ за счетъ моря. Вода проникаетъ въ рыхлой почвѣ вплоть до твердыхъ слоевъ каменной породы или до слоевъ непроницаемой глины, на которыхъ располагаются слои желтой земли; дождевая вода течетъ на глубинѣ подъ землею, образуя цѣлую сѣть подпочвенныхъ каналовъ, которые отъ подножія горъ направляются къ рѣкамъ, намѣчая образованіе будущихъ долинъ. Лёссовыя массы опускаются по направленію этихъ подземныхъ каналовъ, и такимъ способомъ возникаютъ глубокіе рвы съ многочисленными развѣтвленіями и обыкновенно совершенно отвѣсными стѣнами Дожди размываютъ также и непосредственно почву, и водные потоки несутъ массу жидкой грязи, которая затѣмъ съ наступленіемъ засухи превращается снова въ тучи пыли. Въ этой странѣ все желто — земля, воды рѣкъ, мглистый воздухъ и даже небо, на которомъ солнце иногда едва просвѣчиваетъ сквозь тучи поднятой пыли. Дома и люди покрыты желтымъ слоемъ, и рѣзкій контрастъ замѣчается лишь съ наступленіемъ того времени года, когда начинаютъ зеленѣть поля. Этотъ желтый цвѣтъ символизируетъ, однако, землю-кормилицу, символизируетъ главныя богатства и главный источникъ могущества Китая,—отсюда титулъ Хоангъ-Ти, «желтый государь», даваемый властителю Поднебесной имперіи и имѣющій смыслъ «властителя земли».

Поразительное плодородіе Хоангъ-ту позволило «ста семьямъ» разрастись, размножиться и образовать огромную націю земледѣльцевъ, обладающую всѣми качествами, свойственными ихъ профессіи,—бережливостью, выносливостью, покорностью судьбѣ въ несчастьѣ и широкимъ развитіемъ самыхъ тѣсныхъ семейныхъ узъ. Земледѣлецъ, обрабатывающій желтую землю, старается какъ бы слиться въ одно цѣлое съ почвой, кормящей его; въ нѣкоторыхъ округахъ онъ настолько цѣнитъ эту землю, что не желаетъ даже строить на ней свое жилище и устраивать зернохранилища,—онъ выкапываетъ свой домъ въ почвѣ и живетъ подъ своими полями, чутко прислушиваясь къ тому, какъ прорастаютъ посѣянныя имъ сѣмена! Можно легко представить себѣ, какую энергію, какое терпѣніе и выдержку и какую глубоко вкоренившуюся силу должно было дать подобное существованіе обитателямъ желтой земли, и насколько совершенно были подготовлены эмигранты, вышедшіе изъ этой страны, къ превращенію наносныхъ долинъ рѣки Хоанхо съ

№ 222. Распредѣленіе лесса въ долинахъ.

Частая сѣтка обозначаетъ распредѣленіе по Рихтгофену въ долинахъ лёсса, отложеннаго вѣтромъ; рѣдкая сѣтка отмѣчаетъ распространеніе рѣчныхъ наносовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ того же лёсса, переработаннаго водами рѣкъ. Лёссовыя отложенія встрѣчаются, однако, и на возвышенностяхъ, оставленныхъ на картѣ бѣлыми.

ея притоками, равно какъ и береговъ Янъ-тзе-кіана, въ превосходно культивированныя земли.

Мѣстомъ рожденія настоящихъ китайцевъ должно считать, слѣдовательно, желтыя земли. Но если, такимъ образомъ, китайскій народъ былъ въ значительной степени сформированъ рѣкой Хоанхо, то должно въ то же время признать, что ему приходилось постоянно также и бороться съ этой рѣкою,—въ борьбѣ онъ воспитывался, и воспитаніе это еще не завершилось. Въ низовьяхъ рѣки земледѣліе подвержено страшнѣйшимъ наводненіямъ, такъ какъ водныя массы, при максимальномъ стояніи своего уровня, поднимаются на 150 метровъ и какъ бы нависаютъ надъ равнинами низовій, угрожая низвергнуться и затопить тотъ или другой берегъ, сообразно съ количествомъ наносовъ, накопляющихся у береговъ; извѣстно, сколько несчастій причинилъ Хоанхо при измѣненіи своего русла,—въ серединѣ XIX вѣка, напримѣръ, рѣка эта измѣнила свое прежнее юго-восточное направленіе и направилась къ юго-западу, затопляя деревни, уничтожая города и разливаясь въ озера и болотистыя пространства. Необходимо постоянно возстановлять и строить заново плотины и оставлять для разливовъ рѣки чрезвычайно широкое русло; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разстояніе между берегами достигаетъ не менѣе 22 километровъ. Прибрежные города, окруженные стѣнами, находятся, въ концѣ концовъ, какъ бы на днѣ ямъ; вслѣдствіе того, что почва, которая ихъ окружаетъ, постепенно подымается рѣчными наносами. Городъ Кай-фонъ, стоящій стражемъ у входа въ долину, является именно однимъ изъ такихъ городовъ, расположенныхъ на днѣ ямы, - къ нему приходится спускаться по длиннымъ лѣстницамъ, и воды дождей причиняютъ тамъ нерѣдко сильнѣйшія наводненія. Пришлось построить новые валы на древнихъ стѣнахъ города, такъ какъ наносы рѣки угрожали погребсти его [1]).

По сравненію съ Хоанхо Янъ-тзе-кіанъ кажется рѣкою, играющею первую роль,—онъ занимаетъ первое мѣсто, какъ по поверхности бассейна, орошаемаго его водами, такъ и по массѣ воды; кромѣ того, по берегамъ всѣхъ своихъ притоковъ онъ содержитъ населеніе несравненно болѣе значительное, опредѣляемое въ самыхъ общихъ цифрахъ не менѣе какъ въ 200 милліоновъ душъ; несмотря на все это, однако, «великая рѣка» имѣла, безъ сомнѣнія, меньшее значеніе въ смыслѣ образованія характера китайцевъ. Именно въ бассейнѣ Желтой рѣки, на рыхлыхъ земляхъ Хоангъ-ту и въ наносныхъ равнинахъ Шанъ-Си и Печили китайцы сформировались и выработали ту цивилизацію, которая ихъ отличаетъ, именно тамъ сдѣлались они замѣчательнѣйшими земледѣльцами, не имѣющими себѣ равныхъ среди другихъ народовъ, именно тамъ пріобрѣли они и то моральное равновѣсіе, тѣ домашнія добродѣтели, то безграничное терпѣніе и трудолюбіе, которыя имъ свой-

1) E. v. Cholnoky. Petermann's Mitteilungen, 1889, I, p. 12.

ственны. Голубая рѣка могла имѣть лишь значительно меньшее вліяніе на нихъ, они пришли на нее уже послѣ того, какъ сформировался ихъ характеръ.

Магическія зеркала.

Большое зеркало и восьмиугольное зеркало китайскаго происхожденія и относятся къ эпохѣ династіи Ханъ (съ 2061 г. до Р. Хр. до 221 г. по Р. Хр.); третье зеркало греческое. Сходство этихъ предметовъ доказываетъ существованіе взаимнаго вліянія между обѣими странами, распространявшагося чрезъ центральную Азію.

Первобытная среда, въ которой они выросли и сложились, пріобрѣли собственную жизнь и оригинальный характеръ, научила ихъ въ то же время не подчиняться непосредственному вліянію внѣшняго міра; ихъ личность вполнѣ сформировалась, и среда, въ которую они попали позднѣе, могла имѣть на нихъ лишь поверхностное вліяніе,—такъ выкованный уже мечъ получаетъ при дальнѣйшей обработкѣ лишь поверхностную шлифовку! Китайцы, пришедшіе съ береговъ Желтой рѣки въ область Янъ-тзе-кіана, были болѣе богаты, болѣе умѣлы въ смыслѣ техники, группировались въ болѣе крупныхъ городахъ,—въ новой странѣ они могли пріобрѣсть больше внѣшняго лоска, болѣе утонченные вкусы и болѣе цвѣтистый языкъ; въ такихъ городахъ, какъ Нанкинъ и Ханъ-чеу, они только отшлифовались съ поверхности, но все, что у нихъ было сильнаго, стойкаго и выносливаго,—все это они пріобрѣли въ болѣе сѣверныхъ областяхъ благодаря окружавшей ихъ тамъ природѣ.

которые находили для себя наиболѣе подходящими. Древнія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что «желтые люди»—наименованіе, указывающее на особенность колонизованной ими области—распространялись совершенно свободно въ той странѣ, въ которую они вторглись. Однако, самая природа страны, изрѣзанной оврагами, которые вслѣдствіе вымыванія воды по всѣмъ направленіямъ образуютъ настоящій лабиринтъ, принуждала земледѣльцевъ во многихъ мѣстностяхъ дѣлиться на болѣе или менѣе значительныя группы,—въ этомъ, какъ предполагается многими, и заключалась причина, вызвавшая распредѣленіе переселенцевъ на «сто семей» или родовъ. Въ странѣ этой, раздѣленной самой природой, была какъ бы уже заложена тенденція къ дѣленію почвы на отдѣльныя частныя собственности и на родовые участки, тогда какъ далѣе къ востоку, на наносныхъ долинахъ Хоанхо, которымъ постоянно угрожаетъ затопленіе водами рѣки, поднимающимися выше низменнаго уровня равнинъ, собственность долгое время удерживала первоначальную форму національнаго общиннаго землевладѣнія; въ средѣ прибрежныхъ обитателей, принужденныхъ вести борьбу съ рѣкою и защищать отъ ея водъ свои земли или даже отвоевывать ихъ отъ рѣки, полная солидарность между всѣми обусловливала общественное владѣніе землею и получаемыми съ нея продуктами. Мало-по-малу, однако, въ странѣ возрастала и увеличивалась императорская власть, опиравшаяся на окружавшихъ властителя совѣтниковъ и придворныхъ, избранныхъ людей, образовывавшихъ привилегированный классъ, который обладалъ преимуществами надъ всей остальной націей и отнималъ у каждаго изъ членовъ государства часть богатствъ, созданныхъ его трудами. Императоръ и представители аристократіи отмежевали себѣ обширныя владѣнія отъ національныхъ земельныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, удѣльная система вступила въ конфликтъ съ системой общественной собственности, и, мало-по-малу, установился экономическій строй, аналогичный тому, который преобладалъ въ Западной Европѣ послѣ паденія римской имперіи. Земледѣльцы продолжали работать общинами, но предоставляемая имъ часть ими же добываемыхъ продуктовъ была такъ мала, что они только-только могли поддерживать свое существованіе—наибольшая часть жатвы поступала въ собственность властителей. 31 вѣкъ тому назадъ Китай былъ раздѣленъ на огромное число удѣловъ и леновъ, обитатели коихъ были порабощены и бо́льшею частью раздѣлены на группы по 8 семей, причемъ тщательно соблюдались всѣ внѣшнія формы древней общины, о сохраненіи которой ревностно заботились господа,—и на самомъ дѣлѣ община, несмотря на притѣсненія и методическое суженіе ея правъ, не переставала существовать, представляя собою отдѣльные замкнутые мірки, въ родѣ «міра» русскихъ крестьянъ. Остатокъ прежней общинной солидарности и общиннаго

Типичныя ворота китайскаго храма, чрезъ которыя должны проходить вѣрующіе, чтобы попасть въ храмъ.

владѣнія землями сохранялся—онъ тлѣлъ подобно угольку, покрытому золою.

Нѣкоторые слѣды этой общинной организаціи при феодальномъ режимѣ наблюдаются еще и до сихъ поръ кое-гдѣ въ Китаѣ и въ странахъ, взявшихъ китайскую цивилизацію за образецъ, напримѣръ, въ Кореѣ [1]); однако, внутреннія войны, переселеніе изъ одной области въ другую и народныя передвиженія измѣнили существовавшее равновѣсіе, и около IV вѣка до Р. Хр. произошло полнѣйшее превращеніе условій владѣнія собственностью. Наибольшая часть перешла въ другія руки, и способъ владѣнія освободился отъ прежнихъ феодальныхъ формъ. Землевладѣльцы съ того времени располагали своими участками, вполнѣ и безусловно, и крестьяне, у которыхъ земля была отнята, сдѣлались окончательно рабами. Впрочемъ, они не разъ возставали,— гражданская война продолжалась почти непрерывно и въ соотвѣтствіи съ перипетіями революціонной борьбы иногда и прикрѣпленнымъ къ землѣ

1) Zakharov: «Arbeiten des russischen Gesandschaft zu Peking». Berlin, 1858.

крестьянамъ удавалось вырвать ее на время и получить въ собственное пользованіе. Въ интересахъ императора, однако, было сближеніе съ народомъ, такъ какъ иначе ему угрожала опасность со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ; въ силу этого императоръ Вангъ-Манъ, современникъ Августа, рискнулъ, дѣйствительно, провозгласить свои права на всѣ земли государства и попробовалъ распредѣлить ихъ поровну между всѣми. По изданному имъ закону ни одинъ изъ подданныхъ не имѣлъ права владѣть поверхностью воздѣлываемой земли, превышающей 1 цинъ, т.-е. около 6 гектаровъ, и могъ располагать лишь 8 рабами мужского пола—это было именно число древнихъ общинниковъ каждой земледѣльческой группы. Земля, такимъ образомъ, была распредѣлена сообразно потребностямъ народа; однако, мандарины, бывшіе сами крупными собственниками, отнюдь не желали лишиться своего достоянія, и послѣ кажущагося исчезновенія прежній режимъ, основанный на объединеніи большихъ пространствъ земли въ однѣхъ рукахъ, возстановился. Воля властителя Китая не могла измѣнить теченія исторіи,—для подобныхъ переворотовъ необходимы единодушная воля всего народа и полное сознаніе имъ своего права, опирающееся на его собственную силу!

Начиная съ этой эпохи, борьба за владѣніе землею не прерывалась и велась съ перемѣннымъ счастьемъ и въ самыхъ различныхъ формахъ, какъ соціальныхъ, такъ и политическихъ; она не переставала служить основной причиной всѣхъ крупныхъ событій, совершавшихся въ Срединномъ царствѣ. Иначе не могло и быть, такъ какъ земледѣліе—почти исключительное занятіе населенія, и всѣ другія отрасли труда являются не болѣе какъ простыми придатками къ нему. Вполнѣ понятно, что при колоссальности своего земледѣльческаго населенія Китай отводитъ первое мѣсто именно обрабатывающимъ землю и впереди ихъ ставитъ развѣ лишь ученыхъ, такъ какъ въ странѣ господствуетъ глубокое уваженіе къ знанію. Часто повторяемое китайское изреченіе гласитъ, что «государство страждетъ тяжкой болѣзнью, когда мужчины не обрабатываютъ своихъ полей, и когда женщины не прилагаютъ своихъ стараній къ веденію хозяйства». Согласно народному преданію, которое наилучшимъ образомъ характеризуетъ признаніе китайцами высокаго значенія земледѣлія, императоръ Хунъ, миѳическое лицо, о которомъ съ религіознымъ благоговѣніемъ вспоминаютъ въ каждой китайской хижинѣ, былъ крестьяниномъ и даже на тронѣ жилъ трудами своихъ рукъ.

Іезуитскій миссіонеръ дю-Гальде, говоря объ этомъ императорѣ-земледѣльцѣ, котораго онъ считаетъ дѣйствительно существовавшимъ, доказываетъ съ жаромъ, что вся китайская нація прониклась любовью къ земледѣлію изъ желанія подражать благородному примѣру коронованнаго пахаря. Теорія эта была бы вполнѣ достойна выйти изъ-подъ пера одного из придворныхъ льстецовъ Короля-Солнца! Католическій исто-

рикъ, повидимому, не въ состояніи понять, что Хунъ—не что иное, какъ величественное, обожествленное олицетвореніе самого народа-хлѣбопашца и жнеца! Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что благодаря своему близкому единенію съ землей-кормилицей земледѣльцы Срединнаго царства одержали побѣду надъ значительной частью препятствій, какія противопоставляли имъ паразиты народа, властители и мандарины. Праздникъ земледѣлія, который Сынъ Неба справляетъ ежегодно въ концѣ марта мѣсяца, и во время котораго онъ въ одеждѣ крестьянина проводитъ три борозды плугомъ, символизируетъ эту частичную побѣду народа надъ своими деспотами: колосья, собранные на полѣ, вспаханномъ китайскимъ императоромъ, приносятся въ жертву богамъ какъ даръ всего народа!

Общій видъ тѣхъ областей Китая, которыя подвергались воздѣлыванію въ теченіе 2, 3 или 4-хъ тысячелѣтій, свидѣтельствуетъ о чрезвычайно сильномъ вліяніи земледѣльцевъ на поверхность земли и на населяющія ее растенія и животныхъ. Развертывающіеся въ Китаѣ пейзажи совершенно не напоминаютъ собою тѣхъ видовъ, какіе наблюдались здѣсь въ первобытныя времена. Крупныя хищныя животныя почти всюду исчезли—нѣтъ болѣе ни слоновъ, ни львовъ, и тигръ показывается лишь въ окраинныхъ провинціяхъ, напримѣръ, въ Маньчжуріи и въ бассейнѣ Тарима, носорогъ встрѣчается лишь въ верховьяхъ долины Си-кіана, гдѣ простираются грандіозные лѣса, тянущіеся вплоть до Индо-Китая. Точно также въ наиболѣе населенныхъ провинціяхъ лѣсная флора почти совершенно отсутствуетъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ. Китайскія земледѣльческія общины, тщательно наблюдающія за своими полями, положительно не выносятъ появленія травъ или дикихъ деревьевъ и истребляютъ ихъ тотчасъ же, какъ только корни ихъ начнутъ углубляться въ эту землю, перевернутую плугомъ уже 10000 разъ съ первыхъ временъ колонизаціи. Присутствіе деревьевъ терпится лишь вокругъ кладбищъ, гдѣ земледѣльцы остерегаются даже срубать ихъ вѣтви,—религіозныя традиціи запрещаютъ имъ прикасаться къ этимъ священнымъ деревьямъ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда происходитъ перемѣна династіи. Въ тѣхъ областяхъ Китая, гдѣ отсутствуетъ топливо, обитатели издавна привыкли обходиться безъ него—зимою они надѣваютъ на себя лишь двойныя одежды, шерстяное платье и мѣха.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, однако, населеніе Дальняго Востока въ значительной степени опередило жителей Запада,—пользованіе каменнымъ углемъ извѣстно въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ; въ верховьяхъ бассейна Янъ-тзе-кіана для торговли каменнымъ углемъ имѣется даже значительная флотилія спеціальныхъ перевозочныхъ судовъ [1]), въ

1) Isabella L. Bishop. Journal of the R. Geograph. Society. 1897, II, p. 12.

Маньчжуріи же были найдены древнія каменноугольныя копи съ глубокими вертикальными шахтами, свидѣтельствующими о высокомъ развитіи техники.

Китайскія постройки ясно отражаютъ на себѣ вліяніе условій первобытной кочевой жизни и свидѣтельствуютъ въ то же время о томъ, что извѣстныя формы могутъ долго сохраняться, получая лишь совершенно иное толкованіе. Переселенецъ, покидая свое отечество и вступая въ новую страну, захватываетъ съ собою обыкновенно предметы, формы коихъ отвѣчаютъ прежней окружавшей его средѣ,—попавъ въ новыя условія, онъ перестаетъ вскорѣ понимать эти формы. Человѣкъ всегда старается, однако, уяснить себѣ окружающее, особенно тѣ предметы, которые созданы его собственными руками, сообразно унаслѣдованной рутинѣ,—онъ даетъ имъ новыя объясненія. Примѣромъ могутъ служить китайскія жилища. Первоначально углы монгольскихъ палатокъ, изогнутые тяжестью войлоковъ или иныхъ матерій, сами собою вырисовывались въ видѣ изящно изогнутыхъ кривыхъ; когда же номады сдѣлались осѣдлыми жителями, они вмѣсто палатокъ стали строить дома изъ дерева или кирпичей, представляющіе ту же красиво изогнутую линію по всѣмъ четыремъ угламъ крыши; первоначальная причина этой архитектурной формы была забыта, но было тотчасъ же создано новое объясненіе: таинственныя волны «фенгъ-шуй», т.-е. «вѣтровъ и водъ воздушныхъ», гладко скользятъ будто бы вдоль такихъ изгибовъ кровли дома!

Такимъ образомъ, китайскій пейзажъ является по характеру своему довольно искусственнымъ,—это тѣ пейзажи, которые съ такой своеобразной наивностью воспроизводятся на китайскихъ картинахъ и на китайскомъ фарфорѣ. И, тѣмъ не менѣе, китайцы, на первый взглядъ такіе прозаики, въ дѣйствительности—поэты въ душѣ,—они питаютъ глубокую привязанность къ своей природѣ и стремятся украсить ее извилистыми аллеями деревьевъ, массивными мостами, группами красивыхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ и миніатюрными деревцами. Въ произведеніяхъ китайской поэзіи воспѣвается прежде всего земледѣліе, журчащіе ручьи, потоки дождя, вѣтры, облака—всѣ силы природы, содѣйствующія произрастанію хлѣбныхъ злаковъ: въ то же время пѣсни эти почти всегда имѣютъ меланхолическій оттѣнокъ, сопровождаются тайными жалобами на свою судьбу. Благодаря труду, сохраняющему душу здоровой и предохраняющему ее отъ пессимизма, этой болѣзни слабыхъ людей, китайцы сохранили въ себѣ большой запасъ энергіи, стойкость и несокрушимость,—все это не спасаетъ ихъ однако, отъ грусти [1]).

Семейный строй соотвѣтствуетъ вполнѣ имущественнымъ отноше-

---

1) Hervey de Saint-Denys.

Культъ предковъ.

ніямъ, нравы народа находятся въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ способа владѣнія землею и вслѣдствіе того опредѣляются косвенно самой природой, географическими условіями, горами, рѣками и распредѣленіемъ земель, пригодныхъ для обработки. Общинное землевладѣніе и землевладѣніе родовое, за которыя китайскіе земледѣльцы столь жестоко боролись и борются до сихъ поръ, могли одержать верхъ надъ стремленіемъ къ захвату земли, проявлявшимся со стороны господъ и властителей, лишь благодаря тѣсному и ненарушимому объединенію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Въ силу этого, семья развилась въ Китаѣ особенно могущественно, являясь прежде всего органомъ защиты въ неравной борьбѣ,— она сдѣлалась исходной молекулой всей націи. Вся имперія, состоящая изъ сотенъ милліоновъ людей, разсматривалась какъ огромная семья, посвятившая себя какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, обработкѣ земли. Китайцы сами понимали это очень хорошо съ древнѣйшихъ временъ, какъ можно видѣть хотя бы уже изъ того, что въ ихъ идеографическомъ письмѣ знакъ, изображающій «правительство», имѣетъ первоначальное значеніе «текущей воды»

Прочная постановка семьи, этого прототипа всей китайской націи, не допускаетъ существованія безбрачія. Въ этомъ отношеніи въ Китаѣ не дѣлается никакихъ уступокъ. Если какой-нибудь молодой человѣкъ не женился до 30 лѣтъ, то совѣтъ общины призываетъ къ отвѣту его отца и требуетъ у него объясненій; иногда онъ удовлетворяется извиненіями и налагаетъ лишь штрафъ, но если 30 лѣтъ уже исполнилось, то бракъ навязывается насильственно; точно также принуждается къ замужеству каждая дѣвушка, когда ей исполнится 20 лѣтъ отъ роду. Непрерывность рода—вотъ цѣль, къ которой всѣ должны стремиться: во что бы то ни стало необходимо имѣть продолжателей ряда своихъ предковъ,—продолжателей, которые могли бы оказывать имъ необходимый почетъ. Къ предкамъ китаецъ обращается во всѣхъ случаяхъ своей жизни, такъ какъ они символизируютъ продолжительность владѣнія землею. Всѣ добрыя дѣла сына и всѣ его заслуги переходятъ на отца и болѣе отдаленныхъ предковъ,—они вмѣняются и имъ въ заслугу; если сынъ получаетъ какое-либо высокое званіе или титулъ, то тотъ же титулъ приписывается и всѣмъ его предкамъ.

Китайское «фенгъ-шуй», изъ-за котораго въ теченіе минувшаго столѣтія у европейцевъ было столько столкновеній съ китайскимъ правительствомъ, обусловливается въ значительной степени именно тѣмъ чувствомъ глубочайшаго уваженія, которое китайцы питаютъ къ своимъ предкамъ. Предполагая, что предки не прикрѣплены совершенно къ своему домашнему очагу, а носятся въ видѣ духовъ всюду въ видѣ вѣтра, паровъ, тумановъ и дождя, благочестивые китайскіе земледѣльцы стараются сохранить земную поверхность въ томъ видѣ, въ какомъ она была ранѣе, опасаясь, что какое бы то ни было ея измѣненіе, измѣненіе внѣшняго вида, перемѣна направленія теченія рѣкъ или воздушныхъ теченій можетъ нарушить спокойствіе духовъ, витающихъ въ пространствѣ.

По образцу семьи, явившейся исходной точкой китайскаго государства, сложились и община и само государство. Независимость общины очень прочно установилась среди китайскихъ крестьянъ. Каждая деревня представляетъ собою общину, гдѣ всѣ главы семей принимаютъ участіе въ выборѣ представителя, избираемаго всегда изъ среды земледѣльцевъ,—этотъ староста выполняетъ въ то же время обязанности нотаріуса, регистратора, казначея, судьи при всѣхъ недоразумѣніяхъ, смотрителя за дорогами и за полями, наконецъ, даже хранителя гробницъ. Всѣ его помощники, сторожа, землемѣры и писцы также избираются главами семей. Въ большихъ городахъ имѣется лишь одинъ муниципальный совѣтъ, тогда какъ въ крупныхъ ихъ столько, сколько отдѣльныхъ кварталовъ; впрочемъ, чѣмъ значительнѣе городъ, тѣмъ сильнѣе ослаблена самостоятельность общественнаго самоуправленія вслѣдствіе вмѣшательства правительства въ его выборы.

Являлось бы вполнѣ логичнымъ, чтобы избраніе главами семей сдѣлалось источникомъ власти и для организаціи какъ отдѣльныхъ провинцій, такъ и всего государства. Такъ оно и было въ теоріи, и во всѣхъ трактатахъ, которые писались послѣ Конфуція относительно «искусства управлять людьми», императоръ представлялся всегда какъ «Отецъ и Мать» обширной семьи китайскаго народа; китайцы еще за 2000 лѣтъ до сенъ-симонистовъ обладали уже своимъ «Ма-Ба», который въ публичныхъ моленіяхъ и въ заявленіяхъ, обращенныхъ къ народу, никогда не упускалъ случая указать на свою полную отвѣтственность за счастье управляемаго имъ народа; каждая изъ его ошибокъ, говорилъ онъ, можетъ причинить несчастье имперіи, каждая изъ дурныхъ его мыслей можетъ осквернить весь міръ! При любомъ народномъ бѣдствіи онъ считалъ себя обязаннымъ возводить на себя публичныя обвиненія, но, по странному противорѣчію, допускаемому лишь у столь высокихъ особъ, отнюдь не онъ наказывалъ себя самоубійствомъ при народныхъ бѣдствіяхъ, а его генералы и министры! Къ тому же издавна, какъ говоритъ дю-Гальде, въ Китаѣ «правительство существуетъ лишь благодаря тому, что примѣняетъ палку». Лишь одинъ единственный императоръ-земледѣлецъ Хунъ осуществилъ

Юэнъ-юэнъ или Дянъ-джинъ, богъ алхиміи въ костюмѣ древняго ученаго.

нѣкогда идеалы китайскихъ пахарей, но существовалъ ли онъ когда-либо на самомъ дѣлѣ, и не является ли онъ, въ дѣйствительности, антропоморфическимъ олицетвореніемъ?

Оффиціальная мораль полнѣйшаго уваженія къ семьѣ и необходимости постояннаго труда является, слѣдовательно, предназначенной лишь для низменной массы «сыновъ земли»; всѣ же, кому ихъ привилегіи, ихъ высокое положеніе или богатство позволяютъ жить въ свое удовольствіе, создали себѣ давнымъ-давно мораль болѣе широкую и болѣе легко выполнимую; они не считаютъ себя обязанными соблюдать строгую моногамію и освободили себя совершенно отъ обязанности постояннаго труда,—они стали отращивать себѣ длинные ногти, свидѣтельствующіе о ихъ полной неспособности къ ручному труду; они стали уродовать ноги своихъ женъ, дѣлая ихъ неспособными къ хозяйственнымъ заботамъ.

Такимъ образомъ, классовое неравенство, появившееся въ странѣ вслѣдствіе захвата властителями общественной собственности, выразилось самымъ явственнымъ образомъ въ возникновеніи двухъ совершенно противоположныхъ нравственныхъ міросозерцаній, и, какъ всегда, стремленіе объединить эти міросозерцанія вызывало нерѣдкіе конфликты между классами, которымъ они были свойственны. Въ древнемъ Китаѣ, какъ и въ Китаѣ современномъ, возстанія были очень часты, но почти всегда, сообразно съ направленіемъ народной мысли, предлогомъ для нихъ служило нарушеніе уваженія къ предкамъ, нарушеніе какихъ-либо традицій или благочестивое воспоминаніе о какой-либо исчезнувшей династіи. Даже въ разгаръ полной революціи китайцы соблюдаютъ болѣе, чѣмъ представители какого-либо иного народа, духъ консервативной лояльности и стремленіе къ объединенію въ крупныя группы—тому причиной ихъ крестьянская земледѣльческая природа. Частичныя возмущенія въ Китаѣ рѣдки, индивидуальныя же заявленія протеста, можно сказать, совершенно неизвѣстны. Недовольство принимаетъ обыкновенно коллективный характеръ, и, когда революція, подготовленная предварительно тайными обществами, разгарается, вся китайская имперія, съ одного ея конца до другого, приходитъ въ короткое время въ сильнѣйшее соціальное броженіе.

Впрочемъ, древніе философы Срединнаго царства признали вполнѣ откровенно, что иногда возстаніе является одной изъ священнѣйшихъ обязанностей гражданъ, и еще болѣе замѣчательно, что положеніе это воспроизводится буквально въ послѣдней изъ «Четырехъ Книгъ» или «Се-Шу», изученіе коихъ обязательно для учениковъ всѣхъ школъ имперіи, хотя книги эти и не входятъ въ составъ пяти «каноническихъ» книгъ. «Всѣ люди—говоритъ Менъ-тзе, называемый также «суровымъ философомъ»,—всѣ люди равны между собою; почему же существуютъ

богатые и бѣдные? Когда, съ одной стороны, кухни переполнены прекрасными блюдами, и въ конюшняхъ ржатъ дорогіе кони, съ другой же стороны, народъ умираетъ съ голода и усѣиваетъ дороги своими трупами, не управляется ли тогда государство дикими звѣрьми, которые растерзываютъ людей? И когда царь присоединяется къ этимъ дикимъ звѣрямъ, можно ли назвать его отцомъ своихъ подданныхъ? Не въ правѣ ли мы считать его разбойникомъ»? И въ другомъ мѣстѣ: «Настоящій мятежникъ тотъ, кто причиняетъ обиды человѣчеству»!

Конфуцій въ царскомъ облаченіи.

Разсказываютъ, что одинъ изъ императоровъ династіи Минъ пожелалъ исключить изъ программы классическихъ наукъ труды Менъ-тзе, тогда къ нему явились, будто бы, толпою ученые страны во главѣ съ первымъ министромъ, впереди котораго несли его гробъ, и выразили свой горячій протестъ противъ воли императора. Быть-можетъ, однако, это такая же легенда, какъ и исторія о 460 мандаринахъ, которые бросились въ огонь, когда императоръ Ши-хуань-ти приказалъ уничтожить всѣ написанныя до него книги и велѣлъ сжечь знаменитую «Книгу лѣтописей» или «Шу-Кинъ», собранную Конфуціемъ? Въ своемъ тщеславіи императоръ этотъ хотѣлъ, какъ говорятъ нѣкоторые, чтобы

съ его царствованія начиналась міровая исторія, тогда какъ другіе утверждаютъ, что онъ желалъ лишь сломить могущество тѣхъ, кто поклонялся писанной традиціи. Надо думать, однако, что если такое количество сильныхъ словъ и выраженій древнихъ мудрецовъ сохранилось въ классическихъ произведеніяхъ Китая, то обусловливалось это отнюдь не заступничествомъ придворныхъ ученыхъ, а скорѣе безразличнымъ отношеніемъ властителей къ тому, что написано. Слова утрачиваютъ всякій смыслъ или звучатъ фальшиво, если дополняющее ихъ воспитаніе отнимаетъ отъ нихъ истинное значеніе,—они являются какъ бы посторонними тѣлами, инцистировавшимися въ живомъ организмѣ.

Полная солидарность во всѣхъ дѣяніяхъ, начиная съ мирной работы на поляхъ и до опаснѣйшаго вооруженнаго возстанія, является одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ чертъ китайскаго характера; она резюмируется въ слѣдующемъ изреченіи, замѣчательномъ по своей ясности, которое приводится Пувурвиллемъ: «никто изъ людей не будетъ совершенно счастливъ въ вѣчности до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать хоть одинъ несчастный. Несчастье одного единственнаго существа является несовершенствомъ, которое препятствуетъ совершенному и полному счастью всего міра»!

Ученіе, которое лучше всего привилось и сохранилось въ Китаѣ, такъ какъ соотвѣтствовало консервативному духу китайской націи,—это было ученіе Конфуція (Кун-фу-тзе), философа чрезвычайно простого, прямолинейнаго, чуждаго всякой страсти и всякой фантазіи, ревностно оберегавшаго всѣ условности и всѣ обязанности человѣка, приведенныя имъ въ систему. «Всѣ добродѣтели имѣютъ своимъ источникомъ этикетъ», и «этикетъ образуетъ и укрѣпляетъ характеръ»—вотъ слова, которыя приписываются Конфуцію. Это уваженіе предъ «обязанностями» всѣхъ родовъ, въ томъ числѣ предъ поклонами, комплиментами, внѣшними формами и продолжительностью церемоній, образуетъ цѣлое ученіе внѣшней морали, очень правильно обозначаемое названіемъ «Уанъ-Ли», т.-е. 10000 обрядовъ». Обрядовъ, дѣйствительно, не менѣе 10000, и образованный человѣкъ находится, такъ сказать, постоянно какъ бы въ желѣзныхъ тискахъ, не можетъ выбраться изъ этихъ мелкихъ обрядностей, которыя, въ концѣ концовъ, становятся машинальными, но въ то же время отнимаютъ у человѣка значительную часть его личной инициативы.

И, тѣмъ не менѣе, философія Конфуція, приспособляющаяся къ этому внѣшнему формализму, до извѣстной степени философія позитивная. «Какимъ образомъ можно знать, что происходитъ на небѣ,—говоритъ философъ,—когда такъ трудно составить себѣ ясное представленіе даже о томъ, что происходитъ на землѣ»? Сами императоры, воспитанные на ученіяхъ китайскихъ моралистовъ, нерѣдко предостерегали свой народъ

отъ суевѣрій, которыя распространялись жрецами, и эти послѣдніе счи-

№ 225. Моря Китая и Японіи.

таются даже недостойными участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, съ ко-

торыхъ повелитель Китая, «Отецъ и Мать» народа, показывается своимъ подданнымъ.

Таковы были на китайскомъ востокѣ моральныя ученія и обычаи 2000 лѣтъ тому назадъ, въ ту эпоху, когда, благодаря замѣчательному

Древніе глиняные сосуды, найденные въ корейскихъ гробницахъ.

историческому параллелизму, философы Греціи точно также изучали вопросы человѣческаго существованія и формулировали правила этики. Однако, какъ въ Европѣ, такъ и въ Китаѣ, вслѣдъ за періодомъ философскихъ изслѣдованій, наступилъ періодъ сильнѣйшей реакціи, во время котораго религія новаго типа, на западѣ—христіанская, на востокѣ—буддійская, выткали новые узоры воззрѣній и обрядовъ на древнѣйшемъ фонѣ натуризма, фетишизма и анимизма.

Что особенно отличаетъ эволюцію китайской исторіи отъ таковой же эволюціи запада, это замѣчательная географическая цѣлостность и общность ея. Вслѣдствіе формы страны, въ которой вся дѣятельность направляется къ центру, вслѣдствіе того, что по периферіи расположены высокія горы, непроходимыя плоскогорія и страны, населенныя варварами, всѣ движенія, происходившія въ Китаѣ, оставались вплоть до буддійскаго періода лишь въ самой слабой степени подверженными вліянію

внѣшняго міра. На западѣ, наоборотъ, значительное разнообразіе географическихъ формъ облегчало соприкосновеніе между различнѣйшими народами, изъ коихъ каждый достигалъ иной степени культуры, въ силу чего все цѣлое обладало значительно бо́льшею подвижностью. Если заимствовать термины изъ физики, то можно сказать, что въ восточной ци-

Глиняные сосуды коробокуро первобытныхъ обитателей Японіи.

вилизаціи наблюдалось движеніе центростремительное, тогда какъ въ цивилизаціи запада—движеніе центробѣжное.

Несмотря на это различіе, между той и другой окраинами міра должны были все же установиться сношенія путемъ передачи отъ одного народа къ другому сказаній, легендъ и преданій, а также и путемъ обмѣна товарами. Сдѣланныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытія—напримѣръ, нахожденіе вещей римскаго издѣлія въ провинціи Шань-Си—и болѣе тщательное изслѣдованіе древнихъ документовъ и находокъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на торговлю, которая существовала между римской имперіей и Китаемъ. Изъ Азіи вывозили желѣзо и шелки, и притомъ законъ спроса и предложенія сказывался уже и въ тѣ времена; долгое время, напримѣръ, римляне получали крашеные шелки въ видѣ готовыхъ матерій, но затѣмъ, какъ говорятъ, во времена Августа патриціи нашли, что китайская краска не такъ ярка, какъ та, которую могли получать александрійцы,—римляне стали тогда покупать некрашеный шелкъ и давали его красить въ Египтѣ. Въ Китаѣ были даже найдены шелковыя матеріи, которыя по своему рисунку производятъ впечатлѣніе изготовленныхъ на западѣ. Позднѣе, напротивъ, китайскіе ткачи при-

способляются къ требованіямъ своихъ римскихъ кліентовъ: такъ, имѣются шелковыя матеріи, найденныя однѣ въ раскопкахъ Антинои, другія въ храмѣ Нара въ Японіи и носящія совершенно одинаковые орнаменты,— очевидно, европейцы давали образцы, и азіаты ихъ воспроизводили. Съ другой стороны, китайцы ввозили также ковры, стеклянныя и фарфоровыя издѣлія. Послѣднія были изобрѣтены, правда, не ими, но, въ то время какъ сирійцы утратили секретъ изготовленія фарфора, обитатели Поднебесной имперіи усовершенствовали эту промышленность настолько, что и до нашихъ дней никому не удалось ихъ превзойти въ этомъ направленіи [1]).

Даже и въ письменныхъ историческихъ источникахъ имѣются вполнѣ твердо установленные факты, доказывающіе, что между обоими центрами цивилизаціи, изъ коихъ одинъ находился на Средиземномъ морѣ, другой на берегахъ Желтой рѣки, существовала прямая связь. Отголоски волненія, причиненнаго во всей Азіи завоеваніями Александра Македонскаго, достигли и предѣловъ Китая, и именно, желая подражать побѣдителю Дарія, китайскій императоръ Ши-хоан-ти былъ охваченъ страстью къ завоеваніямъ,—страстью, столь противорѣчащей обычному миролюбію китайскихъ земледѣльцевъ. Позднѣе, около 2000 лѣтъ спустя, другая война привела въ непосредственное соприкосновеніе обитателей долинъ Хоанхо съ греками: императоръ Ву-ти пожелалъ добыть себѣ знаменитыхъ «низейскихъ» лошадей, о которыхъ разсказывали, что онѣ спустились съ неба и при бѣгѣ извергаютъ пламя изъ своихъ ноздрей. Онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Та-Юаномъ завоеваніе «Великой Іоніи» или «Великой Греціи», т.-е. современной Ферганы, и послѣ 15-лѣтней войны, стоившей жизни 300000 людей, дѣйствительно получилъ 10 замѣчательныхъ скакуновъ благородной туркменской породы, которые при бѣгѣ извергали если не огонь, то, по крайней мѣрѣ, кровь, вслѣдствіе того, что въ ноздряхъ ихъ находились крохотныя, почти незамѣтныя отверстія въ слизистой оболочкѣ. Наконецъ, Римъ находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ въ эпоху Антониновъ,—китайскія лѣтописи упоминаютъ объ иностранномъ властителѣ по имени Антунъ, который искалъ дружбы у императора Поднебесной имперіи.

Вліяніе китайской цивилизаціи должно было сказываться съ самыхъ древнихъ временъ на всѣхъ странахъ востока и юга, съ которыми Китай, благодаря морскимъ проливамъ или рѣчнымъ долинамъ, находится въ удобномъ сообщеніи: Корея, Японія, Формоза, Хайнанъ, Тонкинъ и Аннамъ получили отъ Срединной имперіи значительную часть своего интеллектуальнаго имущества, но о самомъ происхожденіи ихъ имѣются лишь очень незначительныя свѣдѣнія.

1) P. G. M. Stenz. Globus. 1903, I, p. 294. - E. Guimet. Société Normande de Geographie. 1898, p. 9. - «Symboles Asiatiques trouvès à Antinoë, p. 8.

Полуостровъ Кореи, которому китайцы дали названіе Чо-Сёнъ или «Утреннее спокойствіе», въ силу того, что страна эта находится въ

№ 226. Корея и различіе ея береговъ.

дѣйствительности «къ утру», т.-е. къ востоку отъ Китая, свидѣтельствуетъ уже этимъ самымъ своимъ названіемъ о своей естественной зависимости отъ Срединной имперіи. Именно изъ Китая получили корейцы какъ внѣшнія формы, такъ и самую основу своей цивилизаціи, свои

научныя знанія, свою технику и искусства,—иначе не могло и быть, если принять во вниманіе очертанія и расположеніе страны. Корейское побережье омывается съ запада желтыми водами Китайскаго моря, и какъ-разъ съ этой стороны Корея представляетъ наиболѣе легкій доступъ внутрь страны, такъ какъ здѣсь открываются обширные заливы, впадаютъ обильныя рѣки, орошающія плодородныя и густо населенныя долины. Общее развитіе береговой линіи, обращенной къ Китаю, благодаря изрѣзанности берега, достигаетъ почти 1000 километровъ, тогда какъ съ сѣверной и съ восточной стороны берега отвѣсны, не имѣютъ глубокихъ заливовъ и описываютъ правильную и ровную кривую, отнюдь не являясь гостепріимными для новыхъ пришельцевъ. Они становятся болѣе удобными лишь на южной оконечности полуострова, отдѣленной отъ архипелага Японіи неширокимъ проливомъ. Именно чрезъ этотъ далеко выдвинутый впередъ полуостровъ и совершались въ теченіе міровой исторіи какъ всѣ мирныя сношенія, такъ и воинственныя столкновенія, происходившія между континентомъ и островами Японіи.

Начиная съ Карла Риттера, Корею нерѣдко сравнивали съ Италіей, и на самомъ дѣлѣ эти два полуострова являютъ значительное сходство. Поверхность того и другого почти одинакова, и общее расположеніе рельефа представляетъ значительныя аналогіи. Корея также защищена съ сѣвера своими Альпами, но полукругъ ихъ, представляемый хребтомъ Тай-пей-шань, является замкнутымъ несовершенно; вдоль полуострова тянутся Апеннины въ видѣ хребтовъ, которые идутъ вдоль восточнаго берега и достигаютъ мысовъ, направленныхъ къ островамъ Японіи. Наконецъ, подобно Италіи, Корея раздѣляется на нѣсколько естественныхъ областей, которыя долгое время были самостоятельными государствами и отстаивали свою независимость. Но если оба полуострова и являлись въ чисто-матеріальномъ смыслѣ построенными по одному образцу, то сколь различна была все же ихъ историческая роль изъ-за значительнаго контраста въ расположеніи континентовъ! Роль эта зависитъ всецѣло отъ общей суммы энергій населенія страны, въ связи съ таковой окружающихъ націй, совершенно подобно тому, какъ въ романѣ Свифта Гулливеръ является послѣдовательно то самымъ слабымъ, то самымъ сильнымъ изъ окружающихъ его существъ въ зависимости отъ того, куда онъ попадаетъ—въ страну великановъ или карликовъ. Италія, располагаясь въ Средиземномъ морѣ, находится въ совершенномъ равновѣсіи, въ смыслѣ своихъ размѣровъ и значенія, съ остальными полуостровами, лежащими отъ нея на востокъ и на западъ—съ Балканскимъ и съ Иберійскимъ; благодаря своему центральному положенію въ цивилизованномъ мірѣ, она пріобрѣла на долгіе вѣка полное политическое господство, отнятое у нея лишь сѣверными варварами.

Храмъ въ Камакурѣ, близъ Iокогамы.

Иное дѣло Корея, эта Италія крайняго востока,—она являлась чрезвычайно малой и слабой среди двухъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, должна была постоянно тяготѣть къ тому или другому изъ нихъ, никогда не становилась на собственныя ноги и не пріобрѣтала полной независимости. Кромѣ того, періоды относительной самостоятельности Кореи, обусловленной соперничествомъ Китая и Японіи, нерѣдко использовались отдѣльными провинціями, изъ коихъ каждая старалась получить политическую самостоятельность и вліяніе. Когда Корея впервые появляется на аренѣ исторіи, около 16 вѣковъ тому назадъ, то на полуостровѣ находится множество отдѣльныхъ государствъ, одно изъ нихъ, располагавшееся въ центрѣ, состояло само изъ «78 королевствъ»; въ то же время на сѣверѣ и въ средней части страны вліяніе Китая и на югѣ вліяніе Японіи тяготѣли надъ населеніемъ полуострова [1]).

Самое наименованіе Японіи, какъ и наименованіе Кореи, свидѣтельствуетъ о зависимости этой страны отъ Китая. Европейцамъ она извѣстна была первоначально подъ названіемъ Ципанго, что является измѣненіемъ китайскаго названія «Ерл-пьенъ-кво», означающаго «Имперія Восходящаго Солнца», т.-е. страна, расположенная къ востоку отъ материка. Самое положеніе Японіи опредѣляло вполнѣ тѣ условія, въ которыхъ должна была развиваться цивилизація этого архипелага: центръ прóисхожденія населенія страны не могъ находиться нигдѣ иначе, какъ въ наносныхъ равнинахъ, образованныхъ двумя великими китайскими рѣками; разстояніе по морю между берегами Китая и берегами Кіу-Сіу, самаго южнаго изъ острововъ Японіи, впрочемъ, довольно значительно—около 1000 километровъ. Въ силу того острова эти, которымъ суждено было получить отъ сосѣдней державы ферментъ, вызвавшій интеллектуальное развитіе, оставались долгое время совершенно изолированными среди своихъ морей, окутанныхъ частыми туманами. Они находились въ сообщеніи съ цивилизованнымъ міромъ континента лишь по кружному пути, чрезъ полуостровъ Кореи и его южную оконечность,—притомъ въ соприкосновеніе съ Китаемъ приходили лишь самые южные острова архипелага, тогда какъ всѣ остальные были лишены такой связи, такъ какъ располагались противъ дикихъ береговъ Маньчжуріи, населенныхъ въ тѣ времена племенами охотниковъ и рыболововъ.

Японскіе острова принадлежали также въ до-историческія времена племенамъ, обладавшимъ чрезвычайно первобытными нравами,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были найдены даже остатки людоѣдскихъ пир-

1) Pfitzmaier. «Nachrichten von den alten Bewohnern der heutigen Korea».

шествъ. Очень долгое время японцы жили въ состояніи полной первобытной дикости, вплоть до того самаго дня, когда, по словамъ преданія, знаменитый императоръ Ши-хоан-ти послалъ на Японскіе острова 300 молодыхъ мужчинъ и женщинъ для колонизаціи [1]).

Среди странъ, которыя могли войти въ сношеніе съ Японскимъ архипелагомъ, Китай былъ единственной страной, способной содѣйствовать развитію интеллектуальной и моральной культуры націи,—но самые этническіе элементы, изъ коихъ сложилась японская народность, пришли изъ совершенно другихъ странъ. Нѣкоторые антропологи и географы [2]) высказали даже гипотезу, что обитатели Нипона въ значительной степени принадлежатъ къ бѣлой расѣ; это мнѣніе, однако, не основывается ни на какихъ историческихъ доказательствахъ, не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній. Тѣ, у кого явилось такое представленіе, руководствовались, повидимому, прежде всего предвзятой идеей, что иниціатива и духовный прогрессъ являются привилегіями бѣлой или, какъ она обозначалась также долгое время, арійской расы. Удивительный прогрессъ японской народности—какъ полагали они въ своемъ самомнѣніи европейцевъ,—является необъяснимымъ, если допустить, что народность эта относится по происхожденію къ низшимъ расамъ, каковы монгольская, малайская или эскимосская. На самомъ же дѣлѣ, повидимому, именно эти-то три этническихъ элемента и заключаются въ японской народности, причемъ они перемѣшаны до безконечности, какъ, впрочемъ, перемѣшаны составные элементы и всѣхъ другихъ народовъ земного шара. Вѣдь этническіе элементы человѣчества перебалтывались завоеваніями, переселеніями народовъ и тысячами другихъ историческихъ событій, подобно морской водѣ во время бури; въ Японіи же сильное развитіе архипелага острововъ въ длину на протяженіе 2000 километровъ съ сѣвера на югъ, среди морей, обладающихъ различными теченіями, значительно облегчаетъ переселеніе народностей самаго различнаго происхожденія.

Исключительно свойственнымъ Японіи элементомъ и притомъ совершенно особымъ являются айны, которые населяютъ и до сихъ поръ часть сѣвернаго острова архипелага и которые въ прежнее время занимали значительную часть главнаго острова Хондо, распространяясь на югъ до той наиболѣе плодородной области его, гдѣ находится въ настоящее время столица страны; постоянное давленіе южныхъ народностей отодвинуло, однако, это туземное племя до Сангарскаго пролива. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ айны были истреблены; большею же частью они подчинились безъ сопротивленія, вслѣдствіе большой слабости своего

1) Du Halde. Description de la Chine», 1735.—2) Marton. Whitney, Müller Vivien de Saint-Martin.

Типы айновъ.

вооруженія, и, мало-по-малу, слились съ побѣдителями. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Японіи замѣчается скрещиваніе обоихъ типовъ, и прежде всего женщины, какъ элементъ консервативный по преимуществу, сохраняютъ въ значительной степени черты исчезнувшей народности,—формы ихъ плоски, замѣчается сильное развитіе волосяного покрова, небольшіе размѣры глазъ и толщина губъ. Въ нихъ скорѣе всего замѣчается

родственность съ эскимосскими племенами Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ [1]) и съ охотничьими племенами сосѣдняго континента. Впрочемъ, айны обладаютъ сходствомъ и съ европейцами по оттѣнку ихъ кожи, которая совершенно бѣла, по ширинѣ лба и емкости мозга, опредѣляемой въ среднемъ въ 1470 куб. сант.; по своему природному уму они также могутъ считаться равными съ европейцами, и японская народность, быть-можетъ, нашла именно здѣсь первоначальную сокровищницу мысли, послужившую для ея дальнѣйшаго развитія. Большинство путешественниковъ поражается внѣшнимъ сходствомъ, которое представляютъ айны съ крестьянами Великороссіи. Костюмъ ихъ, сшитый изъ матеріи, сдѣланной изъ древесной коры, также приближается къ костюму русскихъ, и грязь айнскихъ деревень прибавляетъ еще одну сходную черту къ ихъ русской внѣшности,—вонь въ домахъ айновъ такова, что путешественникамъ рекомендуется останавливаться съ навѣтренной стороны отъ нихъ!

Къ аинскому элементу, который, повидимому, принималъ далеко не въ самой значительной степени участіе въ образованіи японской націи, присоединились народности другого происхожденія. Прежде всего присоединились такъ называемые «ямато», которые считаются японскими родоначальниками по преимуществу и занимали въ прежнія времена все побережье Тихаго океана, отъ залива Іеддо до южной оконечности Кіу-Сіу,—именно они пріобрѣли, въ концѣ концовъ, перевѣсъ надъ всѣми остальными элементами, и ихъ языкъ, со значительной примѣсью китайскаго, сдѣлался языкомъ, на которомъ говоритъ весь архипелагъ. Можно думать, что эти ямато произошли отъ аборигеновъ страны или же отъ народности, которая первая заняла острова Японіи, придя съ сосѣдняго континента задолго до того, какъ съ запада вторглось въ Китай племя бакъ, совершенно нарушившее равновѣсіе всѣхъ восточныхъ народовъ. Нерѣдко населеніе страны увеличивалось болѣе или менѣе значительными группами эмигрантовъ, приходившими той же самой дорогой, какую избрали первые переселенцы,—такъ, сюда являлись китайцы, маньчжуры и корейцы. Эти послѣдніе были носителями цивилизаціи, просвѣтившими ямато, они наиболѣе часто проникали на архипелагъ острововъ то въ качествѣ завоевателей, то въ видѣ мирныхъ колонистовъ. Племя кипазо или юзу, образовывавшее прежде совершенно особое населеніе на западномъ берегу острова Кіу-Сіу и на южномъ побережьи Хондо, было несомнѣннымъ выходцемъ изъ Кореи и говорило на томъ же языкѣ, какой былъ въ ходу по ту сторону Японскаго моря. Регулярная смѣна муссоновъ, которые здѣсь

1) Rimsky-Korsakow; Savage Landor.

дуютъ то со стороны Кореи, по направленію къ Японіи, то обратно, облегчала заселеніе страны,—въ хорошую погоду рыбаки этихъ водъ

№ 227. Теченія Западнаго Тихаго океана.

Прерывистыми линіями отмѣчены холодныя теченія.

могутъ видѣть вдали острова Кіу-Сіу, Цусиму и другія болѣе мелкія составныя части Японскаго архипелага одновременно съ южными мысами Кореи.

Съ юга и юго-востока пришли съ теченіемъ времени въ Японію другіе колонизаторы. Оливковый цвѣтъ кожи обитателей южной Японіи и острововъ Ліу-Кіу служитъ, повидимому, доказательствомъ въ пользу значительной примѣси малайской крови, и большое количество япон-

цевъ съ длинными, вьющимися, иногда даже курчавыми волосами подтверждаетъ также до нѣкоторой степени гипотезу, по которой собратьями расы, обитавшей на Японскихъ островахъ, являются представители племени альфуру на островѣ Буру и сосѣднихъ островахъ, равно какъ и меланезійцы. Наконецъ, нѣкоторые антропологи склонны думать, что полинезійцы, эти удивительные мореплаватели, столь ловко пользующіеся своими «летучими» судами и своими непотопляемыми лодками съ противовѣсомъ, приняли также участіе въ образованіи населенія Японіи [1]). Аристократическій типъ Нипона является будто бы по преимуществу типомъ полинезійскимъ и, дѣйствительно, именно въ долинахъ, обращенныхъ къ Тихому океану, и въ особенности въ окрестностяхъ Токіо, находятся, главнымъ образомъ, представители, отличающіеся соотвѣтственными чертами лица. Великое теченіе Куро-Сиво или «Черный потокъ», несущее свои воды вдоль восточнаго берега Японіи, служило, вѣроятно, носителемъ и этихъ завоевателей, прибывшихъ съ отдаленныхъ острововъ.

Японскій крестьянинъ.

1) Léon Metchnikov, «Empire Japonais». Genève 1881.

Всѣ изучающіе японскіе рисунки невольно поражаются контрастомъ, который замѣчается на нихъ, между тѣмъ, какъ изображаютъ художники крестьянъ, и какъ ими рисуются аристократы. Представители простого народа, воспроизводимые очень точно, имѣютъ черты лица, приближающіяся къ монгольскимъ — лицо ихъ широкое, плоское съ мало-выдающимся носомъ, низкимъ лбомъ и нормально расположенными вѣками, имѣющими горизонтальное направленіе. Благородные же японцы изображаются, наоборотъ, совершенно условно, лишь отдаленнымъ образомъ сходны со своимъ дѣйствительнымъ типомъ, если допустить, что это типъ полинезійцевъ: лицо ихъ рисуютъ овальнымъ и вытянутымъ, носъ изогнутымъ, орлинымъ, ротъ небольшимъ, незамѣтнымъ, глаза же чрезвычайно косыми, направленными къ носу подъ столь сильнымъ угломъ, какого не встрѣчается ни у одного народа въ мірѣ. Портреты женщинъ, рисованные японскими художниками по установленной традиціи, кажутся въ этомъ отношеніи наиболѣе удивительными,—они производятъ впечатлѣніе полнаго несоотвѣтствія съ природою. Тогда какъ

Японецъ-аристократъ.

на фотографическихъ снимкахъ японскихъ женщинъ ось глаза отклоняется отъ горизонтальной линіи на уголъ въ 2—7°, на рисункахъ японскихъ этотъ уголъ варіируетъ отъ 35 до 44°.

Эта предвзятость художниковъ Японіи напоминаетъ такую же особенность греческихъ скульпторовъ, которые изображали линію лба непосредственно продолжающеюся въ линію носа, безъ какого-либо про-

Японскія дѣти.

межуточнаго углубленія. Каждая художественная школа обладаетъ собственнымъ установленнымъ типомъ и уславливается соблюдать его точнѣйшимъ образомъ! Безъ сомнѣнія, художники всѣхъ странъ избираютъ себѣ модели среди живой природы, но они усиливаютъ тѣ черты, которыя вызываютъ ихъ особое удивленіе, въ силу ли того, что ими обладаютъ боги, создаваемые воображеніемъ художниковъ, или же земные властители, предъ которыми они преклоняются. Какъ ни были наблюдательны японскіе художники, и какъ ни способны они были схватывать и передавать выраженіе лица, имъ приходилось считаться съ установившеюся условностью при изображеніи представителей благородныхъ родовъ или тѣмъ болѣе властителей.

Вполнѣ признавая многоразличіе происхожденія и внѣшняго типа,

представляемаго обитателями обширной цѣпи Японскихъ острововъ, должно замѣтить, что населеніе этихъ острововъ, въ общемъ, представляетъ не бо́льшую разность типовъ, какъ таковая западныхъ европейскихъ народностей, объединенныхъ между собою долгимъ періодомъ тѣсныхъ взаимныхъ сношеній. Единство японскаго народа подготовля-

Крестьянскій домъ близъ Іокогамы.

лось въ теченіе многихъ столѣтій, и внѣшній типъ населенія формировался соотвѣтственно съ окружающей средой, пріобрѣталъ характеръ, гармонирующій съ внѣшними условіями ея. Японія—страна, щедро одаренная природой, и именно вслѣдствіе этого уже японцы находились въ условіяхъ, благопріятныхъ для физическаго и духовнаго развитія. Климатъ страны умѣренный, почва плодородная, пища разнообразная, и жизнь вообще пріятна уже по изобилію окружающихъ великолѣпныхъ и грандіозныхъ ландшафтовъ. Иногда, впрочемъ, мирныя идиллическія сцены сельской жизни внезапно нарушаются страшными катастрофами,— многочисленные въ странѣ вулканы извергаютъ облака пепла на пло-

дородныя долины, почва колеблется и разверзается, море низвергается на берега страшными волнами. Такимъ образомъ, къ свойственнымъ японцамъ по самой природѣ ихъ мягкости и веселости примѣшиваются нерѣдко черты чисто-трагическаго ужаса, и исторія Японіи, дѣйствительно, полна драмъ, свидѣтельствующихъ о господствѣ идеи смерти,—смерть всегда угрожаетъ жителямъ уже со стороны носящей ихъ земли, столь часто колеблющейся и разверзающейся подъ ногами. Внезапныя сотрясенія почвы содѣйствуютъ также, несомнѣнно, развитію мистицизма японцевъ, развитію у нихъ религіознаго культа поклоненія предкамъ и духамъ.

Японцы хвалятся той стойкостью, съ которою они соблюдаютъ древніе обычаи, полученные по наслѣдству отъ предковъ,—соотвѣтственно съ современнымъ прогрессомъ, они даютъ этимъ обычаямъ новое объясненіе. Если вѣрить полулегендарнымъ лѣтописямъ, то продолжительность царствованія современной династіи опредѣляется въ 25 съ половиной вѣковъ. Царствующій нынѣ родъ происходитъ по прямой линіи отъ Мину-Тенно—«богини-завоевательницы», происшедшей отъ боговъ, сотворившихъ міръ; 123 императора слѣдовали одинъ за другимъ безо всякаго междуцарствія изъ поколѣнія въ поколѣніе, начиная съ легендарныхъ временъ до историческихъ,—первые 9 вѣковъ царствованія «Сыновей Солнца» извѣстны, впрочемъ, очень неточнымъ образомъ—о нихъ разсказываются одни чудеса. Настоящая исторія Японіи начинается лишь 16 вѣковъ тому назадъ, съ того времени, какъ въ страну была введена китайская письменность. Въ это же самое время Римская имперія находилась въ состояніи полнаго распаденія, и весь западный міръ перестраивался заново, воспринявъ новую религію и новые элементы народностей. Такъ, обѣ области крайняго востока и крайняго запада развивались параллельно, несмотря на отсутствіе прямыхъ сношеній между собою. Однако, чрезъ посредничество Китая и благодаря тѣмъ медленнымъ теченіямъ въ народной средѣ, которыя установились между европейскимъ склономъ и азіатскимъ, благодаря преданіямъ, отдаленнымъ слухамъ, благодаря обмѣну товарами, переселеніямъ народовъ въ ту и другую сторону, сношенія между обитателями Атлантическаго побережья и островитянами Китайскихъ морей все же существовали, хотя иногда и совершенно безсознательно со стороны народовъ, участвовавшихъ въ нихъ.

Точно также на югъ отъ Срединнаго царства полуострова юго-востока Азіи, столь мѣтко названные Мальбрюномъ «Индо-Китаемъ», получили свою культуру одновременно съ сѣвера и запада; переселенцы разныхъ странъ, различнѣйшія нарѣчія и различные нравы скрещивались тамъ на тысячу ладовъ и вызвали появленіе совершенно особыхъ

цивилизацій. И здѣсь, съ одной стороны, морскія путешествія малайцевъ, съ другой—таковыя же арабовъ, поддерживаютъ постоянно въ приморскихъ городахъ смутные слухи и свѣдѣнія о западномъ мірѣ,—мало-по-малу, народы начинаютъ принимать участіе въ общей жизни даже незамѣтно для самихъ себя!

ИНДІЯ.

Хронологія.

Невозможно требовать какой бы то ни было точности отъ хронологическихъ данныхъ исторіи Индіи въ теченіе періодовъ, предшествовавшихъ той эпохѣ, когда греки подъ предводительствомъ Александра Македонскаго перешли черезъ Индъ. Появленіе въ Пенджабѣ арійцевъ, спустившихся съ горъ, лишь съ большою приблизительностью относятъ ко времени, отдаленному отъ нашего на 37 вѣковъ. 500 или 600 лѣтъ спустя образовались будто бы государства въ долинѣ Ганга.

Собраніе поэмъ «Ригъ-Веда» сложилось отчасти еще на Иранскомъ плоскогоріи, тогда какъ «Рамаяна», какъ предполагаютъ, появилась въ VIII вѣкѣ до Р. Хр.; три другія «Веды» («Сама», «Яжусъ», «Атарва»), «Махабхарата» и законы Ману относятся къ болѣе позднему времени, быть-можетъ, къ первымъ вѣкамъ нашей эры.

Смерть Будды (Гаутама, Сиддарта, Саккья-Муни) относится одними къ 543 г. до Р. Хр.—этотъ годъ принятъ какъ начальный эры Нирваны,—другими годъ смерти его помѣщается между 482 г. и 472 г.

Александръ Македонскій пробылъ въ долинѣ Пенджаба съ 327 по 325 г. до Р. Хр.; 50 лѣтъ спустя Асока-Паядази царствовалъ въ Таксилѣ; это былъ единственный царь до эпохи монгольскаго владычества-область котораго простиралась отъ береговъ Яксарта до береговъ Цейлона.

Не останавливаясь на исторіи мелкихъ царствъ, на которыя распалась затѣмъ Индія, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя личности, содѣйствовавшія мирному преуспѣянію ея:

Скилаксъ, изъ Каріанды, путешественникъ	начало	V	вѣка	до	Р. Хр.
Ктезій, путешественникъ	начало	IV	»	»	»
Панини, грамматикъ	середина	IV	»	»	»
Мегасѳенъ, посланникъ	конецъ	IV	»	»	»
Калидаса, авторъ «Сакунталы» и др. поэмъ . .		III	»	по	»

Уже одно названіе Индіи вызываетъ въ насъ
представленіе о цѣломъ мірѣ чудесъ.

Глава двѣнадцатая.

ИНДІЯ И ИНДУСЫ.—ЦЕЙЛОНЪ.—ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ОБИТАТЕЛИ. ВТОРЖЕНІЕ АРІЙЦЕВЪ.—СТРАНА ПЯТИ РѢКЪ.—ПѢСНИ ВЕДЫ. БРАМАНИЗМЪ.—МІРОВЫЕ ПУТИ И ПРЕГРАДЫ.—КАСТЫ. ПОЯВЛЕНІЕ БУДДИЗМА.—ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО. ГРЕКИ ВЪ АЗІИ.—МОРСКОЙ ПУТЬ.—ПОБѢДОНОСНОЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ БУДДИЗМА.

Географическій терминъ «Индія» въ теченіе историческаго періода замѣчательнѣйшимъ образомъ мѣнялъ свое значеніе. Первоначально это было наименованіе лишь одной рѣки Синду, Инду или Инда нашего времени; позднѣе оно было примѣнено и къ областямъ, которыя орошаются этимъ колоссальнымъ потокомъ; затѣмъ, мало-помалу, его стали примѣнять къ странамъ, располагающимся далеко за предѣлами этой рѣки, къ странамъ, достигающимъ береговъ Тихаго

океана и даже къ разсѣяннымъ близъ нихъ островамъ. Двѣ или три тысячи лѣтъ послѣ того, какъ начались непосредственныя сношенія между побережьями Средиземнаго моря и устьемъ Инда, названія «Индія» и «индійцы» были перенесены на острова континента и обитателей Новаго Свѣта, открытые испанцами. Такимъ образомъ, всѣ области, расположенныя внѣ извѣстныхъ грекамъ странъ земного шара, разсматривались какъ «Индіи», восточныя или западныя и континентальныя или островныя. Въ этомъ смыслѣ географическій терминъ этотъ, обозначающій первоначально не болѣе какъ страну дельты рѣки Синдъ, свидѣтельствуетъ яснѣе, чѣмъ какой-либо иной фактъ, о томъ, насколько поражали жителей Запада продукты, доставляемые изъ-за Иммаусскихъ горъ, и какое мистическое благоговѣніе окружало носителей арійскаго языка и арійской цивилизаціи, устроившихся въ началѣ историческаго періода на берегахъ великой рѣки.

Индія, въ узкомъ смыслѣ этого слова, представляется намъ страной, вполнѣ ясно отграниченной и образующей одно прекрасно выраженное цѣлое. Это столь же опредѣленное географическое понятіе, какъ Италія въ прежнія времена: море на югѣ и на сѣверѣ и величественный амфитеатръ горныхъ вершинъ, тянущійся отъ Аравійскаго моря къ Бенгальскому заливу, отдѣляютъ Индію совершенно рѣзко отъ остальной части Азіи и дѣлаютъ ее обособленною индивидуальностью, чрезвычайно обширною по своему протяженію, такъ какъ она обнимаетъ около 4 милліоновъ кв. километровъ, если разсматривать Индію въ самыхъ общихъ ея очертаніяхъ и не принимать во вниманіе точнаго направленія ея границъ и прилегающихъ къ ней областей или острововъ. Вся Индія имѣетъ почти правильную форму, образуя два треугольника, соединенные своими основаніями,—изъ нихъ сѣверный направленъ своею тупою вершиной къ истокамъ Инда, между горами Афганистана и Кашмира, тогда какъ южный имѣетъ острую вершину, омываемую водами Индійскаго океана. Оба эти треугольника, сложенные основаніями, образуютъ фигуру, сходную съ огромнымъ бумажнымъ змѣемъ, и каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ ясно отграниченной естественной области, характерной по своей природѣ. Сѣверный треугольникъ образованъ бассейнами Инда и Ганга съ ихъ обширными наносными равнинами: эта область во время владычества монголовъ получила спеціальное наименованіе «Индостана». Южный треугольникъ представляетъ собою обширное Деканское плоскогоріе, которое съ сѣвера ограничивается съ почти геометрической правильностью хребтомъ Сатпура и его продолженіями, съ юга же—рѣкой Нарбада. Островъ Цейлонъ составляетъ, несомнѣнно, часть южной Индіи, къ которой онъ привязанъ цѣлой цѣпью подводныхъ рифовъ, являющихся остатками древняго перешейка. Точно также цѣпи острововъ Лакедивскихъ и Малединскихъ и другіе

островки вплоть до отмелей Чагосъ представляются на картѣ морскихъ глубинъ естественнымъ придаткомъ полуострова Индіи.

№ 228. Первоначальная Индія.

Между обѣими столь различающимися между собою областями, сѣверной и южной, существуетъ явственный контрастъ въ смыслѣ почвы,

океана и даже къ разсѣяннымъ близъ нихъ островамъ. Двѣ или три тысячи лѣтъ послѣ того, какъ начались непосредственныя сношенія между побережьями Средиземнаго моря и устьемъ Инда, названія «Индія» и «индійцы» были перенесены на острова континента и обитателей Новаго Свѣта, открытые испанцами. Такимъ образомъ, всѣ области, расположенныя внѣ извѣстныхъ грекамъ странъ земного шара, разсматривались какъ «Индіи», восточныя или западныя и континентальныя или островныя. Въ этомъ смыслѣ географическій терминъ этотъ, обозначающій первоначально не болѣе какъ страну дельты рѣки Синдъ, свидѣтельствуетъ яснѣе, чѣмъ какой-либо иной фактъ, о томъ, насколько поражали жителей Запада продукты, доставляемые изъ-за Иммаусскихъ горъ, и какое мистическое благоговѣніе окружало носителей арійскаго языка и арійской цивилизаціи, устроившихся въ началѣ историческаго періода на берегахъ великой рѣки.

Индія, въ узкомъ смыслѣ этого слова, представляется намъ страной, вполнѣ ясно отграниченной и образующей одно прекрасно выраженное цѣлое. Это столь же опредѣленное географическое понятіе, какъ Италія въ прежнія времена: море на югѣ и на сѣверѣ и величественный амфитеатръ горныхъ вершинъ, тянущійся отъ Аравійскаго моря къ Бенгальскому заливу, отдѣляютъ Индію совершенно рѣзко отъ остальной части Азіи и дѣлаютъ ее обособленною индивидуальностью, чрезвычайно обширною по своему протяженію, такъ какъ она обнимаетъ около 4 милліоновъ кв. километровъ, если разсматривать Индію въ самыхъ общихъ ея очертаніяхъ и не принимать во вниманіе точнаго направленія ея границъ и прилегающихъ къ ней областей или острововъ. Вся Индія имѣетъ почти правильную форму, образуя два треугольника, соединенные своими основаніями,—изъ нихъ сѣверный направленъ своею тупою вершиной къ истокамъ Инда, между горами Афганистана и Кашмира, тогда какъ южный имѣетъ острую вершину, омываемую водами Индійскаго океана. Оба эти треугольника, сложенные основаніями, образуютъ фигуру, сходную съ огромнымъ бумажнымъ змѣемъ, и каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ ясно отграниченной естественной области, характерной по своей природѣ. Сѣверный треугольникъ образованъ бассейнами Инда и Ганга съ ихъ обширными наносными равнинами: эта область во время владычества монголовъ получила спеціальное наименованіе «Индостана». Южный треугольникъ представляетъ собою обширное Деканское плоскогоріе, которое съ сѣвера ограничивается съ почти геометрической правильностью хребтомъ Сатпура и его продолженіями, съ юга же—рѣкой Нарбада. Островъ Цейлонъ составляетъ, несомнѣнно, часть южной Индіи, къ которой онъ привязанъ цѣлой цѣпью подводныхъ рифовъ, являющихся остатками древняго перешейка. Точно также цѣпи острововъ Лакедивскихъ и Малединскихъ и другіе

островки вплоть до отмелей Чагосъ представляются на картѣ морскихъ глубинъ естественнымъ придаткомъ полуострова Индіи.

№ 228. Первоначальная Индія.

Между обѣими столь различающимися между собою областями, сѣверной и южной, существуетъ явственный контрастъ въ смыслѣ почвы,

геологіи, этнологіи и исторіи, такъ что можно разсматривать ихъ совершенно независимо и отдѣльно одну отъ другой.

Весьма вѣроятно, что южная Индія въ до-историческія времена содержала населеніе наиболѣе дѣятельное и наиболѣе культурное уже въ силу того, что она обладала естественными гаванями и островами, которые дѣлали ея очертанія болѣе разнообразными, обладала удобствами судоходства, облегчавшаго ея сношенія съ архипелагомъ малайскихъ острововъ и съ арабскимъ и африканскимъ побережьями. Правильная смѣна муссоновъ, облегчающая торговое движеніе, содѣйствовала обитателямъ морей Индіи открывать далекія страны, посѣщать чуждые народы и производить обмѣнъ самыми различными товарами. Смѣна вѣтровъ и морскихъ теченій вела за собою значительныя удобства передвиженія по морю, такъ какъ позволяла экипажамъ судовъ разсчитывать съ полною увѣренностью на то, что по прошествіи извѣстнаго числа недѣль и мѣсяцевъ вѣтры принесутъ ихъ обратно въ отечество,—они могли вполнѣ довѣриться волнамъ и дѣлать совершенно точные разсчеты. Это явленіе правильной смѣны вѣтровъ было прекрасно извѣстно всѣмъ обитателямъ побережья съ самыхъ первыхъ вѣковъ жизни человѣчества: отъ него зависѣли какъ ихъ образъ жизни, такъ и ихъ нравы и всѣ ихъ дѣйствія. Такое крупное явленіе и не могло оставаться незамѣченнымъ, и открытіе Гиппаломъ плаванія въ открытомъ морѣ съ помощью муссоновъ было открытіемъ лишь для грековъ, которые при своемъ плаваніи по Средиземному морю привыкли къ капризной смѣнѣ вѣтровъ.

Путешественникамъ арабамъ и сомалійцамъ, приплывавшимъ въ Индію изъ своихъ знойныхъ пустынныхъ странъ, берега Конкана и Малабара, съ ихъ восхитительными бѣлыми городами, окаймленными мангровыми зарослями и пальмами, должны были казаться поразительно красивыми, и они, конечно, разсказывали про нихъ всякія чудеса. Благодаря имъ, одно наименованіе Индіи вызывало уже въ представленіи слушателей цѣлый міръ чудесъ, — у жителей Запада это названіе было синонимомъ страны безчисленныхъ сокровищъ, созданныхъ природой и добытыхъ искусствомъ человѣка: изъ Индіи шло золото, жемчугъ, слоновая кость, алмазы, драгоцѣнныя перья и раковины, превосходныя матеріи изъ хлопка, шерсти и шелка. Кромѣ того, индійскимъ волшебникамъ приписывалась способность создавать своими заклинаніями еще болѣе поразительныя сокровища. Такимъ образомъ, Индійскій полуостровъ былъ окруженъ поэтической дымкой таинственности, еще болѣе возвеличивавшей его дѣйствительныя богатства: все, что было извѣстно объ Индіи, подтверждало разсказы объ этой чудесной странѣ, и басни о ней разрастались до безконечности и переходили отъ одного народа къ другому, слѣдуя по историческимъ путямъ; на основаніи этихъ басенъ можно было думать, что Индія представляетъ собою настоящій рай!

Долина Джелама близъ Сринагара.

Еще болѣе поразительными, однако, чѣмъ самый полуостровъ Индіи, должны были представляться прежнимъ мореходамъ лежащіе къ югу отъ нея острова, которые находятся въ связи съ нею, — съ одной стороны, Малединскіе острова, съ другой — обширный островъ Цейлонъ. Коралловые острова, образованные подобно Малединскимъ кольцеобразными рифами, поднимающимися среди глубокаго моря и содержащими внутри круглую лагуну спокойной воды, встрѣчаются и во многихъ другихъ тропическихъ моряхъ, но нигдѣ кольцеобразные острова или атоллы не образуютъ такихъ правильныхъ рядовъ и не встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ. 19 архипелаговъ, расположенныхъ на протяженіи 8^0 широты съ сѣвера на югъ, образуютъ въ общей сложности вытянутую цѣпь, и каждый изъ нихъ слагается изъ множества колецъ, образуемыхъ островами и островками также кольцеобразной формы, — кольцеобразная форма атолла воспроизводится такимъ образомъ здѣсь многократно. «Двѣнадцать тысячъ» — таково число острововъ, надъ которыми простирается власть малединскаго султана, какъ признается имъ самимъ; моряки, однако, которые занимались счетомъ этихъ острововъ, насчитываютъ ихъ еще бо́льшее количество, по меньшей мѣрѣ, 40000.

Всѣ эти острова построены совершенно одинаковымъ образомъ коралловыми полипами и поднимаются на 2 метра надъ уровнемъ моря,—всюду на нихъ однѣ и тѣ же кокосовыя пальмы, склоняющіяся надъ чертою прибоя, и безконечное множество раковинъ, выполняющихъ трещины известняка и покрывающихъ песчаный берегъ. Моряки всегда боялись этихъ острововъ, внезапно поднимающихся изъ глубинъ океана, но, съ другой стороны, уже въ теченіе многихъ тысячелѣтій они являлись спеціально къ берегамъ Малединскихъ острововъ, чтобы собирать бѣлыя раковинки каури, которыя до того времени, какъ золото и серебро сдѣлались всеобщимъ мѣновымъ предметомъ, служили широко распространенной монетой по всѣмъ побережьямъ Индійскаго океана; раковины эти еще недавно были необходимымъ товаромъ на всѣхъ рынкахъ Африки, вплоть до бассейна Нигера и до Сенегала.

Цейлонъ,—этотъ огромный островъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ отдѣленный отъ континента, воспроизводитъ всѣ красоты Индіи,—это, дѣйствительно, вторая Индія, обладающая также достаточными размѣрами и поражающая великолѣпіемъ своей природы. Обширный массивъ горъ, возвышающійся на югѣ острова, походитъ на тѣ группы хребтовъ, которыя поднимаются въ южной части полуострова Индіи; горы эти получили большую извѣстность, благодаря одной изъ своихъ вершинъ, не самой, впрочемъ, высокой изъ нихъ, — на ней находится среди рощъ высокихъ рододендроновъ отпечатокъ ноги,—христіане и магометане считаютъ этотъ отпечатокъ слѣдомъ ноги прародителя Адама, буддисты признаютъ его отпечаткомъ ноги Будды. Этотъ «пикъ Адама» получилъ извѣстность, однако, не только среди ревностныхъ поклонниковъ различныхъ религій,—онъ знаменитъ и своимъ богатствомъ драгоцѣнными камнями, гранатами, сапфирами, топазами и рубинами; съ южной стороны горы морской берегъ близъ Ратнапура или «города рубиновъ» образованъ сплошь изъ песка, въ который воды и намыли драгоцѣнные камни. Въ сѣверной части острова, на холмѣ, гдѣ у подножья располагалась столица Цейлона Анараджапура, находился, какъ гласитъ преданіе, храмъ, на вершинѣ котораго сверкалъ карбункулъ огненнаго цвѣта, испускавшій изъ себя лучи, какъ маякъ. По другимъ разсказамъ, на Цейлонѣ находился колоссальный магнитъ, къ которому притягивались съ большою силою корабли, плывшіе по океану, — на самомъ дѣлѣ, такимъ магнитомъ былъ самъ островъ Цейлонъ, эта замѣчательная страна драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Красоты Цейлона обусловливаются, главнымъ образомъ, его роскошной растительностью, сходною съ растительностью Явы и Борнео. Однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ по красотѣ мѣстъ всего міра является естественный садъ въ 200 километровъ длины, на юго-западномъ берегу острова, между столицей его Коломбо и Матурой—городомъ, расположеннымъ на

южной оконечности Цейлона. Тысячи кокосовыхъ пальмъ поднимаютъ здѣсь свои махровыя верхушки надъ благоухающими, покрытыми цвѣтами кустарниками, между ними возвышаются другія пальмы, среди которыхъ особенно восхитительна зонтичная пальма (Corypha umbraculifera), — цвѣты ея, развивающіеся на пятидесятомъ году жизни растенія, такъ красивы, что посмотрѣть на нихъ приходятъ издалека. Всѣ растенія покрыты цвѣтами, между деревьями свѣшиваются граціозныя ліаны, сквозь которыя просвѣчиваютъ голубоватыя горы. Множество различныхъ великолѣпныхъ плодовъ созрѣваетъ на вѣтвяхъ деревьевъ этого райскаго сада,—они доставляютъ пищу туземцамъ, которые по красотѣ своей гармонируютъ съ красотою природы. «Ни одна страна въ мірѣ не производитъ впечатлѣнія страны болѣе счастливой»[1]), и ни одна страна, какъ гласятъ древнія преданія, не привлекала къ себѣ болѣе сильно чужеземныхъ посѣтителей. Съ самой

№ 229. Ари, одинъ изъ атолловъ Малдивскихъ острововъ.

Цифры указываютъ глубину въ метрахъ.

---

[1]) Ernest Haeckel «Lettres d'un Voyageur dans l'Inde». Paris. 1884.

глубокой древности, островъ Цейлонъ имѣлъ первоклассное значеніе: онъ былъ чрезвычайно густо населенъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ развалины городовъ, покрытыя теперь зарослями дѣвственнаго лѣса.

Въ воображеніи народовъ, жившихъ далеко отъ Цейлона и знавшихъ его лишь по полнымъ чудесъ разсказамъ, островъ этотъ—островъ Тапробане или Тамрапарни, т.-е. «сверкающій какъ мѣдь», — разросся до чрезвычайности. Его считали въ 10, даже въ 20 разъ болѣе обширнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности: карта Клавдія Птоломея показываетъ его именно такимъ, какимъ его себѣ тогда представляли,— это была Индія по преимуществу. Являлся ли онъ также центромъ разселенія народностей? Это почти не подлежитъ никакому сомнѣнію, — каждое развитіе цивилизаціи влечетъ за собою разсѣяніе энергіи! Одинъ изъ изслѣдователей, А. де-Паньяга, старается доказать въ своемъ сочиненіи «Героическія времена», что Дравидія, въ составъ которой входитъ и Цейлонъ, являлась, благодаря своимъ купцамъ, проникавшимъ очень далеко, великой воспитательницей всего остальнаго свѣта, въ томъ числѣ и Западной Европы, въ эпоху, предшествовавшую арійскому вторженію.

Какъ ни знаменитъ былъ Цейлонъ ходившими о немъ легендами и разсказами путешественниковъ, посѣщеніе его въ отдаленныя времена первобытной исторіи должно было все же являться случаемъ рѣдкимъ. Передвиженіе совершалось тогда медленно, и путешествіе часто нарушалось всевозможными приключеніями: мореходъ, прощавшійся съ берегами своей родины, въ глубинѣ своей души питалъ лишь слабую надежду увидѣть ихъ когда-либо вновь. Ему грозило крушеніе судна на рифахъ, продолжительное пребываніе на песчаныхъ меляхъ, гдѣ единственной пищей могли служить развѣ лишь краббы, моллюски и, быть-можетъ, плоды, приносимые теченіемъ; онъ легко могъ попасть въ страны, населенныя людоѣдами, и долженъ былъ быть готовымъ ко всевозможнымъ бѣдствіямъ, къ сраженіямъ съ морскими разбойниками и другими врагами; зато его ожидали также и счастливыя открытія и возможность внезапнаго обогащенія, его влекло также и наслажденіе величественными зрѣлищами природы отдаленныхъ странъ. Этимъ объясняется та смѣсь, съ одной стороны, восхищенія, съ другой—ужаса, какую мы видимъ въ разсказахъ первыхъ мореходовъ, блуждавшихъ по Индійскимъ морямъ. Вплоть до конца среднихъ вѣковъ географы разсказываютъ о Лакедивскихъ островахъ,—цѣпи островковъ, выдвинутыхъ впереди Цейлона,—какъ объ участкахъ земли, живущихъ на подобіе растеній и проходящихъ всѣ стадіи органической жизни, — они рождаются, растутъ, старѣются и разлагаются. «Когда обитатели замѣчаютъ, что почва подъ ихъ ногами не надежна, они выбираютъ островъ, который находится въ стадіи роста, переносятъ туда свои кокосовыя пальмы,

другія культивируемыя растенія и все свое имущество и устраиваются тамъ, возводя новыя жилища» 1). Сказки «Тысячи и одной ночи» вос-

№ 230. Островъ Цейлонъ.

производятъ басни и разсказы путешественниковъ въ относительно современной формѣ; первобытные же разсказы, передававшіеся изъ устъ въ уста ранѣе, относятся, безъ сомнѣнія, ко временамъ, отдаленнымъ на

1) Albirouny; Jos. T. Reinaud. «Relations des Voyages des Arabes», tome I, Paris, 1845.

многія тысячелѣтія, и составляютъ вмѣстѣ съ пословицами и сказками, быть-можетъ, наиболѣе древнее литературное произведеніе всего міра, значительно предшествующее Ведамъ и Библіи.

Страна столь обширная, какъ южная Индія съ прилегающими островами, должна была, несомнѣнно, получить въ теченіе вѣковъ самое разнообразное населеніе,—различныя народности смѣняли одна другую: самая природа страны, ея рельефъ и климатъ обусловливали это. Разсматривая въ общихъ чертахъ обширный треугольникъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, ограниченныхъ съ сѣвера долинами Инда и Ганга, можно констатировать, что онъ слагается изъ двухъ направленныхъ въ противоположныя стороны склоновъ,—одинъ изъ нихъ сильно наклонный и мѣстами даже крутой, господствуетъ надъ Аравійскимъ моремъ, другой, противоположный, болѣе покатый, почти незамѣтный склонъ, спускается къ Бенгальскому заливу. Распредѣленіе народностей на этой обширной территоріи происходило естественнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ такими географическими условіями. Туземныя племена держались какъ бы островками на крутыхъ массивахъ горъ, господствующихъ надъ плоскогоріемъ и въ глубинѣ своихъ лѣсовъ, гдѣ имъ легче всего было отражать вторженіе пришельцевъ; народности болѣе цивилизованныя, обладавшія болѣе значительными средствами для утвержденія своей власти, устроились на наклонныхъ склонахъ плоскогорія, тогда какъ гавани западнаго берега и узкая полоска, къ которой эти гавани даютъ доступъ, получили чужеземцы, пришедшіе изъ самыхъ различныхъ отдаленныхъ странъ, благодаря существованію муссоновъ.

Въ ту эпоху, къ которой относится начало исторіи южной Индіи и Цейлона, туземныя племена, носившія ясно выраженный характеръ, были, безъ сомнѣнія, болѣе многочисленны, чѣмъ теперь, послѣ трехъ тысячелѣтій развитія, обусловившаго ассимиляцію и объединеніе многихъ изъ нихъ. Весьма вѣроятно, что, несмотря на колонизацію и завоеванія, оттѣснившія часть туземныхъ племенъ, тѣ изъ послѣднихъ, которыя до сихъ поръ сохраняютъ прежніе нравы и обычаи, занимаютъ тѣ же области, въ какихъ жили ихъ предки: территорія ихъ сузилась, но внѣшнія условія, позволяющія имъ въ настоящее время защищаться, предохраняли и прежде ихъ тѣмъ надежнѣе, чѣмъ они были многочисленнѣе. Мѣстныя преданія свидѣтельствуютъ о томъ, что народы, превратившіеся въ настоящее время въ паріевъ, были нѣкогда могущественными и занимали области гораздо болѣе обширныя. Кровь этихъ народовъ, утратившихъ теперь значеніе, течетъ въ жилахъ современныхъ индусовъ, извѣстныхъ подъ различными наименованіями.

Большинство племенъ центральной и южной Индіи, обозначаемыхъ нынѣ англичанами подъ общимъ названіемъ «hillmen», т.-е.

землю, которая требовала ихъ крови, плодородною и привлечь милость боговъ на сторону своего народа, шли сами радостно подъ ножъ жреца или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что соглашаются съ радостью;

№ 232. Восточный и западный склоны южной Индiи.

1 : 6 000 000

0 100 150 300 килом.

Мадрасъ въ настоящее время городъ съ почти 500000 жителей, Бенгалоре и Пондишери содержатъ по 150000, другiе нанесенные на карту города обладаютъ населенiемъ, превосходящимъ или почти достигающимъ 50000 жителей.

чаще, однако, жрецы достигали кажущагося успокоенiя своей жертвы при помощи одуряющихъ напитковъ. Сообразно съ племенемъ и согласно съ модою—такъ какъ мода проникаетъ и въ подобныя страшныя обрядности—способъ умерщвленiя варiировался,—жертвѣ или отрубали

голову, или перерѣзали шею, и земля насыщалась теплой дымящейся кровью, а всѣ зрители набрасывались на трепещущее еще тѣло и отрѣзали отъ него ножами или отрывали ногтями и зубами клочья мяса,—мясо это затѣмъ зарывалось на поля, чтобы обусловить хорошую жатву, или пряталось подъ очагами домовъ, чтобы достичь благополучія и процвѣтанія семьи [1]).

Оттѣсненныя въ горы и лѣса племена, которымъ удалось, благодаря страху предъ чужеземцами, сохраниться въ полной изолированности, остаются почти въ сторонѣ отъ всякой эволюціи и потому походятъ совершенно на своихъ предковъ, жившихъ тысячи лѣтъ тому назадъ,—они находятся, такъ сказать, въ инцистированномъ состояніи внутри міроваго организма. Нѣкоторыя горныя племена, напримѣръ, санталы и ораоны, избѣгаютъ всѣми возможными средствами встрѣчи съ людьми цивилизованныхъ народностей, избѣгаютъ даже смотрѣть на нихъ: «видъ индуса—говоритъ одна изъ ихъ пословицъ—страшнѣе и ужаснѣе вида змѣи или пантеры» (Гунтеръ). Прежде племя веддовъ, обитавшее въ восточныхъ лѣсахъ Цейлона, избѣгало встрѣчи даже съ тѣми чужеземцами, съ которыми оно вело торговлю. Когда торговцы извѣщали веддовъ о своемъ прибытіи звуками рога или барабана, обитатели деревни приготовляли груду товаровъ и складывали ихъ въ сумеркахъ на лѣсной опушкѣ. При помощи различныхъ курьезныхъ знаковъ, представляющихъ ихъ письмо, они указывали купцамъ, какіе товары необходимы имъ въ обмѣнѣ, и приходили за ними на слѣдующую ночь. Сомнительно, однако, чтобы ведды, какъ это предполагалось въ прежнія времена, являлись настоящими первобытными людьми, не достигшими еще самыхъ первыхъ ступеней цивилизаціи; скорѣе ихъ можно разсматривать какъ племя, пришедшее въ упадокъ, позабывшее то, что оно знало ранѣе, и разучившееся даже строить хижины, ткать матеріи и обжигать глиняные сосуды. Большинство антропологовъ склоняется къ этому послѣднему мнѣнію, и оно является справедливымъ и по представленіямъ сингалезовъ, которые утверждаютъ, что ведды принадлежали ранѣе къ высшей кастѣ, были «сыновьями царей». Катрфажъ [2]) видитъ въ веддахъ потомковъ негритосовъ съ завоевателями арійской расы. Оливье Борегаръ считаетъ ихъ остаткомъ древней колоніи малайцевъ, которые смѣшались съ туземными дравидами, приняли ихъ языкъ и затѣмъ были постепенно оттѣснены въ лѣса завоевателями арійцами,—именно отъ своихъ предковъ малайцевъ, будто бы, получили они укоренившуюся въ нихъ наклонность къ торговлѣ.

---

1) Elie Reclus. «Les Primitifs». pp. 357 ss., по Arbuthnot, Macpherson, Dalton и др. 2) «Introduction à l'Étude des Races Humaines», pp. 347 à 349.

землю, которая требовала ихъ крови, плодородною и привлечь милость боговъ на сторону своего народа, шли сами радостно подъ ножъ жреца или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что соглашаются съ радостью;

№ 232. Восточный и западный склоны южной Индіи.

1 : 6 000 000

0 100 150 300 килом.

Мадрасъ въ настоящее время городъ съ почти 500000 жителей, Бенгалоре и Пондишери содержатъ по 150000, другіе нанесенные на карту города обладаютъ населеніемъ, превосходящимъ или почти достигающимъ 50000 жителей.

чаще, однако, жрецы достигали кажущагося успокоенія своей жертвы при помощи одуряющихъ напитковъ. Сообразно съ племенемъ и согласно съ модою—такъ какъ мода проникаетъ и въ подобныя страшныя обрядности—способъ умерщвленія варіировался,—жертвѣ или отрубали

голову, или перерѣзали шею, и земля насыщалась теплой дымящейся кровью, а всѣ зрители набрасывались на трепещущее еще тѣло и отрѣзали отъ него ножами или отрывали ногтями и зубами клочья мяса,— мясо это затѣмъ зарывалось на поля, чтобы обусловить хорошую жатву, или пряталось подъ очагами домовъ, чтобы достичь благополучія и процвѣтанія семьи [1]).

Оттѣсненныя въ горы и лѣса племена, которымъ удалось, благодаря страху предъ чужеземцами, сохраниться въ полной изолированности, остаются почти въ сторонѣ отъ всякой эволюціи и потому походятъ совершенно на своихъ предковъ, жившихъ тысячи лѣтъ тому назадъ,—они находятся, такъ сказать, въ инцистированномъ состояніи внутри міроваго организма. Нѣкоторыя горныя племена, напримѣръ, санталы и ораоны, избѣгаютъ всѣми возможными средствами встрѣчи съ людьми цивилизованныхъ народностей, избѣгаютъ даже смотрѣть на нихъ: «видъ индуса—говоритъ одна изъ ихъ пословицъ—страшнѣе и ужаснѣе вида змѣи или пантеры» (Гунтеръ). Прежде племя веддовъ, обитавшее въ восточныхъ лѣсахъ Цейлона, избѣгало встрѣчи даже съ тѣми чужеземцами, съ которыми оно вело торговлю. Когда торговцы извѣщали веддовъ о своемъ прибытіи звуками рога или барабана, обитатели деревни приготовляли груду товаровъ и складывали ихъ въ сумеркахъ на лѣсной опушкѣ. При помощи различныхъ курьезныхъ знаковъ, представляющихъ ихъ письмо, они указывали купцамъ, какіе товары необходимы имъ въ обмѣнѣ, и приходили за ними на слѣдующую ночь. Сомнительно, однако, чтобы ведды, какъ это предполагалось въ прежнія времена, являлись настоящими первобытными людьми, не достигшими еще самыхъ первыхъ ступеней цивилизаціи; скорѣе ихъ можно разсматривать какъ племя, пришедшее въ упадокъ, позабывшее то, что оно знало ранѣе, и разучившееся даже строить хижины, ткать матеріи и обжигать глиняные сосуды. Большинство антропологовъ склоняется къ этому послѣднему мнѣнію, и оно является справедливымъ и по представленіямъ сингалезовъ, которые утверждаютъ, что ведды принадлежали ранѣе къ высшей кастѣ, были «сыновьями царей». Катрфажъ [2]) видитъ въ веддахъ потомковъ негритосовъ съ завоевателями арійской расы. Оливье Борегаръ считаетъ ихъ остаткомъ древней колоніи малайцевъ, которые смѣшались съ туземными дравидами, приняли ихъ языкъ и затѣмъ были постепенно оттѣснены въ лѣса завоевателями арійцами,—именно отъ своихъ предковъ малайцевъ, будто бы, получили они укоренившуюся въ нихъ наклонность къ торговлѣ.

---

1) Elie Reclus. «Les Primitifs». pp. 357 ss., по Arbuthnot, Macpherson, Dalton и др. 2) «Introduction à l'Étude des Races Humaines», pp. 347 à 349.

Хижина племени тода въ Голубыхъ горахъ (Нильгири).

Туземцы этого почти исчезнувшаго племени носятъ длинныя бѣлыя одежды по предписанію индійскаго правительства въ 1870 году [1]).

Какъ бы то ни было, изученіе самыхъ древнихъ лѣтописей Индіи переноситъ насъ въ ту эпоху исторіи, когда населеніе полуострова было не менѣе разнообразно, чѣмъ въ наше время, или даже, пожалуй, отличалось еще бо́льшимъ разнообразіемъ. Кромѣ дикихъ племенъ и племенъ регрессировавшихъ и оттѣсненныхъ въ естественныя укрѣпленія горъ или въ чащи лѣсовъ, въ Индіи были тогда представлены и цивилизованныя народности. Въ южной Индіи встрѣчаются представители всѣхъ типовъ человѣческаго рода: нѣкоторые туземцы походятъ на негровъ, другіе на австралійцевъ, на малайцевъ и даже на португальскихъ или польскихъ евреевъ; наблюдаются всѣ переходы въ оттѣнкахъ кожи между совершенно чернымъ цвѣтомъ ея и бѣлымъ. Если, впрочемъ, судить по языку, то огромное количество населенія слагается изъ народностей, родственныхъ между собою, и даетъ общее названіе дравидовъ или дравировъ. Антропологи согласны въ общемъ съ тѣмъ, что въ нихъ не слѣдуетъ видѣть аборигеновъ полуострова, и что, на самомъ дѣлѣ, они пришли изъ сѣверо-западныхъ областей, какъ пришли позднѣе и арійцы: они стоятъ скорѣе всего въ связи съ брахами Белуджистана,

1) Elie Reclus, op. cit., p. 311.

но во времена первобытной исторіи Индіи они устроились уже прочно въ южныхъ провинціяхъ,—островки, занятые коларійцами и другими побѣжденными народностями, были окружены ими какъ моремъ. Весьма вѣроятно, что до вторженія арійцевъ наиболѣе могущественными дравидами были тѣ, потомки которыхъ говорятъ на нарѣчіи телугу, этомъ «итальянскомъ языкѣ» Индіи,—они обитаютъ въ области Майзуръ и на Коромандельскомъ берегу и обладаютъ самой богатой литературой южной Индіи, въ смыслѣ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ. Изученіе ихъ языка доказало историкамъ, что еще до вліянія санскритскаго языка, сильно измѣнившаго ихъ нарѣчіе, племя телугу обладало богатымъ запасомъ словъ и терминовъ, относящихся къ различнымъ техническимъ производствамъ. Находясь уже на достаточно высокой степени цивилизаціи, дравиды умѣли изготовлять круглые глиняные сосуды и обжигать ихъ, умѣли прясть, ткать и красить матеріи, строили лодки и даже палубные корабли, изготовляли вещи изъ различныхъ металловъ, которые всѣ имъ были знакомы, за исключеніемъ олова, цинка и свинца, строили крѣпости и храмы и писали на пальмовыхъ листьяхъ [1]). Не извѣстно, текла ли кровь негритосовъ въ ихъ жилахъ, какъ то думаетъ Катрфажъ, или они являлись родственными азіатскимъ народамъ, но, во всякомъ случаѣ, дравиды въ теченіе многихъ тысячелѣтій уже принадлежатъ къ цивилизованнымъ народамъ, и благодаря вторженію въ ихъ область арійцевъ, происшедшему за нѣсколько вѣковъ до начала періода писанной исторіи, они являются поставленными непосредственно въ связь со всѣми народами, которые по своимъ нарѣчіямъ примыкаютъ къ индо-европейцамъ.

Сѣверная Индія и, въ частности, верховья бассейна рѣки Инда, сходствами въ языкѣ и въ цивилизаціи привязаны наиболѣе тѣсно къ Ирану и къ европейскому міру; въ силу этого сѣверная Индія гораздо ранѣе, чѣмъ южная, вошла въ кругъ странъ, захватываемыхъ писанной исторіей, и настолько привлекала къ себѣ постепенно вниманіе писателей, что нерѣдко казалось даже, что она представляетъ собою всю Индію, во всемъ ея цѣломъ. «Веды», т.-е. собраніе пѣсенъ и молитвъ народностей, устроившихся въ сѣверо-западномъ углу современной Индіи, являются «центральнымъ солнцемъ, лучи котораго освѣщаютъ начало и происхожденіе всей жизни Индіи—они освѣщаютъ персовъ на востокѣ, арійцевъ-эллиновъ на западѣ, славяно-германцевъ на сѣверо-западѣ и туранцевъ на сѣверо-востокѣ» [2]). Какъ не велика, однако, область, въ предѣлахъ которой горитъ это солнце, освѣщающее зарожденіе нашего цивилизованнаго міра! Среди 1028 пѣсенъ «Ведъ» нѣтъ ни одного мѣста, которое могло бы дать поводъ думать, что авторы этихъ пѣсенъ имѣли какое-либо предста-

1) Julien Vinson.—2) Hermann Brunnhofer. «Vom Aral bis zur Gangâ», p. XXV.

Индусская деревня близъ Калькутты.

вленіе объ устьяхъ рѣки Инда; они упоминаютъ лишь «Семь рѣкъ», т.-е притоки верхняго Инда, и рѣки Сетледжъ, Гангъ и Джамну. Время составленія пѣсенъ «Ведъ» относится къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 3700 лѣтъ, и, слѣдовательно, въ теченіе всего этого періода переселенцы, пришедшіе изъ Ирана, занимаютъ прочно сѣверо-западную часть полуострова Индіи. Въ ту отдаленную эпоху они не проникли еще, повидимому, въ другія области страны [1]).

Миѳологическая хронологія брамановъ раздѣляетъ всю исторію народа на четыре вѣка, слѣдовавшіе одинъ за другимъ. Въ теченіе перваго вѣка, соотвѣтствующаго «золотому тельцу» греческихъ писателей, человѣкъ былъ болѣе добродѣтеленъ, болѣе счастливъ и пользовался болѣе продолжительной жизнью; въ теченіе второго вѣка жизнь укоротилась, появились пороки и несчастья; въ третьемъ вѣкѣ физическое и моральное паденіе рода человѣческаго сдѣлало огромные успѣхи и, наконецъ, въ теченіе четвертаго вѣка, который и является современнымъ періодомъ, зло настолько восторжествовало надъ добромъ, что добрые люди принуждены удаляться отъ міра. Въ силу этого совершавшіяся событія вовсе не передаются мудрецами — они слишкомъ унижаютъ ихъ

1) Op. cit. p. X.

достоинство; указывается лишь время начала нашего вѣка,—оно, по ученію брамановъ, относится къ эпохѣ, отдаленной на 50 вѣковъ [1]). По всей вѣроятности, это доказываетъ, что древніе писатели Индіи относили къ этому періоду, сходному съ періодомъ, указываемымъ въ Библіи, событія, предшествовавшія переселенію въ Индію иранцевъ.

Откуда пришли эти пѣвцы гимновъ «Ведъ», стоявшіе въ такой тѣсной духовной связи съ иранцами запада? Пути, по которымъ они шли, намѣчаются долинами и перевалами, пересѣкающими великія горы Центральной Азіи. Взглядъ, брошенный на карту, показываетъ совершенно очевиднымъ образомъ, какъ совершалась арійская колонизація, описанная въ «Vendidad»—одной изъ главъ «Авесты» иранцевъ,—оно шло, главнымъ образомъ, съ сѣвера на югъ черезъ Паропамизъ, по огромному прорыву рѣки Герата между Арахозіей и Маргіаной. Еще болѣе прямые пути были намѣчены природой къ востоку отъ этого прохода: это были различные перевалы черезъ Гиндукушъ, которые позволяютъ проникнуть непосредственно изъ высокихъ долинъ бассейна Оксуса въ долины верхнихъ притоковъ Инда и обладаютъ столь значительными преимуществами для передвиженія народовъ, что послѣдніе не могли ими не воспользоваться. И, на самомъ дѣлѣ, оба склона этихъ горъ населены арійскими народностями чрезвычайно ясно выраженнаго типа,—одни изъ нихъ собраны въ обширныя группы, другія—разсѣяны среди племенъ иного происхожденія.

Одинъ изъ горныхъ проходовъ, именно перевалъ Баміанъ, имѣлъ въ древности столь крупное значеніе, что его можно считать однимъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ центровъ Стараго Свѣта; онъ получилъ, кромѣ того, и совершенно особое значеніе, такъ какъ служилъ основнымъ путемъ сообщенія между двумя главнѣйшими народностями, говорящими на арійскомъ нарѣчіи—народностями, которыя въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія развитія человѣчества проявляли наибольшую иниціативу. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двухъ съ половиной тысячъ, т.-е. въ продолженіе всей исторической эпохи, предшествовавшей завоеванію моря португальцами, а можетъ-быть, кромѣ того, и въ продолженіе безконечнаго ряда вѣковъ до-историческаго періода, этотъ Баміанскій проходъ, находящій себѣ дальнѣйшее продолженіе къ Инду въ долинѣ Кабула и въ ущельѣ Хаиберъ, былъ, къ востоку отъ Герата, почти единственными вратами, чрезъ которыя слѣдовали караваны купцовъ, паломники, арміи и переселяющіеся народы. Должно сказать, впрочемъ, что пересѣченіе заслона горъ представляетъ здѣсь все же значительныя

1) Jos. T. Reinaud. «Memoire sur l'Inde», 1846. Начало современной эры относится имъ на 4918 лѣтъ до 1846 г.

трудности; начиная съ вышины въ 2000 метровъ, на какой находится высо-

№ 233. Нарѣчія Деккана.

Нѣкоторыя племена, напр., племя биль, говорятъ въ настоящее время на арійскомъ нарѣчіи и разсматриваются какъ происшедшія отъ дравидскаго корня.

кая долина Кабула, разстояніе, которое приходится пройти, чтобы спу-

ститься на такую же высоту въ одну изъ долинъ притоковъ Оксуса, составляетъ болѣе 150 километровъ; кромѣ главнаго, приходится миновать нѣсколько второстепенныхъ переваловъ: такъ, на югѣ—перевалъ Хаджикакъ, на сѣверѣ—перевалъ Каракоталъ, главный перевалъ относительно невысокъ, такъ какъ достигаетъ 3715 метровъ надъ уровнемъ моря, находясь въ то же время между 34° и 35° сѣв. шир.—онъ, слѣдовательно, располагается примѣрно на 1000 метровъ ниже границы вѣчныхъ снѣговъ. Большое удобство его заключается въ томъ, что доступъ къ нему по обоимъ склонамъ не труденъ: онъ настолько легокъ, что англичане въ 1839 и 1840 гг., слѣдуя по дорогамъ, протоптаннымъ передъ ними сотнями поколѣній, могли безъ особыхъ усилій пересѣчь здѣсь горы вмѣстѣ со своей артиллеріей [1]). Другіе болѣе высокіе перевалы—Иракъ, Чибръ, Талъ, Кавакъ—прорѣзаютъ хребетъ Гиндукуша къ сѣверо-востоку отъ Баміанскаго перевала, и всѣ гораздо затруднительнѣе, вслѣдствіе большей своей высоты или снѣговъ; всѣ они направлены непосредственно къ рѣкѣ Кабулу и образуютъ, слѣдовательно, также пути, связующіе Индію съ западнымъ Ираномъ.

Всѣ эти пути, столь важные по самому своему положенію, пріобрѣтаютъ въ міровой исторіи еще болѣе исключительное значеніе благодаря имѣющимся вблизи нихъ залежамъ рудъ. Извѣстно, какъ дорого цѣнились въ прежнія времена западными народностями оружіе и другіе предметы, сдѣланные изъ бронзы; между тѣмъ залежи рудъ, необходимыхъ для добыванія олова, непремѣнной составной части бронзы, очень немногочисленны на поверхности земного шара, и многія изъ наиболѣе богатыхъ залежей оставались неизвѣстны грекамъ. До того, какъ финикіяне открыли путь къ Касситеридскимъ островамъ, единственными мѣстностями, часто посѣщавшимися купцами, были Иберія на Кавказѣ и хребетъ Паропамизъ, т.-е. современный Гиндукушъ. Въ области Баміанъ, близъ водораздѣла, между притоками Оксуса, Инда и Гельменда, встрѣчаются многочисленныя залежи олова, и сохраняются до сихъ поръ остатки шахтъ и штоленъ, свидѣтельствующіе о добываніи его въ древности (Ленорманъ).

Историческій путь черезъ Баміанъ служилъ столь часто для прохода армій завоевателей, что у географа, положительно, является желаніе считать его прежде всего именно великимъ военнымъ путемъ. Чрезъ этотъ перевалъ прошли арміи мидянъ и персовъ, чрезъ него же позднѣе спустились македонскія войска подъ начальствомъ Александра Великаго, слѣдомъ за нимъ тѣмъ же путемъ шли въ теченіе долгихъ вѣковъ историческаго періода и многія другія вооруженныя силы. Однако, и мирная жизнь народовъ, представленная торговлею ихъ, пользовалась

1) Kaye. Proceedings of the Georaphical Society of London, avril 1879.

Женщины племени кулу въ верховьяхъ рѣки Біасъ.

этимъ путемъ сообщенія: произведенія промышленности и идеи передавались по нему съ одного склона горъ на другой. Другіе проходы Гиндукуша были также использованы съ мирными цѣлями сосѣдними народностями, и не подлежитъ сомнѣнію, что и стѣна, ограничивающая Индію съ запада, т.-е. хребетъ, носящій въ настоящее время наименованіе «хребта Соломона» или Сулейманъ-Дага, пересѣкался также многочисленными путями, по которымъ обитатели Индіи вступали въ сношенія съ жителями плоскогорій Дрангіаны и Арахозіи. Какъ бы въ силу замѣчательнаго раздѣленія труда, одинъ изъ этихъ проходовъ, именно перевалъ Гомалъ, высота котораго не превышаетъ 2100 метровъ, несмотря на то, что онъ огибаетъ съ сѣвера высокую

вершину Тактъ-и-Сулейманъ, служилъ во всѣ времена для передвиженія каравановъ, которые обыкновенно стараются избѣгать военныхъ путей,— этотъ путь былъ мирнымъ по преимуществу. Разсказываютъ, что иногда до 10000 «povindah» или «скороходовъ» отправлялись сообща изъ долины Инда и поднимались длинными вереницами по горнымъ тропинкамъ, ведущимъ къ этому перевалу, который открываетъ доступъ на плоскогорія. Караваны торговцевъ заключали особые договоры съ афганскими племенами внутренней части страны, которыя гарантировали ихъ отъ нападенія; кромѣ того, и сами они принимали всѣ мѣры, подсказываемыя благоразуміемъ, для бо̀льшей своей безопасности, — они устраивали свои лагери лишь въ мѣстностяхъ, откуда могли на большое разстояніе обозрѣть все окружающее и принять соотвѣтствующія мѣры защиты; въ мѣстахъ особенно опасныхъ призывались на помощь дружественныя племена, которыя и доставляли имъ защиту. Въ теченіе долгихъ вѣковъ совершались уже такія торговыя сношенія при содѣйствіи этихъ странствующихъ купцовъ. Путь, избираемый ими, былъ далеко не всегда самымъ удобнымъ изъ путей, ведущихъ съ одного склона на другой,—пути самые легкіе служатъ въ то же время для передвиженія армій завоевателей, по нимъ располагаются укрѣпленные города, заставы и прежде всего уже «покровительственныя» таможни и военные посты, которыхъ избѣгаетъ торговля, опасающаяся регулированія, подчиненія различнымъ правиламъ и вообще всякихъ стѣсненій. Вполнѣ естественно, слѣдовательно, что мирные путешественники, везущіе свои товары въ отдаленныя страны, предпочитаютъ широкимъ путямъ мало замѣтныя тропинки, ведущія отъ одной гостепріимной деревни къ другой, они любятъ выбирать пути, наименѣе часто посѣщаемые законными

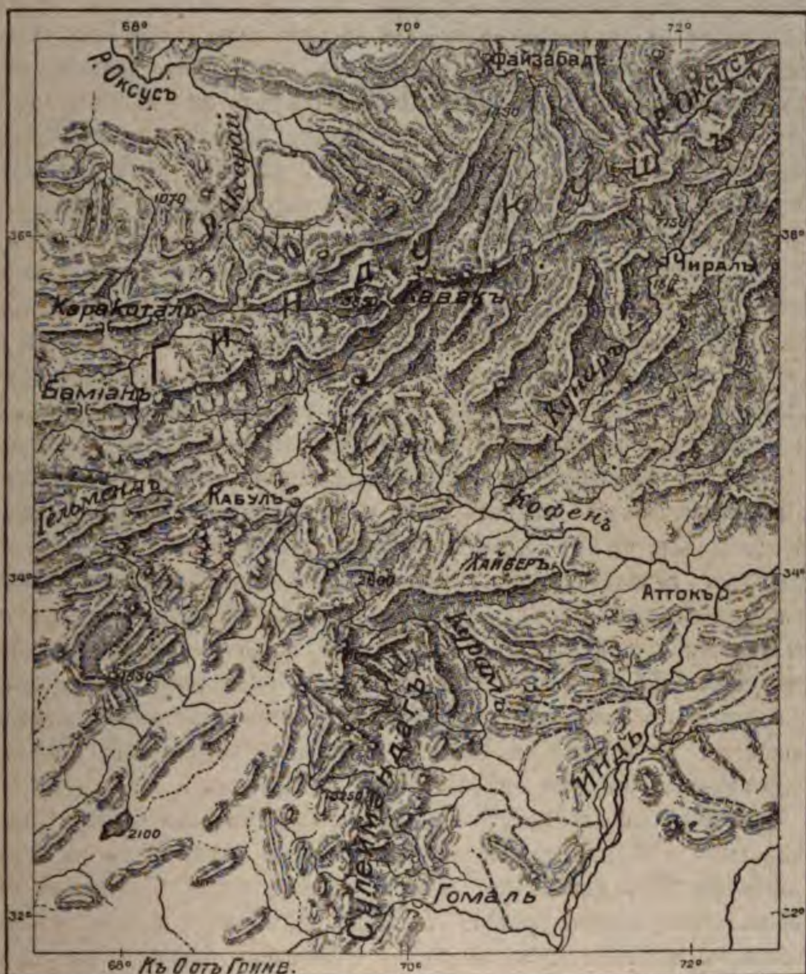

Индусъ.

грабителями или даже, если возможно, совершенно неизвѣстные властямъ того государства, по которому имъ приходится проходить.

Главный историческій путь, спускаясь съ Гиндукуша, идетъ вдоль

№ 234. Истоки Оксуса и Инда.

1 : 5000000

0 50 150 300 килом.

рѣки Кабула, древняго Кофена, и подходитъ къ Инду въ томъ мѣстѣ, которое именно вслѣдствіе невольной остановки тамъ каравановъ и армій должно было получить большое значеніе, какъ стратегическій пунктъ. Аттокъ, т.-е. «остановка», таково было самое названіе укрѣ-

пленнаго города, расположеннаго здѣсь на лѣвомъ берегу рѣки, на самомъ пути. Въ этомъ жизненномъ центрѣ страны городъ необходимо долженъ былъ возникнуть. Долина, въ которой сливаются воды Инда и Кабула при ихъ выходѣ изъ горъ, была ранѣе дномъ озера и образуетъ какъ бы преддверіе великаго храма, какимъ является Индія. До того времени, когда инженерное искусство научило народности, ведущія войну, создавать укрѣпленныя позиціи съ помощью проведенія дорогъ и быстраго сооруженія желѣзнодорожныхъ путей, эта долина, окаймленная со всѣхъ сторонъ горами, даже съ юга и юго-востока, гдѣ вырисовываются живописные зубцы «Соленаго хребта», господствовала надъ главнѣйшимъ путемъ сѣверной Индіи, который ведетъ съ одной стороны къ наиболѣе часто посѣщавшимся переваламъ западныхъ горъ, съ другой—направляется въ бассейнъ Ганга, слѣдуя вдоль значительнѣйшихъ хребтовъ Гималайскихъ горъ. Переселеніе народностей именно по этой наносной долинѣ, орошаемой верхними притоками Инда, было предначертано самой природой: данный путь проходитъ въ сторонѣ отъ болотистой и обильной лихорадками мѣстности, простирающейся у подножія горъ, и избѣгаетъ въ то же время и области низовьевъ рѣкъ, гдѣ воды послѣднихъ не настолько уже обильны, чтобы орошать всю страну. Что касается расположенія городовъ, которые должны были возникнуть на естественныхъ этапахъ пути и въ мѣстахъ, важныхъ въ торговомъ отношеніи, то ихъ мѣстонахожденіе намѣчалось пунктами, гдѣ приходилось пересѣкать рѣки. По средней линіи долины, отличающейся наибольшимъ плодородіемъ и самымъ здоровымъ климатомъ, располагается и наиболѣе густо населеніе; за ея предѣлами далѣе къ востоку населеніе распредѣляется по рѣкамъ бассейна Ганга, направленіе которыхъ параллельно направленію поступательнаго движенія народностей, тогда какъ въ области Пенджаба направленіе рѣкъ перпендикулярно путямъ, по которымъ шли народности.

Сѣверо-западная область Индіи, расположенная между горами Афганистана и Кашмира, получила наибольшую извѣстность въ исторіи человѣчества подъ названіемъ страны «Семи рѣкъ». Изо всѣхъ рѣкъ Индійскаго полуострова рѣкой, наиболѣе крупной по количеству водъ, является та, названіе которой было перенесено впослѣдствіи на всю Индію и перешло даже на наиболѣе почитаемое и въ то же время наиболѣе страшное и величественное божество индусовъ—бога Индра. Рѣки, однако, какъ и божества, имѣютъ свои собственныя судьбы. Какъ развѣнчанъ въ настоящее время Индра, мѣсто котораго въ природѣ и на небесахъ заняли другія божества, такъ потерялъ свое значеніе среди земного шара и Синдъ,—онъ и на Индійскомъ полуостровѣ занимаетъ теперь лишь третье мѣсто. Одни изъ его притоковъ сильно усохли, нѣкоторые же, извѣстные въ древности, совершенно исчезли, и ихъ тщетно

ищутъ и не могутъ открыть. Самое названіе страны съ теченіемъ вѣковъ измѣнилось, указывая своимъ измѣненіемъ на упадокъ Инда. Около 3000 лѣтъ тому назадъ долина верховьевъ рѣки носила на-

№ 235. Хребетъ Сулейманъ-Дагъ.

званіе Септа-Синду или «Семирѣчья», въ настоящее время ее называютъ Пенджабъ, т.-е. «Пятирѣчье».

Рѣки, о которыхъ упоминаютъ «Веды», и о которыхъ говорятъ позднѣйшіе писатели, большею частью существуютъ и въ настоящее время,

хотя и подъ другими наименованіями,—такъ, Джеламъ это—древній Гидаспъ, Чинабъ—Акезинъ, Рави—Иравади или Геаротъ, Біасъ—Гифазисъ, Сетледжъ—Гезидръ или Сатадру, т.-е. рѣка «ста каналовъ». Не извѣстно, однако, что сталось съ божественной Сарасвати, про которую въ «Ригъ-Ведѣ» говорится, что она была «красивѣйшей, прелестнѣйшей, заслуживающей наибольшаго уваженія среди семи сестеръ»; она была по преимуществу «рѣкою, обильною водами, заглушающею всѣ другіе потоки своимъ журчаніемъ». О ней говорится также въ пѣсняхъ, что она «была быстрѣе колесницы, и перейти ее было труднѣе, чѣмъ перебраться чрезъ желѣзную стѣну». Исчезновеніе этой священной рѣки поэмы, появившіяся послѣ «Ригъ-Веды», объясняютъ «бѣгствомъ богини». Есть, правда, небольшой потокъ, носящій названіе Сарасвати или Сарсутъ, сбѣгающій съ Гималаевъ, но онъ настолько незначителенъ, что ирригаціонные каналы поглощаютъ тотчасъ же всю его воду,—нельзя представить себѣ, чтобы это была великая рѣка, описанная въ пѣсняхъ «Ведъ». Таинственное исчезновеніе Сарасвати можно объяснить себѣ лишь измѣненіемъ въ направленіи теченія рѣкъ, происшедшимъ въ Гималайской области. Является очень вѣроятнымъ, что рѣка Джемна, впадающая въ настоящее время въ Гангъ, текла прежде въ Индъ и увеличивала вдвое количество его водъ. Дѣйствительно, въ верховьяхъ долины Инда русло рѣки Джемна отдѣляется отъ бассейна Инда лишь грядой наносовъ высотою около 20 метровъ, и думаютъ даже, что замѣчаются слѣды прорыва рѣки чрезъ эту преграду, которые и продолжаются далѣе на западъ въ видѣ русла рѣки Гаггаръ, извивающейся далѣе по пустынѣ; русло ея въ настоящее время почти не содержитъ воды, но настолько широко, что могло бы заключать въ себѣ всѣ воды Инда на всемъ протяженіи, гдѣ только оно не занесено пескомъ. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, благодаря рѣкѣ Сарасвати-Гаггаръ, бывшей въ дѣйствительности могущественной Джемна, величественный Индъ несъ свои воды въ море, значительно превышая размѣрами какъ Гангъ, такъ и Брамапутру. Впрочемъ, въ теченіе двухъ послѣднихъ тысячелѣтій измѣненія въ гидрографіи долины Инда были вообще очень многочисленны; перемѣстились цѣлыя рѣки; такъ, напримѣръ, притоки Біасъ и Сетледжъ находились ранѣе гораздо далѣе отъ подножья хребта; самъ Индъ въ своихъ низовьяхъ направлялся по иному руслу, чѣмъ теперь,—онъ впадалъ въ заливъ Раннъ, протекая долиною Нарра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ ту самую эпоху, въ которую слагались гимны «Ригъ-Веды» въ честь богини Сарасвати, шумно катящей свои воды, въ мѣстностяхъ, расположенныхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣкъ или въ промежуткахъ между двумя рѣками, наблюдались нерѣдко частичныя засухи; просьбы, обращенныя къ божествамъ, сохранившіяся въ древнихъ «Ведахъ», свидѣтельствуютъ о томъ, что отсутствіе

воды часто наводило страхъ на предковъ индусовъ, арійцевъ. Бури и

№ 236. Пенджабъ.

дожди чрезвычайно занимали ихъ, что также свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ приходилось страдать отъ засухи, и что благотворные потоки

воды, низвергающіеся съ неба въ извѣстное время года, являлись существеннымъ условіемъ ихъ жизни и благоденствія. Во многихъ отношеніяхъ они были гораздо счастливѣе народовъ семитическихъ областей Азіи,—имъ гораздо чаще приходилось видѣть грандіозную борьбу вѣтровъ и тучъ, и миѳологія ихъ обогащалась олицетвореніемъ этихъ явленій, обращавшихъ на себя особое ихъ вниманіе, такъ какъ отъ нихъ зависѣла ихъ будущая жатва. Обиліе тропическихъ дождей и богатство водами, питаемыми снѣгами Гималаевъ, позволили жителямъ покрыть страну несравненно болѣе густою сѣтью оросительныхъ каналовъ, чѣмъ та, которая наблюдается въ ней въ настоящее время. Вся песчаная область Таръ, т.-е. «пустыня», была въ прежнія времена плодородной, и въ ея предѣлахъ находятся осыпавшіеся каналы, цѣлые лѣса окаменѣлыхъ деревьевъ, развалины городовъ, среди которыхъ живутъ лишь дикіе звѣри. Такъ, городъ Браманабадъ прекрасно сохранился со всѣми своими улицами, дворцами, домами, бассейнами и резервуарами, не содержащими нынѣ воды,—нѣтъ лишь людей, которые жили бы въ его каменныхъ покояхъ,—по преданію, подъ его развалинами спитъ цѣлый народъ, присужденный къ жизни подъ землею до того дня, когда раздастся звукъ трубы, призывающей къ страшному суду.

Будучи очень близки иранцамъ по языку, религіи и нравамъ, арійцы, спустившіеся въ долины Индіи, измѣнились благодаря вліянію новой среды, но, впрочемъ, измѣнились отнюдь не настолько, чтобы происхожденіе и родственныя отношенія ихъ могли быть подвержены сомнѣнію. Нѣкоторыя пѣсни индусской «Ригъ-Веды» встрѣчаются въ текстахъ персидской «Авесты», и не только самыя мысли и содержаніе стиховъ почти тождественны, но и слова ихъ едва различаются [1],—различія не болѣе значительны, какъ между нарѣчіями французскаго языка двухъ сосѣднихъ провинцій; обитатели страны отъ Каспійскаго моря до областей, орошаемыхъ семью рѣками, могли взаимно понимать другъ друга. Правда, общность языка поддерживалась искусственнымъ образомъ странствующими пѣвцами, трубадурами этой эпохи,—они переходили изъ одной мѣстности въ другую, воспроизводя передъ властителями странъ однѣ и тѣ же поэмы, украшая ихъ такими же грубыми хвалами въ честь хозяина и заканчивая свои пѣсни такими же циничными требованіями денегъ и драгоцѣнностей. Во всѣ времена ремесло странствующаго поэта-пѣвца было широко распространено въ областяхъ Азіи.

Однако, къ поэтическимъ сокровищамъ, переносившимся такимъ образомъ изъ страны въ страну, благодаря родственности нарѣчій, примѣшивались также и совершенно чуждые элементы, сильно отличающіеся

---

1) Ch. Bartholomae. «Handbuch der alt-iranischen Dialekte», «Einleitung»; Hermann Brunnhofer. «Urgeschichte der Arier», I Band, passim.

отъ тѣхъ, которые находились въ первоначальной основѣ произведенія и родились сами собой въ душѣ народа. Необходимо тщательно очистить гимны «Ригъ-Веды» отъ всѣхъ примѣсей, чтобы выдѣлить наивную и чистую поэзію, зарождающуюся у народа въ его полудѣтскомъ состояніи, при видѣ дивныхъ небесныхъ свѣтилъ, облаковъ, плывущихъ въ пространствѣ, горъ на горизонтѣ, ежечасно мѣняющихъ свои оттѣнки, потоковъ, съ шумомъ низвергающихся въ равнину, и дикихъ звѣрей,

№ 237. Современное теченіе рѣки Сарасвати.

1: 1500000

0 10 50 100 килом.

свободно разгуливающихъ по лѣсамъ и степямъ страны. На этомъ основномъ фонѣ были выведены затѣмъ различные узоры, появившіеся вслѣдствіе созерцанія явленій совершенно иной природы; отзвуки поэмъ, созданныхъ другими союзными или побѣжденными народами, также постепенно проникли въ поэтическія произведенія, затѣмъ жрецы исковеркали смыслъ послѣднихъ, превративъ ихъ въ молитвы и заклинанія, сдѣлавъ изъ нихъ сухія формулы и придавъ даже низменнымъ вымогательствамъ странствующихъ пѣвцовъ характеръ религіозныхъ моленій.

«Поэзія Ведъ—говоритъ Бруннгоферъ—прежде всего поэзія Альповъ и горныхъ бурь»; однако, для арійцевъ, переселившихся въ Индію, этими

Альпами былъ уже не Эльвендъ или Демавендъ, а Гималаи, и слова, обращенныя къ новымъ горнымъ вершинамъ, должны были получить и новое значеніе. Для обитателей страны «Семи рѣкъ» горы поднимались на недосягаемую высоту надъ низменною равниною, а не имѣли у своей подошвы, подобно тому какъ въ Иранѣ, обширнаго подножія въ видѣ плоскогорій,—они казались вдвое-втрое выше и были окаймлены послѣдовательно различными поясами растительности, увѣнчаны льдами и снѣгами. Созерцая эти новые для нихъ грандіозные ландшафты, арійскіе переселенцы, принесшіе съ собой свои легенды и гимны, должны были приспособлять ихъ возможно лучше къ этимъ измѣнившимся условіямъ. Священныя горы и области рая представлялись имъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, и описывать ихъ имъ приходилось, примѣняя совершенно иныя обозначенія.

Горой, наиболѣе воспѣтой въ поэзіи и въ религіи Индіи, была гора Меру, мѣстоположеніе которой опредѣлялось соотвѣтственно съ тѣмъ, гдѣ обитали почитавшіе ее, то въ той, то въ другой части Гималайскаго хребта; позднѣйшіе писатели помѣщаютъ ее даже внѣ Гималаевъ современныхъ географовъ и отожествляютъ съ вершиной хребта Гангъ-Дизри, невидимой съ равнины Инда [1]). Теперь намъ извѣстно, что вершина эта несравненно ниже сосѣднихъ, но тогда она считалась самой высокой точкой земного шара и центромъ видимаго неба. Отсюда происходило и ея наименованіе Кайласъ, которое относится къ тому же корню, какъ греческое κοῖλον и латинское coelum; оба міра, земной и небесный, сливались въ этомъ пунктѣ и порождали своимъ соединеніемъ Джамбу, «древо жизни». На четырехъ углахъ горы, на которой представляли себѣ существованіе рая, такъ какъ она была недосягаема, росли также чудесныя деревья—«деревья желаній», соотвѣтствующія «древу познанія добра и зла», росшему въ раю халдеевъ и евреевъ. Съ неба спускался потокъ, небесный Гангъ, бравшій начало изъ того мѣста, гдѣ пребывали «семь мудрецовъ», т.-е. семь звѣздъ Большой Медвѣдицы; потокъ этотъ семь разъ обходилъ гору Меру и питалъ четыре озера, изъ которыхъ истекали четыре главныхъ земныхъ рѣки,—этой послѣдней деталью индусскій миѳъ опять воспроизводитъ въ точность миѳъ халдейскій [2]), но богатство восточной фантазіи еще сильнѣе разукрашиваетъ картины.

Четыре стороны Меру, съ которыхъ сбѣгаютъ рѣки, состоятъ изъ различныхъ веществъ,—одна изъ золота, другая изъ серебра, третья изъ рубиновъ, четвертая изъ лазурнаго камня. Что должно это означать? Вѣроятно, то, что солнце, отражаясь отъ горныхъ снѣговъ, вѣчныхъ

---

1) См. положеніе горы Меру на картѣ № 242, стр. 159.
2) Burnouf, A. de Rémusat, Lassen, Wilford etc.

льдовъ и блестящихъ скалъ утромъ, въ полдень и въ сумерки, сверкаетъ на нихъ самыми яркими цвѣтами и вызываетъ еще болѣе замѣчательную игру, чѣмъ когда оно освѣщаетъ драгоцѣнные металлы и камни. На скло-

Сарасвати или Вачъ.
Дочь и супруга Брамы, богиня слова, науки и олицетвореніе рѣки того же имени.

нахъ горы Кайласъ паломники указываютъ пещеры, изъ которыхъ вышли четыре миѳическихъ звѣря—левъ, конь, быкъ и слонъ, или по другимъ разсказамъ—павлинъ. Животныя эти являются символами четырехъ

рѣкъ—Сетледжа, Инда, Ганга и Цангъ-Бо, расходящихся по четыремъ направленіямъ. Впрочемъ, легенда эта съ того времени, какъ въ Рамаянѣ впервые появилось названіе священной горы Меру, очень часто видоизмѣнялась. Когда индусское общество раздѣлилось на четыре замкнутыя касты, въ четырехъ сторонахъ горы, въ четырехъ животныхъ и четырехъ рѣкахъ хотѣли видѣть прообразы четырехъ кастъ, якобы предначертанные свыше [1]).

Легенда о раѣ и о расходящихся изъ него рѣкахъ была отнюдь не единственнымъ элементомъ, пришедшимъ изъ Халдеи,—преданіе о потопѣ также было распространено въ Индіи, причемъ вылилось въ форму, отнюдь несвойственную первоначально странѣ «Семи рѣкъ», въ форму, свидѣтельствующую о возникновеніи этого преданія въ Месопотаміи. Оттуда оно и было, безъ сомнѣнія, заимствовано, хотя рѣки полуострова Индіи также производятъ разливы, затопляющіе мѣстности по берегамъ, почему преданіе и могло здѣсь хорошо привиться. Индусскій герой всемірнаго потопа, Ману, подобно Шасисадрѣ халдеевъ, предупреждается о наступленіи катастрофы, которая должна разыграться,—онъ также строитъ себѣ судно, также помѣщаетъ въ него животныхъ всѣхъ родовъ, затѣмъ, когда воды начинаютъ спадать, онъ останавливается на вершинѣ горы, самой высокой въ странѣ,—здѣсь это, конечно, одинъ изъ высокихъ пиковъ Гималайскаго хребта, тогда какъ у обитателей береговъ Тигра и Евфрата мѣстомъ причала ковчега былъ одинъ изъ высокихъ хребтовъ Кардукскихъ горъ [1]). Преданіе это безусловно чужеземнаго происхожденія и могло сдѣлаться національнымъ, лишь приспособившись къ туземной миѳологіи и географіи!

Въ настоящее время накопляется все болѣе и болѣе доказательствъ въ пользу того, что индусская цивилизація находилась въ значительной степени подъ вліяніемъ цивилизаціи Месопотаміи, и вліяніе это сказывалось притомъ не чрезъ посредство какой-либо другой народности, какъ это часто случается, когда области сильно удалены и не имѣютъ постоянныхъ сношеній, но, напротивъ, самымъ прямымъ образомъ—путемъ воздѣйствія представителей халдейской народности. Нѣтъ, правда, никакихъ непосредственныхъ документовъ, сохранившихся съ древнихъ временъ, которые свидѣтельствовали бы объ этомъ, но фактъ этотъ остается, тѣмъ не менѣе, не подлежащимъ сомнѣнію, такъ какъ опирается на исторію во всемъ ея цѣломъ. Первымъ доказательствомъ является уже раздѣленіе года и мѣсяцевъ по фазамъ луны, причемъ недѣли, состоящія изъ семи дней, сохранили свои вавилонскія названія. Совпаденіе это таково, что не можетъ считаться результатомъ простого случая,—

1) F. Lenormand. «Les origines de l'Histoire»; tome II, p. 20.

2) Burnouf; R. von Ihering. «Les Indo-Européens avant l'Histoire», trad. par O. de Meulenaere, p. 217 ss.

должно допустить, что мореходы и торговцы, являвшіеся въ Индію съ устьевъ Евфрата, были настолько многочисленны и обладали такимъ вліяніемъ, что заставили туземцевъ принять свое раздѣленіе времени; такимъ же точно образомъ они для потребностей торговли научили ихъ пользоваться своими монетами, основанными на дуодецимальной системѣ,—въ этомъ отношеніи происходила, вѣроятно, нѣкоторая борьба, такъ какъ арійцы пользовались при счетѣ десятичной системой. Такая же борьба велась, очевидно, и между обоими языками, но затѣмъ между ними произошелъ взаимный обмѣнъ: наименованія предметовъ перешли изъ одного языка въ другой, измѣнившись соотвѣтственно съ выговоромъ. Слова, обозначающія быка, льва, рогъ, золото, виноградную лозу, въ первобытномъ арійскомъ языкѣ производятъ впечатлѣніе словъ семитическаго, т.-е. вавилонскаго происхожденія, тогда какъ названія павлина, обезьяны, слона, сандаловаго дерева и корицы въ семитическомъ языкѣ, повидимому, индусскаго происхожденія [1]).

Индра,
древній ведаическій богъ неба и воздуха, въ то же время богъ войны, защитникъ арійцевъ.

Индусскій архитектурный стиль также совпадаетъ своими основными чертами съ таковымъ вавилонянъ: наиболѣе древніе храмы сѣвер-

1) Fritz Hommel, von Ihering etc.

ной Индіи представляютъ собою ступенчатыя пирамиды, ничѣмъ не отличающіяся отъ искусственныхъ горъ Месопотаміи. Это сходство, не наблюдающееся въ такой степени между сооруженіями Ирана и Халдеи, объясняется также торговыми сношеніями по морю между Персидскимъ заливомъ и берегами Индіи. Сравнительно съ сухопутнымъ путемъ, столь затруднительнымъ вслѣдствіе присутствія пустынь и горныхъ преградъ, морской путь, которымъ легко могли пользоваться каменщики и строители, съ ихъ инструментами, планами зданій и даже матеріалами для ихъ постройки, являлся особенно удобнымъ для перенесенія изъ страны въ страну искусства строительства. Историческимъ путемъ, по которому совершалось вліяніе вавилонскаго міра на міръ индійскій, были воды, соединяющія устья Евфрата съ устьями Инда.

Впрочемъ, когда 36 или 37 вѣковъ тому назадъ составители «Ведъ» спустились въ долину Семи рѣкъ, они не имѣли еще свѣдѣній о торговыхъ путяхъ, соединяющихъ Персидскій заливъ съ Индомъ; они не знали даже низовьевъ той рѣки, на берегахъ которой они остановились. И, тѣмъ не менѣе, они воспѣвали море и борьбу мореходовъ съ враждебными имъ волнами. Въ гимнахъ «Ригъ-Веды» говорится нерѣдко о «samudra» (море), очевидно, по воспоминаніямъ о Каспійскомъ морѣ, на берегахъ котораго обитали предки арійцевъ. Правда, на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній въ теченіе долгаго періода, употребленнаго на переходъ отъ Гирканскаго моря къ Индіи, восточные арійцы не видали моря, не могли составить себѣ о немъ вполнѣ реальнаго представленія и смѣшивали въ своихъ пѣсняхъ море воды съ моремъ облаковъ, гонимыхъ бурею. Тѣмъ не менѣе, древніе гимны, передававшіеся отъ поколѣнія къ поколѣнію, столь ясно говорятъ о морѣ, что не остается никакихъ сомнѣній въ знакомствѣ съ нимъ. Въ этихъ заслуживающихъ глубокаго уваженія документахъ человѣческой мысли,—документахъ, имѣющихъ древность болѣе 40 вѣковъ, говорится, конечно, о Каспійскомъ морѣ, которое лишь позднѣе было замѣнено представленіемъ о морѣ болѣе обширномъ, сливающемся на югѣ съ океаномъ.

Когда въ началѣ XIX вѣка англійскій ученый Кольбрукъ открылъ существованіе гимновъ «Ригъ-Веды», основные элементы коихъ восходятъ къ эпохѣ, отдаленной отъ нашего времени на 4 или 5 тысячелѣтій, всѣ занимающіеся происхожденіемъ человѣчества были какъ бы ослѣплены этимъ открытіемъ. Радуясь нахожденію поэтическихъ произведеній столь глубокой древности, являющихся, безспорно, наиболѣе давними памятниками на арійскихъ нарѣчіяхъ, ученые легко поддались увлеченію, вызванному тѣмъ восхищеніемъ, которое вполнѣ оправдывается, дѣйствительно, грандіозными образами этихъ поэмъ. У нѣкоторыхъ изслѣдователей, особенно изъ германскихъ ученыхъ, къ этому восхищенію присоединилось вскорѣ и до извѣстной степени патріотическое чувство. Имъ

Индійская священная смоковница.

хотѣлось, повидимому, присвоить себѣ геній арійцевъ [1]), которымъ одинъ изъ нихъ далъ наименованіе «индо-германцевъ», и, стараясь найти въ «Ведахъ» всѣ высокія черты, какія приписывались ими народу, давшему начало имъ самимъ, они готовы были въ то же время видѣть въ этихъ древнихъ пѣсняхъ произведенія почти священныя, настоящее «Священное писаніе», какимъ «Веды» являются для брамановъ. Безспорно, пѣсни «Ригъ-Веды» представляютъ собою одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ сокровищъ исторіи человѣчества, но разсматривать ихъ и изучать слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, самихъ по себѣ, безъ какого-либо отношенія къ національнымъ или расовымъ предразсудкамъ!

Для современныхъ изслѣдователей представляется совершенно очевиднымъ, что это собраніе пѣсенъ носитъ двойственный характеръ: наиболѣе древняя часть собранія, передававшаяся изъ устъ въ уста, является созданіемъ чистокровныхъ арійцевъ, обитавшихъ въ горахъ; кромѣ нея, въ пѣсняхъ «Ригъ-Веды» имѣются, однако, многочисленныя добавленія, относящіяся уже къ той эпохѣ, когда завоеватели арійцы завладѣли равниною и глубоко измѣнили свою первоначальную цивилизацію. Такъ, одинъ изъ гимновъ, напримѣръ, посвященный зарѣ, вытекаетъ изъ чистаго чувства восторга предъ великолѣпной природой, пробуждающейся подъ солнечными лучами; зато другой гимнъ, несравненно болѣе новаго происхожденія, представляетъ собою не болѣе какъ изліяніе придворнаго жреца, старающагося развращеніемъ своихъ властителей пріобрѣсть богатство и власть. Нѣкоторые гимны рисуютъ предъ нами картины нравовъ и представленій, сильно различающіяся между собою въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, относятся ли они къ самымъ отдаленнымъ временамъ, задолго до эпохи завоеванія Индіи, или сложились подъ вліяніемъ побѣжденныхъ иранцами народностей.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны пѣсни, касающіяся брака. Наиболѣе древней формой брака является та, которая описывается въ «Ригъ-Ведѣ» и существовала, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, 35 вѣковъ тому назадъ. Въ эту эпоху распространенные тогда нравы опредѣлялись географической средой горныхъ плоскогорій Ирана и долинъ Гиндукуша. Въ этихъ областяхъ, населенныхъ пастушескими народностями, женщина должна была быть свободной, чтобы вести хозяйство, чтобы при случаѣ отражать нападенія волковъ или даже разбойниковъ, и чтобы воспитывать дѣтей при отсутствіи отца, братьевъ или мужа,—тогдашнее названіе женщины—«дамъ»—сохранилось въ арійскихъ языкахъ до нашихъ дней. Всѣ древніе памятники указываютъ на то, что она тогда пользова-

---

1) Fried. Schlegel, Franz Bopp, Jakob Grimm? Популярно изложенъ этотъ взглядъ былъ A. Schleicher. «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen». 1861.

лась почетомъ, и что къ ней сыновья и братья относились съ любовью и уваженіемъ. Она не только считалась равной, но любовь къ ней всѣхъ окружающихъ дѣлала ее даже какъ бы святой,—мужъ назывался «дева», жена «деви», и оба были какъ бы божествами. Въ то же время бракъ имѣлъ патріархальный характеръ, и супругъ долженъ былъ, по обычаю, произносить священныя слова, какъ настоящій жрецъ семейнаго круга; онъ встрѣчалъ молодую жену въ своемъ домѣ, обращаясь къ ней со слѣдующими полными нѣжности словами: «Все въ домѣ будетъ процвѣтать подъ твоимъ взглядомъ, какъ люди, такъ и животныя; ты принесешь намъ всѣмъ великую радость. Да наградитъ тебя Индра десятью сыновьями, и да буду я, твой мужъ, одиннадцатымъ изъ нихъ»! Можно ли найти болѣе нѣжное привѣтствіе, исходящее изъ устъ супруга и господина?

Вплоть до распространенія браманизма простой бракъ по любви разсматривался по законамъ Ману какъ бракъ небеснаго происхожденія, и поэты считали, что именно такой бракъ совершался у «гандарвовъ» или «небесныхъ музыкантовъ». Бракъ являлся результатомъ прямой любви брачущихся безъ какого-либо участія ихъ родителей, жрецовъ или чиновниковъ. Они просто соединялись, почувствовавъ другъ къ другу влеченіе любви, но передъ бракомъ обращались съ моленіемъ къ природѣ, какъ бы призывая ее въ свидѣтельницы своей любви,—они чувствовали, что составляютъ часть одного великаго цѣлаго. Оба взывали они къ солнцу, къ лунѣ и къ небеснымъ свѣтиламъ, призывали звѣрей лѣсовъ и полей, въ особенности ланей, оленей, птицъ, трясогузокъ, прыгающихъ предъ быками, которые тянутъ плугъ. Брачная церемонія, которая, какъ полагаютъ, придаетъ браку его главнѣйшее значеніе, свидѣтельствуетъ о чрезвычайно древней дружбѣ человѣка съ деревьями и травами. По представленіямъ первобытнаго символизма, цвѣты лотоса, плоды, букеты и гирлянды цвѣтовъ, вообще самыя разнообразныя растенія считаются связанными съ судьбами человѣка невидимыми нитями,—молодая дѣвушка искренно вѣритъ, что она является сестрою того или другого деревца, того или другого цвѣтка. Во многихъ областяхъ Индійскаго полуострова существуетъ вѣрованіе, что манговое или апельсинное деревья не будутъ приносить плодовъ, если молодая дѣвушка не поласкаетъ ихъ ствола рукой или ногой,—ея нѣжнымъ прикосновеніемъ достигается то, что дерево распускаетъ свои листья, выгоняетъ цвѣты и заставляетъ созрѣвать плоды. Дѣвушка необходима для жизни растеній, но и растеніе составляетъ необходимый элементъ ея жизни. Потому, когда она вступаетъ въ бракъ, ее увѣнчиваютъ цвѣтами, въ рукахъ она держитъ листья или плоды и нѣсколько разъ обходитъ вокругъ священнаго дерева. Оба вступающіе въ бракъ чувствуютъ, что своей любовью они, столь тѣсно связанные съ природой, принимаютъ участіе въ развитіи

общей мiровой жизни. Въ древнихъ формулахъ, воспроизводимыхъ въ эпопеяхъ «Ведъ», женихъ нерѣдко говоритъ о бракѣ «любимой Земли,

№ 238. Аравійское море.

которую обнимаетъ Океанъ какъ супругу». Въ замѣчательной драмѣ «Сакунтала» 1) бракъ, совершающiйся по примѣру «гандарвовъ», не мо-

---

1) Поэма эта была опубликована въ 1789 г. Will. Jones'омъ, который первый высказался за общее происхожденiе санскритскаго, греческаго и латинскаго языковъ.

жетъ состояться, если молодой олень не придетъ испить воды изъ рукъ дѣвушки.

Даже и въ наиболѣе низменныхъ явленіяхъ соціальной жизни можно найти тѣ же самыя черты. Чувство своей причастности къ жизни всего міра осталось у индусовъ настолько могущественнымъ, что религія и обычай дозволяютъ у нихъ бракъ женщины съ деревомъ, которое считается существомъ мужскаго пола. Подобный бракъ вполнѣ удовлетворяетъ общественное мнѣніе, и потому дѣвушка, которую родители предназначаютъ для проституціи, вступаетъ въ бракъ съ деревомъ, носитъ названіе супруги его и избѣгаетъ, такимъ образомъ, всякаго безчестія. Точно также при полигамическомъ бракѣ, если мужчина уже имѣетъ двухъ женъ и желаетъ взять себѣ третью, онъ выбираетъ предварительно своей третьей супругой растеніе, считающееся женскимъ, а избираемую имъ женщину беретъ своей четвертой женой,—дѣло въ томъ, что число три считается приносящимъ несчастье [1]).

Благодаря продолжительной привычкѣ къ оффиціальной моногаміи, которая, впрочемъ, на дѣлѣ нерѣдко замѣняется полигаміей, въ Европѣ считается абсолютной нравственной истиной безнравственность всякаго другого рода сближенія между мужчиной и женщиной; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что во всѣхъ семейныхъ, также какъ и во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, связывающихъ между собою людей, принимаетъ участіе естественная природа этихъ послѣднихъ,—въ каждой средѣ развиваются добродѣтели именно ей соотвѣтствующія. Въ настоящее время ярые защитники моногаміи воображаютъ, что единственно имъ свойственна истинная мораль, между тѣмъ, напримѣръ, Драупади, поліандрическая супруга пяти сыновей Панду, представляла собой, надо сказать, образчикъ высокой добродѣтели и могла говорить о своей супружеской вѣрности съ не меньшей увѣренностью, какъ самыя цѣломудренныя матроны нашего времени! Она говоритъ о своихъ восхитительныхъ мужьяхъ съ истинной гордостью, свойственной чистой любви: «У меня нѣтъ, говоритъ она, ни заботъ, ни страха ни передъ чѣмъ, когда я вижу Юдиштиру! Лицо его свѣтитъ какъ золото, глаза его огромны, носъ сильно выдается, талія полна граціи,—онъ, безспорно, лучшій изъ сыновей Панду, и онъ—мой супругъ! А вотъ другой съ длинными руками, ѣдетъ, ты видишь, на колесницѣ, онъ высокъ и строенъ, какъ дерево «сала», губы его сжаты и брови сдвинуты, это—Врикодара, и онъ—мой супругъ! А этотъ мѣткій стрѣлокъ съ безстрашной душою, замѣчательный своимъ постоянствомъ, исполненный уваженія къ старцамъ, это—Арджуна, и онъ—мой супругъ! А этотъ знаменитый красавецъ, покрови-

---

1) W. Crooke. «The popular Religion and Folklore of Northern India». Westminster. 1896.

Индійскіе заклинатели змѣй.

тельствуемый Пандавами, вѣрный въ своихъ клятвахъ, дороже мнѣ жизни,— это герой Накула, и онъ—мой супругъ! Наконецъ, этотъ блещущій какъ луна и какъ солнце, мудрѣйшій среди мудрецовъ, полный знаній, пылкій герой, исполненный благоразумія, это Сахадева, и онъ—мой супругъ»!

Измѣненіе, происшедшее у арійцевъ Индіи въ ихъ образѣ жизни и образѣ мыслей вслѣдствіе вліянія новой окружающей природы и вслѣдствіе соприкосновенія съ новыми народностями, сказывается также ясно въ области религіозныхъ воззрѣній. Безъ сомнѣнія, ведаическій культъ является чрезвычайно родственнымъ религіи Ирана, но въ ту эпоху, въ которой оба они появляются на аренѣ исторіи, они оказываются уже настолько разошедшимися, вслѣдствіе постепенной эволюціи, что, въ концѣ концовъ, сдѣлались даже враждебными. Совершенно подобно тому, какъ католицизмъ примѣнилъ къ демонамъ и злымъ духамъ имена, относившіяся ранѣе къ божествамъ, пользовавшимся почетомъ, такъ и наиме-

нованія божествъ Авесты были искажены и передѣланы въ обратномъ смыслѣ жрецами ведаической религіи. Такъ, богъ Ахура иранцевъ, являющійся ихъ главнымъ богомъ и носящій названіе Ахуръ-а-Мазда или Ормузда, т.-е. «Величайшаго Господа», превратился у индусскихъ брамановъ въ злого духа Азура, тогда какъ «Дева» или дьяволы Ирана, сдѣлались добрыми духами восточныхъ арійцевъ [1]). Если сравнить религію Ирана, сказывающуюся въ столь благородныхъ, возвышенныхъ и высоко нравственныхъ поученіяхъ Авесты, съ развивавшимся въ разныя стороны религіознымъ ученіемъ восточныхъ арійцевъ, то можно вывести прежде всего заключеніе, что, переселившись въ Индію, арійцы перестали быть мирными пастухами и земледѣльцами и сдѣлались завоевателями, что они поставили надъ собою военачальниковъ и царей, вокругъ которыхъ стали уже собираться жрецы, придворные поэты, вельможи, однимъ словомъ, цѣлая стая паразитовъ.

На плоскогоріяхъ восточнаго Ирана арійцы производили свои богослуженія на открытомъ воздухѣ, окруженные членами своихъ семей. Они не имѣли надобности въ посредникахъ между собой и богами, они сами были жрецами, когда надо, и ихъ религіозное ученіе, бывшее чрезвычайно простымъ, выливалось и въ очень несложныя обрядности. У нихъ не было ни храмовъ, ни алтарей, вмѣсто которыхъ служили покрытыя травою лужайки. Отецъ семейства обращался непосредственно къ зарѣ, сдергивающей покрывало съ темной ночи, къ солнцу, разсѣивающему туманы, къ облакамъ, накопляющимъ дождь, къ лунѣ, странствующей по небу, или къ утренней или вечерней звѣздѣ. Безъ сомнѣнія, горные арійцы не были лишены и первобытнаго страха, подъ вліяніемъ котораго каждый казавшійся сколько-нибудь опаснымъ предметъ окружающей обстановки, каждый внезапный шумъ и каждое дуновеніе воздуха превращались въ злыхъ духовъ; тѣмъ не менѣе, религія ихъ состояла, главнымъ образомъ, изъ поклоненія величественной природѣ и свидѣтельствовала объ очень первобытномъ представленіи ихъ о порядкѣ и управленіи мірозданіемъ. Жертвоприношенія ихъ, совершавшіяся съ цѣлью умилостивленія душъ покойниковъ или злыхъ божествъ, производились чрезвычайно просто: масло, молоко, алкогольные напитки служили главными жертвами, приносимыми богамъ, и по окончаніи обряда участвовавшіе въ немъ любили пить «божественный сомá»—напитокъ, который доставляетъ «радость богамъ и людямъ»,—совершенно такую же роль играло у евреевъ, грековъ и римлянъ вино, и такую же роль, хотя и въ качествѣ символа, оно сохранило до настоящаго времени въ христіанскомъ таинствѣ Евхаристіи. Въ первыя эпохи ведаической религіи въ обрядахъ участвовалъ отнюдь не кубокъ, содержащій

1) Leopold von Ranke, «Weltgeschichte», vol. 1, p. 141.

«кровь боговъ», а цѣлыя огромныя мѣха, объемистыя бочки. Въ силу того сома, въ стихахъ древне-арійскихъ любителей этого напитка, даетъ силу самимъ богамъ и потому даже могущественнѣе боговъ. Никогда позднѣе пиво и вино не воспѣвались въ такихъ краснорѣчивыхъ, полныхъ пьяной поэзіи стихахъ, какъ воспѣвался «божественный сомà» арійцами Семи рѣкъ. Индра, по ихъ представленіямъ, мечетъ молніи въ тѣхъ, кто пьетъ только воду, губитъ ихъ въ водахъ рѣкъ, выходящихъ изъ береговъ! Самъ Индра создалъ себѣ два желудка, чтобы наполнять одинъ изъ нихъ напиткомъ, когда другой уже полонъ!

Брама,
богъ, творецъ міра, считающійся главнымъ лицомъ индусской Троицы или Тримурти, исходящій отъ Вишну и Сивы.

Довольно курьезнымъ кажется фактъ, что напитокъ этотъ, «сомà», опьянявшій поклонниковъ Бахуса древней Индіи, намъ совершенно не извѣстенъ; цѣлые томы были написаны по этому вопросу различными учеными, историками и ботаниками, но указанія ихъ сильно расходятся. Въ ботаническихъ словаряхъ названіе «сомà» приписывается нѣсколькимъ растеніямъ, обозначаемымъ латинскими наименованіями—Asclepias acida, Sarcostemma viminale, Sarcostemma brevistigma, Periploca aphylla и др. Очень вѣроятно на самомъ дѣлѣ, что этотъ священный напитокъ былъ различнаго происхожденія, такъ какъ переселеніе арійскаго народа изъ

Атропатены и съ высокихъ плоскогорій Ирана въ долины сѣверной

№ 239. Области Индіи.

Индіи и на плоскогорія южной должно было быть чрезвычайно продол-

жительнымъ. И въ настоящее время еще браманы Деккана, парсы

№ 240. Рельефъ Индіи.

1 : 25 000 000

0 500 1000 1500 килом.

окрестностей Бомбея и обитатели Іезда и Кермана въ Персіи пригo-

товляютъ сома̀ различными способами.—По общему мнѣнію, названіе это означаетъ просто напитокъ, «приготовленный путемъ броженія», и примѣняется ко всевозможнымъ напиткамъ, добытымъ такимъ способомъ. Въ пѣсняхъ «Ведъ» дѣло касалось, вѣроятно, напитка въ родѣ пива, приготовленнаго изъ риса или ячменя и похожаго на такой напитокъ, который и до сихъ поръ пьютъ въ этой странѣ.

Другимъ большимъ удовольствіемъ арійцевъ, какъ Индіи, такъ и Ирана, было, кромѣ жертвоприношеній, произведеніе огня. Поклоненіе ихъ божеству Агни соединялось какъ бы съ нѣкоторой признательностью по отношенію къ нему,—казалось, они помнили еще тѣ отдаленныя времена, когда ихъ предки не знали семейнаго очага, когда Прометей еще не похитилъ драгоцѣнную искру у бога грома и дневного свѣта. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Агни былъ для нихъ болѣе чѣмъ богомъ, онъ былъ ихъ братомъ: «Отецъ День, Мать Земля, Братъ Огонь» 1),—такъ начинаются многія ихъ молитвы. При священныхъ обрядахъ они никогда не забывали зажечь огонь по старинному способу, т.-е. при помощи двухъ палочекъ изъ дерева различной твердости, изъ которыхъ одна вращалась въ углубленіи другой.

Когда арійскіе переселенцы, вторгшіеся въ Индію, напали на народы, мирно занимавшіеся обработкой земли и насильственнымъ путемъ отняли у нихъ и женъ и дѣвушекъ, и все ихъ достояніе, то, конечно, подобныя событія не могли совершиться безъ утраты самими завоевателями первоначальной простоты нравовъ и ихъ собственной свободы. Военачальники ихъ превратились въ царей, въ императоровъ, и, ведя своихъ подданныхъ къ побѣдамъ и къ раздѣлу добычи, дѣлали ихъ въ то же время постепенно своими полными рабами. Параллельно съ кастой царей развивалась и другая каста—жреческая; къ той же кастѣ или къ тому же классу принадлежали и придворные пѣвцы. Съ этого времени главы семействъ, прежніе патріархи, не совершали уже религіозныхъ обрядовъ въ отдѣльности,—имъ приходилось принимать участіе въ народныхъ религіозныхъ церемоніяхъ въ качествѣ простыхъ вѣрующихъ; въ этихъ церемоніяхъ дѣйствовало большое количество жрецовъ, исполнявшихъ каждый свою особую роль: одни привязывали жертву къ столбу, другіе закалывали ее каменнымъ ножомъ, вскрывали внутренности, поливали масло, собирали кровь, бормотали молитвы или провозглашали ихъ громкимъ голосомъ. Затѣмъ образовалась новая каста и самая опасная, такъ какъ впослѣдствіи ей было предназначено получить полное господство надъ душами вѣрующихъ. Ее названіе «анджира», обозначавшее особый родъ священнослужителей или монаховъ-отшельниковъ, встрѣчается уже въ первомъ изъ 1028 гимновъ

1) Zenaïde A. Ragozin (Зинаида Рагозина), «Vedic India», p. 157.

«Ригъ-Веды»; названіе это у первобытныхъ арійцевъ производитъ впечатлѣніе слова чужеземнаго происхожденія и объясняется, быть-можетъ, проникновеніемъ новаго религіознаго культа въ арійскую цивилизацію. Въ собраніи гимновъ «Ригъ-Веды» видны какъ бы два религіозныхъ теченія, которыя направляются рядомъ одно съ другимъ въ одномъ и томъ же руслѣ.

Сома,
древній ведаическій богъ жертвоприношеній, олицетвореніе того опьяняющаго напитка, который возливался на огонь, чтобы сдѣлать его болѣе сильнымъ. Позднѣе Сома сдѣлался богомъ луны.

Послѣ «Ригъ-Веды» эволюція религіи арійцевъ Индіи продолжается, сводясь ко все болѣе и болѣе строгому соблюденію обрядностей; священныя пѣсни, гимны, молитвы, воспроизводимыя на древнемъ языкѣ, смыслъ котораго становится все менѣе и менѣе понятнымъ, сопровождаются произнесеніемъ установленныхъ формулъ, свидѣтельствующихъ объ окончательномъ утвержденіи жреческой касты. Въ то время какъ жрецы укрѣплялись, такимъ образомъ, во власти надъ народомъ, одерживая въ этомъ отношеніи побѣду даже надъ царями, завоевательное движеніе арійцевъ продолжало распространяться по направленію къ востоку и перешло изъ бассейна Инда въ бассейнъ Джамны и Ганга: потомки первыхъ арійскихъ завоевателей пришли, такимъ образомъ, въ соприкосновеніе съ еще бо̀льшимъ числомъ народностей и религій различныхъ типовъ. Вслѣдствіе этого различные бутанійскіе, дравидскіе и коларійскіе религіозные культы влились въ потокъ арійскихъ вѣрованій, какъ притоки въ величественную рѣку. Примѣненіе человѣче-

скихъ жертвоприношенiй, быть-можетъ, существовавшихъ и у первобытныхъ арiйскихъ горцевъ въ случаяхъ крайней нацiональной опасности, получило, какъ предполагаютъ, общее распространенiе,—и плѣнники умерщвлялись сотнями,—постоянныя войны доставляли въ изобилiи матерiалъ для такихъ жертвоприношенiй, и всегда было легко удовлетворить ненасытныхъ боговъ. Побѣжденныхъ ожидало либо рабство, либо полное уничтоженiе, но въ то же время, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, именно рабы и преслѣдуемые влiяли сильнѣйшимъ образомъ на измѣненiе духовной жизни своихъ господъ и притѣснителей.

Четвертый сборникъ священныхъ писанiй—«Атарва-Веда», составленная въ эту эпоху, является арiйскимъ лишь по относительно рѣдкимъ заимствованiямъ, по встрѣчающимся въ немъ нѣкоторымъ стихамъ «Ригъ-Веды», воспроизводящимъ магическiя формулы, молитвы и заклинанiя. Основой «Атарва-Веды» является на самомъ дѣлѣ чистѣйшiй шаманизмъ, подобный встрѣчаемому въ религiи чукчей и самоѣдовъ,—именно этотъ элементъ проистекаетъ отъ «дасiу», т.-е. отъ «враговъ», какъ называли арiйскiе завоеватели туземцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не удавалось превратить послѣднихъ въ «даса» или «рабовъ». Въ своихъ поэмахъ арiйцы постоянно выражаютъ глубочайшее отвращенiе къ этимъ людямъ, у которыхъ сами они отнимаютъ ихъ землю,—они презираютъ людей съ черной или желтой кожей, этихъ уродовъ съ плоскимъ носомъ или совсѣмъ безъ носа, этихъ пожирателей мяса или сырой невареной пищи, не имѣющихъ ни вѣры, ни законовъ, ни царя,—такъ, впрочемъ, во всѣ времена побѣдители относились къ побѣжденнымъ! Слово «дасiу», обозначавшее сперва просто «врагъ», получило затѣмъ смыслъ «демона» или «чудовища». И, тѣмъ не менѣе, эти презрѣнныя существа являлись вдохновителями священныхъ книгъ и религiозныхъ обрядовъ! Въ «Атарва-Ведѣ» заключаются догматы и обряды многихъ религiй, появившихся позднѣе и современныхъ, такъ что жрецы располагали для своего господства надъ вѣрующими всѣми мыслимыми аргументами, даже аргументами, противорѣчившими другъ другу. Браманы тѣмъ болѣе находили въ «Ведахъ» достаточныя основанiя къ оправданiю своей власти, что не только призывали боговъ въ своихъ молитвахъ, но и заставляли ихъ говорить такъ, какъ имъ нравилось. Сдѣлавшись господствующей религiей, браманизмъ поглотилъ всѣ другiе религiозные культы и отчасти воспринялъ ихъ совершенно такъ же, какъ позднѣе на Западѣ христiанство восприняло обряды и даже божества языческихъ религiй. Такимъ образомъ проникъ, напримѣръ, въ похоронные обряды брамановъ ужасный обычай сожженiя вдовъ,—онъ упрочился, однако, не безъ борьбы, такъ какъ въ «Ведахъ» существуетъ много указанiй, свидѣтельствующихъ о постепенномъ введенiи обычая сожженiя вдовъ въ обряды брамановъ.

Храмъ Баніаръ въ верхней части долины Джеламъ.

Въ древнихъ текстахъ обычай этотъ даже формально осуждается,—конечно, именно вслѣдствіе того, что съ нимъ приходилось бороться; такъ, въ одномъ мѣстѣ встрѣчается такое примѣчаніе: «При словахъ «жена возстань», жена поднимается и идетъ, чтобы послѣдовать за своимъ покойнымъ мужемъ. Младшій братъ усопшаго препятствуетъ, однако, ей, или, если нѣтъ младшаго брата, то препятствуетъ жрецъ; слѣдовать за мертвымъ ей запрещается,—такъ гласитъ законъ брамановъ. Что касается другихъ кастъ, то законъ этотъ можетъ либо примѣняться, либо не примѣняться ими» [1]).

Сожженіе вдовъ, слѣдовательно, было обычаемъ, не чуждымъ варварскимъ народностямъ, въ среду которыхъ попали арійскіе завоеватели,

1) Max Müller, «Essais de Mythologie comparée», trad. G. Perrot, p. 48.

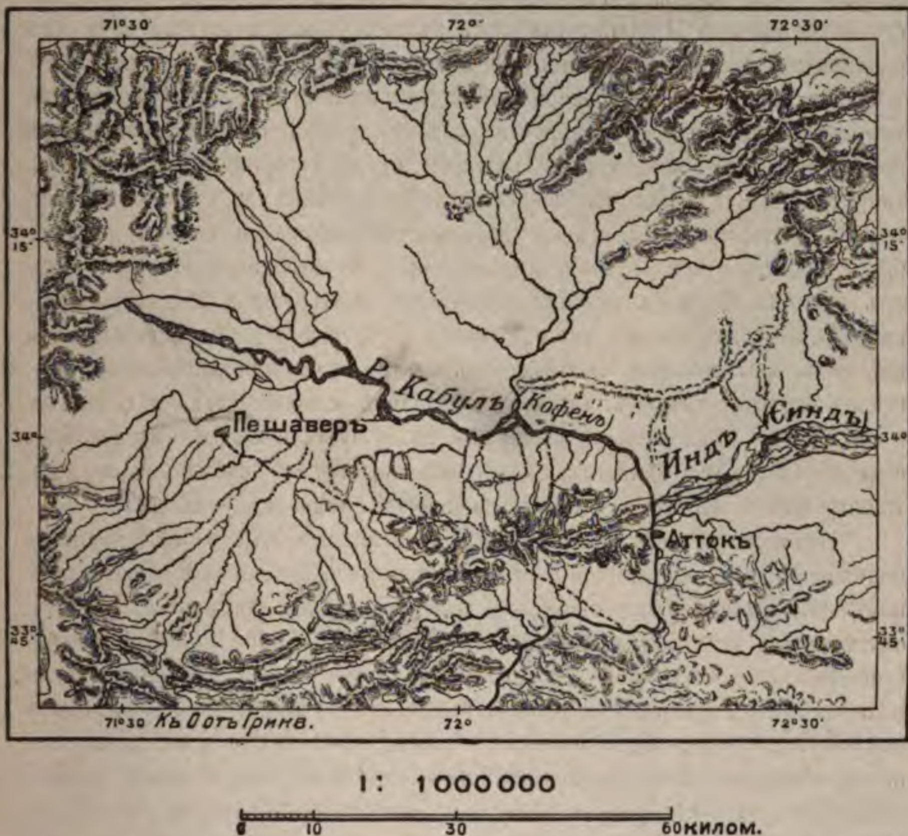
и мы видѣли, что отнюдь не обычаи народности, принесшей съ собой цивилизацію, одержали верхъ. Арійскіе жрецы увидѣли въ туземномъ обычаѣ могущественное средство къ господству надъ народомъ, присвоили себѣ его и не побоялись даже поддѣлать священныя книги, введя въ нихъ тексты, совершенно противоположные первоначальнымъ ученіямъ. Въ теченіе болѣе 2000 лѣтъ традиціи дикихъ «дасіу», воспринятыя «священными» браманами, требовали отъ вдовы покойнаго «добровольнаго» принесенія себя въ жертву!

Даже эллинскія божества, зародившіяся на средиземноморскомъ востокѣ и вылившіяся въ столь опредѣленныя формы, являются, на самомъ дѣлѣ, существами съ довольно неясными очертаніями, нерѣдко мѣняющими какъ свои наименованія, такъ и свои аттрибуты. Индусскія божества были созданы народностью, находившеюся въ состояніи медленнаго переселенія,—она распространялась по обширнѣйшему міру, который казался ей безграничнымъ,—разумѣется, божества эти должны были стать еще болѣе расплывчатыми и нерѣдко сливавшимися между собой,—это были какъ бы облака или туманы, носящіеся по небу! Изслѣдователи, занимающіеся изученіемъ индійской религіи, лишь съ трудомъ узнаютъ настоящую роль каждаго изъ божествъ «Ведъ»,—роль ихъ измѣнялась сообразно съ временемъ и съ мѣстомъ; нѣтъ никакой возможности прослѣдить всѣ превращенія Индры или Сомà или найти какое-либо различіе между обоими Брамами или обоими Асвинами!

Въ браманической Индіи тысячи соціальныхъ группъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ семей, тысячи клановъ и народностей представлены такимъ же количествомъ мѣстныхъ боговъ. Вся земля кажется одухотворенной, нѣтъ ни одного дерева, ни одной скалы, которой бы не поклонялись. Въ то же время каждый изъ царей-завоевателей и каждое изъ государствъ, одержавшихъ побѣду надъ другими, обладали собственнымъ главнымъ божествомъ: надо думать, что не разъ какъ до, такъ и послѣ великаго завоевателя Рамà, который спустился съ Гималаевъ и побѣдоносно прошелъ всю Индію вплоть до Цейлона, мечта о всемірной имперіи должна была порождать въ душѣ того или другого изъ «великихъ царей» идею о единомъ богѣ, сходномъ съ нимъ самимъ, о единомъ властителѣ неба и земли, съ которымъ онъ, быть-можетъ, смѣшивалъ и себя самого. Такимъ путемъ зародились, вѣроятно, на западѣ Азіи монотеистическія религіи,—онѣ были внушены честолюбіемъ народовъ, считавшихъ себя едиными избранными и предназначенными владѣть всѣми богатствами земли, всѣмъ міромъ. Въ Индіи, однако, это религіозное движеніе не могло проявиться въ столь простой законченной и опредѣленной формѣ, какую оно приняло въ однообразныхъ, каменистыхъ и мѣстами безплодныхъ странахъ Передней Азіи. Величественная природа Индіи съ ея многочисленными контрастами, порази-

тельное богатство ея флоры, многочисленность перемѣшанныхъ между собой народностей были причиною того, что вѣрованія эти вылились не въ столь ясную, рѣзкую и опредѣленную формулу, какъ въ области менѣе обширной цивилизаціи еврейскаго народа. Въ Индіи также возникъ

№ 241. Долина Аттока.

Между Пешаверомъ и Индомъ, къ югу отъ Аттока находятся еще слѣды древней царской дороги. Рѣка, пересѣкающая долину въ сѣверо-западной части карты,—рѣка Сиватъ или Сватъ, долина ея образуетъ страну Удіена или „садъ“.

монотеизмъ, но онъ былъ несравненно блѣднѣе культа страшнаго Іаве. Брама, самое имя котораго обозначаетъ «молитву», міровая душа, происходитъ отъ простого дуновенія,—его не должно смѣшивать, какъ говорятъ спеціалисты, съ другимъ Брамой, творцомъ вселенной, воплощеніемъ Вишну; это не болѣе какъ тѣнь, какъ видимость, какъ миражъ,—онъ является отвлеченіемъ, символизирующимъ способность брамановъ къ волшебству; сами браманы воздерживаются отъ поклоненія

этой идеальной основѣ всего существующаго,--ихъ поклоненіе направляется по адресу низшихъ боговъ, болѣе конкретныхъ по своей природѣ. «Брама не почитается людьми—говоритъ въ XII вѣкѣ нашей эры одинъ изъ писателей Кашмира Сома-Дева-Батта,—такъ какъ онъ слишкомъ высокомѣренъ»; безъ сомнѣнія, Брама является слишкомъ высокимъ, онъ не желаетъ знать людей, и эти послѣдніе отплачиваютъ ему тѣмъ же. Въ честь Брамы нѣтъ храмовъ, или есть, кажется, всего одинъ единственный на всю Индію, тогда какъ въ честь Сивы и Вишну подъ ихъ различными наименованіями существуютъ сотни и тысячи храмовъ.

Такимъ образомъ, совершенно идеально и отвлеченно, независимо отъ доступной народу реальности, всѣ индусскія божества считаются подчиненными «Троицѣ» или Тримурти, среди которой Брама является творцомъ, Вишну—богомъ, поддерживающимъ міръ, и Сива—разрушителемъ. Безъ сомнѣнія, такой способъ классификаціи боговъ долженъ былъ нравиться теологамъ-изслѣдователямъ, но, зародившись въ книгахъ, онъ долженъ былъ въ книгахъ же и остаться. Вѣрующій же, поклоняясь какому-либо изъ боговъ, приписываетъ ему обыкновенно всю власть и всѣ силы,—въ моментъ молитвы онъ считаетъ его превыше всѣхъ другихъ божествъ, увѣренъ, что онъ обладаетъ способностью и создавать и сохранять, и разрушать; въ храмѣ въ минуту молитвы каждый богъ становится богомъ единымъ, хотя, быть-можетъ, въ сосѣднемъ же святилищѣ это божество и считается совершенно незначительнымъ.

Основнымъ элементомъ индусскихъ религіозныхъ воззрѣній является перевоплощеніе, постоянное измѣненіе божествъ. Божества мѣняютъ свои наименованія и свойственные имъ аксессуары, они рождаются, растутъ, старѣются и умираютъ, оставляя наслѣдниковъ. Всѣ они являются настоящими Протеями, исчезающими и снова появляющимися, какъ туманныя картины на экранѣ. Помимо 9 или 22 оффиціально признанныхъ воплощеній Вишну, было много еще другихъ мѣстныхъ воплощеній его, не настолько пользовавшихся извѣстностью, чтобы войти въ каноническія книги. Всѣ рѣшительно божества уже заранѣе имѣли доступъ въ Пантеонъ Индіи, подобно тому какъ позднѣе это наблюдалось въ Римѣ въ эпоху Антониновъ; долгое время не ощущалось недостатка въ вѣрующихъ въ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, большинство этихъ божествъ должно вскорѣ исчезнуть изъ памяти человѣчества!

Такова въ общихъ чертахъ эта религія, по самому существу своему подвижная и измѣнчивая, религія, получившая названіе браманизма, по имени символическаго божества Брамы, въ его безчисленныхъ проявленіяхъ и по имени касты жрецовъ, которая поработила народъ! Распространяемая завоевателями различныхъ расъ,—арійцами, дравидами, коларійцами,—религія эта проникла почти во всѣ части полуострова Индіи, за исключеніемъ самыхъ замкнутыхъ горныхъ долинъ или дѣв-

ственныхъ лѣсовъ, въ которыхъ скрывались въ никому неизвѣстной глуши нѣкоторыя народности. При такомъ широкомъ распространенiи

Вишну,
древнiй богъ солнца, второе лицо Тримурти, создатель, хранитель и разрушитель мiра, вездѣсущiй, всемогущiй, всевѣдущiй, покровитель жертвоприношенiй. По бокамъ его двѣ его супруги, богини Лакшну и Сатiабхама.

браманскаго культа даже новообращенные, «возродившiеся вторично», воображали, что они безконечно выше своихъ предковъ, и представляли себѣ послѣднихъ пребывавшими въ полнѣйшемъ варваризмѣ, жившими, подобно животнымъ, безо всякой морали и безо всякихъ познанiй. Привязанные, на самомъ дѣлѣ, по своимъ религiознымъ воззрѣнiямъ къ арiйцамъ сѣвера, дравиды и коларiйцы называли послѣднихъ, своихъ соб-

ственныхъ родоначальниковъ, «демонами» и давали имъ другія скверныя названія! Совершенно также въ другія эпохи массоваго обращенія въ новую религію, христіане, разрушавшіе музеи и библіотеки древности, видѣли въ язычникахъ, отъ которыхъ сами они произошли, лишь скопище проклятыхъ Богомъ и обреченныхъ на гибель людей, совершенно также и арабы-мусульмане изображали своихъ предковъ, обитавшихъ въ Геджасѣ и Нейдѣ, настоящими чудовищами.

Всевозможныя движенія, происходившія въ теченіе ряда вѣковъ въ жизни нравственной и религіозной, политической и соціальной индусскихъ народностей, должны были, само собою разумѣется, распространяться въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. вдоль тѣхъ путей, которые, благодаря своей легкой доступности, превратились въ историческіе пути; на этихъ путяхъ возникли на извѣстныхъ разстояніяхъ города, являвшіеся центрами естественнаго притяженія для торговли и промышленности. Знаменитый сѣверо-западный путь, образованный схожденіемъ дорогъ, спускающихся съ горныхъ проходовъ Гиндукуша, направлялся естественнымъ образомъ къ той полосѣ плодородныхъ мѣстностей, которую орошаютъ горныя воды, выходящія изъ Гималайскихъ долинъ; затѣмъ онъ пересѣкалъ наносный водораздѣлъ, гдѣ въ древнія времена текла рѣка Сарасвати, впадавшая сперва въ Индъ и затѣмъ направившаяся въ Гангъ, и, наконецъ, вступалъ въ область этой послѣдней великой рѣки. Этотъ путь между Пенджабомъ и плодородными восточными равнинами, между бассейномъ Аравійскаго моря и моря Бенгальскаго, долженъ былъ во всѣ времена имѣть огромное историческое значеніе,—особенно велико должно было быть его военное значеніе, такъ какъ плодородная область здѣсь не широка, и путь, идущій между предгоріями Гималаевъ на сѣверѣ и передними покрытыми лѣсами возвышенностями на югѣ, не могъ значительно уклоняться ни вправо, ни влѣво; въ этомъ мѣстѣ находится точка соприкосновенія между обѣими расходящимися по противоположнымъ направленіямъ половинами сѣвернаго Индостана; здѣсь, слѣдовательно, по преимуществу находится и центръ могущества и власти.

И сколько столкновеній произошло въ этой области между царями, жаждавшими власти! Именно здѣсь по древнимъ преданіямъ, собраннымъ въ «Махабхарата», происходили страшнѣйшія битвы между сынами Куру и сынами Панду,—битвы, которыми рѣшались не разъ судьбы Индіи. Въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ—именно вслѣдствіе стремленія къ завоеваніямъ и къ власти, вслѣдствіе притяженія торговли къ мѣстамъ, гдѣ наиболѣе легко происходитъ соприкосновеніе между различными мірами, вблизи мѣстностей, служившихъ полями грандіозныхъ сраженій, должны были возникнуть большіе города. Дѣйствительно, и въ данной мѣстности

34 или, быть-можетъ, и еще больше вѣковъ тому назадъ поднимались

Сива,
богъ солнца, міровая душа, сущность и творецъ всѣхъ другихъ боговъ и всего существующаго, третье лицо Тримурти.

стѣны «Слоноваго города» Гастинапура, этой настоящей индусской Трои, изъ-за которой сражались между собою герои легенды, и которую, въ

концѣ концовъ, поглотили воды Ганга. Далѣе къ югу, на берегахъ Джамны, возникъ семижды священный городъ Дели,—городъ, завоеванный сынами Панду у народа-змѣй, городъ, въ которомъ былъ воздвигнутъ столбъ, орошенный кровью покоренныхъ народностей. Ниже Дели жизненные центры, въ которыхъ сходятся историческія движенія народностей, слѣдуютъ вдоль береговъ Ганга одинъ за другимъ вплоть до Бенгальскаго залива.

Другой историческій путь, предуказанный самымъ очевиднымъ образомъ природой, отдѣляется отъ основного пути, проходящаго по долинѣ Ганга, и направляется къ западу и юго-западу вдоль рѣки Сонъ, продолжаясь за невысокимъ водораздѣломъ по рѣкѣ Нарбада,—такимъ образомъ, оба залива, омывающіе полуостровъ, оказываются соединенными естественнымъ путемъ, легко огибающимъ горы. Плоскогоріе полуострова Индіи, которое опускается столь круто и неприступно въ области Конканскаго и Малабарскаго береговъ, является также областью, облегчающею сообщеніе,—къ нему примыкаютъ, съ одной стороны, пути, спускающіеся круто или зигзагами по прорывамъ или «гхатамъ» къ гаванямъ побережья, съ другой стороны—очень пологіе пути, идущіе къ Коромандельскому берегу. Всюду первоначальный рельефъ страны предуказалъ мѣстности, по которымъ должны были быть проложены первоначальныя тропинки, сдѣлавшіяся затѣмъ широкими дорогами. Наконецъ, и островъ Цейлонъ является очевиднымъ образомъ привязаннымъ къ континенту путемъ, по которому передвигались народности еще въ до-историческія времена,—это такъ называемый «мостъ Рамà», который, какъ гласитъ преданіе, былъ набросанъ чрезъ проливъ обезьянами Ханумана, находившимися въ союзѣ съ арійцами-завоевателями.

Слѣдуетъ отмѣтить, что сѣть историческихъ путей Индіи совершенно отрѣзана отъ путей остальной части Азіи хребтами горъ, тянущимися на сѣверѣ и ограничивающими высокія плоскогорія Тибета,—безъ сомнѣнія, хребты эти не являлись препятствіемъ абсолютно непреодолимымъ, и во всѣ времена торговцы, паломники и даже просто любознательные путешественники проходили съ одной стороны ихъ на другую; однако, такое совершавшееся черезъ хребты движеніе не имѣло особаго значенія, и ему нельзя приписать сколько-нибудь значительной исторической роли въ смыслѣ сношеній между народами и въ смыслѣ установленія общаго равновѣсія цивилизаціи. Послѣднимъ крупнымъ міровымъ путемъ, служившимъ для передвиженія народностей къ востоку отъ Баміанскаго прохода и сосѣднихъ переваловъ, является тотъ, которымъ верховья Инда соединяются съ верховьями Тарима въ Кашгарѣ, т.-е. который пересѣкаетъ въ высшей степени опасныя, но зато неширокія цѣпи Каракорума: тамъ идти снѣгами и льдами приходится относительно недолго, и пути, по которымъ съ большими затрудненіями слѣ-

дуютъ путники, намѣчаются перелетными птицами, тянущимися въ небѣ. На другомъ концѣ Гималайскихъ горъ приходится дойти до сѣверныхъ

№ 242. Водораздѣлъ Индостана.

1 : 10 000 000

0 100 300 600 килом.

областей Бирманіи, граничащихъ съ китайской провинціей Юнъ-Нанъ, чтобы найти другой историческій путь—«путь золота и серебра», по которому совершались постоянныя сношенія между обоими обособлен-

ными мірами—Индіей и Китаемъ. Между восточнымъ и западнымъ путями разстояніе не менѣе 3000 километровъ по воздушной линіи,—такова длина той стѣны, которая долгое время совершенно отдѣляла одну отъ другой обѣ главнѣйшія цивилизаціи материка Азіи!

Будучи слишкомъ высокими для того, чтобы черезъ нихъ легко было перебираться, Гималайскіе хребты, именно благодаря своей вышинѣ, препятствовали въ то же время и столкновеніямъ между народностями, обитающими въ низменныхъ равнинахъ, и народами высокихъ горъ. Въ этомъ отношеніи Гималаи являются исключеніемъ среди другихъ горъ земного шара. Во всѣхъ рѣшительно странахъ міра, гдѣ надъ равнинами, разстилающимися у подножія горъ, господствуютъ хребты или плоскогорія умѣренной вышины, обитатели низинъ принуждены постоянно опасаться набѣговъ горныхъ жителей. Эти послѣдніе, лѣпясь по скаламъ горъ, какъ коршуны, угрожаютъ постоянно презираемымъ ими пастухамъ и земледѣльцамъ, обитающимъ у подножія. Хребты Гималайскихъ горъ поднимаютъ настолько высоко свои снѣжныя вершины, что населенію долины Ганга не приходится бояться набѣговъ тибетцевъ и другихъ обитателей высокихъ плоскогорій. Мы видимъ здѣсь совершенно то же самое, какъ въ Эквадорѣ, гдѣ крупныя и мелкія животныя, обитающія въ равнинахъ и по склонамъ горъ до высоты 2700 метровъ, оказываются гарантированными отъ когтей кондора: величественный хищникъ парящій на своихъ могучихъ крыльяхъ надъ Андами, не можетъ спускаться въ сгущенный воздухъ низинъ и погибаетъ даже, когда его въ клѣткѣ привозятъ на морское побережье! Правда, въ 1792 г. тибетцы, сопровождаемые китайскими войсками, спустились въ Непалъ, но аванпосты ихъ не достигли равнины, расположенной внизу: они остановились въ Наякотѣ, близъ Катманду, на высотѣ 700 метровъ и затѣмъ поспѣшно вернулись назадъ въ свои горы. Въ теченіе ряда минувшихъ вѣковъ этотъ набѣгъ былъ, по всей вѣроятности, не единственнымъ, но, все же, можно сказать, разбойники, которыхъ особенно приходится опасаться обитателямъ равнинъ, это не жители высокихъ вершинъ, а ихъ непосредственные сосѣди,—жители предгорій.

Центръ тяжести народностей, подвергшихся арійскому вліянію, не находился уже болѣе въ бассейнѣ Инда и былъ перенесенъ въ бассейнъ Ганга, въ современныя Одъ и Бенгалію, когда въ эпоху, отдаленную отъ нашего времени, по мнѣнію большинства историковъ, на 30 или 31 вѣкъ, арійцы сѣвера произвели цѣлый рядъ вторженій въ южную Индію и въ Цейлонъ; ими были покорены, по крайней мѣрѣ, временно обитатели южной Индіи, коларійцы и дравиды. На небѣ въ тѣ времена царило уже новое поколѣніе боговъ: Индра отступилъ на задній планъ, тогда какъ Вишну и Сива наполняли весь міръ своими чудесами. Несомнѣнно, что въ эту эпоху въ исторіи появляются неиз-

вѣстныя до того времени народности, но разсказы, передававшіеся изъ устъ въ уста въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, утратили всякую историческую точность: побѣжденные враги получаютъ наименованіе дья-

№ 243. Мостъ Рама.

воловъ и драконовъ; даже союзники благородныхъ арійцевъ считаются животными, которыя должны почитать себя чрезвычайно счастливыми, что ихъ освѣщаютъ лучи, исходящіе отъ лика повелителя Ра́ма, царя династіи солнца,—эти «обезьяны» Ханумана представляютъ собою, безъ

сомнѣнія, какую-то изъ народностей, вступившихъ въ союзъ съ арійцами-завоевателями. Одинъ изъ путешественниковъ [1]) высказываетъ предположеніе, что въ этихъ четверорукихъ союзникахъ Ра́ма должно видѣть народности Индо-Китая, отличающіяся тѣмъ, что на ногѣ ихъ большой палецъ легко противопоставляется остальнымъ. Древнее наименованіе Аннама «Ванъ-Ланъ» означаетъ по-китайски «царство людей съ отдѣленными большими пальцами». Какъ бы то ни было, арійское завоеваніе увѣнчалось полной побѣдой: легендарный городъ Ланка, въ которомъ томилась взаперти божественная Сита, населился не только воинами, но и колонистами, пришедшими изъ подвергшихся уже арійскому вліянію областей Ганга,—языки арійскаго происхожденія, санскритскій и пали, оказали гораздо бо́льшее вліяніе на нарѣчія островитянъ, чѣмъ нарѣчія континентальной части полуострова Индіи. Сингалезскій языкъ причисляется всѣми этнологами къ нарѣчіямъ обширной иранской семьи.

Послѣ завоевательныхъ войнъ настали войны внутреннія. Династія солнца и династія мѣсяца вступили въ борьбу между собою за обладаніе имперіей, и хотя детали событій въ теченіе этого страшнаго конфликта и остаются неизвѣстными, такъ какъ «Махабхарата» можетъ быть истолковываема очень различно въ смыслѣ географіи и исторіи, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что затѣмъ совершились крупныя измѣненія въ равновѣсіи индусскихъ народностей. Одна чрезвычайно интересная съ точки зрѣнія исторической географіи легенда разсказываетъ, какъ богъ Агни Вайсванара, «богъ жертвеннаго огня», шествуетъ на востокъ отъ божественной Сарасвати и по пути побѣдоносно сжигаетъ всѣ рѣки. Прибывъ, однако, къ рѣкѣ Саданира, которая спускается съ шумомъ изъ ущелья сѣверныхъ горъ, онъ останавливается на долгое время, не будучи въ состояніи перейти черезъ быстрый потокъ. По Веберу, Саданира—это рѣка Гандаки, служащая въ настоящее время границей между Одъ, древнимъ царствомъ Рама, и Бенгаліей, которую долго населяли языческія народности, и въ которой до сихъ поръ еще находятся многія племена, не подвергшіяся арійскому вліянію. Послѣ этой временной остановки богъ огня снова пустился въ путь, чтобы очистить восточныя земли, ибо въ Индіи, какъ говорятъ жрецы, самая безплодная почва становится плодородной не такъ, какъ во всемъ остальномъ мірѣ, благодаря стараніямъ земледѣльцевъ, которые вспахиваютъ и боронятъ ее, а исключительно лишь благодаря очистительнымъ жертвамъ брамановъ [2]).

Въ обществѣ арійцевъ Индіи, этихъ почитателей огня и ревност-

---

1) Paul d'Enjoy. «Les Pédimanes», Revue Scientifique, 28 mai 1899. —2) Hermann Oldenberg. «Buddha», pp. 10, 11.

ныхъ приверженцевъ всѣ внѣшнихъ обрядностей, все рѣшительно, даже война, регулировалось молитвословіями жрецовъ. Передъ битвой сражающіеся должны были читать наизусть «Обязанности воина», воспроизведенныя въ законахъ Ману и въ сочиненіи о военномъ дѣлѣ, которое, какъ полагаютъ, происхожденія болѣе поздняго, чѣмъ «Махабхарата». Впрочемъ, должно сказать, что «воинскій уставъ» того времени былъ гораздо болѣе гуманнымъ, чѣмъ современный! Царь, отправлявшійся въ битву, не имѣлъ права сражаться копьями или стрѣлами съ зазубренными или отравленными наконечниками, не могъ пускать въ ходъ и горящихъ снарядовъ. «Да не убьетъ онъ ни единаго врага, укрывшагося на высотахъ, да не убьетъ ни единаго евнуха, ни единаго просящаго о пощадѣ, ни единаго обратившагося въ бѣгство, ни единаго сидящаго и ни единаго воскликнувшаго «я твой плѣнникъ»! Да не убьетъ онъ также кого-либо спящаго или воина, потерявшаго свою кольчугу, или человѣка нагого; да не убьетъ онъ безоружнаго или кого-либо смотрящаго на сраженіе и не принимающаго въ немъ участія, или человѣка, на котораго напалъ другой врагъ. Да не убьетъ онъ человѣка, оружіе коего сломалось, или ослабѣвшаго отъ боли, или тяжело раненнаго, или объятаго страхомъ, но да вспомнитъ онъ объ обязанностяхъ воина, признающаго законы!.. Лишь тѣ, кто вооруженъ одинаковымъ оружіемъ, могутъ сражаться: воинъ, сражающійся въ колесницѣ, можетъ напасть лишь на противника, который также въ колесницѣ; всадникъ можетъ сражаться лишь со всадникомъ, пѣшіе воины должны биться лишь съ пѣшими» [1]).

Женщина племени мервари въ праздничномъ нарядѣ (пустыня Таръ).

Несмотря на то, что войны естественно порождаютъ насиліе, предписанія эти, въ общемъ, все же соблюдались, не столько вслѣдствіе свой-

1) E. W. Hopkins. «The social and military Position of the ruling Caste in ndia», p. 22 7.—Ernest Nys. «L'Inde Aryenne», p. 24.

ственной индусамъ душевной доброты, сколько изъ-за того, что кастовыя различія глубоко внѣдрились въ самыя основы всѣхъ ихъ представленій. Греки, посѣтившіе Индію послѣ македонскаго нашествія, невольно поражались при видѣ того, какъ земледѣлецъ спокойно идетъ за своимъ плугомъ, въ то время какъ рядомъ съ нимъ бьются на смерть вооруженные воины [1]). Спрашивается, откуда могла взяться такая практическая философія низшихъ классовъ? Безъ сомнѣнія, причиной ея было полное отсутствіе всякаго интереса къ побѣдѣ или къ пораженію той или другой партіи. Представитель низшей касты былъ роковымъ образомъ чуждъ рѣшительно всему, онъ совсѣмъ не имѣлъ отечества и считалъ каждаго вступающаго въ борьбу изъ-за владѣнія землею совершенно одинаково своимъ врагомъ, кто бы это ни былъ. Нигдѣ, ни въ одной иной странѣ земного шара искусственное раздѣленіе людей на особыя рѣзко ограниченныя по самому своему существу породы, не было проведено съ такою ясностью!

Появленіе кастъ желали объяснить мудрой предусмотрительностью законодателей, издавшихъ предписанія съ тою цѣлью, чтобы сохранить чистоту крови,—«расовая гигіена»—такова, предполагаютъ, была причина этого установленія! Существуетъ будто бы полное совпаденіе между мѣрами, предписанными для сохраненія чистоты расы законами Ману, и тѣми совѣтами, которые даются нынѣшними гигіенистами [2]). Надо, однако, замѣтить, что правила, формулированныя въ этихъ законахъ относительно брака, касаются не браковъ между представителями различныхъ кастъ, а браковъ, происходящихъ внутри каждой данной касты,—что же касается скрещиваній между различными народностями и различными расами, то опытъ, произведенный въ большомъ масштабѣ въ исторіи цѣлаго міра, доказываетъ достаточно убѣдительно, что смѣшеніе крови можетъ во многихъ случаяхъ не только не вести къ дурнымъ послѣдствіямъ, но даже вызывать результаты чрезвычайно благопріятные въ смыслѣ усовершенствованія и развитія вида. Не являются ли наиболѣе цивилизованными какъ-разъ тѣ народности, которыя восприняли въ свой составъ наибольшее количество людей самаго разнообразнаго происхожденія, и которыя, слѣдовательно, оказываются наиболѣе сильно смѣшанными и состоящими изъ индивидовъ, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ расы всего міра? Такое смѣшеніе имѣетъ, впрочемъ, совершенно случайный характеръ, и является вопросъ,—при какихъ смѣшеніяхъ результаты могутъ получиться наилучшіе, и какіе, напротивъ, природа отвергаетъ? Въ этомъ отношеніи наука далеко не добыла еще выводовъ вполнѣ точныхъ; можно, во всякомъ случаѣ, ска-

1) Megasthènes; Irving. «Theorie and Practice of Caste», p. 75, cité par Oldenburg, «Buddha», p. 12.—2) Sir J. Fayrer. «Preservation of Health in India».

Индійская повозка для женщинъ.

зать, что предположеніе, будто установленіемъ кастъ арійцы Индіи имѣли въ виду совершенно опредѣленныя задачи и преднамѣренно разсчитывали на тѣ или другія послѣдствія въ этническомъ составѣ, которыя повлечетъ за собою скрещиваніе,—выводъ, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ смѣлый и противорѣчащій всеобщему міровому опыту.

Оставляя въ сторонѣ гипотезы патріотовъ и націоналистовъ, защищающихъ предполагаемую первоначальную чистоту своей расы, обратимся къ изученію фактовъ самихъ по себѣ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія происхожденіе кастъ, мы видимъ, что таковыя образовывались многими способами. Безъ сомнѣнія, значительную степень участія имѣло въ образованіи кастъ завоеваніе: самое названіе кастъ «варна», т.-е. «цвѣтъ», указываетъ, повидимому, что со времени вторженія арійцевъ классы распредѣлялись по цвѣту кожи завоевателей и побѣжденныхъ. Первые были бѣлокожіе, имъ же были подчинены красно-, желто- и чернокожіе, и, хотя это дѣленіе во многихъ отношеніяхъ очень произвольно, оно все же въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: завоеватели, на самомъ дѣлѣ, отличались отъ покоренныхъ ими народностей бѣлымъ или бѣловатымъ оттѣнкомъ кожи, тогда какъ послѣднія народности представляли въ большинствѣ случаевъ оттѣнки болѣе темные. Побѣдители всегда преувеличиваютъ различія такого рода въ пользу своего тщеславія! Завоеваніе явилось, однако, лишь началомъ кастоваго

устройства: притѣсненія властителей, продолжавшіяся въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, сдѣлали затѣмъ кастовое устройство общепринятымъ, превратили его въ религіозную догму, въ нѣчто роковое и незыблемое, такъ что, въ концѣ концовъ, все общество оказалось раздѣленнымъ по іерархическому шаблону, черты котораго можно было считать окончательно установленными.

По даннымъ классическихъ писателей индусское общество было раздѣлено съ самаго своего начала на четыре рѣзко ограниченныя касты: касту жрецовъ «брамановъ», касту воиновъ «кшатріевъ», касту земледѣльцевъ или пастуховъ «вайсіевъ» и, наконецъ, касту «судра», людей низшаго разряда, занимавшагося различными ремеслами, которыя считались неблагородными и низменными. Эти четыре касты неравнаго достоинства были все же «чистыми», такъ какъ всѣ онѣ происходили изъ различныхъ частей тѣла Брамы. Ниже ихъ была толпа «нечистыхъ», «варваровъ» или «діаволовъ», не заслуживающихъ даже, чтобы ихъ считали людьми. Во всякомъ случаѣ, раздѣленіе это основано на чистѣйшей теоріи и никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ каждая народность Индіи обладала инымъ числомъ кастъ, іерархія коихъ была различна въ соотвѣтствіи съ особенностями происхожденія, съ послѣдовавшими переселеніями и въ соотвѣтствіи съ занятіями, традиціями, нравами и религіей народности; греческіе и римскіе писатели вмѣсто четырехъ кастъ насчитываютъ семь, и въ каждой провинціи число кастъ варіируетъ, достигая иногда нѣсколькихъ десятковъ, а мѣстами даже нѣсколькихъ сотъ: въ Бенгаліи, напримѣръ, какъ въ странѣ консерватизма, доведеннаго до крайности, существуетъ по оффиціальнымъ документамъ болѣе 1000 кастъ, а если считать и подраздѣленія ихъ, то и нѣсколько тысячъ; нѣкоторыя строго ограниченныя касты образованы всего лишь двумя людьми, настолько это расщепленіе оказывается доведеннымъ до абсурда [1])! Даже животныхъ дѣлили на касты: пальмовая крыса, напримѣръ, забирающаяся на верхушки деревьевъ и питающаяся самой отборной пищей, относится къ кастѣ очень высокой; воронъ, мрачная птица смерти, считается, напротивъ, нечистымъ и низменнымъ существомъ.

Первые вѣка пребыванія арійской расы въ Индіи, безъ сомнѣнія, не были періодомъ, характеризовавшимся господствомъ жрецовъ, несмотря на то, что это утверждаютъ брамаиы,—они въ данномъ вопросѣ заинтересованная сторона. Во время завоеванія высшая власть принадлежала, конечно, военной власти, и жрецы, сопровождавшіе воиновъ, обладали второстепенными правами и обязанностями, именно, должны были молить боговъ о ниспосланіи побѣды оружію ихъ повелителей; въ «Ригѣ-Ведѣ» [2]) существуетъ прямое указаніе на касты лишь въ одномъ единственномъ

1) Nelson. «Madura Country». — 2) Z. A. Ragozin, «Vedic India», p. 281.

Сожженіе труповъ въ Бенаресѣ.

мѣстѣ, несмотря на то, что по всему смыслу ея текстовъ можно констатировать существованіе уже очень сильнаго соціальнаго неравенства. Въ эту эпоху высшей кастой были кшатріи, но затѣмъ, за время ихъ господства, сыны прежнихъ военачальниковъ изнѣжились, благодаря наслѣдственнымъ привилегіямъ, и позволили оплести себя сѣтью интригъ, разставленной коварными и льстивыми браманами. Выставляя на показъ свою нравственность, въ томъ числѣ и свою доброту и щедрость по отношенію къ бѣднымъ, браманы, бывшіе одновременно пѣвцами, поэтами и священнослужителями, не забывали заканчивать свои гимны откровенными до полной циничности просьбами: «Дай мнѣ домъ, богатый лошадьми, богатый коровами, богатый золотомъ!.. Дай мнѣ двѣ, дай мнѣ десять коровъ, дай мнѣ двѣсти десять коровъ! Дай мнѣ двѣсти милліоновъ коровъ!.. Дай мнѣ сотню, тысячи дорогихъ подарковъ» [1]). Увеличивая свое благосостояніе, браманы, хотя и не правили сами лично, сдѣлались, тѣмъ не менѣе, господами страны и раздѣлили массу индусскаго населенія на эту столь странную іерархію рѣзко отграниченныхъ одинъ отъ другого классовъ; въ средѣ каждаго такого класса утратилось

1) «Rig-Veda». Trad. de Langlois.

всякое представленіе о правахъ личности и личной инціативѣ, и единственнымъ идеаломъ оставалось стремленіе «соблюсти чистоту касты».

Изъ страны Одъ, бывшей центромъ господства арійской народности, кастовая система распространилась по всей Индіи вплоть до южной оконечности Цейлона. Ни въ одномъ дравидскомъ нарѣчіи нѣтъ слова, которое выражало бы идею раздѣленія общества на рѣзко разграниченныя группы: терминъ «jāti», употребляемый въ странѣ, какъ и само раздѣленіе на касты, арійскаго происхожденія. Это былъ, поистинѣ, страшный подарокъ «цивилизаторовъ» страны [1]). Завоеватели, пришедшіе съ сѣвера и занявшіе первое мѣсто въ обществѣ, чтобы управлять имъ, предписали при всеобщемъ раздѣленіи труда каждому классу опредѣленное, постоянное, неизмѣнное занятіе, столь же прочно прикрѣпленное къ каждому человѣку, какъ его кожа и кости. Что касается брамановъ, то они были выше всякой касты. Они носили на плечѣ шнуръ изъ четырехъ нитей, дѣлавшій ихъ «богами на землѣ». Они и только они одни обладаютъ волею и властью, «они держатъ ключи отъ ада и рая»! «Такова моя воля—говоритъ браманъ,—такова моя воля, я беру твое сердце, и твоя мысль слѣдуетъ за моей мыслью»! «Даже нищенствуя, браманъ выше царей»! Властитель страны, котораго жрецы прославляли какъ владыку народа, не былъ господиномъ надъ ними самими,—они повиновались лишь «сóма» [2]), т.-е. своему собственному вдохновенію. Священный напитокъ былъ для нихъ не опьяняющимъ напиткомъ, а ихъ собственной волей, ихъ чистымъ, непогрѣшимымъ капризомъ!

Благодаря относительной изолированности, въ которой находились арійцы Индіи въ области, близкой отъ Гималаевъ, благодаря тому, что они жили далеко отъ моря и имѣли сношенія лишь съ презираемыми народностями сосѣднихъ областей, нравственная и религіозная эволюція ихъ совершалась, такъ сказать, въ наглухо замкнутомъ сосудѣ: она должна была достичь предѣловъ, логически изъ нея вытекавшихъ, такъ какъ къ ней не примѣшивалось вовсе чужеземныхъ элементовъ. Дѣйствительно, нигдѣ каста жрецовъ не достигала такого могущества,—ей не было притомъ даже надобности опираться на мірскую власть, она развивалась лишь путемъ чистѣйшей иллюзіи, путемъ вѣры въ божественный авторитетъ, гарантировавшій ей всеобщее согласіе подчиняться.

Полная изолированность брамановъ, пріобрѣтавшаяся ими не только путемъ рожденія, но и путемъ соотвѣтственнаго обученія, путемъ повиновенія учителямъ и полнаго подчиненія установленнымъ формуламъ, нерѣдко также путемъ самоотреченія и умерщвленія плоти, не могла все

1) William Logan. «Malabar». Madras, 1887—91. — 2) H. Oldenberg. «Buddha», p. 14, 15, etc.

же сдѣлать ихъ счастливыми, и, хотя они и были богами на землѣ, они все же должны были искать счастья, которое бѣжало отъ нихъ. Разумѣется, въ этомъ и заключалась одна изъ причинъ великой религіозной революціи, происшедшей съ возникновеніемъ буддизма; конечно, причина эта могла имѣть вліяніе лишь на людей, располагающихъ необходимымъ досугомъ, для того, чтобы предаваться размышленіямъ; глубокая революція, всколыхнувшая всю массу народа, не могла совершиться иначе, какъ возникнувъ изъ самыхъ глубинъ соціальныхъ условій. Если самое происхожденіе буддійскаго движенія забыто и остается намъ совершенно неизвѣстнымъ, то потому лишь, что обыкновенно историки, не располагая точными данными, бываютъ принуждены довольствоваться лишь тѣми историческими памятниками, которые находятся въ ихъ распоряженіи: они и изучаютъ въ такомъ случаѣ исключительно догматы и религіозныя ученія, церковную организацію и тысячи деталей борьбы, послѣдовавшей за неизвѣстными имъ событіями, которыя вызвали первое движеніе. Такой образъ дѣйствія бываетъ, конечно, источникомъ постоянныхъ ошибокъ, заставляетъ ихъ смѣшивать конецъ съ началомъ, видѣть регрессивную эволюцію вмѣсто періода

Агни,
богъ огня, двѣ головы его означаютъ домашній и жертвенный огонь. Онъ приноситъ богамъ дымъ жертвъ и молитвы людей.

образованія и развитія, изучать послѣдствія движенія, а не самыя его причины. Однимъ словомъ, они попадаютъ въ положеніе художника, который, не будучи въ состояніи проникнуть внутрь великолѣпнаго города и воспроизводя лишь переулки и хижины предмѣстій, воображалъ бы, что рисуетъ самый городъ!

При такихъ условіяхъ оптическій обманъ неизбѣженъ, тѣмъ болѣе, что при самомъ процессѣ развитія идей, находящихся въ состояніи броженія, борьба отдѣльныхъ силъ имѣетъ характеръ совершенно различный въ началѣ разыгрывающихся событій, въ серединѣ и въ теченіе періода, который уже слѣдуетъ за столкновеніемъ. То, что въ началѣ могло бы представляться настоящей соціальной революціей, является иногда въ концѣ не болѣе какъ простой реставраціей прежняго порядка вещей!

Намѣченное нами сказывается чрезвычайно наглядно при разсмотрѣніи возникновенія индусскаго буддизма. Обыкновенно при изученіи этого событія капитальной важности разсматривается лишь сама легендарная или даже совершенно миѳическая личность основателя буддійскаго вѣроученія, разсматривается точное значеніе догмъ или даже тѣхъ или другихъ словъ, примѣненныхъ созидателями и комментаторами ученія. На самомъ же дѣлѣ буддизмъ является колоссальной революціей въ области нравственныхъ и соціальныхъ идей, и, чтобы составить себѣ представленіе о немъ, должно разсмотрѣть вѣка, предшествовавшія этому періоду, должно выяснить, каковы были существовавшіе тогда элементы соціальной среды, и какимъ способомъ устанавливалось ихъ равновѣсіе.

Извѣстно, что покоренныя народности Индіи чувствовали себя крайне несчастными, и что господствующій классъ сумѣлъ систематическимъ дѣленіемъ на касты заставить большинство побѣжденныхъ признать свою подчиненность. Страдающее большинство «дьяволовъ», «свиней», «собакъ», какъ называли побѣдители приниженныхъ туземцевъ, подчинившихся своей участи, располагалось на самыхъ низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы; тамъ, гдѣ переходъ отъ независимости къ рабству былъ слишкомъ внезапнымъ, происходили возмущенія, и чрезвычайно замѣчателенъ тотъ фактъ, что мѣстомъ возникновенія буддійской религіи была какъ-разъ область, расположенная къ востоку отъ рѣки Саданира, которую такъ долго не были въ состояніи перейти арійскіе завоеватели [1]). Обитатели этой страны, послѣ первоначальнаго сопротивленія вооруженною силою, продолжали дальнѣйшую борьбу въ другой области—въ области мысли и воли. Такова была причина возникновенія буддійской революціи, стремившейся къ идеалу равенства, къ уничто-

1) Hermann Oldenberg. «Buddha», p. 11.

женію столь ненавидимыхъ кастъ. Правда, позднѣе, новая, постепенно образовавшаяся каста — каста буддійскихъ жрецовъ — прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы представить эту революцію тѣнью, лишенною всякой реальности, чтобы устранить изъ нея всю ея экономическую и соціальную подкладку и придать ей значеніе исключительно идеальное и мистическое; каждая церковь старается всячески скрыть свое революціонное начало!

Браманъ и браманка въ позѣ, принимаемой при жертвоприношеніи
Обломокъ священной колесницы, служащей для прогулокъ боговъ.

Легенда о происхожденіи буддизма извѣстна: въ эпоху, не опредѣленную съ точностью, но, какъ думаютъ, удаленную отъ нашего времени приблизительно на $24^1/_2$ или на 25 вѣковъ [1]), т.-е. какъ-разъ въ тѣ времена, когда Пиѳагоромъ и другими философами на побережьѣ Средиземнаго моря дѣлались попытки установить общество людей на идеальной подкладкѣ, въ Индіи появился человѣкъ благороднаго происхожденія, быть-можетъ, даже принцъ, Сиддарта, изъ семьи Сакіа или «могущественныхъ»; онъ родился въ Капилавасту, на берегу одного изъ потоковъ, низвергающихся съ Гималаевъ и впадающихъ въ рѣку Гангъ. Сиддарта вступилъ въ бракъ и имѣлъ даже сына,—черта, которая свидѣтельствуетъ въ пользу дѣйствительнаго существованія личности Будды,

1) Op. cit., p. 97.

такъ какъ послѣдователи, измышляющіе совершенно свободнымъ полетомъ фантазіи, навѣрное признали бы своего учителя превыше брака,—вѣдь бракъ считается обыкновенно состояніемъ низкимъ! До 29 лѣтъ Сиддарта жилъ въ своемъ дворцѣ и пользовался всѣми жизненными благами,—онъ видѣлъ, однако, существованіе соціальнаго неравенства, коему самъ содѣйствовалъ уже одною своею властью, понималъ, что власть дѣлаетъ невозможнымъ братство людей, и это доставляло ему страшныя угрызенія совѣсти. Въ концѣ концовъ, онъ покинулъ свой дворецъ, распростился со всѣми своими придворными и служителями, надѣлъ платье бѣднѣйшаго нищаго и покинулъ страну побѣдителей арійцевъ. Онъ перешелъ на другую сторону Ганга и добрался до южныхъ лѣсовъ, гдѣ поселился среди «дасіу», гонимой и презираемой всѣми народности, гдѣ и жилъ въ полномъ отреченіи отъ всѣхъ благъ, предаваясь размышленію. За нимъ послѣдовало нѣсколько учениковъ, по всей вѣроятности, брамановъ. По преданію, онъ, однако, тщетно искалъ мира своей душѣ въ теченіе 6, 7 или даже 10 лѣтъ,—много разъ приходилось ему бороться съ охватывавшимъ его отчаяніемъ, которое въ народномъ воображеніи рисуется въ видѣ бога смерти.

Онъ постигъ, наконецъ, что человѣкъ не долженъ предаваться своей печали, и что не болѣе какъ одна изъ формъ постыднаго эгоизма—вѣчно пережевывать свои горести, думать только о своихъ добродѣтеляхъ, о своей справедливости и наслаждаться поэтической меланхоліей, забывая совершенно о своихъ братьяхъ, которые страдаютъ, борются и изнываютъ въ страшной борьбѣ за существованіе. По внушенію Брамы, снисшедшаго на него съ неба во время молитвы, Будда оставилъ джунгли Гайи, и одинъ,—ученики его остались въ пустынѣ, замкнувшись въ своемъ аристократическомъ презрѣніи къ роду человѣческому,—направился въ большой городъ Бенаресъ, чтобы проповѣдывать тамъ на улицахъ, на площадяхъ и на ступеняхъ, ведущихъ къ рѣкѣ, новое ученіе объ общемъ братствѣ. Не должно быть болѣе ни царей, ни князей, ни начальниковъ, ни судей, ни брамановъ, ни воиновъ, ни другихъ враждующихъ между собою кастъ,—должны быть лишь братья, товарищи и сотрудники въ общемъ міровомъ трудѣ! Всѣ живыя существа, по ученію Будды, равны между собой—растенія, животныя, люди, одинаково какъ добродѣтельные, такъ и порочные, и каждый изъ насъ не долженъ имѣть другой цѣли въ жизни, какъ дѣлать добро всѣмъ! Никто не долженъ гордиться, никто не долженъ унижаться, каждый находится на своемъ мѣстѣ, всякая іерархія упраздняется: нѣтъ надобности ни въ какомъ начальствованіи,—явленіе это совершенно дикое и нелѣпое, и лишь властители возводятъ его охотно въ основной «принципъ»!

Нѣкоторые изслѣдователи пробовали отрицать у Будды и даже вообще у индусовъ, происходящихъ отъ арійцевъ или отъ дравидовъ,

существованіе малѣйшихъ революціонныхъ наклонностей, отрицали присутствіе малѣйшаго стремленія затронуть кастовое устройство или, иначе говоря, соціальное неравенство. По словамъ Германа Ольденберга, «ни одной мысли о реформѣ организаціи государства, ни одной мечты о земныхъ идеалахъ, ни одного утопическаго желанія уничтожить существующія учрежденія нѣтъ въ буддизмѣ» [1]).

Это утвержденіе было бы, безъ сомнѣнія, справедливымъ, если бы мы были принуждены придерживаться исключительно лишь тѣхъ поученій, которыя передали намъ позднѣйшіе послѣдователи Будды,—вѣдь послѣ исчезновенія преклоненія предъ ученіемъ Будды первыхъ энтузіастовъ, общество, взбудораженное до самыхъ своихъ глубинъ, какъ бы въ силу инерціи, перешло снова въ состояніе равновѣсія,—въ состояніе, которое мало отличалось отъ существовавшаго до переворота! И не являлось ли неизбѣжнымъ, что предшествовавшія событія стали затѣмъ истолковываться сообразно съ идеями контръ-революціи, которая передъ тѣмъ завершилась? Всякое сознательное и произвольное участіе столь презираемаго народа отрицалось; не хотѣли даже допустить, чтобы попытка со стороны нижнихъ классовъ населенія ниспровергнуть установленія высшихъ кастъ была возможна, и, благодаря различнымъ операціямъ алхиміи высшей школы, въ коей такъ искусны жрецы, равенству, какъ его понималъ Сиддарта, придали значеніе исключительно моральное и мистическое. По свидѣтельству истолкователей, революція, совершенная Буддой, принимаетъ характеръ исключительно революціи духовной: «совершенно такъ же, какъ великія рѣки, Гангъ, Джамна, Асиравати, Сарабу, Махи и другія, сколько бы ихъ ни было, утрачиваютъ свои прежнія названія, когда вступаютъ въ океанъ и не имѣютъ другого наименованія, какъ «безпредѣльное море», точно такъ же, о ученики мои, и всѣ четыре касты, воиновъ и брамановъ, ваисіевъ и судра, утрачиваютъ свои имена и свой характеръ, когда, сообразно съ ученіемъ и законами, провозглашенными Буддой, онѣ отказываются отъ отечества своего и отдѣляются отъ земли»!

Благодаря такой же подстановкѣ совершенно иныхъ понятій подъ все, что относится къ соціальному неравенству, къ бѣдности, къ болѣзни, комментаторы буддизма видѣли въ «четырехъ обязанностяхъ» первоначальнаго ученія лишь обязанности чисто-моральныя, тогда какъ, по своему естественному смыслу, все относившееся сюда касалось вопросовъ, которые въ настоящее время мы назвали бы «вопросами соціальными». Эти четыре долга заключались «въ признаніи страданія, въ изученіи его причинъ, въ стремленіи къ уничтоженію его и къ нахожденію средствъ противъ него».

---

1) Op. cit., pp. 155, 156.

Другой примѣръ! Моральное равновѣсіе, влекшее за собою полное уничтоженіе всѣхъ желаній, легко обращало буддійское вѣроученіе въ сторону пессимизма, въ сторону самоумерщвленія и упраздненія семьи. «Аскетъ Гаутама—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ—пришелъ въ міръ, чтобы упразднить произведеніе дѣтей, бракъ, вызвать конецъ рода человѣческаго» [1]). Человѣчество было, слѣдовательно, присуждено къ вымиранію. Результатомъ этой тенденціи, вытекшей изъ первобытнаго буддизма, было извѣстное униженіе женщины, разсматривавшейся какъ опасная искусительница: женщины не допускались въ число послѣдователей ученія Будды такъ свободно, какъ мужчины, монастыри ихъ считались по достоинству стоящими несравненно ниже, чѣмъ монастыри мужскіе. Даже самые догматы религіи установили, въ концѣ концовъ, что женщина не можетъ подняться до степени Будды иначе, какъ перевоплотившись въ тѣлесный обликъ мужчины [2]).

Реакція была роковой и неизбѣжной по многимъ причинамъ, изъ коихъ однѣ заключались въ самомъ буддизмѣ, другія проистекали отъ нападеній на это вѣроученіе извнѣ. Прежде всего уже переворотъ, стремившійся къ столь крупному шагу, какъ уничтоженіе кастъ, долженъ былъ съ логической необходимостью вести къ полному исчезновенію воображаемыхъ духовныхъ существъ, населяющихъ небо. Затѣмъ Будда считалъ побудительнымъ началомъ всѣхъ своихъ дѣйствій нѣчто совершенно иное, чѣмъ волю жрецовъ, которые признавались всѣми какъ истолкователи верховной божественной воли: онъ долженъ былъ искать основанія ихъ поступковъ въ самомъ себѣ, въ своемъ собственномъ стремленіи къ добру и справедливости, долженъ былъ основывать свою религію не на повиновеніи и на порабощеніи духа, а на достоинствѣ собственной жизни и на любви къ своимъ ближнимъ и ко всѣмъ живымъ существамъ.

Конечно, идеалъ этотъ былъ очень высокъ, но онъ не могъ быть осуществленъ иначе, какъ лишь отчасти, въ томъ обществѣ людей, которое основывалось на совершенно иныхъ взглядахъ на вещи! Уничтожить всю тяжесть прошлаго, перевернуть сразу всѣ дурныя установленія, передѣлать весь духовный складъ и всю дѣятельчость людей—была задача слишкомъ обширная для распространителей вѣроученія, у которыхъ съ самыхъ первыхъ шаговъ уже энтузіазмъ быстро уменьшился или даже совсѣмъ исчезъ. Обратное реакціонное движеніе неизбѣжно должно было проявиться двоякаго рода: у однихъ это была простая и чистая измѣна и переходъ въ лагерь враждебныхъ буддизму браманистовъ изъ чисто-личныхъ интересовъ, у другихъ—замыканіе въ самихъ себя подъ вліяніемъ страха, отшельничество, убѣганіе отъ соблазновъ міра.

---

1) Max Schreiber. «Buddha und die Frauen».—2) Max Schreiber; G. Oppert. Globus 10 déc. 1903, p. 352.

Въ той самой мѣстности, куда Сиддарта скрылся, были построены храмы въ честь него, какъ «отшельника по преимуществу, получившаго

№ 244. Часть Индіи, гдѣ зародился буддизмъ.

По Куннингэму, современная деревня Нарханъ-Касъ является мѣстонахожденіемъ древняго Капилавасту; другіе ищутъ этотъ городъ на изгибѣ верховьевъ р. Рапти.

Разсказываютъ, что 45-ти лѣтъ отъ роду Гаутама прошелъ мѣстности и города средняго теченія Ганга, выше Бенареса. Онъ проповѣдывалъ свое ученіе въ теченіе восьми мѣсяцевъ сухого времени года, съ іюня же по октябрь во время дождей занимался подготовкой учениковъ для распространенія вѣроученія.

Катманду—столица Непала, гдѣ буддизмъ имѣетъ очень смѣшанный характеръ и до сихъ поръ является оффиціальной религіей большинства населенія.

съ того времени имя Сакіа-Муни. Страна, въ которой царь сдѣлался нищимъ и провозгласилъ равенство всѣхъ людей, стала вскорѣ страною привилегированныхъ паразитовъ, населяющихъ великое множество монастырей. Отсюда взялось названіе Вихара—«Страна Монастырей», названіе, сохранившееся до нашихъ дней за провинціей Бахаръ. Отреченіемъ отъ мірской борьбы тысячи людей думали достичь того равно-

вѣсія Нирваны, которое Будда стремился получить путемъ непрестанныхъ побѣдоносныхъ усилій. Для слабыхъ кажется, конечно, самымъ простымъ уйти съ поприща жизненной борьбы, изъ которой всѣ выходятъ если не побѣжденными, то, по крайней мѣрѣ, израненными, для нихъ кажется вполнѣ естественнымъ замкнуться въ меланхолическомъ созерцаніи, предаться печали и находить удовлетвореніе въ своей собственной праведности! Съ того времени многіе стали жить въ уединеніи, среди лѣсовъ и цвѣтовъ, бросая на весь обширный міръ взгляды, полные разочарованія, достигая новой внутренней гармоніи путемъ уединенія и размышленія. Многіе искали безконечнаго покоя мысли, не производя надъ собою самоубійства, которое требуетъ все же извѣстной активной дѣятельности,—смерть и такъ должна придти сама собою! Такое отреченіе отъ предыдущаго революціоннаго направленія не является ли настоящей измѣной?

Затѣмъ ненависть прямыхъ враговъ довершила разрушеніе буддизма. Люди привилегированные по своему происхожденію или по богатству не желали равняться съ толпою черни, судра и чандала, съ этими «собаками» и «свиньями», не могли выносить новыхъ идей общаго равенства. Прежде всего, однако, они дѣлали кажущуюся уступку последователямъ буддизма, превознося и прославляя творца этого вѣроученія,—вѣдь самъ онъ уже исчезъ, и не было опасности, что имъ будетъ довершено начатое дѣло! Его превратили въ личность болѣе чѣмъ божественную, его сдѣлали «Буддой», т.-е. «Пробужденнымъ», «Просвѣщеннымъ», «Мудрымъ». Утверждали, что онъ является девятымъ воплощеніемъ Вишну, однимъ изъ высшихъ божествъ, всѣ дѣянія его жизни разсматривались какъ чудеса, всѣ слова его превращались въ догматы: народился цѣлый міръ жрецовъ, которые занялись приведеніемъ въ порядокъ его ученій, возстановленіемъ его предписаній, данныхъ въ прежнія времена, лишь съ новой формулировкой. Такимъ образомъ, мы видимъ что буддизмъ постепенно сливается съ древнимъ браманизмомъ, сливается даже тогда, когда онъ, повидимому, празднуетъ побѣду.

Дѣйствительно, былъ моментъ, когда побѣда буддизма оффиціально признавалась,—это было триста лѣтъ спустя послѣ предполагаемаго времени рожденія Сакіа-Муни; совершенно такъ же, какъ позднѣе при вполнѣ параллельномъ теченіи событій императоръ Константинъ умертвилъ христіанство, возведя его въ государственную религію, также точно царь Бехара, Асока, придалъ оффиціальный характеръ религіи Будды,—онъ установилъ 64000 жрецовъ, настоящихъ чиновниковъ по религіозной части, получающихъ жалованье отъ государства. Подобно императорамъ Византіи, бывшимъ его безсознательными подражателями, онъ созвалъ рядъ соборовъ для установленія догматовъ религіи, для опредѣленія точнаго значенія словъ и для того, чтобы отнять у этихъ словъ всякое

нное значеніе, кромѣ чисто-мистическаго; онъ также редактировалъ каноническую книгу «Благія вѣсти» (Евангеліе), гдѣ были собраны исключительно идеи, признанныя въ высшихъ сферахъ; онъ установилъ и инквизицію для наблюденія за чистотою вѣры; подобно испанскимъ проповѣдникамъ христіанства въ Новомъ Свѣтѣ, онъ издавалъ, наконецъ, эдикты къ варварскимъ народамъ, требуя въ нихъ, чтобы послѣдніе присоединились къ его вѣроученію.

Впрочемъ, надо сказать, что все же въ буддійскомъ мірѣ сохранилось кое-что изъ тѣхъ принциповъ мягкосердечія и терпимости, которые исповѣдывались Буддой, и которые столь полно соотвѣтствовали естественнымъ чувствамъ земледѣльческаго населенія страны, привычнаго къ тихой и мирной жизни среди полей. Несмотря на то, что касты были возстановлены, всѣ заявленія царей говорятъ объ общечеловѣческомъ братствѣ и объ обязанности распространенія просвѣщенія не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ и дѣтей. Вдоль всѣхъ дорогъ на извѣстныхъ разстояніяхъ устраиваются источники воды, и сажаются ряды фруктовыхъ деревьевъ для путешественниковъ. Во всѣхъ городахъ имѣются больницы не только для людей, но и для больныхъ животныхъ. Во время большихъ празднествъ цари кормили свой народъ и всѣхъ чужеземцевъ, въ день же «великаго отреченія» властитель страны, одѣтый въ рубище, устраивалъ огромное пиршество; но, несмотря на всѣ свои лохмотья, онъ оставался все же господиномъ и повелителемъ, и общее пиршество являлось отнюдь не результатомъ совмѣстнаго труда, давшаго общую жатву,—оно устраивалось на деньги, выколоченныя съ населенія сборщиками податей въ видѣ налоговъ.

Сорокъ надписей, вырѣзанныхъ на столбахъ и на камняхъ у входа въ пещеры, считающіяся священными, напоминаютъ народу объ его обязанностяхъ и приглашаютъ его распространять религію не мечомъ, а силою слова. Нѣкоторыя изъ этихъ надписей сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ объ усердіи, воодушевлявшемъ въ эту эпоху буддійскихъ миссіонеровъ, которые распространяли истинное вѣроученіе; безъ сомнѣнія, этихъ апостоловъ буддизма должна была двигать совсѣмъ особая, могучая сила,—имъ удалось подчинить болѣе или менѣе совершенно, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ формамъ вѣроученія полъ-милліарда людей! Даже на Памирѣ, на Ташъ-Курганѣ—«горѣ камня»,—гдѣ во всѣ времена останавливались путники и паломники, были открыты слѣды древней буддійской часовни, построенной царемъ Асока [1]).

На самомъ полуостровѣ Индіи религія Будды исчезла, однако, почти совершенно,—конечно, вслѣдствіе различныхъ мелкихъ гоненій, въ общемъ, по всей вѣроятности, сравнительно мирнаго характера. Тѣмъ

1) A. Stein. «Report on a Journey of... Exploration in Chinese Turkestan»

не менѣе, результаты соціальной и моральной революціи, вызванные временнымъ крушеніемъ кастъ, были настолько могущественны, что все общество какъ бы возродилось. Въ силу этого энергичнаго призыва къ возстановленію человѣческой индивидуальности, мы видимъ, возникаютъ всюду прекрасно украшенные храмы и статуи, граціозныя пагоды увѣнчиваютъ вершины горъ и холмовъ, поэзія и наука также переживаютъ блестящій періодъ: въ эту эпоху Панини составилъ свою грамматику, которая сдѣлалась образцомъ для всѣхъ другихъ подобныхъ произведеній, и пѣвцы рапсодовъ составили 220000 стиховъ грандіозной «Махабхарата». То же самое дыханіе безконечной мягкости, которое вдохновляло Будду, проникаетъ и творенія этихъ поэтовъ, описывающихъ, напримѣръ, какъ Юдиштира заставляетъ боговъ допустить свою собаку въ обитель блаженныхъ: онъ отказывается самъ войти туда безъ нея, предпочитая продолжать жизнь въ мірѣ борьбы и человѣческихъ страданій, лишь бы только не разлучаться съ нею! Даже болѣе. Юдиштира въ своемъ поразительномъ могуществѣ, вытекающемъ изъ его доброты, заставляетъ боговъ спуститься съ неба, освѣтить мракъ ада и замѣнить страданія грѣшныхъ людей радостью! Благодаря ему самое мѣсто вѣчныхъ мученій становится мѣстомъ блаженства [1]).

Съ того времени, какъ Будда былъ допущенъ въ Пантеонъ браманизма, роль его на землѣ окончилась: не было болѣе никакого смысла въ томъ, чтобы сохранять самое имя его въ особо ему посвященныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, которыя къ тому же сливались съ тысячами другихъ церемоній различныхъ индійскихъ религій и истолковывались богословами сообразно съ ихъ фантазіей то въ ту, то въ другую сторону. Примѣръ Непала показываетъ намъ, что такъ называемая буддійская религія, проповѣдуемая миссіонерами, принадлежащими къ привилегированной расѣ, является не болѣе какъ брамaнизмомъ долины Ганга. Лишь островъ Цейлонъ, образующій такой яркій контрастъ съ полуостровомъ Индіи, какъ по своей природѣ, такъ и по своимъ обитателямъ, по ихъ языку и нравамъ, отличается отъ континента и тѣмъ, что удержалъ до сихъ поръ древнія религіозныя формы, считающіяся чисто-буддійскими,—ихъ тожественность съ буддизмомъ, впрочемъ, подобна тожественности знаменитаго «зуба Будды»—простого клыка какого-то хищнаго животнаго, который сохраняется въ одномъ изъ храмовъ на горѣ Адама!

То движеніе народовъ, которое вызвало переселеніе арійцевъ съ высотъ Афганистана въ бассейнъ Инда, продолжалось, безъ сомнѣнія, и въ послѣдующіе вѣка, непрестанно мѣняя религіозныя воззрѣнія и

---

1) Eichoff. «Poésie héroïque des Indiens» pp. 295 ss.

Храмъ Будды на вершинѣ горы Адама.

нравы. Съ этой точки зрѣнія должно считать легенду, приводимую Аміеномъ Марселиномъ, имѣющею извѣстную историческую цѣнность; по этой легендѣ Гистаспъ, или Вистаспа, отецъ Дарія, проникъ въ верхнюю Индію «съ цѣлью изслѣдованія этихъ таинственныхъ странъ и съ цѣлью посѣщенія брамановъ, живущихъ среди торжественнаго молчанія лѣсовъ»; вмѣстѣ съ браманами онъ «изучалъ движеніе свѣтилъ небесныхъ», изслѣдовалъ «ритуалъ жертвоприношеній», поучался «тайнамъ магіи» [1]). Легенда эта указываетъ, во всякомъ случаѣ, что между арійцами плоскогорій запада и арійцами равнинъ востока не прекращались сношенія, и что оба религіозныхъ культа, достигшихъ полнаго развитія и превратившихся въ церковныя вѣроученія,—религія Зороастра и браманизмъ,—имѣли возможность взаимно вліять другъ на друга [2]).

Можно привести и иное доказательство такихъ сношеній. Обыкновенно, хотя и не всѣми изслѣдователями Индіи, допускается, что немного времени спустя послѣ Будды среди народовъ Индіи стала распространяться письменность; одинъ изъ сборниковъ, относящійся, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ этой эпохѣ, такъ называемый «Ялита-Вистара»,

1) Ammien Marcellin, кн. XXIII, гл. VI, §§ 32, 33. — 2) Brunnhofer. «Vom Aral bis zur Gangâ», p. 164.

насчитываетъ 64, въ китайскомъ же переводѣ 65 родовъ письма. Среди способовъ письменнаго начертанія имѣется одинъ, который носитъ названіе «Карости», т.-е. «губы осла»,—это, по всей вѣроятности, каламбуръ, намекающій на Кира, называемаго въ персидской исторіи Кузрау и считавшагося въ его собственной странѣ «муломъ», т.-е. метисомъ, такъ какъ мать его, мидянка, была супругою перса [1]). Фактъ, постоянно встрѣчающійся въ исторіи, что, когда имена собственныя вводятся въ чуждый языкъ, то народъ постепенно измѣняетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы придать имъ извѣстный смыслъ. Вѣроятно, въ тѣ времена, когда Киръ распространилъ свою власть до странъ, пограничныхъ съ сѣверозападной Индіей, персы достигли того, что ихъ способъ письма проникъ на Индійскій полуостровъ одновременно съ нѣкоторыми сторонами ихъ цивилизаціи [2]). Во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ Веберъ [3]), нельзя сомнѣваться въ томъ, что индусскій алфавитъ со всѣми его варіантами, халдейскаго происхожденія — мѣсто возникновенія еще болѣе отдаленное, чѣмъ если бы письменность зародилась на плоскогоріяхъ Ирана.

Съ запада на востокъ, по направленію къ восходящему солнцу, продолжались не только частичныя переселенія народовъ, но эмигранты, пришедшіе съ запада, выступали также, какъ и ихъ предшественники, и въ качествѣ завоевателей и властителей. Первые арійскіе завоеватели были оттѣснены по направленію къ востоку ихъ послѣдователями, принадлежащими къ той же самой расѣ,—они были отодвинуты по направленію къ странѣ Айода или Одъ, браманы которой занимаютъ первое мѣсто среди представителей этой касты въ Индіи; въ результатѣ, та же самая страна Пяти рѣкъ, которая въ эпоху «Ведъ» прославлялась какъ благословенная свыше, стала, въ концѣ концовъ, разсматриваться какъ область нечистая, которую индусскіе поэты надѣляютъ проклятіями. Одно довольно длинное мѣсто въ «Махабхарата», относящееся, по всей вѣроятности, къ эпохѣ окончательнаго редактированія великой поэмы, т.-е. ко времени, нѣсколько предшествовавшему или вскорѣ послѣдовавшему за временемъ Александра Великаго, говоритъ объ «аратта», отверженныхъ обитателяхъ этой части Пенджаба, и описаніе, которое дается тамъ, указываетъ, повидимому, на то, что бо́льшая часть населенія состояла въ тѣ времена изъ туземцевъ, спустившихся съ горныхъ долинъ Гималаевъ. Что кажется особенно возмутительнымъ поэту, это—законы матріархата, господствующіе въ семейныхъ отношеніяхъ аратта, законы, по которымъ наслѣдство переходитъ къ сыновьямъ сестеръ [4]).

---

1) Геродотъ. «Исторія», кн. I, I, 55. — 2) Terrien de la Couperie. «Babylonian and Oriental Record», vol. I, № 4. — 3) Weber. «Indische Skizzen», p. 77. — 4) Vivien de Saint-Martin. «Géographie grecque et latine de l'Inde», pp. 402—410.

Если вѣрить легендѣ, воспроизводимой Ктезіемъ и Діодоромъ Сицилійскимъ, по которой Семирамида предприняла завоеваніе Индіи, то и ассирійцы были, быть-можетъ, одними изъ завоевателей полуострова. Относительно же персовъ, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что они захватили прочное положеніе въ равнинахъ, которыя тянутся за Паропамизомъ. Геродотъ описываетъ обитателей береговъ Инда какъ вѣрныхъ подданныхъ царя Дарія. Несмотря на то, что страна, занятая персами, имѣла небольшое значеніе, по сравненію съ другими владѣніями «великаго царя», та часть налоговъ, которую платили ея жители, составляла 760 талантовъ золота, что представляло собою примѣрно третью часть всего дохода Персіи. Очень вѣроятно, что сокровища эти приносились въ качествѣ дани не одними лишь обитателями страны Семи рѣкъ, и что населеніе болѣе отдаленныхъ областей также участвовало въ посылкѣ богатыхъ даровъ, чтобы снискать себѣ ими благоволеніе могущественнаго монарха [1]). Такимъ образомъ, та часть Индіи, чрезъ которую проходила армія Александра Великаго, была уже покорена Ираномъ, или, по крайней мѣрѣ, вовлечена имъ въ «сферу его вліянія», какъ бы сказали современные дипломаты. Македонскій завоеватель, завладѣвъ этой страною, лишь замѣнилъ собою Дарія.

Сурія,
называемый также Савитаръ или Савитри, богъ солнца.

1) E. H. Bunbury. «History of ancient Geography», vol. I, p. 226.

Такова была причина, по которой завоевательный походъ Александра Великаго, въ значительной степени увеличившій познанія обитателей запада и расширившій ихъ кругозоръ, остался совершенно незамѣченнымъ самими обитателями Индіи: ни въ ихъ историческихъ лѣтописяхъ, ни въ легендахъ, приводимыхъ въ ихъ литературѣ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, указывающаго на это событіе. Очевидно, ихъ политическое и соціальное равновѣсіе не было имъ совершенно измѣнено. Александръ Великій, котораго они видѣли лишь мелькомъ, былъ для нихъ не болѣе какъ военачальникомъ Дарія, вполнѣ подобнымъ тѣмъ, съ которыми они были знакомы въ теченіе двухъ столѣтій. Рено указываетъ другую причину этого факта: браманы остались у власти, и Александръ, какъ ни былъ онъ великъ, былъ для нихъ не болѣе какъ однимъ изъ тѣхъ нечистыхъ созданій, о коихъ не слѣдуетъ даже упоминать [1]). Македонскій царь желалъ, чтобы передъ нимъ поблѣднѣла слава даже самихъ боговъ—для него должны были забыть Геркулеса и Вакха,—увы! у высокомѣрныхъ брамановъ ему не удалось заслужить даже простого упоминанія!

Путь, которымъ слѣдовалъ властитель Македоніи во время своего похода, доказываетъ, что всѣ эти горныя, столь трудно проходимыя страны къ сѣверу и къ югу отъ преграды, дѣлящей Азію, были прекрасно въ тѣ времена извѣстны. Александръ проходилъ по нимъ, какъ бы играя, — правда, весь его походъ на сѣверъ и на востокъ продолжался не менѣе семи лѣтъ. Преслѣдуя персидскихъ бѣглецовъ, онъ дошелъ до однихъ изъ «Ста Вратъ» близъ Каспійскаго моря, спустился въ долины Турана и безъ большихъ затрудненій прошелъ къ сѣверу вдоль подошвы горныхъ хребтовъ, ограничивающихъ Иранъ, или по одной изъ длинныхъ срединныхъ долинъ достигъ одного изъ проходовъ, пересѣкающихъ эту цѣпь въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится «ключъ міра», знаменитый Гератъ, который онъ назвалъ для прославленія собственнаго своего имени Alexandria in Ariis. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы направиться прямо въ Бактры, гдѣ царствовалъ тогда его врагъ Бессъ, убійца Дарія и его преемникъ на персидскомъ престолѣ, Александръ, какъ бы увѣрившись въ своей будущей побѣдѣ, направился на югъ, имѣя въ виду вернуться затѣмъ въ Бактріану, послѣ огромнаго обхода чрезъ Дрангіану и Арахозію. Избравъ путь, которымъ послѣ него шло столько завоевателей, онъ спустился въ область низинъ и озеръ, называемую въ настоящее время Сеистаномъ, и поднялся затѣмъ къ сѣверовостоку по долинѣ Этимандера (Гельменда), чтобы достичь подошвы Гиндукуша въ окрестностяхъ Кабула, — именно этимъ путемъ шла въ послѣднюю войну съ Афганистаномъ армія англійскаго генерала Ро-

---

1) Jos. T. Reinaud. «Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde».

Царскіе слоны въ Индіи.

бертса. Принужденный ждать у подножія горъ, пока весеннее солнце растопитъ зимніе снѣга, Александръ воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы построить одинъ изъ тѣхъ городовъ, которымъ онъ такъ любилъ давать свое имя — Alexandria ad Caucasum возникла въ окрестностяхъ современнаго города Кабула, въ точкѣ, гдѣ сходятся дороги, спускающіяся съ главныхъ переваловъ хребта. Руины этого древ-

няго города указывались въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстностяхъ [1]; какъ бы то ни было, въ этомъ мѣстѣ встрѣчи столькихъ путей неминуемо долженъ былъ возникнуть населенный центръ съ тѣхъ самыхъ временъ, какъ народы стали переходить чрезъ преграду, дѣлящую Азію.

Прибывъ на сѣверный склонъ Гиндукуша, по всѣмъ вѣроятіямъ спустившись съ перевала Кавакъ, Александръ завершилъ свой проектъ, состоявшій въ томъ, чтобы подавить возстаніе сосѣднихъ народностей и распространить царство Ахеменидовъ къ сѣверу до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Онъ, дѣйствительно, пересѣкъ Оксусъ и Яксартъ и основалъ «Послѣднюю Александрію» недалеко отъ Кирополиса, — она считалась съ тѣхъ поръ крайней гранью цивилизованнаго міра и началомъ варварскихъ странъ. Послѣ того, какъ онъ вторично пересѣкъ горы, которыя онъ называлъ Кавказомъ, и прошелъ на этотъ разъ Баміанскимъ проходомъ, ему оставалось лишь спуститься въ долины Инда по долинѣ Кофена—рѣки, на которой стоитъ Кабулъ. Часть его арміи, дѣйствительно, направилась по этому историческому пути, главному пути, ведущему въ Индію; тщеславіе Александра заставило его, однако, остановиться и воевать въ странѣ, которая, какъ онъ воображалъ, была отечествомъ Діонисія и Геркулеса, такъ какъ тамъ въ изобиліи росла дикая виноградная лоза [2]). Тамъ же поднималась таинственная скала Аорносъ, т.-е. «Безптичная»,—скала такой вышины, что и орелъ на своихъ крыльяхъ не могъ достичь ея вершины, и самъ могущественный Геркулесъ не могъ на нее взобраться; конечно, Александръ, «стоящій превыше боговъ», не пропустилъ случая завоевать ее.

Географическія познанія спутниковъ Александра были слишкомъ недостаточными для того, чтобы явилась возможность возстановить направленіе пути этой части знаменитаго похода; экскурсія внутрь Индіи, которая была совершена войскомъ Александра послѣ перехода чрезъ великую рѣку, не могла, однако, быть выполнена иначе, какъ по пути, предуказанному самой природой, по тому пути, которымъ шли во всѣ времена предшественники македонскаго завоевателя, и позднѣе шли всѣ его послѣдователи. Ему необходимо было пересѣчь Индъ непосредственно ниже сліянія съ Кофеномъ, въ мѣстности, гдѣ великій восточный потокъ, собирая свои разошедшіяся по равнинѣ воды, вступаетъ затѣмъ въ узкое ущелье съ крутыми стѣнами [3]). Начиная отъ этого суженія, путь экспедиціи, намѣчаемый, по крайней мѣрѣ, по своему общему направленію поднятіями почвы, долженъ былъ направиться параллельно Гималайскимъ хребтамъ и всей системѣ ихъ предгорій, параллельно

1) Wilson, Cunningham, Vivien de Saint-Martin, B. Haussoulier; Bunbury, «History of ancient Geography», passim. — 2) Wilson, «Ariana», p. 193. — 3) См. карту № 241, стр. 153.

Городъ Сагаръ и его искусственное озеро, между Уджеиномъ и Аллагабадомъ.

склонамъ и вдоль рѣкъ, которыя текутъ по равнинѣ, равно какъ и вдоль пустынныхъ невоздѣланныхъ пространствъ, которыя тянутся къ югу. Пути, протоптанные караванами и арміями прежнихъ временъ, древняя «Царская дорога», и, наконецъ, съ середины XIX столѣтія, желѣзная дорога—всѣ слѣдуютъ этому естественному направленію, предначертанному самымъ строеніемъ земной поверхности и климатическими условіями Индіи.

Куннингэмъ нашелъ развалины перваго города, который Александръ Великій миновалъ къ востоку отъ Инда,—городъ этотъ носилъ раньше названіе Такшасила (Таксила). Полъ-вѣка спустя этотъ городъ сдѣлался резиденціей знаменитаго буддійскаго царя Асока, ревностнаго строителя монастырей и храмовъ, распространителя буддійскаго вѣроученія, который посылалъ проповѣдниковъ новой вѣры во всѣ окружающія страны. Къ востоку отъ Такшасила путь македонской арміи встрѣчаетъ рѣку Гидаспъ или Джеламъ (Джиламъ), но на берегахъ ея археологи затрудняются выбрать и обозначить мѣсто на основаніи указаній древнихъ авторовъ, гдѣ помѣщался городъ Никея, построенный въ честь Александра, и городъ Буцефалъ, воздвигнутый въ память его коня. Затѣмъ македонская армія перешла послѣдовательно обѣ другія изъ пяти

рѣкъ, Асезинъ или Ченабъ и Гидраотъ или Рави, и остановилась предъ рѣкой Гифазомъ или Біасомъ, гдѣ было воздвигнуто 12 алтарей въ память побѣдъ арміи; по всей вѣроятности, рѣка во время своихъ перемѣщеній уничтожила эти памятники, смывъ ихъ волнами во время разлива,—отъ нихъ не находится никакихъ остатковъ.

Несмотря на то, что македоняне не переходили за границы Индіи, бывшія уже извѣстными персамъ, они все же выполнили маршрутъ достаточно точный для того, чтобы хотя бы съ приблизительностью нанести нѣкоторые географическіе пункты. Въ этомъ отношеніи обратный путь ихъ былъ еще болѣе поучительнымъ. На рѣкѣ Гидаспѣ они сѣли въ лодки и поплыли внизъ по теченію, достигли Инда и добрались, въ концѣ концовъ, до ближайшихъ окрестностей моря. Правда, Александръ употребилъ цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ на путешествіе, которое можно было выполнить въ 15 дней, но дѣло въ томъ, что два отряда его арміи провожали его, идя одинъ по правому, другой по лѣвому берегу; самъ онъ отъ времени до времени сходилъ на берегъ и велъ войну съ народностями, которыя не подчинялись ему добровольно. Дойдя до дельты Инда, онъ изслѣдовалъ одинъ за другимъ оба главныхъ рукава рѣки, вплоть до самаго моря, чтобы полюбоваться на Индійскій океанъ; тамъ онъ наблюдалъ явленіе чрезвычайно сильнаго прилива,—приливъ этотъ былъ для него гибельнымъ, такъ какъ имъ были повреждены многія изъ его судовъ. Находясь на берегахъ Инда, Александръ имѣлъ, однако, чрезвычайно смутное представленіе о географіи пройденныхъ имъ странъ, такъ какъ считалъ эту индійскую рѣку однимъ изъ рукавовъ Нила, на основаніи того, что и въ той и въ другой рѣкѣ жили крокодилы. Надо полагать, что великій Аристотель отнюдь не является отвѣтственнымъ за такое невѣжество своего ученика, ибо самъ онъ, во всякомъ случаѣ, зналъ, что еще два вѣка тому назадъ Скилаксъ изъ Каріанды спустился по приказанію Дарія внизъ по рѣкѣ Инду и приплылъ въ Красное море [1]).

Подобно тому, какъ Александръ старался, чтобы позабыли о предыдущихъ походахъ персовъ въ Индію, такъ точно онъ желалъ, чтобы остались въ тѣни забвенія всѣ морскія путешествія, предшествовавшія плаванію его военачальника Неарха,—во всѣхъ случаяхъ и всегда Александръ долженъ былъ быть первымъ! И замѣчательно, потомство, дѣйствительно, вѣрило Александру на слово,—толпа, впрочемъ, всегда легко подчиняется тому, кто силенъ! Историки почти единогласно признаютъ македонскаго царя завоевателемъ, который открылъ народамъ запада путь въ Индію: совершенно также они забываютъ упоминать о путешествіи Скилакса и приписываютъ заслугу перваго плаванія по индійскимъ водамъ спутнику Александра; этому же Неарху, плававшему

1) Геродотъ. «Исторія», IV, 44.

всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ по Оманскому морю и по Персидскому

№ 245. Александръ Великій въ Иранѣ.

По Э. Бёнбери.

1 : 20 000 000

0 300 600 1200 килом.

Сравнивая путь Александра Великаго съ таковымъ на картѣ № 170, стр. 341 II тома, можно замѣтить небольшія различія. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ мѣстонахожденіе Александріи Кавказской въ Кериманѣ (15 километровъ къ западу отъ Кабула), другіе указываютъ его въ Чарикарѣ (60 килом. къ сѣверу). Александрія Дальняя находится въ долинѣ Яксарта, либо въ Ходжентѣ, либо въ Чиназѣ, или, наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ Маргинанѣ (200 килом. къ востоку отъ Ходжента).

заливу [1]), нѣкоторые приписываютъ открытіе муссоновъ. По словамъ многихъ авторовъ, пересѣченіе безплодной и пустынной Гедрозіи было

1) Leop. von Ranke. «Weltgeschichte», p. 213.

предпріятіемъ, не имѣющимъ себѣ равнаго, такъ какъ легендарная царица Семирамида, а затѣмъ и Киръ, рѣшившіеся пуститься въ эту страну, полную опасностей, потеряли тамъ огромныя арміи.

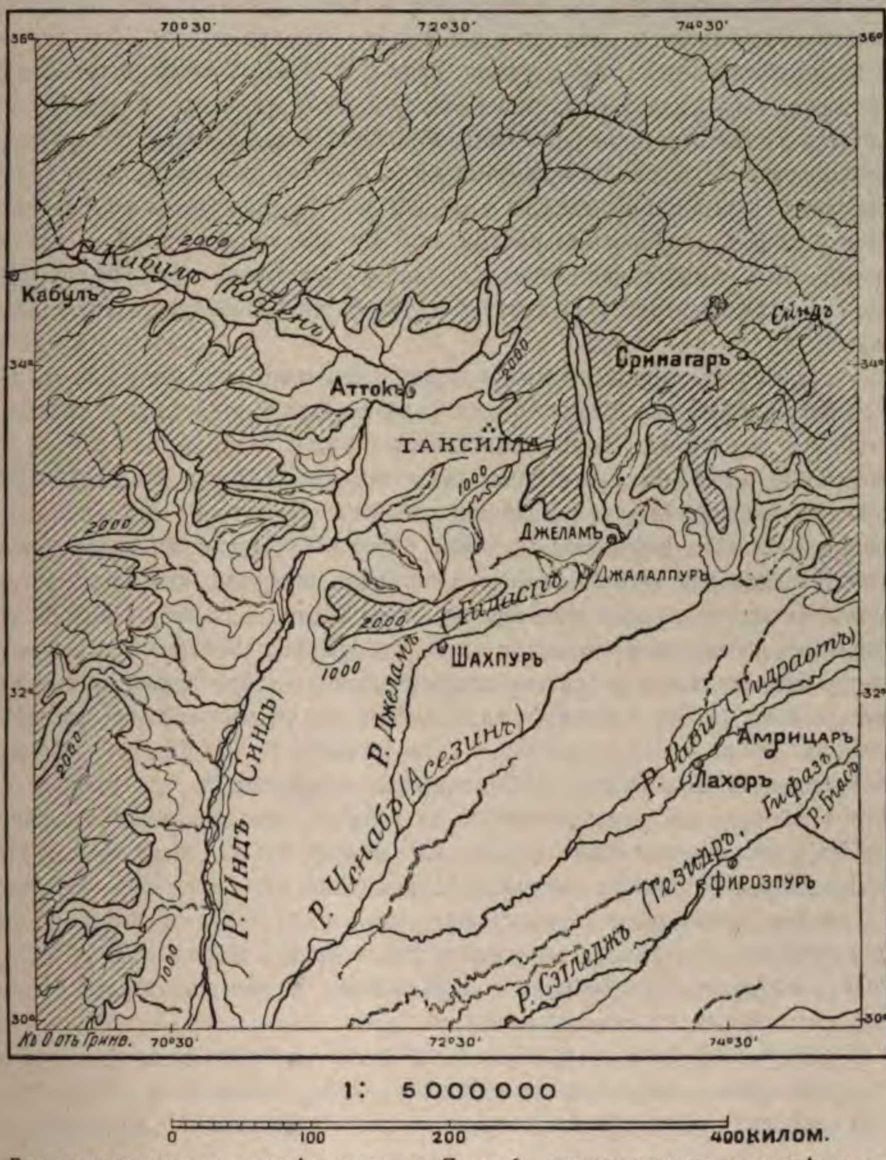
Послѣ Александра Великаго, въ царствованіе Селевкидовъ, сношенія между греками и индусами сдѣлались даже довольно частыми; не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что съ исторической точки зрѣнія не было никакого перерыва въ сношеніяхъ, и что сатрапіи, установленныя Александромъ на берегахъ Инда, поддерживались и его послѣдователемъ къ западу отъ великой рѣки [1]), и управленіе ими было передано новымъ сановникамъ. Однако, въ политическомъ равновѣсіи сѣверной Индіи произошло сильное измѣненіе. Одинъ изъ могущественныхъ властителей, Чандра-Гупта, или Сандракоттъ грековъ, царствовавшій въ Паталипутра (Палиботра), т.-е. въ современной Патнѣ, у слiянія Ганга и Сона, соединилъ подъ своею властью всѣ народы бассейна Ганга, и арміи его двинулись по направленію къ бассейну Пяти рѣкъ: Селевкъ понялъ, что ему пришлось бы вести очень тяжелую борьбу, если бы онъ попробовалъ отстаивать завоеванія Александра. Онъ велѣлъ очистить отъ войскъ всю область Пенджаба и уступилъ Чандра-Гупта всѣ равнинныя пространства къ югу отъ проходовъ Паропамиза, взамѣнъ чего пріобрѣлъ дружбу властителя и получилъ въ подарокъ 500 боевыхъ слоновъ, составлявшихъ цѣнное подспорье въ войнахъ съ другими наслѣдниками Македонскаго царства. Въ качествѣ союзника онъ отправилъ своего посла Мегасѳена ко двору въ Паталипутру и, благодаря этому образованному греку, жившему въ теченіе многихъ лѣтъ на берегахъ Ганга и, повидимому, менѣе склонному къ преувеличеніямъ, чѣмъ большинство его соотечественниковъ, обитатели запада, греки и римляне, узнали почти все, что необходимо было знать объ Индіи и ея обитателяхъ, все, что было извѣстно вплоть до путешествія Васко-де-Гама. Описанія Мегасѳена были воспроизведены Арріеномъ и Страбономъ, комментированы Эратосѳеномъ, воспользовавшимся также разсказомъ другого путешественника, именно Патрокла, и въ теченіе 18 вѣковъ были основнымъ, классическимъ документомъ объ Индіи. Въ ту эпоху, когда Мегасѳенъ былъ гостемъ Чандра-Гупты, каста брамановъ была еще господствующей, но «сарманскіе» философы, т.-е. «срамана», какъ обозначали тогда буддистовъ, находились уже въ большомъ почетѣ,—народъ взиралъ на нихъ какъ на своихъ спасителей.

Прямыя сношенія, установившіяся между Индіей и странами по берегамъ Средиземнаго моря, сношенія, которыя привели въ движеніе огромныя массы людей, повлекли за собою, несомнѣнно, и значительный прогрессъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. «Яваны знаютъ все, го-

1) Bunbury, ouvrage cité, p. 554.

ворится въ одномъ изъ стиховъ «Махабхараты», и сила ихъ превосходитъ

№ 246. Александръ Великій въ странѣ Семи рѣкъ.

Единственные пункты на пути Александра въ Пенджабъ, установленные точно, это—Аттокъ и Таксила Все остальное—не болѣе какъ предположенія. Мѣсто перехода черезъ Гидаспъ отыскивается въ Джеламѣ и Джалалпурѣ, но можетъ быть и въ другихъ пунктахъ. Городъ Сангала отожествлялся съ Лахоромъ, Амрицаромъ и другими городами между Гидраотомъ и Асезиномъ. Не извѣстно, былъ ли крайній пунктъ, достигнутый экспедиціей выше или ниже мѣста соединенія Гифаза съ Гезидромъ, которое находилось до 1796 г. вблизи Фирозпура.

силу другихъ людей». Эллинское вліяніе сказалось даже прямо въ об-

ласти науки, такъ какъ астрономическіе трактаты индусовъ, относящіеся къ первымъ вѣкамъ христіанской эры, воспроизводятъ цѣликомъ такіе греческіе термины, какъ «центръ», «діаметръ», «часъ», лишь въ слабо измѣненныхъ формахъ [1]). Текстъ этихъ произведеній показываетъ съ полной очевидностью, что теоріи западнаго происхожденія были занесены въ Индію чрезъ Александрію или «Яванапулу», бывшую городомъ греческимъ по преимуществу. Однако, помимо астрономіи, Индія, повидимому, немного получила отъ запада въ области ариѳметики и алгебры: разумѣется, безъ помощи грековъ была открыта индусами та система счисленія, которая называется арабской и характеризуется расположеніемъ цифръ отдѣльными рядами, на подобіе шариковъ на счетахъ, равно какъ и примѣненіемъ точки или нуля, который изображаетъ отсутствіе цифры въ соотвѣтственной колоннѣ или отсутствіе единицъ на концѣ [2]).

Греческое вліяніе сказалось прежде всего на скульптурѣ и архитектурѣ. Правильная форма буддійскихъ храмовъ, сходная съ колоколомъ и, быть-можетъ, внушенная именно подобной символической аналогіей, не могла быть измѣнена, такъ какъ требовалась обычаемъ, но статуи, украшавшія эти памятники, свидѣтельствуютъ объ изученіи твореній греческаго искусства; по всѣмъ вѣроятіямъ, эллинскіе скульпторы работали для властителей страны, такъ какъ извѣстно, что послѣ того, какъ Мегасѳенъ былъ посланникомъ, властители бассейна Ганга призвали къ своему двору большое число танцовщицъ и актрисъ, которыхъ сопровождали и другіе греки, выдававшіеся своими познаніями или искусствомъ [3]). Въ Кашмирѣ, расположенномъ на равнинѣ, окруженной горами, далеко отъ историческаго пути, ведшаго въ Индію, гдѣ, слѣдовательно, зданія имѣли больше шансовъ сохраниться, насчитывается болѣе 70 храмовъ, стиль которыхъ съ полною очевидностью греко-бактрійскій; между этими святилищами имѣется, напримѣръ, храмъ Мартанда, колоннады и барельефы котораго чрезвычайно красивы,—всѣ путешественники единогласно утверждаютъ, что это произведеніе греческихъ художниковъ [4]). Искусство рѣзьбы по металлу сдѣлало также большой прогрессъ подъ вліяніемъ запада,—объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя медали того времени.

Если имя Александра Македонскаго не упоминается ни въ одномъ изъ индусскихъ документовъ, то зато въ нихъ цитируются имена другихъ грековъ послѣдующихъ эпохъ,—такъ упоминается Аликасунари

---

1) Vivien de Saint-Martin. «Traité sur la Céographie grecque et latine de l'Inde»; p. 192. — 2) Goblet d'Alviella. «Ce que l'Inde doit à la Grèce», p. 109.— 3) Eugène Monseur. «Inde et Occident», p. 30. — 3) A. Weber, «Indische Skizzen», p. 85. — 4) Cunningham, Fergusson, Lejean, etc.

(Александръ) при дворѣ Антіоха, одного изъ Селевкидовъ, Менандръ, который побѣдоносно прошелъ съ одной стороны до Джамны, съ другой—почти до полуострова Гуджерата [1]). Извѣстно также имя Даттамитра, т.-е. Деметрія; наконецъ, въ «Махабхарата» приводятся историческія данныя о Турамайя, т.-е. Птоломеѣ, математикѣ и географѣ, который попытался установить точныя формы очертаній полуострова. Даже въ смыслѣ религіозныхъ воззрѣній произошелъ нѣкоторый обмѣнъ идей, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одно изъ мѣстъ «Махабхарата» (18 книга), введенное, по словамъ Вебера, въ эту великую индійскую поэму около 16 вѣковъ тому назадъ. Здѣсь разсказывается легенда о браманскомъ паломникѣ, который направился въ страну «бѣлыхъ людей», гдѣ находится городъ, въ коемъ не трудно узнать Александрію,—тамъ онъ былъ посвященъ въ таинства религіи Кришны, какъ она практикуется въ этой далекой странѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что существуютъ извѣстныя взаимныя вліянія между религіей буддійской и христіанской; аналогіи, однако, между именемъ Христа и именемъ Кришна, на которую указываютъ нѣкоторые, въ дѣйствительности нѣтъ; Кришна—это воплощеніе Вишну, почитаніе его распространилось въ Индіи приблизительно 15 вѣковъ тому назадъ. Самое имя Кришна, означающее «черный», произносилось Кёршна, и греки передавали его въ формѣ Κορσανης, очевидно, сильно отличающееся отъ Χριστός. Должно добавить къ этому, говоритъ Э. Монсёръ, что индійскіе христіане, привязанные къ сирійскимъ церквамъ, не могли пользоваться греческимъ словомъ для обозначенія Христа и примѣняли семитическое слово, изъ котораго затѣмъ европейцы сдѣлали слово «Мессія».

Итакъ, въ теченіе ряда вѣковъ греко-римской исторіи обѣ цивилизаціи, восточная и западная, проникали одна другую взаимно. Реторъ Хризостомъ, посѣтившій Индію послѣ Мегасѳена, сообщаетъ намъ, что индусы знали о Троянской войнѣ и разсказывали о геройскихъ подвигахъ Ахилла и Гектора, о плачѣ Андромахи и стенаніяхъ Гекубы [2]). Безъ сомнѣнія, обмѣнъ идей и пріобрѣтеніе новыхъ знаній должны были происходить, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, гораздо болѣе активно, чѣмъ объ этомъ свидѣтельствуетъ писанная исторія; жизнь народа настолько сложна и настолько смѣшана по своему происхожденію, что невозможно опредѣлить всѣхъ ея элементовъ: многія явленія, кажущіяся по происхожденію чисто-индусскими, должны быть, тѣмъ не менѣе, сведены ко вліянію западному.

Къ тому же эллинское вліяніе брало начало отнюдь не изъ вполнѣ

---

1) A. Weber. «Indische Skizzen», p. 96. 2) A. Weber. «Indische Skizzen», ib. 162.

чистаго источника: если нѣкоторыя сношенія и происходили прямо и непосредственно между берегами Ганга и великими греческими городами, Антіохіей и Александріей, то большинство ихъ все же совершалось чрезъ посредство странъ, которыя были греческими лишь по происхожденію своихъ династій. Главной посредницей была въ эту эпоху Бактріана, такъ какъ чрезъ перевалы Гиндукуша съ одного склона его на другой непрерывно передвигались арміи, но греки Бактріаны заносили въ эти отдаленныя области отнюдь не чистое аѳинское искусство. Еще болѣе затемненнымъ посторонними вліяніями сдѣлалось эллинское вліяніе Бактръ, когда около 2000 лѣтъ тому назадъ «скифы» или сака, въ дѣйствительности же тюрки областей, пограничныхъ съ Китаемъ, смѣшавшіеся съ джунгарами, монголами и китайцами, завоевали Бактріану и завладѣли греческими областями Ирана и сѣверо-западной Индіи.

До какой степени стали индусы греками? Они превратились въ послѣднихъ примѣрно настолько же, насколько англичане сдѣлались французами послѣ завоеванія Англіи нормандскими королями. Властители страны поддерживали языкъ, который гарантировалъ имъ власть, но, быть-можетъ, сами не знали его, какъ слѣдуетъ. Въ теченіе примѣрно двухъ вѣковъ греческія слова изображались на индусскихъ монетахъ, распространенныхъ до области Ганга и во всѣхъ портовыхъ городахъ западнаго берега. Затерявшись въ этнической средѣ, совершенно отличающейся отъ той, въ которой жили ихъ отцы, властители Индіи, не перестававшіе называть себя эллинами, превратились въ индусовъ высшей касты по всѣмъ своимъ обычаямъ, предразсудкамъ и нравамъ. Надписи монетъ наиболѣе древнихъ были чисто-греческія, затѣмъ онѣ приняли видъ какъ бы перевода иранскихъ словъ, и, наконецъ, мы видимъ надписи на двухъ языкахъ, послѣ чего греческія надписи уже совершенно исчезаютъ. Измѣняется также и одѣяніе: діадема греческихъ монарховъ замѣняется шапкою, въ формѣ головы слона съ поднятымъ хоботомъ. Буддизмъ торжествуетъ побѣду надъ древними богами, хотя эволюція происходитъ медленно, безъ сколько-нибудь рѣзкаго потрясенія [1]).

Потокъ первыхъ завоевателей спустился въ Индію по относительно легкимъ путямъ,—такъ пришли нѣкогда арійцы Ирана и позднѣе сошли съ высокихъ афганскихъ долинъ пареяне,—иначе обстояло дѣло съ бактрійцами, имъ приходилось преодолѣвать препятствія гораздо болѣе значительныя. Чтобы не подвергаться нападенію съ фланга со стороны пареянъ и другихъ обитателей плоскогорія, они должны были пересѣчь многочисленные хребты Паропамиза. Прежде чѣмъ проникнуть въ Индію,

1) Goblet d'Alviella; Darmesteter; Eugène Monsieur. «Inde et Occident», pp. 20, 21.

Развалины Мартанда.

«скифы», пришедшіе изъ-за Оксуса и Яксарта, должны были перейти тѣ пороги, которые раздѣляютъ склоны обоихъ внутреннихъ морей— съ одной стороны, бывшее море Монголіи, съ другой—Аральское. Въ историческомъ отношеніи чрезвычайно интересно то явленіе, что между Китаемъ и Индіей создается, такимъ образомъ, міровой путь, описывающій огромный обходъ чрезъ Бактріану, тогда какъ со стороны непроходимаго Тибета обѣ эти страны непосредственно прилегаютъ одна къ другой; понятно вполнѣ, что длинный обходный путь оказывался далеко не всегда вполнѣ открытымъ и свободнымъ для переселенія. Очень часто Бактро-Индійская имперія, повинуясь какъ бы двойственной силѣ притяженія, распадалась на двѣ отдѣльныя половины, рѣзко ограниченныя высокими снѣжными хребтами Гиндукуша,—этого требовала вѣдь также и географія страны [1])!

Несмотря на всѣ военныя событія, разыгрывавшіяся въ сѣверо-западныхъ областяхъ Индіи, торговля, производившаяся, главнымъ образомъ, нейтральными посредниками, поддерживалась по путямъ, ведущимъ въ Индію черезъ Иранъ, и, такимъ образомъ, берега Средиземнаго моря сохраняли торговыя связи съ берегами Индійскаго океана. О крупныхъ размѣрахъ этой торговли, производившейся по сухому пути, можно судить по чрезвычайно большому количеству римскихъ монетъ, эпохи отъ паденія республики и до царствованія Каракаллы, которыя были най-

1) E. H. Bunbury. «History of Ancient Geography», tome II, p. 102.

дены въ области Пешавера,—именно тамъ спускавшіеся караваны съ афганскихъ плоскогорій должны были размѣнивать римское золото на продукты Индіи. Около середины III вѣка войны внезапно прекратили эту торговлю, и сообщенія могли продолжаться лишь по морскому пути, но при условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились за 6—8 вѣковъ до того времени Скилаксъ и Неархъ, такъ какъ моряки, участвовавшіе въ сношеніяхъ Греціи и Рима, открыли, въ концѣ концовъ, или, вѣрнѣе, научились отъ арабскихъ мореходовъ тому секрету физической географіи, который долженъ былъ чрезвычайно облегчить ихъ задачу.

Къ картѣ № 247.

Благодаря многочисленности индусскихъ царствъ сотни городовъ могутъ претендовать на названіе столицъ, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ съ указаніемъ эпохи и историческихъ личностей, связанныхъ съ ними.

Гастинапура, лунная династія. **Айодхія** (Одъ), лунная династія.
Дели (Идрапраста) неоднократно былъ столицей Индіи отъ Юдиштиры до Моголовъ.
Бенаресъ, столица буддизма; **Раджагриха**, мѣстопребываніе перваго собора.
Патна (Паталипутра), столица Чандра-Гупта. **Таксила**, столица царя Асока.
Аллагабадъ (Праяга), священный городъ. **Пантанъ** (Пратиштана), **Бардванъ** (Вардемана), **Уджеинъ**, столица первыхъ вѣковъ христіанской эры.
Виджаинагаръ, **Каноджъ** (Кануджъ); **Гваліоръ**, столица среднихъ вѣковъ.
Каликутъ, **Гоа**, португальскіе городѣ; **Пондишери**, французскій городъ.
Джайпуръ, **Гайдарабадъ**, **Голконда**, **Майсуръ**, столицы недавняго времени.
Въ наше время **Бомбей** и **Мадрасъ** резиденціи губернаторовъ, **Калькутта** — зимняя столица вице-короля Индіи, **Симла** - лѣтняя его резиденція.
Лхасса, **Сринагаръ**, **Катманду**, **Пунака** столицы Тибета, Кашмира, Непала и Бутана.

Капитальное открытіе, приблизившее Индію къ Европѣ, было открытіе муссоновъ или вѣтровъ, дующихъ на Индійскомъ океанѣ поочередно то въ одномъ, то въ противоположномъ направленіи и въ одно время года влекущихъ корабли въ Индію, въ другое—возвращающихъ ихъ обратно. Съ этимъ завоеваніемъ въ области судоходства связано имя морехода Гиппала, судя по имени, грека по происхожденію; предполагается, что моментъ этого открытія долженъ быть отнесенъ ко второй половинѣ перваго вѣка христіанской эры, такъ какъ Плиній, который первый о немъ упоминаетъ, пользуется выраженіемъ «his annis comperta» (VI, 23). Гиппалъ избралъ пунктомъ своего отправленія мысъ Сіагрій на южномъ берегу Аравіи, носящій у современныхъ жителей побережья названіе Расъ-Фартакъ, и направился прямо къ берегамъ полуострова Индіи; другіе мореплаватели, поощренные его успѣхомъ, избирали для выхода въ море гавани, болѣе близкія къ Египту, начиная отъ выхода изъ Краснаго моря или отъ мыса Ароматовъ (мыса Гвардафуй), и направлялись къ тому или другому торговому городу Кон-

канскаго или Малабарскаго береговъ, смотря по тому, какіе товары они съ собой везли и какими собирались нагрузить свои корабли.

№ 247. Главные города Индіи.

Портовые города, которые они посѣщали, можно узнать по природѣ товаровъ, какіе ими покупались у торговцевъ,—такъ, перецъ и жемчугъ

происходили, безъ сомнѣнія, изъ южной Индіи, тогда какъ китайскіе шелка могли быть получены лишь на рынкахъ сѣвера, снабжавшихся ими «скифскими» торговцами изъ Бактріаны. Непосредственныя свидѣтельства, въ томъ числѣ и свидѣтельство Марина Тирскаго, доказываютъ намъ, что наиболѣе обычной цѣлью этихъ морскихъ путешествій былъ тотъ или другой изъ портовъ на западномъ побережьѣ полуострова Индіи; иногда, однако, корабли огибали и мысъ Коморинъ, или «Кумари» санскритскихъ географовъ, и поднимались вплоть до дельты Ганга, населенной «гангаридами»; столица этой страны была въ тѣ времена Вардамана, т.-е. «Цвѣтущая», нынѣшній Бардванъ [1]).

Число кораблей, проходившихъ въ среднемъ ежегодно чрезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ и направлявшихся съ товарами въ Индію, превышаетъ, по опредѣленію нѣкоторыхъ, сотню, и различные письменные памятники свидѣтельствуютъ также о томъ, что въ Индію перевозилось большое число греческихъ пассажировъ—врачей, архитекторовъ, художниковъ, скульпторовъ, всевозможныхъ ремесленниковъ и въ особенности музыкантовъ, пѣвицъ и наложницъ для гаремовъ индійскихъ раджъ. На побережьѣ полуострова Индіи возникли также колоніи торговцевъ евреевъ и позднѣе колоніи христіанскихъ купцовъ. Плиній [2]) пытается выразить въ цифрахъ размѣръ торговли, происходившей въ его времена между Римской имперіей и Индіей. Товары, вывозившіеся съ запада, онъ оцѣниваетъ, по меньшей мѣрѣ, въ 55 милліоновъ сестерцій; въ обмѣнъ же привозились товары, которые продавались за цѣну, во сто разъ превосходившую ихъ стоимость.

По всѣмъ вѣроятіямъ, именно торговому процвѣтанію портовыхъ городовъ и всего западнаго побережья области, ближайшей къ Эритрейскому морю, должно быть приписано перемѣщеніе центра тяжести политическаго могущества. Поступательное движеніе арійцевъ и всѣхъ другихъ завоевателей должно было естественнымъ образомъ распространяться по направленію къ востоку по «Царской» дорогѣ, которая продолжается вдоль Ганга; центръ сопротивленія не могъ находиться нигдѣ иначе, какъ въ чрезвычайно населенныхъ областяхъ, въ которыхъ сливаются великія рѣки, орошающія страну на необозримо далекое пространство. Позднѣе, когда арійскіе завоеватели или, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто управлялъ подъ ихъ именемъ, и кто основалъ сперва солнечную, затѣмъ лунную династію—династіи, ведшія между собой страшнѣйшія войны изъ-за власти,—пріобрѣли господство надъ всей Индіей, центръ ихъ могущества долженъ былъ оставаться въ области празіевъ или прашіа, т.-е. «восточныхъ» обитателей, населявшихъ бассейнъ Ганга,

1) Vivien de Saint-Martin. «Géographie grecque et latine», pp. 293, 312. — 2) Плиній, VI, 23, 7, 110.

страну Одъ и Бенгалію. Когда Александръ проникъ въ Индію, центръ индусской власти находился въ Патнѣ, однако, уже нѣсколько десятилѣтій спустя центръ имперіи перемѣстился и приблизился къ тому мѣсту, которое въ наши дни занимаетъ англійскій военный лагерь Раваль-Пинди. Три или четыре вѣка спустя, въ эпоху, когда греко-индійская торговля, благодаря открытію Гиппала, приняла широкое развитіе, другой властитель Индіи, Викрамадитія, царь, обладающій «силой солнца», сдѣлалъ своимъ престольнымъ и священнымъ городомъ Уджеинъ, лежащій вблизи водораздѣла обоихъ морей,—городъ, замѣчательный своимъ великолѣпіемъ, развалины его, покрытыя зеленью, до сихъ поръ вызываютъ изумленіе,—онѣ находятся къ сѣверу отъ современнаго города того же наименованія. Уджеинъ считался столицей: эра самватъ [1]), основанная въ честь царя Викрамадитія, сдѣлалась съ того времени наиболѣе распространенной во всей сѣверной Индіи, а меридіанъ, который проходитъ чрезъ гору Меру, считался проходящимъ также чрезъ городъ Уджеинъ и чрезъ островъ Ланка, т.-е. Цейлонъ [2]). Безъ сомнѣнія, индусскіе астрономы ошибались, но ошибка ихъ была все же значительно меньше ошибокъ Эратосѳена и Птоломея.

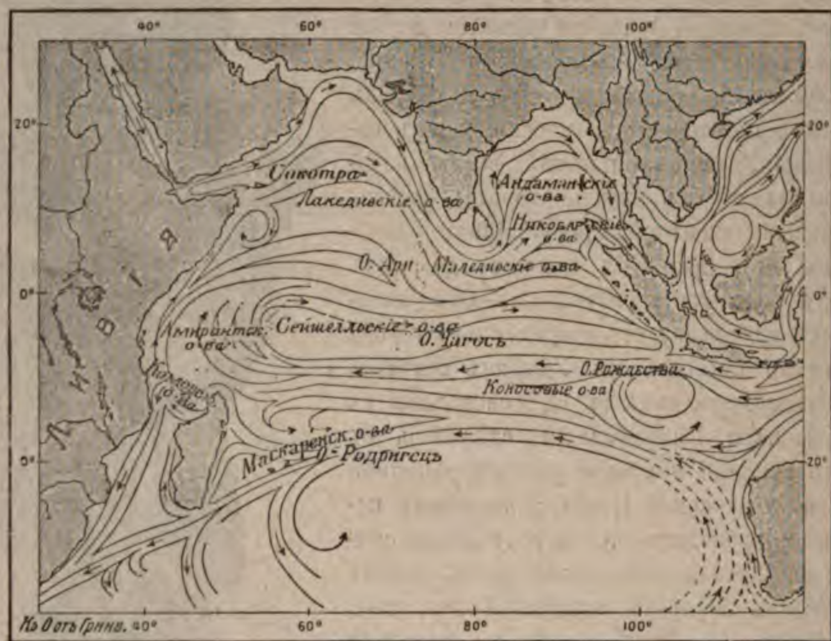

Греко-индусская статуя.

Въ эту эпоху индусской исторіи, бывшую одновременно и эпохой великаго распространенія буддійскаго вѣроученія, Индія оказывала огромное вліяніе на весь окружающій міръ своей религіозной пропагандой. Сѣверо-западная область между Индомъ и рѣкой Сиватъ, страна, которая образовывала съ того вре-

1) Нашъ 1900 годъ соотвѣтствуетъ 1843 году эры самватъ. — 2) Jos. T. Reinaud. «Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde».

мени царство Удіена—названіе, сближаемое нѣкоторыми съ Эденомъ [1])—или «Садъ», была центромъ распространенія буддизма [2]). Пропаганда эта была, однако, исключительно мирная,—вѣдь даже и сама природа страны требовала мирнаго распространенія религіи:

№ 248. Теченія Индійскаго океана во время лѣтнихъ муссоновъ.

1 : 100000000

0 1000 2000 4000 килом.

Карты №№ 248 и 249 составлены по Дж. Г. Бартоломью.

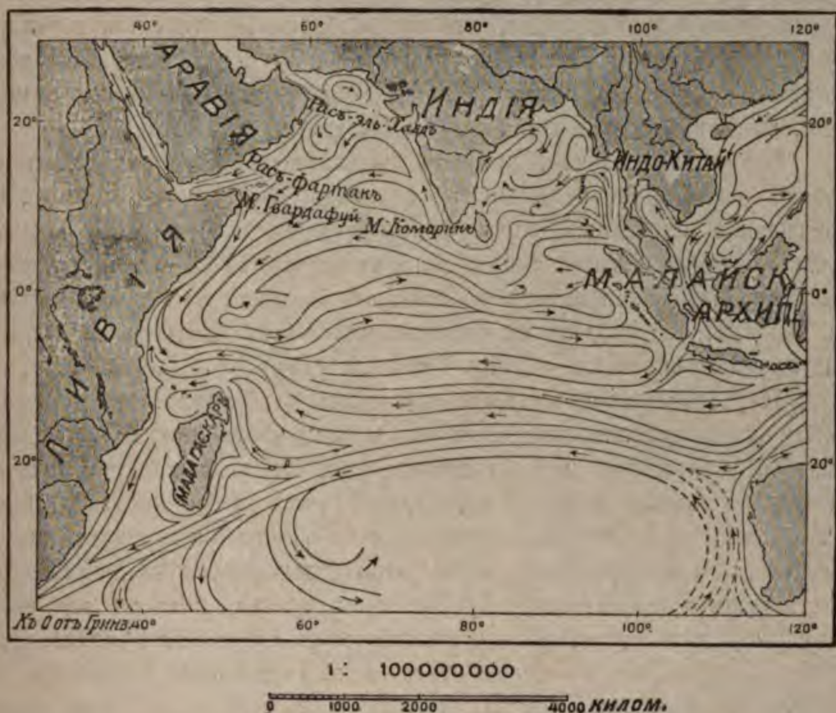
Съ іюня по октябрь дуетъ юго-западный вѣтеръ, по направленію къ Индіи и Индо-Китаю; воздушныя и водныя теченія облегчаютъ путь съ запада на востокъ.

вторгаясь въ Индію, приходится спускаться съ окружающихъ горъ, тогда какъ, идя изъ Индіи, надо подниматься на высоты, и потому волей-неволей можешь явиться лишь въ видѣ мирнаго гостя! Въ общемъ, можно сказать, что въ окрестностяхъ Индіи всѣ завоевательныя движенія распространялись постоянно сверху внизъ, съ высо-

1) E. Renan; F. Lenormant. «Les Origines de l'Histoire», II, p. 59. - 2) James Burgess. Journal of Indian Art, 1894, 1899 etc.

кихъ и крутыхъ склоновъ горъ по направленію къ низменной равнинѣ, орошаемой Индомъ, тогда какъ всѣ мирныя движенія происходили какъ-разъ въ обратномъ направленіи, снизу вверхъ. Со стороны востока, впрочемъ, гдѣ полукругъ горъ не поднимается такими крутыми склонами,

№ 249. Теченія Индійскаго океана во время зимнихъ муссоновъ.

Съ октября по май дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ изъ заливовъ, окружающихъ Индостанъ. Это эпоха, удобная для путешествія изъ Малайскаго архипелага на Цейлонъ и изъ Индіи въ Персидскій заливъ, Красное море и къ берегамъ Африки.

и гдѣ представляются многочисленныя бреши, прорывающія горные массивы, явленія дѣйствія и противодѣйствія, прилива и отлива, могли происходить какъ насильственнымъ способомъ, такъ и мирнымъ; однако, добродушіе земледѣльческихъ народностей, населяющихъ здѣсь оба склона—съ одной стороны, бассейнъ Ганга и Брамапутры, съ другой—бассейнъ Иравади (Аиравати), безъ сомнѣнія, благопріятствовало мирному распространенію индусской цивилизаціи, индусской религіи и нравовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что точки соприкосновенія между религіей Будды и той религіей, которая замѣнила собою религіи Греціи и Рима и вылилась въ форму христіанства, были чрезвычайно многочисленны. Приводятъ очень курьезные примѣры распространенія буддизма въ западномъ мірѣ,—распространенія, происходившаго либо прямымъ путемъ, благодаря буддійскимъ миссіонерамъ, либо, мало-по-малу, медленнымъ путемъ взаимнаго обмѣна. Такъ, напримѣръ, на одной изъ «lauza», т.-е. могилъ изъ грубо отесанныхъ камней, которыя разбросаны въ Лангедокѣ, была открыта голова Будды, хранящаяся въ настоящее время въ Реннѣ; было констатировано, что это изображеніе относится не къ доисторической эпохѣ Галліи, но къ эпохѣ до-римской, такъ какъ такія могилы не содержатъ никакихъ предметовъ происхожденія болѣе поздняго, чѣмъ время завоеванія Галліи Цезаремъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, прямыхъ доказательствъ взаимнаго вліянія обѣихъ религій одной на другую не мало. Можно думать даже, что преклоненіе александрійскихъ философовъ предъ буддійской религіей было очень сильнымъ, такъ какъ въ срединѣ III вѣка философъ Плотинъ отправился вмѣстѣ съ войскомъ Гордіена въ страну пареянъ въ надеждѣ, что найдетъ на священномъ востокѣ братьевъ по вѣрѣ,—надежда эта, впрочемъ, обманула его (Лассенъ).

Поразительное сходство въ одѣяніяхъ и обрядахъ, существующее между римско-католическимъ культомъ и культомъ тибетскихъ буддистовъ, было бы совершенно необъяснимымъ, если бы нельзя было допустить, что происхожденіе этихъ обоихъ полученныхъ нами наслѣдій, почти тожественныхъ въ своихъ формахъ, общее. Противники римской церкви видѣли въ этомъ сходствѣ обѣихъ религій доказательство простого заимствованія христіанствомъ буддійскаго церемоніала; въ то же время ревностные католики старались объяснить это явленіе плагіатомъ буддійскихъ жрецовъ, встрѣтившихъ будто бы католиковъ въ Индіи, или, что еще лучше, чудесами діавола, стремящагося подражать всему созданному Богомъ [2]). Какъ бы то ни было, нельзя никоимъ образомъ утверждать, что роскошныя расшитыя золотомъ одѣянія, торжественныя церемоніи и великолѣпныя процессіи жрецовъ Рима и Лхассы были получены въ наслѣдіе отъ истинныхъ священнослужителей Христа или же монаховъ-отшельниковъ Будды, — образцовъ, коимъ подражаютъ современные прелаты востока и запада, слѣдуетъ искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Не должно ли и въ данномъ случаѣ обратиться къ Вавилону, къ Сузѣ и къ Экбатанѣ, не находятся ли тамъ настоящіе

1) Collection Lapouge-Cavalier, Congrés des Sociétés Savantes, Paris, 1896. — 2) Huc. «Souvenirs d'un Voyage en Tartarie, en Chine et au Thibet».

Купанье паломниковъ въ Бенаресѣ.

источники религіознаго ритуала, сохранившагося на востокѣ и на западѣ

Буддійскій символъ солнца

тожественный съ одной изъ церковныхъ принадлежностей католиковъ.

въ болѣе или менѣе точной копіи? Часто лишь различіе наименованій скрываетъ полное тожество.

Въ сторону сѣвера пропаганда индусскихъ ученій, идей и различныхъ религій могла распространяться лишь съ чрезвычайной медленностью, такъ какъ высокая стѣна параллельныхъ горныхъ хребтовъ со снѣгами и льдами па вершинахъ поднимается здѣсь почти непреоборимой преградой. Тѣмъ не менѣе, такое распространеніе все же постепенно совершалось, и результаты его были даже болѣе прочными, такъ какъ народы, къ которымъ попадали новыя ученія, уже въ силу окружающей среды, были народами болѣе медлительнаго и въ то же время болѣе стойкаго характера. Страною, гдѣ буддійская религія, въ формѣ, сильно, впрочемъ, отличающейся отъ первоначальной религіи Бенареса, чрезвычайно прочно внѣдрилась, былъ Тибетъ; его посѣтили первые буддійскіе миссіонеры, однако, лишь тысячу лѣтъ спустя послѣ Будды, а первый храмъ его былъ построенъ тамъ еще двумя столѣтіями позже. Тамъ же, гдѣ природа не представляла непреодолимыхъ преградъ, развитіе религіозной жизни шло гораздо быстрѣе. Горы, отдѣлявшія Индію, далеко не вездѣ являлись непроходимыми; имѣлся, напр., Баміанскій проходъ, которымъ пройти было относительно легко, и по нему-то, главнымъ образомъ, и направлялись буддійскіе паломники и миссіонеры распространять по свѣту свое вѣроученіе. Еще задолго до христіанской эпохи проходъ этотъ часто посѣщался миссіонерами, шедшими въ отдаленныя страны Татаріи: многочисленныя буддійскія пагоды вырисовываются на этомъ пути на нѣкоторыхъ разстояніяхъ одна отъ другой, и съ давнихъ поръ путь этотъ считается священнымъ. Баміанскій проходъ казался, положительно, брешью, сдѣланною самимъ Провидѣніемъ или добрыми духами для того, чтобы одинъ міръ могъ сообщаться съ другимъ.

Но въ то время, какъ новая религія распространялась въ отдаленныхъ странахъ, она стала погибать на континентѣ Индіи,—по крайней мѣрѣ, она прекращала свое существованіе въ оффиціальныхъ формахъ. Къ настоящимъ буддистамъ, быть-можетъ, можно причислить теперь лишь «джайна» или «побѣдителей», — народность болѣе чѣмъ изъ милліона душъ, живущую почти за предѣлами собственно Индіи, на полуостровѣ Каттіаваръ, или Гуджератъ, и въ отдаленныхъ горахъ, главнымъ образомъ, въ горахъ Абу и на склонахъ Аравали. Эти джайна — потомки людей, подвергавшихся преслѣдованіямъ, поступили какъ парсы, какъ армяне, евреи и протестанты: завоевавъ себѣ матеріальное благосостояніе и обогатившись, они построили цѣлые города, большое число ихъ сдѣлалось золотыхъ дѣлъ мастерами и большими знатоками драгоцѣнностей; ихъ храмы—колоссальныя постройки, украшенныя превосход-

Внутренность буддійскаго храма джайновъ на горѣ Абу.

ною рѣзьбою. Джайна самымъ точнымъ образомъ придерживаются догматовъ религіи, они считаютъ животныхъ совершенно равноправными съ собой и остерегаются пролить малѣйшую каплю крови. Въ своихъ домахъ они держатъ больныхъ обезьянъ, больныхъ бѣлокъ, голубей, попугаевъ, павлиновъ и горлицъ. Чтобы не раздавить крохотныхъ животныхъ, они тщательно обмахиваютъ мѣсто, на которое собираются сѣсть. При мытьѣ они стараются возможно нѣжнѣе прикасаться къ тѣлу, изъ боязни умертвить какое-нибудь незамѣтное живое существо, они пьютъ лишь фильтрованную воду, дышатъ чрезъ кисею, бросаютъ на землю муку, чтобы накормить муравьевъ. Ихъ «четыре долга» заключаются въ томъ, чтобы совершать лишь благія дѣянія, но на практикѣ они обладаютъ большимъ талантомъ наживаться за счетъ народа и превратились въ самую жестокую касту, состоящую изъ враговъ общества, которыхъ народъ вполнѣ справедливо ненавидитъ.

Такова вообще судьба религій: прочно утверждаясь, онѣ начинаютъ отрицать свою исходную точку, возводятъ въ систему измѣну принципамъ и отреченіе отъ идей своихъ основателей. Іисусъ Христосъ и Будда, если бы они снова появились среди насъ, были бы, безъ сомнѣнія, преданы гоненію со стороны христіанъ и послѣдователей «истинной вѣры». Иные борцы получили въ настоящее время миссію вести борьбу до конца!

Сколько отдѣльныхъ небольшихъ человѣчествъ погибло, прежде чѣмъ народилось одно великое человѣчество!

Глава тринадцатая.

ИНДО-КИТАЙ.—ЦИВИЛИЗАЦІЯ ХМЕРОВЪ.—СТРАНА ЧАМПА.— ДВѢ ЯВЫ.—МАЛАЙСКАЯ НАРОДНОСТЬ.— МОРЕПЛАВАНІЕ.—МЕТАЛАНИМЪ.—МАДАГАСКАРЪ.

Разсматривая судьбы различныхъ странъ восточной Азіи въ теченіе историческаго развитія, можно замѣтить, что Индо-Китай во всемъ своемъ цѣломъ совершенно измѣнилъ за послѣднія два тысячелѣтія свои отношенія къ странамъ, къ нему прилежащимъ: тогда какъ въ настоящее время онъ слѣдуетъ импульсамъ, исходящимъ изъ Китая, и, повидимому, въ скоромъ времени будетъ

направляться Японіей, въ давнія времена образцомъ для него служила Индія. Рядъ завоеваній и въ особенности переселенія и мирное вліяніе болѣе высокой цивилизаціи постепенно китаизировали Сіамъ, Камбоджу и Аннамъ, тогда какъ около 20 вѣковъ тому назадъ, когда только-что началась буддійская проповѣдь, страны эти находились, напротивъ, исключительно подъ вліяніемъ Индіи.

Въ этомъ отношеніи должно замѣтить, что особенно легко могло проникнуть индусское вліяніе въ Бирманію, несмотря на то, что хребты горъ, лѣса, огромныя рѣки и болота рѣзко отдѣляютъ оба большіе полуострова—Индію и Индо-Китай—одинъ отъ другого. Правда, переселеніе колонистовъ и проникновеніе религіи непосредственно сказалось лишь на относительно небольшой части страны, но зато судоходство, которому содѣйствовали муссоны и морскія теченія, поставило въ тѣсную связь устье Ганга съ устьемъ Иравади, и именно этимъ путемъ въ теченіе ряда вѣковъ бирманское населеніе низовьевъ послѣдней рѣки получало въ значительнѣйшей степени всѣ культурныя завоеванія Индіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама Бирманія отдѣлена отъ Сіама высокими хребтами горъ, которые должны были задерживать и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, быть-можетъ, даже совсѣмъ прекращать распространеніе индусской цивилизаціи къ востоку. Даже оба склона того невысокаго хребта, который тянется на разстояніи примѣрно 1500 километровъ по узкому Малайскому полуострову, отъ континентальной части Сіама до мыса Джехора, являются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно изолированными одинъ отъ другого и не имѣютъ между собою удобнаго сообщенія, несмотря на то, что перевалы черезъ хребетъ большею частью небольшой вышины.

На самомъ материкѣ Индо-Китая многочисленныя цѣпи горъ, покрытыя лѣсами, оказываются также трудно доступными, хотя не поднимаются даже до области временныхъ снѣговъ,—онѣ не препятствуютъ, впрочемъ, торговымъ сношеніямъ и передвиженію войскъ при военныхъ предпріятіяхъ: исторія свидѣтельствуетъ о томъ, что происходили неоднократныя вторженія какъ со стороны Бирманіи въ Сіамъ, такъ и со стороны Сіама—въ Бирманію. Естественныя препятствія, существующія въ этой части страны, достаточны для того, чтобы китайское вліяніе, распространявшееся къ югу по параллельнымъ долинамъ рѣкъ, было въ состояніи уравновѣшивать вліяніе Индіи, оказывавшееся со стороны Бенгаліи и Ассама: можно сказать, что именно по линіи водораздѣла рѣкъ Салуена и Менама проходитъ граница настоящаго Индо-Китая. Бирманія (Барманія, Бирма), названіе которой не безъ основанія сближается съ именемъ Брамы [1]), — божества, которое дѣйствительно

1) Eugène Burnouf, Journal des Savants, 1837, p. 120.

какъ бы завладѣло страною послѣ распространенія въ ней браманизма,—эта самая Бирманія подчинилась затѣмъ цивилизаціи, выработавшейся на берегахъ Желтой рѣки.

Замѣчательное лучеобразное расхожденіе рѣкъ и хребтовъ Индо-Китая во всѣ стороны объясняетъ въ достаточной степени, почему этотъ полуостровъ, столь благопріятный въ климатическомъ отношеніи даже

№ 250. Континентальная часть Индо-Китая.

1: 20 000 000

0 250 500 1000 килом.

по сравненію съ полуостровомъ Индіи и столь сильно изрѣзанный заливами, никогда не былъ мѣстообитаніемъ единой сильной и могущественной народности. На полуостровѣ этомъ нѣтъ бассейна рѣки настолько обширнаго, чтобы въ немъ могло обитать и находить средства къ существованію многочисленное населеніе, которое бы служило про-

водникомъ новыхъ идей; съ другой стороны, Индо-Китай былъ окруженъ государствами столь высоко развитыми, что не могъ съ ними тягаться. Полуостровъ этотъ служилъ ареной, на которой пробовали свои силы съ оружіемъ въ рукахъ, и на которой дѣлали также попытки сближенія между собой малайцы, индусы, китайцы и туземныя племена, пришедшія съ сѣвера, каково было, напримѣръ, сіамское племя «таи»; бывали въ его исторіи иногда періоды плодотворнаго труда, когда наиболѣе дѣятельные элементы оказывали вліяніе на своихъ сосѣдей,—такъ, языкъ, на которомъ говорятъ теперь въ Сіамѣ, заключаетъ въ себѣ болѣе 20% камбоджійскихъ выраженій [1]),—однако, изъ этихъ разнообразныхъ вліяній никогда не проистекало синтеза столь могущественнаго, чтобы онъ могъ сказаться и на отдаленныхъ странахъ!

Индіанизація полуострова, для которой не было природныхъ препятствій, могла продолжаться въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, пока въ самой Индіи существовали прогрессивныя цивилизующія стремленія, и пока индусская культура, индусская религія и нравы и даже индусскій языкъ распространялись отъ береговъ Ганга до Тихаго океана.

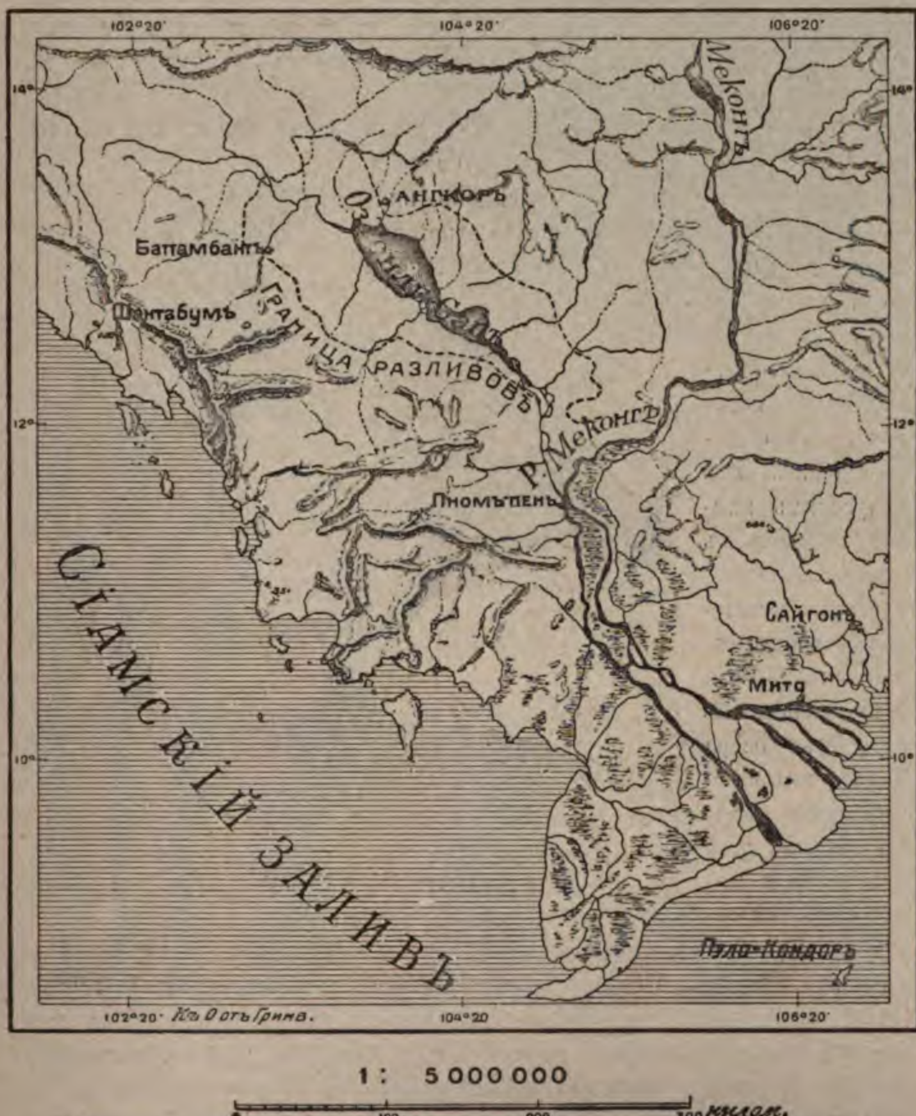
Около той эпохи, когда по другую сторону Индіи начало сказываться эллинское вліяніе, браманизмъ и позднѣе буддизмъ были подхвачены общимъ теченіемъ и распространились на востокъ совершенно такъ же, какъ до того распространились въ этомъ направленіи другія менѣе сложныя религіи, близкія къ первобытному поклоненію природѣ. Хмеры Камбоджи и чампы побережья полуострова принадлежали гораздо болѣе къ индусскому міру, чѣмъ туземныя племена плоскогорій самой Индіи!

Центръ цивилизаціи хмеровъ, столь замѣчательной огромнымъ количествомъ архитектурныхъ памятниковъ, находился, дѣйствительно, въ одной изъ мѣстностей, расположенныхъ наивыгоднѣйшимъ образомъ для того, чтобы обусловливать благосостояніе многочисленнаго и чрезвычайно густого населенія. Двѣ главныя долины восточнаго Индо-Китая, долины рѣкъ Менама и Меконга, образующія два великихъ, направленныхъ съ сѣвера на югъ, историческихъ пути полуострова, соединяются въ своихъ низовьяхъ глубокимъ поперечнымъ вдавленіемъ, параллельнымъ морскому побережью и образующимъ между обѣими рѣками превосходную равнину; чудное озеро Тонле-Сапъ, бывшее, повидимому, нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ морскимъ заливомъ, довершаетъ обиліе сухопутныхъ сообщеній, чрезвычайно удобныхъ благодаря возможности пользоваться также воднымъ путемъ Меконга. Между этимъ озернымъ бассейномъ и водораздѣльнымъ кряжемъ, съ котораго сбѣгаютъ воды къ сѣверо-западу по направленію къ Менаму и къ юго-востоку по направленію къ Меконгу, группировалось въ теченіе мирныхъ періодовъ

1) Raquez, Bulletin du Comité de l'Asie francaise, 1903, p. 431.

одовъ исторіи наибольшее количество населенія, которому озера, рѣки и

№ 251. Центръ цивилизаціи хмеровъ.

Развалины города Ангкора разбросаны на протяженіи нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ; различаютъ Нахоръ-Томъ или „Великую столицу“ и Нахоръ-Ватъ или „пагоду столицы“ и многочисленныя разсѣянныя по мѣстности другія постройки. По изслѣдованіямъ г. Эмонья, главные архитектурные памятники этого города возведены между 850 и 950 гг. по Р. Хр

заливы доставляли безчисленныя рыбныя богатства; здѣсь были найдены Джемсомъ огромныя скопленія раковинъ, содержащія остатки, по край-

ней мѣрѣ, трехъ до-историческихъ цивилизацій; именно здѣсь же 10 или 12 вѣковъ тому назадъ достигли наиболѣе высокаго развитія искусство и промышленность хмеровъ,—это былъ какъ бы естественный центръ тяжести всѣхъ тѣхъ странъ, которыя нынѣ извѣстны подъ названіями Сіама, Камбоджи и Аннама. Это былъ въ то же время и главный этапъ миссіонеровъ, отправлявшихся изъ городовъ долины Ганга въ Малайскій архипелагъ.

Туземцы прекрасно знаютъ о своей прежней славѣ и о величіи своей страны въ древности и претендуютъ на происхожденіе отъ переселенцевъ, пришедшихъ изъ сѣверной Индіи. По одной изъ легендъ, которая считалась камбоджійцами до прихода европейцевъ описаніемъ дѣйствительно совершившихся историческихъ событій, одинъ изъ индусскихъ князей пришелъ въ сопровожденіи «десяти милліоновъ» своихъ подданныхъ 23 вѣка тому назадъ въ бассейнъ озера Тонле-Сапъ и обосновался тамъ. Въ легендѣ этой указывается даже, что отечествомъ основателя хмерскаго государства былъ древній городъ Индраспати, городъ Индры, превратившійся въ современный городъ Дели; царствующая же династія нынѣшняго времени произошла изъ другого священнаго города Варанази, т.-е. Бенареса. Однако, оставленіе буддійской религіи обитателями бассейна Ганга должно было въ давнія уже времена прервать всѣ сношенія между сѣверной Индіей и страною хмеровъ, бывшею однимъ изъ наиболѣе крупныхъ центровъ новой религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установились сношенія съ островомъ Цейлономъ, древнимъ островомъ Ланка, бывшимъ также настоящей твердыней религіозныхъ истинъ Сакіа-Муни, — эти сношенія были настолько значительны, что долгое время буддизмъ Индо-Китая считался

Тонкинецъ на буйволѣ.

Вспахиваніе рисовыхъ полей въ Тонкинѣ.

возникшимъ въ результатѣ миссіонерской пропаганды обитателей чудного острова.

Совершенно подобно тому, какъ каждый добрый мусульманинъ долженъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ своей жизни, совершить путешествіе въ Мекку, такъ и каждый ревностный буддистъ между камбоджійцами продѣлываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторую религіозную комедію, выдавая себя за паломника съ острова Ланка. Именно, когда онъ закончитъ постройку своего дома, произведенную согласно со всѣми предписанными обрядами, долженствующими гарантировать ему счастливое житье, когда онъ переселитъ туда кошку, являющуюся сторожемъ его мирнаго домашняго очага, онъ не можетъ все же проникнуть въ свое жилище иначе, какъ путемъ благочестивой лжи: «Откуда пришелъ ты»?— спрашиваютъ его.—«Я пришелъ съ острова Ланка»,—отвѣчаетъ онъ.— «Я потерпѣлъ въ морѣ кораблекрушеніе и лишенъ теперь крова, я со всей своей семьей и своимъ имуществомъ ищу пріюта въ этомъ обитаемомъ уже домѣ» [1])! Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что дружественныя сношенія съ Цейлономъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ непосредствен-

1) Moura. Société de Géographie Commerciale de Bordeaux, 17, VIII, 1882.

ныя, совершались, главнымъ образомъ, при содѣйствіи малайскихъ мореплавателей и чрезъ Калингу, такъ какъ разстояніе между островомъ Ланкой и устьемъ Меконга чрезъ перешеекъ Крахъ очень велико (2500 километровъ), а плаваніе обходнымъ путемъ чрезъ Зондскій архипелагъ чрезвычайно долго. Довольно курьезно то географическое явленіе, что островъ Ява служилъ главнымъ этапомъ на полупути между Цейлономъ и восточнымъ Индо-Китаемъ!

За страною хмеровъ побережье Китайскаго моря ооразуетъ два изгиба, одинъ выпуклый, другой вогнутый отъ мыса Сенъ-Жакъ до устьевъ Красной рѣки,—все оно являлось также страною, подвергшеюся индусскому вліянію; въ прежнія времена эта страна носила названіе Чампа, названіе, безусловно, индусскаго происхожденія; теперь это Аннамъ или «Мирный Югъ». Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ ту эпоху, когда началось сильное распространеніе буддизма, страна Чампа (Ціампа), какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя надписи, являлась уже давнымъ-давно проникнутой браманизмомъ. Всѣ географическія названія этого побережья, приводимыя Птоломеемъ, санскритскаго происхожденія, цари ея также носили индусскія названія [1]). Сива былъ наиболѣе почитаемымъ божествомъ, и богиня Багаваси обладала огромнымъ числомъ поклонниковъ,—нѣкоторое количество ихъ осталось даже и въ настоящее время, несмотря на то, что индусское происхожденіе этой богини совершенно забыто. Нѣкоторыя мѣстности усѣяны столбами и камнями, содержащими надписи; санскритскія молитвы вырѣзывались еще въ концѣ XII вѣка, т.-е. 700 лѣтъ тому назадъ. Между другими обычаями въ странѣ Чампа былъ распространенъ обычай сожженія на кострѣ царицы вмѣстѣ съ тѣломъ скончавшагося повелителя

Что касается той части побережья, которая расположена вокругъ Тонкинскаго залива и имѣетъ видъ обширнаго полукруга, обведеннаго вокругъ острова Хайнана, то она находится въ полной естественной зависимости отъ Китая, и исторія ея всецѣло привязана къ исторіи великой народности этой сосѣдней страны. Кромѣ того, область эта была уже 21 вѣкъ тому назадъ завоевана императоромъ Ши-Хоанъ-Ти и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ принадлежала всецѣло Китайской имперіи,—иногда она, впрочемъ, отдѣлялась отъ нея вслѣдствіе того, что на югѣ находился другой центръ притяженія. Узкая полоса эта, вытянувшаяся между горными хребтами и моремъ, легко расщеплялась въ той или другой своей части въ зависимости отъ того, было ли сильнѣе притяженіе къ сѣверу, или же къ югу. Замѣтно, однако, такое двойное притяженіе было во всѣ времена.

Согласно преданію, предками аннамитовъ были одинъ изъ небесныхъ

1) Barth; Bergaigne; Et. Aymonier, «The History of Tchampa», pp. 5, 6.

Деревня на сваяхъ близъ Сингапура.

духовъ и морской драконъ: происходя одновременно изъ всѣхъ трехъ элементовъ—воздуха, земли и воды, они были одновременно птицами, людьми и рыбами, т.-е. обладали всѣми физическими и нравственными качествами, свойственными живымъ существамъ [1]). Можно сказать, что аннамиты были причастны всѣмъ различнымъ окружающимъ цивилизаціямъ,—они въ одинаковой степени подвергались вліянію цивилизаціи Индіи, какъ и цивилизаціямъ Малайскаго архипелага и Китая.

За предѣлами континента болѣе всего пользовался благами индійской цивилизаціи островъ Ява. На первый взглядъ это можетъ показаться довольно удивительнымъ, такъ какъ островъ Суматра, повидимому, расположенъ гораздо благопріятнѣе въ смыслѣ бо́льшей близости къ индусской культурѣ. Суматра, впрочемъ, и подверглась вліянію послѣдней, но лишь въ меньшей степени, чѣмъ Ява; уже самое ея наименованіе, отожествляемое съ санскритскимъ словомъ «самудра», что значитъ «страна моря» [2]), свидѣтельствуетъ о такомъ первоначальномъ вліяніи. Островъ этотъ назывался, впрочемъ, также «Ява» или «Джава», подобно меньшему острову, являющемуся его восточнымъ продолженіемъ, и, чтобы различить оба эти острова, бо́льшій изъ нихъ назывался «Малой Явой», тогда какъ меньшій, изъ-за многочисленности населенія и богатства своего, носилъ названіе «Большой Явы». Строеніе обоихъ острововъ объясняетъ существующій между ними контрастъ.

1) Paul d'Enjoy, Revue Scientifique, 27 mai, 1899, p. 655. — 2) Henry Yule. «The Book of ser Marco Polo».

Суматра на всемъ своемъ большомъ протяженіи—1700 километровъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ—представляетъ цѣпь высокихъ горъ, которыя прерываютъ всюду сообщеніе между обоими склонами и во многихъ мѣстностяхъ опираются на обширныя плоскогорія, на которыхъ обитаютъ независимыя племена, отчасти дикія и настолько воинственныя, что ими прерываются непосредственныя сношенія между цивилизованными обитателями спускающихся съ хребта долинъ. Другое неблагопріятное для населенія условіе заключается въ томъ, что на островъ низвергаются чрезмѣрно обильные потоки дождя,—благодаря этому, рѣки нерѣдко выходятъ изъ береговъ, разбиваются на тысячи рукавовъ и обусловливаютъ возникновеніе болотистыхъ береговъ, которые тянутся вплоть до моря и оказываются трудно проходимыми.

Островъ Ява также чрезвычайно длиненъ, очень гористъ и покрытъ роскошною растительностью, — въ силу этого онъ могъ бы, на первый взглядъ, быть столь же трудно доступнымъ, какъ островъ Суматра и другой сосѣдній островъ—огромный Борнео; однако, болѣе подробное изученіе мѣстной географіи свидѣтельствуетъ, что въ дѣйствительности существуютъ очень крупныя различія. Островъ этотъ на двѣ трети меньше, обладаетъ достаточною влажностью, которая не настолько, однако, значительна, чтобы возникали рѣки или болота, — уже этимъ Ява гораздо удобнѣе Суматры; затѣмъ, горы расположены такимъ образомъ, что на всемъ своемъ протяженіи островъ разбитъ какъ бы на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ участковъ, между которыми легко можно перейти съ сѣвернаго берега на берегъ южный. Въ различныхъ частяхъ острова разстояніе между берегами достигаетъ всего лишь 100 километровъ, и вдавленія въ хребтѣ, представляющія собою проходы, оказываются очень глубокими; тогда какъ конусы вулкановъ поднимаются до 2—3000 метровъ и даже болѣе, расположенные между ними проходы достигаютъ всего лишь вышины нѣсколькихъ сотъ метровъ, — это какъ бы проливы, раздѣляющіе отдѣльные массивы островковъ. Острова, представляющіе собою восточное продолженіе ряда яванскихъ вулкановъ, — Бали, Ломбокъ, Сумбава—принадлежатъ по способу образованія всецѣло къ той группѣ вершинъ или отдѣльныхъ вулканическихъ конусовъ, которая поднимается на протяженіи самого острова Явы; на западѣ проливы между вулканами вышли изъ волнъ моря и стали проходами, тогда какъ восточнѣе они заполнены еще водами океана. Такое расположеніе горъ, въ видѣ какъ бы отдѣльныхъ массивовъ, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ значительнаго населенія Явы: съ какой бы стороны ни явились на островъ переселенцы, съ сѣвера или съ юга, они всюду могли проникнуть безо всякаго затрудненія во внутреннюю часть страны, пробравшись между колоссальными вулканами; эти послѣдніе содѣйствовали даже—какъ ни парадоксально такое утвержденіе—болѣе

Приготовленіе бумаги въ Ханой.

легкой доступности острова, такъ какъ ими сжигались лѣса расположенныхъ между ними долинъ, дѣлавшіе иначе путь непроходимымъ,—вулканическій пепелъ, благодаря которому почва становилась плодородной, служилъ въ то же время и путемъ для переселенцевъ.

Относительно того, какая народность служила главнымъ посредни-

комъ въ дѣлѣ перевозки людей и товаровъ съ континента Индіи на острова Индійскаго океана, не можетъ быть двухъ мнѣній. Поскольку исторія восходитъ къ началамъ восточнаго міра, можно констатиро-

№ 252. Двѣ Явы.

1: 20 000 000

0 250 500 1000 килом.

вать значительное вліяніе въ указанномъ направленіи той этнической группы, которую понимаютъ подъ названіемъ «малайцевъ», — названіе это, какъ говорятъ, было впервые дано обитателямъ западнаго берега Суматры. Въ настоящее время бóльшая часть представителей туземцевъ, которую считаютъ принадлежащей къ малайской расѣ, ведетъ осѣдлый образъ жизни, занимается земледѣліемъ,—однако, почти на всѣхъ остро-

вахъ и полуостровахъ у малайцевъ сохраняются преданія, свидѣтельствующія о томъ, что они пришли изъ другой страны. Сосѣди ихъ также очень часто понимаютъ даваемое всей этнической группѣ названіе

№ 253. Восточная часть Малайскаго архипелага.

«малайцы» въ смыслѣ «блуждающіе», «бродяги», «чужеземцы». Продолжительная привычка къ морю, обусловленная раздѣленіемъ области ихъ на острова, островки и цѣлые архипелаги, вызвала у нихъ наслѣдственныя наклонности къ мореплаванію. Во всѣхъ прибрежныхъ странахъ, занятыхъ ими, малайцы обозначаютъ берега рѣкъ способомъ, который

обитателямъ континента кажется совершенно нелогичнымъ: тогда какъ сухопутное населеніе называетъ обыкновенно правый и лѣвый берега рѣки въ направленіи по теченію послѣдней, т.-е. обращаясь лицомъ къ устью, малайцы поступаютъ какъ-разъ наоборотъ, — «правый» берегъ для нихъ тотъ, который находится съ правой руки, когда они поднимаются отъ устья къ истоку. Такой способъ обозначенія является естественнымъ лишь для мореходовъ, постоянно плавающихъ въ открытомъ морѣ; совершенно такимъ же образомъ и во Франціи именно мореходы дали названіе «устьевъ» (embouchures) входамъ въ рѣку, тогда какъ, съ точки зрѣнія логики, было бы правильнѣе дать концевымъ частямъ рѣкъ названіе, указывающее не на вхожденіе, а на выхожденіе водъ. На Филиппинскихъ островахъ названіе «balanhay» или «барка», даваемое до настоящаго времени малайскимъ деревнямъ, напоминаетъ о тѣхъ древнихъ временахъ, когда малайцы, дѣйствительно, обитали на судахъ, останавливавшихся у береговъ [1]).

Нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, которая была бы лучше Малайскаго архипелага приспособлена въ смыслѣ легкости сообщеній и обмѣна между отдѣльными частями; если бы вообще какую-либо изъ частей земного шара можно было назвать «предназначенной самимъ Провидѣніемъ» сдѣлаться родиной мореходовъ, то это выраженіе должно было бы примѣнить прежде всего именно къ островамъ и полуостровамъ малайскаго міра. Они изобилуютъ всевозможными продуктами, минералами и драгоцѣнными камнями, цѣнной древесной корою и смолами, растеніями и фруктами; у каждаго острова свои особыя, ему лишь свойственныя, богатства; нигдѣ въ мірѣ не существуетъ бо́льшаго разнообразія формъ живыхъ существъ, растеній и животныхъ. По наблюденіямъ Уоллеса, проливъ Ломбокъ, продолжающійся къ сѣверу Макассарскимъ проливомъ, раздѣляетъ, какъ казалось тогда знаменитому изслѣдователю, ясно двѣ флоры, двѣ фауны и народности совершенно различнаго происхожденія и говорящія на различныхъ языкахъ,—однимъ словомъ, раздѣляетъ два совершенно различныхъ міра. Натуралисты-изслѣдователи позднѣйшаго времени не находили, чтобы контрастъ этотъ былъ настолько рѣзокъ; какъ бы то ни было, три главныхъ западныхъ острова—Суматра, Ява, Борнео—и, съ другой стороны, Целебесъ, также какъ и его восточные сосѣди острова Малайскаго архипелага, обладаютъ естественными богатствами, чрезвычайно разнообразными и легко примѣнимыми человѣкомъ.

Огромные стволы вырванныхъ съ корнями деревьевъ на морскомъ берегу доставляютъ прибрежному населенію совершенно готовые плоты—стоитъ лишь связать ихъ ліанами; точно также строитель, болѣе

1) Olivier Beauregard, Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, 7 juillet 1887.

Яванки-торговки въ окрестностяхъ Батавіи.

усовершенствовавшійся въ своемъ искусствѣ, находитъ на берегахъ стволы настолько толстые и плотные, что ихъ можно выдолбить и превратить въ челны. Между островами разбросаны тихія гавани и хорошо защищенные заливы,—они, положительно, влекутъ къ себѣ суда мореходовъ. Такимъ образомъ, малайцы сдѣлались еще въ очень отдаленныя эпохи естественными торговыми посредниками между различными

странами Малой Азіи, вплоть до Индіи и Японіи; благодаря помощи муссоновъ, переносившихъ ихъ съ берега на берегъ, они научились огибать мысы, выдающіеся въ Индійскій океанъ, и проникли до береговъ Мадагаскара и Африки. Цивилизація ихъ распространилась почти до американскаго материка, если вѣрно предположеніе многихъ географовъ, что острова Пасхи находились также въ области древняго владычества малайцевъ. Система счисленія во всѣхъ полинезійскихъ нарѣчіяхъ является достаточнымъ доказательствомъ чрезвычайной обширности распространенія малайскаго вліянія по океану. Даже въ настоящее время, несмотря на все превосходство, даваемое наукой и техникой европейскимъ мореплавателямъ, значительная часть каботажа въ моряхъ Зондскаго архипелага принадлежитъ цѣлымъ флотиліямъ малайскихъ судовъ. Моремъ, наиболѣе оживленнымъ судами, вмѣстѣ съ водами устьевъ Темзы, Эльбы, Мерсея и Гудсона, является область къ югу отъ Сингапура, въ которой располагаются архипелаги острововъ Ріу и Лингга. По преданіямъ, именно послѣдняя группа острововъ была колыбелью малайской расы: нигдѣ туземцы не обладаютъ столь обильными сокровищами поэмъ и сказокъ!

Малайцы-островитяне, сдѣлавшіеся главными посредниками между различными народами, уже въ силу этого самаго стали и распространителями всевозможныхъ легендъ, равно какъ и насадителями всѣхъ знаній,— они переносили ихъ съ одного конца свѣта на другой далеко за предѣлы собственнаго своего распространенія: постепенно легенды эти переходили отъ одного народа къ другому. Участіе малайцевъ въ созданіи первоначальной основы сказокъ «Тысячи и одной ночи» было, по всей вѣроятности, гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ таковое у индусовъ, сингалезовъ и арабовъ; они всюду разсказывали о невѣроятнѣйшихъ приключеніяхъ, воспроизводили легенды, полныя чудесъ, и самыя фантастическія исторіи. Имъ должно быть приписано первое изобрѣтеніе многихъ изъ тѣхъ чудесныхъ событій и фактовъ, которые интриговали умы людей вплоть до конца среднихъ вѣковъ. Такъ, между прочимъ, имъ принадлежитъ легенда о людяхъ съ огромными ушами, которыми они пользуются какъ плащемъ,—одно ухо разстилаютъ на землѣ и другимъ прикрываются, когда спятъ. Въ такой формѣ эта легенда распространена повсюду, и трудно предположить, чтобы подобное созданіе богатой фантазіи могло самостоятельно и внезапно зародиться въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земного шара,—она должна была быть разнесена изъ одного общаго центра однимъ и тѣмъ же народомъ [1]). Быть-можетъ, обитатели острова Пасхи имѣли обыкновеніе растягивать свои уши, какъ они

1) Joshua Rutland. «The Big-Ears», Journal of the Polynesian Society, 24 déc. 1897.

Лодка съ противовѣсомъ-поплавкомъ малайцевъ и полинезійцевъ.

изображаютъ это на своихъ грубо изваянныхъ статуяхъ, и малайцы-мореплаватели, относившіеся къ этому обычаю съ насмѣшкой, распространили извѣстіе о немъ вплоть до Новой Гвинеи, Индіи и внутренней части Африки: въ виду отдаленности мѣстности, которой касались разсказы, можно было создавать какія угодно преувеличенія.

Одаренные прекрасною памятью и богатымъ воображеніемъ, малайцы, во время своихъ путешествій, познакомились съ народностями чрезвычайно различными, познакомились и съ чрезвычайно разнообразными культурами, заимствовавъ изъ нихъ попутно очень многое; такъ на Явѣ, которую часто посѣщали и отчасти даже населяли индусы, малайцы заимствовали послѣдовательно различныя формы религіи, которыя заносились туда и распространялись переселенцами съ Индійскаго полуострова. Въ самомъ началѣ яванской исторіи мы находимъ на островѣ миссіонеровъ, занятыхъ обращеніемъ жителей въ браманизмъ. Позднѣе жители стали буддистами и даже чрезвычайно ревностными,— они воздвигли, напримѣръ, близъ Магеланга храмъ Буру-Будхуръ (Буру-Будоръ), наиболѣе величественный и наиболѣе богатый скульптурами

архитектурный памятникъ, сохранившійся съ той эпохи. Затѣмъ стало постепенно сказываться возвращеніе къ браманизму, принявшему форму культа Сивы,—о томъ свидѣтельствуютъ барельефы, высѣченные на ступеняхъ храма. До сихъ поръ нѣкоторое количество поклонниковъ Сивы обитаетъ въ окрестностяхъ столь опасныхъ по своимъ изверженіямъ яванскихъ вулкановъ, посреди населенія, принявшаго мусульманство.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ путешественникъ Христіанъ [1]), этническая группа, обозначаемая во всемъ своемъ цѣломъ названіемъ

Три граціи храма Сивы въ Брамбананѣ (Ява).

«малайско-полинезійской» группы, образуетъ специальную расу, явившуюся въ результатѣ постояннаго смѣшенія «купцовъ, путешественниковъ, бѣглецовъ, изгнанниковъ и пиратовъ, скрещивающихся и какъ бы образующихъ послѣдовательно одна за другою бѣгущія волны, то втор гающіяся могучимъ приливомъ, то отступающія, какъ воды отлива». Въ различныя эпохи происходили, однако, и массовыя переселенія, обусловленныя войнами или вторженіемъ враговъ, землетрясеніями или навод-

1) Geographical Journal, February 1899.

Храмъ въ Буру-Будурѣ (Ява).

неніями: подобно тому какъ обитатели континента, жители океаническихъ острововъ должны были также подчиняться давленіямъ извнѣ и двигаться то въ одну сторону, то въ другую, въ соотвѣтствіи со внѣшними толчками и съ вліяніями различныхъ притяженій. Окружающая среда, прекрасное знакомство съ водами и вѣтрами сдѣлало ихъ столь же подвижными и даже еще болѣе подвижными на морѣ, какъ большинство народностей на сухой землѣ: имъ достаточно было знать направленіе, въ которомъ находятся тѣ или другіе острова, и если эти острова даже не вырисовывались облачкомъ на горизонтѣ, то направленіе полета птицъ, движеніе теченій и тысячи другихъ ничтожныхъ признаковъ, улавливаемыхъ опытнымъ глазомъ моряка, указывали имъ направленіе при ихъ пути по волнамъ моря.

Кромѣ того, возможно, что въ чрезвычайно отдаленныя эпохи совершались и различныя переселенія по сушѣ, если только правильно, какъ это слѣдуетъ изъ гипотезы, высказывавшейся многими геологами, что значительная часть побережій Океаніи находится на стадіи опусканія (Дарвинъ): пространства, погруженныя въ настоящее время подъ поверхность моря, могли, слѣдовательно, быть ранѣе континентальными областями, по которымъ населеніе постепенно распространялось отъ одного пункта къ другому. Какъ бы то ни было, нѣтъ надобности обращаться къ такому предположенію о взаимной связи между отдѣльными островами

Океаніи, такъ какъ и современныя условія еще вполнѣ достаточны для объясненія тѣхъ переселеній, которыя могли происходить въ самыхъ различныхъ направленіяхъ на протяженіи почти половины земной окружности, отъ береговъ Азіи до береговъ Америки. Не говоря даже о произвольныхъ переселеніяхъ, уже факты отдѣльныхъ «случайныхъ» разселеній [1]) могли бы объяснить постепенное заселеніе всѣхъ острововъ: очень нерѣдко происходитъ, что суда съ находящимися на нихъ мужчинами и женщинами подхватываются бурями и переносятся на большія разстоянія, къ далекимъ неизвѣстнымъ берегамъ. Великое экваторіальное теченіе, которое въ области тропиковъ несетъ водныя массы по направленію съ востока на западъ, и противоположное ему гораздо болѣе слабое теченіе, которое вблизи экватора направляется обратно съ запада на востокъ, должны были нерѣдко способствовать такимъ невольнымъ переселеніямъ малайцевъ-полинезійцевъ. Галь и за нимъ Катрфажъ нанесли на карту [2]) такія переселенія въ области Океаніи, и въ общихъ чертахъ эти переселенія не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ подтверждаются мѣстными легендами и историческими данными.

Подобные документы могутъ имѣть, однако, лишь значеніе намековъ и указаній, такъ какъ въ теченіе ряда вѣковъ движеніе населенія взадъ и впередъ хотя и регулируется извѣстными общими законами, образуетъ все же сложную сѣть изъ многочисленныхъ переплетающихся нитей,—распутать ее представляется первоначально совершенно немыслимымъ. Въ большинствѣ архипелаговъ путешественникамъ, бесѣдовавшимъ объ этомъ съ туземцами, приходилось слышать какъ бы отзвуки самыхъ различныхъ переселеній по разнообразнымъ, часто противоположнымъ направленіямъ: туземцы рисуютъ имъ на пескѣ въ самыхъ общихъ чертахъ карты расположенія острововъ, чтобы указать то направленіе, по которому пришли ихъ предки; они указываютъ на облачка на горизонтѣ или на звѣзды на небѣ, обозначая направленіе, въ которомъ въ первый разъ были видны суда, принесшія переселенцевъ, или суда, на которыхъ они ушли съ даннаго острова. Туземцы острова Понапе, одного изъ Каролинскихъ острововъ, разсказываютъ въ своихъ преданіяхъ, что въ странѣ ихъ господствовали одна за другой три расы: карлики, великаны и людоѣды. Карлики, отъ которыхъ до сихъ поръ сохранились потомки на западномъ берегу острова, были, по всей вѣроятности, негритосы, родственные филиппинскимъ племенамъ аэта и мамуана и племенамъ сакаевъ и семанговъ на Малайскомъ полуостровѣ, равно какъ и племени минкопи въ Андаманскомъ архипелагѣ. Сосѣди ихъ описываютъ какъ людей очень малорослыхъ, съ черноватой кожей,

1) A. de Quatrefages. «Introduction à l'Étude des Races Humaines», p. 146. — 2) См. карту № 44, стр. 319, т. I, и карту № 227, стр. 95, т. III.

похожей на кожу нѣкоторыхъ рыбъ, съ отвратительной физіономіей, имѣющей видъ круга, на которомъ выступаютъ лишь глаза. Путешественникъ Христіанъ не могъ лично посѣтить этихъ карликовъ или, какъ ихъ называютъ, шокалаи, но изслѣдовалъ, одно изъ кладбищъ ихъ: могилы этихъ кладбищъ, построенныя изъ базальта, имѣютъ внутри длину въ среднемъ не болѣе 120 сант., и самые длинные размѣры не

№ 254. Гавань и городъ Металанимъ.

превосходятъ 135. Что касается «великановъ» или «кона», которые одержали побѣду надъ карликами и захватили послѣ нихъ власть надъ островомъ, то ихъ считаютъ малайцами, пришедшими съ запада; людоѣды или «ліотъ»—это меланезійцы, переселившіеся въ недавнюю эпоху изъ Папуасіи на югъ, или съ Ново-Гебридскихъ островов—на юго-востокъ. Указывается также переселеніе обитателей Маріанскихъ острововъ, которые въ концѣ XVI вѣка напали и захватили часть Каролинскихъ островов.

Наиболѣе краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о большомъ значеніи древнихъ цивилизацій Полинезіи развалины города Металанима, находящіяся на восточномъ берегу того же самаго острова Понапе. Эти развалины, отчасти раскопанныя Христіаномъ, занимаютъ неглубокій за-

ливъ, усѣянный мелкими островками. Металанимъ—это Венеція Полинезіи. Всѣ лагуны защищены съ юга, съ востока и съ сѣвера огромными молами, образованными базальтовыми колоннами, изъ коихъ нѣкоторыя достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Мѣстами молы эти имѣютъ до

Мостъ на островахъ Фиджи.

10 метровъ въ вышину и 3 метра въ толщину, и огромныя скопленія обломковъ доказываютъ, что нѣкогда они были еще болѣе высокими. Въ хорошо сохранившихся частяхъ этой плотины призмы, вѣсящія иногда болѣе трехъ тоннъ, расположены послѣдовательно то вдоль, то поперекъ, какъ бревна въ русскихъ избахъ; мѣстами дно лагунъ покрыто обломками базальта, упавшими, очевидно, съ барокъ, на которыхъ они привозились съ каменоломенъ, расположенныхъ болѣе чѣмъ въ 30 километрахъ. Это былъ, очевидно, грандіозный циклопическій городъ; современные туземцы Понапе говорятъ о немъ съ нѣкоторымъ страхомъ, и въ развалинахъ его заключаютъ теперь иногда осужденныхъ преступниковъ къ ихъ величайшему ужасу [1]). Въ 400 километрахъ къ востоку отъ Понапе располагается другой островъ, самый восточный изъ Каролинскихъ остро-

1) Geographical Journal, February 1899.

вовъ, называемый также островомъ Стронгомъ или Кусайе,—въ одной изъ его гаваней скрываются также развалины города, еще болѣе хаотическаго, чѣмъ Металанимъ, но тоже замѣчательнаго, именно города Селе.

«Земля востока» по преимуществу, Австралія—островъ или континентъ, какъ угодно,—играла, повидимому, самую ничтожную роль въ исторіи человѣчества. Конечно, обитатели ея и въ ней выработали извѣстную культуру, изученіе коей столь же интересно, какъ и изученіе всякой другой. Нельзя сказать, однако, чтобы культура эта оказывала когда-либо вліяніе на сосѣднія народности. Территорія материка слишкомъ обширна, и природа его слишкомъ отлична отъ природы относительно небольшихъ полинезійскихъ острововъ,—населеніе, развивавшееся на материкѣ Австраліи, такъ сказать, всецѣло поглощалось имъ. Австралійцы приспособились къ обширнѣйшимъ пространствамъ, они сдѣлались какъ бы сородичами кэнгуру, но тотъ опытъ, который они вынесли изъ борьбы за существованіе и пріобрѣли въ борьбѣ за существованіе, не могъ идти на пользу другимъ народностямъ. К. Гаддинъ признаетъ въ австралійскомъ населеніи нѣсколько послѣдовательныхъ наслоеній: негритосы, папуасы, дравиды и малайцы, одни за другими, покоряли страну, и, тѣмъ не менѣе, природа ихъ всѣхъ переработала, такъ какъ, благодаря вліянію климата, пищи и образа жизни, австралійцы пріобрѣли совершенно особыя, спеціально имъ свойственныя особенности, которыя позволяютъ выдѣлить ихъ въ качествѣ отдѣльной расы, равноправной съ другими народами, происшедшими изъ гетерогенныхъ элементовъ,—именно равноправной съ исчезнувшими тасманцами, съ меланезійцами, дравидами и т. п. 1).

Металанимъ.

Входъ въ пещеру, называемую гробницей Шанталемъ.

Изо всѣхъ переселеній народностей Азіи безусловно наиболѣе уди-

1) См. цвѣтную карту № 5.

вительнымъ является переселеніе малайцевъ на островъ Мадагаскаръ. На первый взглядъ можно было бы думать, что населеніе Мадагаскара, именно малгашскія народности, непремѣнно должно было бы происходить отъ народностей африканскаго побережья; не говоря, однако, уже о томъ, что туземцы юго-восточной Африки очень плохіе мореходы, оказывается, что и вѣтры и теченія препятствуютъ переселеніямъ съ устьевъ Замбези на побережье огромнаго острова; съ другой стороны, очевидность дальняго происхожденія мадагаскарскаго населенія настолько ясна, что нельзя раздѣлять въ этомъ отношеніи сомнѣній, высказывавшихся нѣкоторыми писателями. Представители племени гова несомнѣнные малайцы,—это видно и по ихъ внѣшности, и по ихъ нравамъ, и по языку; языкъ, на которомъ говорятъ въ деревняхъ восточнаго берега Мадагаскара, стоитъ въ тѣсномъ родствѣ съ малайскими нарѣчіями южнаго полуострова Индо-Китая и Суматры, находящихся въ 4—5000 километрахъ отъ Мадагаскара; языкъ этотъ распространенъ по всему острову, съ одного конца его до другого, и свойственъ островитянамъ самаго разнообразнаго происхожденія, даже тѣмъ изъ нихъ, которые пришли съ сосѣдняго африканскаго континента, изъ Аравіи и изъ Индіи. Нѣкоторые пріемы работы представляютъ также характерныя черты сходства съ примѣняемыми въ области малайскаго міра. Ступы, въ которыхъ обдираютъ рисъ, имѣютъ совершенно тожественную форму, кузнечныя работы производятся вполнѣ сходнымъ способомъ; племя сакалавовъ на западномъ берегу Мадагаскара пользуется лодками съ прикрѣпленнымъ къ нимъ противовѣсомъ-поплавкомъ, построенными совершенно точно по образцу полинезійскихъ судовъ.

Переселеніе малайцевъ на Мадагаскаръ, слѣдовательно, несомнѣнный фактъ, и очень вѣроятно, что такихъ переселеній было множество. Племя гова или андріана, занимающее въ настоящее время господствующее положеніе среди населенія Мадагаскара, благодаря центральности его области и превосходству его цивилизаціи, имѣетъ источникомъ своимъ чистѣйшій малайскій элементъ; однако, гова никогда не занимали всего острова,—имъ принадлежала лишь часть его, и вліяніе ихъ не распространялось на области Мадагаскара, гдѣ говорятъ на другихъ діалектахъ; хотя и родственныхъ по происхожденію и сходныхъ по составу словъ и по построенію фразъ. Повидимому, до прихода гова другія родственныя народности уже устроились на островѣ и завладѣли имъ; позднѣе различныя другія народности—индусскія, арабскія, банту—появились на берегахъ Мадагаскара и нарушили то первоначальное единство культуры, которому малгашская народность была обязана общностью своего языка [1]). Очень вѣроятно даже, что обитатели острова съ черноватымъ оттѣнкомъ кожи на самомъ дѣлѣ не африканскіе негры, а меланезійцы,

(1 Max Leclerc. Les Peuplades de Madagascar».

пришедшіе сюда съ далекаго востока въ неизвѣстныя, очень давнія, предшествующія историческимъ времена 1).

№ 255. Мадагаскаръ и Маскаренскіе острова.

Но если переселенія малайцевъ были такъ многочисленны, и если полинезійцы даже предшествовали гова въ заселеніи Мадагаскара, то представляется весьма вѣроятной такая гипотеза: переселенія этихъ племенъ совершались не безсознательно, они переносились сюда не

1) Alfred Grandidier. «Histoire physique, naturelle et politique de Madagascar; l'origine des Malgaches».

такъ, какъ куски пемзы, выбрасываемые яванскими вулканами и достигающіе береговъ Мадагаскара,—они шли вполнѣ преднамѣренно, съ полнымъ знаніемъ вѣтровъ и теченій, съ полнымъ знаніемъ также и положенія даннаго острова. Однимъ словомъ, является вѣроятнымъ, что обитатели береговъ Индійскаго океана постепенно изслѣдовали побережья всего обширнаго океаническаго пространства и направляли уже съ полной увѣренностью свои паруса, зная прекрасно и куда идти и гдѣ остановиться по дорогѣ. Вѣдь если греки и римляне, бывшіе нашими воспитателями, ничего не знали объ этихъ моряхъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что и малайцы не были знакомы съ ними, не изслѣдовали ихъ въ подробности! Фантастическіе разсказы «Тысячи и одной ночи» дошли до насъ какъ отдаленные отзвуки ихъ безчисленныхъ приключеній!

Какъ ни великъ еще рядъ темныхъ вопросовъ относительно исторіи отдаленныхъ міровъ,—вопросовъ, на которые мы пока не находимъ отвѣта, не подлежитъ все же сомнѣнію, что не только племена и народности, но что и цѣлыя цивилизаціи возникали и исчезали на обширныхъ морскихъ пространствахъ, отдѣляющихъ Старый Свѣтъ отъ Новаго! Сколько отдѣльныхъ небольшихъ человѣчествъ, считавшихъ каждое себя цѣлымъ міромъ, погибло подъ лучами дневного свѣтила, прежде чѣмъ народилось одно великое человѣчество, обладающее коллективнымъ сознаніемъ и занявшее всю поверхность земного шара!

Книга третья.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

**Христіане.—Варвары.—Второй Римъ.—
Арабы и мавры.—Каролинги и норманны.—
Рыцари и крестовые походы.—Общины.—Монархіи.—
Монголы, тюрки, татары и китайцы.—Открытіе новыхъ
земель.—Возрожденіе.—Реформація и іезуиты.—Колоніи.—
Король Солнце.—XVIII вѣкъ.—Революція.—
Контръ-революція.—Національности.—
Освобожденіе негровъ и освобожденіе крестьянъ.**

Книга третья
Новая исторія

ХРИСТІАНЕ.

Хронологія.

◆◆◆

Іисусъ Христосъ не упоминается ни однимъ изъ свѣтскихъ писателей, за исключеніемъ Цельзія, который 150 лѣтъ спустя послѣ предполагаемаго времени жизни Бого-Человѣка написалъ свои «Истинныя Разсужденія», гдѣ жизнь Іисуса и Новый Завѣтъ разсматриваются критически съ исторической и раціональной точекъ зрѣнія. Трудъ этотъ извѣстенъ намъ лишь по тѣмъ извлеченіямъ, которыя помѣстилъ Оригенъ въ своей книгѣ «Противъ Цельзія». Жизнь Іисуса, возстановленная по даннымъ Цельзія, не представляетъ ничего невѣроятнаго, но такъ какъ источникъ почерпаемыхъ имъ свѣдѣній неизвѣстенъ, то лучше не считать этихъ данныхъ историческими. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, основной и главный фактъ, что первые христіане дѣйствительно вѣровали въ существованіе личности Іисуса.

Существованіе апостола Павла не можетъ подвергаться уже никакимъ сомнѣніямъ, но подлинность всѣхъ посланій, которыя приписываются ему въ Новомъ Завѣтѣ, далеко не доказана. Павелъ родился въ Тарсѣ около 752 г. отъ основанія Рима и ревностно преслѣдовалъ въ Палестинѣ христіанъ,—онъ принималъ участіе въ смертной казни діакона Стефана, побитаго камнями въ 790 г. (въ 37 г. христіанской эры), но затѣмъ былъ обращенъ на пути въ Дамаскъ въ христіанство и прошелъ по всему востоку, проповѣдуя истинную вѣру. Онъ странствовалъ отъ Антіохіи до Коринѳа и отъ Галиціи до Македоніи, основывая въ разныхъ городахъ церкви, и пришелъ въ Римъ въ 805 г. (въ 62 отъ Р. Хр.). Четыре года спустя онъ былъ тамъ казненъ, какъ говорятъ, одновременно съ апостоломъ Петромъ.

Хронологія царствованія парѳянскихъ царей Арсакидовъ въ промежутокъ между Арсакомъ, умершимъ въ 497 г. отъ основанія Рима (въ 254 до Р. Хр.), и Артабаномъ IV, умершимъ въ 978 г. отъ основанія Рима (въ 226 г. по Р. Хр.), является чрезвычайно сложной и очень темной. Изъ царей Сассанидовъ, предшествовавшихъ взятію Рима Аларихомъ, отмѣтимъ царя Ардешира, который царствовалъ съ 978 г. до 992 г. (съ 226 г. до 240 г. по Р. Хр.), Шапура I (Сапоръ), царствовавшаго съ 241 г. по 271 г., и Шапура II—съ 309 г. по 380 г. по Р. Хр.

Оденатъ, князь Пальмирскій, умеръ въ 267 г., Зиновій умеръ въ 272 г., немного спустя послѣ того, какъ былъ разбитъ императоромъ Авреліаномъ.

Хронологія римскихъ императоровъ до Антонина приведена нами ранѣе, на стр. 428 тома II. Послѣ Марка Аврелія, умершаго въ 180 г. по Р. Хр., и Коммода (180—193) мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ 60 съ небольшимъ лицъ, которыя носили титулъ императора Западной Римской Имперіи:

Септимій Северъ (193—211 г.), Каракалла (211—217 г.), Геліогабалъ (218—222 г.), Александръ Северъ (221—235 г.), Валеріанъ (253—260 г.), Галліенъ (260—268 г.)—въ это же время «тридцать тирановъ» оспаривали другъ у друга власть,—Авреліанъ (270—275 г.), Пробъ (276—282 г.), Діоклетіанъ (284—305 г.), Константинъ (309—337 г.), Юліанъ (360—363 г.), Валенцій и Валентиніанъ (364—379 г.), Ѳеодосій Великій (379—395 г.), Гонорій (395—424 г.).

Затѣмъ приводимъ данныя относительно нѣкоторыхъ писателей и философовъ:

Гиллелъ, еврейскій пророкъ	I вѣкъ до Р. Хр.
Филонъ, александрійскій философъ, въ 732—806 г. съ основанія Рима	54 г. по Р. Хр.
Іосифъ Флавій, историкъ, род. въ Іерусалимѣ .	37— 90 „ „ „ „
Квинтилліанъ, род. въ Испаніи, ум. въ Римѣ.	42—120 „ „ „ „
Тацитъ, род. въ Умбріи	54—130 „ „ „ „
Ириней, род. въ Смирнѣ, архіепископъ Ліонскій	125—200 „ „ „ „
Тертулліанъ, род. въ Карѳагенѣ	160—240 „ „ „ „
Оригенъ, род. въ Александріи	185—254 „ „ „ „
Мани, реформаторъ религіи Персіи	240—274 „ „ „ „
Арій, род. въ Александріи, ум. въ Константинополѣ	280—336 „ „ „ „
Евзебій, род. въ Палестинѣ, архіепископъ Цезареи	267—340 „ „ „ „
Св. Мартинъ, род. въ Панноніи, архіепископъ Тура	316—396 „ „ „ „
Иннокентій, род. въ Альбано, папа римскій съ 404	417 „ „ „ „
Св. Іеронимъ, род. въ Паннонін, ум. въ Виѳлеемѣ	331—420 „ „ „ „
Павелъ Орозъ, род. въ Террагонѣ, ум. въ Гиппонѣ въ концѣ IV вѣка.	
Св. Августинъ, род. въ Тагастѣ, ум. въ Гиппонѣ	354—430 „ „ „ „
Сальвіенъ, род. въ Кельнѣ, ум. въ Марсели .	390—484 „ „ „ „
Сидоній Аполлинарій, род. въ Ліонѣ, архіепископъ клермонтскій	430—489 „ „ „ „

Христiане

> Во всѣ времена стремленія религіозныя играли лишь второстепенную роль по сравненію съ неудержимымъ влеченіемъ человѣчества къ благосостоянію.

Глава первая.

◆◆◆

ІИСУСЪ.—ПОТРЕБНОСТЬ ВЪ СПРАВЕДЛИВОСТИ.—ФИЛОНЪ.— ВЛІЯНІЕ ЗАПАДНЫХЪ РЕЛИГІЙ НА ХРИСТІАНСТВО.— ПАДЕНІЕ ИСКУССТВА.—РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ И ИМПЕРАТОРЫ.— ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГІЯ И ОБРАЗОВАНІЕ.—БОРЬБА СЪ ВАРВАРАМИ.— РАВЕННА.—ВЗЯТІЕ РИМА АЛАРИХОМЪ.

Въ ту эпоху, когда мореплаватели Индійскаго океана доставляли западному міру первыя свѣдѣнія о народахъ, обитающихъ у окраинъ Азіи и среди сосѣднихъ морей, римская имперія при чрезвычайномъ своемъ развитіи въ ширину заключала въ себѣ огромное число народностей, старавшихся подпасть возможно полнѣе римскому вліянію,— имперія эта представляла собою столь могущественное и величествен-

ное цѣлое, что отождествлялась, такъ сказать, съ цѣлымъ міромъ, и можно было думать, что объединеніе рода человѣческаго превратилось въ реальную дѣйствительность. И, тѣмъ не менѣе, разложеніе началось уже въ глубокихъ слояхъ имперіи; если позднѣе хлынувшій на нее потокъ варваровъ разрушилъ политическое зданіе этого грандіознаго государства, то причиной тому было, что паденіе его подготовлялось задолго внутри самого организма: зданіе это давало уже трещины, расползалось по всѣмъ швамъ, расшатывалось, какъ бы въ ожиданіи, пока подъ него будетъ подведенъ подкопъ, который опрокинетъ его и превратитъ въ груду развалинъ!

Близъ сѣверныхъ границъ имперіи къ войнамъ, которыя тамъ велись, не примѣшивалось никакихъ религіозныхъ движеній, но на востокѣ, гдѣ пареяне оспаривали у римлянъ владѣніе Передней Азіей, новыя религіозныя идеи проникли одновременно и въ духовный міръ римскихъ патриціевъ, обреченныхъ на бездѣйствіе и очарованныхъ новизною и необыкновенностью всего окружающаго, и въ душу рабовъ и пролетаріевъ, жаждущихъ ученія, которое говорило бы о справедливости и удовлетвореніи за все переносимое ими. Сами римскія завоеванія разбивали прежнія цѣпи и заставляли проникать монотеистическія вѣрованія въ круговоротъ идей средиземноморского населенія.

Изо всѣхъ восточныхъ религій, повлекшихъ за собою постепенное разложеніе римскаго общества и смѣшавшихъ послѣднее позднѣе съ массами вторгнувшихся варваровъ, самую въ смыслѣ разрушенія дѣятельную роль сыграла религія христіанская, побѣда ея была такъ велика, что всѣ остальные религіозные культы совершенно исчезли, они либо вошли въ составъ самой христіанской религіи, либо были искоренены огнемъ и мечомъ. Вполнѣ естественно, что эта религія, какъ и всѣ предшествующія и всѣ послѣдовавшія, имѣла у всѣхъ народовъ, которые принимали участіе въ ея развитіи, многочисленные и различные источники происхожденія. Преданіе привязываетъ, однако, ея чудесное возникновеніе къ одной опредѣленной точкѣ земного шара—къ Виѳлеему, и къ одной единственной личности — къ Іисусу Христу, который, впрочемъ, вовсе не является личностью исторической. Нѣтъ ни одного достовѣрнаго документа, который свидѣтельствовалъ бы о его существованіи; тѣмъ не менѣе, апостольская дѣятельность Павла, проповѣдывавшаго столь мало времени спустя послѣ предполагаемой смерти Іисуса Христа и нѣкоторыя вполнѣ индивидуальныя черты, нѣкоторыя слова чисто-человѣческія и полныя искренности, сохранившіяся въ Евангеліяхъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что въ Іудеѣ, дѣйствительно, существовалъ пророкъ Іисусъ, у котораго было большое число послѣдователей и учениковъ.

Скорѣе, впрочемъ, существовалъ не одинъ Іисусъ, а ихъ было,

по всѣмъ вѣроятіямъ, большое число. Всѣ, чье имя и жизнь легко могли вмѣщаться въ легендарной фигурѣ его, и вошли, дѣйствительно, въ ея составъ. Личность Іешу, т.-е. Спасителя, представляетъ собою цѣлый циклъ, подобно тому, какъ личность Карла Великаго въ рыцарскихъ романахъ! Въ ней объединяются дѣйствія разныхъ личностей и прежде всего, конечно, другихъ евреевъ, носившихъ то же имя. Такъ, многочисленныя версіи говорятъ о томъ, что семья Іисуса пребывала нѣкоторое время въ Египтѣ [1]); нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что одинъ изъ предшественниковъ его, пришедшій изъ Александріи, способствовалъ возникновенію такой легенды, — это является даже одной изъ тѣхъ деталей жизни Іисуса, прославлявшагося затѣмъ какъ Бого-Человѣкъ, которыя вызываютъ наименѣе сомнѣній [2]). Совершенно такъ же въ Евангеліяхъ разсказывается много о пребываніи Іисуса на берегахъ Тиверіадскаго озера и о чудесахъ, которыя онъ тамъ совершилъ. Въ связи съ этимъ возможно, что мѣстныя легенды, приписанныя христіанами ихъ Мессіи, относились первоначально къ предводителю евреевъ Іисусу, который разбилъ римскія войска, отправленныя Веспасіаномъ, и который, въ качествѣ искуснаго полководца, отличавшагося быстротой и неуловимостью, сумѣлъ «прокормить ничѣмъ» свою армію, состоящую изъ 5000 человѣкъ, и скрыться отъ римлянъ «невидимымъ» по волнамъ озера,—въ этомъ, быть-можетъ, объясненіе «чудесъ» насыщенія пятью хлѣбами и хожденія Іисуса и Петра по водамъ Генисаретскаго озера [3]). Точно также въ Іисусѣ, который воскликнулъ: «горе вамъ, горе фарисеи!» и «горе тебѣ Іерусалимъ!» [4]), можно узнать Іисуса, сына Ананова, который во время осады Іерусалима бѣгалъ по улицамъ его и кричалъ: «горе городу! горе народу! горе храму!» [5]).

Но если, дѣйствительно, различныя, существовавшія на самомъ дѣлѣ личности слились въ одномъ единомъ лицѣ, созданномъ преданіемъ, то, надо сказать, коллективное существо это воплощаетъ въ себѣ въ то же время и идеальныя воззрѣнія, чрезвычайно различныя, нерѣдко даже противоположныя: оно обнимаетъ собою цѣлый рядъ догмъ и философскихъ представленій, берущихъ начало изъ всѣхъ окружающихъ странъ—изъ Ирана, Вавилоніи, Египта, Малой Азіи и Греціи. Прежде всего Іисусъ является, конечно, евреемъ, такъ какъ въ немъ видѣли Мессію, мстителя за прежнія обиды, провозвѣстника грядущей славы избраннаго народа, — онъ вошелъ въ Іерусалимъ верхомъ на бѣлой ослицѣ, и даже на крестѣ, къ которому онъ былъ пригвожденъ, надпись говорила о немъ какъ о «царѣ іудеевъ». Какъ еврей, онъ родился въ

1) Евангеліе отъ Матѳея, гл. XI, 13 – 14; Два апокриѳа. — 2) G. Lejeal. «Humanité nouvelle», janv. 1899. 3) Евангеліе отъ Матѳея, гл. XV и XVI. — 4) Евангеліе отъ Луки, гл. XI и XIII.—5) Іосифъ Флавій, VI, 31; G. Lejeal, op. cit.

Виѳлеемѣ, и различныя, правда, не совпадающія между собою генеалогіи его ставятъ его въ связь съ Давидомъ чрезъ посредство Іосифа, супруга Маріи. Но если онъ былъ чистокровнымъ іудеемъ, то другая легенда говоритъ о немъ опять-таки какъ о галилеянинѣ, сынѣ презираемаго всѣми города Назарета,—это позволяло въ свое время обращеннымъ въ христіанство язычникамъ считать Христа близкимъ къ нимъ самимъ, и это же позволяетъ въ настоящее время антисемитамъ видѣть въ личности Христа несомнѣннаго арійца [1]). Съ другой стороны, не является ли также сынъ Маріи до нѣкоторой степени и египтяниномъ? Благодаря пребыванію своему на берегахъ Нила въ теченіе всего своего дѣтства, онъ вернулся въ Іерусалимъ полный знаній и при первой же встрѣчѣ съ учеными храма смутилъ ихъ своей ученостью. По Евангелію св. Іоанна Іисусъ является также философомъ школы Платона: онъ есть Слово, творческое слово, онъ есть «Свѣтъ, воплощеніе Воли».

Въ личности Іисуса два противорѣчія, двѣ крайности: онъ одновременно «сынъ человѣческій» и «сынъ Божій». Съ того времени, какъ христіанство сдѣлалось оффиціально признанной религіей, онъ является также не только сыномъ Божіимъ, но и Богомъ, Господомъ всего міра, Судіею живыхъ и мертвыхъ. Образъ его съ того времени свѣтится на небесахъ: священнослужители, которые ему поклоняются и которые стараются, конечно, вызвать къ себѣ поклоненіе, позаботились о томъ, чтобы возвысить самихъ себя въ глазахъ толпы Его божественнымъ вознесеніемъ на небо. Не то было въ первый періодъ развитія христіанства, — Іисусъ былъ тогда прежде всего сыномъ человѣческимъ, онъ былъ человѣкомъ бѣднымъ и приниженнымъ, сыномъ плотника, осужденнымъ умереть смертью рабовъ, былъ постояннымъ спутникомъ мытарей и падшихъ женщинъ, «не знавшимъ куда преклонить главу свою» [2])! И именно потому, что онъ зналъ бѣдность, несчастье и униженіе, бѣдные люди слушали его слово; вблизи него находились женщины, презираемыя всѣми, которыхъ хотѣли побить камнями, и онъ отклонялъ отъ нихъ камни; всѣ, кто страдалъ, находили въ немъ ходатая и заступника предъ Богомъ, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ ихъ среды. Въ немъ воплощались требованія соціальной справедливости, они облекались въ его лицѣ въ плоть и въ кровь, въ немъ концентрировались всѣ надежды на справедливое воздаяніе, накопившіяся съ теченіемъ вѣковъ у всѣхъ несчастныхъ, какъ евреевъ, такъ и язычниковъ! Во всѣ времена стремленія религіозныя играли лишь второстепенную роль по сравненію съ неудержимымъ влеченіемъ человѣчества къ благосостоянію: носителями «Благой Вѣсти» были тѣ, кто обѣщалъ бѣднымъ

1) Edmond Picard. — 2) Евангеліе отъ Матѳея IX, 11; VIII, 20.

Іерусалимъ. Улица, поднимающаяся къ дворцу Ирода.

власть надъ землею и постоянный миръ! Пѣсни Сибиллы одинаково, какъ и возгласы пророковъ, обѣщали соціальный переворотъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, — завтра, быть - можетъ, даже сегодня! «Земля будетъ общимъ достояніемъ! Ее не будутъ дѣлить и разграничивать; ее не будутъ ограждать стѣнами! Не будетъ ни нищихъ, ни богатыхъ, ни господъ, ни рабовъ, ни малыхъ, ни великихъ, ни царей, ни военачальниковъ; все будетъ принадлежать всѣмъ!.. О! Вѣдь, если бы земля не была

такъ далеко отъ неба, богатые позаботились бы о томъ, чтобы и свѣтъ не распредѣлялся поровну между всѣми! Солнце, купленное цѣною золота, свѣтило бы только для нихъ, и Богу пришлось бы создать другой міръ для бѣдныхъ!» [1]).

Потребность въ справедливости, стремленіе къ равенству, находящееся въ основѣ всѣхъ соціальныхъ переворотовъ, ощущались очень сильно во всемъ римскомъ мірѣ,—они сказывались какъ среди побѣдителей въ самой Италіи, такъ и среди побѣжденныхъ въ Палестинѣ: такимъ образомъ, съ самаго начала новая религія всюду находила необходимую ей пищу. Однако, всюду также встрѣчала она и такіе элементы, которые помогали ей формулировать ея ученіе и облечься въ окончательный церемоніалъ: христіанство быстро распространялось по обширнѣйшей территоріи, такъ какъ всюду внутреннее духовное движеніе подготовило для него почву, и во всѣхъ римскихъ провинціяхъ легіонеры Рима дѣлались его распространителями. Прежде всего, конечно, Палестина, эта, такъ сказать, оффиціальная родина «нео-іудаизма» язычниковъ, играла значительную роль въ его возникновеніи. Общество, основанное на началахъ справедливости, о какомъ мечтали еврейскіе пророки, не могло возникнуть при режимѣ, установленномъ различными завоевателями, Селевкидами и римлянами, среди побѣжденныхъ ими народовъ. Несчастные, угнетенные представителями послѣднихъ, подъ суровыми ударами судьбы должны были, въ тщетномъ ожиданіи чуда, безропотно покориться судьбѣ, признать побѣду произвола и насилія въ томъ гнусномъ мірѣ, въ которомъ они жили, — только это имъ одно и оставалось. Не пользуясь тѣми наслажденіями жизни, которыя являются удѣломъ богатыхъ, они либо, подобно Іову, покрывались гнойниками, либо, по примѣру Лазаря, сидѣли у дверей богачей, подбирая крохи, падающія съ ихъ трапезы,—какъ бы то ни было, они надѣялись на будущую жизнь, когда, въ свой чередъ, будутъ пользоваться безконечными наслажденіями, получатъ воздаяніе за всѣ свои земныя страданія и отомстятъ за несправедливости.

Къ этому періоду эволюціи іудейскаго народа относится возникновеніе глубокаго вѣрованія въ тѣлесное воскресеніе изъ мертвыхъ, — воскресеніе, которое станетъ въ то же время окончательнымъ торжествомъ, настоящимъ апоѳеозомъ, для всѣхъ тѣхъ, кто страдалъ и терпѣлъ несправедливости на землѣ. Евреи первыхъ временъ вѣровали такъ же, какъ и всѣ другіе народы, въ продолженіе жизни за гробомъ: они обнаруживали страхъ предъ покойниками и вызывали души усопшихъ,—могильные склепы казались имъ, однако, мѣстомъ чрезвычайно

1) «Chants sybillins», II, 320; VIII, 3, cités par Gaston Boissier, «La Fin du Paganisme», t. II, p. 25.

печальнаго существованiя, и въ молитвахъ, съ которыми они обращались къ Iаве, они просили его оказать имъ милость въ этой жизни — жизни подъ яркими лучами дневного свѣтила! Постоянныя разочарованiя, передававшаяся изъ рода въ родъ жажда справедливости вызвали, однако, у нихъ новое представленiе о загробной жизни. Непреодолимое стремленiе къ справедливости требовало, чтобы Предвѣчный Судiя вознаградилъ вѣрующихъ въ него, предоставивъ имъ мѣсто рядомъ съ собою, требовало, чтобы онъ распростеръ на нихъ свою собственную славу и даровалъ имъ безсмертiе и пребыванiе въ радости и блаженствѣ. Представленiе о раѣ, который въ настоящее время для многихъ изъ насъ чистѣйшая иллюзiя, миражъ, лишенный всякой реальности, зародилось изъ той свойственной, повидимому, каждому человѣку основной истины, что и онъ обладаетъ правомъ личнаго счастья, — человѣкъ, преслѣдуемый несчастьемъ и горестями, человѣкъ, который убѣждается, что ему нѣтъ счастья на землѣ среди живыхъ, желаетъ все же, чтобы счастье существовало въ дѣйствительности, и рисуетъ себѣ въ своемъ воображенiи вторую жизнь въ небесной выси, но полную счастья и радости.

Голова отшельника изъ раскопокъ Антинои.
Глаза покрыты золотыми листочками.

Сколько даже и среди насъ людей, отрекшихся отъ ученiй церкви, неспособныхъ отрѣшиться отъ идеи, что «справедливость все же будетъ воздана»! Такъ выражался еще до Христа одинъ изъ христiанскихъ догматовъ, выработанный, однако, не въ средѣ оффицiальныхъ учителей церкви и книжниковъ, а въ средѣ бѣдняковъ и презираемыхъ всѣми бродягъ, въ средѣ, составляющей главный источникъ всякаго обновленiя человѣчества.

Затѣмъ и всѣ догматы еврейской религіи должны были войти въ христіанскую лишь съ различными видоизмѣненіями, обусловленными измѣненіемъ политической и соціальной среды, — вѣдь, слѣдуя одному изъ текстовъ Евангелія, Іисусъ пришелъ въ міръ «не нарушить законъ, но исполнить» [1]). Во всякомъ случаѣ, новая религіозная эволюція, которая должна была распространиться на весь римскій міръ, подготовлялась не столько въ небольшой Іудеѣ, какъ въ сосѣдней странѣ, бывшей въ тѣ времена очагомъ науки и мысли. Александрія была одновременно наслѣдницей и Египта и Греціи, и, безъ сомнѣнія, именно ее слѣдуетъ считать мѣстомъ происхожденія если не христіанства въ обычномъ смыслѣ слова, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ общихъ идей, которыя его породили: событія обыкновенно, вѣдь, проходятъ долгій періодъ внутренняго броженія и назрѣванія, прежде чѣмъ воплощаются и получаютъ со стороны историковъ оффиціальное подтвержденіе своего существованія!

Еще до христіанъ Іудеи и Антіохіи іудейско-греческая школа Филона, стоявшая въ связи съ иссейскими сектами, стремилась воплотить свои идеалы въ дѣйствительность созданіемъ учрежденія «терапевтовъ» или «цѣлителей», которое возникло на берегахъ озера Маріа (Мареотисъ, Маріутъ). Новообращенные, объединявшіеся тамъ, стремились «исцѣлиться» лично отъ жизни тѣлесной, освобождая молитвой свою душу отъ служенія грубымъ плотскимъ побужденіямъ, и «исцѣлять» людей добровольнымъ принесеніемъ себя въ жертву Богу за благо своихъ ближнихъ. Чѣмъ отличались эти люди, столь преданные религіи, отъ тѣхъ, кто позднѣе принялъ названіе христіанъ? Несмотря на неблагопріятныя условія исторической среды, терапевты Египта были на самомъ дѣлѣ христіанами до Христа, и Евзебій Цезарійскій, историкъ первыхъ временъ христіанской церкви, вполнѣ справедливо видѣлъ въ нихъ послѣдователей этой религіи [2]): впрочемъ, позднѣе послѣ проповѣди апостола Петра они, дѣйствительно, обратились въ христіанство. Такимъ образомъ, по словамъ Эрнеста Гаве, «Филонъ былъ первымъ отцомъ церкви» [3]); Лежаль справедливо ставитъ вопросъ, не является ли греческое слово «меситесъ» или «Ходатай», примѣнявшееся Филономъ для обозначенія посредника между Богомъ и грѣшнымъ міромъ, источникомъ того выраженія, которое употреблялось позднѣе въ формѣ «Мессія» и производится обыкновенно отъ армянскаго слова «Машіахъ» или «помазанникъ»; очень вѣроятно, что и другой титулъ Бого-Человѣка имѣетъ сходное происхожденіе: до того, какъ Іисусъ получилъ наименованіе «Христа», обозначающее тоже «помазанникъ», онъ назывался просто «Христосъ», т.-е. «Добрый».

---

1) Евангеліе отъ Матѳея, V, 17.—2) Gustave Lejeal. «Humanité nouvelle», janv. 1899. - 3) Ernest Havet. «Le Christianisme et ses Origines», II, p. 247.

Женщина-христіанка. Живопись на холстѣ III вѣка, изъ раскопокъ Антинои.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ученіе апостола Павла, которому слѣдовало нарождающееся христіанство, воспроизводитъ съ замѣчательной точностью ученіе Филона Александрійскаго; этотъ послѣдній былъ прежде

всего проповѣдникомъ равенства, и ему именно, на самомъ дѣлѣ, должно приписать значительнѣйшую роль въ составленіи той окончательной формулы, которая была принята великой религіозной революціей. Даже выраженія еврейскаго мыслителя и христіанскаго апостола едва между собою различаются. Какъ для того, такъ и для другого Христосъ—«Сынъ Божій», «Творецъ», «Ходатай», «Наслѣдникъ», «Первосвященникъ», для обоихъ онъ является жертвой, которая воплощается въ лицѣ человѣка, чтобы искупить грѣхи людей своими страданіями [1]). Даже обороты, встрѣчаемые въ Евангеліи св. Іоанна, являются абсолютно тожественными съ тѣми, которые употребляетъ Филонъ. Происхожденіе ихъ изъ общаго источника является вполнѣ очевиднымъ.

Крестъ съ кольцомъ, христіанскій символъ.
До христіанъ еще египтяне пользовались крестомъ съ кольцомъ какъ символомъ безсмертія души.

Подъ вліяніемъ греко-римской цивилизаціи, сближавшей народы и заставлявшей ихъ отречься отъ ихъ прежней политической и религіозной изолированности, евреи сами стремились распространить значеніе своей религіи, которая была первоначально религіей чисто-національной: одинъ изъ нихъ, носившій греческое имя Аристобула, дошелъ до того, что утверждалъ даже, будто Іаве тожественъ съ божествомъ, извѣстнымъ грекамъ въ формѣ Зевса! Къ тому же идея единаго Бога, не столь злобнаго и ревниваго, какъ богъ евреевъ, идея о всемогущемъ Отцѣ, распростирающемъ свою любовь и справедливость на всѣхъ людей, была отнюдь не чуждой и римлянамъ, такъ какъ уже во времена Тарквиніевъ жрецы слѣдующимъ образомъ обращались къ Юпитеру: «О Юпитеръ, богъ чрезвычайно добрый, чрезвычайно великій, о Юпитеръ, или какимъ именемъ ты желаешь называться»! Храмъ Капитолія, единственный храмъ въ Римѣ, символизирующій могущество націи по преимуществу, былъ украшенъ надписью «Deo Optimo Maximo Sacrum», — священнослужители второй «римской церкви» не нашли ничего, что бы слѣдовало измѣнить въ этой надписи, и до сихъ поръ сохраняютъ ее на своихъ храмахъ [2])!

---

1) Gustave Lejeal. «Humanité nouvelle», dec. 1899, pp. 657 à 669.—2) Jules Baissac. «Société nouvelle», mai 1896, p. 628.

Христіанство, будучи еврейскимъ, египетскимъ, греческимъ и римскимъ по своему происхожденію, было привязано въ то же время и къ иранскому міру,—корни его достигали самаго сердца востока. Ни одно событіе не могло свершиться безъ того, чтобы отраженіе его не почувствовалось тотчасъ же во всемъ извѣстномъ тогда мірѣ, въ томъ числѣ даже и въ такой странѣ, какъ Персія, которая находилась внѣ предѣловъ римской имперіи, но принимала участіе въ томъ же историческомъ движеніи. Каждая религія, чтобы сдѣлаться всемірной въ истинномъ смыслѣ этого слова, должна была заключать въ своей организаціи, наравнѣ съ греческими элементами, и элементы персидскіе.

Раскопки Антинои. Отпечатокъ рыбы.
Символъ первыхъ христіанъ, такъ какъ начальныя буквы греческихъ словъ „Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель" образуютъ греческое слово „рыба"

Послѣ смерти Александра Великаго индивидуальность Ирана была вскорѣ возстановлена. Селевкъ Никаторъ, хотя и грекъ по происхожденію, былъ въ глазахъ всѣхъ подчиненныхъ ему народовъ прежде всего властителемъ Вавилона, правившимъ надъ 72 сатрапами, главнымъ центромъ могущества коего была древняя имперія персовъ. Область его была, однако, слишкомъ обширной для того, чтобы онъ могъ ее себѣ подчинить достаточно прочно, и народности, обладавшей наибольшею энергіею, именно пароянамъ, удалось вскорѣ, подъ начальствомъ арсакійскихъ князей, возстановить Персію. Парояне принадлежали, безъ сомнѣнія, къ той же группѣ народностей, какъ современные туркмены [1]), но владычество надъ иранскимъ міромъ, въ которомъ они составляли ничтожное меньшинство, заставило ихъ постепенно смѣшиваться съ расою, образующею

1) A. Keane. «Man, Past and Present», p. 319.

главную массу націи, и вскорѣ они стали настоящими персами. Увлеченные не прекращавшимися войнами, которыя имъ приходилось вести сперва съ греческими полководцами Селевкидовъ, затѣмъ съ римскими проконсулами, они часто бывали принуждены переносить свою столицу изъ одного города въ другой: первоначально столица ихъ находилась близъ «Каспійскихъ вратъ», но затѣмъ каждая побѣда надъ ихъ западными соперниками позволяла имъ передвигаться по направленію къ Месопотаміи, и послѣдніе пареянскіе властители, пользовавшіеся поддержкой массы иранской націи и находившіеся нерѣдко въ союзѣ съ народами Передней Азіи, основали свою столицу недалеко отъ развалинъ Вавилона, въ городахъ Селевкіи и Ктезифонѣ, расположенныхъ одинъ противъ другого на Тигрѣ,—въ настоящее время эти города извѣстны подъ арабскимъ названіемъ Мадаинъ, что значитъ «Два города».

Впрочемъ, подъ властью пареянъ народъ чистой иранской расы, персы или парси, удерживалъ все же свое преобладающее вліяніе въ ихъ царствѣ и, въ концѣ концовъ, подъ начальствомъ Ардешира или Артаксеркса, которому много содѣйствовала новая религія, маздеизмъ, получилъ снова власть и могущество. Древняя имперія была если и не возстановлена въ той формѣ, какъ она существовала въ эпоху Ахеменидовъ, то, во всякомъ случаѣ, нашла себѣ довольно полное подражаніе въ имперіи новой; крупные феодальные владѣльцы исчезли, и остался лишь «царь-царей», окруженный жрецами, и народъ «достаточно бѣдный для того, чтобы основы политическаго зданія сохранялись непоколебимыми» [1]). Въ память миеическаго царя Деіоцея и царя Кира, древняя Экбатана сдѣлалась лѣтней резиденціей царей, тогда какъ Ктезифонъ остался резиденціей зимней. Новый царь-царей, основатель династіи, которая, въ честь его отца Сассана, получила названіе династіи Сассанидовъ, началъ съ того, что послалъ въ Римъ четырехъ вельможъ, чтобы заставить императора Александра Севера отозвать свои войска изъ Малой Азіи, бывшей древнимъ владѣніемъ Дарія. На это требованіе римляне отвѣтили военными приготовленіями, и затѣмъ, можно сказать, въ теченіе четырехъ столѣтій продолжалась непрестанная борьба между царями Сассанидами и императорами запада, сперва римскими, затѣмъ византійскими.

Когда началась эта жестокая борьба, политическій упадокъ Рима былъ уже замѣтенъ, новыя идеи, представляемыя христіанствомъ, ослабляли значительно древнюю религію страны; какъ бы вихрь безумія пролетѣлъ по всему римскому міру. Армія вернулась изъ Азіи, имѣя во главѣ молодого жреца солнца Геліогабала,—онъ, чтобы привести въ порядокъ жизнь своей колоссальной имперіи, плясалъ въ золотыхъ обла-

---

1) A. Gobineau. «Histoire des Perses», II, p. 626.

ченіяхъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, вокругъ священнаго камня! Толпа евнуховъ и жрецовъ окружала властителя, бывшаго одно-

№ 256. Арена борьбы Ирана съ Римомъ.

Владѣнія Великой Арменіи были постояннымъ яблокомъ раздора между Римомъ и Ираномъ, и страна эта нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки.

Въ равнинѣ граница между обоими государствами проходила обыкновенно чрезъ Месопотамію: Карры напоминаютъ смерть Красса, Эдесса—пораженіе Валеріана; Мадаинъ римляне брали нѣсколько разъ—сперва при Маркѣ Авреліи, затѣмъ при Септиміи Северѣ, наконецъ, при Юліанѣ.

Иногда, однако, границы выходили за эти предѣлы. Передъ битвой при Акціумѣ пареяне при помощи римскихъ республиканцевъ взяли всю Сирію и осадили Антіохію; немного времени спустя Антоній предпринялъ походъ въ Атропатену, окончившійся очень несчастливо. Траянъ перешелъ черезъ первые отроги Загроша и основалъ новую провинцію своего царства—Ассирію; она просуществовала, однако, лишь два года.

временно и жрецомъ, и императоромъ, и богомъ,—она испускала дикіе крики на незнакомыхъ языкахъ, продѣлывала нелѣпыя тѣлодвиженія,

казавшіяся непристойными истиннымъ римлянамъ, еще помнящимъ древнія религіозныя церемоніи!

Такое паденіе имперіи благопріятствовало, однако, проникновенію въ нее новыхъ идей извнѣ. Въ силу жестокой войны, которая свирѣпствовала на границахъ, народы Персіи и западные народы охватывались однимъ и тѣмъ же міромъ интеллектуальныхъ интересовъ. Впрочемъ, Персія стремилась, повидимому, совершенно изолироваться,—въ этомъ было несомнѣнное противорѣчіе, такъ какъ именно тогда движеніе въ области мысли заставляло ее вступить въ тѣсное общеніе съ западными сосѣдями. Въ эту эпоху цари династіи Сассанидовъ, поддержанные, очевидно, общественнымъ мнѣніемъ, старались возстановить ритуалъ и ученіе древней религіи. Однако, языкъ, на которомъ первоначально были изложены религіозныя предписанія, былъ почти забытъ, и даже точное наименованіе этого древняго языка иранцевъ остается намъ неизвѣстнымъ, такъ какъ обозначеніе «зендъ», къ нему примѣняемое, заимствовано просто изъ названія персидской «Библіи» и означаетъ «истолкованіе»; «Зендъ-Авеста» значитъ просто-на-просто «истолкованіе слова»; это не болѣе какъ собраніе молитвъ и изреченій на языкѣ пельви, которымъ пользовались въ эпоху Сассанидовъ, нѣчто въ родѣ требника для жрецовъ; въ книгѣ этой, также какъ и въ другихъ болѣе новыхъ книгахъ, напримѣръ, въ «Бундахашъ», тщетно ищутъ сколько-нибудь точнаго изложенія древней религіи иранцевъ. Все, что можно найти въ ней, какъ и въ Библіи и въ другихъ такъ называемыхъ священныхъ книгахъ,—лишь отдѣльныя блестки отдѣльныхъ идей тѣхъ первобытныхъ религій, которыя тамъ заключаются. «Зендъ-Авеста»—произведеніе никоимъ образомъ не оригинальное; это—переложеніе, сдѣланное жрецами, въ интересахъ которыхъ было представить старинныя священныя книги кодексомъ, подтверждающимъ ихъ собственный авторитетъ и оправдывающимъ ихъ деспотизмъ. «Добро и зло заключаются не въ сознаніи,—говорится въ одномъ изъ мѣстъ этой книги,—они заключаются въ повиновеніи или неповиновеніи слову жреца»! «И теперь, произнеся молитву,—говоритъ другой жрецъ,—я ожидаю за нее награды»! Въ другомъ мѣстѣ говорится: «я проповѣдывалъ твое ученіе, дай же мнѣ богатство»! Въ этомъ отношеніи «Зендъ-Авеста» нисколько не лучше нѣкоторыхъ отдѣловъ книги «Ведъ»,—она является также твореніемъ, всецѣло направленнымъ къ личной наживѣ!

Не будучи, однако, въ состояніи создать собственную, совершенно національную религію, независимую отъ всѣхъ другихъ, Персія принимала все болѣе и болѣе участія въ религіозныхъ движеніяхъ западныхъ странъ. Обмѣнъ религіозныхъ идей между обоими мірами происходилъ на равныхъ началахъ,—быть-можетъ, впрочемъ, Персія дала больше, чѣмъ получила. Въ эту эпоху персидская религія, маздеизмъ, которую

Развалины временъ Сассанидовъ въ Хаушъ-Кури въ Загрошѣ.

старались воскресить безо всякихъ измѣненій, должна была все же совершенно измѣниться. Пышныя религіозныя церемоніи нельзя было привязать къ такимъ чистѣйшимъ отвлеченіямъ, какъ Добро и Зло, божества приняли болѣе реальный осязаемый характеръ. Древніе Ормуздъ и Ариманъ отступили на заднiй планъ, въ безконечную даль, и Митра, богъ солнца по преимуществу, сынъ Зервана, т.-е. Времени, заслонилъ своего отца, подобно Зевсу греческой религіи: выступивъ на первое мѣсто, онъ принялъ на себя роль посредника между небомъ и людьми не только на иранскихъ плоскогоріяхъ, но и въ странахъ Запада и прежде всего уже въ средѣ римскихъ войскъ. Благодаря военному могуществу народности, которая служила ей проводникомъ, и благодаря быстрому развитію сношеній между Западомъ и Востокомъ, религія Митры распространилась по всему средиземноморскому міру, уравновѣшивая прогрессивное развитіе другой религіи, христіанской, которая также пришла съ востока и нерѣдко сливалась съ нею. Всюду, вплоть до Галліи и даже Испанскаго полуострова приносили въ жертву быковъ, животныхъ, спеціально посвященныхъ солнцу, чтобы привлечь благоволеніе Митры, бога свѣта и силы, «бога непобѣдимаго».

Въ то же самое время христіанство, вышедшее изъ Іудеи, изъ Сиріи, Александріи и Греціи, постепенно проникало въ Иранъ, какъ бы въ обмѣнъ на религію Митры. Изъ смѣшенія этихъ двухъ религій возникла религія манихейская, распространившаяся по всему Старому Свѣту, отъ Китая и до Запада,—вліяніе ея сказывается еще въ ученіяхъ альбигойцевъ. Мани, по имени коего новая религія получила свое наименованіе, придерживался, какъ истый персъ, идеи дуализма, идеи вѣчной борьбы принципа добра и принципа зла, являющихся главными міровыми основами,—однако, примѣняя это ученіе къ человѣку, онъ видѣлъ въ немъ лучъ чистѣйшаго свѣта, частичку добра, облеченную бездною зла, чрезъ посредство своего грѣховнаго тѣла. Чтобы достичь первоначальной безгрѣшности, вѣрующій долженъ безпрестанно бороться со своими страстями и даже отречься отъ труда, ибо и трудъ принадлежитъ къ области царства зла. Въ силу этого все общество дѣлится на два класса—«чистыхъ», предававшихся вмѣсто всякаго другого труда молитвѣ, и «нечистыхъ», трудящихся для того, чтобы прокормить жрецовъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, образъ дѣйствій католиковъ Запада немного отличался отъ таковаго манихеянъ: если догматы и были разными, то какъ та, такъ и другая религія приводила, въ концѣ концовъ, къ одинаковымъ соціальнымъ результатамъ.

Имѣлъ ли буддизмъ и за предѣлами Персіи какое-либо вліяніе на религію Христа? Вопросъ этотъ много обсуждался. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что такое вліяніе было, и даже довольно значительное, хотя, впрочемъ, по сравненію съ маздеизмомъ, оно все же было слабѣе. Имѣются даже свидѣтельства такого вліянія, свидѣтельства въ высшей степени курьезныя,—оказывается, что самъ Будда, хотя и подъ чужимъ именемъ, фигурируетъ въ святцахъ христіанской церкви! Іоаннъ Дамаскинъ, монахъ VIII вѣка, воспроизвелъ буддійскую легенду, придавъ дѣйствующимъ лицамъ ея другія имена, именно назвавъ ихъ Варлаамомъ и Іосафатомъ,—оба эти лица, выведенныя въ легендѣ, были затѣмъ причислены къ лику святыхъ, тогда какъ Іосафатъ, на самомъ дѣлѣ, не кто иной, какъ Будда! Восточная церковь празднуетъ этого святого 26 августа, тогда какъ католики справляютъ его 27 ноября [1]). Буддизмъ и христіанство представляютъ не только сходство и въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти полное тожество внѣшнихъ чертъ культа, но и въ самихъ ученіяхъ той и другой религіи встрѣчаются совпаденія, доходящія до того, что иногда употребляются даже одни и тѣ же слова. Это, впрочемъ, не можетъ особенно удивлять насъ, такъ какъ жрецы—консерваторы и формалисты по существу,—вѣдь возможно, что буддійскіе бонзы и католическіе свя-

1) Max Müller, «Essais de Mythologie comparée», trad. de G. Perrot, pp. 464 ss.

щенники сохранили съ полнѣйшею точностью одѣянія, обряды и даже слова, переданныя имъ по наслѣдству съ самыхъ давнихъ временъ.

Одно изъ наиболѣе часто повторяемыхъ, затверженныхъ нами безсознательно выраженій гласитъ объ особой «красотѣ евангельской морали», какъ если бы всѣ моральныя правила, встрѣчаемыя въ Евангеліяхъ,—иногда, дѣйствительно, превосходныя, иногда посредственныя или даже совсѣмъ плохія,—не были формулированы еще до того болѣе древними мыслителями Азіи и Европы. Всѣ нравственныя предписанія, которыя съ того времени стали считаться по преимуществу христіанскими, были еще давнымъ-давно выражены различными мыслителями, либо въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, либо даже въ еще болѣе опредѣленной и понятной формѣ [1]). Что сказать о такомъ изреченіи Гиллеля: «не суди своего противника иначе, какъ когда ты самъ будешь находиться на его мѣстѣ», или—«тамъ, гдѣ не хватаетъ людей, тамъ ты и будь» или еще—«какъ могу я думать лишь объ одномъ самомъ себѣ»? Не воспроизведена ли нагорная проповѣдь гораздо лучше и полнѣе въ «Пирке-Аботъ» («правилахъ отцовъ») талмудистовъ? Не столько само ученіе дѣлаетъ религію, какъ образъ дѣйствія ея служителей—и, христіанство начинаетъ выдавать свои положенія за божественныя откровенія свыше лишь послѣ того, какъ оно одержало окончательную побѣду и получило возможность заставлять молчать своихъ противниковъ тюрьмой и кострами.

Увлеченіе буддизмомъ, наблюдавшееся въ недавнее время, доказываетъ, что первымъ сторонникамъ этой религіи было присуще стремленіе къ установленію такой любви и солидарности среди человѣчества, къ проведенію въ жизнь такихъ принциповъ всепрощенія и великодушія, что въ этомъ они не были превзойдены никѣмъ впослѣдствіи; всѣ эти чувства кроются, однако, вѣдь въ самой глубинѣ души человѣческой, совершенно такъ же, какъ и чувства противоположныя. Первыя чувства во всѣ времена вызывали любовь, вторыя—ненависть, а вѣдь именно въ естественныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, въ ихъ взаимныхъ притяженіяхъ и отталкиваніяхъ и зародились моральныя и религіозныя ученія, развившіяся затѣмъ различнымъ образомъ и распространившіяся по поверхности земли.

Но если между обоими вѣроученіями—однимъ, родившимся въ Индіи, другимъ въ Палестинѣ—и существуютъ большія сходства, и если ученія взаимно вліяли другъ на друга, то въ то же время между обоими этими великими духовными теченіями человѣчества наблюдается и существенное различіе: буддизмъ родился изъ страданій человѣчества,

---

1) Fréret. «Examen des Apologistes, de la Religion chrétienne»: Havet Rosière etc.

онъ имѣетъ высшею цѣлью достичь уничтоженія страданія, тогда какъ христіанство проповѣдуетъ смиреніе предъ горестями, одолѣвающими міръ, оно разсматриваетъ ихъ какъ страданія, ниспосланныя Богомъ, которыя человѣкъ долженъ претерпѣть во искупленіе будущаго райскаго блаженства. «Четыре спасительныя истины», являющіяся основою буддійскаго вѣроученія, это—«познать страданіе, изучить его причины, стремиться къ его уничтоженію и найти противъ него средство». Но развѣ могутъ быть въ настоящее время у человѣка, одареннаго сердцемъ и разумомъ, иныя стремленія и иные идеалы? Развѣ можетъ онъ смириться, зная и понимая, что единеніе многихъ личностей, одаренныхъ волею, направленною къ добру, вполнѣ достаточно для того, чтобы устранить главныя причины страданія среди людей [1])?

Основное различіе между христіанствомъ и буддизмомъ заключается въ томъ, что христіане непосредственно послѣ первыхъ своихъ временныхъ попытокъ къ установленію коммунизма, попытокъ, производившихся первыми послѣдователями, евреями, установили рѣзкое классовое различіе, признали господъ и рабовъ. Положимъ, христіанство содѣйствовало и эмансипаціи послѣднихъ, но лишь послѣ того, какъ началось движеніе снизу; дѣятельность же христіанскихъ властей, христіанскаго правительства, однимъ словомъ, дѣятельность сверху была всегда направлена къ утвержденію рабства. Даже болѣе, вѣра, проповѣдывавшаяся св. апостоломъ Павломъ, сдѣлалась вѣроученіемъ, принятымъ всею церковью, и по настоящее время полагаетъ рѣзкую грань, отдѣляющую избранниковъ отъ отверженныхъ. Въ буддизмѣ безвозвратное осужденіе избѣгается: все живущее сознательной или безсознательной жизнью пользуется полнымъ равноправіемъ уже въ силу одного своего существованія. «Нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ, нѣтъ другихъ узъ, какъ узы всеобщаго братства»! Никто не долженъ ни передъ кѣмъ преклонять своихъ колѣнъ, какъ бы ни былъ онъ малъ; никто не долженъ горделиво кичиться передъ другими, какъ бы ни былъ онъ великъ и могуществен. Въ христіанской религіи, напротивъ, признается не только существованіе людей, за которыхъ не слѣдуетъ молиться, но есть и такіе, коихъ слѣдуетъ проклясть навсегда [2])!

Итакъ, въ концѣ концовъ, что же можетъ считаться специфически христіанскимъ? Таковымъ является развѣ лишь ученіе апостола Павла, его теорія объ искупленіи милосердіемъ Божіимъ. Грѣшникъ прощается, оправдывается, разрѣшается отъ грѣховъ особымъ повелѣніемъ Божіимъ, вслѣдствіе того, что ему засчитываются заслуги безгрѣшнаго; грѣхи отпускаются ему не изъ-за его собственныхъ заслугъ и даже не изъ-за

---

1) «Mithra» par Alexandra David, «Étoile Socialiste», № 20, 18 au 25 avril 1895. — 2) Первое посланіе къ Коринѳянамъ, XVI, 22.

Катакомбы въ Санъ-Дженнаро въ Неаполѣ.

того, что онъ объ этомъ просилъ, но потому, что Божественному Судіи захотѣлось простить его! Справедливость эта втройнѣ произвольная— здѣсь полное господство воли Божіей и Его благого усмотрѣнія! [1]).

Римская имперія, благодаря своему величію и цѣлостности, являлась чрезвычайно пригодной для распространенія единаго религіознаго вѣроученія: существованіе единаго властителя, господство единыхъ законовъ вызывали распространеніе и единой вѣры. Необходимо было, однако, вести борьбу и одержать побѣду. Борьба эта между различными религіями востока, старавшимися завоевать души гражданъ Римской имперіи, окончилась побѣдой религіи назареянъ, вѣроученіе коей соприкасалось въ столь многихъ точкахъ съ философіей греческихъ мыслителей; осталось, однако, приспособить это вѣроученіе къ средѣ, къ учрежденіямъ и къ нравамъ эпохи: чего религія не могла измѣнить, къ тому она должна была приспособляться, и прежде всего явился вопросъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы установить нормальныя отношенія къ правительству?

1) Elie Reclus, notes manuscrites.

Первое поколѣніе возставшихъ противъ государственнаго строя могло, дѣйствительно, вступить въ борьбу, вполнѣ вѣря обѣщаніямъ своего пророка или своего Бога. И, дѣйствительно, мы видимъ, образуются многочисленныя христіанскія общины, возникающія совершенно свободно и не справляясь съ законами,—дѣло въ томъ, что въ самомъ недалекомъ будущемъ ожидался конецъ міра, и вѣрующіе нисколько не сомнѣвались въ исполненіи предсказаній. Небо должно было разорваться и земля разверзнуться, все видимое должно было исчезнуть въ пламени грандіознаго пожара, и затѣмъ послѣ окончательной гибели всего міра долженъ былъ произойти послѣдній страшный судъ надъ всѣмъ живущимъ. Наканунѣ этой катастрофы, долженствовавшей поглотить навсегда всѣхъ злыхъ и грѣшныхъ, легко можно было давать горделивый отвѣтъ: «лучше не повиноваться людямъ, чѣмъ не угодить Богу»!

Однако, день Страшнаго Суда, день гнѣва Божія, которымъ земля должна была быть испепелена, заставлялъ себя долго ждать; проходили годъ за годомъ и десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, а римскіе императоры все продолжали властвовать въ Римѣ. Необходимо было, слѣдовательно, дѣйствовать съ бóльшею осторожностью, дабы не рисковать своей свободой или жизнью,—вѣдь толпа, даже и воодушевленная какой-либо высокой идеей или охваченная коллективнымъ фанатизмомъ, не состоитъ никогда цѣликомъ изъ людей, героически рискующихъ своею жизнью; большинство стремится сохранить свою жизнь и найти и установить какое-нибудь соглашеніе между своею собственною совѣстью и требованіями времени. Въ силу этого Церковь провозгласила свое преклоненіе предъ властями предержащими, «несущими мечъ въ своихъ рукахъ»; каждый изъ гражданъ старался заявить себя ревностнымъ исполнителемъ законовъ, покорнымъ подданнымъ своихъ властителей. И, тѣмъ не менѣе, Церковь не избѣжала преслѣдованій, такъ какъ, одушевляемая «духомъ Божіимъ», она неизбѣжнымъ образомъ вторгалась въ область абсолютной власти и вступала въ конфликтъ съ верховнымъ могуществомъ императоровъ: она скрывала свои намѣренія, но самой своей приниженностью подготовляла ихъ осуществленіе. Если «безумное увлеченіе крестомъ» все еще одушевляло всѣхъ исповѣдующихъ христіанскую вѣру, какъ намъ сообщаютъ жизнеописанія мучениковъ, составленныя, впрочемъ, много времени спустя, когда христіанство само уже сдѣлалось господствующей религіей, то власти навѣрно выступили бы противъ нихъ и повели бы ихъ методическое истребленіе,—въ этомъ случаѣ Тертулліану не пришлось бы произнести своего знаменитаго изреченія, указывающаго на присутствіе христіанъ во всѣхъ частяхъ римской имперіи, въ арміи, среди преторіанцевъ и во дворцахъ. Если христіанамъ удалось проникнуть всюду, то это лишь потому, что они всюду приспособлялись къ тѣмъ самымъ установленіямъ, которыя отвергались

Катакомбы въ Санъ-Дженнаро въ Неаполѣ.
Стѣны и потолокъ покрыты живописью.

ихъ религіозными убѣжденіями. За изъятіемъ нѣсколькихъ періодовъ, являвшихся совершенно исключительными, христіанамъ не приходилось страдать отъ систематическихъ преслѣдованій со стороны высшихъ властей, и преслѣдованія и гоненія, которыя происходили, обусловливались скорѣе расовой или классовой ненавистью, чѣмъ религіозными несогласіями. Такъ, въ войскахъ императоры и ихъ полководцы преслѣдовали христіанъ не потому, чтобы были защитниками прежней вѣры, стоящими на стражѣ религіозныхъ обрядностей, а въ качествѣ предводителей и начальниковъ легіоновъ: когда воины, причастные къ новой религіи, отказывались преклонять колѣна или приносить жертву предъ значками и орлами легіоновъ, бывшими настоящими божествами арміи, они занимали примѣрно такое же положеніе, какъ нынѣшніе рекруты-анархисты, отказывающіеся отдавать почести полковому знамени [1]).

Приспособленіе или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторое примѣненіе къ мѣстнымъ нравамъ каждой части имперіи было столь же необходимо для христіанства, какъ и благосклонное или терпимое отношеніе ко власти. Такая эволюція и не преминула совершиться. Прежде всего, христіанство, принявъ окончательную форму, представилось въ такомъ видѣ, что стало казаться пріемлемымъ въ глазахъ римскаго общества. Несмотря на то, что большинство христіанъ были люди бѣдные, низкаго сословія, рабы или сыновья рабовъ, они довольно быстро освободились отъ тѣхъ имѣвшихся у нихъ первоначально зачатковъ коммунизма, которые вызывали къ нимъ подозрительное отношеніе со стороны торговцевъ и поставщиковъ и были, по всей вѣроятности, причиною первыхъ «гоненій на вѣру»: если фанатизированная толпа евреевъ побила камнями діакона Стефана, то это именно вслѣдствіе того, что онъ былъ руководителемъ и наиболѣе виднымъ лицомъ небольшой общины христіанъ, которая подрывала основы тогдашняго общества. Христіане очень скоро научились тому, что не слѣдуетъ возстановлять противъ себя мелкихъ торговцевъ. Когда апостолъ Павелъ во время проповѣди въ Эфесѣ увлекъ настолько толпу, что она почти перешла уже къ поклоненію новому Богу, противъ него возстали заинтересованные въ этомъ дѣлѣ промышленники, въ особенности серебряныхъ дѣлъ мастера, «изготовлявшіе изъ серебра модели храма и добывавшіе этимъ свой хлѣбъ насущный». Они жили за счетъ поклоненія мѣстной богинѣ и, чтобы сохранить свой хлѣбъ насущный, собрались толпою и кричали въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ: «велика, велика и могущественна богиня Діана Эфесская [2]). Триста лѣтъ спустя промышленность измѣнилась, но любовь къ роскоши осталась та же самая: когда вселенскіе соборы провозгла-

1) Eugène Guillaume. Revue des Deux Mondes, 15 juillet 1897. — 2) Дѣянія Апостоловъ XIX, 24—34.

сили, что Дѣва Марія сохранитъ свой титулъ «Матери Божіей», и что медали, носящія ея имя, сохранятъ навсегда свою святость, эфесскій народъ былъ исполненъ радости, бросался на улицахъ къ ногамъ епископовъ и обнималъ ихъ колѣна [1]).

Внутренняя организація церкви сформировалась сообразно съ таковой самой имперіи; намѣстники апостоловъ сдѣлались священнослужителями, и мало-по-малу установилась іерархія епископовъ, священниковъ и простыхъ вѣрующихъ; послѣдніе должны были пріучиться къ повиновенію, и тѣ «вечери братства» первыхъ временъ христіанства, въ которыхъ проявлялось столько любви и энтузіазма, были оставлены, такъ какъ стали казаться скандализирующими общество. Пока вѣрующіе были равными и образовывали «общину», они любили вкушать трапезу сообща, но съ тѣхъ поръ, какъ въ церкви появились господа и подчиненные, они стали обѣдать за разными столами! Священники выдѣлились изъ общины обращенныхъ и обѣдали за отдѣльной трапезой, — даже кушанья ихъ приняли характеръ чего-то священнаго, подходящаго лишь для людей, получившихъ характеръ святости. Такимъ образомъ, въ католической церкви таинство причастія, имѣющее, какъ обыкновенно думаютъ, своимъ прообразомъ Тайную Вечерю Іисуса съ его учениками, воспроизводитъ скорѣе на самомъ дѣлѣ съ гораздо бóльшею точностью священныя трапезы маздеистскихъ жрецовъ. Служитель Христа пьетъ виноградный сокъ предъ вѣрующими совершенно такъ же, какъ dsjondsj пилъ сокъ хомá; онъ также принимаетъ причастіе, какъ его иранскій предшественникъ принималъ «дарунъ»—круглую лепешку изъ муки, испеченную тоже безъ дрожжей [2]).

Одна изъ указанныхъ Тацитомъ причинъ распаденія государственныхъ узъ и общаго упадка Римской имперіи — именно притокъ въ Римъ большого количества варваровъ — имѣла, безъ сомнѣнія, также крупное значеніе: исторія дала тому много примѣровъ и продолжаетъ давать таковые. Чужестранцы быстро измѣняютъ жизнь города даже въ томъ случаѣ, когда число ихъ далеко не равно числу мѣстныхъ жителей,—дѣло въ томъ, что въ чужой городъ являются люди, влекомые страстью къ приключеніямъ и превосходящіе обыкновенно мѣстныхъ жителей энергіею и силою воли. Въ то время, когда въ Римъ пришелъ апостолъ Павелъ, тамъ насчитывалось уже отъ 25 до 30000 евреевъ; между ними было много христіанъ, и вслѣдствіе того между послѣдними и приверженцами старой вѣры происходили постоянныя столкновенія, такъ что императоръ Клавдій издалъ даже законъ

1) Montesquieu. «Esprit des Lois», I, XXV, ch. 11. — 2) R. C. d'Ablaing van Giessenburg. «Evolution des Idées religieuses dans la Mésopotamie et dans l'Egypte», pp. 149 - 151.

объ изгнаніи тѣхъ и другихъ. Они вернулись, однако, обратно, и пропаганда ихъ, равно какъ и недовольствіе настоящимъ и стремленіе къ лучшему удвоили и даже удесятерили ихъ численность. По своимъ убѣжденіямъ, по своимъ традиціямъ, по стремленіямъ и антипатіямъ обращенные въ христіанство евреи и другіе чужеземцы всѣхъ національностей, принявшіе вѣру Христа, были совершенно чуждыми религіи Рима,—они были чужды настолько, что возможно было даже обвинить ихъ въ томъ, что они во времена Нерона зажгли городъ и причинили тотъ страшный пожаръ, который изъ 14 кварталовъ Рима совершенно уничтожилъ три и случайно оставилъ отъ семи другихъ лишь закопченныя стѣны. Фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что толпа, убѣжденная въ виновности христіанъ, аплодировала ихъ казни въ садахъ Нерона. Если

Статуя св. Петра въ Римѣ.

Эта бронзовая статуя, нога которой стерта поцѣлуями вѣрующихъ, считается обыкновенно относящейся къ V вѣку, но нѣкоторые спеціалисты считаютъ, что она гораздо болѣе позднягo происхожденія, быть-можетъ, даже XII вѣка.

между христіанами, постоянно предсказывавшими гибель Рима, долженствовавшую предшествовать второму пришествію Христа Искупителя и началу новаго золотого вѣка, и не находилось дѣйствительно поджигателей, то, во всякомъ случаѣ, христіане должны были радоваться пожару, въ которомъ видѣли исполненіе пророчествъ, и эта радость должна была заставлять считать ихъ сообщниками поджигателей. Въ эпохи борьбы нерѣдко довольствуются доказательствомъ лишь «моральнаго» соучастія.

Съ начала III вѣка по Р. Хр. христіанство получило если не ту самую форму, какую оно имѣетъ въ наши дни, то, во всякомъ случаѣ, основныя черты, дѣлавшія изъ него нѣчто вполнѣ опредѣленное,—съ этого времени оно стало претерпѣвать очень постепенныя измѣненія. Христіане, приспособившіеся наилучшимъ образомъ къ греческой философіи и къ требованіямъ римскаго общества, рѣзко отдѣлились отъ евреевъ, изъ среды коихъ они вышли,—съ этого времени «самая черная ненависть возгорѣлась между матерью и дочерью» [1]).

Взаимная ненависть приняла тѣмъ болѣе значительные размѣры, что происхожденіе христіанъ было неоспоримо іудейское: евреи, оставшіеся вѣрными своей религіи, видѣли въ христіанахъ ренегатовъ и богохульниковъ, тогда какъ христіане, въ свою очередь, считали евреевъ палачами своего Бога. Вражда между братскими религіями стала безгранична. По преданію, сдѣлалось обычаемъ класть въ гробъ каждаго изъ сыновъ Авраамовыхъ нѣсколько камней для того, чтобы онъ могъ ихъ бросить въ «сына плотника», если бы случайно встрѣтился съ нимъ на пути въ загробной жизни! Эти камни, нѣсколько монетъ и страннический посохъ, на который онъ долженъ былъ опираться, «поднимаясь» къ Іерусалиму, были единственнымъ багажомъ покойника. Христіане, въ свою очередь, обвиняли и до сихъ поръ еще обвиняютъ евреевъ въ невѣроятно тяжкихъ преступленіяхъ,—нерѣдко высказывается убѣжденіе въ томъ, что они убиваютъ христіанскихъ дѣтей, кровь которыхъ служитъ, будто бы, для изготовленія пасхальныхъ хлѣбовъ. Курьезно, что это обвиненіе является однимъ изъ давнишнихъ орудій борьбы, примѣнявшимся язычниками противъ самихъ христіанъ [2]). Дикая клевета существовала во всѣ времена и служила всевозможнымъ партіямъ! Нельзя, конечно, сомнѣваться въ томъ, что съ той и съ другой стороны совершались иногда преступныя дѣянія, въ томъ числѣ и дѣтоубійства, но не менѣе достовѣрно также и то, что они совершались болѣе всего со стороны христіанъ,—эти послѣдніе почти всегда располагали силою и могуществомъ и потому являлись притѣснителями.

---

1) Ernest Renan. «Les Evangiles et la seconde génération chrétienne», p. 111.— 2) H. L. Strack. «Le Sang et la fausse Accusation du Meurtre rituel», pp. 28 ss.

Насильственно порвавъ съ еврейской религіей, христіанство стало замѣнять собою древніе языческіе культы, насколько только это дозволялось постоянствомъ догматовъ: возникшее тогда священническое сословіе занялось тотчасъ же приведеніемъ въ порядокъ господствовав-

№ 257. Распредѣленіе христіанъ около 180 года.

1 : 50000000

0 1000 2000 3000 КИЛОМ.

Карта эта составлена по E. Renan, «Index général de l'Histoire des Origines du Christianisme».

Въ теченіе III вѣка возникаютъ новыя церкви въ Италіи, въ южной Испаніи, въ Сициліи и Триполи. Что касается Галліи, то, за исключеніемъ Ліона, гдѣ была церковь въ 168 г., тамъ не было ни малѣйшаго слѣда христіанства; пріобщеніе Галліи къ христіанскому міру относится ко времени св. Мартина (Remy de Gourmont).

шаго хаоса и истолкованіемъ всего въ собственную пользу. Имъ были выдѣлены каноническія Евангелія и отринуты всѣ другія, какъ апокрифы, несмотря на то, что значеніе ихъ было совершенно одинаково, и достовѣрность фактовъ, приводимыхъ въ нихъ, вполнѣ тожественна [1]). Новый Завѣтъ, такимъ образомъ, былъ заключенъ. Прекративъ, слѣдовательно, дальнѣйшее появленіе «божественныхъ словъ», духовное начальство занялось возстановленіемъ ихъ точнаго смысла, истолкованіемъ темныхъ выраженій и примиреніемъ противорѣчій. Въ водоворотѣ комментаріевъ и мнѣній, сталкивающихся между собой, требовалось ото-

1) G. Lejeal. «Humanité nouvelle», fevrier 1898.

брать то, что является правильнымъ съ точки зрѣнія религіи, и отдѣлить его отъ того, что считается ошибочнымъ. Слѣдовало, по крайней мѣрѣ, создать видимое единообразіе и скрыть существующія противорѣчія подъ условными и ничего не значащими фразами.

Было провозглашено единство вѣры. «Единый Богъ въ трехъ лицахъ»—таковъ былъ основной догматъ; на самомъ же дѣлѣ старинныя мѣстныя религіи сохранились въ данныхъ областяхъ лишь подъ другими названіями и съ тѣми измѣненіями, которыя были необходимы въ силу измѣненія внѣшней среды. Нѣсколько измѣнились обряды, нѣкоторыя религіозныя церемоніи отпали, другія были введены въ христіанскую религію—онѣ были занесены изъ другихъ странъ или образовались на мѣстѣ; кое-гдѣ возникли серьезныя революціонныя возмущенія, обусловленныя вторженіями враговъ, переселеніями, гражданскими войнами, но, въ общемъ, переходъ отъ одной религіи къ другой совершился съ большою постепенностью. Многіе святые, въ родѣ, напримѣръ, св. Гермеса или св. Элейтерія, появились путемъ простого введенія названій древнихъ божествъ въ ритуалъ христіанской церкви. Что касается трехъ лицъ Троицы, то умъ человѣческій совершенно отказывался представить ихъ себѣ такъ, какъ это вытекало изъ теоретическаго ихъ опредѣленія,—вѣдь немыслимо представить ихъ себѣ въ видѣ духовъ, совершенно между собой равныхъ по могуществу и одинаково безконечныхъ во времени и пространствѣ—въ силу этого три лица Троицы приняли болѣе осязательный характеръ въ глазахъ вѣрующихъ, такъ что слились въ ихъ представленіи съ богами прежнихъ временъ. Такимъ образомъ, Богъ-Отецъ замѣнилъ собою Юпитера, въ другихъ странахъ Богъ-Сынъ явился преемникомъ Митры, Вакха и Феба Аполлона; что касается св. Духа, то сущность его была слишкомъ тонка и неосязаема для того, чтобы вылиться въ конкретныя формы,—онъ не могъ сдѣлаться божествомъ популярнымъ. Культъ Дѣвы Маріи получилъ въ католической религіи также такіе размѣры и значеніе, что Марія, «Матерь Божія», сдѣлалась, въ концѣ концовъ. четвертымъ лицомъ многообразнаго божественнаго существа, хотя всѣ полные чудесъ разсказы, касающіеся ея и приводившіеся въ апокрифическихъ Евангеліяхъ, были отброшены изъ Священнаго Писанія еще въ первыя времена христіанской церкви [1]. Если въ нѣкоторыхъ областяхъ христіанскаго міра культъ жены плотника затмилъ собою даже культъ самого Бога, то, разумѣется, причиной тому сохраненіе прежнихъ, древнихъ вѣрованій. Необходимо было найти наслѣдницу языческихъ богинь древности: Афродита и Артемида, Деметра и Аѳина Паллада въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ пользовались поклоненіемъ вѣрующихъ; онѣ и сохранили это поклоненіе, при-

1) Gaston Boissier. «La Fin du Paganisme» t. II, p. 11.

Римъ. Развалины дворца Северовъ на Палатинѣ.

нявъ лишь другое наименованіе,—сохранились даже тѣ обращенія, которыми ихъ призывалъ вѣрующій народъ: онѣ остались попрежнему святыми по преимуществу, «Владычицами», «Царицами небесъ»! Конечно, христіанская церковь, совершивъ такую оффиціальную смѣну боговъ и измѣнивъ всю небесную іерархію, не соглашалась позднѣе видѣть въ Богородицѣ олицетвореніе тысячи древнихъ богинь; вѣрующіе, однако, обращались къ ней каждый по-своему,—каждый видѣлъ въ ней ту или иную богиню, удерживающую за собою ту или другую область дѣйствія людей: потомки призывали на помощь Заступницу, которая помогала ихъ предкамъ!

Подобно божествамъ, сохранились и религіозные символы, которые видоизмѣнились лишь путемъ медленной эволюціи. Тѣ символы, которые въ прежнія времена многіе писатели считали свойственными исключительно христіанской религіи, были, какъ оказывается, заимствованы послѣдней изъ религій языческихъ. Неугасимый свѣтильникъ, символизирующій солнце, горѣлъ одинаково въ храмахъ Минервы, Аполлона и Юпитера, какъ онъ въ настоящее время горитъ въ храмахъ Дѣвы Маріи; облака ладоннаго дыма точно также вились вокругъ статуй бо-

говъ, какъ теперь вокругъ дарохранильницы. У Минервы, какъ у Приснодѣвы Маріи, были свои поклонницы, между коими распредѣлялись благословенные хлѣба. У жрецовъ была такая же тонзура, и они занимались совершенно такими же покачиваніями всѣмъ тѣломъ и производили такія же колѣнопреклоненія, какъ наши патеры. Могилы первыхъ мучениковъ были украшены чисто-миѳологическими сюжетами: христіане унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ язычниковъ ихъ побѣды, ихъ симпатіи, унаслѣдовали близнецовъ Кастора и Поллукса, Икара, Психею и лишь придали имъ иное значеніе. Богоподобный пѣвецъ Орфей превратился въ глазахъ вѣрующихъ въ божественную фигуру Христа, Сына Божія. Онъ изображался первоначально окруженнымъ животными, которыхъ очаровываютъ звуки его лиры, затѣмъ изо всей его аудиторіи остается лишь одинъ агнецъ; онъ отожествляется съ пастыремъ добрымъ, и, въ концѣ концовъ, христіане символизируютъ его самого во образѣ агнца—такъ завершается эта эволюція [1])!

Христіанство—религія возставшихъ пролетаріевъ, религія, начавшая съ призыва апостола Павла къ уничтоженію книгъ и произведеній искусства, оставалась долгое время вѣрной такому своему началу и питала глубокую ненависть къ наукѣ, которая всегда ею квалифицировалась какъ ученіе «ложное» и «предвзятое»,—она была въ то же время безсильной проявить себя въ какой-либо иной формѣ на поприщѣ искусства, кромѣ развѣ искусства ораторскаго. Первые христіанскіе поэты являются жалкими посредственностями. Христіанскіе скульпторы очень быстро становятся неспособными воспроизводить правильно форму человѣческаго тѣла. Вскорѣ они отказываются даже изображать и прежнія грубыя изваянія—они довольствуются воспроизведеніемъ формъ голубя, или высѣкаютъ монограмму Христа, или, въ концѣ концовъ, не умѣютъ болѣе ничего воспроизводить, кромѣ креста; невѣжество этихъ художниковъ и полное ихъ безсиліе сказываются съ особою рельефностью въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же символическаго изображенія креста. «Варварство въ искусствѣ предшествовало появленію варваровъ» [2]). Впрочемъ, изображеніе формъ человѣческаго тѣла было въ такой же степени чуждо христіанству съ самаго его основанія, въ какой позднѣе оно было чуждо Исламу; въ этомъ отношеніи христіанство слѣдовало предписаніямъ Моисея, который осуждалъ обычай «высѣкать кумиры». Строгіе учители церкви говорили нерѣдко, что Іисусъ былъ некрасивъ и потому уже собственной своей персоной осуждалъ поклоненіе красотѣ; позднѣе, когда религіозное поклоненіе было перенесено на Мать Іисуса, тѣ вѣрующіе, которые противились такому идолопо-

---

1) Remy de Gourmont, Revue Blanche, 1-er avril 1898. – 2) Gaston Boissier, Revue des Deux Mondes, 15 juin 1866, p. 98.

Римъ. Пастырь Добрый.
Статуя первыхъ вѣковъ христіанства.

клонству, проповѣдывали также, что Приснодѣва была избрана среди самыхъ некрасивыхъ женщинъ низкаго происхожденія. Въ началѣ IV вѣка Евзебій, одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ отцовъ церкви, высказываетъ полное осужденіе страсти къ «священнымъ изображеніямъ», и вплоть до самыхъ среднихъ вѣковъ ученые богословы и церковные соборы осуждаютъ искусства и художниковъ [1]). Древніе погребальные обычаи удержались въ христіанскую эпоху, какъ и всѣ другіе соціальные обычаи; потому изображенія, воспроизводившіяся на могилахъ христіанъ, должны были заимствоваться изъ языческаго искусства: художники, украшавшіе катакомбы, являлись продолжателями художниковъ, расписывавшихъ Помпеи. Такъ называемое «христіанское» искусство было на самомъ дѣлѣ чистѣйшимъ языческимъ, вплоть до той эпохи, когда ересь проникла въ лоно церкви,—изъ языческаго искусства, дававшаго пищу христіанскому искусству, черпалось къ тому же

1) Ernest Renan. «Marc-Aurèle», pp. 540 à 545.

лишь то, что являлось старческимъ и испорченнымъ. Христiане подражали лишь подражательнымъ произведенiямъ и копировали копiи!

Точно также и всѣ знанiя и всѣ умственныя завоеванiя презирались новообращенными. Воспитанiе, даже воспитанiе христiанское, было, волей-неволей, языческимъ, такъ какъ тѣ, кто поклонялся кресту, были полными невѣждами. Школа оставалась также косвеннымъ образомъ врагомъ христiанства: она долгое время выступала противъ новой религiи совершенно такъ же, какъ въ наши дни католическое воспитанiе налагаетъ свое ярмо даже и на дѣтей невѣрующихъ мыслителей. Всѣ установленiя, нравы, языкъ, вся жизнь во всемъ ея цѣломъ были проникнуты духомъ прошлаго и, въ свою очередь, проникали и видоизмѣняли христiанство даже тогда, когда оно завоевало уже матерiальную власть. Будучи задушены политическимъ режимомъ, граждане не располагали ни волею, ни свободой, и искусство ихъ утратило искренность выраженiя, литература сдѣлалась риторической и условной, мысль стала не болѣе какъ слабымъ отраженiемъ, и философiя уступила свое мѣсто мистическимъ мечтамъ.

Явственно болѣе низкое развитiе христiанъ въ смыслѣ науки, поэзiи и пластическихъ искусствъ содѣйствовало въ значительной степени укрѣпленiю въ консервативной средѣ римскаго общества чувства презрѣнiя къ новой религiи, считавшейся низменной уже въ силу того, что она возникла на востокѣ и распространялась среди рабовъ, вольноотпущенниковъ, пролетарiевъ и публичныхъ женщинъ. И, тѣмъ не менѣе, именно такое народное происхожденiе религiи позволило христiанству развиться, одержать побѣду и утвердиться на долгое время, несмотря на все противодѣйствiе, которое оказывалось со стороны представителей греко-римской цивилизацiи. Конечно, стоики, державшiеся вдали отъ испорченныхъ верхнихъ слоевъ общества и старавшiеся жить согласно со своими высокими идеалами, образовывали вмѣстѣ со своими немногочисленными друзьями группу въ высшей степени замѣчательную, представлявшую яркiй контрастъ съ необразованной и невѣжественной толпой христiанскаго общества. Стоицизмъ, религiя ума, могъ успѣшно прославлять бѣдность, восхвалять духъ самопожертвованiя, ставить тяжелый трудъ выше богатствъ и наслажденiй, требовать «доброты» сердца,—народъ оставался, тѣмъ не менѣе, чуждъ этому ученiю, въ которомъ не было проведено грубой, но традицiонной идеи о воздаянiи за хорошiя и наказанiи за дурныя дѣла. Стоицизмъ былъ слишкомъ искреннимъ и чистымъ ученiемъ для того, чтобы обѣщать своимъ послѣдователямъ въ будущей жизни мѣсто одесную Господа Бога, онъ былъ ученiемъ слишкомъ высокимъ для того, чтобы привлекать къ себѣ лю-

дей жестокихъ и мстительныхъ созданіемъ идеи ада «съ вѣчнымъ негасающимъ огнемъ» [1]).

Но если толпа не понимала стоицизма, то и этотъ послѣдній проявлялъ такое же ослѣпленіе, — онъ не постигалъ той силы, которая влечетъ народныя массы къ новымъ идеаламъ; онъ предполагалъ, что происходятъ лишь раздоры и споры между іудейскими сектами [2]). Эта аристократія мысли презирала невѣжество, не признавала страстей, энтузіазма и ненависти, не умѣла спускаться до народа, и послѣдній совершенно справедливо не различалъ стоиковъ среди массы людей, наслаждающихся жизнью: стоицизмъ и христіанство либо не знали вовсе, либо презирали другъ друга! И сколько протечетъ еще вѣковъ до той эпохи, когда станетъ возможенъ синтезъ элементовъ столь различныхъ, и когда просвѣщенный разумъ человѣка будетъ служить движущимъ средствомъ всему человѣчеству!

Христіанство въ его различныхъ формахъ и особенно въ формѣ, одержавшей побѣду,—въ формѣ католической религіи, продолжало распространяться среди массъ тѣхъ различныхъ народностей, какія находились подъ властью Рима. По мѣрѣ того, какъ единство имперіи, благодаря завершенію путей, расходящихся по радіусамъ отъ Рима къ стратегическимъ пунктамъ на окраинахъ государства, становилось все болѣе прочнымъ; по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество гражданъ, такъ что, начиная съ третьяго вѣка, въ составъ ихъ входили чуть не всѣ свободныя народности, во всѣхъ частяхъ римскаго міра начинало проявляться полное разстройство всѣхъ нравственныхъ основъ, и оно распространялось все болѣе и болѣе, благодаря различіямъ религіи, различіямъ въ идеяхъ и въ стремленіяхъ. Центральная власть, представляемая императоромъ, не могла болѣе опираться на общее согласіе всѣхъ подданныхъ,—эти послѣдніе дѣлились на отдѣльныя народности и классы, враждебно относившіеся другъ къ другу, — для того, чтобы поддерживать ихъ въ состояніи послушнаго стада, должно было пользоваться арміей, которая и являлась главнымъ орудіемъ того времени въ рукахъ властей. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ мирнаго царствованія Антониновъ, Септимій Северъ, тотъ изъ обоихъ могущественныхъ соперниковъ, который одержалъ побѣду, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и совершенно реорганизовалъ армію, образовавъ преторіанцевъ, которыхъ выбирали изъ всѣхъ римскихъ легіоновъ и особенно изъ легіоновъ, стоявшихъ въ восточныхъ провинціяхъ имперіи,—сохранившіяся названія ихъ достаточно указываютъ такое ихъ происхожденіе [3]).

1) Jules Baissac. «Le Dieu sémite et le Dieu aryen», Société nouvelle, mai 1898. — 2) Anatole France. «Sur la Pierre blanche». — 3) Leopold von Ranke, «Weltgeschichte», III-er Teil, Erste Abteilung, p. 367.

Безъ сомнѣнія, Септимій Северъ организовалъ, такимъ образомъ, военную силу для того, чтобы самому имѣть возможность на нее опереться какъ во внутреннихъ гражданскихъ войнахъ, такъ и въ войнахъ внѣшнихъ; преторіанцы эти, однако, бывшіе ему дѣйствительно столь преданными, что охотно служили бы даже противъ самого Рима, тѣмъ болѣе, что были римлянами лишь по названію, сдѣлались чрезвычайно опасными для римскихъ гражданъ и для всего народа. Когда они не могли найти примѣненіе своей силѣ во внѣшнихъ войнахъ, на границахъ Рейна, Дуная или Евфрата, они пользовались ею для грабежа и разбойничьихъ набѣговъ въ самихъ римскихъ провинціяхъ и разсматривали даже самый Римъ какъ добычу: въ серединѣ третьяго вѣка мы находимъ въ имперіи до 30 кандидатовъ на римскій престолъ—цѣлыхъ 30 тиранновъ, поддерживавшихся такимъ же числомъ кружковъ арміи,—всѣ они старались вырвать власть другъ у друга.

Такое глубокое расщепленіе, происшедшее между Римомъ и его арміей, началось уже во времена республики. Значительное число варваровъ, попавшихъ въ составъ войскъ тріумвировъ, получило титулъ римскихъ гражданъ и приняло участіе при раздѣлѣ земель въ равнинахъ сѣверной Италіи. Въ то время какъ чужеземцы вступали въ армію, римляне изъ нея выходили. Молодежь Рима, а позднѣе и молодежь другихъ итальянскихъ городовъ, пользовалась своими привилегіями для того, чтобы избѣгнуть военной службы,— новыя поколѣнія довольствовались славой своихъ предковъ и не стремились завоевывать славу своими руками [1]). Сельскіе жители, обитатели провинціи, брали мечъ въ свои руки и становились, въ концѣ концовъ, господами положенія. Настоящихъ римлянъ не было среди преторіанцевъ, которые возводили на тронъ и низвергали императоровъ, обращаясь съ «вѣчнымъ городомъ» какъ съ городомъ завоеваннымъ [2]).

Въ царствованіе Діоклетіана солдаты перестали даже быть подданными Рима, они сдѣлались наемниками, набиравшимися внѣ предѣловъ имперіи: варвары, эти будущіе завоеватели Рима, были, такимъ образомъ, введены внутрь имперіи самими повелителями, и надо только удивляться, что они такъ долго оставались тамъ, не употребляя въ свою пользу ту силу и власть, которою были облечены! Благоговѣніе предъ священнымъ Римомъ удерживало ихъ отъ примѣненія силы!

У народа, внутреннее безсиліе коего заставило его относиться съ полнымъ безразличіемъ къ своимъ собственнымъ политическимъ задачамъ, единственною страстью осталась страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ цирка. Искусство убійства сдѣлалось величайшимъ искусствомъ въ Римѣ,

---

1) Виргилій, «Эклоги», II, 72.—2) Eduard Meyer. «Die wirthshaftliche Entwickelung des Alterthums», pp. 54, 55.

и римская толпа, жадная до зрѣлищъ, наслаждалась имъ вполнѣ: убить человѣка красивымъ и элегантнымъ способомъ значило пріобрѣсть богатство и славу, совершенно такъ же, какъ въ настоящее время ведетъ къ тому удачный ударъ шпаги, нанесенный въ шею разъяренному быку рукой тореадора! Властители, не обнаруживавшіе къ цирковымъ зрѣлищамъ особаго интереса, становились быстро непопулярными въ народѣ, и если христіане столь долгое время не пріобрѣтали симпатіи римской толпы, то это въ значительной степени благодаря тому, что имъ приписывалось намѣреніе уничтожить кровавыя зрѣлища; римляне думали, что, когда христіане получатъ власть, они останутся вѣрными своимъ принципамъ,—они ошиблись въ этомъ, завоеваніе трона ведетъ всегда лишь къ упроченію злоупотребленій. Фактъ тотъ, что и послѣ побѣды креста христіанскіе императоры отнюдь не рѣшались устранить ужасныя празднества; эти послѣднія сохранялись вплоть до окончательнаго распаденія римской имперіи и даже еще далѣе, по крайней мѣрѣ, до царствованія Теодориха [1]). Какъ разсказываютъ, лишь благодаря иниціативѣ одного монаха былъ положенъ предѣлъ битвамъ гладіаторовъ: нѣкто Телемахъ, родомъ изъ Африки, бросился во время цирковаго представленія между сражающимися и былъ, правда, убитъ, но самыя цирковыя игрища были послѣ того уничтожены [2]).

Раскопки Антинои. Табличка для счета молитвъ.

1) Gaston Boissier. «La Fin du Paganisme», pp. 94 ss. — 2) Hartpole Lecky. «Rationalisme in Europe», p. 37.

Потребность видѣть человѣческія страданія была въ Римѣ такъ велика, что каждое драматическое представленіе должно было не изображаться, а воспроизводиться на самомъ дѣлѣ. Чтобы вызвать, напримѣръ, интересъ къ драмѣ, въ которой выводился Геркулесъ на горѣ Этѣ, римляне объявляли, что во время этого представленія будетъ сожженъ на настоящемъ кострѣ присужденный къ смертной казни. Когда на сценѣ воспроизводился судебный процессъ, оканчивавшійся смертнымъ приговоромъ, то главное дѣйствующее лицо въ драмѣ замѣнялось приговореннымъ, который на самомъ дѣлѣ распинался на крестѣ и доставлялъ толпѣ удовольствіе видѣть свои страданія въ предсмертной агоніи. Достаточно было иногда простого каприза для того, чтобы вызвать массовыя убійства, обусловленныя ничѣмъ инымъ, какъ своего рода дилетантизмомъ, искусствомъ для искусства. Такъ, когда Каракалла, κοσμοκράτωρ, т.-е. «властитель міра», какъ его прославляли льстивыя надписи на храмахъ Александріи, ради своего удовольствія занимался, въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, убійствами среди того самаго населенія, которое ему такъ льстило, у него, безъ сомнѣнія, не было иного мотива, какъ только одна лишь любовь къ пролитію крови; любовь эта основывалась, быть-можетъ, на какихъ-либо особыхъ чертахъ его психики или, просто, на внутреннемъ сознаніи своей собственной низости и своей безобразной наружности. Этими неслыханными злодѣяніями Каракалла самъ уничтожалъ то сравненіе, которое онъ имѣлъ храбрость сдѣлать—онъ публично сравнивалъ свою собственную низменную личность съ Ахилломъ, красивѣйшимъ изъ грековъ, и съ Александромъ — величайшимъ изъ завоевателей,—разумѣется, его неслыханныя злодѣянія подрывали въ корнѣ возможность такого сравненія! Жизнь человѣческая въ тѣ времена цѣнилась такъ дешево, что даже ужасная моровая язва, охватившая весь римскій міръ въ серединѣ третьяго вѣка, казалась современникамъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ,—говорятъ, что войны, вторженія враговъ и убійства унесли половину обитателей римской имперіи!

Можно, впрочемъ, сказать, что даже съ точки зрѣнія чисто фактической въ Римѣ вовсе не было болѣе римлянъ, когда варвары положили конецъ римской имперіи. Прежде всего полководцы-побѣдители привели въ Римъ цѣлыя толпы рабовъ, которыя позднѣе были освобождены, превратились въ свободныхъ гражданъ и сильнѣйшимъ образомъ измѣнили составъ расы; затѣмъ въ Римъ стекались предприниматели, авантюристы, писатели, ученые, всевозможные искатели приключеній со всѣхъ странъ свѣта,—они равнымъ образомъ содѣйствовали постепенному измѣненію этническихъ элементовъ народонаселенія. Съ другой стороны, наблюдалось движеніе и въ обратномъ направленіи: римскіе солдаты, которымъ были подарены земли въ завоеванныхъ ими странахъ, устроились вдали отъ Италіи безъ всякой надежды вернуться

домой. За счетъ центра возникъ огромный кругъ римскихъ колоній; точно также ветераны военной службы, полководцы и другіе представители класса патриціевъ покидали нерѣдко Римъ и устраивались въ провинціи въ качествѣ проконсуловъ, увлекая за собою цѣлыя толпы законовѣдовъ, писцовъ и низшихъ чиновниковъ 1).

Во время этого критическаго періода римской исторіи наклонность великаго всемірнаго государства къ административному и политическому раздѣленію на двѣ свои естественныя части—Восточную и Западную—становилась все болѣе и болѣе ясно выраженной; распаденіе подготовлялось еще подъ конецъ республики, но въ эту эпоху почти религіозное вѣрованіе во все возрастающую славу Рима, равно какъ и расцвѣтъ нарождающагося имперіализма маскировали контрастъ, существующій между обѣими половинами римской имперіи. Каждая изъ географическихъ областей начинала все болѣе и болѣе сознавать свою индивидуальность, и сліяніе между ними становилось все болѣе и болѣе труднымъ, разрывъ дѣлался неизбѣжнымъ. Можно было опасаться, что

Пальмира. Мавзолей, украшенный саркофагомъ.

1) Théodore Duret. «Études critiques d'Histoire», Revue Blanche, l. VIII, 1899.

разрывъ этотъ послужитъ на пользу какой-либо изъ могущественныхъ имперій внѣ римскаго міра,—напримѣръ, имперіи армянъ или персовъ, которыя грозили въ тѣ времена восточнымъ границамъ римской имперіи; опасность появилась, однако, совершенно внезапно за предѣлами, указанными на полъ-пути между рѣкой Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ,—тамъ, къ удивленію, можно было видѣть, какъ простой торговый городъ Тадморъ или Пальмира историковъ сдѣлался столицею могущественной имперіи, поколебавшей судьбы Рима.

Съ незапамятныхъ временъ Тадморъ оставался тѣмъ, чѣмъ его сдѣлала природа, именно мѣстомъ встрѣчи торговыхъ каравановъ, центромъ торговаго обмѣна, гдѣ сходились финикійскіе купцы побережья, негоціанты Дамаска и торговцы, везшіе товары изъ долинъ Ливана и Антиливана, сходились комиссіонеры по торговлѣ съ Евфратомъ и покупщики армянскаго Тавра, пришедшіе туда по долинѣ Шапура. Благодаря положенію города между рѣкою и моремъ, по сосѣдству съ великой пустыней, пересѣкать которую было трудно и даже опасно, Тадморъ сдѣлался этапомъ, коего никакъ нельзя было миновать, если слѣдовать по самому южному изъ естественныхъ путей, соединявшихъ между собою оазисы. Городъ этотъ имѣлъ чрезвычайно большое значеніе для всѣхъ сосѣдей, и торговля его охватывала даже обитателей того обширнаго полукруга горъ, который располагается между Аравійскимъ и Персидскимъ заливами. Тадморъ былъ, слѣдовательно, сильнѣйшимъ образомъ заинтересованъ въ томъ, чтобы жить со всѣми въ мирѣ, не причинять неудобства торговцамъ и не заставлять ихъ избирать иные сѣверные пути чрезъ Халебъ и вдоль крутого изгиба Евфрата. Въ силу этого, въ теченіе многихъ вѣковъ Тадморъ былъ городомъ чрезвычайно гостепріимнымъ. Представители всѣхъ расъ и народностей находили въ немъ самый сердечный пріемъ, и на рынкахъ его замѣчалась чрезвычайно курьезная смѣсь всевозможныхъ типовъ и одѣяній. Ни одна религія не изгонялась оттуда: въ Тадморѣ поклонялись всѣмъ рѣшительно богамъ, и когда культъ Христа началъ распространяться, то приверженцы новой религіи сталкивались тамъ тѣснѣйшимъ образомъ съ евреями, съ почитателями Юпитера и Митры, наконецъ, съ греческими философами, не признающими никакой религіи. «Городъ пальмъ» былъ республикой, былъ вполнѣ свободнымъ городомъ, имѣвшимъ лишь союзниковъ, ни на кого не нападавшимъ и потому не принужденнымъ и защищаться: онъ долго не имѣлъ никакой исторіи, несмотря на большое значеніе тѣхъ мирныхъ сношеній, коихъ онъ былъ центромъ.

Къ несчастью, Тадморъ былъ полонъ сокровищъ, явившихся въ результатѣ многовѣковой торговли со всѣмъ обширнымъ міромъ Передней Азіи, въ томъ числѣ съ Кипромъ и Египтомъ. Къ тому же эта коммерческая республика подпала подъ власть воителя Одената, поли-

тическіе интересы коего выходили далеко за предѣлы области Евфрата и Оронта: эта въ высшей степени честолюбивая личность воспользовалась своими колоссальными сокровищами для того, чтобы собрать могущественнѣйшія арміи и вести при помощи ихъ войну первоначально

№ 258. Оазисъ Пальмиры.

во славу Рима, позднѣе—за свой собственный счетъ и страхъ—Оденатъ выступалъ въ качествѣ союзнаго, но соперничающаго «императора». Жена его, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Зиновіи (Бацебинахъ), продолжала послѣ смерти мужа его войны и не боялась даже задѣвать римскую имперію. Будучи правительницей города, который сталъ іудейско-греческимъ, она, какъ разсказываютъ, попыталась преждевременно установить равновѣсіе западнаго міра и создать еще за два поколѣнія до

Константина восточную группировку провинцій, «обладающихъ греческой цивилизаціей и религіей, которыя упреждали простотою своего монотеизма аріанство и исламъ» [1]). Однако, Пальмира при всемъ своемъ относительно центральномъ положеніи, по отношенію къ морю и къ бассейну Тигра и Евфрата, не имѣла все же географическаго положенія, которое можно было бы сравнить съ таковымъ Вавилона и Византіи: ей недоставало обширныхъ плодородныхъ и населенныхъ пространствъ, которыя могли бы служить точкою опоры и отправленія для военныхъ силъ; достаточно было отрѣзать ея пути сообщенія, чтобы обречь ее на голодную смерть и на полное безсиліе [2]).

Раздѣленіе имперіи на двѣ части, не удавшееся врагамъ, сдѣлалось настолько необходимымъ, что сами императоры должны были осуществить его. Впрочемъ, нѣкоторые предуказывающіе намеки существовали уже въ теченіе вѣковъ,—ими намѣчалось будущее раздѣленіе римскихъ владѣній. Огромный эллипсъ римской имперіи неминуемо долженъ былъ обладать двумя фокусами,—вѣдь еще Антоній сдѣлался властителемъ Востока, избравъ своей столицей Александрію, а Цезарь до него мечталъ о перенесеніи въ Александрію, или даже въ Трою, столицу римскаго міра [3]). Три вѣка спустя, въ царствованіе Діоклетіана, распаденіе имперіи въ такой степени подвинулось впередъ, что императоръ, обладавшій геніальными административными способностями, самъ пошелъ навстрѣчу и раздѣлилъ огромную поверхность своей территоріи на четыре сегмента, тоже довольно обширные,—ими управляли военачальники, второстепенные по своему сану и положеніе. Въ то же время Діоклетіанъ стремился устранить абсолютную власть, которая могла еще существовать въ остальной части имперіи по укоренившейся традиціи; чтобы перестроить заново имперію, онъ избралъ двѣ новыхъ столицы, внѣ предѣловъ развѣнчаннаго Рима. Такими столицами былъ Миланъ, въ западной части имперіи, и Никомидія въ части восточной. Предпріятіе это было, однако, лишь первымъ шагомъ: каждый изъ императоровъ стремился, разумѣется, ко властвованію неограниченному и безраздѣльному. Впрочемъ, послѣ побѣды одного изъ преемниковъ Діоклетіана номинальное единство имперіи на время возстановилось.

Побѣда была одержана Константиномъ,—онъ нашелъ поддержку въ силѣ, которая дала имперіи совершенно неожиданно единство и прочность. Такой силой была христіанская религія, болѣе цѣлостная и болѣе прочная во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, по сравненію со всѣми различ-

---

1) E. Renan. «Histoire des Origines du Christianisme, Les Évangiles», p. 3.— 2) Eugène Guillaume, «Les Ruines de Palmyre», Revue des Deux Mondes, 15 juillet 1897. 3) Suétone, «César», 79; Horace, «Odes», livre III, 3, «Iustum ac tenacem».

ными другими языческими религіями варваровъ и цивилизованныхъ народовъ отъ береговъ Евфрата и до Атлантическаго океана. Впрочемъ, ознакомленіе съ произведеніями авторовъ того времени показываетъ ясно, что борьба, породившая провозглашеніе христіанства государ-

№ 259. Раздѣленіе имперіи при Діоклетіанѣ.

При Діоклетіанѣ имперія была раздѣлена на 12 діоцезъ; во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ «vicarius». Позднѣе это раздѣленіе было лишь слегка видоизмѣнено.

Что касается провинцій, то число ихъ не переставало возрастать въ теченіе существованія римской имперіи. Ихъ было 29 въ годъ смерти Августа, 42—въ годъ смерти Марка Аврелія, 96—при Діоклетіанѣ, 120—при Гоноріи (П. Жиро).

ственной религіей, не имѣла вовсе религіознаго характера: оба противника, Константинъ и Максенцій, имѣли въ виду не что иное, какъ политическое господство надъ міромъ. Между обоими враждебными предводителями народа не было никакого теологическаго разногласія,—и тотъ и другой прибѣгали лишь къ магіи! Максенцій, взирая со страхомъ на будущее, испрашивалъ совѣты у боговъ и оракуловъ, согласно древ-

нимъ обрядностямъ; Константинъ, со своей стороны, озабоченный не менѣе своего соперника и знавшій, что послѣдній заручился содѣйствіемъ языческихъ божествъ, неминуемо долженъ былъ призывать къ себѣ на помощь новыхъ боговъ. Его волхвованіе оказалось болѣе дѣйствительнымъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, Константинъ, коего католическія легенды дѣлаютъ ревностнымъ приверженцемъ христіанской вѣры, далеко не былъ особенно увѣренъ въ своей силѣ и не зналъ, дѣйствительно ли онъ имѣетъ на своей сторонѣ начала болѣе могущественныя. Обѣ религіи, языческая и христіанская, находились какъ бы подъ вліяніемъ механическихъ законовъ въ состояніи равновѣсія въ теченіе нѣкотораго періода, и такіе осторожные политики, какъ Константинъ, должны были, разумѣется, не безъ нѣкотораго колебанія вопрошать самихъ себя,—которая же изъ нихъ окончательно побѣдитъ? И именно изъ боязни грядущаго, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, требовались для всѣхъ вѣрующихъ полная свобода мысли и свобода вѣроисповѣданія. Идея вѣротерпимости зародилась уже въ умахъ многихъ благоразумныхъ мужей, и приходилось слышать даже отъ самихъ императоровъ слова, которыя могли бы быть вложены въ уста анархистовъ: «никто не долженъ мѣшать другому, и каждый долженъ поступать такъ, какъ онъ самъ понимаетъ»! Такъ выражался, между прочимъ, Константинъ послѣ того какъ побѣдилъ язычниковъ символомъ креста,—онъ вполнѣ еще сознавалъ, что у его противниковъ сохранилась чрезвычайно могущественная сила инерціи!

Когда власть его была окончательно утверждена, Константинъ позаботился о томъ, чтобы одновременно стать во главѣ обѣихъ враждебныхъ религій,—вѣдь совершенно такъ же и отъ современныхъ властителей зависятъ въ равной мѣрѣ католическіе патеры, протестантскіе пасторы и еврейскіе раввины,—они одинаково одаряютъ правящія власти молитвами, благословеніями и другими великими милостями. Константинъ сумѣлъ удерживать въ равновѣсіи всѣ опасенія, надежды и соперничество своихъ подданныхъ язычниковъ и христіанъ, консерваторовъ и новаторовъ. Такъ, въ томъ же самомъ году, онъ опубликовалъ два эдикта, изъ коихъ однимъ предписывалось празднованіе воскресенія, тогда какъ другимъ рекомендовалось регулярно справляться о предсказаніяхъ жрецовъ. Самое воскресеніе было въ одно и то же время «днемъ Господнимъ» и «днемъ солнца»—«Dies solis». Константинъ строилъ церкви, но съ совершенно одинаковою готовностью возстановлялъ и украшалъ и языческіе храмы. Онъ выбивалъ медали въ честь Юпитера и Аполлона, Марса и Геркулеса и отнюдь не забылъ своихъ сыновнихъ обязанностей, повелѣвавшихъ ему возвести его отца Констанція въ санъ безсмертныхъ боговъ!

---

1) Gaston Boissier. «La Fin du Paganisme», p. 38.

Оставалось, слѣдовательно, лишь заключить союзъ между трономъ и алтаремъ; но, когда христіанство сдѣлалось, дѣйствительно, господствующей религіей, и когда приверженность къ древней вѣрѣ стала почти революціоннымъ актомъ, когда, наконецъ, властители почувствовали, что могутъ располагать своими силами безо всякаго соглашенія, они заговорили совсѣмъ иначе,—рѣчи ихъ диктовались имъ святыми учителями церкви: «сотрите съ лица земли того, кто приноситъ жертвы богамъ. Запрещается имѣть къ нему какое-либо снисхожденіе: его слѣдуетъ побить камнями, предать смерти, и такъ слѣдуетъ поступить даже въ томъ случаѣ, если это твой братъ, твой сынъ или твоя жена»! Такими словами возбуждалъ сыновей Константина къ преслѣдованіямъ язычниковъ благочестивый Фирминъ Матернъ [1]). Точно также св. Августинъ, одинъ изъ главныхъ учителей церкви, говоритъ о «мечѣ справедливыхъ законовъ», который долженъ быть поднятъ противъ заблужденій; онъ же создаетъ жесточайшій уставъ, на основаніи коего позднѣе слуги инквизиціи сжигали на кострахъ еретиковъ, сохраняя вполнѣ спокойную совѣсть.

Императоръ Константинъ.

Право наказывать язычниковъ и еретиковъ, этихъ заклятыхъ враговъ правовѣрныхъ христіанъ, конечно, принадлежитъ послѣднимъ,—

1) Gaston Boissier. «La Fin du Paganisme», t. I, p. 80.

вѣдь они воображаютъ, что повинуются въ точности приказаніямъ, ниспосланнымъ свыше, и право это легко превращается въ обязанность. Въ то же время стоящіе у власти должны мстить за преслѣдованія въ прежнія времена, за всѣ ужасы, совершавшіеся до того. «Всевышній Богъ ревнивъ и мстителенъ»—таковы же и толпы вѣрующихъ въ него! «Счастливы святые—говоритъ одинъ изъ христіанъ, Ѳома Аквинскій,—они возрадуются, видя страданія осужденныхъ на вѣчную муку». Ученія евангельскія и комментаріи ихъ истолкователей довольно формалистичны въ этомъ отношеніи! Даже исполненный доброты Іисусъ говоритъ въ своихъ изреченіяхъ не лучше, чѣмъ сказалъ бы любой ассирійскій деспотъ: «всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ въ огонь»,—«а негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ»—«враговъ же моихъ тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы я царствовалъ надъ ними, приведите сюда и избейте предо мною» [1],—«настоящее милосердіе заключается въ томъ, чтобы быть безжалостнымъ» добавляетъ св. Іеронимъ.

Преслѣдованія примѣнялись, однако, въ несравненно меньшей степени ко врагамъ-язычникамъ, чѣмъ къ собратьямъ по вѣрѣ, соперникамъ въ борьбѣ за власть. Первый эдиктъ, присуждающій къ смерти за ересь, былъ изданъ Ѳеодосіемъ противъ секты манихеянъ; это первый письменный документъ, въ которомъ упоминается о сыскѣ въ дѣлахъ вѣры [2]. Позднѣе теологическіе диспуты внушаются, повидимому, исключительно убѣжденіями и страстью къ религіозному господству; присматриваясь, однако, ближе, можно замѣтить, что въ данномъ случаѣ участвовали и другія причины. Такъ, въ эпоху, когда христіанство было возведено Константиномъ въ санъ государственной религіи, члены христіанской церкви, особенно на востокѣ, спорили самымъ страстнымъ образомъ о природѣ Іисуса Христа. Въ этомъ спорѣ скрещивались наиразличнѣйшимъ образомъ вліянія персидское, египетское, іудейское и греческое, смѣшивавшіяся между собой до безконечности и дававшія начало самымъ разнообразнымъ теологическимъ предположеніямъ: былъ ли созданъ Христосъ своимъ Отцомъ, какъ проповѣдывалъ Арій, или существовалъ Онъ въ вѣчности и былъ равенъ Богу-Отцу по существу, или же Онъ приравнивался Богу-Отцу лишь своею волею? Всѣ такіе вопросы, безъ сомнѣнія, волновали толпу вѣрующихъ, несмотря на то, что послѣдніе не могли ихъ даже понять: спорящіе проклинали другъ друга, убивали другъ друга, не зная почему и за что, — настоящими причинами были столкновенія интересовъ въ области богатства и власти, — интересы экономическіе

1) Отъ Матѳея, VII, 19; XXV, 30. Отъ Луки III, 9; XIX, 27. - Raoul Rozière. «Recherches critiques sur l'Histoire réligieuse de la France», pp. 23, 24. - 2) Hartpole Lecky. «Rationalisme in Europe».

скрывались подъ видомъ религіозныхъ [1]). Болѣе чѣмъ въ теченіе полувѣка продолжалась борьба, склонявшаяся то въ ту, то въ другую сторону: церковные соборы и императоры постановляли то такъ, то этакъ; въ концѣ концовъ, побѣда осталась за символомъ вѣры Никейскаго собора, установленнымъ первымъ соборомъ, бывшимъ въ царствованіе Константина; мнѣніе Арія сдѣлалось «ересью», и ученіе его было изгнано изъ предѣловъ имперіи и нашло себѣ прибѣжище лишь на время, среди варваровъ—готовъ, вандаловъ и лонгобардовъ. Единство вѣры было объявлено по всей имперіи,—оно дало большое преимущество императорамъ, стремившимся навязать своимъ подданнымъ общность и единство въ повиновеніи.

Въ ту же самую эпоху персидскіе цари добились также путемъ преслѣдованій единства вѣры, по крайней мѣрѣ, кажущагося, — у нихъ установился въ качествѣ оффиціальной религіи маздеизмъ: манихеяне Персіи осуждались на смерть или, по крайней мѣрѣ, на тюремное заключеніе, и, быть-можетъ, даже, дѣйствительно, самъ Мани погибъ ужасною смертью—съ него съ живого была содрана кожа! Такая казнь носила названіе «персидской»; кожи казненныхъ, надутыя воздухомъ или набитыя соломой, вѣшались передъ дворцами повелителей.

Направленіе, которое дало съ этого времени правительство религіи тѣмъ, что сдѣлало ее оффиціальнымъ культомъ, требовало также и соотвѣтственнаго измѣненія моральной подкладки ея: государственная власть стремилась къ тому, чтобы принять на себя роль воспитательницы. Въ прежнія времена, въ эпоху республики, цензоры наблюдали за тѣмъ, чтобы каждый римскій гражданинъ сообразовалъ свою жизнь съ общими нравами, съ требованіями властей, являвшихся воплощеніемъ римскаго государства: 500 лѣтъ спустя при управленіи императорскихъ чиновниковъ, когда скептицизмъ разрушилъ уваженіе къ стариннымъ законамъ нравственности, властители вообразили себѣ, что они могутъ продиктовать новые такіе законы. Современное государство, принимающее на себя роль Провидѣнія, которое печется о счастіи каждаго изъ подданныхъ и диктуетъ имъ образъ дѣйствій и мыслей ихъ, зародилось еще до Діоклетіана и Константина. При Веспасіанѣ впервые народное образованіе было до извѣстной степени привязано къ государству. Риторы сдѣлались если не чиновниками, то, по меньшей мѣрѣ, пенсіонерами во времена Птоломеевъ. Особенно Квинтиліанъ заботился о томъ, чтобы они находились на иждивеніи императора. Адріанъ, Антонинъ и Маркъ Аврелій основывали также каѳедры для грамматиковъ и риторовъ; Александръ Северъ строилъ школы и выдавалъ субсидіи на образованіе дѣтямъ бѣдныхъ или заставлялъ города поддерживать тѣхъ изъ учениковъ, которые казались достойными болѣе полнаго образованія. Первый

1) J. Novicow «Conscience et Volonté sociales», p. 257.

шагъ былъ сдѣланъ, и съ этого времени стала развиваться та система образованія, которая до сихъ поръ еще преобладаетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Императоръ, наиболѣе далеко пошедшій по этому пути и бывшій полнымъ новаторомъ въ этомъ отношеніи, былъ императоръ Юліанъ, котораго христіанская церковь до сихъ поръ продолжаетъ называть «Отступникомъ», такъ какъ онъ является представителемъ реакціи образованныхъ язычниковъ противъ господства невѣжественныхъ и грубыхъ христіанъ. На самомъ дѣлѣ, Юліанъ вовсе не желалъ возвращенія къ древнему язычеству: будучи христіаниномъ поневолѣ, онъ желалъ взять отъ христіанства то, что находилъ въ немъ хорошаго, и думалъ соединить это хорошее съ той религіей, которая ему нравилась,—онъ хотѣлъ создать религію языческую по внѣшнимъ формамъ, но съ совершенно новою моральною подкладкою. Религія эта, называвшаяся имъ самимъ «эллинизмомъ», была, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ греческой по своей философіи и по своей высокой морали. Увлеченный этимъ проектомъ, осуществить который не было возможности, императоръ Юліанъ, искренне желавшій добра и, во всякомъ случаѣ, не дѣлавшій зла, былъ первымъ властителемъ, воспользовавшимся сильной административной организаціей государства въ цѣляхъ установленія на пользу власти единаго по плану образованія. Онъ требовалъ отъ городовъ, чтобы тѣ предоставляли ему выбирать учителей; этимъ послѣднимъ онъ диктовалъ программу того, чему они должны были учить, и указывалъ ученія, которыхъ они должны были избѣгать. Имъ запрещено было преподавать теоріи, сильно отклоняющіяся отъ общераспространенныхъ въ народѣ вѣрованій. Такимъ образомъ, государство сдѣлалось распорядителемъ школьнаго дѣла. Свобода преподаванія кончилась и на долго [1])! Такая централизація образованія, изобрѣтенная гибнущимъ уже язычествомъ противъ христіанъ, должна была впослѣдствіи служить христіанамъ противъ всякой ереси, противъ всякихъ новшествъ, противъ всякой свободы мысли,—она и до сихъ поръ служитъ правительству противъ всего, чего послѣднее боится!

Эдиктъ 370 г., обращенный Валентиніаномъ, Валенціемъ и Граціаномъ къ Олибрію, римскому префекту, показываетъ намъ, въ сколь деспотичномъ духѣ истолковывалось право государства вмѣшиваться въ дѣла общественнаго образованія и направлять его: всѣ, кто желалъ учиться въ Римѣ, должны были прежде всего доставить «смотрителю надъ образованіемъ», или префекту полиціи, письменное разрѣшеніе учиться, данное губернаторомъ своей провинціи, и должны были объявить мѣсто своего рожденія, возрастъ и званіе. Записавшись на курсъ наукъ, они обязаны были въ точности выполнять программу, учиться только тому, что было указано, повиноваться всѣмъ полицейскимъ правиламъ,

1) Albert Harrent. «Les Ecoles d'Antiochie», pp. 52 à 59.

въ случаѣ неисполненія коихъ подвергались наказанію розгами; наконецъ, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, они должны были возвратиться домой: «если же они не отправятся сами, то префектъ долженъ ихъ выслать, хотя бы противъ ихъ воли» [1]). Оставалось только отнять совер-

Раскопки Антиноэ. Женщина на молитвѣ съ Хоромъ и Анубіемъ.
Смѣшеніе христіанской и египетской религій.

шенно у городовъ и у отдѣльныхъ гражданъ всякую иниціативу въ области образовательныхъ начинаній. Это и было сдѣлано византійскими императорами въ ближайшемъ затѣмъ времени.

Впрочемъ, долгій и трудный способъ полнаго подчиненія себѣ подданныхъ путемъ воспитанія требовалъ черезчуръ большого терпѣнія и находился въ слишкомъ большомъ несоотвѣтствіи съ капризами и фантазіями

1) Même ouvrage, pp. 215 216.

властителей,—послѣдніе предпочитали методъ подчиненія болѣе легкій и энергичный! Выгоднѣе всего было просто препятствовать всякому зарожденію мысли. Такимъ образомъ, напримѣръ, мудрый императоръ

№ 260. Западная Европа въ 375—400 гг.

Заштрихованная поверхность изображаетъ римскую имперію около 380 г.

Готы образовывали въ IV вѣкѣ Имперію, простиравшуюся отъ Чернаго моря до Балтійскаго. Вслѣдствіе давленія, оказаннаго на готское царство гуннами, появившимися въ 372 г. на берегахъ Волги, западная часть народности пришла въ движеніе. Въ 378 г. императоръ Валенцій погибъ въ Адріанополѣ, пытаясь остановить готовъ, и единственно, что удалось сдѣлать Ѳеодосію, это то, что онъ взялъ часть готовъ въ качествѣ наемниковъ въ свою армію и помѣстилъ другихъ по берегамъ Дуная. Нѣсколько лѣтъ спустя, визиготы подъ предводительствомъ Алариха снова двинулись внутрь, перешли Грецію и направились въ Италію.

Путь движенія ихъ заимствованъ изъ сочиненія А. Лефевра («Germains et Slaves»), откуда почерпнуты и данныя относительно перемѣщеній бургундовъ, лонгобардовъ и вандаловъ.

Траянъ, чрезвычайно логично развивая идею власти, не желалъ позволить никомидійскимъ рабочимъ образовать ассоціацію для тушенія пожаровъ,—по его мнѣнію, всякое сообщество разумныхъ людей можетъ повлечь за собою послѣдствія гораздо болѣе опасныя, чѣмъ разрушеніе огнемъ нѣсколькихъ домовъ или даже цѣлаго города [1]). Подавлять, пре-

1) Gaston Boissier, «La Fin du Paganisme», t. I, p. 422.

пятствовать, запрещать—такова обычная основная политика всѣхъ властителей, чрезвычайно легко къ тому же осуществляемая даже наименѣе

№ 261. Западная Европа въ 400—425 гг.

1: 40 000 000

0 1000 2000 3000 килом.

Заштрихованная поверхность изображаетъ римскую имперію около 420 г.

Продолжая свой путь, визиготы пересѣкли долину р. По. Одинъ изъ вандаловъ, римскій полководецъ Стилихонъ, во главѣ 60000 гунновъ, разбиваетъ ихъ при Полленціи (403 г.). Нѣсколько лѣтъ спустя, Аларихъ беретъ, однако. Римъ, идетъ далѣе въ южную Италію и тамъ умираетъ близъ Мессинскаго пролива. Замѣстившій его военачальникъ поступаетъ на службу римлянъ, принимаетъ участіе въ преслѣдованіи вандаловъ и достигаетъ долины р. Эбро въ 417 г.

Въ 405 г. Стилихонъ разбиваетъ вблизи Флоренціи колоссальныя полчища, спустившіяся по долинѣ р. Адиги подъ предводительствомъ царя-жреца Радагеса.

Вандалы, увлеченные аленами, спускаются въ долину Дуная, вытѣсняютъ суэвовъ и другія народности, вторгаются въ Галлію въ 406 г. и пересѣкаютъ въ 410 г. Пиренеи.

Маршрутъ всѣхъ этихъ переселеній заимствованъ отъ А. Лефевра, равно какъ и пути бургундовъ, геруловъ, болгаръ и гунновъ.

развитыми изъ нихъ! Въ 290 г. Діоклетіанъ приказалъ сжечь всѣ древнія книги по алхиміи съ тою цѣлью, чтобы египтяне забыли всѣ древніе секреты производства, перестали бы фабриковать металлическія вещи и такимъ образомъ перестали бы конкурировать съ римлянами и одерживать верхъ надъ ними въ торговлѣ [1]).

1) Marcellin Berthelot, «Collection des anciens Alchimistes grecs», Introduction, p. 4.

Послѣ побѣдъ Ѳеодосія, которыми было возстановлено хотя по видимости и на очень короткое время единство римской имперіи, раздвоеніе ея на западную и на восточную части завершилось окончательно. Это было въ концѣ IV вѣка христіанской эры. Обѣ половины имперіи не представляли собою ни по протяженію, ни по могуществу такой римской имперіи, какова она была во времена Траяна и Марка Аврелія. Варвары проникли уже внутрь государства. Народность готовъ, заслуживавшая, впрочемъ, менѣе другихъ названіе «варваровъ», такъ какъ она постепенно цивилизовалась, благодаря своему постоянному соприкосновенію съ народностями Дакіи и Ѳракіи, продвинулась на югъ отъ Дуная, перешла черезъ Балканы и близъ Адріанополя одержала побѣду надъ римлянами Византіи. Всадники готовъ, достигли, съ одной стороны, Эгейскаго моря, съ другой—добрались до береговъ Адріатическаго. Ѳеодосію, правда, удалось преградить путь этой лавинѣ народныхъ массъ, но, ему пришлось все же сдѣлать значительныя экономическія уступки, обусловленныя вторженіемъ готовъ. Онъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе обширную территорію, надѣясь, что ему удастся прикрѣпить ихъ къ землѣ и изъ воинственныхъ кровожадныхъ разбойниковъ сдѣлать воиновъ-земледѣльцевъ; онъ пополнилъ ими и собственную армію, принявъ въ составъ ея 40000 готовъ, ставшихъ римлянами.

Впрочемъ, несмотря на упадокъ, несомнѣнные признаки коего наполняли горечью души истинныхъ гражданъ «Вѣчнаго города», Римъ сохранялъ все же настолько свой престижъ, что даже вторгшіеся варвары не рѣшались сокрушить его могущество; они желали лишь пріобщиться къ его богатству и славѣ, вѣровали, однако, въ его вѣчность. Эти чужеземцы всѣхъ племенъ и народностей, разсѣянныхъ по обширному протяженію римской имперіи, стремились прежде всего стать римскими гражданами, стать частью римскаго народа. Ни одна изъ прежде завоеванныхъ провинцій не попыталась отвоевать свою юридическую самостоятельность, ни одна изъ древнихъ народностей не старалась добыть снова свою независимость и отдѣлиться отъ римскаго государства. Римская имперія сдерживалась благодаря своей обширности и величію совершенно подобно тому, какъ держатся до нашего времени тяжелыя тріумфальныя арки, возведенныя римлянами,—онѣ стоятъ недвижимы, несмотря на всѣ пережитыя невзгоды. Разумѣется, тѣ нѣсколько тысячъ римлянъ, которые были разсѣяны въ Галліи, не могли бы сдержать населенія страны въ теченіе пяти вѣковъ, если бы могущество римлянъ было дѣйствительно сломлено, и если бы потомки побѣжденныхъ чувствовали обиду за понесенныя пораженія Какъ ни тяжела была власть иностранцевъ, она исходила изъ столь высокихъ сферъ, что казалась божественной. Для ничѣмъ не связанныхъ между собою подданныхъ, сознающихъ свою слабость, самое имя Рима было окружено ореоломъ

могущества—оно служило символомъ силы и власти, какъ бы олицетворяло собою Провидѣніе. Что удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые

Христіанскій саркофагъ съ костями мучениковъ.

народы обширной имперіи по собственной волѣ простирались ницъ и подпадали подъ власть обоготворявшихся ими римскихъ императоровъ? Напротивъ, было бы трудно, понятно, если бы то было иначе! Инстинктъ обожанія и поклоненія, связанный у человѣка съ чувствомъ собственной слабости и безпомощности, проявляется по отношенію ко всѣмъ, кто обладаетъ силою, въ особенности, если сила эта столь незыблема, какъ сила римскаго могущества. Даже послѣ паденія государства римлянъ суевѣрное поклоненіе предъ священною римскою имперіею

продолжалось въ теченіе вѣковъ и не исчезло еще и до настоящаго времени.

Между тѣмъ, всѣ внутреннія распри и внѣшнія войны ослабили, въ концѣ концовъ, это сознаніе неприкосновенности Рима (Фюстель де Куланжъ): въ средѣ самихъ гражданъ исчезло національное самосознаніе, которое сохранялось лишь на словахъ и въ преданіяхъ. Когда Византія замѣнила, наконецъ, собою Римъ въ его роли центра императорскаго могущества, то не римская народность уже, а именно та агломерація полуварварскихъ народовъ, едва знакомыхъ другъ съ другомъ, оказалась соединенной подъ властью императоровъ [1],—несмотря на то, однако, что идея римскаго единства сохранилась, совершенно непроизвольно завершилось распаденіе имперіи. Въ существованіе великаго Рима вѣрили все еще, когда имѣлись уже два императора, интересы коихъ оказывались по существу совершенно различными. Оба императора были равны по власти и по своему престижу, они были не болѣе какъ двойниками, воплощавшими въ себѣ верховное могущество, разсматривавшееся еще какъ могущество единой имперіи. Это была, впрочемъ, тщетная иллюзія, — когда Римъ подвергся нападенію, Византія, продолжавшая существовать и сохранившая свои собственныя жизненныя силы, оказалась совершенно неспособной помочь Западной имперіи противъ общаго ихъ врага.

Тотъ процессъ дезинтеграціи, который былъ обусловленъ въ столь значительной степени давленіемъ извнѣ,—давленіемъ, оказываемымъ переселявшимися народностями, былъ обусловленъ въ равной степени и внутренними причинами, въ числѣ коихъ христіанство было одной изъ наиболѣе существенныхъ. Пропаганда христіанства выходила далеко за границы имперіи,—оно распространялось среди готовъ и вандаловъ, не менѣе чѣмъ среди римлянъ,—христіанство имѣло среди нихъ даже преимущественный успѣхъ, такъ какъ для проповѣдниковъ было дѣломъ несравненно болѣе легкимъ обращать въ свою вѣру наивныхъ варваровъ, нежели одерживать побѣды надъ скептически настроенными культурными римлянами, сохранившими съ древности сознаніе своего превосходства. Вѣдь нельзя же было вѣровать во Христа и поклоняться въ то же время героямъ, которые создали славу и величіе Рима.

Совершенно подобно тому, какъ при своемъ зарожденіи христіанство вышло за узкіе предѣлы еврейской синагоги и стало распространяться среди грековъ и римлянъ, такъ теперь оно перешло за границы обширной римской имперіи, охватило несмѣтныя толпы варваровъ вплоть до предѣловъ міра: не зная границъ, христіанская религія въ силу этого содѣйствовала въ извѣстной степени философіи въ развитіи у

---

1) Victor Arnould. «Histoire sociale de l'Église», Société nouvelle, mai 1895.

каждаго народа или отдѣльнаго государства представленія объ иномъ, высшемъ человѣчествѣ.

№ 262. Равенна и ея окрестности.

Распредѣленіе водъ таково, какъ оно намѣчается на картахъ конца XIX вѣка. Въ эпоху, когда Равенна сдѣлалась столицей имперіи, дельты р. По и береговая линія менѣе выдвигались въ море, и полоса болотъ была обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Нижнее теченіе р. Рено—прежній рукавъ р. По.

Каждая революція—явленіе въ высшей степени сложное. Та самая религія, которая содѣйствовала широтою своихъ идеаловъ гибели Рима, ускоряла точно также и распаденіе римскаго общества, такъ какъ при-

давала совершенно исключительное значеніе индивидуальной личности. Каждый человѣкъ, исполненный трепетомъ и находящійся всецѣло подъ карающей десницей Бога, не имѣлъ съ другими людьми ничего общаго, кромѣ соучастія въ первородномъ грѣхѣ; ему угрожали страшныя муки ада, и у него не было иной надежды, какъ на искупленіе путемъ молитвы и умерщвленія плоти. Каждый долженъ былъ считать свое собственное спасеніе главнѣйшею и существеннѣйшею цѣлью; каждый принужденъ былъ думать ежеминутно о спасеніи своей души. До послѣдней минуты, однако, онъ долженъ былъ опасаться, что ему не удастся спастись, ибо «много званыхъ, но мало избранныхъ» [1]). Это стремленіе къ собственному спасенію имѣетъ характеръ настолько личный, что для того, чтобы угодить Богу, слѣдуетъ даже «ненавидѣть» ближайшихъ своихъ родственниковъ: «кто идетъ за мною и не отречется отъ отца и отъ матери своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ»! Если христіанская религія повелѣваетъ, тѣмъ не менѣе, помогать своему ближнему, то это лишь ради Бога и ради высокой любви Его. Вездѣсущее Божество разъединяетъ всюду людей, разъединяетъ даже супруговъ [2]).

Въ послѣднія времена римской имперіи христіанская религія вылилась въ окончательныя формы подъ вліяніемъ истиннаго продолжателя апостола Павла, св. Августина,—учителя церкви, который въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ вдохновлялъ сперва правовѣрныхъ католиковъ, позднѣе же реформаторовъ-протестантовъ. Въ западной церкви, по крайней мѣрѣ, ученія этого властнаго пастыря положительно сливались съ самими догматами: тогда какъ эллинское воспитаніе сближало человѣческую мысль съ добродѣтелью, христіанская религія привела ее въ связь съ унизительнымъ сознаніемъ «первороднаго грѣха» [3]). Человѣкъ пріучился не разсчитывать болѣе на самого себя, ожидать всего отъ милосердія Божія, т.-е. отъ капризовъ воли невѣдомаго всемогущаго властителя судебъ человѣческихъ, возсѣдающаго превыше облаковъ. По замѣчательному стеченію обстоятельствъ, въ ту самую эпоху, когда Августинъ провозгласилъ полное паденіе человѣчества, вынесши ему, такъ сказать, его смертный приговоръ,—именно въ эту эпоху наступилъ періодъ исторіи, когда варвары взялись осуществить на дѣлѣ такой смертный приговоръ, разоривъ въ конецъ страну, уничтоживъ всю цивилизацію и изъявъ, напримѣръ, Африку на многіе вѣка изъ области исторіи [4]).

Осужденные на смерть часто идутъ навстрѣчу своей судьбѣ. Римляне эпохи упадка обнаруживаютъ большую привязанность къ варва-

---

1) Матѳ. XXII, 14.—2) Michel Bakounine. «Le Principe de l'État», Société nouvelle, nov. 1898, p. 582 ss. — 3) Hartpole Lecky. «Rationalism in Europe». — 4) Victor Arnould. «Histoire Sociale de l'Eglise», Société nouvelle, oct. 1895, p. 417.

рамъ и нерѣдко стремятся подражать имъ своими обычаями. Въ особенности христіане, обрадованные тѣмъ, что видятъ въ нихъ новообращенныхъ единовѣрцевъ, приводятъ варваровъ въ примѣръ грекамъ и римлянамъ, будто бы ими вносилась, дѣйствительно, болѣе высокая цивилизація. Подобно Сальвьену, проповѣдующему ненависть къ богатымъ и дающему отпущеніе багодамъ, которые возстали и предали всю Галлію огню и мечу, св. Августинъ призываетъ вандаловъ, чтобы основать вмѣстѣ съ ними «Божій городъ»: онъ вѣруетъ, что при помощи этихъ варваровъ, сдѣлавшихся лишь наканунѣ ревностными служителями церкви, удастся основать новое, совершенное общество, достойное войти въ царствіе Божіе. Вандалы, на самомъ дѣлѣ, послѣдовали его приглашенію и осадили Гиппону (въ 430 г.); св. Августинъ умеръ, однако, не увидавъ ужасовъ вандальскаго нашествія.

Въ эту эпоху Римъ находился уже въ полномъ упадкѣ. Государство, тѣмъ не менѣе, боролось чрезвычайно энергично. Въ 403 году центръ сопротивленія былъ перенесенъ въ городъ Равенну, который былъ расположенъ выгоднѣе Рима, въ видахъ отраженія нашествія визиготовъ,—онъ находился ближе къ альпійскимъ проходамъ и былъ защищенъ рѣками и болотами. Всѣ побѣды Рима, однако, лишь отдалили вторженіе вражескихъ полчищъ. Визиготы, вандалы, суэвы, алены, бургунды, всѣ направились противъ Рима, но онъ, тѣмъ не менѣе, остался невредимъ. Наконецъ, въ 410 году ужасное событіе, столь давно ожидавшееся, совершилось: Аларихъ, бывшій самъ христіаниномъ и предводительствовавшій надъ визиготами-христіанами, появился предъ вратами Рима,— христіанка, женщина высшаго сословія, открыла эти врата убійцамъ. Папа Иннокентій еще до того покинулъ городъ, «чтобы не быть свидѣтелемъ гибели грѣховнаго народа», совершенно такъ же, какъ Лотъ покинулъ Содомъ, чтобы избѣжать гибели, подготовлявшейся Провидѣніемъ. Не смотря на разрушеніе и опустошеніе Рима, Аларихъ нашелъ въ средѣ христіанъ себѣ панегиристовъ, восхвалявшихъ его по заслугамъ; такъ, Павелъ Орозъ, ученикъ св. Августина, прославляетъ слѣдующимъ образомъ разрушителя: «Аларихъ былъ ниспосланъ Богомъ... Онъ былъ самымъ мягкосердымъ изъ завоевателей, такъ какъ былъ христіаниномъ: онъ щадилъ церкви, щадилъ римлянъ, которые искали въ нихъ убѣжища, онъ убивалъ лишь тѣхъ, кто былъ за портиками храма, и притомъ только язычниковъ, — такова уже была ихъ судьба».

За нѣсколько лѣтъ до взятія Рима тотъ же самый Аларихъ появился передъ Аѳинами, но онъ противостоялъ давленію, оказывавшемуся «нечестивыми людьми, одѣтыми въ черное», т.-е. монахами, которые сильнѣйшимъ образомъ настаивали на разрушеніи этой послѣдней «обители демоновъ». Быть-можетъ, онъ не рѣшался покуситься на велико-

лѣпіе Пареенона; онъ чувствовалъ, однако, меньше страха передъ Элевзидой и, уступивъ требованіямъ тѣхъ же самыхъ людей, одѣтыхъ въ черное, которые сопровождали его всюду, велѣлъ сжечь одинъ изъ красивѣйшихъ храмовъ, который когда-либо былъ созданъ человѣкомъ. Христіанскіе Герострaты эти были [1]) канонизированы церковью, но, помимо тріумфа, справленнаго мстительною религіею, радовавшеюся тому, что свершились ея предсказанія, моральное потрясеніе, вызванное паденіемъ Рима, отозвалось на всемъ цивилизованномъ мірѣ полнымъ крушеніемъ рѣшительно всего. Одинъ изъ тѣхъ авторовъ, которые съ наибольшею ненавистью проклинали римскій «Вавилонъ», именно, св. Іеронимъ, сидя въ своемъ монастырѣ въ Виѳлеемѣ, на границѣ пустынь, воскликнулъ: «факелъ міра угасъ, и въ этомъ единомъ разрушенномъ городѣ погибаетъ весь родъ человѣческій»!

1) Jules Baissac Société nouvelle, août 1896, pp. 165 ss.

ВАРВАРЫ.

◆◆◆

Хронологія.

Послѣ смерти Өеодосія оба его сына подѣлили его владѣнія, и раздѣлъ этотъ оказался окончательнымъ: Гонорій взялъ Западъ, Аркадій — Востокъ. Въ Константинополѣ главнѣйшіе властители, предшествовавшіе Юстиніану, были: Аркадій (395—408 г.), Өеодосій II (408—450 г.), Пульхерій и Марціанъ (450—457 г.), Левъ I (457—474 г.), Зенонъ (съ междуцарствіемъ 474—491 г.), Анастасій (491—518) и Юстинъ (518—527).

Въ Равеннѣ царствовали, владѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезвычайно ограниченной территоріей, Гонорій (395—424) и Валентиніанъ III (424—455 г.); за ними послѣдовало около десятка властителей, изъ коихъ послѣдній, Ромулъ-Августулъ, былъ низложенъ Одоакромъ въ 476 г.

Среди полководцевъ, считавшихся номинально римскими, должно упомянуть Аэція, побѣдителя при Шалонѣ, Бонифація, призвавшаго вандаловъ въ Африку и убитаго позднѣе предыдущимъ, наконецъ, Эгидія или Гилла (457—464 г.), защищавшаго бассейнъ Сены отъ вторженія франковъ, и его сына Сіагрія, который оказывалъ сопротивленіе франкамъ до 486 г.

Мы приводимъ далѣе по національностямъ главнѣйшія хронологическія даты, относящіяся до вторженія варваровъ, и нѣкоторыя имена царей; двѣ карты, приведенныя въ предыдущей главѣ, и шесть картъ, приводимыхъ въ настоящей, указываютъ детали передвиженія народовъ въ эту эпоху.

Гунны появились около 372 г. на берегахъ Волги; въ 441 г. мы находимъ ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, десять лѣтъ спустя — въ Галліи (битва при Шалонѣ въ 451 г.), въ 452 г. они—въ сѣверной Италіи; въ 453 г. главныя массы ихъ возвращаются назадъ на равнины по берегамъ Дона. Съ 427 до 453 г. предводителемъ гунновъ является Атилла.

Вандалы переходятъ Рейнъ въ 406 г. вмѣстѣ съ аленами и другими племенами; они доходятъ до Испаніи и вторгаются въ нее въ 410 г.; въ Мавританію они попадаютъ въ 429 г., берутъ Гиппону въ 430 г., затѣмъ Карөагенъ и прилежащіе острова; наконецъ, они разграбляютъ Римъ въ 455 г.; въ 453 г. ихъ покоряетъ Велизарій. Царями ихъ въ теченіе этого періода завоеванія были Гондерихъ (406—427) и Гензерихъ (427—477).

Визиготы переходятъ черезъ Дунай въ 375 г. и одерживаютъ побѣду при Адріанополѣ (378 г.), затѣмъ вступаютъ въ Грецію (395 г.). Разбитые при Полленціи (403 г.), они берутъ Римъ въ 410 г., занимаютъ Тулузу (412 г.) и Барселону (417 г.). Ими предводительствуетъ Аларихъ (395—410), затѣмъ Атаульфъ (410—415), Валлія (415—420), Теодорихъ I (420—451) и Теодорихъ II (453—465). При Эрикѣ (565—484) могущество визиготовъ достигаетъ своего апогея: ими взяты Лиможъ въ 471 г., Овернь въ 475 г., Арль въ 480 г. Послѣ Эрика послѣдовали Аларихъ II (484—507), убитый въ битвѣ при Вуилье, Амаларихъ (507—531), Реккаредъ (586—601) и др.

Остроготы оставались подъ началомъ гунновъ до 451 г., затѣмъ, подъ начальствомъ Теодориха Великаго (474—526), они прошли восточную имперію, взяли Равенну (493) и заняли Италію. За Теодорихомъ послѣдовали Аталарихъ (526—534), затѣмъ, между прочимъ, до завоеванія Италіи полководцами Юстиніана — Витегесъ (536—540) и Тотила (541—552).

Франки. Клодіонъ (428—448) беретъ Турнэ въ 431 г., Хлодвигъ (481—511) одерживаетъ побѣду при Суассонѣ (486 г.) и Тольбіакѣ (493 г.?), при Страсбургѣ? (496 г.), при Дижонѣ (500 г.) и при Вуилье (507). Изъ исторіи королей Меровинговъ мы приведемъ лишь раздѣленіе имперіи въ 511 и въ 561 гг. послѣ смерти Клотара; Меровинги занимали престолъ еще въ теченіе 200 лѣтъ, вплоть до 752 г., но, начиная съ 638 г., власть не находилась уже въ ихъ рукахъ.

Св. Павелъ отшельникъ Ѳеваиды	228—341
Св. Антоній, род. въ Верхнемъ Египтѣ	251—356
Гипатій изъ Александріи	370—415
Св. Патрикъ, род. въ Арморикѣ	387?—465?
Боэцій, род. въ Римѣ, казненъ въ Павіи	470—525
Св. Бенуа, род. въ Умбріи	480—543
Прокопій, род. въ Цезареѣ	500—565
Григорій, род. въ Римѣ, папа съ 590 г.	540—604
Іорнандъ, историкъ готовъ	VI вѣкъ
Григорій, род. въ Оверни, епископъ Тура	538—593
Св. Коломбанъ, род. въ Ирландіи	540—615

ВАРВАРЫ

Какъ ни рвались германскія племена въ бой, они все же, слѣдуя закону наименьшаго приложенія усилій, предпочитали часто добывать земли мирнымъ путемъ, безъ затраты силъ, въ обмѣнъ на ничего не стоющія почести.

Глава вторая.

ПУТИ АЗІИ И ЕВРОПЫ.—ГЕРМАНІЯ И ГЕРМАНЦЫ.—СТЕПЕНЬ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА И МИѲОЛОГІЯ ВАРВАРОВЪ.—ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.—ГУННЫ, ВАНДАЛЫ.—ГОТЫ И ФРАНКИ.—КОНЕЦЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.—ПУТИ ВО ФРАНЦІИ.—МЕРОВИНГИ.—ВТОРЖЕНІЕ ВЪ АНГЛІЮ И ЕЯ ПУТИ.—ЯЗЫЧНИКИ И ХРИСТІАНЕ.—МОНАШЕСТВО.—ИРЛАНДІЯ.

Само собою разумѣется, паденіе Рима вовсе не влекло за собою крушенія всего человѣчества, и самому городу было суждено воскреснуть и выполнить новое высокое значеніе,—однако, много вѣковъ должно было еще пройти до того момента, когда всѣ новые элементы, проникшіе въ римскій міръ, благодаря вторженію варваровъ, настолько между собою перемѣшались, что могли принимать участіе совершенно сознательно во всѣхъ завоеваніяхъ общей имъ мысли. Мѣсто происхожденія

многихъ изъ народностей, появлявшихся подъ стѣнами Рима, было столь отдаленно, что римляне не знали даже, изъ какой части свѣта народность эта пришла. Такой кажущійся хаосъ, такое смѣшеніе различнѣйшихъ представителей рода человѣческаго производились народами, принадлежавшими къ разнообразнымъ расамъ Европы и Азіи, — вѣдь грани міровой имперіи были въ тѣ времена нарушены, и начинающійся періодъ исторіи долженъ былъ мало-помалу, охватить все человѣчество и увлечь его во всемъ его цѣломъ въ своемъ эволюціонномъ движеніи.

Франконскія драгоцѣнности,
найденныя въ Арденнахъ.

Тому процессу разложенія, который происходилъ внутри имперіи, благодаря непрерывному вліянію новыхъ элементовъ общества, пытавшихся освободиться отъ установленій древняго отживающаго міра, сопутствовалъ съ давнихъ временъ уже процессъ непосредственнаго разрушенія: толпы завоевателей извергались послѣдовательно изъ самыхъ отдаленныхъ частей населенной области земного шара, разливались широкимъ потокомъ и вторгались за границы имперіи, 250 лѣтъ спустя послѣ «безпорядковъ» въ Галліи, въ самое сердце римскихъ владѣній вторглись кимвры и тевтоны, предъ которыми римляне дрожали какъ въ свое время предъ Ганнибаломъ, — однако, пять вѣковъ еще протекло послѣ этихъ ужасныхъ событій до того момента, когда наступила окончательная катастрофа. Римскіе полководцы въ теченіе долгаго времени защищали предѣлы имперіи, переходя въ наступленіе и перебрасывая войска то черезъ Дунай, то черезъ Рейнъ; послѣ Антониновъ и Северовъ произошелъ крутой поворотъ, и событія приняли еще болѣе угрожающій характеръ,—римской имперіи приходилось уже защищаться и то отражать непосредственныя нападенія на слабые пункты ея окраинъ, то терпѣть отъ возмущеній наемныхъ солдатъ или отъ давленія возставшихъ подвластныхъ народностей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что «варвары» вполнѣ заслуживали это свое наименованіе, подъ которымъ они извѣстны въ исторіи, если ихъ сравнивать съ римлянами и съ народностями, подвергшимися римскому вліянію, каковы галлы; было бы, однако, грубой ошибкой считать за-

воевателей римской имперіи совершенно несвѣдущими въ ремеслахъ и незнакомыми съ искусствами, развивающимися среди обстановокъ мирной жизни. Изучая коллекціи музея франконскихъ древностей въ Намюрѣ и другія подобныя же собранія, положительно, поражаешься красотою выполненія различныхъ предметовъ искусства ремесленниками этой германской народности, обосновавшейся въ долинѣ Мааса. Конечно, прежде всего бросается въ глаза красота ихъ оружія—ихъ сѣкиръ, кинжаловъ и мечей. Такое воинственное племя, какъ франки, должно было, казалось бы, первымъ дѣломъ стараться обзавестись прочнымъ и страшнымъ для враговъ оружіемъ: между тѣмъ, вызываютъ изумленіе эмальированныя украшенія, щиты и ножны, застежки и браслеты, красивые гребни изъ гравированной слоновой кости и различные другіе предметы, свидѣтельствующіе прежде всего объ искусствѣ мастера и его художественномъ вкусѣ. Въ ту эпоху, когда франки истребляли города, помѣстья и фабрики галловъ и римлянъ, они не были уже только разрушителями,—они обладали также извѣстнымъ чувствомъ мѣры и художественнымъ чутьемъ. Они носили въ себѣ наслѣдіе восточныхъ народностей, познанія и способности которыхъ передались невѣдомыми путями изъ Греціи и Рима вплоть до сѣвернаго Кавказа и Понта Евксинскаго; изучая находки, сдѣланныя въ Галліи, лишь одни спеціалисты въ состояніи различить предметы, выполненные руками завоевателей, отъ тѣхъ вещей, которыя были изготовлены во времена римскаго владычества. Варвары получили даже, хотя и въ слабой степени, нѣкоторые зачатки образованія, такъ какъ въ тѣ времена, когда римляне впервые пришли съ ними въ соприкосновеніе, волхвы ихъ обладали уже «рунами». Эти знаки, вырѣзанные на деревѣ или на камнѣ, произошли, повидимому, отъ древняго италійскаго алфавита,—если народы и не были обоюдно знакомы, то, во всякомъ случаѣ, между ними не переставали служить связующимъ звеномъ посредники, переносившіе пріобрѣтенія одного къ другому.

Франконскія драгоцѣнности,
найденныя въ Арденнахъ.

Украшенія, имѣющія форму птичьей головы, знаменитые такъ называемые „попугаи“ франконскихъ могилъ, представляютъ собою не что иное, какъ головы хищныхъ птицъ, часто изображаемыя на скиѳскихъ бронзовыхъ предметахъ Украины, на „чудскихъ“ бронзахъ Пермскаго края и на сибирскихъ бронзахъ Алтая [1]).

1) De Baye. «Mémoires de la Soc. nationale des Antiquaires de France», vol. LVI, 1907.

На основанiи указанiй, даваемыхъ рельефомъ земной поверхности, мѣстностью, наиболѣе важной въ смыслѣ сообщенiя Азiи съ Европой и обмѣна между ними товарами, преданiями и вѣрованiями, было, безъ сомнѣнiя, Дарьяльское ущелье, прорѣзающее Кавказскiй хребетъ на востокъ отъ Казбека. Объ этомъ свидѣтельствуетъ географiя, и это же подтверждаетъ исторiя. Оссы или осетины, одно племя коихъ носитъ названiе «иронъ», т.-е. иранцы, занимали оба склона Дарьяльскаго горнаго прохода и являлись посредниками очень значительной торговли между обитателями азiатскихъ плоскогорiй и населенiемъ гиперборейскихъ равнинъ. Эти оссы, къ которымъ Шантръ предлагаетъ причислить и «азовъ» (отсюда, быть-можетъ, Азовское море), напоминаютъ поразительнымъ образомъ своими нравами и преданiями древнихъ скандинавовъ; у нихъ было такое же представленiе о мiрѣ, тѣ же самыя формы миѳовъ, и, конечно, лишь продолжительному соприкосновенiю и постоянному пребыванiю въ дружеской странѣ должно приписать эту родственность между племенами [1]).

Безъ сомнѣнiя, разстоянiе между Кавказомъ и Балтiйскимъ моремъ, между Дарьяломъ или Упсалой или Одензе, очень значительно, но на этомъ обширномъ протяженiи нѣтъ вовсе естественныхъ препятствiй, и населенiе всего пространства было заинтересовано въ томъ, чтобы содѣйствовать мирной торговлѣ. Цѣлыя вереницы торговцевъ двигались въ томъ и другомъ направленiи по этому пути, и у историковъ является даже вопросъ, не представляетъ ли собою Одинъ, т.-е. «ходокъ», по одной изъ многочисленныхъ этимологiй этого имени [2]), простое олицетворенiе предводителей такихъ торговыхъ каравановъ [3])? Грузы, которые приходилось перевозить купцамъ, были по преимуществу товары цѣнные, занимавшiе мало мѣста и позволявшiе получать большiя прибыли. Съ юга купцы везли золото, серебро, мѣдь; съ сѣвера — олово, янтарь, мѣха. Они, впрочемъ, не только переносили произведенiя одной страны въ предѣлы другой, но и сами добывали богатства,—напр., разрабатывали залежи желѣза, находившiяся среди скандинавскихъ лѣсовъ. Стальное оружiе замѣнило собою бронзовыя копья, которыми до того времени пользовались воины,—вѣдь именно это-то и заставило возвести торговца и рудокопа Одина въ санъ великаго бога!

Другiя преданiя и другiе слѣды древней торговли свидѣтельствуютъ также о существованiи еще одного историческаго пути, которымъ пользовались очень часто,—именно пути между сибирскими горными хребтами Алтая и пространствами, вошедшими въ настоящее время въ со-

1) Gustave Geyer. «Svea Riker Hafder», t. I, p. 40; «Histoire de Suède», Upsala, 1825. — 2) Anderson. «Mythologie Scandinave», p. 50; по Адаму де-Брэму это имя означаетъ «Гнѣвный», по Клюге—«Нечестивый». – 3) Ph. Champault. «Le personnage d'Odin». Science Sociale, mai 1894, p. 398.

ставъ Россіи, Финляндіи и Швеціи: перевалы Урала и широкій проходъ между южнымъ концомъ горъ и сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря открывали удобный проходъ для путниковъ. По берегамъ верховьевъ Енисея были открыты руническія или, по крайней мѣрѣ, по-

№ 263. Распространеніе въ Сибири руническихъ надписей.

Прерывистой линіей обозначенъ путь отъ Дарьяльскаго ущелья къ Балтійскому морю и путь отъ Байкала до Самары, которымъ идетъ сибирская желѣзная дорога.

Нѣсколько необычная форма юго-западной части Байкала взята, какъ и остальные контуры карты, изъ атласа Штилера 1905 г.

См. также карту № 29, стр. 197 въ I томѣ, на которой нанесены торговые пути между Чернымъ и Балтійскимъ морями.

хожія на руническія надписи, которыя свидѣтельствуютъ о тѣсныхъ этническихъ отношеніяхъ алтайскихъ племенъ къ скандинавскимъ. Даже еще и далѣе къ востоку можно намѣтить путь, пройденный народностями, вырѣзавшими такія надписи. Ядринцевъ указываетъ нахожденіе руническихъ надписей въ долинѣ Орхона, близъ развалинъ Каракорума, а Клеменцъ нашелъ ихъ еще далѣе къ сѣверу, на востокъ отъ верховьевъ Селенги. Предполагаютъ, такимъ образомъ, что возможно

прослѣдить тотъ путь, по которому распространялось руническое письмо— оно шло по всей вѣроятности съ запада на востокъ, изъ сѣверной Европы въ восточную Азію. Промежуточнымъ этапомъ была, повидимому, страна югорскихъ племенъ или Біармія (Пермскій край), которая была населена чрезвычайно дѣятельными торговыми племенами, ведшими энергичную торговлю съ Балтійскимъ побережьемъ. Путь этотъ былъ, слѣдовательно, совершенно тожественъ тому, по которому позднѣе казаки вторглись въ Сибирь, и по которому въ недавнее время, до постройки сибирской желѣзной дороги, совершалось главнѣйшее передвиженіе людей и товаровъ между обѣими половинами имперіи.

Народность, обитавшая на Енисеѣ, которой приписываютъ пользованіе руническимъ письмомъ, добываніе мѣди и приготовленіе бронзы, была знакома также съ воспитаніемъ домашнихъ животныхъ. Этой народности была извѣстна лошадь, на которой всадники сидѣли безъ помощи стремянъ,—рисунки, вырѣзанные на скалахъ, представляютъ ихъ, по крайней мѣрѣ, всегда сидящими со свободными ногами и среди тысячи предметовъ, открытыхъ во время раскопокъ, не было найдено ни разу стремени. Народность эта была земледѣльческой и мирной: оружіе ея предназначалось скорѣе для охоты, чѣмъ для войны. Она занималась также волхвованіемъ, и огромные мѣдные котлы служили шаманамъ того времени для призыванія духовъ. Покойники хоронились подъ невысокими башенками, причемъ гробницы окружались каменными плитами, расположенными такимъ образомъ, что онѣ образовывали узоры, имѣющіе мистическое значеніе; въ самихъ могилахъ нерѣдко заключались клады изъ различныхъ драгоцѣнныхъ вещей, — они, впрочемъ, почти совершенно расхищены русскими переселенцами. Цѣлыя банды гробокопателей занимались разрываніемъ этихъ могилъ и продавали затѣмъ доисторическіе бронзовые предметы литейщикамъ, которые превращали ихъ въ побрякушки, въ подсвѣчники и даже въ церковные колокола [1]). Всѣ эти народности древней Сибири, оставившія послѣ себя рудники и могилы, соединяются подъ общимъ наименованіемъ «чуди»; то же наименованіе примѣняется въ равной степени и къ европейскимъ народностямъ, оставившимъ слѣды своего существованія, но не имѣющимъ въ настоящее время опредѣленныхъ наслѣдниковъ и потомковъ. Такъ, въ Эстляндіи озеро Пейпусъ, по берегамъ котораго находились немногочисленныя разсѣянныя среди болотъ и лѣсовъ поселенія туземцевъ, носитъ названіе «Чудскаго озера».

Изо всѣхъ естественныхъ путей къ западу отъ Алтая, Урала и Кавказа, путемъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе легкимъ былъ тотъ, который велъ чрезъ центральную Европу: онъ начинался на берегахъ Чернаго

1) J. Denicker «Tour du Monde».

моря въ той мѣстности, гдѣ впадаютъ Дунай и Днѣстръ, и гдѣ въ прежнія времена стоялъ основанный милетянами торговый городъ Ольбія; онъ огибаетъ затѣмъ съ востока великую полукружную стѣну Карпатовъ, направляется чрезъ невысокій водораздѣлъ въ долину Вислы и достигаетъ Балтійскаго моря. Путь этотъ, чрезвычайно удобный, имѣлъ большое значеніе еще съ до-историческихъ временъ, какъ о томъ свидѣтель-

Галльскій браслетъ массивнаго золота, найденный въ Каваре (Эссенъ).

ствуютъ многочисленные клады, состоящіе изъ предметовъ торговли, которая велась между обитателями Средиземнаго моря и сѣверными жителями. Въ тѣ времена, какъ и въ наши дни, изъ гавани Ольбіи вывозился хлѣбъ, добываемый въ черноземной области [1],—несмотря, однако, на все значеніе этого пути для мѣстной торговли и для переселенія восточныхъ племенъ въ Европу, онъ не могъ имѣть основного и главнаго значенія въ исторіи, такъ какъ сообщалъ Средиземное море съ океаническими берегами океана не прямо и непосредственно, а чрезъ по-

1) Геродотъ, «Исторія», IV, 17.

средство другихъ почти замкнутыхъ морскихъ бассейновъ — Чернаго и Балтійскаго моря.

Путь, шедшій черезъ Европу, начинавшійся у сѣверной оконечности Адріатическаго моря и образованный сходящимися дорогами, изъ которыхъ одна шла отъ устьевъ Эридана или По, другая—отъ Тимаро, считавшагося устьемъ выходящаго изъ-подъ земли Дуная, принадлежалъ также къ числу дорогъ, которыми пользовались очень часто. Относительно легко проходимые горные проходы позволяли народностямъ пересѣкать Альпы тѣмъ или другимъ изъ многочисленныхъ здѣсь горныхъ переваловъ. Достигнувъ Дуная и обогнувъ верхнія части долинъ Савы и Дравы, этотъ караванный путь доженъ былъ проходить недалеко отъ нынѣшней Вѣны и оттуда вступалъ въ равнины сѣвера по тому проходу, съ котораго съ одной стороны сбѣгаетъ притокъ Дуная, Морава, съ другой—рѣка Одеръ. Торговцы, слѣдовавшіе этимъ путемъ, доставляли германцамъ, литовцамъ и скандинавамъ вещи, изготовленныя обитателями Азіи или этрусками, и въ обмѣнъ получали для торговли на средиземноморскомъ побережьѣ драгоцѣнный янтарь, собиравшійся по берегамъ Балтійскаго моря. Въ теченіе долгаго времени греки думали, что прозрачная смола эта получается съ низменныхъ равнинъ Эридана,—предводители торговыхъ каравановъ тщательно оберегали секретъ своего маршрута [1]). Очень вѣроятно, что именно вдоль этого пути и его западныхъ отвѣтвленій была распространена золотая монета, имѣвшая видъ нѣсколько вздутыхъ дисковъ,—монета, образцы коей были найдены въ бассейнахъ Рейна, Эльбы и Дуная, въ Галліи, Венгріи и вплоть до Ломбардіи. Эти куски золота, обыкновенно не несущіе никакихъ надписей, обозначаются германскими археологами подъ названіемъ Regenbogen-Schüsselchen—«маленькія радужныя блюдечки», — изготовленіе ихъ приписывается бойямъ и гельветамъ и предшествовало вторженію кимвровъ въ Италію [2]).

Съ точки зрѣнія чисто-географической, оба эти восточные пути Европы, пересѣкающіе континентъ съ юга на сѣверъ и соединяющіе одинъ Черное, другой — Адріатическое море съ внутреннимъ моремъ Скандинавіи, являются второстепенными по сравненію съ тѣмъ главнымъ путемъ, который пересѣкалъ Галлію отъ устьевъ Роны до устьевъ Сены и соединялъ кратчайшимъ способомъ берега Средиземнаго моря съ открытымъ океаномъ. Бóльшая часть альпійскихъ проходовъ, которыми пользовались завоеватели и торговцы Италіи, были лишь придаточными путями, отходившими отъ главнаго, образуемаго Роной, Соной и Сеной, и только еще болѣе увеличивали его значеніе. Наконецъ, перевалы

---

1) Fr. Lenormant. «Les premières Civilisations». — 2) Ch. Robert et Al. Bertrand. Acad. des Inscriptions, janvier 1884.

чрезъ центральную часть Альповъ, открывавшіеся далѣе къ востоку и дававшіе доступъ на сѣверъ въ долины Рейна и Дуная, имѣли то неудобство, что приходилось послѣдовательно пересѣкать рядъ хребтовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они наиболѣе мощны и высоки, и затѣмъ приходилось вступать въ области, прохожденіе по коимъ чрезвычайно трудно. По этимъ путямъ Германіи приходится пересѣкать континентъ на несравненно бо́льшемъ протяженіи, чѣмъ слѣдуя галльскимъ путемъ; къ тому же море, котораго, въ концѣ концовъ, достигаешь, представляетъ собою океанъ, продолжающійся безгранично вплоть до областей, покрытыхъ льдами сѣвера.

Внѣшнія черты строенія нашей планеты использовались, однако, человѣкомъ весьма различнымъ способомъ, въ зависимости отъ эпохи: условія окружающей цивилизаціи бываютъ чрезвычайно разнообразными и иногда могутъ вліять на то или другое обстоятельство, на которое въ иномъ случаѣ не оказываютъ ни малѣйшаго дѣйствія,—вѣдь и костеръ, приготовленный изъ наилучшаго, сухого дерева, не загорается до тѣхъ поръ, пока на него не упадетъ искра! Великіе пути, пересѣкающіе европейскій материкъ, имѣли каждый свою эпоху наибольшаго значенія, соотвѣтственно съ дѣятельностью и со степенью культурности тѣхъ народовъ, которые ими пользовались. Совершенно подобно тому, какъ въ настоящее время желѣзныя дороги, пересѣкающія Альпы, перемѣщаютъ меридіональную ось европейской торговли по направленію къ востоку отъ территоріи Галліи, такъ во времена римской имперіи аналогичное перемѣщеніе заставило торговлю, шедшую по долинѣ Дона, перейти къ западу, на путь, идущій вдоль Роны. Когда центръ всей дѣятельности человѣчества находился на берегахъ Эгейскаго моря, въ Греціи и Малой Азіи, восточные пути Европы пріобрѣли въ силу этого самаго обстоятельства первоклассное экономическое значеніе, какимъ не располагалъ въ то время западный путь, шедшій чрезъ Галлію. Пути, идущіе черезъ Сарматію, служили, главнымъ образомъ, для хлѣбной торговли, равно какъ и для торговли металлами, янтаремъ и мѣхами,—все политическое существованіе этихъ восточныхъ странъ покоилось всецѣло на экономическомъ равновѣсіи прилива и отлива товаровъ, циркулировавшихъ между сѣверомъ и югомъ. Когда же очагъ политическаго могущества перемѣстился на западъ, изъ Греціи по направленію къ Риму и къ Галліи, тогда долженъ былъ неизбѣжнымъ образомъ произойти переворотъ. Торговые караваны потеряли тѣ выгоды, которыя имъ предоставляла торговля въ теченіе многихъ поколѣній; готы и другія народности, принимавшія участіе въ этой торговлѣ, лишились своихъ унаслѣдованныхъ ими правъ,—они были принуждены измѣнить свое ремесло, сильно отстали въ культурѣ, сдѣлались разбойниками и грабителями, то поступавшими на службу римлянъ, то подчинявшимися своимъ выборнымъ на-

чальникамъ. Въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ тѣхъ грандіозныхъ передвиженій среди человѣчества, которыя получили названіе «переселенія пародовъ» [1]).

Со времени этого великаго событія продольные пути, идущіе черезъ Европу съ востока на западъ, получили несравненно бо́льшее значеніе, чѣмъ пути поперечные, имѣющіе своимъ исходнымъ пунктомъ Италію и въ частности Римъ. Галлія съ ея мягкимъ климатомъ, многочисленными рѣками, плодородными равнинами и невысокими горами являлась страной, почти въ такой же степени привлекавшей народности, какъ Италія, причемъ къ тому же она оказывалась гораздо болѣе доступною. Отъ равнинъ, по которымъ протекаетъ Волга, до долинъ Соммы, Сены и Луары, какъ показываетъ взглядъ, брошенный на карту, нѣтъ никакихъ естественныхъ препятствій. Въ прежнія времена, правда, здѣсь были въ большомъ числѣ болота, обширные лѣса и широкія рѣки, — однако, торговцы и другіе путешественники, являвшіеся къ мѣстному населенію съ мирными цѣлями въ качествѣ друзей, находили здѣсь безъ труда проводниковъ, показывавшихъ имъ сухія тропинки, просѣки и броды черезъ рѣки. Что же касается народовъ-завоевателей, несшихъ съ собою опустошеніе, двигавшихся громадными массами, то имъ приходилось пробивать себѣ дорогу чрезъ враждебное населеніе и нерѣдко увлекать его за собою. Наиболѣе широкій путь открывался имъ всегда въ той области полосы низменныхъ пространствъ, которая тянется въ сѣверной Германіи,—тамъ же грабежи и разбой доставляли имъ наибольшее количество добычи.

Въ давнія эпохи, предшествовавшія столкновенію римскихъ легіоновъ съ германскими племенами, обширная территорія, ставшая теперь Германіей, была далеко не въ одинаковой степени на всемъ своемъ протяженіи занята населеніемъ: распредѣленіе народностей тамъ представляло гораздо болѣе контрастовъ, чѣмъ распредѣленіе племенъ въ Галліи. Къ югу отъ прибрежныхъ сѣверныхъ областей горные массивы и хребты, незначительные по вышинѣ, не могли являться препятствіемъ сплошному заселенію обоихъ своихъ склоновъ; однако, лѣса, покрывавшіе огромныя пространства, горныя цѣпи, плоскогорія и равнины, разъединяли колонизаторовъ и переселяющіяся народности гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ крутые обрывы, скалы и пропасти: горные хребты, служившіе основой обширнымъ лѣсамъ, оставались даже какъ бы въ неизвѣстности, и вниманіе народностей обращалось единственно на черную непроницаемую массу дѣвственнаго лѣса; горы исчезали въ глазахъ народностей подъ густымъ покровомъ растительности, покрывающей ихъ, и вплоть до нашихъ дней многія изъ горныхъ мѣстностей обозначаются по названіямъ

1) Ph. Champault. «Science Sociale», 1894, p. 53.

лѣсовъ — Шварцвальдъ (Черный лѣсъ), Оденскій лѣсъ, Богемскій лѣсъ,

№ 264. Лѣса въ Германіи.

1 : 6 000 000

0 100 200 300 килом.

Главнѣйшія лѣсныя области Франціи и Германіи скопированы со спеціальныхъ картъ этихъ странъ. Хвойные лѣса къ сѣверу отъ Дуная изображены по R. Gradmann, Peterm. Mittheil. 1899. Шарбоньерскій лѣсъ нанесенъ по даннымъ Duvivier, „Le Hainaut ancien".

Очертанія береговъ соотвѣтствуютъ современному періоду. Въ эпоху переселенія народовъ Зюйдерзее не существовало, но побережье Нѣмецкаго моря менѣе выдавалось на западъ, чѣмъ теперь.

Тюрингскій лѣсъ, Франконскій лѣсъ, Баварскій лѣсъ,—или по наимено-

ванію древесныхъ породъ—Фихтельгебирге (еловыя горы). Существовали, правда, тропинки, проходившія чрезъ эти густо заросшія лѣсомъ пространства, такова, напримѣръ, тропинка Реннштегъ, но ими могли пользоваться лишь странники, путешествовавшіе съ мирными цѣлями.

Какъ свидѣтельствуютъ слова римскихъ авторовъ, называвшихъ лѣса Германіи не иначе, какъ «ужасными», «страшными», лѣса эти были совершенно не тѣмъ, чѣмъ они являются въ настоящее время, когда мы видимъ передъ собою заросли высокихъ деревьевъ, тщательно очищенныхъ отъ подлѣска, отъ сухихъ вѣтвей и гнилыхъ пней, видимъ прорѣзающія ихъ дороги и широкія просѣки, проведенныя на случай пожара. Тогда это были дѣвственныя заросли, гдѣ переплетались между собою стволы и вѣтви живыхъ и отмершихъ деревьевъ, гдѣ между корнями скоплялись воды и образовывали болота. Въ тѣ времена даже охотники въ поискахъ за дичью не заглядывали глубоко внутрь лѣса; земледѣльческое же населеніе было настолько малочисленно, что не покидало естественныхъ травянистыхъ пространствъ и степей и не проникало въ глубь тѣнистыхъ молчаливыхъ лѣсовъ. Такимъ образомъ, естественные пути, по которымъ переселялись народности, намѣчались не только судоходными рѣками, но въ то же время и равнинами, покрытыми травою. Пути эти огибали обширныя лѣсныя пространства, остававшіяся почти необитаемыми, и пункты столкновеній и встрѣчъ между народностями намѣчались самой природой въ мѣстахъ пересѣченія данныхъ путей.

Въ южной Германіи также имѣлся основной естественный путь, шедшій съ востока на западъ: ступени, по которымъ спускается Дунай отъ Шварцвальда къ Понту Евксинскому, отмѣчаютъ главные этапы этого продольнаго пути. Безъ сомнѣнія, онъ прерывается во многихъ мѣстностяхъ на своемъ протяженіи, но въ общемъ представляетъ собою путь все же очень длинный, идущій по сѣверному склону горъ, которыя тянутся отъ Балканъ до западныхъ Альповъ; особенно ясно намѣчается этотъ историческій путь по бассейну Дуная, выше Пресбурга и Вѣны,—главнымъ образомъ, въ этомъ направленіи и двигались народности, равно какъ и арміи завоевателей, направлявшіяся въ Галлію или шедшія въ обратномъ направленіи—въ Германію. Западная оконечность долинъ Дуная направлена какъ-разъ къ тѣмъ прорывамъ, которые открываются къ югу отъ Шварцвальда и Вогезовъ,—далѣе путь продолжается вплоть до центральной части Франціи, образуя проходъ, сохранившій свое значеніе вплоть до недавнихъ историческихъ временъ. Торговые пути по Дунаю были также и дорогами, по которымъ двигались всевозможные разрушители культуры—германцы, славяне, финны, монголы и тюрки,—извѣстно, какими потоками крови былъ окаймленъ ихъ путь! Вслѣдствіе того нѣкоторымъ историкамъ казалось вѣроятнымъ, что тѣ пещеры съ глубокими подземными галлереями, которыя встрѣчаются

въ этихъ мѣстностяхъ, должны были служить прибѣжищемъ для терроризованныхъ представителей тѣхъ народовъ, которые жили въ богатой Дунайской долинѣ, начиная съ Галльштадтской эпохи до эпохи Рима [1]).

№ 265. Озерныя жилища на Нейшательскомъ озерѣ.

Въ 1887 г. уровень Нейшательскаго озера былъ пониженъ на 2,5 метра и въ настоящее время онъ находится на высотѣ 432,3 метра. Прежніе берега нанесены прерывистой линіей.

Изъ 70-ти извѣстныхъ въ настоящее время мѣстностей, содержащихъ остатки озерныхъ жилищъ, 45 относятся къ каменному вѣку, остальныя—къ бронзовому. Селеніе, расположенное ближе всего къ рѣкѣ, вытекающей изъ сѣверной части озера и впадающей въ Біеннское озеро, было еще населено въ эпоху желѣзнаго вѣка, и населеніе сохранялось тамъ, по крайней мѣрѣ, до перваго вѣка до Р. Хр.

Точно также и деревни на сваяхъ, «свайныя постройки», существовали еще кое-гдѣ и были населены въ эпоху нашествія варваровъ.

Почти замкнутые бассейны, въ которыхъ народности могли укрѣпляться какъ въ цитаделяхъ, являются одною изъ характерныхъ чертъ строенія центральной Европы. Идя съ востока на западъ, первый изъ такихъ бассейновъ мы встрѣчаемъ въ формѣ древняго морского залива,

1) O. Graewe, «Globus», 10 März 1904.

по которому пробѣгаетъ Дунай до своего впаденія въ Черное море. Рѣка эта дѣлитъ овальный амфитеатръ горъ на двѣ почти равныя половины, сѣверную долину Валахіи, надъ которой вздымается высокая стѣна Карпатовъ, и южную—долину Болгаріи, которая постепенно поднимается къ цѣпямъ Балканскихъ горъ. На западѣ врата этого горнаго цирка какъ бы замыкаются высокими скалами побережій Дуная: представляло большія трудности проникнуть въ этотъ извилистый проходъ, не имѣющій ни тропинокъ, ни деревень, ни населенія, которое могло бы сдѣлаться культурнымъ. До того времени, когда Траянъ выстроилъ въ этомъ ущельи дорогу, просѣченную прямо въ скалѣ, здѣсь нельзя было передвигаться, не подвергая жизнь свою опасности; преграда была настолько значительной, что мѣстное населеніе, «обитавшее на томъ и на другомъ склонѣ, сообщалось между собою лишь по горнымъ тропинкамъ, проходившимъ по боковымъ долинамъ рѣки и поднимавшимся до высокихъ перевалoвъ.

По другую сторону этихъ такъ называемыхъ «Желѣзныхъ Воротъ» находится второй горный циркъ, также окруженный отдѣльными вершинами и пересѣкаемый посрединѣ Дунаемъ: это область, занимаемая въ настоящее время венграми и другими союзными имъ народами, соединенными по желанію или противъ воли въ одно общее политическое цѣлое. Въ верхней части рѣки, непосредственно ниже впаденія Моравы, циркъ замыкается горами далеко не столь совершенно, какъ ниже по теченію, и населеніе должно было помочь природѣ, чтобы сдѣлать проходъ невозможнымъ: съ другой стороны, относительно удобные прорывы въ горахъ открывали доступъ во внутреннюю область цирка; со стороны юго-запада, именно со стороны Адріатическаго моря, богатая долина рѣки По, южный климатъ и южная цивилизація оказывали сильнѣйшее притяженіе и побуждали народности къ попыткамъ переселяться туда и завоевывать страны; вмѣстѣ съ тѣмъ, географическое расположеніе этой обширной, окруженной горами площади оказывало постоянное вліяніе на распредѣленіе дунайскихъ народностей.

Третья область центральной Европы, которую можно въ то же время съ полнымъ правомъ разсматривать какъ географическій центръ европейскаго континента, представляетъ тѣ же особенности замкнутаго со всѣхъ сторонъ, укрѣпленнаго самою природою мѣста—страна эта Богемія; съ трехъ сторонъ—съ юго-запада, съ сѣверо-запада и съ сѣверо-востока—поднимаются высоко стѣны горъ, образуемыя многочисленными рядами хребтовъ, чрезвычайно трудно проходимыми, вслѣдствіе обширнѣйшихъ лѣсныхъ зарослей; лишь юго-восточная сторона не представляетъ подъема почвы, имѣющаго горный характеръ,—эта послѣдняя сторона обширнаго ромба скорѣе лишь намѣчена, чѣмъ рѣзко отдѣлена, но и она все же настолько значительна, что съ нея сбѣгаютъ воды на западъ

къ Эльбѣ и на востокъ къ Моравѣ и Дунаю. Эта центральная цитадель Европы остается столь же открытой и къ востоку, по направленію къ славянскому міру, и именно съ этой стороны пришли теперешніе обитатели страны. До нашихъ дней, несмотря на сглаживающее вліяніе современной цивилизаціи, несмотря на постройку путей сообщенія

Дунай у «Желѣзныхъ Воротъ».

и на смѣшеніе расъ и нарѣчій, рельефъ почвы земной поверхности сохранилъ все свое значеніе въ смыслѣ распространенія и равновѣсія народностей, различныхъ по своему происхожденію.

Равнина Баваріи образуетъ четвертый бассейнъ. Она на самомъ дѣлѣ не рѣзко ограничена съ сѣвера и съ запада, но намѣчена все же въ достаточной степени ясно. Перевалы очень незначительной высоты сообщаютъ здѣсь долину Дуная съ долинами Майна и Неккара и съ бассейномъ Констанцскаго озера,—народности, обитающія между Альпами и тѣми цѣпями высотъ, которыя носятъ названіе Швабской и Франконской Юры и Баварскаго Лѣса, сохраняли во всѣ времена извѣстное чувство своей географической независимости.

Въ эпоху переселенія народовъ, также какъ и въ наши дни, центральная Европа была населена на значительнѣйшемъ протяженіи народами такъ называемой германской расы, — германской она называется

по языку, на которомъ говорятъ эти народности, и на основаніи ихъ преданій. Въ дѣйствительности, мы почти ничего не знаемъ о физическомъ характерѣ и особенностяхъ этихъ народовъ, которые дѣлятся обыкновенно на сарматскую, готскую, германскую и кельтскую вѣтви. Такъ, вандалы причисляются къ германскимъ племенамъ, родоначальникамъ современныхъ нѣмцевъ; съ другой стороны, венды, венеды и венеты принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ сарматской вѣтви и являются родоначальниками славянскихъ племенъ,—имя ихъ сохранилось до сихъ поръ въ наименованіи вендовъ Лаузица; но является ли на самомъ дѣлѣ лишь простымъ внѣшнимъ совпаденіемъ сходство наименованій «венды» и «вандалы» — открытый вопросъ. Подобныя же трудности встрѣчаются при изученіи происхожденія бургундовъ, аленовъ и др. [1]). Надо думать что въ до-историческія эпохи значеніе расы играло не бо̀льшую роль, какъ въ наши дни [2]).

Разсматривая народности лишь съ лингвистической точки зрѣнія, историки пытались возстановить области ихъ распространенія и намѣтить хотя бы самымъ приблизительнымъ образомъ карту распредѣленія ихъ въ эпоху, предшествовавшую переселенію народовъ. Изъ этихъ изслѣдованій можно сдѣлать выводъ, что въ общихъ чертахъ еще съ этой эпохи наблюдалось дѣленіе народностей на нижне-германскія и верхнегерманскія, и это дѣленіе удержалось въ общихъ чертахъ, несмотря на всѣ перемѣщенія, которыя происходили, до нынѣшняго времени. Никогда, однако, германскія народности, съ того самаго времени, какъ о нихъ двадцать-два съ половиной вѣка тому назадъ впервые упоминаетъ Пиѳей, не образовывали одной единой связной націи, сознающей свое этническое единство и считающей себя чѣмъ-либо обособленнымъ отъ другихъ народностей. Повидимому, у германскихъ племенъ не было даже общаго наименованія, такъ какъ названіе «германцы» не примѣнялось ими, и не извѣстно, каковъ былъ дѣйствительный смыслъ его — «люди войны», «люди мечей», «восточные люди», «крикуны» или же «сосѣди» [3]). Несмотря на то, что германскія племена были знакомы съ земледѣліемъ, которымъ занимались, главнымъ образомъ, женщины, и что въ силу этого занятія земледѣліемъ у нихъ развивалась любовь къ землѣ и къ осѣдлой жизни, ихъ частыя войны, внезапные набѣги и необходимость спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ, вызывали у всѣхъ германцевъ сохраненіе полукочевого образа жизни. Еще даже въ средніе вѣка въ германскихъ законахъ домъ помѣщался среди движимыхъ имуществъ— несомнѣнный пережитокъ тѣхъ временъ, когда жилищами являлись повозки, тянувшіяся за толпами воиновъ съ одного поля битвы Западной

---

1) André Lefèvre. «Germains et Slaves»; Emile Eude. «Cosmos». — 2) Van Gennep.—3) Mahu. «Ueber den Ursprung und die Bedeutung des Namens Germanen».

Европы на другое [1]),—повозки, съ которыхъ женщины мечами гнали обратно въ битву бѣглецовъ, готовыя убить себя и дѣтей, если воины не вернутся побѣдителями!

Война, вѣчная война была идеаломъ германцевъ,—неопровержимымъ доказательствомъ этого являются собственныя имена, преобладавшія тогда среди ихъ семей. Бо́льшая часть этихъ именъ основана на воинскомъ честолюбіи или желаніи вселить страхъ врагамъ, — таковы имена Зигидегунъ — «побѣдоносный мечъ», Плехельмъ — «блещущій шлемъ», Гундульфъ—«волкъ битвъ», Вальраммъ—«воронъ убійства», таково сохраняющееся до сихъ поръ имя, Эйтель, напоминающее о жестокомъ и кровожадномъ Атиллѣ. Многія имена и фамиліи, носимыя въ настоящее время лицами, совершенно не знающими ихъ первоначальнаго значенія, увѣковѣчиваютъ въ нашихъ современныхъ языкахъ память о кровавыхъ дѣяніяхъ тѣхъ далекихъ эпохъ.

Несмотря на родство съ греками и римлянами по языку и, весьма вѣроятно, также и по происхожденію, германцы отличались отъ нихъ значительно своими нравами, гражданскими и политическими установленіями,—вслѣдствіе своего существованія за счетъ войны германцы отставали отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, на тысячелѣтіе. Тацитъ, описывающій нравы и обычаи германцевъ, имѣетъ при этомъ очевидную цѣль противопоставить ихъ своимъ изнѣженнымъ согражданамъ и выставить послѣднихъ въ нѣсколько ироническомъ свѣтѣ. Германцы, дѣйствительно, могли похвалиться чертами характера, какими вообще обладаютъ народности, живущія среди постоянныхъ опасностей: они умѣли легко переносить всѣ трудности, помогали другъ другу въ битвѣ, жертвовали даже жизнью другъ за друга; они говорили и дѣйствовали съ полнымъ чистосердечіемъ, они обладали также способностью глубоко чувствовать окружающую природу, съ которой составляли какъ бы одно цѣлое. Такая жизнь развивала въ нихъ, однако, неизбѣжнымъ образомъ также духъ деспотизма и насилія. Мужчина былъ полнымъ господиномъ надъ женщиной, надъ дѣтьми и слугами и, въ свою очередь, въ военное время долженъ былъ слѣпо повиноваться вождю, имѣвшему надъ нимъ неограниченное право жизни и смерти.

Та стадія цивилизаціи, которой достигли германцы, прекрасно характеризуется обычаемъ усыновленія дѣтей, распространеннымъ у нихъ. Въ основѣ своей германское право было тожественнымъ съ римскимъ,—начало ему дали одинаковыя причины. Отецъ не былъ увѣренъ въ томъ, что будетъ въ состояніи прокормить свое потомство, и потому ему предоставлялось право не оставлять въ живыхъ ребенка, появляющагося на свѣтъ. Но если актъ этотъ и былъ вполнѣ сходенъ у обѣихъ на-

---

1) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», t. I, p. 70.

цій, то внѣшнія формы, сопровождавшія его, были совершенно различны, — сѣверные жители, не сдѣлавшіеся еще «горожанами», жили въ болѣе тѣсномъ единеніи съ природой и видѣли постоянно вокругъ себя духовъ и иныя таинственныя существа, которыхъ приходилось брать въ свидѣтели своихъ поступковъ. У различныхъ германскихъ племенъ ребенокъ получалъ право на жизнь съ того момента, когда губы его прикасались къ меду или къ молоку, или же когда хоть одна капля воды очищала его тѣло, или, наконецъ, когда крикъ его достигалъ четырехъ стѣнъ хижины, или взоръ его падалъ на балки крыши [1],— по всѣмъ четыремъ угламъ хижины склонялись къ нему уши духовъ, прислушивавшіяся къ его первому плачу. Во всякомъ случаѣ, въ общество людей ребенокъ вступалъ не иначе, какъ путемъ формальнаго усыновленія, — отецъ долженъ былъ поднять его на руки, дать ему имя, такъ сказать, вдохнуть въ него душу. Послѣ совершенія этого обряда жизнь сына или дочери была гарантирована, и право убить или покинуть ребенка предоставлялось отцу лишь въ случаѣ какого-либо крайняго бѣдствія. Впрочемъ, по отношенію къ рабамъ и ихъ потомству все было дозволено. Когда отпущенный рабъ умиралъ, не имѣя средствъ къ существованію, дѣти его запирались въ пещеру, и его бывшій господинъ былъ обязанъ поддержать жизнь лишь того изъ нихъ, кто выживалъ дольше всѣхъ,—«переживаніе наиболѣе приспособленнаго», таковъ былъ девизъ германцевъ еще за двѣ тысячи лѣтъ до Дарвина!

Въ качествѣ рельефнаго примѣра древнихъ нравовъ можно привести геруловъ—самый «консервативный» изъ германскихъ народовъ,—это по своимъ обычаямъ типичнѣйшіе представители другихъ «варварскихъ» народностей той эпохи, которая предшествовала выступленію этихъ народностей на арену исторіи. Будучи обитателями южныхъ береговъ Балтійскаго моря, герулы оставались долгое время заключенными въ предѣлахъ своей области и были отрѣзаны отъ другихъ народностей рѣками, озерами и болотами. Когда въ началѣ VI вѣка имъ былъ открытъ Анастасіемъ доступъ въ Восточную римскую имперію,—онъ пригласилъ ихъ туда союзниками и наемниками,—они совершали еще языческіе обряды,—изъ германцевъ они были единственнымъ племенемъ, приглашеннымъ для защиты имперіи, которое не было еще обращено въ христіанство, по меньшей мѣрѣ, по имени. Прокопій считаетъ ихъ за людей, совершенно отличныхъ отъ всѣхъ другихъ, такъ какъ у нихъ сохранялся обычай убивать стариковъ и больныхъ. Какъ только кто-нибудь становился слабымъ и безсильнымъ отъ старости, друзья и родственники его складывали огромный костеръ и помѣщали на него намѣченную жертву; кто-нибудь изъ другихъ геруловъ, не имѣющій

---

1) Grim. «Rechtsalterthümer».

Предводитель варваровъ въ плѣну.
(Луврскій музей)

отношенія къ семьѣ убиваемаго, ударялъ его кинжаломъ и затѣмъ зажигалъ костеръ. Этотъ страшный обычай, быть-можетъ, лишь въ нѣсколько иныхъ формахъ, практиковался, однако, и мамертинцами, и евреями, и скандинавами [1]) и практикуется и до настоящаго времени у чукчей на берегахъ Ледовитаго океана. У геруловъ, бывшихъ племенемъ по преимуществу воинственнымъ, отсутствіе пищевыхъ запасовъ, которое несомнѣнно являлось первопричиной умерщвленія слабыхъ и больныхъ, не приводилось болѣе въ оправданіе этихъ жертвоприношеній,—они говорили, что старики должны умерщвляться въ угоду богамъ, чтобы искупить своею смертью жизнь молодыхъ. Угаснуть естественною смертью считалось у этихъ суровыхъ воителей даже не только постыднымъ, но и направленнымъ во вредъ общества. Точно также у нихъ та женщина, которая не послѣдовала бы за тѣломъ своего супруга на костеръ, считалась бы обезчещенной на всю жизнь.

Скандинавская миѳологія, приближающаяся къ миѳологіи германцевъ и увѣковѣченная великой эпопеей Вагнера, показываетъ намъ, каковъ былъ образъ жизни этихъ древнихъ воинственныхъ племенъ. Каково бы ни было первоначальное происхожденіе Одина, суровые воины, каковыми являлись охотники и пираты сѣвера, передѣлали его по своему собственному образу и подобію. Первоначально кузнецъ, кующій сталь, онъ дѣлается затѣмъ Богомъ «господъ», благородныхъ воиновъ и военачальниковъ, тогда какъ Торъ, божество болѣе древнее, продолжаетъ покровительствовать низшимъ классамъ, покровительствовать рабамъ. Какъ ни былъ Торъ, вооруженный молотомъ, жестокъ и суровъ, онъ былъ божествомъ относительно мирнымъ по сравненію съ Одиномъ, покровителемъ благородныхъ воиновъ: въ случаѣ побѣды воины приносили своихъ враговъ въ жертву Одину, будучи же побѣждены—они шли къ нему, въ его царство; въ томъ и другомъ случаѣ, когда проливалась въ битвахъ кровь, жажда бога утолялась, и воины заслуживали войти въ Валгаллу—«чертогъ павшихъ въ битвѣ». Плѣнники постоянно приносились въ жертву,—ихъ либо бросали на погибель въ колючіе кустарники, либо сдирали съ нихъ кожу, либо, какъ это дѣлалось чаще, вѣшали ихъ на деревья и въ то же время прокалывали кинжаломъ; затѣмъ иногда призывались волхвы, рисовавшіе на ихъ трупахъ руны, чтобы вызвать души умершихъ и вопросить ихъ о будущемъ. Среди многихъ другихъ наименованій, которыя въ сагахъ даются Одину, онъ называется также «богомъ висѣлицъ», и это названіе примѣняется чаще всего. Черезъ каждыя девять лѣтъ совершались въ честь Одина грандіозныя жертвоприношенія, при которыхъ въ угоду ему убивались уже не плѣнники, а члены того же племени; нерѣдко сыновья убивали своихъ отцовъ, чтобы

1) H. M. Chadwick. «The Cult of Othin».

продолжить свою собственную жизнь; вмѣстѣ съ человѣческими жертвоприношеніями приносились въ жертву также сокола, являвшіеся, безъ сомнѣнія, символами окрыленной души человѣческой.

Передъ битвою совершалась иногда символическая церемонія, имѣвшая ужасный смыслъ: надъ головами враговъ бросалось копье, какъ бы въ знакъ того, что они поступаютъ подъ власть «всемогущаго божества». Въ этомъ случаѣ всѣ враги обрекались на смерть, всѣ ихъ воины умерщвлялись въ честь Одина, и военная добыча должна была быть предоставлена ему же,—все снятое съ враговъ оружіе нужно было бросить; благодаря этому получались тѣ скопленія оружія и другихъ различныхъ предметовъ, которыя археологи находятъ въ сѣверныхъ болотахъ, особенно въ Шлезвигѣ и въ Іиландѣ [1]). Кимвры и тевтоны, принадлежавшіе къ тому же циклу цивилизаціи, какъ древніе скандинавы, обрекали также вражескую армію на смерть въ честь своихъ боговъ; римскіе легіоны Арминія подобнымъ же образомъ были въ религіозныхъ цѣляхъ обречены на смерть германцами. Еще въ концѣ X вѣка между 960 и 970 г.г. указывается битва, которой предшествовало метаніе копья надъ головами враговъ, символизирующее полное истребленіе. Человѣческія жертвы въ религіозныхъ видахъ, равно какъ и умерщвленіе вдовъ при погребеніи супруговъ, имѣли мѣсто еще въ началѣ XI вѣка, хотя въ эту эпоху норманны, постепенно обращавшіеся въ христіанство при своихъ частыхъ сношеніяхъ съ народностями Западной Европы, стали, мало-по-малу, содѣйствовать измѣненію нравовъ своего первоначальнаго отечества [2]).

Эти сѣверные и восточные народы двигались всѣ безъ какой-либо связи между собою и безъ всякаго соглашенія, даже безъ сознанія, что они принимаютъ участіе въ общемъ этническомъ движеніи,—они двигались по направленію къ границамъ римскаго міра, напирали на эти границы, требуя у римлянъ прибѣжища и пропитанія; мало-по-малу, они смѣлѣли, завладѣвали землями и, наконецъ, брали города и забирали власть въ свои руки. Со стороны сѣвера, гдѣ высоко поднимались сплошною стѣною Альпы и предгорья ихъ, Траянъ добавилъ къ естественнымъ средствамъ защиты имперіи Дунайскій ровъ и укрѣпленія вдоль по лѣсистому хребту Карпатовъ,—однако, и эти границы нерѣдко переступались варварами. Со стороны запада римскимъ легіонамъ пришлось послѣ пораженія Вара оставить наступательный образъ дѣйствій, но граница оставалась все же рѣзко намѣченной въ теченіе четырехъ вѣковъ. Отъ Рейна до Дуная, отъ Рейнброка до Гіенгейма, тянулись ряды земляныхъ валовъ и палисадовъ, по которымъ располага-

1) Engelhardt. «Denmark in the early Iron Age». 2) H.-M. Chadwick. «The Cult of Othin».

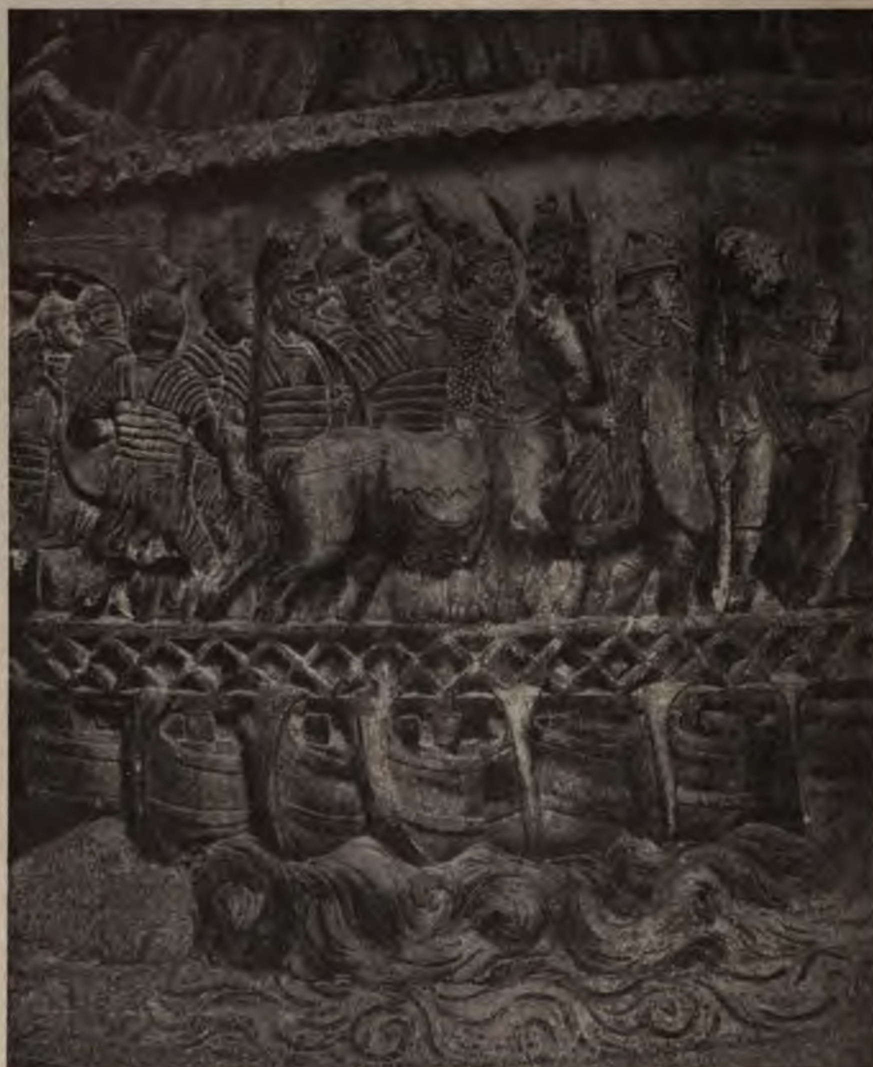
лись крѣпости и города или вооруженные лагери,—все вмѣстѣ взятое представляло собою «великую стѣну» длиною въ 500 километровъ, которую можно сравнить, если не по архитектурному совершенству, то, по крайней мѣрѣ, по стратегическому значенію, съ китайскою стѣною. Произведенныя изслѣдованія позволили нанести въ точности направленіе этой стѣны [1]): во многихъ мѣстностяхъ слой дерна, выросшій на ней, сохранилъ ее со всѣми ея укрѣпленіями въ теченіе XVIII вѣковъ, и нынѣ удается найти слѣды этихъ былыхъ сооруженій во многихъ пересѣкающихъ долинахъ, въ которыхъ почва при позднѣйшей обработкѣ была глубоко взрыта.

Торъ, сынъ Одина, богъ молота.

1) См. карты № 202, стр. 519, т. II, и карту № 263, стр. 307, т. III.

Общее направленіе этой границы легко объясняется сложеніемъ усилій, направлявшихся римской имперіей на борьбу съ варварами, съ

Часть колонны Траяна.
Римскія войска, переходящія черезъ Дунай по понтонному мосту.

одной стороны, по направленію къ Галліи, съ другой—къ проходамъ чрезъ Ретическіе Альпы,—дѣйствуя одновременно съ востока и съ юга, римляне могли легко изолировать юго-западный уголъ Германіи; спрашивается, однако, почему римскія границы были проведены столь курьез-

нымъ образомъ въ той части своей, которая находится между Майномъ и Дунаемъ? Въ этой области нормальное направленіе укрѣпленной

Часть колонны Траяна.
Римскія войска, переходящія черезъ Дунай по понтонному мосту.

границы намѣчается, какъ кажется, самой природой: можно было бы думать, что прямая линія, проведенная отъ одной рѣки къ другой по долинамъ Таубера и Альтмюля, могла бы образовать вполнѣ естественную политическую границу и была бы удобна для защиты, такъ какъ

слѣдовала бы складкѣ, служащей водораздѣломъ между обоими бассейнами. Вмѣсто того римляне устроили военную границу на протяженіи вдвое бо́льшемъ: граница образовала острый уголъ, направленный къ Швабскимъ Альпамъ, причемъ одна ея сторона была параллельна Неккару, другая—Дунаю. Одинъ изъ германскихъ историковъ объясняетъ этотъ курьезный изгибъ укрѣпленной линіи слѣдующимъ образомъ: линія совпадаетъ почти точно съ границами хвойныхъ лѣсовъ, существовавшихъ въ ту эпоху, поскольку граница эта выясняется на основаніи остатковъ лѣсовъ и на основаніи названій городовъ и селеній. Римскіе строители нигдѣ не рѣшались осквернить святыню «страшныхъ» еловыхъ лѣсовъ; они не вторгались въ лѣса за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ лѣсъ состоялъ изъ лиственныхъ породъ, былъ пересѣченъ многочисленными прогалинами и находился на тучной, плодородной почвѣ. Даже послѣ паденія имперіи граница, намѣченная римскими укрѣпленіями, оставалась еще въ теченіе вѣковъ чертой, раздѣляющей различныя этническія группы. Это объясняется тѣмъ, что граница эта была намѣчена геологической природой почвы и растительностью, зависящей отъ почвы. Расчистка земли отъ лѣсовъ, распахиваніе и заселеніе страны, остававшейся внѣ предѣловъ римской имперіи, совершались съ большою медленностью въ теченіе всего средневѣковья. Хвойные лѣса всегда послѣдними падали подъ ударами сѣкиры дровосѣка [1]); они и до сихъ поръ украшаютъ собою склоны германскихъ горъ.

Нерѣдко высказывалась гипотеза, что причиною общаго броженія народовъ въ эту критическую эпоху были крупныя событія, совершавшіяся въ жизни нашей планеты [2]). Какъ ни мало еще доказана пока эта теорія, она вполнѣ допустима и весьма соблазнительна. Связь между причинами и слѣдствіями, наблюдаемая во множествѣ мелкихъ историческихъ событій, зависимость исторіи народностей отъ измѣненія условій внѣшней среды должна еще въ бо́льшемъ масштабѣ сказываться во вліяніи крупныхъ явленій жизни нашей планеты на жизнь народовъ. Разливъ рѣки, лѣсной пожаръ, занесеніе страны пескомъ или постепенное опусканіе почвы обусловливаютъ гибель или же процвѣтаніе городовъ и селеній, то заставляютъ ихъ перемѣщаться, то привлекаютъ къ нимъ толпы народа со всѣхъ сторонъ. Точно также и всѣ перевороты, совершающіеся въ земной корѣ и въ морѣ, всѣ могущественныя атмосферическія явленія—вѣтры, ураганы, дожди и въ особенности продолжительныя засухи, вслѣдствіе которыхъ усыхаютъ озера и выгараютъ

---

1) R. Gradmann. Petermann's Mittheilungen, 1899, p. 57 ss.— 2) См. главнымъ образомъ: Pierre Kropotkine. «The Dessication of Eurasia», Geogr. Journal, 1904, I, p. 723.

травянистыя пространства, имѣютъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ глубокія и быстрыя измѣненія въ судьбахъ народовъ.

Извѣстно съ полною достовѣрностью, что обитаемое пространство Кашгаріи между Тянь-Шанемъ, Памиромъ и Куэнъ-Лунемъ, около 12 вѣковъ тому назадъ, значительно сократилось,—однако, бассейнъ Тарима представляетъ собою лишь очень небольшую частицу азіатскаго міра, и для того, чтобы связать переселеніе гунновъ съ какимъ-либо изъ со-

Римскія ворота въ Трэве.

бытій въ жизни земной коры, необходимо было бы отыскать несравненно болѣе крупныя географическія и соціологическія явленія, распространяющіяся на болѣе продолжительный періодъ. Каковы бы ни были причины и различныя перипетіи этихъ грандіозныхъ этническихъ движеній, остается вполнѣ установленнымъ, что, слѣдуя полученнымъ импульсамъ, народы должны были перемѣщаться въ томъ или въ другомъ направленіи, должны были сталкиваться въ своихъ вызванныхъ необходимостью переселеніяхъ съ другими народностями и вызывали, такимъ образомъ, мало-по-малу, полное нарушеніе всеобщаго равновѣсія.

Силою самыхъ вещей наиболѣе подвижныя и наименѣе привязанныя къ землѣ человѣческія общины должны были передвигаться во время этого общаго броженія съ наибольшей быстротою и проходить наиболѣе обширныя пространства: кочевыя народности начинали и продолжали тѣ передвиженія, въ которыхъ осѣдлымъ земледѣльцамъ приходилось, въ

концѣ концовъ, противъ ихъ собственной воли, принимать участіе. Райономъ, который долженъ былъ естественнымъ образомъ сдѣлаться мѣстомъ постояннаго нарушенія равновѣсія, являлась область безконечныхъ пастбищъ, «море травъ», охватывающее между Памиромъ и Тихимъ океаномъ безграничныя пространства Кашгаріи, Джунгаріи, Маньчжуріи,—оттуда и распространялись волны, колыхавшія всю массу народа, оттуда исходили всѣ потоки разрушителей, завоевывающихъ землю.

Жители Запада, которымъ приходилось на себѣ испытывать всѣ ужасныя послѣдствія этихъ волнъ народовъ-завоевателей, представляли себѣ, что варвары, появляющіеся во множествѣ съ далекаго Востока, принадлежатъ къ особой расѣ людей, столь же плодовитой, какъ саранча; одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ [1]) говоритъ, что страны сѣверо-восточной Азіи являются «лабораторіей, въ которой дѣлаются люди», настоящей лабораторіей народовъ,—настолько пугали его эти все разрушающія на своемъ пути народныя массы, вторгавшіяся въ пошатнувшуюся уже имперію! Однако, въ эту самую эпоху, Европа, населенная земледѣльцами, была, безъ сомнѣнія, гораздо гуще населена, и населеніе ея было многочисленнѣе, чѣмъ на азіатскомъ континентѣ. Если, тѣмъ не менѣе, можно представить себѣ, что степи Центральной Азіи были «лабораторіей народовъ», выливавшихся волнами за ихъ предѣлы, то это потому, что влеченіе къ переселенію охватывало одновременно сразу почти цѣликомъ многочисленнѣйшую народную общину и влекло ее подобно потоку рѣки или подобно снѣжной лавинѣ. Обширное однообразное пространство равнинъ обусловливало скопленіе безчисленнаго множества людей въ однородныя по внѣшности массы, какъ бы единые цѣлостные организмы. Благодаря такому своему внутреннему сцѣпленію и благодаря крайней своей подвижности эти народныя массы выливались черезъ край неудержимыми потоками, направляясь какъ въ сторону Китая, такъ и въ сторону Европы,—онѣ уничтожали или подчиняли себѣ всѣ земледѣльческіе народы, попадавшіеся на ихъ пути. Не слѣдуетъ забывать, что Европа къ западу отъ Днѣпра представляетъ собою область по поверхности незначительную сравнительно съ Азіей: скопленіе людей становится почти незамѣтнымъ, если они разсѣяны на обширной территоріи, и кажется безчисленнымъ, если концентрируется на узкомъ пространствѣ.

Сколько такихъ потоковъ людей должно было возникнуть и развиться въ теченіе ряда вѣковъ! Пока исторія носила лишь чисто-мѣстный характеръ и не могла охватить обширнаго круга народностей, великія историческія событія оставались необъяснимыми: откуда-то внезапно появлялись толпы чужеземцевъ, происходили ужаснѣйшія столкновенія между народами, и опустошались цѣлыя страны,—затѣмъ насту-

1) Jornandès (Jordanis). «Histoire des Goths», ch. IV.

пали полная тишина и покой, и совершившееся ужасное событіе тонуло въ морѣ забвенія. Съ того времени, какъ народности стали болѣе сознательно относиться къ самимъ себѣ, стали изучать себя по отношенію къ остальному человѣчеству, память о подобныхъ происшествіяхъ начала сохраняться болѣе прочно; такъ, историки Рима могли уже разсказать въ точности о нашествіи галловъ и вторженіи кимвровъ и тевтоновъ,—они не могли, однако, прослѣдить маршруты передвиженія народностей на континентѣ.

Пять съ половиной вѣковъ до взятія Рима Аларихомъ волны кочевыхъ народовъ сѣверной Азіи стали распространяться по направленію къ Европѣ. Народность «хунъ-ну», предки гунновъ, вытѣснила сѣверо-западныя племена современной китайской провинціи Гань-Су изъ ихъ владѣній; племена эти стали массами переселяться по направленію къ Тянь-Шаню. Они бѣжали отъ своихъ притѣснителей, но въ то же время являлись завоевателями по отношенію къ тѣмъ народностямъ, которыхъ сами тѣснили; въ исторіи они были извѣстны подъ наименованіемъ народа юэ-чжи,—по всей вѣроятности, они были тюркскаго происхожденія. Юэ-чжи наводнили всю страну, покрытую пастбищами, относительно невысоко поднятыми надъ уровнемъ моря,—страну, которая образуетъ въ настоящее время Кульджинскій районъ; затѣмъ, изгнанные оттуда первоначальными обитателями, они распространились по обширнымъ равнинамъ Туркестана до береговъ Оксуса, обитатели коихъ, народность иранскаго происхожденія, были ими покорены. Событія эти имѣли мѣсто болѣе двадцати вѣковъ тому назадъ, но точную хронологическую дату установить невозможно,—переселенія народовъ, за которыми шли ихъ стада, длились нерѣдко въ продолженіе многихъ десятилѣтій. Получивъ власть надъ однимъ изъ цивилизованныхъ народовъ, искусныхъ въ земледѣліи и въ другихъ различныхъ родахъ промышленности, юэ-чжи сами наполовину цивилизовались и вступили въ скоромъ времени въ торговыя сношенія съ западными народами чрезъ посредство арсакидовъ Иранскаго плоскогорья. Въ ту эпоху, когда римская имперія достигала наибольшаго распространенія въ западномъ мірѣ, юэ-чжи владѣли всѣми склонами Тянь-Шаня и Памира въ области современнаго Туркестана, держали также въ своей власти высокія плоскогорья Афганистана и занимали пути въ Индію; монеты ихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они послѣдовательно подпадали подъ вліяніе самыхъ различныхъ цивилизацій, по мѣрѣ того какъ удалялись отъ точки своего отправленія въ Нань-Шанѣ: они были эллинизированы въ Бактріанѣ, затѣмъ были подвергнуты индусскому вліянію въ странѣ Пяти рѣкъ и, въ концѣ концовъ, сдѣлались буддистами въ царствованіе Канисфа, современника Веспасіана,—этотъ монгольскій князь вызвалъ своимъ обращеніемъ въ буддизмъ сходное перемѣщеніе религіозныхъ вѣяній, какъ вы-

званное обращеніемъ Хлодвига въ христіанство. Юэ-чжи, называвшіе сами себя на своихъ монетахъ народомъ ку-шанъ, по провинціи Ку-Чангъ, т.-е. Бактріанѣ, бывшей центромъ ихъ государства, являются вмѣстѣ съ народностью са-ка, устроившеюся, главнымъ образомъ, въ Кашмирѣ, въ числѣ тѣхъ тюркскихъ племенъ-завоевателей, которыя обыкновенно извѣстны подъ наименованіемъ «скифовъ»; эти послѣдніе, какъ мы видѣли, положили конецъ сношеніямъ эллинскаго міра съ Индіей.

Въ южныхъ областяхъ Кашгаріи, у сѣверной подошвы Куэнъ-Луньскаго хребта, не видно никакихъ слѣдовъ великихъ переселеній тюркскихъ племенъ, которые указывали бы на значительныя переселенія тюркскихъ народностей: пастбища тамъ были слишкомъ рѣдки, земля слишкомъ безплодна для того, чтобы какая-либо народность могла рискнуть занять ее своими стадами; лишь путникъ, путешествующій быстро и принявшій мѣры къ тому, чтобы пройти страну безостановочно, могъ пускаться въ эти опасныя области, въ которыхъ пески, переносимые вѣтромъ, постепенно надвигаются и поглощаютъ оазисы. Значительные естественные пути проходятъ по «райскимъ мѣстамъ» Тянь-Шаня, по «Юлдусамъ», т.-е. звѣздамъ,—мѣстностямъ, представляющимся въ глазахъ кочевниковъ столь же прекрасными, какъ звѣзды на небѣ [1]). Далѣе къ сѣверу обширныя равнины Джунгаріи, среди которыхъ зарождается Иртышъ, за ними Алтай и высокія нагорья Монголіи, въ которыхъ берутъ начало притоки Енисея, были также путями, предуказанными природою для великихъ переселеній, такъ какъ здѣсь имѣются непрерывныя пастбища, доставляющія пищу стадамъ. Именно чрезъ эти-то широко открытыя врата Монголіи и низвергся все уничтожающій потокъ гунновъ, разлившійся по значительной части Европы.

Пути по Европѣ были также предначертаны для гунновъ, какъ пути Индіи—для племени юэ-чжи. Наиболѣе широкая полоса травянистыхъ степей и въ этой полосѣ самыя плодородныя пространства, предлагавшія въ наибольшемъ изобиліи кормъ для скота, наилучшія стоянки или богатѣйшіе города для грабежа и разрушенія, намѣчали собою тѣ этапы, по которымъ должны были двигаться завоеватели. Орды гунновъ, не задержавшіяся въ предѣлахъ Персіи и Афганистана, должны были проникнуть въ предѣлы Европы чрезъ проходъ, открывающійся на югъ отъ Уральскаго хребта или сѣвернѣе, чрезъ проходы, прорѣзающіе цѣпь Уральскихъ горъ. Попавъ въ область равнинъ, орды эти оказались среди безграничнаго полукруга горъ, окаймленнаго съ запада теченіемъ Волги между нынѣшними Самарой и Царицынымъ,—имъ оставалось лишь перейти рѣку на своихъ плотахъ изъ надутыхъ мѣховъ и завладѣть деревянными крѣпостцами, поднимавшимися на высокомъ берегу.

---

1) De Saint-Yves. Revue Scientifique, 19 fév. 1900.

Въ 372 г., когда гунны появились на берегахъ Волги, они столкнулись тамъ съ аленами, народностью, спустившеюся съ горныхъ до-

№ 266. Европа съ 425 по 450 г.

1: 40000000

0 1000 2000 3000 килом.

Между другими перемѣщеніями народовъ карта эта указываетъ также путь гунновъ чрезъ царство готовъ, ихъ проходъ чрезъ Альфельдъ и первое нашествіе на Балканскій полуостровъ.

Вандалы завладѣли сѣверной Африкой и островами. Визиготы образовали свое царство въ Пуату и Андалузіи.

Славянскіе и другіе народы: венды, венеды, болгары и др., распространились на западъ, занявъ территоріи, оставшіяся незахваченными предшествовавшими переселенцами.

Карта эта, также какъ и предшествующія, №№ 263 и 264, и послѣдующія, №№ 267, 269, 270, 274 и 275, составлены на основаніи картъ André Lefèvre'a. Части римской имперіи, отрѣзанныя отъ нея варварами, заштрихованы.

линъ Кавказа съ цѣлью завоеванія. Какъ ни были, однако, храбры эти сарматскіе варвары, какъ ни были остры ихъ мечи, они не могли устоять предъ безконечными толпами азіатскихъ завоевателей. Одни изъ нихъ обратились въ бѣгство и стали искать помощи у другихъ, болѣе могущественныхъ народностей, другіе, будучи окружены со всѣхъ сторонъ массами гунновъ, принуждены были спасать жизнь тѣмъ, что

примкнули къ толпамъ завоевателей, сдѣлались сами гуннами, поскольку то позволяло различіе въ нарѣчіяхъ и въ физическихъ чертахъ. Отличіе ихъ отъ гунновъ было, впрочемъ, столь велико, что, несмотря на вынужденное союзничество, алены, разсѣянные отдѣльными группами, сохранились въ качествѣ отдѣльной народности въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія и принимали участіе во всѣхъ походахъ гунновъ, доходившихъ до Иберійскаго полуострова и Африки. Наконецъ, войны, болѣзни, перемѣна климата и смѣшеніе на его длинномъ пути, съ сотнями другихъ народностей уничтожили все, что осталось отъ этого племени: послѣднія семейства его угасли вдали отъ своей родины.

Послѣ побѣды надъ аленами гунны должны были одержать верхъ надъ врагомъ еще болѣе могущественнымъ—надъ «готтонами» или «готами». Эта народность, жившая прежде по берегамъ Балтійскаго моря, передвинулась постепенно по направленію къ югу и въ концѣ II вѣка замыкала совершенно путь всѣмъ вторгавшимся въ Европу съ востока: власть готовъ простиралась отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Восточные готы или остроготы продвинулись на востокъ до Дона, тогда какъ западные готы или визиготы достигали Дуная. Эти послѣдніе ближе соприкасались съ римской имперіей, были сильнѣе увлечены ея богатствами и стремились постоянно проникнуть въ ея предѣлы въ качествѣ наемниковъ, союзниковъ или же завоевателей; благодаря уже этому обстоятельству, имъ приходилось часто перемѣщать точку своего натиска на Римъ и то подвигаться впередъ, то отступать назадъ,—они постоянно переселялись вдоль теченія Дуная, вдоль Карпатъ и Альповъ. Остроготы, осѣвшіе болѣе прочно среди народностей слишкомъ слабыхъ для того, чтобы отъ нихъ освободиться, образовывали полуцивилизованное государство, которое въ серединѣ IV вѣка почти равнялось по поверхности римской имперіи; оно старалось также и подражать послѣдней: царь остроготовъ Эрманрикъ или «безпорочный» признавался великимъ властителемъ со стороны всего міра; онъ достигъ болѣе чѣмъ столѣтняго возраста и былъ окруженъ ореоломъ славы, придававшимъ ему почти божественное значеніе.

Именно на его царство и натолкнулся низвергающійся потокъ гунновъ. Подобно аленамъ, Эрманрикъ былъ захваченъ налетѣвшимъ вихремъ вмѣстѣ со всѣми своими войсками. Внѣшніе форпосты римской имперіи, какими являлось царство остроготовъ, были прорваны на всемъ протяженіи; однако, работа разрушенія оказывалась настолько трудной, что гунны были ею почти окончательно истощены и подвигались впередъ лишь съ большою медленностью, разсѣивая впереди себя встрѣчные народы. Они приняли участіе въ нападеніи на Римъ не прямымъ путемъ, а косвеннымъ,—они дали толчокъ кочевымъ визиготамъ и сотнямъ другихъ германскихъ народностей Безо всякаго сомнѣнія, гунны совер-

шенно затерялись бы въ водоворотѣ племенъ и народностей, если бы по чертамъ своимъ, по поведенію и нравамъ не отличались абсо-

№ 267. Европа съ 450 по 475 г.

1: 40 000 000

0 1000 2000 3000 килом.

Здѣсь нанесенъ набѣгъ на Галлію гунновъ, которые, по Лефевру, проникли туда одновременно съ сѣвера и съ востока; затѣмъ обѣ орды ихъ соединились, напали на Орлеанъ; бо́льшая часть ихъ погибла при Троа: затѣмъ нанесенъ набѣгъ ихъ въ 452 г. на Италію и ихъ обратное движеніе на востокъ.

Царство визиготовъ расширяется по направленію къ центральному плоскогорію. Вандалы нападаютъ на Римъ. Саксы начинаютъ завоеваніе Великобританіи. Остроготы переходятъ Дунай. Венды и лонгобарды направляются на югъ.

Узкая заштрихованная полоса ограничиваетъ территорію суэвовъ, кантабровъ и басковъ, другая такая же полоса—территорію бургундовъ. Римская имперія вся заштрихована.

лютно отъ всѣхъ народовъ Европы: расовые контрасты, обусловленные тысячелѣтнею жизнью при иныхъ климатическихъ условіяхъ, проявлялись въ нихъ въ такой степени ярко, что римляне и европейскія варварскія племена, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ азіатами, тотчасъ же чувствовали свое взаимное родство. Гунны описывались ими [1]) какъ чу-

1) Ammien Marcellin, livre XXXI, ch. 3.

довища съ огромными плоскими головами, выдающимися скулами, съ толстымъ и короткимъ туловищемъ и кривыми вслѣдствіе постояннаго сидѣнія на лошади ногами; ихъ любили называть «сынами колдуновъ» или «сынами демоновъ» и, быть-можетъ, даже до нѣкоторой степени вѣрили въ такое ихъ происхожденіе. Разсѣянныя орды гунновъ образовывали одну общую, рѣзко выдѣляющуюся и ненавидимую всѣми націю, почему повелителямъ ихъ, Блэду, Аттилѣ, легко было собрать ихъ въ одно цѣлое и основать государство, очень, правда, недолговѣчное, но еще болѣе обширное, чѣмъ римское,—оно простиралось отъ Алтая до Альповъ.

Аттила пожелалъ округлить свои владѣнія со стороны запада и направился въ Галлію, осаждая по пути города, опустошая плодородныя пространства и увеличивая собственную армію за счетъ побѣжденныхъ враговъ. Онъ увлекъ за собою остроготовъ, аленовъ, геруловъ и гепидовъ, но противъ него, присоединившись къ галламъ, подвергшимся римскому вліянію, поднялась народность визиготовъ, быть-можетъ, также бургундовъ, и франконское племя, предводимое Меровингомъ [1])—это было новое столкновеніе Европы съ Азіей, и нападеніе Азіи было отражено. Аттила не пошелъ далѣе Орлеана и большого загиба Луары,—опираясь на свои огромныя силы, онъ далъ рѣшительное сраженіе на равнинахъ «Каталонскихъ полей»—«Campus Mauriacus» Григорія Турскаго,—которыя, какъ думаютъ, находятся близъ Муарэ въ департаментѣ Объ [2]). Сраженіе это было имъ проиграно; трупы сотенъ тысячъ людей остались разбросанными на обширнѣйшемъ полѣ битвы, и царь гунновъ утратилъ свой ореолъ, дѣлавшій его до того властителемъ народовъ, и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что въ качествѣ простого грабителя прошелъ чрезъ Германію и Италію. Ему удалось разрушить еще Аквилею, которая въ теченіе многихъ вѣковъ играла роль бдительнаго сторожа, охраняющаго альпійскіе проходы у угла Адріатическаго моря; вскорѣ Аттила умеръ, оставивъ по себѣ память среди римскаго міра какъ самый жестокій изъ всѣхъ завоевателей, свирѣпствовавшихъ въ предѣлахъ Европы. По всей вѣроятности, именно его жестокія дѣянія обусловили данное ему названіе «бича Божія»,—онъ не исповѣдывалъ христіанской вѣры, какъ большинство другихъ завоевателей, нападавшихъ на римскую имперію; впрочемъ, среди подвластныхъ ему народовъ сложились легенды и иного рода. Мадьяры Венгріи, называющіе себя до сихъ поръ его сынами, восхваляютъ его любовь къ справедливости и его доброту. За предѣлами Венгріи, однако, память о гуннахъ въ воображеніи народовъ центральной Европы связывается всегда съ представленіемъ о массовыхъ убійствахъ и объ ураганѣ смерти. Всѣ погребальныя гробницы того времени, встрѣчаемыя до сихъ поръ въ Германіи и бывшія чрезвычайно много-

1) André Lefèvre. «Germains et Slaves», p. 70. — 2) Paul Guiraud dans l'Atlas Schrader.

численными, до того времени, какъ ихъ сравнялъ плугъ, называются однимъ общимъ именемъ—«гуннскихъ могилъ» (Hunnengräber).

Императоръ Пробъ.

Послѣ великой битвы народовъ ордамъ азіатскихъ варваровъ оставалось завоевать территорію вовсе не обширную—всѣ воинственныя народности Европы перемѣстились по направленію къ западу и къ югу.

Лишь одинъ единственный народъ—вандалы—по окончаніи своего переселенія по направленію къ оконечности европейскаго континента передвинулся къ востоку на Средиземноморское побережье. Вандалы, народность по своему языку германская, жили въ теченіе періода относительнаго равновѣсія народовъ до паденія Рима на берегахъ Балтійскаго моря къ сѣверу отъ Варты и находились на первой очереди въ смыслѣ движенія переселенія. Одно изъ полчищъ вандаловъ, являвшееся авангардомъ готовъ, съ которыми вандалы вступили въ союзъ, напало даже на Галлію еще до конца III вѣка, но было разбито Пробомъ и переселено на острова Британіи. Другіе вандалы принимали также участіе въ нападеніяхъ на Италію; въ началѣ V вѣка главная основная часть народности перешла Рейнъ и двинулась, слѣдуя естественному пути, ведущему вдоль по средней Луарѣ и Шарантѣ, огибающему центральныя области Франціи и оканчивающемуся лишь въ Испаніи. Дойдя до Иберійскаго полуострова, вандалы принуждены были вступить въ борьбу со своими соперниками по завоеваніямъ—съ визиготами; они оказались слишкомъ малочисленными, чтобы отнять страну отъ этихъ могущественныхъ народностей, не помогло даже сближеніе ихъ съ другими переселяющимися народами—аленами и суэвами или «сонливыми». Эти послѣдніе устроились въ провинціяхъ, сдѣлавшихся Португаліей и Галиціей, и удержались тамъ до настоящаго времени; алены же, бывшіе нѣкоторое время въ Андалузіи, присоединились затѣмъ снова къ вандаламъ, которые, подъ давленіемъ визиготовъ и пользуясь несогласіями римскихъ полководцевъ, перебрались въ Африку. Въ теченіе 10 лѣтъ, съ 429 по 439 г., они окончательно завоевали Мавританію, и, такимъ образомъ, противъ Рима поднялся новый враждебный ему Карѳагенъ. Бывши ранѣе мореходами на Балтійскомъ морѣ, вандалы, съ которыми смѣшались также представители другихъ расъ, сдѣлались такими же моряками на Средиземномъ морѣ и, подобно своимъ предшественникамъ карѳагенянамъ, стали господствовать надъ островами Тирренскаго моря,—надъ Корсикой, Сардиніей и Балеарскими островами. Царство ихъ существовало цѣлое столѣтіе и изъ всѣхъ царствъ, возникшихъ вслѣдствіе переселенія народовъ, было поставлено въ условія, наиболѣе отличающіяся отъ нормальной окружающей среды,—въ силу того, по исчезновеніи, оно должно было оставить наименѣе замѣтные слѣды.

Остроготы, которымъ пришлось выдержать первый страшнѣйшій ударъ гунновъ, когда эти послѣдніе прорывались между Балтійскимъ и Чернымъ морями, не были столь подвижными, какъ вандалы, при своемъ перемѣщеніи къ западу. Тѣ изъ нихъ, которые не были принуждены идти за побѣдителями на кровопролитный Шалонскій бой и не были разсѣяны среди другихъ народовъ въ качествѣ бѣглецовъ или союзниковъ, устроились въ области, которая чрезвычайно легко могла быть

защищена, въ Паннонiи,—ее съ сѣвера и съ востока окружаетъ дуга Дуная между Виндобоной и Сингидуномъ, т.-е. Вѣной и Бѣлградомъ, и

№ 268. Альфельдъ, мѣсто остановки кочевыхъ народовъ.

1: 3000000

0 50 100 150 килом.

Западная часть города Будапешта болѣе ранняго происхожденiя, чѣмъ выстроенная на лѣвомъ берегу. Основанiе Пешта относится къ XIII вѣку.

По Лефевру, лагерь Аттилы находился въ Яшъ-Берени, напротивъ Буда, на небольшомъ притокѣ Тейссы или Тиссы.

пересѣкаютъ рѣки Драва и Сава, сбѣгающiя съ Альповъ и ихъ Иллирiйскихъ отроговъ. Въ этой хорошо защищенной области, грозившей одно-

временно какъ Византійской имперіи, такъ и тому, что осталось отъ римской, остроготы могли спокойно дожидаться момента, когда можно будетъ снова перейти въ наступленіе. Гепиды и герулы, принадлежавшіе также къ конфедераціи готовъ и принимавшіе различное участіе въ набѣгахъ на римскій міръ, очень прочно устроились по сосѣдству—гепиды къ востоку отъ Дуная, въ мѣстностяхъ, которыя извѣстны въ настоящее время подъ названіемъ Альфельда, Трансильваніи и Валахіи; герулы устроились внутри сѣвернаго полукруга Карпатскихъ горъ. Эти неспокойные народы, однако, какъ и остроготы, ожидали лишь момента, когда можно будетъ ринуться на богатые города юга, полные заманчивой добычи.

Что касается визиготовъ, то эти варвары были долгое время въ соприкосновеніи съ цивилизованными странами средиземноморской области, — они со временъ Антониновъ вторгались часто во Ѳракію, въ Грецію, въ Иллирію и въ Италію; въ силу этого они отличались большою утонченностью нравовъ и были отчасти знакомы съ нѣкоторыми искусствами и науками римскаго міра. Являясь разрушителями Вѣчнаго Города, они выдавали себя за продолжателей его дѣла. Одинъ изъ царей визиготовъ, Атаульфъ, ставшій зятемъ императора Гонорія, былъ поставленъ даже во главѣ его войскъ, чтобы возстановить Западную римскую имперію. Визиготы, дѣйствительно, сражаясь за интересы Рима, отвоевали обратно Провансъ, Нарбоннезію, Аквитанію и Испанію; вскорѣ послѣ ихъ тріумфа надъ Аттилой въ царствованіе Еврика они основали чрезвычайно обширное царство, простиравшееся отъ береговъ Луары до столбовъ Геркулеса, — это царство было вполнѣ ихъ собственнымъ, несмотря на верховное главенство Рима: лишь суэвамъ удавалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій удерживать свою независимость и отражать визиготовъ въ восточной Иберіи. Стремленіе къ романизаціи было настолько сильнымъ и искреннимъ у готскихъ царей, что они повелѣли собрать и составить всѣ римскіе законы и управляли подданными на основаніи этихъ законовъ, заимствованныхъ у побѣжденной имперіи; ихъ невѣжественное стараніе было столь велико, что въ этомъ своемъ законодательствѣ (Lex Romana Visigothorum) они сохранили даже законы невыгодные и оскорбительные для нихъ самихъ. Такъ, сохранился, напримѣръ, «законъ Гонорія», запрещавшій бракъ между римлянами и варварами [1]).

Бургунды, занимавшіе бассейнъ Роны отъ Оберланда до Камарги, также превосходно приспособились къ требованіямъ великой римской имперіи. Послѣ двухвѣкового процесса переселенія, сопровождавшагося битвами и пораженіями, они съ береговъ Вислы пришли на берега Рейна

1) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», I, p. 338.

Золотой вѣнецъ царей визиготовъ VII вѣка.

и съ удовольствіемъ воспользовались возможностью вступить мирнымъ образомъ въ составъ новаго государства, причемъ, какъ того требовала справедливость, относились съ полнымъ уваженіемъ ко всему уже установленному вѣками. Какъ ни охотно вступали германскія племена въ бой съ врагами, они все же, слѣдуя закону приложенія наименьшихъ усилій, предпочитали получать даромъ земли въ свое владѣніе, въ обмѣнъ на ничего не стоющія почести. Что касается аллomановъ или аллемановъ, «людей всѣхъ расъ», которые тѣснили бургундовъ и устроились въ долинѣ Рейна на югъ отъ Майна и Мозеля, то они получили свои земли отъ Рима отнюдь не изъ милости, — они завоевали ихъ огнемъ и мечомъ.

Франки, которые въ позднѣйшія времена обусловили данныя Галліи и галламъ наименованія «Франціи» и «французовъ», занимали въ серединѣ V вѣка лишь ничтожную часть той территоріи, которая теперь обозначается ихъ именемъ. Они владѣли областями, пересѣкаемыми Рейномъ, Маасомъ и Шельдой въ ихъ нижнемъ теченіи, и доходили на югъ до страны, ставшей потомъ Артуа. Въ теченіе второй половины III вѣка осѣдлыя народности современной Бельгіи были свидѣтелями того, какъ скопища германцевъ появлялись къ западу отъ Мааса; впервые исторія упоми-

наетъ о нихъ въ 240 году. Императоръ Максиминъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, прибѣгъ къ обычному способу, — онъ предоставилъ франкамъ, сдѣлавшимся военными колонистами римской имперіи, невоздѣланныя части страны мориновъ и менапійцевъ; германское вліяніе простиралось вплоть до Булони [1]), но побережье не имѣло еще тогда тѣхъ очертаній, которыя свойственны ему въ настоящее время, — оно получило ихъ лишь около X вѣка; шесть вѣковъ до того времени воды океана разрушили древнія бельгійско-римскія колоніи и затопили низменныя пространства отъ Бругса до Дюнкирхена [2]). Юліанъ также позволилъ побѣжденнымъ салійцамъ устроиться въ пустыняхъ Токсандріи, т.-е. въ современной Кампинѣ; но эти новые римскіе подданные были очень неспокойны и въ началѣ V вѣка, когда римскіе легіоны покинули Бельгію, чтобы защищать Италію отъ варварскаго нашествія, франки послѣдовали за ними по направленію къ югу. Путь ихъ и въ настоящее время ясно намѣчается границей между населеніемъ, говорящимъ на фламандскомъ, и населеніемъ, говорящимъ на валлонскомъ нарѣчіи, — эта граница сама опредѣлялась природными условіями страны. «Шарбонньерскій» лѣсъ, являвшійся западнымъ продолженіемъ обширнаго лѣсного пространства Арденновъ, — лѣсъ, котораго ничтожный остатокъ, нынѣшній Суаньскій лѣсъ близъ Брюсселя и паркъ, окружающій этотъ городъ, — задерживалъ завоевателей и заставлялъ ихъ направляться къ западу: «стѣна лѣса» долгое время оставалась непреодолимой; тропинки пролагались лишь мало-по-малу, вдоль рѣкъ и ручьевъ, въ теченіе средневѣковья; до середины IX вѣка лѣсъ сохранилъ это свойство естественной границы, упоминавшейся въ салическомъ законѣ [3]). Къ сѣверу отъ него обитали воинственныя германскія племена; къ югу лѣсныя прогалины и долины были заняты кельтскимъ племенемъ вала, которое являлось предшественникомъ валлоновъ.

Вторженіе франковъ совершалось первоначально вполнѣ мирнымъ путемъ, съ согласія римлянъ, которые, впрочемъ, и не могли ему воспрепятствовать. Къ этой первой эпохѣ относится большинство фламандскихъ селеній, названія которыхъ оканчиваются на hem, ghem или ingem—эта послѣдняя форма свойственна скорѣй аллеманамъ,— такія окончанія соотвѣтствуютъ германскому heim и напоминаютъ объ основателяхъ франкахъ. Благодаря этому окончанію въ названіяхъ мѣстностей можно легко прослѣдить и нанести на карту переселенія франковъ отъ устьевъ Шельды до Булонскихъ возвышенностей: наименованія селеній

---

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», t. I, p. 9. — 2) A. Rutot. «Esquisse d'une comparaison de couches pliocènes... de la Belgique... et du sud-est de l'Angleterre», Brux. Soc. belge de Géolog. 1903.—3) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», t. I, pp. 10 à 13.

Долина Мааса въ окрестностяхъ Намюра.

Въ настоящее время Маасъ урегулированъ каналами, и вдоль его береговъ идутъ два пути, но въ эпоху переселенія франковъ проходъ здѣсь былъ чрезвычайно труденъ, и можно было передвигаться лишь по пѣшеходнымъ тропинкамъ, проведеннымъ по скаламъ, которыя тянутся въ два ряда на протяженіи болѣе ста километровъ отъ Мозьера до Льежа.

Рѣка эта отдѣляла Шарбоньерскій лѣсъ отъ Арденнскаго лѣса.

указываютъ путь, по которому двигались вносившіе культуру воины, основывавшіе свои новые домашніе очаги [1]). Въ серединѣ V вѣка римскій военачальникъ Аэцій, управлявшій галльской провинціей на сѣверѣ уже погибшей имперіи, попытался остановить непрерывно двигавшійся на него потокъ переселяющихся народовъ и защитить оружіемъ верховья бассейна Шельды. Тогда должно было произойти сильнѣйшее столкновеніе, и изъ мирнаго вторженіе франковъ сдѣлалось насильственнымъ, во главѣ военныхъ силъ франковъ всталъ Хлодіо или Клодіонъ, первый франконскій король, имя котораго точно установлено въ исторіи. Отпоръ, встрѣченный имъ со стороны дисциплинированныхъ римскихъ войскъ, задержалъ его къ сѣверу отъ Соммы, но онъ ожидалъ лишь случая вторгнуться въ тѣ области, которыя позднѣе стали «Иль-де-Франсомъ». Разумѣется, франки проникли въ Галлію отнюдь не для того, «чтобы освободить галловъ отъ римскаго ига», какъ это воображала цѣлая школа историковъ въ XVIII вѣкѣ [2]): они являлись въ качествѣ го-

1) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», t. II, 59.— 2) Augustin Thierry. «Considération sur l'Histoire de France», chap. II.

сподъ и завоевателей, стремились замѣстить собою прежнихъ господъ, и вводившійся ими новый режимъ долженъ былъ отличаться еще бо̀льшей суровостью, чѣмъ режимъ прежній. Уже давно было установлено Фрерэ, что самое названіе «франки» не означаетъ вовсе собою «свободные люди», какъ того желали нѣкоторые французскіе писатели, побуждаемые ложнымъ патріотизмомъ; въ оригинальныхъ документахъ frek, frak, frank, vrank, сообразно съ различными діалектами, соотвѣтствуетъ латинскому слову ferox, «свирѣпый», и имѣетъ одинаковыя значенія, какъ выгодныя, такъ и невыгодныя—«гордый, непоколебимый, жестокій».

Позади тѣхъ германскихъ народовъ, которые оказывали уже давленіе на римскія границы или даже перешли послѣднія, позади остроготовъ и визиготовъ, суэвовъ и вандаловъ, бургундовъ, аллемановъ и франковъ двигались другіе народы, стремившіеся также вторгнуться въ предѣлы имперіи; къ нимъ принадлежали лонгобарды или ломбарды—«длиннобородые» или «воины съ длинными сѣкирами»—, которые въ теченіе слѣдующаго вѣка должны были принять ближайшее участіе въ раздѣлѣ имперіи; во времена Аттилы лонгобарды обитали еще въ области истоковъ Одера и были отдѣлены горами и лѣсами отъ римскаго міра. Что касается германскихъ племенъ, жившихъ по берегамъ моря, то они нерѣдко пользовались моремъ какъ путемъ для своихъ завоеваній и пріобрѣтали себѣ новыя владѣнія на другихъ его берегахъ. Таковы были юты, обитавшіе на полуостровѣ, который носилъ названіе Іиланда или Ютланда, англы, жившіе у начала этого полуострова между Дравой и Эльбой, и наиболѣе могущественное племя саксовъ, властвовавшее надъ обширной территоріей къ западу и къ юго-западу, между моремъ и первыми хребтами горъ; всѣ эти племена, одновременно земледѣльческія и пастушескія, принимали участіе въ великомъ завоевательномъ движеніи, направленномъ и на захватъ суши и на завоеваніе моря. Цѣлыя флотиліи саксонскихъ пиратовъ разсѣкали уже въ теченіе двухъ столѣтій морскія волны и грабили по континентальнымъ берегамъ Нѣмецкаго моря, устраивая то тамъ, то сямъ свои колоніи: пройдя Ламаншъ, племена эти продвинулись до Арморики, съ другой же стороны дошли до устьевъ Луары. Берега современной Бельгіи были уже извѣстны подъ названіемъ litus saxonicum, и именно отсюда вышли англо-саксы, соединившись съ ютами въ 449—453 годахъ; они пересѣкли проливъ и основались на островѣ Танотѣ, въ самой сѣверо-восточной части Кента, которая въ настоящее время вошла въ составъ большого острова. Какъ разсказываютъ, они были призваны на помощь частью мѣстныхъ жителей, которые были побѣждены въ междоусобной войнѣ, но затѣмъ жителямъ этимъ скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что они сами надѣли на себя ярмо рабства и отдались во власть повелителей. Страна бриттанцевъ — Британія — сдѣлалась владѣніемъ англовъ — «Энгель-ландъ»

или Англія совершенно такъ же, какъ страна галловъ, сдѣлалась областью франковъ — «Франціей».

Въ то время какъ варвары боролись между собою изъ-за клочковъ, оставшихся отъ римской имперіи, эта послѣдняя сохраняла все же еще признаки жизни. Послѣ нашествія Алариха Римъ снова отстроился, и снова рѣшались сѣсть на тронъ дрожавшіе за свою жизнь римскіе императоры, укрывавшіеся подъ покровительствомъ какого-нибудь военачальника изъ варваровъ. Извѣстнаго рода благоговѣніе препятствовало варварамъ окончательно наложить свою руку на священный городъ, и тѣ самые изъ нихъ, кто разграблялъ сокровища Рима, оказывали въ то же время ему почести и даже претендовали на то, что говорятъ отъ его имени. Лишь одинъ, Гензерихъ, царь вандаловъ, зашедшій далѣе всѣхъ другихъ завоевателей и покорившій подъ свою власть наибольшее число народностей, былъ человѣкомъ не такого склада, чтобы останавливаться и подчиняться суевѣрному благоговѣнію предъ величіемъ Рима. Уже тѣмъ, что онъ владѣлъ Мавританіею, которая была страною, наиболѣе способною снабжать Римъ провіантомъ, онъ довелъ вѣчный городъ до сильнѣйшаго голода; когда же обстоятельства показались ему благопріятными (въ 455 г.), онъ воспользовался имъ, взялъ Римъ и разграбилъ его до основанія. Въ теченіе 14 дней и 14 ночей производился методическій грабежъ; не было забыто ни одной драгоцѣнной вещи во дворцахъ и въ храмахъ: хорошія ткани, драгоцѣнные камни, золотыя и бронзовыя вещи были забраны, и всѣ, кто не могъ заплатить выкупа, вплоть до архипастырей церкви, сгонялись стадами въ одно мѣсто и превращались въ плѣнниковъ. Совершенно несправедливо названіе «вандаловъ» примѣнялось впослѣдствіи

Франкъ-воинъ.

къ слѣпымъ разрушителямъ, уничтожавшимъ все лишь изъ своего удовольствія и разбивавшимъ и ломавшимъ все безжалостнымъ образомъ: на самомъ дѣлѣ, вандалы прекрасно умѣли подсчитывать свою добычу.

Однако, и послѣ этого ужаснаго разрушенія римская имперія все еще проявляла желаніе жить, — настолько человѣкъ по самой природѣ своей является стойкимъ и выносливымъ. Собирались войска, отвоевывались цѣлыя провинціи; слѣдовали одинъ за другимъ, какъ въ самомъ Римѣ, такъ и за предѣлами Рима, новые императоры. Въ концѣ концовъ, одинъ изъ предводителей варваровъ сдѣлался начальникомъ преторіанской гвардіи,—это былъ Одовакаръ или Одоакръ, который сталъ затѣмъ настоящимъ царемъ Рима и положилъ конецъ той комедіи съ постоянной смѣной опереточныхъ императоровъ, которая продолжалась такъ долго; въ 1228 г. съ основанія Рима онъ низложилъ императора Августа или, скорѣе, Августула, сидѣвшаго тогда на тронѣ и, по своеобразной ироніи судьбы, называвшагося также Ромуломъ, какъ назывался и основатель вѣчнаго города. Но если съ этого времени и не существовало императора по титулу, самая идея имперіи отнюдь не исчезла. Самъ Одоакръ предложилъ Зенону, императору Восточной римской имперіи, номинальное владѣніе Римомъ, при условіи, что самъ онъ будетъ сдѣланъ патриціемъ и получитъ въ свое управленіе Италію; несмотря на свою неограниченную монархическую власть, Одоакръ уважалъ древніе законы Рима, оказывалъ почести сенату и оставлялъ управленіе краемъ въ рукахъ римскихъ чиновниковъ. Точно также вдали отъ Рима, на сѣверѣ Галліи, полководцы римской имперіи Эгидій и затѣмъ сынъ его Сіагрій продолжали управлять и защищать ввѣренныя имъ провинціи отъ имени Рима, совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ до нихъ Аэцій: сердце римской имперіи перестало биться, но члены ея продолжали еще жить. Лишь въ 486 г., десять лѣтъ спустя послѣ Ромула-Августула, Сіагрій, «царь римскій», былъ побѣжденъ франками при Суассонѣ, и, такимъ образомъ, исчезъ послѣдній клочокъ Западной римской имперіи.

Однако, давленіе варварскихъ племенъ на границы римской имперіи не прекратилось. Въ 488 г. царь остроготовъ Теодорихъ, носившій также титулъ полководца на службѣ императора Восточной римской имперіи, спустился изъ своей твердыни, какою были Альпы, въ равнины Италіи. Одержавъ побѣду въ трехъ большихъ сраженіяхъ, онъ послѣ пятилѣтней кампаніи взялъ предательски въ плѣнъ Одоакра при Равеннѣ и, подъ предлогомъ возстановленія единства римской имперіи въ пользу византійскаго императора, сдѣлался независимымъ властителемъ Италіи: онъ предпринялъ даже снова завоеваніе провинцій и завладѣлъ областью Альповъ, Сициліей и Провансомъ, занялъ долину Савы въ ущербъ Восточной имперіи и, заключивъ прямой союзъ съ визиготами,

возстановилъ почти въ собственную свою пользу всю западную имперію. Четыре или пять поколѣній спустя, послѣ Эрманрика, царство расши-

№ 269. Европа съ 476 по 493 годъ.

1 . 40000000

0 — 1000 — 2000 — 3000 килом.

Главнѣйшія этническія движенія въ продолженіе періода, къ которому относится эта карта, были слѣдующія: вторженіе въ Италію визиготовъ, совершившееся вполнѣ внезапно черезъ 12 лѣтъ послѣ того, какъ Одоакромъ былъ отмѣненъ самый титулъ римскаго императора, проникновеніе франковъ въ центръ Галліи и, наконецъ, продолженіе переселенія саксонскихъ народностей въ Великобританію.

Визиготы распространили свою власть на Провансъ, болгары направились къ Черному морю, чехи подвинулись въ Богемію.

Узкая заштрихованная полоса разграничиваетъ независимые народы Испаніи, другая такая же полоса ограничиваетъ страну бургундовъ и области франковъ и аллемановъ.

рилось къ западу на 2500 километровъ и перемѣстилось изъ сарматскихъ равнинъ на полуострова, омываемые западной частью Средиземнаго моря.

Теодорихъ сдѣлался римляниномъ уже въ силу того, что покорилъ подъ свою власть тѣ же самые народы, которые находились подъ римскимъ владычествомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сталъ также и защитникомъ Рима, замѣнивъ собою его прежнихъ властителей,—на пользу Рима ему

приходилось пускать въ ходъ и тѣ элементы цивилизаціи, которые еще сохранились, приходилось окружать себя развитыми и просвѣщенными людьми, какъ Боэцій, и вообще поддерживать римскія традиціи. Онъ предпринялъ даже настоящее возстановленіе Рима, возвелъ новыя зданія, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились до сихъ поръ и являются наиболѣе своеобразными постройками Италіи. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что въ эту кровавую эпоху нашелся человѣкъ, который остановился въ своемъ побѣдоносномъ завоевательномъ движеніи; въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ Теодорихъ вложилъ мечъ свой въ ножны и посвятилъ все свое царствованіе, продолжавшееся 30 лѣтъ, дѣламъ гражданскимъ; даже когда его зять Аларихъ погибъ отъ руки Хлодвига въ битвѣ при Пуатье, Теодорихъ довольствовался тѣмъ, что остановилъ дальнѣйшій ростъ могущества франковъ, разбивъ ихъ при Арлѣ, и не воспользовался даже далѣе своимъ успѣхомъ [1]). Его современники, полуварвары и полуцивилизованные люди, преклонялись предъ нимъ—они видѣли въ немъ, съ одной стороны, завоевателя-острогота, съ другой—римлянина, заботящагося о возстановленіи минувшей славы. Германская легенда превратила «Дитриха Бернскаго», т.-е. Теодориха Веронскаго, въ героя-полубога, «который шествуетъ по всему міру, налагая на него свою тяжелую длань, и напоминаетъ древняго бога Тора, дышащаго пламенемъ, когда его объемлетъ страшный гнѣвъ». Преданія римлянъ гласили совершенно иначе: царь готовъ признавался въ нихъ латиняниномъ благороднѣйшаго древняго происхожденія, и ученые совершенно серьезно старались построить генеалогію, при помощи которой можно было бы доказать общность происхожденія готовъ съ греками и римлянами (Іорданисъ).

Теодорихъ, какъ и другіе цари визиготовъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ властителей, которыхъ римская цивилизація подняла выше ихъ собственнаго уровня. Совершенно подобно тому, какъ двѣ жидкости въ сосудахъ, сообщающихся между собой, соединяются и смѣшиваются, такъ смѣшивались при соприкосновеніи между собой и этническіе элементы; это порождало новую націю,—характерныя особенности каждой народности присоединялись къ таковымъ другой. Совершенно подобно тому, какъ сплавъ металловъ отличается отъ каждаго изъ металловъ, вошедшихъ въ него, такъ и новая видоизмѣнившаяся цивилизація отличалась отъ цивилизацій, ее породившихъ. Если, съ одной стороны, переселеніе варваровъ, разсматриваемое во всемъ своемъ цѣломъ, имѣло слѣдствіемъ то, что готы и бургунды, франки и ломбарды и, наконецъ, даже вандалы романизировались, то, съ другой стороны, это же переселеніе имѣло и обратное вліяніе, именно чрезвычайно понизило интеллектуальный и мо-

1) Ed. Gibbon. «Décadence et Chute de l'Empire romain ; John Ruskin. «La Bible d'Amiens».

ральный уровень римлянъ, и въ силу того вся цивилизація ихъ въ значительной степени ослабла и сократилась на многіе вѣка. Греки и

№ 270. Европа съ 493 по 526 г.

Эта карта соотвѣтствуетъ эпохѣ Хлодвига и Теодориха и указываетъ на замѣтное сокращеніе территоріи, которое претерпѣла Восточная Римская имперія подъ вліяніемъ остроготовъ; точно также на ней отмѣчено переселеніе болгаръ въ области, номинально подчиненныя Константинополю.

Царство визиготовъ уступило значительную часть своихъ владѣній франкамъ, аллеманы въ бóльшей или меньшей степени подчинились Хлодвигу, ломбарды перешли Дунай и устроились въ Панноніи; наконецъ, движеніе, захватившее саксовъ и перенесшее ихъ чрезъ проливъ и Нѣмецкое море, еще не прекратилось.

Заштрихованныя полосы и общая штриховка отмѣчаютъ здѣсь то же, что на картѣ № 269.

римляне сами сдѣлались наполовину германцами, и благородные представители греческой философіи, эпикурейцы и стоики, эти проницательные истолкователи природы человѣческой, эти стражи высокой морали и проповѣдники невозмутимаго терпѣнія, позволили побороть себя самымъ вульгарнымъ суевѣріямъ, позволили укорениться варварскимъ обычаямъ и невѣроятнѣйшей нетерпимости, каковою отличалось христіанство среднихъ вѣковъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя тогдашнее общество, нетерпимое, неустойчивое, охваченное коллективнымъ безуміемъ, и представляло собою неприятное зрѣлище, оно все же имѣло впереди себя свѣтлую точку, свѣтлый идеалъ, къ которому непрестанно стремилась его жизнь. Послѣ побѣды варваровъ циклъ исторіи долженъ былъ начаться съ начала: почти всѣ завоеванія древней цивилизаціи были утрачены, и возстановленіе этихъ сокровищъ могло совершаться лишь путемъ вѣковой работы; казалось, человѣчество вернулось снова къ своему первобытному состоянію! Однако, при такомъ своемъ вторичномъ развитіи европейскій міръ обладалъ все же кое-какими остатками литературныхъ и научныхъ сокровищъ, сохранившимися со временъ грековъ и римлянъ, обладалъ тѣмъ преимуществомъ, что сохранилъ нѣкоторое чувство общности всего рода человѣческаго. Его географическій горизонтъ былъ болѣе широкъ, чѣмъ горизонтъ той обширной безымянной толпы, какую представляли собою люди цивилизованнаго міра древности. Безъ сомнѣнія, представленіе, которое слагалось у людей о землѣ, было искажено и неправильно: земной шаръ не былъ измѣренъ циркулемъ Эратосѳена и Птоломея,—однако, варвары, пришедшіе съ дальняго сѣвера и съ еще болѣе дальняго востока, сохраняли смутное воспоминаніе объ обширнѣйшихъ пространствахъ, превосходящихъ своимъ протяженіемъ область греко-римскаго міра. Помимо того, въ этомъ великомъ тѣлѣ имъ представлялась нѣкоторая душа,—священная римская имперія для нихъ не перестала существовать, и, въ довершеніе всего, они вѣровали во всемірность «святой церкви» [1]). Идеалъ ихъ почти не сознавался ими, но онъ обусловилъ, тѣмъ не менѣе, будущее политическое и духовное единство народовъ.

Прежде чѣмъ вступить на этотъ путь, являющійся путемъ истинной цивилизаціи и прогресса, смѣшанныя народныя массы, пришедшія изъ столь различныхъ странъ и говорящія на разныхъ языкахъ, перепутавшіяся самымъ хаотическимъ образомъ въ различныхъ областяхъ Европы, должны были установиться, пустить корни въ ту почву, на которую ихъ занесли волны переселеній, побочныя давленія и другія событія,—они первымъ дѣломъ должны были опредѣлить свою географическую территорію. Затѣмъ каждая изъ этихъ этническихъ группъ, образованныхъ болѣе или менѣе тѣснымъ смѣшеніемъ многихъ народностей, смѣшеніемъ—вслѣдствіе общности борьбы, страданій и жизненныхъ интересовъ, должна была познать свою коллективную индивидуальность, должна была возможно полнѣе сгладить всѣ контрасты и шероховатости, и лишь тогда только она могла почувствовать себя единой націей. Далѣе, подготовлялась новая стадія эволюціи для каждой ихъ такихъ отдѣльныхъ группъ,—стадія исканія равновѣсія съ подобными же

1) Eduard Meyer. «Die wirthschaftliche Entwickelung des Alterthums», p. 6.

группами,—исканіе идеала если не самими правительствами, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльными мыслителями.

Однако, первымъ условіемъ всякаго позднѣйшаго прогресса было все же матеріальное приспособленіе къ почвѣ и климату страны. Пере-

Равенна. Мавзолей Галла-Плацидія въ Санъ-Назаріо.

селившіяся народности, перемѣнивъ свою родину, должны были измѣнить также и свою пищу, свои напитки, свою одежду, должны были, наконецъ, подвергнуться неизвѣстнымъ имъ до того времени болѣзнямъ. При этомъ старики, равно какъ и слабые и больные представители народностей, погибали массами, точно также погибали часто и почти всѣ дѣти. Колонизація начиналась всегда съ уменьшенія числа жителей, даже не говоря уже о смертности, причинявшейся сраженіями, пожарами, поголовнымъ вырѣзаніемъ враговъ послѣ завоеванія. Приспособившись къ новой окружающей средѣ, переселившаяся народность оказывалась не только уменьшившейся въ численномъ отношеніи, но также и измѣнившейся по существу благодаря скрещиванію съ туземными жителями и съ другими переселенцами чуждаго происхожденія. Такое смѣшеніе увеличивалось отъ поколѣнія къ поколѣнію, и первоначальный типъ, въ концѣ концовъ, становился совершенно неразличимымъ. По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, или даже чрезъ еще болѣе долгій срокъ, внѣшній видъ представителей данной народности измѣнялся, и нерѣдко исчезалъ

и первоначальный языкъ; новый народъ оказывался чрезвычайно сильно отличающимся отъ прежняго, давшаго ему начало.

Опасности, коимъ подвергалась народность со стороны внѣшней среды, и быстрота физическаго и духовнаго перерожденія переселенцевъ были, какъ это вполнѣ естественно, пропорціональны квадрату разстоянія между первоначальнымъ отечествомъ и новымъ мѣстожительствомъ переселившейся народности. Замѣчательнѣйшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются вандалы. Когда они пришли въ Африку, число ихъ сократилось уже до пятидесяти тысячъ воиновъ, и они, конечно, не могли бы даже довести до конца своего завоеванія, если бы не находились въ союзѣ со всѣми угнетенными племенами Мавританіи, которыя уже стали подниматься противъ своихъ притѣснителей римлянъ: одна изъ сектъ, именно секта донатистовъ или «горцевъ», возстала противъ католическаго духовенства и папской власти; кромѣ того, противъ владѣльцевъ рабовъ сгруппировались банды партизановъ и развѣдчиковъ [1]). Уже союзъ съ этими элементами заставилъ вандаловъ смѣшаться съ туземцами, и, несмотря на ихъ расовое самолюбіе, запрещавшее предводителямъ вступать въ бракъ съ римлянками, семьи, сохранившіяся несмѣшанными, стали въ началѣ VI вѣка уже рѣдкостью. Затѣмъ наступили военныя неудачи: уменьшившись въ численности и ослабѣвъ, вандалы не могли долѣе выдерживать натиска византійцевъ, у которыхъ находились на службѣ наемные варвары; молодые представители народности частью погибли въ бою, частью попали въ плѣнъ и были увезены въ Константинополь; женщины же, по своей волѣ или силою, принуждены были вступить въ составъ римскихъ семей. Самое имя вандаловъ, заставлявшее дрожать весь міръ, не упоминалось даже болѣе ста лѣтъ спустя послѣ смерти Гензериха: ученые тщетно ищутъ слѣдовъ ихъ прохожденія по африканскому континенту, и появляются даже такія парадоксальныя теоріи, какъ теорія Лехера, который видитъ потомковъ вандаловъ въ древнихъ гуанхахъ Канарскихъ островов [2]),—какимъ способомъ, спрашивается, могло произойти такое таинственное переселеніе?

Переселенія народовъ, происходившія на Иберійскомъ полуостровѣ, привели въ движеніе многочисленныя массы, и послѣдствія этого были чрезвычайно стойки. Въ 600 году въ царствованіе Реккареда, визиготы властвовали надъ всей страной; однако, духовное сліяніе, соотвѣтствующее, безъ сомнѣнія, и дѣйствительному скрещиванію расъ,—такое сліяніе между готами и латинизированными испанцами подвинулось уже значительно впередъ. Латинскій языкъ получалъ все бóльшее господство, равно какъ и католическая религія. Въ теченіе цѣлаго вѣка

1) Fr. Martroye. «Une Tentative de Réveil social en Afrique».—2) F. von Löher. «Nach den glücklichen Inseln».

еще властители принадлежали по происхожденію къ народности завоевателей, однако, перевалы Пиренеевъ оставались замкнутыми, ни одна новая банда германцевъ не подкрѣпила полчища визиготовъ, тогда какъ по другую сторону пролива возникла внезапно новая народность, обнаружившая завоевательныя стремленія—народность арабовъ - берберійцевъ, увлеченныхъ пламенною вѣрою. Тѣ остатки визиготовъ, которые сохранились, должны были въ борьбѣ не на жизнь, а на смерть исчезнуть совершенно, по прошествіи всего лишь трехъ вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ они покинули лѣса Германіи и промѣняли ихъ на высокія плоскогорія Испаніи. Остроготы исчезли, какъ отдѣльная народность, полтораста лѣтъ спустя, — они растопились какъ снѣгъ подъ лучами солнца въ долинахъ Италіи и не могли оказать никакого сопротивленія лонгобардамъ.

№ 271. Долина д'Анниве.

1 : 250000

0 4 8 килом.

Если магическое имя Рима притягивало послѣдовательно всѣхъ завоевателей варваровъ на полуостровъ Италіи, то надо сказать, что, съ другой стороны, географическое положеніе Галліи дѣлало изъ нея также мѣсто встрѣчи народовъ. Эта богатая страна, широко открытая съ востока и сѣверо-востока, была населена народностями, не имѣвшими

силы отражать нападенія завоевателей; переселяющіеся народы одни за другими направлялись къ той или иной изъ морскихъ провинцій и останавливались тамъ, задерживаемые либо моремъ, либо другими народными массами, также находящимися въ состояніи переселенія,—они затѣмъ постепенно разсѣивались, снова собирались и вступали въ связь съ другими этническими группами. Совершенно также племена, которыя, миновавъ Галлію, рѣшались пересѣчь Пиренеи, не переступали этихъ горъ безъ того, чтобы не оставить позади себя отставшихъ.

Вполнѣ естественно, что такая гигантская волна народовъ, распространившаяся по всему западному міру, не могла не вызвать противоположныхъ теченій и боковыхъ отвѣтвленій, перемѣшивавшихъ отдѣльныя группы еще болѣе. Нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ бы не указывалось на существованіе народовъ чужеземнаго происхожденія; во Франціи сліяніе народностей и племенъ произошло съ теченіемъ вѣковъ настолько тѣсное, что отличительные признаки и даже наименованія совершенно утратились, такъ что нѣтъ возможности съ какой-либо долей вѣроятія опредѣлять происхожденіе отдѣльныхъ группъ.

Спрашивается, напр., что сталось съ суэвами, аленами, визиготами, аллеманами и бургундами, которые остались осѣдлыми жителями Галліи и, безъ сомнѣнія, далеко не вездѣ смѣшались тѣснѣйшимъ образомъ съ древними туземными народностями? Сообразно съ тысячами различныхъ представлявшихся условій, нѣкоторыя чужеземныя орды варваровъ завоевывали себѣ область для постояннаго жительства и, благодаря своей бдительности и слабости сосѣдей, имѣли возможность жить въ полной безопасности, окруженные враждебной средой; другія орды, оставаясь въ странѣ, вступали въ союзъ съ мѣстными жителями для борьбы съ общими врагами и получали въ подарокъ тотъ участокъ земли, который они занимали; наконецъ, нѣкоторыя племена, пришедшія издалека, превратились не болѣе какъ въ скопища плѣнниковъ или рабовъ, и окружающіе ихъ народы пользовались ихъ трудомъ и заставляли производить необходимыя работы. Въ теченіе ряда вѣковъ потомки переселившихся народностей вели разнообразное существованіе, — иногда они смѣшивались мирнымъ путемъ съ туземными жителями, принимали ихъ языкъ, ихъ религію и обычай, иногда, напротивъ, сохраняли свои собственныя характерныя отличія, несмотря на то, что были принуждены подчиниться волѣ поработившихъ ихъ. Эти небольшія изолированныя группы могутъ быть сравнены съ цистами паразитовъ, живущихъ особой жизнью внутри организма. Которыя изъ нихъ отличаются древностью происхожденія, трудно разобрать и выяснить. Должно ли, напримѣръ, видѣть въ «странѣ» Аллемань въ Кальвадосѣ (Нотръ-Дамъ, Сенъ-Мартенъ-д'Алемань и т. д.) слѣды племени аленовъ, заброшенныхъ сюда судьбою? Свидѣтельствуютъ ли такія названія, какъ Понтъ-а-Вендинъ,

Ванделикуръ, Вандаммъ, Вандевилль, Вандиньи и названія иныхъ мѣстностей въ департаментѣ Нордъ и Па-де-Кале о прохожденіи здѣсь вандаловъ [1])? Должно ли приписывать той же самой причинѣ другія наименованія населенныхъ пунктовъ, начинающіяся со словъ ванд-,

Колонна Антонина. Побѣжденные германцы умоляютъ императора о пощадѣ.

венд-, винд-, пунктовъ, разсѣянныхъ отъ Шаранты до Эна? На всѣ эти вопросы нельзя пока дать отвѣта!

Имѣется, впрочемъ, одна этническая группа, которой преданіе приписываетъ происхожденіе отъ гунновъ, — такая генеалогія ея, впрочемъ, настолько же допустима, какъ и произведеніе отъ кельтовъ, германцевъ или саррациновъ. Мы говоримъ о населеніи небольшой долины д'Аннивье (Ейнфишъ), по которой протекаетъ рѣка Навизаншъ или Навигенца, врывающаяся въ главную долину чрезъ

1) Emile Eude, «Cosmos», по многимъ другимъ авторамъ.

великолѣпное ущелье. Несмотря на то, что населенiе этой долины давно уже обращено въ христiанство и говоритъ на французско-валэзскомъ нарѣчiи, оно отличается, все же, чрезвычайно рѣзко отъ своихъ сосѣдей по всей своей внѣшности, по своей физiономiи, по примѣненiю словъ и оборотовъ рѣчи, неизвѣстныхъ въ нижележащихъ равнинахъ, по многочисленнымъ своеобразнымъ обычаямъ и, наконецъ, прежде всего по сознанiю своей обособленности.

Переселенiе народовъ и давленiе, оказывавшееся всѣми этими потоками человѣческихъ существъ другъ на друга, повлекло за собою измѣненiе того значенiя, которое имѣли историческiе пути Галлiи. Въ римско-галльскую эпоху главнѣйшее движенiе народовъ совершалось всегда по направленiю отъ Рима къ Лiону чрезъ водораздѣлъ Котъ-д'Ора между Соной и Сеной, и, слѣдовательно, главная ось Галлiи проходила съ востока между океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Образованiе царства визиготовъ въ долинѣ Гаронны и возникновенiе въ немъ въ качествѣ столицы города Тулузы, затѣмъ вторженiе франковъ въ бассейнъ Сены и напоръ ихъ по направленiю къ юго-западу дали на нѣкоторое время преобладанiе западному историческому пути—отъ Бордо по направленiю къ Сенѣ по среднему теченiю Луары. Отъ Гвiаны до Орлеанэ по тѣмъ низменностямъ, по которымъ текутъ Дронна, Шаранта, Клена и Вьенна, путь легокъ: страна здѣсь широко открыта для прохожденiя народностей, великихъ армiй и торговыхъ каравановъ, направляющихся съ Иберiйскаго полуострова и съ сѣвера Европы. Нигдѣ на протяженiи всего этого естественнаго прохода мы не встрѣчаемъ никакихъ препятствiй, никакихъ горъ, болотъ или безплодныхъ пустынь. Даже переходъ изъ бассейна Жиронды въ бассейнъ Луары не отличается сколько-нибудь замѣтнымъ водораздѣльнымъ хребтомъ. Шаранта, являющаяся промежуточной рѣкой, какъ бы колеблется въ выборѣ того или другого склона. Справа и слѣва находятся области, чрезвычайно легкодоступныя: по направленiю къ востоку высокiя гранитныя горы и лѣсистыя горы центральной части Францiи, по направленiю къ западу простираются ланды, болота и затѣмъ крутые холмы Пуату, сложенные изъ гранита, наконецъ, такiе же гранитные массивы Бретани. Прохожденiе народовъ должно было совершаться по этому рукаву, гдѣ съ самыхъ первыхъ историческихъ временъ наблюдается постепенное превращенiе этапныхъ пунктовъ этихъ народностей въ значительные города, основывающiеся на тѣхъ же мѣстахъ. Отъ одной рѣки до другой путь намѣчался задолго еще до того, какъ римляне провели здѣсь дорогу, намѣтивъ ее именно по такому направленiю. Во всякомъ случаѣ, этотъ великiй историческiй путь не слѣдовалъ по прямой линiи отъ одного рѣчного бассейна къ другому,—онъ извивался сообразно съ удобствами путешествiя, огибалъ лѣса и проходилъ по долинамъ; затѣмъ, достигнувъ областей,

по которымъ протекаетъ Луара, путь этотъ шелъ вдоль рѣки то по

№ 272. Сходящіяся долины Нарбоннезіи.

Къ югу отъ рѣки Тешъ мѣстность, отмѣченная буквами Le P, указываетъ на мѣстонахожденіе Пертуса или перевала Дель-Гардъ (420 метровъ), чрезъ который арабы проникли во Францію въ началѣ VIII вѣка.

Въ ту эпоху, къ которой эта карта относится, Нарбонна была еще значительнымъ морскимъ портомъ, какимъ она оставалась до XIV вѣка; очертанія береговъ и направленіе рѣкъ измѣнились съ того времени.

одному, то по другому ея берегу, направляясь къ вершинѣ того изгиба,

который рѣка дѣлаетъ къ сѣверу; здѣсь въ этомъ мѣстѣ находился съ самыхъ давнихъ временъ населенный пунктъ, современный городъ Орлеанъ, такъ какъ именно здѣсь было неизбѣжное мѣсто встрѣчи всѣхъ путешественниковъ, какъ поднимавшихся, такъ и спускавшихся по рѣкѣ и направлявшихся наиболѣе короткимъ и легкимъ путемъ въ область слiянiя Сены, Марны и Оазы.

Историческiй путь народовъ, который направляется отъ Орлеана вдоль изгибовъ Луары и вступаетъ въ долину Соны чрезъ проходы Бургони, намѣченъ менѣе ясно, чѣмъ великiй западный путь отъ Турена и отъ Пуату, или, вѣрнѣе, онъ разлагается на множество второстепенныхъ путей впереди низовьевъ Соны, гдѣ обширный прямолинейный прорывъ отдѣляетъ столь рѣзко съ сѣвера на югъ горы центральной Францiи отъ отроговъ горной системы Альповъ. Эта часть огромнаго треугольника, образуемаго историческими путями Францiи, вдавлена наиболѣе глубоко, и потому движенiя народовъ должны были происходить здѣсь подобно теченiю водъ по глубокому рву ущелья.

Третья сторона треугольника, между Средиземнымъ моремъ и океаномъ, намѣчается почти столь же правильно. Водораздѣльный кряжъ, разграничивающiй воды обоихъ склоновъ, не представляетъ никакихъ естественныхъ препятствiй; однако, въ ту эпоху, въ которую природа сохранила свои первоначальныя черты не измѣненными человѣкомъ, проходъ здѣсь былъ все же затруднительнымъ. Три рѣки, носящiя въ настоящее время наименованiя Одъ, Орбъ и Эро, образовывали нѣчто въ родѣ естественной границы, такъ какъ стекались при выходѣ изъ узкихъ ущельевъ. Устья ихъ, окаймленныя болотами и солеными или солоноватыми озерами, слѣдовали одно за другимъ на протяженiи менѣе 20 километровъ въ ширину, и лабиринтъ ихъ рукавовъ и притоковъ являлся однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ препятствiй для переселенiя народовъ.

Такимъ образомъ, въ ту эпоху, когда исторiя Галлiи начала для насъ только-что обрисовываться, этотъ лабиринтъ рѣкъ и озеръ отдѣлялъ естественнымъ образомъ двѣ вполнѣ различныя группы народностей — иберiйцевъ на западѣ и лигуровъ на востокѣ. Позднѣе подъ управленiемъ римлянъ болѣе или менѣе смѣшанные потомки обѣихъ нацiй сохранили свое прежнее мѣстообитанiе: съ одной стороны, мы находимъ здѣсь тектозаговъ, центромъ которыхъ была Тулуза, съ другой — арекомиковъ, занимавшихъ низменныя области Нима, ограниченныя правымъ берегомъ Роны. Затѣмъ, съ установленiемъ власти визиготовъ въ южной части Галлiи, царство ихъ не разъ ограничивалось этой естественной границей и позднѣе, въ теченiе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже вплоть до жестокихъ альбигойскихъ войнъ, когда всѣ народности между собою тѣснѣйшимъ образомъ слились и перемѣ-

шались, это первоначальное разграниченіе, намѣчавшееся сліяніемъ трехъ рѣкъ, сохранялось и выражалось въ развитіи странъ, формировавшихся вокругъ различающихся между собою политическихъ центровъ. Въ этой области обнаруживалась какъ бы скрытая наклонность къ наслоенію двухъ различныхъ народностей,—у одной были распространены провансальскіе обычаи и латинскіе правовые порядки, тогда какъ другая принадлежала къ иберійской цивилизаціи и пользовалась «готическимъ правомъ». Увеличеніе населенія страны, выпрямленіе русла рѣкъ, частичное усыханіе озеръ и, прежде всего, постройка дорогъ вызвали исчезновеніе этихъ препятствій, созданныхъ природою, такъ какъ въ настоящее время наблюдаются различія въ характерѣ, въ нравахъ и въ обычаяхъ населенія развѣ лишь атавистическаго рода [1]).

Мечъ, сѣкира и копье Хильперика, найденные въ его могилѣ. (Національная Библіотека, Кабинетъ медалей).

На сѣверѣ Галліи, между Соммой и Сеной, римскіе легіоны, порѣдѣвшіе отъ битвъ съ врагами, не закрывали болѣе пути полчищамъ франковъ; одинъ изъ царей послѣднихъ, Хлодвигъ или Кловисъ, вытѣснилъ оттуда послѣднихъ римлянъ въ 486 г. и завладѣлъ всей страной до самой Сены, затѣмъ онъ постепенно оттѣснилъ ихъ до Луары и перевелъ свою столицу изъ Турнэ въ Суассонъ. Въ то же время съ востока двигались чрезъ Рейнъ аллеманы, которые должны были неизбѣжно, рано или поздно, столкнуться съ франками, спустившимися съ сѣвера; Хлодвигъ впервые встрѣтился съ ними на полѣ битвы при Тольбіакѣ,

1) A. Duponchel. «Géographie générale du département de l'Hérault». Introduction, pp. XV ss.

которая не была, впрочемъ, рѣшительной; лишь позднѣе онъ окончательно разбилъ ихъ, какъ утверждаетъ большинство историковъ, въ битвѣ при Страсбургѣ. Особенное значеніе имѣла эта побѣда въ томъ отношеніи, что Хлодвигъ, женатый на католичкѣ, поклялся перейти въ христіанскую вѣру, если одержитъ побѣду. Принявъ крещеніе вмѣстѣ съ тысячами своихъ воиновъ, онъ тѣмъ внезапно нарушилъ равновѣсіе религій на западѣ Европы и сдѣлался опорой папской власти противъ другихъ арійскихъ властителей царей бургундовъ и визиготовъ; такъ, между папствомъ и королями Франціи, «старшими сынами Церкви», установился союзъ, — очень часто послѣ того политическія событія опредѣлялись религіозными отношеніями. Пятнадцать вѣковъ спустя послѣ крещенія Хлодвига Ватиканъ вспоминаетъ еще о заключенномъ тогда союзѣ между алтаремъ и трономъ, между церковью и государствомъ, какъ о своей рѣшительной побѣдѣ; пятнадцать вѣковъ спустя (въ 1905 г.) онъ разсматриваетъ этотъ союзъ, какъ все еще длящійся, несмотря на всѣ ужасныя потрясенія, перенесенныя имъ. Изъ того духовнаго могущества, которое проистекало отъ римскаго міра, и изъ того временнаго военнаго могущества, которое принесли съ собою варвары, возникли постепенно монархіи основывающіяся на божественномъ правѣ,—«монархіи Божіею милостью», которыя не исчезли еще окончательно и до сихъ поръ. Къ этой же эпохѣ стараются отнести тѣ религіозныя и патріотическія легенды, которыя собраны были подъ наименованіемъ «Gesta Dei per Francos». Уже честолюбіе франковъ-варваровъ было велико до чрезвычайности. Предисловіе къ Салическому своду законовъ, редакція коего относится къ царствованію Хлодвига, оканчивается слѣдующей побѣдной пѣснью: «Народъ франковъ великъ и знаменитъ; основу ему положилъ самъ Богъ: народъ франковъ силенъ оружіемъ, онъ твердъ и незыблемъ въ мирныхъ договорахъ, онъ мудръ въ своихъ совѣтахъ, благороденъ и здоровъ своимъ тѣломъ, замѣчателенъ своей красотою, смѣлъ и отваженъ на полѣ битвы,—онъ жаждетъ справедливости и хранитъ вѣру»!

Сражаясь за церковь и стремясь расширить свое собственное могущество, Хлодвигъ перешелъ Луару, встрѣтилъ съ оружіемъ въ рукахъ визиготовъ и разбилъ ихъ при Пуатье, на самой серединѣ того историческаго пути, который тянется между Луарой и Гаронной; затѣмъ онъ занялъ Аквитанію и Нарбоннезію вплоть до Роны. Обратившись позднѣе на сѣверо-востокъ, онъ округлилъ свои владѣнія, умертвивъ, частью въ бою, частью путемъ измѣны, цѣлый рядъ мелкихъ князей.—Хлодвигъ принадлежалъ къ тѣмъ завоевателямъ, которые въ равной степени славятся своимъ блескомъ и величіемъ и своими кровавыми преступленіями [1]. Онъ завладѣлъ почти всей территоріей, которая въ настоящее

1) H. Hallam. «L'Europe au Moyen-Age», I, p. 20.

время называется Франціей. Однако, обширная область эта, превышавшая во много разъ его наслѣдственныя владѣнія въ Турнэ, не пред-

№ 273. Царство Меровинговъ во времена сыновей Хлодвига.

После смерти Хлодвига (511 г.) старшій изъ его сыновей, Тьерри, именовавшійся также Теодорихомъ I, получилъ при раздѣлѣ Реймское королевство (Австразію), отъ Троа до зарейнскихъ странъ, равно какъ центральное плато отъ Кагора до Клермонта; другой сынъ, Клодоміръ, получилъ королевство Орлеанское, отъ Сена до низовьевъ Луары; парижское королевство, простирающееся вдоль береговъ Ламанша, или Нейстрію, получилъ Хильдебертъ, тогда какъ на долю Клотару выпало королевство Суассонское, достигающее на сѣверѣ устьевъ Мааса. Какимъ способомъ сыновья Хлодвига подѣлили города юго-западной части Галліи, не извѣстно.

Послѣ смерти Клодомира въ 524 г. распредѣленіе территорій измѣнилось.

ставляла такой упорядоченности и не управлялась столь твердо, какъ владѣнія современника Хлодвига—Теодориха Великаго; цѣлый рядъ городовъ и областей былъ если не вполнѣ независимымъ, то, во всякомъ

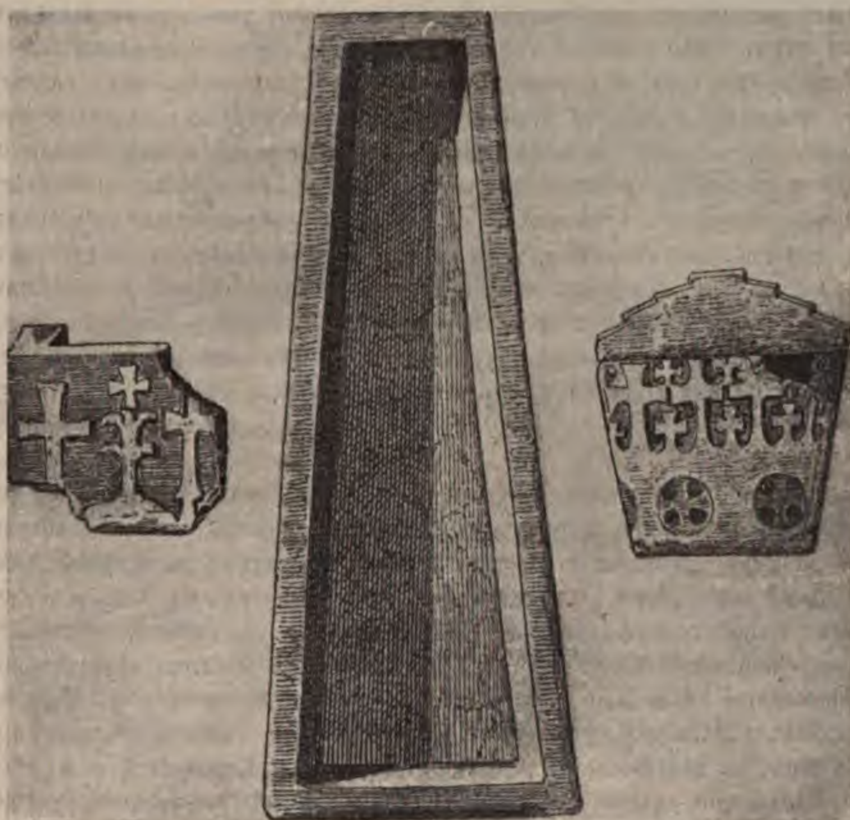
случаѣ, находился въ полусвободномъ состояніи, и населеніе ихъ, скрывавшееся въ невѣдомыхъ горныхъ дебряхъ, старалось не обращать на себя вниманія. Самъ Хлодвигъ владѣлъ лишь тѣми землями, которыя въ данный моментъ попирались ногами его воиновъ. Чувствуя, однако, уваженіе предъ цивилизаціей, варвары-германцы отнюдь не претендовали на то, чтобы предписывать покореннымъ странамъ свой образъ жизни, и держались даже до нѣкоторой степени въ сторонѣ, обнаруживая извѣстную скромность. Они устроились прежде всего въ ненаселенныхъ областяхъ и поселились въ нихъ отдѣльными семьями или небольшими группами вдали отъ городовъ, которымъ они предоставили управляться, сообразно съ установившимися обычаями [1]). Вслѣдствіе этого покоренные ими народы не особенно сожалѣли объ утратѣ прежняго образа правленія, и совершенно не было замѣтно, чтобы въ какой-либо изъ областей они возставали противъ своихъ новыхъ властителей. Въ то же время, впрочемъ, сліяніе между побѣдителями и побѣжденными совершалось съ чрезвычайною медленностью.

Король династіи Меровинговъ не имѣлъ, однако, никакого представленія о національномъ единствѣ и цѣлостности странъ, занятыхъ его войсками. Для него эти страны были не чѣмъ инымъ, какъ добычей, и передъ смертью своей онъ раздѣлилъ эти страны подобно накопленнымъ сокровищамъ между своими сыновьями. Раздѣлъ совершался даже по жребію, и притомъ самымъ курьезнымъ способомъ, именно дѣлили, просто, по количеству городовъ, не считаясь съ ихъ относительнымъ значеніемъ и съ ихъ экономическими и политическими отношеніями. Такимъ образомъ, со времени раздѣла въ 561 г. между четырьмя сыновьями Клотара, Марсель оказался разрѣзаннымъ на двѣ части, городъ Суассонъ, столица Нейстріи, оказался какъ бы заключеннымъ между четырьмя городами: Санли, Мо, Лаономъ и Реймсомъ, изъ которыхъ первые два принадлежали Парижскому королевству, тогда какъ оба вторые—Австразіи [2]). Участки были столь удивительнымъ образомъ между собою перетасованы, что возстанія и войны являлись совершенно неизбѣжными, — путемъ ихъ должно было установиться новое, болѣе раціональное распредѣленіе: самыя священныя клятвы вѣрности должны были неизбѣжнымъ образомъ превратиться въ клятвопреступленія. Именно путемъ такой перетасовки, производившейся постоянными переворотами, установился извѣстный географическій и этнографическій порядокъ въ распредѣленіи населенія и населенныхъ пунктовъ: вопреки всякимъ раздѣламъ, непрерывно утверждались и вырабатывались, сообразно съ распредѣленіемъ нарѣчій, двѣ монархіи—Австразія (Остеръ-

---

1) Th. Duret. «Etudes Critiques d'Histoire», Revue Blanche, 1-er août 1899.— 2) Augustin Thierry. «Récits des Temps Mérovingiens».

Рикъ) или Восточное королевство и Нейстрія (Неостеръ-Рикъ) или Западное королевство; первое изъ нихъ, въ смыслѣ нарѣчій, являлось германскимъ, второе — романскимъ, латинскаго образованія, и обѣ эти области обнаруживали яркій контрастъ между собою по происхожденію и проявляли этотъ контрастъ все рѣзче и рѣзче.

Гробница Хлодвига, найденная въ аббатствѣ св. Женевьевы.

Однако, первое же раздѣленіе той страны, которая въ настоящее время сдѣлалась Бельгіей, нарушило чрезвычайно сильно естественную границу нарѣчій,—оно отдѣлило отъ Германіи салійцевъ Фландріи и подчинило ихъ нейстрійцамъ, тогда какъ, съ другой стороны, въ германскихъ предѣлахъ оказались валлонцы Арденновъ, Намюра и Хено. Въ теченіе многихъ вѣковъ Фландрія и Артуа, отъ Ганда до Арраса, были соединены подъ одною властью; единство страны удерживалось, однако, несмотря на то, что населеніе говорило на двухъ языкахъ,— повиди-

мому, различіе въ языкахъ никогда не было причиной враждебности между сѣверной и южной половинами страны [1]).

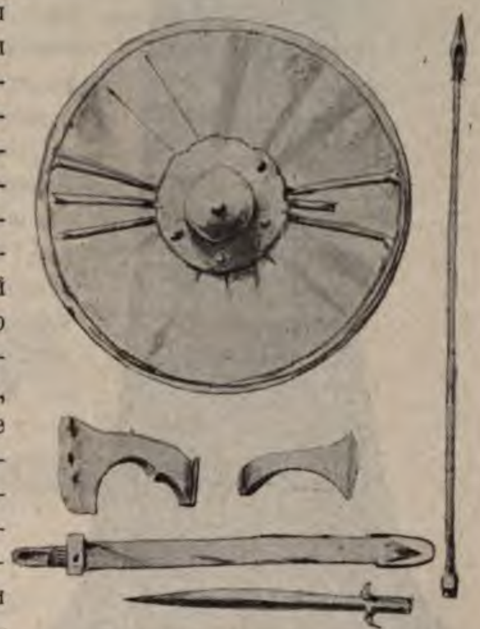
Въ общемъ, можно сказать, что такъ называемый «меровингскій» періодъ, получившій названіе отъ короля Меровинга, никогда, быть-можетъ, не существовавшаго, состоялъ въ общихъ чертахъ изъ двухвѣкового взаимнаго приспособленія, какъ политическаго, такъ и соціальнаго, между различными этническими элементами, которые не представляли уже собою болѣе римской Галліи прежнихъ временъ и не сложились въ то же время еще въ современную Францію. Впрочемъ, надо сказать, что вторженіе варваровъ отнюдь не практиковалось: оно не только продолжалось, но даже постоянно замѣщало болѣе энергичными представителями тѣ уже одряхлѣвшія поколѣнія, которыя возникли изъ перваго наслоенія варваровъ, вторгшихся въ страну; эти первыя наслоенія быстро разлагались, растлѣваемыя, такъ сказать, окружавшимъ ихъ богатствомъ и роскошью, къ которымъ они вовсе не были подготовлены и привычны. Слѣдующему второму потоку завоевателей—Пипинамъ и Карламъ—предстояло выполнить иную задачу: оттѣснить завоевателей - мусульманъ, вторгшихся изъ Испаніи, и окончательно оградить Францію отъ напора германскихъ племенъ.

Юты, фризы, англы и саксы, устроившіеся первоначально на островѣ Танетѣ и на полуостровѣ Кентѣ, продолжали свое завоевательное движеніе съ большою настойчивостью. Замкнутые на островѣ, какъ на аренѣ цирка, они охотились на туземцевъ, какъ на дичь, съ ужасающею послѣдовательностью; многіе изъ ихъ потомковъ, гордящіеся кровью побѣдителей, текущей въ ихъ жилахъ, стремятся доказать, что современные англичане чистѣйшаго германскаго происхожденія. Если бы это было дѣйствительно такъ, то бритты были бы просто-на-просто истреблены, за исключеніемъ развѣ обитавшихъ въ Корнуэльсѣ и въ Галліи. Въ исторіи, однако, нѣтъ данныхъ относительно такого массоваго истребленія, и патріотически настроенные писатели, вѣроятно, слишкомъ легко поддались искушенію оклеветать своихъ предковъ. Подобно большинству завоевателей, англы и саксы были не столько жестоки, сколько преслѣдовали свои утилитарныя цѣли: толпы побѣжденныхъ доставляли имъ прежде всего женщинъ и рабовъ: въ законодательствахъ первыхъ англійскихъ и саксонскихъ королевствъ Англіи наименованіе «бриттъ» (weal) примѣняется для обозначенія раба [2]).

Англія, лишенная сношеній съ Галліей и не получавшая другихъ иммигрантовъ, кромѣ завоевателей и разбойничьихъ бандъ, пошла чрез-

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», pp. 20, 21.—2) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», t. II, p. 12.

вычайно быстро вспять въ смыслѣ культурнаго развитiя и утратила даже многiя культурныя прiобрѣтенiя, сдѣлавшiяся для нея безполезными. Занятiе германцевъ-завоевателей обработкой земли дѣлало для нихъ ненужными города. Большинство городовъ было покинуто, и многiе изъ нихъ заросли первобытнымъ лѣсомъ и исчезли подъ древесной растительностью; другiе города, построенные болѣе прочно, сохранили, по крайней мѣрѣ, свои стѣны,—такъ, разсказываютъ, что городъ Честеръ оставался четыре вѣка ненаселеннымъ, но, несмотря на это, стѣны его не развалились. Со времени возрожденiя культуры, когда англiйская нацiя начала возстановляться со всею своей цивилизацiей, города оказались разсѣянными по всей поверхности страны,—они появились тогда вслѣдствiе развитiя земледѣльческой жизни. Въ это время уже можно было констатировать, что существуютъ два рода городовъ,—тѣ, которые были выстроены еще римлянами, играли роль административныхъ и военныхъ центровъ и располагались вдоль древнихъ мощеныхъ дорогъ, проснулись отъ своего вѣкового сна и сохранили свое прежнее наименованiе, искаженное лишь вслѣдствiе трудности произношенiя на другихъ языкахъ [1]).

Оружiе франковъ, найденное въ Лондиньерѣ въ долинѣ рѣки Ольны.

Одновременно съ возрожденiемъ этихъ древнихъ жизненныхъ пунктовъ возникали мѣстами, въ особенности тамъ, гдѣ имѣлся бродъ черезъ рѣку, или гдѣ начиналось судоходство (Гулль, Ньюкэстль и др.), новые населенные центры. Всѣ города внутренней части страны, возникшiе до эпохи развитiя горнаго дѣла и промышленности, относятся либо къ той, либо къ другой категорiи (Чисгольмъ).

Многократно поднимался вопросъ о томъ, въ какой степени влiяли римскiя установленiя на Англiю среднихъ вѣковъ. Нѣкоторые изъ авторовъ, въ особенности Зеебомъ, считаютъ это влiянiе въ высшей степени важнымъ, тогда какъ другiе, наоборотъ, предполагаютъ, что великiй

1) См. карту № 206, стр. 531, т. II.

римскій геній не имѣлъ достаточно времени для того, чтобы оставить неизгладимый отпечатокъ на народности, столь своеобразной по происхожденію, столь сильно перетасованной различными кровавыми событіями и столь сильно видоизмѣненной вторженіемъ новыхъ нарѣчій, новаго образа мыслей и новыхъ установленій. Саксы и англы, датчане и норвежцы должны были, безъ сомнѣнія, сильнѣйшимъ образомъ измѣнить интеллектуальный и моральный характеръ всего населенія, должны были ослабить первоначальное вліяніе, оказывавшееся римскими законами и взглядами въ теченіе ряда вѣковъ. Все же не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя измѣненія, происшедшія въ британскомъ мірѣ, благодаря господству римлянъ, получили вполнѣ постоянный характеръ, несмотря на всѣ вторженія и войны, которыя затѣмъ послѣдовали. И именно, благодаря пребыванію въ Лондонѣ римскихъ легіоновъ, городъ этотъ разсматривался саксонскими завоевателями скорѣе въ качествѣ союзной республики, чѣмъ въ качествѣ завоеваннаго ими города. «Lex mercatoria» Лондиніума не исчезъ, повидимому, безслѣдно, и городскія установленія не приняли саксонскаго характера. Имѣются даже судебные обычаи, которые совершенно необъяснимы, если не видѣть въ нихъ пережитка римской эпохи: такъ, адвокаты, «сержанты закона» («sergeant at law»), давали свои совѣты въ древнемъ соборѣ св. Павла, непремѣнно опираясь на подножіе колоннъ,—тамъ для нихъ сохранялось спеціальное мѣсто, гдѣ они выслушивали своихъ кліентовъ, составляли прошенія и подготовляли всѣ бумаги къ судебному процессу. Не является ли это точной копіей того, что было въ Римѣ, гдѣ римскіе «jurisperiti» засѣдали на форумѣ въ утренніе часы, окруженные своими кліентами,

Кельтская бронзовая сѣкира, найденная въ Англіи.

которые собирались въ назначенное время? Преемственность этого обычая является вполнѣ очевидной [1]).

Будущее великое значеніе Лондона намѣчалось уже очертаніемъ береговъ и формами страны. Прежде всего устье Темзы,

Древнія вещи, найденныя въ Ханнамъ-Хиллѣ близъ Сэлисбери.

находящееся въ юго-восточномъ углу главнаго острова, открывается такимъ образомъ, что суда, ищущія убѣжища, находятъ наиболѣе надежную пристань именно въ самой глубинѣ устья, внутри страны. Это устье является какъ бы широкими вратами, распахнутыми настежъ у самаго входа въ Ламаншъ и приглашающими войти всѣ суда, которыя отъ сѣверныхъ береговъ стекаются къ проливу. Ни одна мѣстность на всемъ побережьѣ Великобританіи не была столь хорошо намѣчена и столь удобно доступна въ смыслѣ торговли съ побережьемъ Бельгіи и Германіи. И именно

1) Laurence Gomme. Contemporary Review, may 1906, p. 691.

чрезвычайно близко отъ этой гавани, намѣченной торговымъ движеніемъ, находилось въ области Кента мѣсто, гдѣ путешественникамъ можно было быстро перебраться съ одного берега на другой. Преимущества устья Темзы были вполнѣ очевидны и должны были въ значительной степени содѣйствовать заселенію той части побережья, гдѣ теперь скопляются милліоны жителей Лондона, — однако, въ тѣ эпохи мѣстности удобныя, легко доступныя, непокрытыя такими болотистыми пространствами, что невозможно было высаживаться, были еще очень рѣдки. Одна изъ мѣстностей современнаго Лондона, именно подножье небольшого холма, на которомъ стоитъ соборъ Св. Павла, и у котораго впадала въ Темзу небольшая рѣчка Флитъ, представляла всѣ необходимыя условія для удобнаго причала морскихъ судовъ—устье Флитъ служило гаванью. Укрѣпленный городъ Лондиніумъ, построенный здѣсь при Константинѣ, тянулся вдоль рѣки на 1500 — 1800 метровъ и въ ширину былъ въ половину менѣе [1]); спрашивается, гдѣ же причаливали свои суда чужеземные мореходы, прежде чѣмъ добраться до этого убѣжища? Песчаныя отмели и топкія мѣста тянутся вдоль береговъ, болота и заливные луга покрываютъ широкой полосой все прибрежное пространство. Даже въ современномъ Лондонѣ южный берегъ Темзы настолько низменъ, что фундаменты домовъ омываются волнами рѣки: самый внѣшній видъ Лондона показываетъ, что выстроенъ городъ на болотѣ, отвоеванномъ человѣкомъ съ большою постепенностью. Въ прежнія времена жилища жителей группировались въ этой мѣстности въ деревушки, построенныя на большомъ разстояніи отъ рѣки и отъ ея заливаемыхъ береговъ, — онѣ возводились также по возможности вдали отъ сырыхъ луговъ и лѣсовъ, перемѣшанныхъ съ густыми кустарниками; мѣстные жители старались устраиваться прежде всего на высотахъ, мѣловые, покрытые травою скаты которыхъ являлись удобнымъ для нихъ свободнымъ пространствомъ; живя на возвышенностяхъ, они могли къ тому же легко издалека наблюдать за равнинными мѣстностями, въ которыхъ часто скрывались непріятели.

Къ сѣверу отъ Темзы мѣстность, пересѣкаемая въ настоящее время столь многими путями, была на значительной части своего протяженія совершенно недоступна. Устье рѣки Уэшъ продолжалось далеко къ югу по болотистымъ пространствамъ, осушеннымъ въ настоящее время и извѣстнымъ подъ названіемъ «fens». Она дѣлилась далѣе на рядъ боковыхъ долинъ, столь болотистыхъ и заросшихъ камышами, что никто въ нихъ не отваживался пускаться. Вся часть восточной Англіи, обнимающая въ настоящее время графства Норфолькское и Суффолькское и ограниченная съ юга другими устьями рѣкъ и другими развѣтвляющи-

1) Mitteilungen der k. k. geog. Gesellschaft, Wien, 7—8, 1903.

мися до безконечности болотами, представляла собою на самомъ дѣлѣ обширный островъ, на которомъ завоеватели долгое время являлись какъ бы заключенными и лишь впослѣдствіи получили возможность проникнуть въ остальную часть страны. Лондонъ до своего возникновенія пред-

Лондонъ. Соборъ св. Павла на лѣвомъ берегу Темзы.

Рѣчка Флитъ, текущая по направленію съ правой стороны рисунка къ лѣвому, находилась позади холма св. Павла и впадала въ Темзу выше моста, виднаго на первомъ планѣ.

ставлялъ своимъ основателямъ то преимущество, что находился какъ бы на мысу изъ невысокихъ холмовъ, соединявшихъ съ Темзой внутреннія, легко доступныя части страны. Естественные пути сообщенія примыкали въ этой области къ судоходной части рѣки [1]).

Другія устья рѣкъ побережья Англіи, направленныя раструбами къ берегамъ Германіи и Скандинавіи, въ особенности устья рѣкъ Уэшъ и Гумберъ, являлись также мѣстами, гдѣ вполнѣ естественнымъ образомъ получали доступъ внутрь страны переселенцы, пришедшіе съ противоположныхъ германскихъ береговъ. Морской приливъ благопріятствовалъ

1) John Richard Green. «The Making of England».

тому, что суда ихъ проникали внутрь по рѣкамъ, и новые пришельцы находили, въ концѣ концовъ, гдѣ-нибудь среди болотистыхъ пространствъ часть берега, сложенную изъ твердыхъ породъ или скалистую, вблизи которой можно было устроить якорную стоянку,— въ такой мѣстности долженъ былъ развиться портовый городъ, къ которому затѣмъ уже примыкали пути, служившіе для заселенія внутренней части страны. Изрѣзанность южныхъ береговъ заливами, открытыми по направленію къ Галліи, должна была также служить еще до эпохи переселенія германцевъ къ установленію сношеній между обоими побережьями и къ заселенію острова, равно какъ и къ созданію путей сообщенія, которыми часто пользовались. Наконецъ, на западномъ берегу Англіи заливы, глубоко врѣзающіеся внутрь острова,—Севернскій заливъ, проливъ Энглези, устья рѣкъ Ди, Мерсей и Рибль, заливъ Морекэмбъ и треугольный бассейнъ, носящій названіе Сольвей-Фёрсъ, были мѣстностями, заранѣе предопредѣленными самой природою для причала рыболовныхъ судовъ и торговыхъ кораблей, поддерживавшихъ сношенія съ Ирландіей.

Вполнѣ естественно, что имѣвшими наибольшее значеніе историческими путями Англіи были тѣ, которые соединяли между собою наиболѣе часто посѣщавшіяся мореходами устья рѣкъ. Даже на нѣмой картѣ, безъ какого-либо обозначенія путей, можно замѣтить, что сами собой вырисовываются линіи, соединяющія устья Темзы съ устьемъ рѣки Итчинъ, противъ острова Уайта; далѣе можно еще яснѣе замѣтить естественный путь, которымъ часто пользовались въ галло-римскія времена и даже еще ранѣе, именно путь, соединяющій долину Темзы съ устьемъ рѣки Эвонъ, близъ котораго находится городъ Басъ, существующій съ римской эпохи, и городъ Бристоль — со среднихъ вѣковъ. Та же самая точка была также соединена и съ гаванью Итчинъ, гдѣ находится въ настоящее время городъ Соутгэмптонъ,— она соединялась вполнѣ ясно намѣченнымъ путемъ, огибающимъ юго-западныя цѣпи горъ Англіи и проходящимъ по долинѣ Сэлисбери. Точно также рѣки Уэшъ и Темза, Мерсей, Ди и Севернъ были соединены извилистыми путями, которые тянулись одинъ вдоль окраинъ болотъ и низменностей, другой — вдоль восточной подошвы холмовъ. Наконецъ, наиболѣе массивная часть острова была пересѣчена путями, шедшими по діагонали,— длинные ряды древнихъ городовъ напоминаютъ намъ въ настоящее время о направленіи этихъ великихъ путей въ первобытныя времена.

Вытянутый въ длину и какъ бы стянутый въ талію между Шотландіей и Англіей главный островъ Великобританіи представлялъ въ прежнія времена далѣе къ югу другой чрезвычайно рѣзко ограниченный естественный перешеекъ, обусловленный не формою береговъ, а качествами почвы. Отъ устьевъ рѣкъ, болотъ, заливныхъ луговъ («broads») тянулись на большое протяженіе въ глубь страны заросли камышей, не-

воздѣланныя пространства и дѣвственные лѣса, простиравшіеся отъ Нѣ-

№ 274. Раздѣленіе Англіи на королевства.

Масштабъ 1 : 5 000 000.

На этой картѣ нанесены три рѣки Эвонъ и двѣ рѣки Оузъ. Одна рѣка Эвонъ является лѣвымъ притокомъ Северна, на другой стоитъ Бристоль, третья впадаетъ въ Ла-Маншъ къ западу отъ острова Уайтъ. Одна изъ рѣкъ Оузъ впадаетъ въ Хёмберъ, другая въ Уэшъ.

Между областями и королевствами, нанесенными на эту карту, Эссексъ, Суссексъ, Корнуэльсъ, Кумберлэндъ и Нортумберлэндъ сохранились до настоящаго времени въ качествѣ княжествъ, но значительно сократились по своей поверхности, за исключеніемъ перваго.

мецкаго моря до Ирландскаго, — они образовывали широкую полосу, въ

серединѣ которой оставался лишь узкій проходъ. Линіей, проходящей отъ устья рѣки Оуза на сѣверѣ до устья Мерсея, Англія перерѣзалась пополамъ, и, чтобы попасть изъ южной области въ сѣверную, путешественники бывали принуждены брать провожатыхъ, — имъ приходилось пробираться по трудно проходимымъ лѣснымъ тропинкамъ, огибать топкія болота и опасныя трясины. Населеніе было малочисленно, полу-дико и разсѣяно въ видѣ островковъ въ лѣсу, такъ что даже сборщикамъ податей трудно было его отыскать. Названія «fenny» и «moorish», примѣнявшіяся къ этимъ болотнымъ жителямъ, были синонимами «некультурныхъ людей» и «варваровъ» [1]).

Придя съ восточныхъ устьевъ рѣкъ, англы, юты и саксы, проникшіе на островъ, должны были распространяться на немъ по тѣмъ путямъ, которые намѣчала для нихъ сама природа. Исторія не можетъ, однако, прослѣдить за ходомъ такого разселенія,— то, что происходило въ этихъ отдаленныхъ областяхъ сѣвера, осталось совершенно неизвѣстнымъ тѣмъ немногочисленнымъ лѣтописцамъ, которые пользовались въ тѣ времена латинскимъ языкомъ для записи событій. Страна раздѣлялась на извѣстное количество независимыхъ княжествъ, которыя вели между собою войны, — границы ихъ нерѣдко измѣнялись, сообразно съ заключавшимися ими союзами или же съ переходомъ по наслѣдству отъ одного владѣтельнаго князя къ другому. Въ серединѣ VII вѣка насчитывалось 7 небольшихъ государствъ, не считая тѣхъ, которыя образовывались бриттами, оттѣсненными въ Галлію и въ Корнуэльсъ: отсюда и взялось наименованіе «семицарствія», которое давалось всѣмъ англо-саксонскимъ княжествамъ Англіи,—наименованіе, впрочемъ, неточное, такъ какъ такое раздѣленіе отнюдь не было результатомъ какого-либо спеціальнаго соглашенія.

Политическое объединеніе англійскихъ монархій совершилось лишь въ началѣ IX вѣка, когда Эгбертъ, воспитанный отчасти при дворѣ Карла Великаго, расширилъ свое Вессекское королевство, присоединивъ къ нему всѣ другія англо-саксонскія государства. Въ этомъ ему помогло, быть-можетъ, то, что всѣ представители его народности находились подъ страхомъ вторженія чужеземныхъ завоевателей—датчанъ и норманновъ. Въ свою очередь, эти послѣдніе слѣдовали морскими путями, указанными имъ англами, и старались завладѣть тѣми же самыми областями или, по крайней мѣрѣ, отвоевать часть ихъ въ свою пользу. Вынужденные собраться воедино для оказанія противодѣйствія нападавшимъ на нихъ морскимъ разбойникамъ, вторгавшимся внутрь страны съ побережья, англы съ этого времени пріостановили сами расширять свои владѣнія; они не могли долѣе продолжать своихъ завоеваній ни въ Шот-

---

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», pp. 138 à 144.

ландiи, гдѣ они вели войну съ бриттами, оттѣсненными туда, и съ гаэлами, обитавшими въ высокихъ горныхъ долинахъ, ни въ Ирландiи, являвшейся ареной борьбы со скоттами и другими кельтскими племенами. Для нихъ начался новый перiодъ исторiи.

Такъ закончился на Британскихъ островахъ перiодъ переселенiя англовъ; совершенно такъ же закончился подобный перiодъ переселенiя вандаловъ въ Мавританiи, суэвовъ, аленовъ и визиготовъ въ Испанiи, остроготовъ въ Италiи и франковъ въ Галлiи. Аррьергардомъ германскихъ завоевателей были лонгобарды и саксы, которые около ста лѣтъ спустя послѣ Одоакра, въ 568 г., перешли Альпы и завладѣли долиной По, современной Ломбардiей, равно какъ и значительной частью Италiи. Король Антарикъ проникъ вплоть до Регiума, лежавшаго противъ Сицилiи, и, слѣдуя древнему обычаю, принялъ во владѣнiе землю, ударивъ въ нее копьемъ: «Вплоть досюда простирается царство лонгобардовъ»! Новые пришельцы были, однако, полуцивилизованной народностью, и подъ ихъ властью, какъ въ прежнiя времена подъ властью остроготовъ, населенiе страны, продолжавшее свои занятiя земледѣлiемъ и промышленностью, могло считать себя еще римскимъ. Полуостровъ Италiи сдѣлался бы, однако, вполнѣ лонгобардскимъ, если бы римскiе папы, назначенные самими этими завоевателями, не обратились съ призывомъ къ франкамъ Австразiи, которые въ царствованiе Карла Великаго сдѣлались господами всей Западной Европы.

Въ теченiе всего перiода вторженiя, утвержденiя и устройства въ странѣ варваровъ католическая церковь прiобрѣла колоссальное матерiальное могущество. Покоясь на сохранившихся остаткахъ латинской цивилизацiи и составляя уже одно цѣлое съ этой цивилизацiей, она проникла постепенно по историческимъ путямъ во всѣ торговые центры и затѣмъ распространилась и по самымъ отдаленнымъ окраинамъ. Преданiя разсказываютъ объ этомъ распространенiи католичества, правда, совершенно иное, и къ тому же совершенно несогласное съ истиной. По разсказамъ житiя святыхъ, апостолы, ученики и спутники Iисуса высадились въ Галлiи въ первые же годы, послѣдовавшiе за распятiемъ Учителя; населенiе страны было ими тотчасъ же обращено и заслужило, такимъ образомъ, вполнѣ наименованiе «старшихъ сыновъ церкви», на которое претендуютъ французскiе католики. Въ другихъ странахъ, впрочемъ, разсказываютъ совершенно такiя же исторiи: ученики Спасителя распредѣлились по свѣту, направились, будто бы, каждый въ ту или другую страну, которую и обратили въ христiанство,—одинъ изъ нихъ, св. Ѳома, высадился даже въ Индiи на Малабарскомъ берегу. Однако, исторiя, основывающаяся на изученiи надписей и лѣтописей, показываетъ намъ, что такiя внезапныя и чудесныя обращенiя въ христiанство существовали лишь въ пылкомъ воображенiи монаховъ:

христіанство, на самомъ дѣлѣ, распространялось совершенно такимъ же образомъ, какъ латинскій языкъ, слѣдуя по естественнымъ путямъ и по торговымъ пунктамъ. Въ Галліи оно укоренилось прежде всего въ полугреческихъ и полуримскихъ городахъ—въ Марсели, въ Э (Aix) и въ Арлѣ; затѣмъ оно поднялось по Ронѣ по направленію къ Віеннѣ и прежде всего къ тому ближайшему центру, который обладалъ впослѣд-

Равенна. Воскрешеніе Лазаря, барельефъ византійской урны.

ствіи наиболѣе сильнымъ вліяніемъ, именно къ Ліону, гдѣ находилось мѣсто схожденія дорогъ, направлявшихся въ Гельвецію, въ Германію, въ Бельгію и въ Бретань. Распространяясь довольно быстро вдоль путей, которыми часто пользовались въ тѣ времена, христіанство проникало лишь очень медленно въ среду языческаго населенія, вдали отъ крупныхъ торговыхъ центровъ,—такое населеніе являлось весьма консервативнымъ и хранило древніе обычаи. Нарождающемуся христіанству въ Галліи много содѣйствовалъ энтузіазмъ отдѣльныхъ личностей, отличавшихся высокими добродѣтелями, — къ нимъ принадлежалъ, напримѣръ, св. Мартинъ, который своимъ вліяніемъ, своей справедливостью

много сдѣлалъ для объединенія первыхъ христіанъ Франціи отъ Тура до Амьена; тѣмъ не менѣе, даже четыре вѣка спустя послѣ апостола Павла, центральныя провинціи Галліи были еще языческими. Въ одномъ изъ папирусовъ, изученныхъ Леопольдомъ де-Лилемъ [1]), сообщается объ освященіи одной изъ церквей, основанныхъ въ Женевѣ въ XVI уже вѣкѣ, причемъ упоминается, что церковь эта основывается на недавнихъ

Равенна. Искупитель. Барельефъ византійской урны.

развалинахъ языческаго храма,—между тѣмъ этотъ швейцарскій городъ располагается на самомъ бойкомъ историческомъ пути, которымъ пользовались во всѣ времена многочисленные путешественники. Въ эту эпоху, слѣдовательно, язычество удерживалось еще во многихъ отдаленныхъ областяхъ, сохраняя свои первоначальныя формы, и вплоть до нашихъ дней приходится констатировать многочисленные остатки его.

Именно тѣ области Франціи, которыя долгое время оставались языческими, являлись областями, съ наибольшимъ рвеніемъ провозгла-

1) Gaston Boissier. Revue des Deux Mondes, 15 juin 1866, p. 998 ss.

шавшими себя подъ защитою тѣхъ или другихъ святыхъ. Приблизительно около одной восьмой всѣхъ коммунъ Франціи заключаютъ въ своихъ названіяхъ имя того или иного святого, не считая уже тѣхъ, которыя носятъ наименованія чисто-религіознаго характера въ первоначальной или въ измѣненной формѣ. Изъ всѣхъ патроновъ св. Мартинъ пользовался, повидимому, наибольшей популярностью, такъ какъ его имя включено въ названія не менѣе какъ 238 коммунъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ исторія епископа Мартина, жившаго въ концѣ IV вѣка, по заключающимся въ ней легендамъ и чудесамъ, сливается наиболѣе полно съ религіозными взглядами и миѳами древнихъ боговъ. Мантія св. Мартина служила знаменемъ королямъ франковъ, и въ то же время этому христіанскому отшельнику приписывались чудеса прежняго бога Вотана. Областями Франціи, въ которыхъ святые скопились въ наибольшемъ количествѣ, являются области древней Галліи—Бретань, Вандея, Лимузенъ и Перигоръ, Овернь и Севенны, — департаментъ, занимающій въ этомъ отношеніи первое мѣсто, это департаментъ Ардешъ, — въ немъ 30,5% коммунъ носитъ имена святыхъ. Эти области, какъ мы сказали, принадлежатъ къ тѣмъ, въ которыхъ древнее населеніе до-римскаго и до-германскаго происхожденія образуетъ консервативную основу всей народности,—святые, являющіеся патронами общинъ, не болѣе, какъ древніе боги, окрещенные церковью.

На сѣверо-восточной и восточной границахъ, которыя сильнѣйшимъ образомъ подверглись вліянію германскихъ переселенцевъ, имена святыхъ находятся лишь у одной двадцатой или у одной пятидесятой всего количества коммунъ [1]).

Вполнѣ понятно, что кажущееся единство христіанской религіи въ той группѣ государствъ, которыя замѣнили собой римскую имперію, должно было, на самомъ дѣлѣ, выражаться въ большомъ разнообразіи религіозныхъ культовъ: каждая провинція, каждый городъ сохраняли своихъ боговъ, давая имъ лишь новыя наименованія или, по меньшей мѣрѣ, видоизмѣняя начертанія ихъ именъ. Точно также и различные старинные миѳы облекались лишь въ новыя одѣянія и скрывались подъ ними. Такъ, на Востокѣ Іисусъ Христосъ появляется въ формѣ новаго Митры, тогда какъ на Западѣ онъ принимаетъ форму Тора. Рождественская елка, символизирующая среди зимнихъ снѣговъ всеобщую надежду на наступленіе весны и посвященная, въ силу этого, языческимъ богамъ, представлявшимъ собою побѣдоносныя силы природы, изображаетъ въ настоящее время возрожденіе Новаго года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «Рождество» Іисуса въ его ясляхъ, между быками и ослами, этими непремѣнными помощниками и сотрудниками бѣднаго земледѣльца. Легенды, которыми

1) P. Joanne. «Dictionnaire statistique et administratif de la France».

христіане-мистики стараются возвысить и поднять свою душу до горнихъ высотъ, бо̀льшею частью такъ же языческаго происхожденія и на много вѣковъ предшествуютъ Голгоѳѣ. Чаша св. Грааля, содержащая драгоцѣнныя капли божественной крови, разыскивалась съ такимъ же

№ 275. Европа въ 526—552 гг.

Въ царствованіе Юстиніана (527—565) восточная имперія возстановилась; власть Константинополя простиралась отъ Арменіи до Бетики и отъ Африки до долины По, но вторженіе славянскихъ народностей на Балканскій полуостровъ продолжалось,—направленіе пути ихъ переселенія заимствовано у А. Лефевра; кромѣ того, снова направились на Европу азіатскія орды именно народность аваровъ.

жаромъ воинами-кельтами Галліи и Бретани, съ какимъ ее искали позднѣе христіанскіе рыцари [1]). Вакхическіе танцы, изображенные по окружности колокола, призывающаго на молитву, свидѣтельствуютъ, что древніе боги уступили Христу не болѣе, какъ половину своего царства [2]).

1) A. von Ziegesar. «Der heidnische Untergrund der Gralsage». — 2) Remy de Gourmont. Bevue Blanche, 1-er avril 1898, p. 488.

Безъ сомнѣнія, появлялись и апостолы-разрушители, воодушевленные гнѣвомъ и ненавистью противъ идолопоклонства, — такими были Павелъ Отшельникъ и Бонифацій, — они сжигали статуи Діаны и вырубали священные дубы. Большинство проповѣдниковъ, однако, были просто ловкіе и терпѣливые люди, вѣрившіе въ цѣлительную силу времени и мѣнявшіе лишь имена, не касаясь сущности вещей. Почти всюду въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились нѣкогда галло-римскія святилища, пользовавшіяся наибольшимъ почетомъ, воздвигнуты въ настоящее время и знаменитые христіанскіе храмы, — чтобы отыскать остатки древнихъ языческихъ алтарей, достаточно покопать лишь подъ папертями церквей! Во многихъ храмахъ Италіи еще въ V вѣкѣ не трудились даже удалять особенно почитавшіяся статуи боговъ, — старались лишь отыскать такія свойства, которыя болѣе всего подходили къ видоизмѣненію религіознаго чувства,—такъ, мать-кормилица Деметра вполнѣ естественно превращалась въ Дѣву съ младенцемъ. Въ другихъ мѣстахъ не пытались даже внести какія-либо измѣненія въ народныя вѣрованія: такъ, напримѣръ, Венера оставалась постоянно любимой народомъ подъ наименованіемъ св. Венизы и изображалась на иконахъ нагой, лишь съ лентою вокругъ чреслъ [1]). «Чернокожія Дѣвы», привезенныя изъ крестовыхъ походовъ, пользовались не меньшимъ поклоненіемъ, какъ Дѣвы бѣлолицыя, выставляемыя во всѣхъ церквахъ на поклоненіе вѣрующимъ.

Къ тому же надо замѣтить, что христіанскіе монахи, которымъ было поручено обращать язычниковъ Англіи, получили отъ папы Григорія Великаго формальный приказъ облегчать переходъ отъ язычества къ христіанству, дѣлая его чрезвычайно послѣдовательнымъ. Они должны были вести себя совершенно иначе, чѣмъ въ первыя времена христіанской церкви,—имъ было запрещено разрушать святилища древнихъ боговъ, они должны были ограничиваться лишь ихъ очищеніемъ, «дабы христіанская религія могла справлять тамъ свои празднества и пользоваться слѣпымъ благоговѣніемъ, привлекающимъ въ эти мѣста толпы язычниковъ. Не должно также уничтожать совершенно ихъ жертвоприношенія и религіозныя празднества, — будетъ вполнѣ достаточно, если они отнынѣ будутъ справлять ихъ въ честь истиннаго Бога и его святыхъ... Тотъ, кто желаетъ взойти на самую высокую вершину, подвигается впередъ шагъ за шагомъ и отнюдь не дѣлаетъ большихъ скачковъ» [2]).

Это благоразуміе обратителей, совмѣстно съ общимъ настроеніемъ, по которому всѣ видѣли въ христіанской религіи прежде всего религію

1) Dureau de la Malle. «Mémoire sur sainte Venise», Acad. des Inscriptions; Remy de Gourmont. Revue Blanche, 1-er avril 1898, p. 489. — 2) «Посланіе XL», цитир. и перевед. God. Kurth, t. II, p. 38, 39.

Рима, имѣло наиблагопріятнѣйшее вліяніе, въ смыслѣ быстраго успѣха пропаганды и достиженія желаемыхъ результатовъ.

Въ своей англійской «Исторіи Церкви», написанной въ началѣ VIII вѣка, Бэда излагаетъ въ рядѣ поэтическихъ картинъ обращеніе

№ 276. Европа въ 562—590 гг.

На этой картѣ изображены по А. Лефевру вторженія въ Италію лонгобардовъ, послѣднее общее движеніе германскихъ народностей и затѣмъ занятіе дунайской равнины аварами и набѣги ихъ на западъ и на югъ; съ этого времени царства Западной Европы довольствовались усвоеніемъ одержанныхъ побѣдъ и завоеваній и новыя народности приспособлялись къ этнической и географической средѣ.

Территорія Восточной имперіи заштрихована сплошь косою штриховкою, царство франковъ ограничивается заштрихованной полосой.

короля и народа Нортумбріи. Мудрые мужи всего народа съ полной серьезностью обсуждали предложенія римскихъ монаховъ, желавшихъ замѣнить древнюю вѣру новой вѣрой и новыми обрядами. Одинъ изъ старцевъ поднялся и сказалъ: «Король! Вотъ какъ представляю я себѣ жизнь человѣка здѣсь на землѣ, въ сравненіи съ вѣчностью, которая

остается для насъ тайной. Зимою ты сидишь за трапезой со своими приближенными, и огонь горитъ посрединѣ покоя и наполняетъ все теплотой, тогда какъ снаружи завываетъ буря и вьются вихри дождя и снѣга. Иногда въ такое время случается видѣть, какъ быстро чрезъ покой пролетаетъ воробей,—онъ влетитъ въ одну дверь и исчезаетъ въ другую. Пока онъ летитъ, онъ защищенъ отъ ужасовъ свирѣпствующей бури, но мгновеніе это длится для него лишь одинъ мигъ, стоитъ ему лишь исчезнуть изъ глазъ твоихъ, и онъ попадаетъ снова въ холодъ и бурю! Такова и жизнь человѣка: она длится лишь одно мгновеніе, и мы не знаемъ, что предшествуетъ ей, и что послѣдуетъ вслѣдъ за нею! Потому, если новое ученіе принесетъ намъ хоть сколько-нибудь увѣренности и счастья, оно заслуживаетъ того, чтобы мы его приняли» [1]). И на этотъ разъ страхъ предъ неизвѣстностью увлекъ невѣжественныхъ людей вслѣдъ за вожатыми не менѣе невѣжественными, но поддерживаемыми горячей вѣрой!

«Носители благой вѣсти» оказали чрезвычайно большое вліяніе на некультурныхъ, полныхъ первобытной наивности варваровъ, которымъ они привили свою религію. Они явились прямыми замѣстителями прежнихъ волхвовъ, колдуновъ и прорицателей, — значеніе ихъ удваивалось уже въ силу того, что они пользовались довѣріемъ новыхъ боговъ. Роль ихъ чрезвычайно увеличилась также и въ предѣлахъ прежней римской имперіи, гдѣ они силою вещей сдѣлались посредниками и судьями между различными слоями населенія. Точно такъ же и въ Галліи, какъ туземные жители, такъ и варвары, видѣли равнымъ образомъ въ нихъ своихъ естественныхъ управителей и безпристрастныхъ судей. Во главѣ христіанской іерархіи епископы являлись единственными представителями соціальнаго организма, функціонирующими методически и съ совершенной правильностью: они были одновременно и судьями, и совѣтниками, людьми, знавшими науки. Признанные начальниками мирныхъ жителей, они при вторженіи въ страну варваровъ становились также, до нѣкоторой степени, и начальниками надъ новыми пришельцами, которымъ необходимы были посредники для того, чтобы управлять народомъ, — вѣдь варвары не знали ни языка даннаго народа, ни его нравовъ и обычаевъ.

Съ точки зрѣнія духовнаго господства, это были наилучшія времена для Церкви. Въ теченіе этого перваго періода среднихъ вѣковъ варварскія народности обращались въ христіанство лишь, такъ сказать, по довѣрію, — въ основѣ своей они были столь мало христіанами, что не могли и спорить о своей вѣрѣ. Новообращенные не путались въ

1) «Hist. Ecc. Angl.», 11, 13, trad. G. Kurth, «Origines de la Civilisation moderne», t. II, pp. 18, 19.

Антиноя. — Скелеты Θаисъ и монаха Серапіона.

догматическихъ опредѣленіяхъ; Ѳеодосій прямо провозгласилъ, какая вѣра должна быть истинной: «я желаю, чтобы всѣ мои народы слѣдовали тѣмъ вѣроученіямъ, которыя проповѣдуютъ епископъ римскій Дамасій и Петръ Александрійскій» [1]). Не было, слѣдовательно, вовсе ереси, не поднималось ни одного протеста противъ истолкованія божественной воли въ той формѣ, какъ ее проповѣдывали священнослужители. Все рѣшительно допускали, даже не давая себѣ труда вѣровать въ то, что принималось [2]). Духъ сомнѣнія и возмущенія противъ установленныхъ догматовъ могъ возродиться лишь вмѣстѣ съ возрожденіемъ мысли, что совершилось въ значительной степени подъ вліяніемъ арабовъ и евреевъ.

Но, въ результатѣ той наклонности къ уравненію, которая непрерывно работаетъ надъ нивелировкой обществъ и классовъ, совершился неизбѣжный обмѣнъ: варвары романизировались, тогда какъ христіане постепенно германизировались. Одновременно со вторженіемъ варваровъ сама католическая церковь сдѣлалась варварской. Къ тому же священнослужители приняли въ свое лоно завоевателей, выторговавъ у нихъ, чтобы церковныя имущества были пощажены и сохранены; они бывали даже сильно обязаны этимъ грабителямъ, — иногда послѣдніе соглашались удѣлять часть своей военной добычи на церковь въ самый день своего обращенія! Распаденіе имперіи, паденіе и затѣмъ полное исчезновеніе императоровъ сопровождались сохраненіемъ власти архипастырей церкви,— послѣдняя получала даже какъ бы отблескъ императорской власти, и, такимъ образомъ, подготовлялся путь къ утвержденію высшей духовной власти, которая играла столь значительную роль въ исторіи среднихъ вѣковъ. Надо, впрочемъ, сказать, что, переставая признавать свою связь съ греко-латинской цивилизаціей и приспособляясь понемногу къ средѣ варваровъ, церковь сама быстро приближалась къ этой средѣ въ смыслѣ развитія невѣжества. Въ противность тому, какъ это часто утверждаютъ, она не сохранила на своихъ алтаряхъ неугасимымъ пламень древней цивилизаціи и не передала его въ полной сохранности послѣдующимъ поколѣніямъ, заставшимъ лучшія времена. Упадокъ былъ столь полнымъ, что на самомъ дѣлѣ не существовало даже языковъ: прежніе языки перестали уже понимать, тогда какъ будущіе еще только формировались [3])!

Уже подъ римскимъ владычествомъ Галлія была лишена всякой инціативы въ области умственнаго развитія. Отнюдь не безнаказанно прошло для народовъ Галліи столкновеніе ихъ съ Цезаремъ, когда они

1) G. Boissier. «La Fin du Paganisme», t. II, p. 340. — 2) Raoul Rozières. «Recherches sur l'Histoire religieuse de la France», pp. 34, 35. — 3) Victor Arnould. «Histoire sociale de l'Eglise», Société Nouvelle, oct. 1895, p. 421.

на поляхъ битвы потеряли болѣе милліона людей. Въ городахъ Галліи находились школы, гдѣ дѣти обучались латинской грамматикѣ, гдѣ упражнялись въ риторикѣ и поэзіи по латинскимъ же образцамъ. Конечно, изъ такой фразеологіи не могло рождаться вовсе оригинальныхъ твореній, развертывающихъ передъ читателями истинныя мысли автора, изложенныя на ихъ родномъ языкѣ,—однако, рѣчь была еще, по крайней мѣрѣ, элегантной и чистой, послѣ же паденія Рима литература впала окончательно въ полный варваризмъ,—Сидоній Аполлинарій и Григорій Турскій, сообщающій намъ о нашествіи варваровъ, являются сами въ полномъ смыслѣ варварскими писателями. Полныя трагизма, ужасающія событія данныхъ вѣковъ придаютъ еще писаніямъ этихъ авторовъ большое историческое значеніе, но что можно сказать о пустословіи писавшихъ въ эту эпоху монаховъ, совершенно лишенныхъ всякаго природнаго чутья и всякаго стиля! Народности, лишенныя своего мозга, должны были долгое время возстановляться и подготовляться къ произведенію новыхъ плодовъ мысли и искусства; литература могла нарождаться снова лишь въ романахъ, легендахъ, сказкахъ и сатирахъ свѣтскихъ лицъ и въ проповѣдяхъ ересіархов.

Можно ли сказать, что церковь бережно хранила сокровищницу знанія, когда папа Григорій «Великій», избранный въ 560 г. сенатомъ, духовенствомъ и римскимъ народомъ, воспользовался тотчасъ же своей властью для того, чтобы сжечь Палатинскую библіотеку, разрушить все, что сохранилось еще изъ древнихъ храмовъ и статуй, изгнать ученыхъ изъ Рима и запретить даже изученіе грамматики, считавшейся «ужасной» наукой у священнослужителей и заслуживавшей полнаго порицанія, если ею занимался свѣтскій человѣкъ. Исчезли почти всѣ существовавшія тогда книги. Когда Пипинъ попросилъ папу Павла I прислать ему книгъ, папа могъ послать ему лишь крохотную связочку кое-какихъ разрозненныхъ рукописей. Послѣ нашествія варваровъ и христіанъ, истребителей искусства во всѣхъ его формахъ, литературное творчество въ теченіе шести или семи вѣковъ свелось почти къ нулю: вся латинская поэзія отъ Эннія до Сидонія Аполлинарія заключается всего лишь въ двухъ томахъ, причемъ второй изъ нихъ почти цѣликомъ содержитъ исключительно лишь христіанскихъ поэтовъ. Греческая литература подверглась не лучшему обращенію, — всѣ полныя произведенія и отдѣльныя разрозненныя части заключаются въ настоящее время въ 61 томѣ въ $^1/_{16}$ [1]). Куда же, спрашивается, дѣвались 200000 твореній греческихъ писателей, представленныя каждое въ единственномъ экземплярѣ въ библіотекѣ Пергама, которую Антоній подарилъ Клеопатрѣ?

Забота объ образованіи, встрѣчаемая у нѣкоторыхъ миссіонеровъ,

1) Remy de Gourmont. «Le Chemin de Velours», p. 31.

именно у распространителей христіанства въ Ирландіи, была явленіемъ совершенно исключительнымъ, проистекавшимъ отъ того, что въ этихъ отдаленныхъ отъ Рима странахъ пропаганда христіанства совпадала со стремленіемъ къ высшей культурѣ. Позднѣе, когда уваженіе къ руко-

Гора Кассино и городъ Санъ-Джермано.

писямъ, къ литературѣ и къ наукамъ свѣтскаго характера стало снова проявляться среди представителей церкви, у монаховъ бенедиктинцевъ и у другихъ монашескихъ орденовъ, прогрессивное движеніе снова охватило весь міръ и стало сказываться равнымъ образомъ и на свѣтскомъ обществѣ, уцѣлѣвшемъ отъ вліянія варваризма и огрубѣнія въ теченіе вѣковъ вторженія варваровъ.

Колоссальный регрессъ въ области мысли, происшедшій вмѣстѣ съ побѣдою католицизма надъ греко-римской цивилизаціей, казался въ особенности чудовищнымъ искаженіемъ всѣхъ понятій изъ области исторіи и географіи: время и мѣсто дѣйствія историческихъ событій разсматривались сквозь густой туманъ иллюзій и заблужденій, иногда явной лжи и преднамѣренныхъ искаженій дѣйствительности. Все, что было установлено астрономами и математиками со времени Өалеса и Пиөагора, все, что, какъ казалось, было окончательно выяснено Ари-

стотелемъ, напримѣръ, шарообразность земли,—все это подверглось снова сомнѣнію. Святой Августинъ, одинъ изъ наиболѣе ученыхъ отцовъ церкви, не рѣшался еще отрицать шарообразности земли [1]), тогда какъ Лактанцій считаетъ уже самую мысль о томъ смѣшной и не заслуживающей вниманія. Что касается движенія земли вокругъ солнца, подозрѣвавшагося халдейскими и александрійскими учеными, то о немъ нѣтъ болѣе и рѣчи! Величавое мірозданіе, гармоничная система свѣтилъ, движущихся въ безконечномъ пространствѣ, превращается въ желѣзную клѣтку, въ замкнутый небесный сводъ, замыкающій міръ нашъ въ темницу! Компиляторы того времени не цитируютъ даже греческихъ писателей Геродота, Страбона, Птоломея въ оригиналѣ,—они ограничиваются воспроизведеніемъ пустословія Плинія и перечисленіемъ римскихъ писателей. Единственной заботой монаховъ было стряпать «христіанскую географію», т.-е. приспособлять обрывки знаній древнихъ авторовъ самымъ грубымъ образомъ къ требованіямъ откровеній религіи [2]).

Несмотря на это, однако, въ ту эпоху, какъ и во времена римскаго владычества, находились люди, совершавшіе отдаленныя путешествія по земному шару; нашествіе варваровъ не уничтожило ни сухопутной, ни морской торговли. Григорій Турскій сообщаетъ намъ о купцахъ, совершавшихъ путешествія изъ Франціи въ Сирію, и объ одномъ паломникѣ, пришедшемъ изъ южной Индіи во Францію (въ 550 г.); онъ сообщаетъ также объ индійскихъ корабляхъ, которые совершали правильные рейсы въ Суэцъ и производили обмѣнъ товарами [3]). Съ VI по VIII вѣкъ сирійскія колоніи находятся въ бо́льшей части городовъ,—въ Марсели, Нарбоннѣ, въ Бордо, Турѣ и Орлеанѣ. Евреи стали проникать во всѣ области Европы, — одна изъ общинъ ихъ отмѣчается въ Мецѣ уже въ 222 г. Такимъ образомъ, недостатокъ былъ отнюдь не въ путешественникахъ, — недоставало лишь наблюдателей и мыслителей, которые были бы способны дѣлать тѣ или иные выводы изъ разсказовъ этихъ путешественниковъ.

Всеобщее невѣжество позволяло священнослужителямъ, жаждущимъ власти, выступать съ большою смѣлостью. Не было чуда, передъ воспроизведеніемъ котораго они бы остановились, и для котораго не нашлось бы наивныхъ вѣрующихъ; предполагаемыя чудеса, вторгавшіяся въ обыденную жизнь, являлись хорошей рекламой и завоевывали даже симпатіи враговъ. Можно было свободно позволять себѣ и ложь, подтасовывать сколько угодно тексты, играть словами, пользуясь созвучіями, поддѣлывать даже писанія и исправлять пророчества послѣ совершившагося уже событія,—во всѣхъ такихъ дѣйствіяхъ можно было

1) «Cité de Dieu», XVI, ch. IX, p. 556. — 2) Raymond Beazley. «The Dawn of modern Geography». — 3) R. Beazley. «Mediaeval Trade and Trade Routes».

имѣть полную увѣренность, что найдешь не только соучастниковъ, но и вѣрующихъ энтузіастовъ. Такимъ образомъ, были подтасованы многія ученія вѣры въ Евангеліяхъ и въ Посланіяхъ Апостольскихъ, такимъ же образомъ было изобрѣтено награжденіе церкви землями и различ-

№ 277. Гора Кассино и заливъ Гаэта.

ными правами по милости императоровъ и королей, наконецъ, такимъ образомъ была написана ложная во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ исторія церкви. Правда, современная критика возстановила въ значительной степени истину, возстановила время и мѣсто дѣйствія, устранила анахронизмы и вычеркнула изъ списка фантастическія личности, однако, лица заинтересованныя продолжаютъ и до сихъ поръ пользоваться всѣми ошибками и обманами своихъ предшественниковъ, если это является выгоднымъ для церкви,—въ этомъ отношеніи не поставлено никакихъ ограниченій! Такъ, церковь пользуется до сихъ поръ непоколебимой сложив-

шейся въ средніе вѣка вѣрою въ правильность того относящагося къ Іисусу Христу отрывка, который былъ позднѣе вставленъ въ произведеніе Іосифа Флавія, она пользуется вѣрованіемъ въ основаніе папской власти св. Петромъ и въ передачу благодати отъ одного первосвященника другому, она вѣритъ въ выраженіе подчиненія папѣ со стороны Константина Великаго и признаетъ предоставленіе римской церкви земель Равенны и другихъ обширныхъ владѣній въ Италіи и въ иныхъ странахъ—владѣній, которыми церковь была будто бы награждена со стороны различныхъ завоевателей и монарховъ. Многіе еретики были сожжены за то, что высказывали сомнѣніе въ правильности всѣхъ такихъ утвержденій, поддерживавшихся даже съ бо́льшей энергіей, чѣмъ самыя догмы христіанской религіи. Историкъ не признаетъ ихъ болѣе, но вѣрующій продолжаетъ вѣрить и до сихъ поръ! Совершенно такъ же желѣзная основа во многихъ зданіяхъ скрыта подъ легкими, на первый взглядъ колоннами съ увѣнчивающимъ ихъ куполомъ и совершенно воздушными аркадами, которыя на нихъ опираются.

Наравнѣ со священнослужителями и самымъ могущественнымъ среди нихъ—папою,—власть котораго разрасталась, мало-по-малу, все болѣе и болѣе, развивалось новое церковное установленіе—монашество, которое должно было получить еще несравненно бо́льшій моральный авторитетъ. Совершенно подобно тому, какъ въ прежнія времена у евреевъ пророки ихъ, вышедшіе изъ нѣдръ народности, дѣлили съ нею и ея страсти, и ея горести, и надежды и оказывали уже въ силу этого сильнѣйшее вліяніе на своихъ земляковъ,—такъ и монахи жили вмѣстѣ съ народною массою, дѣлались душою послѣдней, тогда какъ верховное священство, явившееся къ тому же наслѣдственнымъ, образовывало отдѣльный классъ, обнаруживало собственные спеціальные интересы, бывшіе иногда даже враждебными монахамъ. Если въ началѣ существованія христіанской церкви нѣтъ никакой рѣчи о монахахъ, то это потому, что духовенство тогда еще не установилось въ окончательной формѣ,—христіанство находилось постоянно въ опасности, подвергалось преслѣдованіямъ. Раздвоенія на ревностныхъ сторонниковъ вѣры, пустившихся въ дѣло пропаганды христіанскаго вѣроученія, и на священнослужителей, коихъ знанія, родовитость происхожденія или другія преимущества поставили на видное мѣсто,—тогда еще не было. Лишь когда церковь оффиціально одержала побѣду, и когда одинъ изъ классовъ духовнаго сословія научился въ широкой степени пользоваться моральнымъ и матеріальнымъ господствомъ надъ народными массами,—лишь тогда должно было установиться и раздѣленіе труда въ области церкви: все, что было болѣе естественнаго и болѣе живого, должно было возникать и вырастать снизу, изъ лона наиболѣе горячо преданныхъ религіи и наиболѣе фанатизированныхъ христіанскихъ общинъ.

На востокѣ монашество существовало еще въ гораздо болѣе раннія времена, до развитія христіанства, и не прекратило своего существованія: совершенно подобно тому, какъ изъ ведаической религіи оно перешло къ буддизму и затѣмъ къ браманизму, такъ оно перешло потомъ и отъ іудейской религіи къ христіанской, перешло изъ пустыни Эдома въ пустыни египетскія. Обитатели побережій Нила, защищенные на берегахъ рѣки отъ солнца, прячущіеся въ тѣни сикоморовъ, испытываютъ ужасъ передъ пустыней,—проникнутые суевѣріями, свойственными ихъ предкамъ, они считаютъ пустыню населенной злыми духами. Даже при полной увѣренности, что откроютъ тамъ богатѣйшія сокровища, они не рѣшаются провести ночь въ той или другой изъ пещеръ Аравійскихъ горъ [1]). И, между тѣмъ, именно въ Египтѣ, видимъ мы, св. Павелъ и св. Антоній бѣгутъ отъ удовольствій и пріятностей жизни въ Александріи, предаются умерщвленію плоти и въ какомъ-нибудь изъ уголковъ безплодной пустыни страдаютъ отъ голода и жажды, отъ ужасной дневной жары и ночныхъ холодовъ. Вполнѣ понятнымъ является, въ силу этого, безконечное изумленіе простыхъ смертныхъ, разумѣется, подымавшее духъ христіанъ-пустынниковъ, которые удалялись отъ міра и проводили жизнь въ одиночествѣ, ведя борьбу съ самимъ дьяволомъ безъ какого-либо иного оружія, кромѣ собственной вѣры. Первые христіанскіе бѣглецы предприняли эту страшную борьбу лишь для того, чтобы добиться спасенія своей души, запятнанной первороднымъ грѣхомъ и вѣчно подвергающейся опасности со стороны различныхъ искушеній. «Тотъ, кто остается въ своей кельѣ,—говоритъ св. Антоній,—спасается отъ трехъ враговъ: отъ своего слуха, своего зрѣнія и своей рѣчи; онъ борется лишь со своимъ сердцемъ»! Увы! легендарная исторія этого самаго святого доказываетъ намъ въ достаточной степени ясно, какъ призрачны были его мечты: чѣмъ болѣе человѣкъ старается избѣжать опасностей, представляемыхъ внѣшнею жизнью, тѣмъ болѣе ужасной становится внутренняя борьба, которую ему приходится вести съ самимъ собою; убѣгая отъ грубой дѣйствительности, онъ неизбѣжно подпадаетъ подъ власть еще худшихъ галлюцинацій!

Отшельники, избѣгавшіе совершенно міра, полнаго грѣха и страстей, являлись, однако, исключеніемъ среди христіанъ: большинство христіанъ, удалявшихся отъ радостей жизни и отъ общества, стремились сообща найти новую жизнь, которая бы ихъ болѣе удовлетворяла, и основывали, въ концѣ концовъ, многолюдныя общины. Такъ, мы видимъ, въ Египтѣ появляются настоящіе монашескіе города, оказывавшіе чрезвычайно сильное вліяніе на религіозную и политическую эволюцію страны. Именно этимъ поборникамъ религіи, дѣйствовавшимъ вкупѣ или

1) Georg Schweinfurth. «La Terra incognita dell'Egitto», p. 11.

отдѣльно, должно быть приписано разрушеніе стольких творенiй древняго Египта, разрушеніе мѣстами столь полное, что приходится, положительно, поражаться: храмы и города были сожжены, сосуды, сдѣланные изъ твердыхъ матеріаловъ, разбиты вдребезги, скелеты мертвецовъ изломаны, изображенія боговъ превращены въ порошокъ [1],—всѣ средства были дозволены въ проявленіи ненависти монашества къ прежнему идолопоклонству! Неоднократно эти насильники нападали толпами и на самую Александрію и принимали участіе въ убійствахъ и казняхъ. Прекраснѣйшая и чистая душой Гипація была побита камнями въ 415 г. за то только, что занималась философіей,—ее предали и указали разсвирѣпѣвшей черни не кто иной, какъ монахи!

Изъ Египта монашество стало распространяться постепенно на западъ, но тамъ оно не имѣло еще настоящихъ основаній для своего существованія, и появляющіеся тамъ монахи не образовывали еще общинъ. Первые монахи появились въ Римѣ въ 340 г., привезенные св. Аѳанасіемъ. На нихъ смотрѣли какъ на нѣкоторый курьезъ и не безъ извѣстнаго презрѣнія, но въ теченіе слѣдующихъ поколѣній подражатели имъ стали находиться все въ бóльшемъ и бóльшемъ числѣ. Св. Іеронимъ, бывшій самъ виѳлеемскимъ монахомъ, обратился съ призывомъ къ христіанамъ, утомленнымъ свѣтской жизнью городовъ: «Что дѣлаете вы всю жизнь? До какихъ поръ будете вы обитать подъ сѣнью своихъ домовъ? Почему остаетесь вы заключенными въ тѣни городовъ, полныхъ дыма» [2])?

Съ самаго начала того новаго порядка вещей, который послѣдовалъ за паденіемъ римской имперіи въ 529 г., монахи запада основали новый центръ своей дѣятельности, вліяніе коего сказывалось со все возрастающею силою отъ столѣтія къ столѣтію,—нерѣдко центръ этотъ находился на службѣ папству, но столь же часто онъ былъ направленъ и противъ папства или, во всякомъ случаѣ, не зависѣлъ отъ него, признавая свою собственную силу. Въ качествѣ такого центра со времени утвержденія власти готовъ, св. Бенедиктъ основалъ монастырь Монте Кассино, который возвышается на высокомъ холмѣ надъ городомъ Санъ-Джермано,—безъ сомнѣнія, господствующее положеніе этого монастыря содѣйствовало въ значительной степени росту убѣжденія въ святости бенедиктинцевъ. «Монахи Кассинской горы умираютъ всѣ въ состояніи особаго блаженства»—гласило народное вѣрованіе; орденъ бенедиктинцевъ на самомъ дѣлѣ насчитывалъ не менѣе 16000 представителей, канонизированныхъ въ святые, что составляетъ болѣе четверти всѣхъ святыхъ, занесенныхъ въ списки Святцевъ.

Монашескіе ордена Запада были бóльшею частью совершенно иного

---

1) Albert Gayet. «Coins d'Ebypte ignorés», p. 5, 20. — 2) Gaston Boissier. «La Fin du Paganisme», t. II, p. 418.

происхожденія, чѣмъ монашество на Востокѣ. Единственнымъ желаніемъ египетскихъ пустынниковъ было спасеніе души,—они причиняли себѣ мученія въ этомъ мірѣ, побуждаемые болѣзненнымъ желаніемъ страдать; монахи Запада, напротивъ, удалялись изъ многолюдныхъ городовъ не столько для того, чтобы молиться и предаваться созерцанію, сколько, чтобы избѣгать опасностей, угрожавшихъ со стороны постоянныхъ дѣйствій, и спасаться отъ всеобщаго угнетенія. Всѣ страны были опустошены, и города разрушены, будущее представлялось столь же полнымъ опасности, сколь прошедшее было полно несчастій, и потому было вполнѣ естественнымъ, что многіе молодые и пылкіе люди стремились уклониться отъ необходимости подчиняться и удалялись отъ тѣхъ опасныхъ мѣстъ, по которымъ постоянно проходили вооруженныя воинственныя шайки. Они выбирали мѣстности болѣе удаленныя, устраивались въ мѣстахъ уже покинутыхъ и легко защищаемыхъ; не испрашивая ничьего разрѣшенія, даже не обращаясь къ епископамъ,—властителямъ столь же опаснымъ, какъ и рыцари,—они собирались въ свободныя общины, вкладывая каждый свое имущество. Всюду, даже въ самыхъ бѣдныхъ странахъ Запада, видимъ мы, возникаютъ монастыри изъ полуголодныхъ рабочихъ людей, совершенно къ тому же невѣжественныхъ,—такая община и образовывала обыкновенно первоначальное ядро монастыря, но позднѣе монастырямъ было суждено совершенно передѣлать эти общины [1]).

Св. Бенедиктъ.
Набросокъ по древней мозаикѣ Камилли.

Также и другая причина содѣйствовала нарожденію общинъ монаховъ, въ особенности въ болѣе цивилизованныхъ частяхъ прежней Римской имперіи. Люди относительно болѣе развитые, очарованные воспоминаніями о древней славѣ Рима, объединялись, чтобы поддерживать все относящееся къ древней римской цивилизаціи, что только можетъ быть сохранено. Монастыри, основанные ими, представляли собою Римы въ миніатюрѣ, возникавшіе въ недоступныхъ мѣстностяхъ за высокими стѣнами, которыя защищали отъ варваровъ,—впрочемъ, послѣдніе воздерживались отъ нападенія на нихъ, быть-можетъ, изъ боязни колдовства и магическаго дѣйствія молитвъ. Убѣжище, избираемое такими монахами, принимало обыкновенно характеръ римской виллы, только

1) Victor Arnould. «Histoire sociale de l'Eglise», Société Nouvelle, mars 1896, pp. 349, 350.

вмѣсто того, чтобы принадлежать патрицію, окруженному толпой рабовъ, монастырь этотъ являлся собственностью нѣкотораго числа общинниковъ, вкладывавшихъ каждый свой небольшой капиталъ и стремившихся жить въ относительномъ благополучіи, отнюдь не отказываясь отъ всѣхъ утонченныхъ наслажденій цивилизованной жизни. Они не обрабатывали сами своихъ земель, а поручали обработку колонистамъ; сами же они въ своихъ тѣнистыхъ садахъ, хорошо защищенныхъ высокими стѣнами, бесѣдовали о вопросахъ искусства и философіи, читали стихи и рукописи, являвшіеся наслѣдствомъ древней античной мысли. Такіе монастыри были бóльшей частью видоизмѣненными старинными виллами галло-римской эпохи, какія описываются Фюстель-де-Куланжемъ. Каждый монастырь образовывалъ какъ бы маленькую республику, единую и недѣлимую, обходящуюся собственными силами и обладающую всѣми необходимыми ремеслами [1]). Даже много вѣковъ спустя послѣ паденія римскаго міра монастыри сохранили архитектуру и общее устройство виллы патриціевъ [2]).

Любовь къ общественному благу, стремленіе къ общественнымъ интересамъ играли также, быть-можетъ, роль въ основаніи монастырей. Нѣкоторыя изъ общинъ были, безъ сомнѣнія, при своемъ возникновеніи простыми попытками къ реализаціи общества на чисто-экономическомъ поприщѣ и затрагивали религію лишь постольку, поскольку того требовало исполненіе обрядовъ, безъ коихъ нельзя было обойтись. Такимъ образомъ, напримѣръ, земледѣльцы, распахивавшіе почву послѣ выруба лѣсовъ, организовывались часто въ общины, похожія на монашескія, но занимались прежде всего вырубомъ и распашкой почвы; точно также «страннопріимные» монахи объединялись, чтобы помогать паломникамъ и странствующимъ чужеземцамъ, — живя среди міра и для міра, они были воодушевлены совершенно иными идеалами, чѣмъ тѣ, которые были свойственны придававшимся умерщвленію плоти, но по существу — эгоистамъ, отшельникамъ. Настоящій переворотъ въ религіи и въ соціальныхъ отношеніяхъ былъ произведенъ, однако, появленіемъ «странствующихъ» монаховъ, которыхъ «безуміе креста» побуждало идти, куда глаза глядятъ, и проповѣдывать обращеніе въ христіанскую вѣру.

Особенно прославились въ этомъ послѣднемъ отношеніи поборники религіи, жившіе на сѣверо-западной оконечности Европы. Однимъ изъ удивительнѣйшихъ фактовъ исторіи является, что Ирландія, этотъ сѣверный островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ бурными водами океана и остававшійся совершенно внѣ всякаго вліянія греческой и римской цивилизаціи, получила значительнѣйшую роль въ обращеніи германцевъ въ христіанство и въ смягченіи ихъ нравовъ. Это историческое явленіе

1) G. Tarde. «Les Transformation du Droit», p. 24. — 2) Ch. Dezobry, «Rome au siècle d'Auguste», t. III, lettre 81; Raoul Rozières. «Histoire religieuse de la France», pp. 69, 70.

находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Ирландія совершенно ускользнула отъ завоеванія римлянъ; народы Эрина не были сломлены, порабощены и испорчены, какъ галлы и британцы; они сохранили всю свою энергію и духовную мощь, равно какъ и бо́льшую свободу мысли и вѣрованія, чѣмъ другіе христіане. Они были настоящими цивилизаторами, чрезвычайно преданными дѣлу умственнаго развитія и интеллектуальнаго возрожденія. Духъ свободы и независимости, окрылявшій миссіоне-

Вилла патриція.

ровъ и ученыхъ зеленаго острова Эрина, является яркимъ контрастомъ той рутинѣ порабощенія, которая наблюдается во всѣхъ другихъ странахъ. Такъ, именно одинъ изъ ирландцевъ, Скоттъ Эригенскій, поднялъ впервые протестъ противъ введеннаго въ христіанскую религію догмата о вѣчныхъ мученіяхъ въ адѣ и проповѣдывалъ первый окончательное спасеніе всѣхъ людей; онъ же утверждалъ, что «разумъ происходитъ отъ Бога, точно такъ же, какъ авторитетъ исходитъ изъ церкви, и каждый авторитетъ, не поддерживаемый разумомъ, не имѣетъ никакого значенія».

Полная независимость ирландцевъ въ дѣлахъ вѣры доходитъ до того, что они доказываютъ, будто самое обращеніе ихъ въ христіанство совершилось не чрезъ посредство Рима, а путемъ прямой проповѣди апостоловъ, пришедшихъ туда изъ Азіи. По древнимъ преданіямъ, св. Патрикъ, проповѣдникъ и патронъ Ирландіи, признавалъ главенство Эфесскаго епископства. По нѣкоторымъ чертамъ своего первоначальнаго устройства, Ирландія, дѣйствительно, совершенно отличалась отъ дру-

гихъ странъ Западной Европы. Цѣлыя толпы «святыхъ», толпы странствующихъ миссіонеровъ, работали свободно надъ обращеніемъ своей народности. Общество перестроилось въ значительной степени на общинныхъ началахъ; многочисленные монастыри, населенные людьми, состоящими въ бракѣ, частью земледѣльцами, частью ремесленниками, образовывали цѣлый рядъ религіозныхъ центровъ, подчиненныхъ въ іерархическомъ порядкѣ духовнымъ пастырямъ и епископамъ [1]). Разрывъ съ прежними языческими установленіями совершился не такъ внезапно, какъ въ другихъ областяхъ древняго римскаго міра; св. Коломбанъ, знаменитѣйшая личность Ирландіи, основатель аббатства въ Люксейлѣ, самъ отстаивалъ сохраненіе ордена бардовъ, пѣвцовъ, и отстоялъ съ успѣхомъ.

Апостолы Ирландіи, горячо преданные дѣлу обращенія туземцевъ, замѣстили, мало-по-малу, жрецовъ-друидовъ безъ какого-либо насилія; вмѣстѣ съ тѣмъ, слова проповѣдниковъ обладали такою силою, что «скалы распадались, и стѣны падали во прахъ». Разсказываютъ, что въ 560 г., при взятіи города Тара, резиденціи царя-царей Ирландіи, процессія, состоявшая изъ монаховъ, лишь звонила въ колокольчики, и стѣны города пали, совершенно такъ же, какъ за 2000 лѣтъ до того пали стѣны Іерихона отъ трубныхъ звуковъ Іосіи!

1) Arbois de Jubainville;—Ernest Nys, Société Nouvelle, mai 1896, p. 606.

ВТОРОЙ РИМЪ.

◆◆◆

Хронологія.

Послѣ смерти Анастасія (518 г.) Юстинъ, прежній ѳракійскій крестьянинъ, сдѣлавшійся префектомъ въ Константинополѣ, былъ возведенъ на византійскій тронъ; онъ усыновилъ своего племянника Юстиніана, родившагося въ 483 г., который ему наслѣдовалъ въ 527 г. и царствовалъ до 565 г. Женой его была Ѳеодора, уроженка Кипра или Сиріи, вступившая съ нимъ въ бракъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, и скончавшаяся въ 548 г. Главными военачальниками Юстиніана были славянинъ Кибульдъ, гуннъ Мундо, внукъ Аттилы, и римлявинъ Германъ (А. Лефевръ),—всѣ трое защищали границу по Дунаю; затѣмъ, его военачальникъ Велизарій (490—565 г.) воевалъ на востокѣ съ персами и въ западной части Средиземнаго моря съ вандалами и готами, и армянскій евнухъ Нарзесъ (472—568) неоднократно побѣждалъ остроготовъ и скончался въ Римѣ итальянскимъ патриціемъ.

Въ теченіе пяти съ половиной вѣковъ, отдѣляющихъ смерть Юстиніана отъ прибытія крестоносцевъ подъ стѣны Константинополя, на византійскомъ тронѣ смѣнилось болѣе 60 императоровъ, изъ коихъ мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыхъ:

Юстинъ II царствовалъ въ 565—578 г.; Ѳока—602—610 г.; Гераклій—610—641 г.; Константъ II—641—668 г.; Константинъ IV—668—685 г.; Левъ III—717—741 г.; Константинъ V—741—775 г.; Никифоръ—802—811 г.; Михаилъ III—842—867 г.; Левъ VI—886—911 г.; Константинъ VII или Порфирородный—919—959 г.; Константинъ IX—963—1028 г.; Алексій Комненъ—1081—1118 г.

Хозрой Справедливый (Хозру, Хозравъ-Ануширванъ, т.-е. «тотъ, чья душа безсмертна»), родившійся въ VI вѣкѣ, наслѣдовалъ своему отцу въ 531 г. и скончался въ 579 г. Гормидъ III царствовалъ въ 579—590 г.; Хозрой II—въ 590—628 г.; Іездигердъ—632—653 г.,—это былъ послѣдній изъ Сассанидовъ.

Далѣе мы приводимъ нѣкоторыя данныя относительно другихъ личностей, упоминаемыхъ на послѣдующихъ страницахъ:

	От Р. Хр.
Іоаннъ Златоустъ, род. въ Антіохіи, жилъ въ .	347—407 г.
Фахіанъ, путешественникъ, отсутствовалъ изъ Китая между	399 и 414 »
Несторъ, ересіархъ, род. въ Сиріи	380—440 »
Маздакъ, персидскій проповѣдникъ	470—540 »
Трибоній, юрисконсультъ, род. въ Памфиліи . .	500—545 »
Юэнъ-Цангъ, путешественникъ и писатель, род. въ 603 г., отсутствовалъ изъ Китая между 629 и 645 г., скончался въ	688 г.

Второй Римъ

Въ Византіи каждая мысль, сколько-нибудь свободная, была уже, въ силу этого самаго, ересью.

Глава вторая.

РИМЪ И РУМЪ. — РАСХОЖДЕНІЕ НАПРАВЛЕНІЙ ЭВОЛЮЦІИ ОБѢИХЪ ИМПЕРІЙ.—УКРѢПЛЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.—АРМЯНЕ И ЕВРЕИ.—ВИЗАНТІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.—ЗАКОНЫ. ИСКУССТВО, ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА.—ЗАКРЫТІЕ АѲИНСКОЙ ШКОЛЫ.—НОСИТЕЛИ ФАКЕЛОВЪ.—НЕСТОРІАНСТВО.—ИМПЕРІЯ ХОЗРОЕВЪ.—ГРЕКИ И ВАРВАРЫ.

Когда Ѳеодосій I въ концѣ IV вѣка раздѣлилъ свою имперію на двѣ части, его желаніемъ, равно какъ и желаніемъ всѣхъ римлянъ, было, тѣмъ не менѣе, видѣть сохраняющимся на вѣки вѣковъ національное единство всѣхъ гражданъ безграничной всемірной имперіи отъ устьевъ Рейна и до устьевъ Евфрата,—пространство это, однако, было слишкомъ обширно, отдѣльныя провинціи, входившія въ его составъ, слишкомъ между собою были несходны, и обитатели ихъ чрезвычайно сильно различались по происхожденію и по соприкосновенію своему съ другими

разнообразными народностями,— въ силу этого контрастъ между обоими Римами сталъ быстро увеличиваться и перешелъ, въ концѣ концовъ, въ открытую вражду. Географическія условія обѣихъ частей, особенности населенія, къ коему прибавились новые элементы, наконецъ, инииціатива отдѣльныхъ личностей,—всѣ эти факторы получили первоклассное значеніе: за періодомъ болѣе или менѣе общей группировки и кажущагося единства послѣдовала эра чисто-мѣстной кристаллизаціи.

По прошествіи недолгаго времени оффиціальный языкъ восточной имперіи измѣнился; мѣсто латинскаго языка, пришедшаго изъ Италіи, занялъ греческій, въ формѣ своего византійскаго нарѣчія. Суровый духъ Рима въ такой степени, однако, оказалъ вліяніе на народности Азіи, что онѣ продолжали называть и Восточную имперію именемъ Рима,— они называли ее «Румъ», и всѣ христіане получили сперва отъ арабовъ, а затѣмъ и ото всѣхъ другихъ мусульманъ, вмѣстѣ съ настоящими римлянами, наименованіе «руми».

Это магическое слово проникло вплоть до Китая: магометане Катунъ-Фу, къ востоку отъ Ордоса, называютъ до сихъ поръ область Мекки и Медины, откуда распространяется на нихъ свѣтъ религіозныхъ истинъ, наименованіемъ Фарси (Персія) или же—Румъ [1]).

Такимъ образомъ, хотя маленькая Греція утратила свою свободу почти безъ всякаго сопротивленія, она обладала, тѣмъ не менѣе, такими стойкими элементами собственной культуры, что они позволили ей возродиться и просуществовать въ новой формѣ въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ. Константинополь явился представителемъ Греціи,—она вдохнула въ него часть своего духа, въ то время какъ въ Италіи Римъ пересталъ, такъ сказать, быть «римскимъ»,— переставъ быть государствомъ воинственнымъ и господствующимъ, Римъ потерялъ всякое право на существованіе или, по крайней мѣрѣ, могъ получить это право, лишь принимая на себя новую роль—роль религіознаго центра. Греки, дѣятельность которыхъ сконцентрировалась теперь въ столицѣ на берегахъ Босфора, сохранили все свое первоначальное искусство превосходныхъ ремесленниковъ, промышленниковъ, фабрикантовъ и мореходовъ; они продолжали изображать собою одинъ изъ народовъ, наиболѣе полезныхъ въ экономической жизни, представляя, такимъ образомъ, сильнѣйшій контрастъ съ римлянами. Римляне провели послѣдніе вѣка своего существованія въ чистѣйшемъ тунеядствѣ и не имѣли даже силъ настолько, чтобы сохранить матеріальное благосостояніе страны, прекратившееся съ того момента, какъ ихъ городъ пересталъ быть политическимъ центромъ средиземноморского міра. Многократно въ теченіе своего существованія, во времена средневѣковья, Римъ представлялъ собою не что иное, какъ руину, тогда какъ

---

1) W. W. Rockhill. «Journey through Mongolia and Tibet», p. 13, 14.

Константинополь, лежащій на прямомъ пути между Европой и Азіей,

№ 278. Константинополь и стѣна Анастасія.

на пути, котораго не могли миновать корабли, идущіе изъ Эгейскаго моря въ Понтъ Евксинскій, сохранялъ за собою роль одного изъ наиболѣе

разнообразными народностями,—въ силу этого контрастъ между обоими Римами сталъ быстро увеличиваться и перешелъ, въ концѣ концовъ, въ открытую вражду. Географическія условія обѣихъ частей, особенности населенія, къ коему прибавились новые элементы, наконецъ, инииціатива отдѣльныхъ личностей,—всѣ эти факторы получили первоклассное значеніе: за періодомъ болѣе или менѣе общей группировки и кажущагося единства послѣдовала эра чисто-мѣстной кристаллизаціи.

По прошествіи недолгаго времени оффиціальный языкъ восточной имперіи измѣнился; мѣсто латинскаго языка, пришедшаго изъ Италіи, занялъ греческій, въ формѣ своего византійскаго нарѣчія. Суровый духъ Рима въ такой степени, однако, оказалъ вліяніе на народности Азіи, что онѣ продолжали называть и Восточную имперію именемъ Рима,— они называли ее «Румъ», и всѣ христіане получили сперва отъ арабовъ, а затѣмъ и ото всѣхъ другихъ мусульманъ, вмѣстѣ съ настоящими римлянами, наименованіе «руми».

Это магическое слово проникло вплоть до Китая: магометане Катунъ-Фу, къ востоку отъ Ордоса, называютъ до сихъ поръ область Мекки и Медины, откуда распространяется на нихъ свѣтъ религіозныхъ истинъ, наименованіемъ Фарси (Персія) или же—Румъ [1]).

Такимъ образомъ, хотя маленькая Греція утратила свою свободу почти безъ всякаго сопротивленія, она обладала, тѣмъ не менѣе, такими стойкими элементами собственной культуры, что они позволили ей возродиться и просуществовать въ новой формѣ въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ. Константинополь явился представителемъ Греціи,—она вдохнула въ него часть своего духа, въ то время какъ въ Италіи Римъ пересталъ, такъ сказать, быть «римскимъ»,—переставъ быть государствомъ воинственнымъ и господствующимъ, Римъ потерялъ всякое право на существованіе или, по крайней мѣрѣ, могъ получить это право, лишь принимая на себя новую роль—роль религіознаго центра. Греки, дѣятельность которыхъ сконцентрировалась теперь въ столицѣ на берегахъ Босфора, сохранили все свое первоначальное искусство превосходныхъ ремесленниковъ, промышленниковъ, фабрикантовъ и мореходовъ; они продолжали изображать собою одинъ изъ народовъ, наиболѣе полезныхъ въ экономической жизни, представляя, такимъ образомъ, сильнѣйшій контрастъ съ римлянами. Римляне провели послѣдніе вѣка своего существованія въ чистѣйшемъ тунеядствѣ и не имѣли даже силъ настолько, чтобы сохранить матеріальное благосостояніе страны, прекратившееся съ того момента, какъ ихъ городъ пересталъ быть политическимъ центромъ средиземноморского міра. Многократно въ теченіе своего существованія, во времена средневѣковья, Римъ представлялъ собою не что иное, какъ руину, тогда какъ

1) W. W. Rockhill. «Journey through Mongolia and Tibet», p. 13, 14.

Константинополь, лежащій на прямомъ пути между Европой и Азіей,

№ 278. Константинополь и стѣна Анастасія.

на пути, котораго не могли миновать корабли, идущіе изъ Эгейскаго моря въ Понтъ Евксинскій, сохранялъ за собою роль одного изъ наиболѣе

могущественныхъ и богатыхъ городовъ. Работоспособность его жителей спасала его среди всѣхъ бѣдъ и напастей.

Дѣйствительно, положительно кажется чудомъ, что Восточная имперія, столь часто подвергавшаяся нападеніямъ, завоевывавшаяся, опустошавшаяся вплоть до Константинополя, столь же часто и возстановлялась, воскресая снова изъ развалинъ. Ни одинъ городъ, кромѣ Константинополя, не могъ бы выдержать такой десятивѣковой борьбы со внѣшними и внутренними элементами разрушенія. Второй Римъ прежде всего уже сдѣлался городомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, въ глазахъ восточныхъ народовъ,—онъ завоевалъ очень быстро чрезвычайную авторитетность, и это позволило ему являться долгое время главнымъ политическимъ центромъ. Позднѣе онъ пріобрѣлъ значеніе и въ качествѣ религіознаго центра, опять-таки въ виду всеобщаго чрезвычайнаго предъ нимъ преклоненія. Помимо того, этотъ городъ располагалъ постоянно необыкновенно крупными рессурсами, какъ въ смыслѣ численности населенія, такъ и въ смыслѣ денежныхъ богатствъ. Наконецъ,—и это главное—географическое положеніе Византіи дѣлало городъ этотъ почти неприступнымъ: если завоеватель не располагалъ одновременно нѣсколькими большими арміями, ему нечего было и думать о томъ, чтобы осадить городъ, столь обширный по своему протяженію, городъ, занимающій два полуострова и своими пригородами распространяющійся по берегамъ двухъ морей, въ области двухъ материковъ, наконецъ, городъ, располагающій столь многочисленными выходами на сушу и на море и всегда гарантированный въ томъ, что получитъ провіантъ и подкрѣпленія либо съ той, либо съ другой стороны. Даже во время полной осады населеніе Византіи оставалось веселымъ и спокойнымъ, довѣряя вполнѣ своимъ городскимъ стѣнамъ и огромной стѣнѣ длиною въ 18 миль, которую Анастасій велѣлъ построить между Пропонтидой и Понтомъ Евксинскимъ. Благодаря всѣмъ этимъ преимуществамъ, дѣлающимъ городъ особенно живучимъ и чрезвычайно способнымъ къ защитѣ, Византія могла явиться продолжательницей римской имперіи и не разъ была увѣнчана военною славой,—она просуществовала вплоть до той эпохи, когда западный міръ, главный преемникъ и наслѣдникъ Рима, окончательно возстановился и перешелъ въ новое состояніе равновѣсія.

На сѣверныхъ своихъ границахъ Восточная имперія была хуже защищена, чѣмъ Западная, противъ вторженія варваровъ,—она подвергалась здѣсь постоянно особымъ опасностямъ. Тѣ изъ сѣверныхъ народовъ, которые, спустившись въ долины Сарматіи, пожелали направиться на западъ южнымъ путемъ черезъ Карпаты, могли безъ труда проникать въ низменную долину низовьевъ Дуная и останавливались на своемъ пути лишь тогда, когда достигали ущельевъ, носящихъ теперь названіе «Желѣзныхъ Воротъ». Не находя здѣсь ни дорогъ, ни тропи-

нокъ, народности принуждены бывали уклоняться либо вправо, либо влѣво и обыкновенно избирали южные пути, которые вели ихъ къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ, къ наиболѣе богатымъ и густо населеннымъ городамъ, къ наиболѣе важному въ смыслѣ торговли архипелагу. Этотъ барьеръ, преграждавшій путь по рѣчной долинѣ, вызывалъ весьма невыгодныя для прибрежныхъ жителей Эгейскаго моря и Про-

Константинополь. Видъ «Золотого рога».

понтиды движенія народностей, такъ какъ боковыя долины, примыкающія къ Дунайской, поднимаются очень полого къ горамъ Балкановъ, и многочисленные проходы даютъ легкій доступъ въ долины Ѳракіи и Македоніи.

Подъ давленіемъ завоевателей, державшихъ въ своей власти сѣверныя области имперіи, властители Константинополя жили среди постоянныхъ тревогъ и должны были обыкновенно покупать миръ цѣною тяжелыхъ уступокъ. Къ счастью для благосостоянія грековъ, сѣверные и восточные варвары, нападавшіе на провинціи имперіи, отнюдь не представляли собою компактнаго цѣлаго, они являлись въ видѣ отдѣльныхъ народностей, почти всегда враждовавшихъ между собою, и легко

было натравливать ихъ другъ на друга, совершенно такъ же, какъ это дѣлается при лѣсномъ пожарѣ, когда одинъ огонь тушится другимъ. Во всякомъ случаѣ, въ свѣтлые періоды политической исторіи иногда византійскимъ полководцамъ удавалось оттѣснить варваровъ оружіемъ или, по меньшей мѣрѣ, защитить границы отъ ихъ нападенія. Въ царствованіе Юстиніана, въ теченіе первой половины VI вѣка, было возведено 80 крѣпостей вдоль Дуная между Бѣлградомъ и Чернымъ моремъ для противодѣйствія варварамъ.

На востокѣ самымъ крупнымъ, почти равнымъ по могуществу противникомъ Византіи являлась персидская имперія. Ея географическое положеніе на плоскогоріи, столь хорошо защищенномъ съ запада стѣною Загроша и рядомъ укрѣпленныхъ пунктовъ, разбросанныхъ у подножья горъ въ долинѣ Тигра, было столь прочнымъ, что еще не вполнѣ установившаяся Восточная имперія не имѣла силъ, чтобы предпринимать какія-либо аггрессивныя мѣры противъ Персіи,—нападеніе на Персію плохо удавалось и Риму въ самый расцвѣтъ его могущества,—ему скорѣе приходилось защищаться. Яблокомъ раздора при всѣхъ такихъ столкновеніяхъ была страна, располагающаяся между обѣими имперіями,—горная область Малой Азіи и древняго Кавказа. Царствовавшая здѣсь династія Арсакидовъ, которая лишилась персидскаго трона въ началѣ III вѣка, то пользовалась покровительствомъ, то, напротивъ, предавалась властителями Константинополя; несмотря на всѣ величайшія затрудненія, династія эта могла продержаться въ Арменіи въ теченіе болѣе чѣмъ 200 лѣтъ. Однако, въ 428 г. послѣдній изъ царей этой династіи, Вараздатъ, былъ по приказанію Өеодосія [1]) отправленъ въ изгнаніе на отдаленные Шетландскіе острова, обѣ имперіи пришли между собою въ соприкосновеніе, и армянское царство, дезорганизованное, расчлененное и обезсиленное, было раздѣлено на клочки, которыми постепенно завладѣвали завоеватели. Эта горная область со своими многочисленными хребтами, лучеобразно расходящимися отъ Арарата, обладаетъ многими укрѣпленными убѣжищами и стратегическими пунктами, чрезвычайно удобными для защиты, но исторія слишкомъ часто доказывала намъ, что страна во всемъ своемъ цѣломъ была все же легко доступна со всѣхъ сторонъ по расходящимся горнымъ долинамъ.

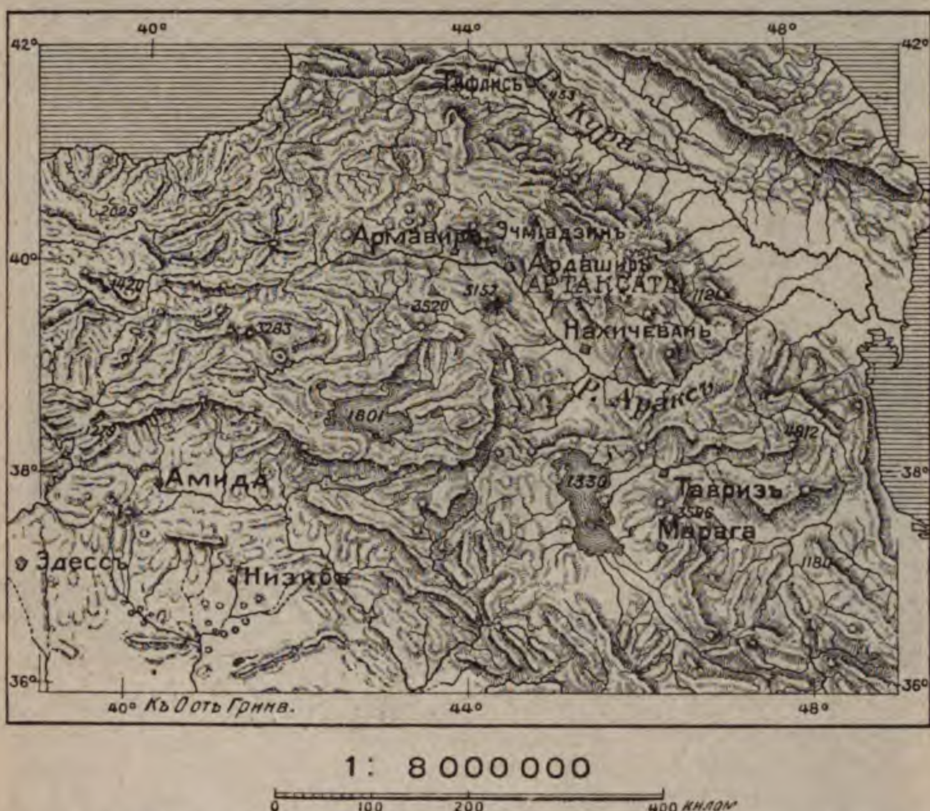
Частыя перемѣщенія столичныхъ городовъ и главныхъ населенныхъ центровъ Гайяздана, т.-е. Арменіи, даетъ намъ ясное представленіе о тѣхъ постоянныхъ теченіяхъ, которыя должны были тамъ происходить въ продолженіе ряда вѣковъ, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній враговъ и вынужденныхъ этимъ переселеній. Легенда гласитъ, что еще въ самыя первыя времена патріархъ Ной построилъ мать всѣхъ армян-

---

1) Gobineau (de). «Histoire des Perses», II, p. 511.

скихъ городовъ, знаменитую Нахичевань,—городъ, расположенный во впадинѣ Аракса, недалеко отъ ущельевъ горныхъ проходовъ, за которыми простирается обширная долина Куры. Затѣмъ центръ власти былъ перенесенъ далѣе къ западу, по направленію въ городъ Армавиръ, съ его священной рощей, въ которой вѣрующіе старались уга-

№ 279. Столицы Гайяздана.

Кромѣ городовъ, цитируемыхъ въ текстѣ, здѣсь отмѣчены еще: Эчміадзинъ, религіозный центръ армянъ, Тифлисъ, административная столица русскаго Закавказья, Тавризъ, важный городъ Персіи, и Марага—городъ, который въ арабскую эпоху былъ первоклассньмъ умственнымъ центромъ.

Гора Араратъ, вышиною въ 5157 метровъ, на правомъ берегу Аракса.

дывать свою судьбу, прислушиваясь къ шопоту листвы вѣковыхъ дубовъ. Третья столица Арменіи располагалась въ долинѣ той же самой рѣки Аракса, на пути, соединяющемъ Армавиръ съ Нахичеванью,—это былъ городъ Ардаширъ или Артаксарта, укрѣпленія котораго, какъ разсказываютъ нѣкоторые, были построены по планамъ, даннымъ Ганнибаломъ, величайшимъ полководцемъ древности; онъ хотѣлъ воздвиг

нуть въ этомъ мѣстѣ препятствіе, совершенно непреодолимое для своихъ заклятыхъ враговъ—римлянъ. Наконецъ, съ того времени, когда борьба между Римомъ и пареянами сдѣлала Месопотамію главнѣйшимъ полемъ битвы, центръ тяжести всей Передней Азіи былъ перенесенъ ближе къ путямъ, шедшимъ по Тигру и Евфрату, и возникъ армянскій городъ Тиграноцерта—какъ обыкновенно думаютъ, современный Амидъ,—распо-

Константинополь. Храмъ Св. Софіи (532—537 г.).
Минареты относятся къ турецкой эпохѣ.

ложенный на одномъ изъ предгорій, господствующихъ надъ рѣчными долинами. Затѣмъ послѣ Тиграноцерты столицами Арменіи сдѣлались укрѣпленные города Низибъ на востокѣ и Эдесса на западѣ,—они располагали сходными стратегическими преимуществами и играли роль армянскихъ столицъ до той эпохи, когда гайканы, оттѣсненные къ сѣверу, должны были снова устроить свой главный городъ въ томъ бассейнѣ, который былъ прежде ихъ колыбелью.

Даже въ тѣ времена, когда Арменія не была захвачена Восточной имперіей или находилась въ ея власти лишь отчасти, она была, тѣмъ не менѣе, въ естественной зависимости отъ Константинополя въ силу того передвиженія народовъ, то временнаго, то постояннаго, которое за-

ставляло горныхъ жителей устремляться къ Великому городу. «Εἰς τὴν πόλιν» — «по направленію къ городу,» — это выраженіе, превращенное турками въ названіе Византіи «Стамбулъ», вѣчно было на устахъ всѣхъ

Константинополь. Внутренность храма св. Софіи.
Куполъ 31 метръ въ діаметрѣ и 55 метровъ высоты.

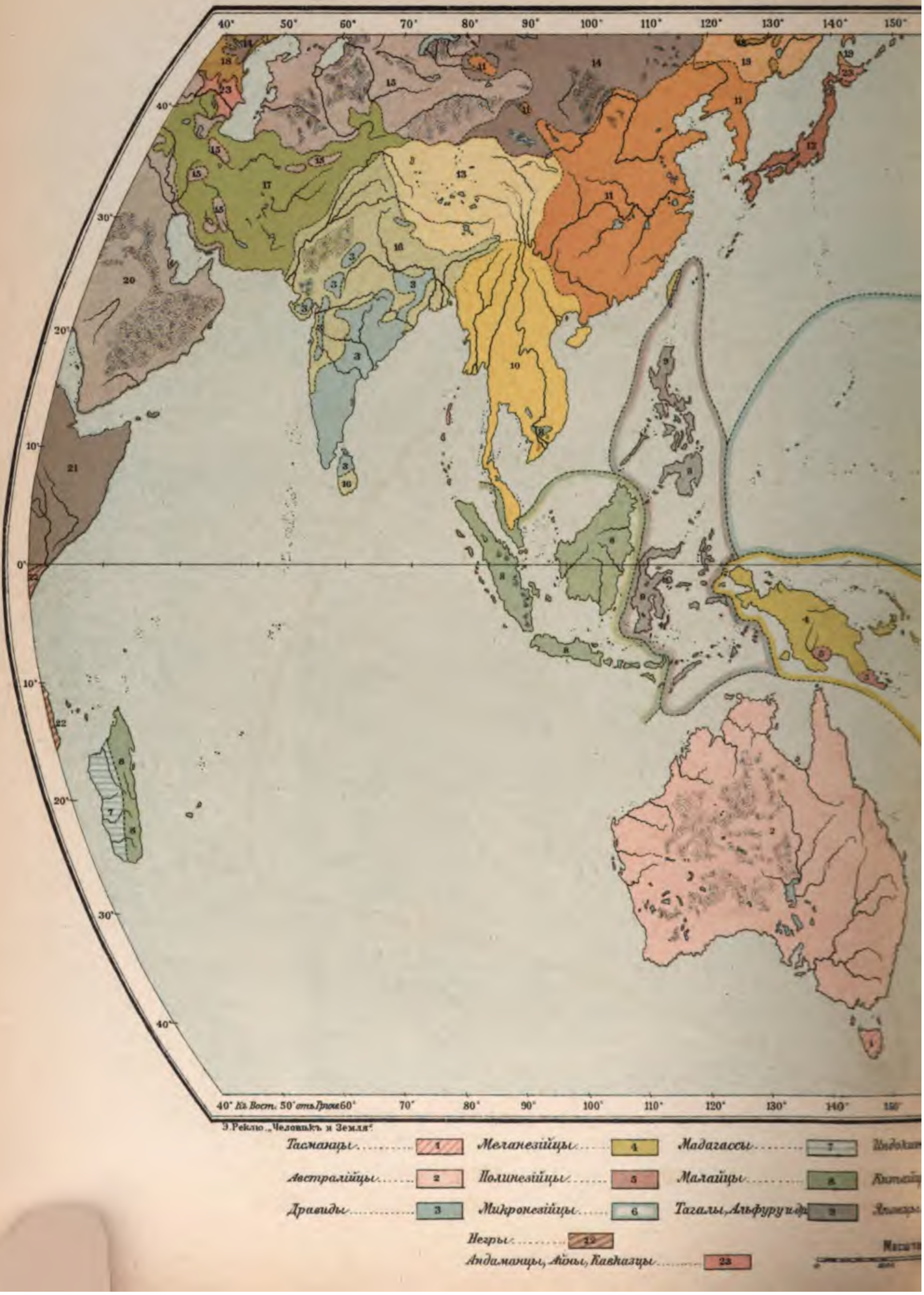
безчисленныхъ переселявшихся народностей. Какъ и въ наши дни, великій городъ на берегахъ Босфора привлекалъ къ себѣ людей изъ самыхъ различныхъ странъ и требовалъ безконечнаго числа рабочихъ рукъ; обитатели Ѳракіи и полуостровов, обитатели Архипелага, моряки и рабочіе, горцы Кавказа, продававшіе своихъ дочерей, лазы Анатоліи,

служившіе въ гавани портовыми рабочими и грузовщиками, и прежде всего армяне, предлагавшіе свои услуги на всѣ должности, начиная отъ метельщиковъ улицъ до министровъ и правителей имперіи,—всѣ эти народности стекались въ Константинополь.

Среди нихъ наиболѣе значительную группу составляли представители, носившіе наименованіе «евреевъ» по своей религіи, хотя по происхожденію они были арійцами Арменіи,—не должно забывать, что со времени вавилонскаго «плѣненія» евреевъ ассирійскіе завоеватели распредѣлили своихъ плѣнниковъ сотнями тысячъ по долинамъ верховьевъ Тигра и Евфрата и въ горахъ Арменіи и Кавказа. Евреи-семиты были, такимъ образомъ, насильственнымъ путемъ приведены въ соприкосновеніе съ арійцами Арменіи: обѣ расы должны были дѣлить одну и ту же участь; въ силу религіозной пропаганды, переселившимся семитамъ принадлежало долгое время главенство, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, именно они дали и самой странѣ названіе Арменіи, означающее «высокая земля»,—таковой являлась Арменія для переселенцевъ, приходившихъ съ юга. Изъ среды евреевъ вышли даже властители всей страны Гайяздана, въ составъ котораго входила и Георгія. Правда, еврейскій царскій домъ Багратидовъ былъ, въ концѣ концовъ, три вѣка спустя послѣ начала христіанской эры, обращенъ въ христіанство, но въ теченіе болѣе 800 лѣтъ іудейство все же существовало въ странѣ, и въ продолженіе 330 лѣтъ оно занимало первое мѣсто среди религій націи. Арійцы Арменіи были, такимъ образомъ, сильнѣйшимъ способомъ «семитизированы» съ точки зрѣнія религіозной, и тѣ изъ нихъ, которые продолжали исповѣдывать религію Іаве, въ силу этого самаго, признавались въ Византіи и во всѣхъ другихъ городахъ, по которымъ они, при своемъ кочевомъ образѣ жизни, странствовали, за представителей «еврейской народности». Этимъ объясняется, почему тѣ Сусанны и Юдиѳи, Авраамы и Давиды, которыхъ изображали итальянскіе художники XV и XVI вѣка, отличались типичными арійскими чертами: большимъ и высокимъ лбомъ, нѣсколько орлинымъ носомъ, длинной бородой и высокимъ ростомъ. Черты эти отнюдь не напоминаютъ настоящихъ семитовъ, каковыми послѣдніе являются въ своей родной странѣ, особенно въ сѣверной Аравіи,—у нихъ узкая и высокая голова, прямой носъ и слабо развитая борода.

Населенный чужеземцами, которые постоянно притекали извнѣ въ обширныя владѣнія имперіи, Константинополь располагалъ трудолюбивымъ, безпокойнымъ, развитымъ въ умственномъ отношеніи населеніемъ, находившимся въ полномъ подчиненіи императору и готовымъ рабски исполнять все, что угодно, лишь бы ему предоставлялась возможность обогащаться. Властители могли распоряжаться этимъ населеніемъ безъ какихъ-либо особыхъ угрызеній совѣсти, такъ какъ не были связаны съ нимъ ни общностью происхожденія, ни традиціями. Въ силу этого

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КА

покъ, народности принуждены бывали уклоняться либо вправо, либо влѣво и обыкновенно избирали южные пути, которые вели ихъ къ самымъ плодороднымъ мѣстностямъ, къ наиболѣе богатымъ и густо населеннымъ городамъ, къ наиболѣе важному въ смыслѣ торговли архипелагу. Этотъ барьеръ, преграждавшій путь по рѣчной долинѣ, вызывалъ весьма невыгодныя для прибрежныхъ жителей Эгейскаго моря и Про-

Константинополь. Видъ «Золотого рога».

понтиды движенія народностей, такъ какъ боковыя долины, примыкающія къ Дунайской, поднимаются очень полого къ горамъ Балкановъ, и многочисленные проходы даютъ легкій доступъ въ долины Ѳракіи и Македоніи.

Подъ давленіемъ завоевателей, державшихъ въ своей власти сѣверныя области имперіи, властители Константинополя жили среди постоянныхъ тревогъ и должны были обыкновенно покупать миръ цѣною тяжелыхъ уступокъ. Къ счастью для благосостоянія грековъ, сѣверные и восточные варвары, нападавшіе на провинціи имперіи, отнюдь не представляли собою компактнаго цѣлаго, они являлись въ видѣ отдѣльныхъ народностей, почти всегда враждовавшихъ между собою, и легко

Византія осуществила на дѣлѣ идеалъ самой абсолютной власти. Монархическая власть приняла характеръ не только священный, но даже, такъ сказать, божественный. Согласно оффиціально распространяемой теоріи, власть императора простиралась на весь міръ, охватывала неизвѣстныя земли въ такой же степени, какъ извѣстныя и пограничныя; всякое стремленіе къ независимости считалось возмущеніемъ. Каждый народъ, если только онъ не покорялся, не могъ разсчитывать ни на дальнѣйшее развитіе, ни вообще на свою цѣлость. Открытое возмущеніе считалось преступленіемъ изъ преступленій,—виновный предавался анаѳемѣ, а самое дѣйствіе его получало наименованіе «отступничества». Восточный императоръ ставилъ себя даже выше «божескаго права», въ силу коего онъ считался властителемъ земли. Онъ называлъ себя не только представителемъ Бога, но даже самимъ «Богомъ по природѣ и по всеобщему признанію» [1],—отъ него, какъ отъ свѣтила, падали лучи на тѣхъ, кто его окружалъ. Каждый изъ носителей верховной власти былъ облеченъ и религіозной властью, въ силу которой на немъ отражалось сіяніе божественной

Равенна.— Капитель колонны изъ храма св. Виталія, оконченнаго въ 547 г.

1) Milenko R. Vesnitch. «Le Droit international dans les Rapports des Slaves méridionaux au Moyen-âge», p. 13.

природы; получить общественную должность — значило получить и благословеніе свыше, и избранникъ подготовлялъ себя къ ней молитвой и причастіемъ. Въ силу этого, понятно, что и монархіи Запада, ослѣпленныя такой религіей власти, стремились подражать Византіи и примѣняли тѣ же самые пріемы. Да и въ наше время не вдохновлены ли пріемы управленія съ ихъ обрядностями и церемоніями тѣмъ духомъ чиновничества, который зародился при Юстиніанѣ [1])?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ головы властителей, поставленныхъ столь высоко надъ другими людьми, кружились отъ избытка власти, и даже самые мудрѣйшіе изъ нихъ, случалось, совершали акты чистѣйшаго безумія. Въ силу этого считалось необходимымъ, напримѣръ, дѣйствовать на воображеніе варваровъ и склонять ихъ къ еще большему религіозному почитанію, пользуясь искусственными средствами: начиная съ IX вѣка, придворные изощрялись въ изобрѣтеніи феерической обстановки при пріемахъ чужеземцевъ,— обстановки, которая казалась бы послѣднимъ сверхъестественной. При входѣ посланниковъ въ залу аудіенціи раздавались звуки таинственной музыки, аккорды которой сопровождали всѣ движенія обожествляемой личности императора; затѣмъ, въ надлежащій моментъ, императоръ появлялся какъ бы висящій въ воздухѣ и окруженный свѣтлымъ ореоломъ. Золотые львы на своихъ подножіяхъ двигались и рычали, деревья съ листвою изъ драгоцѣнныхъ металловъ шелестѣли листьями, и пѣніе птицъ раздавалось въ ихъ вѣтвяхъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ самые монархи, предъ которыми падали ницъ всѣ ихъ подданные, и которые заставляли гибнуть послѣднихъ массами, продѣлывали всѣ юродства христіанскаго самоуничиженія. Въ святой четвергъ они мыли ноги бѣднымъ и на своихъ золотыхъ облаченіяхъ носили сумку «rakakia», наполненную землей, которая должна была имъ напоминать, что сами они не болѣе какъ прахъ земной и во прахъ распадутся [2])!

Поддерживаемые своими придворными въ атмосферѣ порока и праздности, императоры въ большинствѣ случаевъ занимались лишь скандальными похожденіями при дворѣ и спорами на религіозныя темы. Каждый изъ нихъ считалъ себя способнымъ разрѣшать самые тонкіе вопросы догматовъ церкви, проникать въ самую глубину тайнъ религіи. Императоры любили также собирать соборы и диктовать свои постановленія синклитамъ епископовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, какъ это и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, тѣ, кто считалъ, что всѣмъ руководитъ въ качествѣ «властителя міра», слѣдовали въ дѣйствительности лишь давленію, шедшему снизу. Христіанское общество стремилось къ

1) Ernest Nys. «Le Développement économique de l'Histoire», p. 7.—2) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», tome I, p. 287.

тому, чтобы познать само себя, чтобы выяснить самому себѣ свои догматы и опредѣлить въ точности, чѣмъ оно отличалось отъ общества языческаго, и чѣмъ его ученія отличались отъ философскихъ. Въ эту эпоху народы запада, увлеченные общимъ потокомъ и приходившіе между собою въ постоянныя столкновенія, были неспособны даже сколько-нибудь сознательно отнестись къ этимъ великимъ задачамъ среди вихря, вызваннаго переселеніемъ народовъ, они сами едва узнавали себя! На востокѣ и, главнымъ образомъ, въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи проповѣдывали словесно и письменно «отцы церкви», создавшіе истинное «православіе». Среди этихъ тружениковъ на поприщѣ выработки христіанскихъ догматовъ наиболѣе знаменитымъ и въ то же время наиболѣе достойнымъ памяти потомства является имя монаха и епископа Іоанна Златоуста, любившаго бѣдныхъ и сумѣвшаго остаться бѣднымъ, отказывавшагося отъ жизни при дворѣ съ его пороками и праздностью. На ряду съ этою высокою личностью мы находимъ и большое число другихъ учителей и отцовъ церкви, прославившихся либо мужествомъ, либо краснорѣчіемъ, либо мудростью; многіе изъ нихъ, несмотря на то, что причислены даже къ лику святыхъ, извѣстны, однако, тѣмъ, что ввели въ догматы вѣры тѣ или другія рискованныя толкованія. Несмотря на свое причисленіе къ лику святыхъ, они все же были

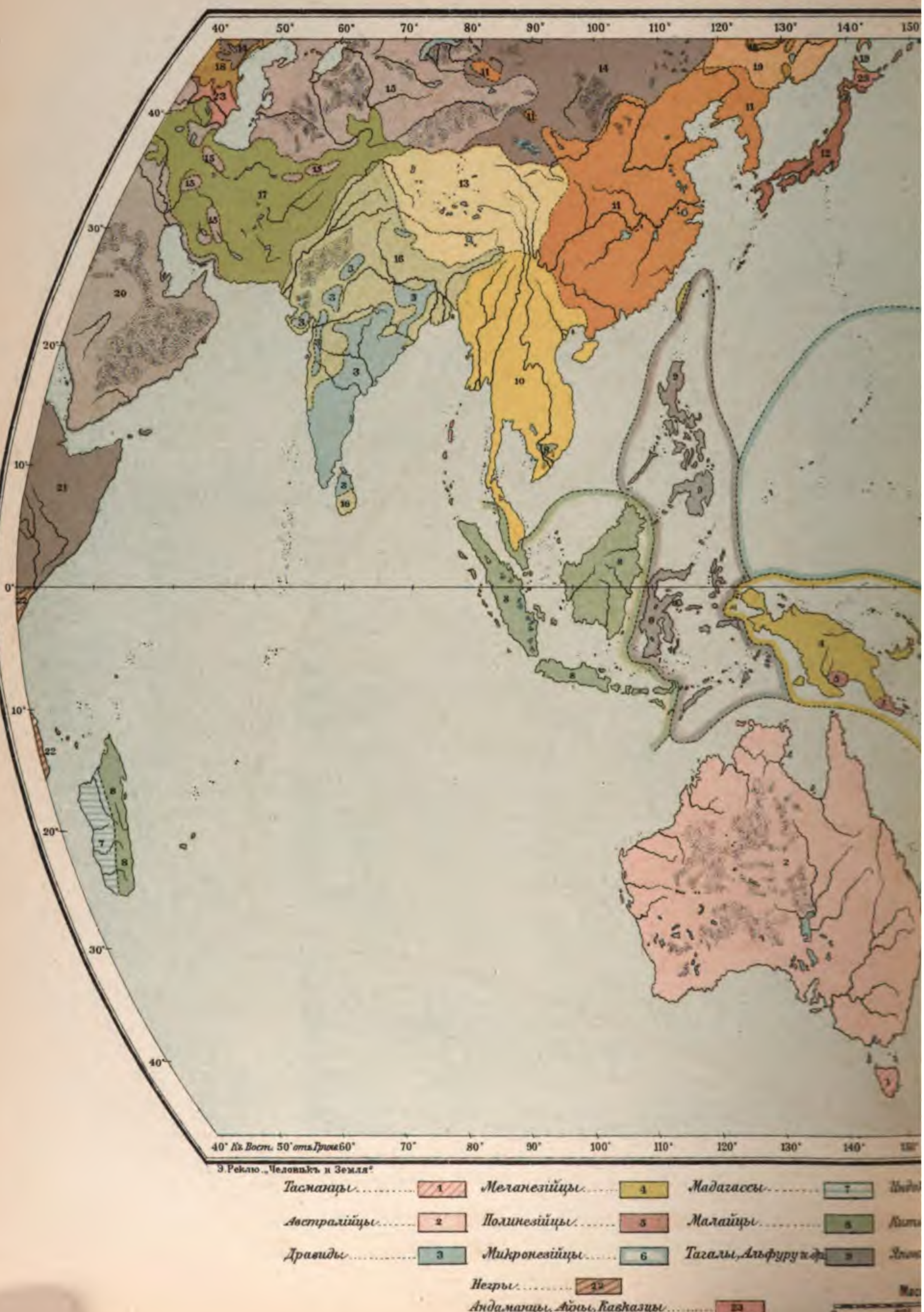
Равенна.—Саркофагъ архіепископа Ѳеодосія, въ церкви св. Апполинарія въ Классѣ.

служившіе въ гавани портовыми рабочими и грузовщиками, и прежде всего армяне, предлагавшіе свои услуги на всѣ должности, начиная отъ метельщиковъ улицъ до министровъ и правителей имперіи,—всѣ эти народности стекались въ Константинополь.

Среди нихъ наиболѣе значительную группу составляли представители, носившіе наименованіе «евреевъ» по своей религіи, хотя по происхожденію они были арійцами Арменіи,—не должно забывать, что со времени вавилонскаго «плѣненія» евреевъ ассирійскіе завоеватели распредѣлили своихъ плѣнниковъ сотнями тысячъ по долинамъ верховьевъ Тигра и Евфрата и въ горахъ Арменіи и Кавказа. Евреи-семиты были, такимъ образомъ, насильственнымъ путемъ приведены въ соприкосновеніе съ арійцами Арменіи: обѣ расы должны были дѣлить одну и ту же участь; въ силу религіозной пропаганды, переселившимся семитамъ принадлежало долгое время главенство, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, именно они дали и самой странѣ названіе Арменіи, означающее «высокая земля»,—таковой являлась Арменія для переселенцевъ, приходившихъ съ юга. Изъ среды евреевъ вышли даже властители всей страны Гайяздана, въ составъ котораго входила и Георгія. Правда, еврейскій царскій домъ Багратидовъ былъ, въ концѣ концовъ, три вѣка спустя послѣ начала христіанской эры, обращенъ въ христіанство, но въ теченіе болѣе 800 лѣтъ іудейство все же существовало въ странѣ, и въ продолженіе 330 лѣтъ оно занимало первое мѣсто среди религій націи. Арійцы Арменіи были, такимъ образомъ, сильнѣйшимъ способомъ «семитизированы» съ точки зрѣнія религіозной, и тѣ изъ нихъ, которые продолжали исповѣдывать религію Іаве, въ силу этого самаго, признавались въ Византіи и во всѣхъ другихъ городахъ, по которымъ они, при своемъ кочевомъ образѣ жизни, странствовали, за представителей «еврейской народности». Этимъ объясняется, почему тѣ Сусанны и Юдиѳи, Авраамы и Давиды, которыхъ изображали итальянскіе художники XV и XVI вѣка, отличались типичными арійскими чертами: большимъ и высокимъ лбомъ, нѣсколько орлинымъ носомъ, длинной бородой и высокимъ ростомъ. Черты эти отнюдь не напоминаютъ настоящихъ семитовъ, каковыми послѣдніе являются въ своей родной странѣ, особенно въ сѣверной Аравіи,—у нихъ узкая и высокая голова, прямой носъ и слабо развитая борода.

Населенный чужеземцами, которые постоянно притекали извнѣ въ обширныя владѣнія имперіи, Константинополь располагалъ трудолюбивымъ, безпокойнымъ, развитымъ въ умственномъ отношеніи населеніемъ, находившимся въ полномъ подчиненіи императору и готовымъ рабски исполнять все, что угодно, лишь бы ему предоставлялась возможность обогащаться. Властители могли распоряжаться этимъ населеніемъ безъ какихъ-либо особыхъ угрызеній совѣсти, такъ какъ не были связаны съ нимъ ни общностью происхожденія, ни традиціями. Въ силу этого

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ К

... ОТДАЛЕННЫХЪ МІРОВЪ.

Византія осуществила на дѣлѣ идеалъ самой абсолютной власти. Монархическая власть приняла характеръ не только священный, но даже, такъ сказать, божественный. Согласно оффиціально распространяемой теоріи, власть императора простиралась на весь міръ, охватывала неизвѣстныя земли въ такой же степени, какъ извѣстныя и пограничныя; всякое стремленіе къ независимости считалось возмущеніемъ. Каждый народъ, если только онъ не покорялся, не могъ разсчитывать ни на дальнѣйшее развитіе, ни вообще на свою цѣлость. Открытое возмущеніе считалось преступленіемъ изъ преступленій,—виновный предавался анаѳемѣ, а самое дѣйствіе его получало наименованіе «отступничества». Восточный императоръ ставилъ себя даже выше «божескаго права», въ силу коего онъ считался властителемъ земли. Онъ называлъ себя не только представителемъ Бога, но даже самимъ «Богомъ по природѣ и по всеобщему признанію» [1],—отъ него, какъ отъ свѣтила, падали лучи на тѣхъ, кто его окружалъ. Каждый изъ носителей верховной власти былъ облеченъ и религіозной властью, въ силу которой на немъ отражалось сіяніе божественной

Равенна.— Капитель колонны изъ храма св. Виталія, оконченнаго въ 547 г.

1) Milenko R. Vesnitch. «Le Droit international dans les Rapports des Slaves méridionaux au Moyen-âge», p. 13.

природы; получить общественную должность — значило получить и благословеніе свыше, и избранникъ подготовлялъ себя къ ней молитвой и причастіемъ. Въ силу этого, понятно, что и монархіи Запада, ослѣпленныя такой религіей власти, стремились подражать Византіи и примѣняли тѣ же самые пріемы. Да и въ наше время не вдохновлены ли пріемы управленія съ ихъ обрядностями и церемоніями тѣмъ духомъ чиновничества, который зародился при Юстиніанѣ [1])?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ головы властителей, поставленныхъ столь высоко надъ другими людьми, кружились отъ избытка власти, и даже самые мудрѣйшіе изъ нихъ, случалось, совершали акты чистѣйшаго безумія. Въ силу этого считалось необходимымъ, напримѣръ, дѣйствовать на воображеніе варваровъ и склонять ихъ къ еще большему религіозному почитанію, пользуясь искусственными средствами: начиная съ IX вѣка, придворные изощрялись въ изобрѣтеніи фееричной обстановки при пріемахъ чужеземцевъ,— обстановки, которая казалась бы послѣднимъ сверхъестественной. При входѣ посланниковъ въ залу аудіенціи раздавались звуки таинственной музыки, аккорды которой сопровождали всѣ движенія обожествляемой личности императора; затѣмъ, въ надлежащій моментъ, императоръ появлялся какъ бы висящій въ воздухѣ и окруженный свѣтлымъ ореоломъ. Золотые львы на своихъ подножіяхъ двигались и рычали, деревья съ листвою изъ драгоцѣнныхъ металловъ шелестѣли листьями, и пѣніе птицъ раздавалось въ ихъ вѣтвяхъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ самые монархи, предъ которыми падали ницъ всѣ ихъ подданные, и которые заставляли гибнуть послѣднихъ массами, продѣлывали всѣ юродства христіанскаго самоуничиженія. Въ святой четвергъ они мыли ноги бѣднымъ и на своихъ золотыхъ облаченіяхъ носили сумку «rakakia», наполненную землей, которая должна была имъ напоминать, что сами они не болѣе какъ прахъ земной и во прахъ распадутся [2])!

Поддерживаемые своими придворными въ атмосферѣ порока и праздности, императоры въ большинствѣ случаевъ занимались лишь скандальными похожденіями при дворѣ и спорами на религіозныя темы. Каждый изъ нихъ считалъ себя способнымъ разрѣшать самые тонкіе вопросы догматовъ церкви, проникать въ самую глубину тайнъ религіи. Императоры любили также собирать соборы и диктовать свои постановленія синклитамъ епископовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, какъ это и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, тѣ, кто считалъ, что всѣмъ руководитъ въ качествѣ «властителя міра», слѣдовали въ дѣйствительности лишь давленію, шедшему снизу. Христіанское общество стремилось къ

---

1) Ernest Nys. «Le Développement économique de l'Histoire», p. 7.—2) Godefroid Kurth. «Les Origines de la Civilisation moderne», tome I, p. 287.

тому, чтобы познать само себя, чтобы выяснить самому себѣ свои догматы и опредѣлить въ точности, чѣмъ оно отличалось отъ общества языческаго, и чѣмъ его ученія отличались отъ философскихъ. Въ эту эпоху народы запада, увлеченные общимъ потокомъ и приходившіе между собою въ постоянныя столкновенія, были неспособны даже сколько-нибудь сознательно отнестись къ этимъ великимъ задачамъ среди вихря, вызваннаго переселеніемъ народовъ, они сами едва узнавали себя! На востокѣ и, главнымъ образомъ, въ Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи проповѣдывали словесно и письменно «отцы церкви», создавшіе истинное «православіе». Среди этихъ тружениковъ на поприщѣ выработки христіанскихъ догматовъ наиболѣе знаменитымъ и въ то же время наиболѣе достойнымъ памяти потомства является имя монаха и епископа Іоанна Златоуста, любившаго бѣдныхъ и сумѣвшаго остаться бѣднымъ, отказывавшагося отъ жизни при дворѣ съ его пороками и праздностью. На ряду съ этою высокою личностью мы находимъ и большое число другихъ учителей и отцовъ церкви, прославившихся либо мужествомъ, либо краснорѣчіемъ, либо мудростью; многіе изъ нихъ, несмотря на то, что причислены даже къ лику святыхъ, извѣстны, однако, тѣмъ, что ввели въ догматы вѣры тѣ или другія рискованныя толкованія. Несмотря на свое причисленіе къ лику святыхъ, они все же были

Равенна.—Саркофагъ архіепископа Θеодосія, въ церкви св. Аполлинарія въ Классѣ.

настоящими еретиками! На этомъ утонченномъ Востокѣ, наслѣдовавшемъ Индіи, Персіи, Сиріи, Египту, Греціи,—все странамъ, народы коихъ много упражняли свой духъ въ рѣшеніи сложнѣйшихъ вопросовъ мысли и свое слово довели до чрезвычайной тонкости выраженія, всѣ

Равенна.—Императоръ Юстиніанъ, его свита и св. Максимъ (мозаика VI вѣка).

споры и пренія должны были быть чрезвычайно горячими, и всѣ толкованія различныхъ вопросовъ—безконечно разнообразными. Мнѣнія, отличавшіяся отъ мнѣній синклита священниковъ, объясненія, противныя текстамъ, которые были установлены или считались установленными на соборахъ, должны были появляться сотнями и тысячами. Но всякая свободная мысль, появлявшаяся тогда, не была ли уже въ силу этого самаго ересью?

Совершенно подобно тому, какъ не желала абсолютная политическая власть признавать никого, кромѣ единаго властителя, и какъ она допускала лишь единую форму религіи, такъ ею требовалось и единое законодательство для всѣхъ народовъ, соединенныхъ подъ ея ферулою. Являясь наслѣдницей Рима, Византія имѣла своей естественной зада-

чей резюмировать законы римлянъ и свести ихъ въ одинъ общій кодексъ. Эта спеціальная задача была выполнена въ царствованіе Юстиніана константинопольскими юристами, во главѣ которыхъ стоялъ Трибоніанъ. Кодексъ Юстиніана—его «Институты», «Новеллы» и «Дигесты» или «Пан-

Равенна.—Императрица Ѳеодора и ея свита (мозаика VI вѣка).

декты»—гигантскій трудъ, который и до сихъ поръ еще давитъ на всѣ современные народы великою тяжестью римскаго авторитета. По мысли Юстиніана, законъ сливается съ непоколебимою волею императора, и народы, живущіе подъ вѣчнымъ страхомъ, должны молчаливо повиноваться. Впрочемъ, этотъ теоретикъ безграничной императорской власти былъ однажды на дѣлѣ почти принужденъ бѣжать отъ своего народа,—именно, когда вспыхнуло возстаніе, вызванное столкновеніемъ въ циркѣ между «голубыми» и «зелеными» возничими (552 г.); онъ позорнѣйшимъ образомъ бѣжалъ бы въ Азію, если бы его не удержала энергичная и умная Ѳеодора, его знаменитая любовница, на которой онъ женился, и которая, быть-можетъ, вовсе не отличалась такими пороками, какъ то описывается христіанскимъ преданіемъ,—она не разъ впадала въ ересь,

и этого, конечно, было достаточно, чтобы возбудить противъ нея ненависть священниковъ.

Личность императоровъ считалась неприкосновенной, но исторія показываетъ намъ, что коварное Провидѣніе отнюдь не щадило ихъ. Изъ 109 императоровъ, которые, со времени раздѣленія римской имперіи Ѳеодосіемъ и до взятія Константинополя турками, занимали византійскій тронъ либо въ качествѣ полновластныхъ императоровъ, либо въ качествѣ замѣстителей, лишь около третьей части умерли собственною смертью, изъ другихъ же 8 пали въ битвѣ, 12 отказались отъ трона, 12 умерли въ тюрьмѣ или въ монастырѣ, трое погибли отъ голода, 12 подверглись пыткамъ, 20 было отравлено, задушено, зарѣзано или сброшено съ башни [1]).

Идеаломъ Юстиніана и его законниковъ было, очевидно, закрѣпить общество въ современномъ положеніи, заставить его соблюдать исключительно установленное закономъ,—все мѣняется, но все должно было остаться неподвижнымъ. Единый монархъ, единая вѣра, единый законъ—таковъ былъ основной девизъ. Христіанскій императоръ Византіи былъ суровѣе язычниковъ Рима,—имъ былъ положенъ запретъ на всякое освобожденіе: рабъ, прикрѣпленный къ землѣ, оставался, такъ сказать, пригвожденнымъ къ ней,—онъ никакой цѣной не могъ освободиться. Несмотря на это, толчокъ, данный Греціей, былъ все же настолько еще силенъ, что въ общемъ сказывался прогрессивнымъ развитіемъ. Какъ ни были нелѣпы всѣ императорскія повелѣнія,—выселеніе изъ Византіи ремесленниковъ и художниковъ распространяло на самыя отдаленныя страны византійскія знанія и византійское искусство—византійскіе пріемы архитектуры, живописи и скульптуры, работы по металламъ и камню совершенствовались и распространялись. Вопреки своимъ повелителямъ, византійская имперія осталась «единымъ истолкователемъ общей цивилизаціи» [2]). Благодаря ново-греческому вѣянію, византійское искусство, развившееся первоначально въ Сиріи, гдѣ сохранились великолѣпные памятники его [3]), распространилось въ Италіи, въ особенности въ Равеннѣ; затѣмъ оно охватило всѣ города Ломбардіи, проникло во Францію, гдѣ сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовало зарожденію готическаго искусства. Но въ то время, какъ ново-греческое вліяніе сказывалось могущественнѣйшимъ образомъ среди самыхъ отдаленныхъ народовъ, въ мѣстѣ возникновенія его всякая инициатива оказалась, въ концѣ концовъ, совершенно задушенной. Государству удалось превратить промышленность въ цѣлый рядъ монополій, находящихся подъ государственнымъ контролемъ; искусства и ремесла приняли характеръ

---

1) A. Rambaud. — 2) Kondakoff. «Art byzantin». — 3) Melchior de Vogüé. «La Syrie centrale».

Искусство времени Сассанидовъ. Охота за газелью.

обязательности, такъ что превратились въ настоящія общественныя должности и въ силу того лишились индивидуальнаго характера, налагаемаго личностью исполнителя. Такъ, «Книга префекта», изданная императоромъ Львомъ VI «Философомъ» въ началѣ X вѣка, свидѣтельствуетъ о томъ, что союзы ремесленниковъ и художниковъ сдѣлались настоящими колесами административной машины. Главою всѣхъ такихъ корпорацій былъ префектъ города, представлявшій собою личность императора, назначавшій отъ своего имени начальниковъ, диктовавшій всѣ заключенія собраній, приговаривавшій къ наказаніямъ. Онъ производилъ заготовку матеріаловъ, указывалъ способы обработки, назначалъ доходы и жалованье и полагалъ въ основу всего, въ качествѣ главнаго моральнаго принципа, обусловливающаго надлежащее дѣйствіе всѣхъ предпріятій, доносъ. Къ обычнымъ наказаніямъ, каковыми являлись конфискація, отрѣзаніе бороды и волосъ, бичеваніе и заключеніе въ темницу, присоединялось запрещеніе практиковать то или иное ремесло или искусство [1]): какой-нибудь скульпторъ-новаторъ, будь онъ хоть Микеланджело по размѣрамъ своего генія, объявлялся тотчасъ же недостойнымъ ваять и лишался возможности производить, быть-можетъ, величайшія творенія.

Такъ направлялись такъ называвшіяся «свободныя» искусства; другія же ремесла и искусства оставались полной монополіей государства,—оно дѣлало ихъ достояніемъ исключительно своихъ мастерскихъ и своихъ темницъ, гдѣ работали рабы и заключенные.

Вполнѣ естественно, что подобное государство должно было наложить свою руку также и на образованіе, должно было направлять духовное развитіе подданныхъ. Еще одинъ изъ первыхъ византійскихъ императоровъ, Өеодосій II, основалъ въ Константинополѣ съ начала V вѣка первый настоящій университетъ и выбралъ самъ 31 профессора: 3 реторовъ и 10 грамматиковъ латинскаго языка, 5 реторовъ и 10 грамматиковъ греческихъ, 1 философа и 2 юристовъ. Подъ бдительнымъ наблюденіемъ императорской полиціи, образованіе принимало характеръ все болѣе и болѣе классическій и рутинный. Знаменитый Юстиніанъ, бывшій великимъ гонителемъ просвѣщенія, какъ всѣ теологи и юристы, проникнутые чувствомъ своего авторитета, не желалъ даже допускать, чтобы образованіе отдѣльныхъ лицъ могло идти какими-либо другими путями, чѣмъ тѣ, которые были имъ предписаны. Стараясь уже своимъ законодательствомъ вылить человѣчество въ одну опредѣленную форму,—это ему, впрочемъ, отчасти и удалось, настолько люди представляютъ собою массу въ общемъ податливую и пластичную!—

---

1) Jules Nicole. «Livre du Préfet».—Ernest Nys. «Revue de Droit international et de Législation comparée», t. XXX, 1899.

онъ рѣшилъ, что отнынѣ не должно остаться никакихъ слѣдовъ древняго язычества. Онъ не желалъ даже допускать, чтобы преподаваніемъ могли заниматься христіане, заподозрѣнные въ уваженіи къ древнимъ классическимъ авторамъ, «не просвѣщеннымъ еще лучами вѣры», и запрещалъ всякое преподаваніе безъ разрѣшенія, даннаго имъ или его епископами.

Въ виду этого Юстиніанъ закрылъ всѣ аѳинскія школы, которыя въ силу уваженія къ великимъ именамъ Эсхила, Софокла, Еврипида, Геродота, Перикла и Демосѳена, оставлялись въ покоѣ всѣми римскими императорами, даже тѣми, которые исповѣдывали христіанскую вѣру. Онъ конфисковалъ все имущество школъ, и преподавателямъ послѣднихъ приходилось опасаться за свою свободу и даже за свою жизнь; книгамъ также угрожала большая опасность. Годъ совершенія этого акта насилія—529 г., бывшій въ то же время годомъ основанія св. Бенедиктомъ монастыря Монте-Кассино, является однимъ изъ выдающихся моментовъ въ исторіи,—однимъ изъ тѣхъ моментовъ, которые служатъ для отграниченія міра новаго отъ міра древняго: свобода мысли болѣе не существовала, и болѣе тысячи лѣтъ должно было пройти въ Европѣ, прежде чѣмъ по инициативѣ отдѣльныхъ личностей она была снова отчасти возстановлена. На ряду съ уничтоженіемъ произведеній древняго искусства Ѳеодосіемъ (383 г.) и на ряду съ убійствомъ Гипатія (415 г.), закрытіе аѳинской школы можно считать однимъ изъ крупнѣйшихъ актовъ побѣдоносной христіанской религіи [1]).

Юстиніанъ, подобно многимъ другимъ деспотамъ, охваченнымъ самомнѣніемъ, не любилъ «идеологовъ», и, пожалуй, всѣ творенія, завѣщанныя намъ древностью, въ томъ числѣ «Энциклопедія» Аристотеля и діалоги Платона, были бы сожжены рукою палача и претерпѣли бы судьбу статуи Юпитера Олимпійскаго и многихъ тысячъ другихъ языческихъ изваяній древняго греческаго міра, если бы бѣглецы изъ Аѳинъ не нашли себѣ защиты у персидскихъ посланниковъ и не обрѣли себѣ убѣжища при дворѣ «царя царей» Хозрава Ануршивана. Философы, изгнанные изъ Аѳинъ, принесли въ Персію, послужившую имъ убѣжищемъ, сокровища греческой мысли и собрали вокругъ себя новыхъ учениковъ; драгоцѣнные памятники античнаго творчества были переведены ими на персидскій языкъ.

По удивительной ироніи судьбы именно чрезъ Персію, чрезъ потомковъ Дарія и Ксеркса, произошла непосредственная передача духовнаго наслѣдія, оставленнаго эллинами. Такъ, благороднѣйшимъ образомъ были отомщены пораженія при Саламинѣ и при Мараѳонѣ! Греція, не способная болѣе защищать произведенія своего генія, была принуждена довѣрить ихъ потомкамъ своихъ враговъ. Именно въ персидскихъ пере-

1) God. Kurth. «Les Origines de la Civilisation Moderne», t. II, p. 40.—Hartpole Lecky. «Rationalism in Europe».

водахъ Аристотеля и другихъ греческихъ писателей обрѣли позднѣе арабы эллинскую науку,—переведя эти произведенія, они, въ свою очередь, могли распространять ихъ въ своихъ школахъ Багдада, Дамаска,

Закланіе въ жертву быка въ честь бога Митры.

Каира, Гренады, Кордовы и Севильи, и чрезъ такое посредничество произведенія эти были завѣщаны западному міру. Такимъ образомъ, отчасти благодаря персамъ эпохи Сассанидовъ, сдѣлалось возможнымъ первое Возрожденіе послѣ продолжительной мрачной ночи среднихъ вѣковъ! Безъ нихъ и безъ ихъ участія въ великой культурной работѣ развитіе западнаго міра и его цивилизаціи чрезвычайно сильно запоздало бы,—и въ то же время сколь немногіе изъ насъ вспоминаютъ съ благодарностью объ этой великой услугѣ, оказанной намъ Сассанидами!

Съ точки зрѣнія территоріальнаго расширенія, царствованіе Юстиніана было величайшей эпохой въ жизни Восточной имперіи. Полководцу Велизарію удалось охранить границы греческаго міра со стороны Персіи—болѣе, впрочемъ, цѣною денегъ, чѣмъ силою оружія; на западѣ же имъ было завоевано все Мавританское побережье, и былъ положенъ предѣлъ завоеваніямъ вандаловъ, народность коихъ исчезаетъ съ того времени со страницъ исторіи. Велисарій завладѣлъ даже нѣкоторыми частями Испанскаго полуострова, островами Тирренскаго моря, Балеарскими островами и Сициліей и—что было величайшимъ тріумфомъ—два раза побѣдоносно вошелъ въ Римъ: можно было думать даже, что единство имперіи снова возстановляется. Однако, различныя религіозныя секты продолжали жесточайшимъ образомъ бороться изъ-за преобладанія, особенно въ Египтѣ, въ Сиріи и въ Месопотаміи; съ другой же стороны, сѣвернымъ границамъ угрожали постоянно варварскія народности, онѣ вторгались въ каждую брешь, остававшуюся безъ защиты; наконецъ, «вѣчный міръ», заключенный съ персами, также былъ сомнительнымъ, и столкновенія неизбѣжнѣйшимъ образомъ должны были возникать въ наиболѣе опасныхъ точкахъ соприкосновенія.

Однимъ изъ городовъ, бывшихъ постояннымъ яблокомъ раздора, являлся городъ Эдесса, нынѣшній городъ Орфа,—онъ былъ столицею несторіанства—христіанской секты, обвинявшейся въ самой ужасной ереси, такъ какъ она различала двѣ природы Іисуса Христа, божескую и человѣческую, и не признавала Дѣвы Маріи «матерью Божьею». Вслѣдствіе сильнѣйшихъ преслѣдованій со стороны «истинной православной» церкви, несторіанцы должны были выселиться; при своемъ умѣніи и при своихъ торговыхъ способностяхъ, побуждаемые также, быть-можетъ, страстью пропагандировать свою религію, они основывали свои церкви повсюду, вплоть до крайнихъ предѣловъ Азіи,—даже въ южной Индіи, въ Монголіи и въ Китаѣ. Такимъ образомъ, въ то время какъ вооруженныя массы перемѣщались, главнымъ образомъ, съ востока на западъ, изъ Азіи, населенной гуннами и тюрками, въ европейскія страны, движеніе религіознаго характера совершалось въ обратномъ направленіи, съ запада на востокъ. Переносимая торговцами несторіанская религія перешла изъ Ирана въ Туранъ, затѣмъ—на восточный склонъ континента, чрезъ проходы Памира и Тянь-Шаня. Уйгуры и другія народности Кашгара также обратились въ несторіанство и притомъ въ большомъ количествѣ. У несторіанъ центральной Азіи было семь главныхъ городовъ, изъ коихъ важнѣйшими были Мервъ, Гератъ, Самаркандъ и Кашгаръ. На пути, соединявшемъ несторіанскія общины, расположенныя вокругъ Токмака, съ таковыми въ Кашгарѣ, несторіане основали

въ мѣстности Ташъ-Рабатъ-Даванъ («Перевалъ каменнаго дома»), открывающейся прямо къ сѣверной части озера Чаттыръ-куля, или «Озера шатра», на 1300 метрахъ надъ озеромъ, монастырь-каравансарай, обширныя развалины котораго видны до настоящаго времени: это было «убѣжище», аналогичное тѣмъ, которыя были возведены въ европейскихъ Альпахъ, на Сенъ-Бернарскомъ и на Симплонскомъ перевалахъ. Каталанскій атласъ 1375 г. отмѣчаетъ существованіе другого такого же монастыря на сѣверной сторонѣ Иссыкъ-куля [1]). Точно также

№ 280. Центры проповѣди несторіанства.

1 : 30 000 000

0 500 1000 2000 килом.

Чаттыръ-куль — маленькое озеро, на первой трети пути между Кашгаромъ и Токмакомъ, на югъ отъ Нарына, притока Сыръ-Дарьи, находится на высотѣ надъ уровнемъ моря 3410 метровъ.
Озеро Иссыкъ-куль находится въ 80 километрахъ на OSO отъ Токмака и на 1615 метровъ высоты надъ уровнемъ моря.

1) G. de Saint-Yves. «Revue Scientifique», 17 février 1900.

чрезъ посредство каравановъ и по тѣмъ же самымъ путямъ внутренней Азіи распространялась религія Ирана: въ 631 г. китайскій императоръ приказалъ построить маздеистскій храмъ.

На югѣ также имѣли мѣсто аналогичныя явленія религіозной пропаганды. Христіанство, сопровождавшееся другими элементами византійской цивилизаціи, перешло чрезъ Аравію, которая немного времени спустя попыталась дать міру новое вѣроученіе,—оно достигло высокихъ плоскогорій Эѳіопіи, совершенно по тому же пути, какимъ ранѣе распространялись сабеизмъ, іудейская религія и культъ Митры. Съ юго-восточнаго угла полуострова религія эта проникла въ теченіе IV вѣка на континентъ Африки, причемъ путь ея лежалъ чрезъ Адулійскій заливъ, находящійся недалеко отъ того мѣста, гдѣ располагается современная гавань, служащая итальянцамъ главной опорной точкой для завоеванія плоскогорій Эритреи. Позднѣе, въ эпоху Юстиніана, путь, который шелъ изъ Константинополя въ Абиссинію, черезъ Египетъ и Красное море, снова нашелъ себѣ примѣненіе; въ тѣ времена дѣло касалось, главнымъ образомъ, открытія коммерческихъ сношеній между Средиземнымъ моремъ, Индіей и Китаемъ, помимо путей, шедшихъ черезъ Персію, по которымъ совершалась торговля между Западомъ и Крайнимъ Востокомъ: императоръ Восточной имперіи послалъ пословъ къ абиссинскому царю, чтобы заручиться его благорасположеніемъ и при его посредствѣ проложить путь по Индійскому океану, и въ то же время вступилъ въ переговоры съ турками Согдіаны, чтобы гарантировать перевозку шелковъ по Черному морю [1]).

Несмотря на эти сношенія съ западнымъ міромъ, Абиссинія не сохранила христіанскаго ученія, проповѣдывавшагося въ ней миссіонерами въ его первичной формѣ,—это вѣроученіе было занесено въ нее слишкомъ небольшимъ числомъ лицъ и поддерживалось недостаточно энергично. Современное христіанство въ Абиссиніи привито, безъ сомнѣнія, на древней языческой почвѣ, принадлежащей къ циклу религіи, связанной съ поклоненіемъ солнцу. Въ силу этого, всѣ абиссинскіе храмы округлы, и врата ихъ направлены къ четыремъ странамъ свѣта; религіозные танцы совершаются, слѣдуя ритму при танцахъ въ честь Ваала; на нѣкоторыхъ горахъ воздвигаются жертвенные костры, на которыхъ закалываютъ во время великаго праздника Маскала—«поднятія креста»—быковъ, не имѣющихъ ни единаго пятна [2]).

Точно также и на Дальнемъ Востокѣ буддизмъ, распространявшійся индусскими монахами, проникшими въ Кашгарію, въ Монголію, въ Китай

1) Raymond Beazley. «Mediaeval Trade and Trade Routes».—2) J. Theodore Bent. «Report on the 63d. meeting of the British Association». Nottingham, sept. 1893, 557 ss.

и въ Японію, долженъ былъ дифференцироваться на многочисленныя вѣтви, отличавшіяся самымъ характеромъ вѣрованій отъ того первоначальнаго вѣроученія, которое было дано Сакіа-Муни: условія времени и мѣста видоизмѣняли его чрезвычайно сильно. Съ другой стороны, когда

№ 281. Имперія Хозроя.

китайскіе паломники, не получавшіе болѣе никакой религіозной пищи изъ страны, давшей начало вѣроученію, стали стекаться сами туда съ цѣлью выясненія причинъ такого изсякновенія источника истины, паломничество ихъ не обладало все же въ такой степени обновляющей силой, чтобы возбудить у буддистовъ Индіи исчезнувшее увлеченіе религіей. Такія путешествія съ цѣлью паломничества имѣли значеніе лишь въ смыслѣ расширенія географическихъ познаній; самыми извѣстными изъ нихъ было путешествіе Фахіана въ началѣ V вѣка и Юэнъ-Цанга въ первой половинѣ VII вѣка. Юэнъ-Цангъ является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ величайшихъ путешественниковъ, которые когда-

либо существовали. Современные ученые возстановили въ общихъ чертахъ маршрутъ его отдаленныхъ странствованій [1]).

Въ силу замѣчательнаго совпаденія, персидское царство достигло апогея своего могущества въ ту самую эпоху, когда Восточная имперія достигла наибольшей обширности своихъ предѣловъ. Между обоими этими великими государствами, народы коихъ исповѣдывали столь различныя религіи, находившіяся въ періодѣ дѣятельной пропаганды, должно было совершенно неизбѣжнымъ образомъ возникнуть соревнованіе, и должна была разгорѣться война. Въ серединѣ VI вѣка всѣ преимущества были на сторонѣ персовъ,—на ихъ тронѣ находился знаменитый царь Хозрой «Справедливый», мудрый властитель, покровитель аѳинскихъ философовъ и ученыхъ Индіи. Персидскіе художники имѣли полное основаніе высѣкать колоссальныя статуи Хозроя на скалахъ Загроша, гдѣ величественное изображеніе царя, обращенное лицомъ къ западу, горделиво возвышалось надъ равнинами Месопотаміи. «Царь царей» слѣдовалъ примѣру Дарія, Артаксеркса и Сапора и сильно стѣснилъ императора Валеріана. Хозрой заставилъ, впрочемъ, и Востокъ почувствовать свою силу, притомъ даже еще въ несравненно болѣе сильной степени, чѣмъ его предшественники, и на болѣе далекое пространство. Тогда какъ, съ одной стороны, войска его проникли до низовьевъ долины Инда, съ другой—его флотъ обогнулъ Индію и дошелъ до береговъ Цейлона, чтобы отомстить за обиды, причиняемыя туземцами персидскимъ торговцамъ [2]). На югѣ войска Хозроя дошли вдоль береговъ Краснаго моря до горныхъ хребтовъ Счастливой Аравіи, столь рѣдко посѣщавшихся завоевателями. Въ эту критическую эпоху, когда самыя различныя религіозныя вѣроученія и различныя секты, христіанскія, гностическія и маздеистскія, боролись изъ-за преобладанія, когда Маздекъ проповѣдывалъ на плоскогоріяхъ Ирана свои коммунистическія реформы, эти походы персидскаго царя въ Аравію содѣйствовали, безъ сомнѣнія, въ очень значительной степени увеличенію внутренняго моральнаго броженія, которое подготовляло появленіе новаго вѣроученія на удивленіе всему міру.

Въ началѣ VII вѣка имперіи византійская и персидская столкнулись снова, представленныя, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе части борьбы двумя знаменитыми борцами—Хозроемъ II и грекомъ Гераклiемъ. Въ 616 г. паденіе Константинополя казалось неизбѣжнымъ. Персы завладѣли Малой Азіей и Сиріей: они заняли даже Александрію. Въ Іерусалимѣ они захватили «святой крестъ»—одинъ изъ главнѣйшихъ символовъ христіанства—и съ тріумфомъ перенесли этотъ трофей въ одинъ изъ городовъ Азербейджана. Затѣмъ персы пересѣкли Анатолію,

1) См. въ особенности A. Stein. «Report on a Journey in Chinese Turkestan», 1901.—2) J. T. Reinaud. «Mémoire sur l'Inde», p. 86.

устроились въ Халкедоніи, почти противъ самой Византіи, и суда ихъ стали плавать по проливу. Сѣверныя народности, болгары и авары, стремились уже принять участіе въ грабежѣ: Константинополь оказывался заключеннымъ какъ бы въ тискахъ.— Болгары — народность «по своей исторіи наиболѣе низменная, по сравненію съ которой гунны могутъ считаться народомъ вполнѣ цивилизованнымъ» (А. Лефевръ)—появились, начиная еще съ эпохи до 500 г., на берегахъ Дуная [1]) и почти каждую зиму переходили чрезъ эту рѣку въ поискахъ за рабами и за сокровищами; такъ, отмѣчается въ особенности набѣгъ ихъ въ 538 г., когда они опустошили весь полуостровъ вплоть до Коринѳа и вернулись къ Карпатамъ со 120000 плѣнниковъ. Затѣмъ, когда Восточная имперія нѣсколько привыкла къ этимъ періодическимъ набѣгамъ, появились авары, другая народность одного происхожденія съ гуннами. Въ 550 г. авары перешли черезъ Днѣстръ, 20 лѣтъ спустя они образовали какъ бы нѣчто въ родѣ союза съ лонгобардами, вступили въ Италію и дали начало обширной имперіи, простиравшейся отъ Тиссы до Кавказа,—съ нею приходилось не разъ считаться властителямъ Византіи.

Барельефы царей Сассанидовъ на скалахъ Загроша.

Благодаря, однако, такому тѣсному соприкосновенію съ варварами, Византія сдѣлалась для гуннскихъ и славянскихъ народностей тѣмъ, чѣмъ сталъ Римъ для германскаго міра [2]); изъ дикихъ ордъ, находившихся постоянно въ движеніи, Византія сдѣлала осѣдлое земледѣльче-

1) См. карты №№ 269, 270, 275, 276 и стр. 340, 342, 370, 372.—2) Fr. Harrison, cité par J. Morley, Nineteenth Century, 1904.

ское населеніе; кровожаднымъ язычникамъ она старалась привить внѣшнія формы христіанской религіи и снабжала эти невѣжественныя народности своимъ высокоразвитымъ литературнымъ языкомъ. Примѣромъ цивилизующаго вліянія Константинополя могутъ служить сербы. Подъ давленіемъ страшной опасности Гераклій призвалъ это славянское племя, продвинувшееся съ сѣвера до долины низовьевъ Дуная, на помощь Византіи. Сербы, конечно, точно также слышали разсказы о благодатныхъ странахъ юга, объ ихъ изобильныхъ жатвахъ, о роскошныхъ плодахъ и о богатствѣ городовъ и вполнѣ естественно старались завладѣть ими и отстранить отъ нихъ аваровъ. Будучи раздѣлены на независимыя одна отъ другой кучки и являясь слишкомъ слабыми для того, чтобы попытаться завладѣть всей имперіей, они все же были достаточно сильны для того, чтобы энергично защищать территоріи, которыя были имъ окончательно предоставлены въ полную собственность, съ условіемъ, что они будутъ дѣйствовать согласно съ желаніями императора. Сдѣлавшись союзниками и защитниками имперіи, славянскія племена почувствовали вскорѣ, что играютъ значительную роль въ культурной жизни страны, и оказались расположенными принять христіанскую религію, распространенную всюду въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Такимъ образомъ, сербы сдѣлались греками.

АРАБЫ.

Хронологія.

Магометъ (или, вѣрнѣе, Мохаммедъ, т.-е. «Достойный хвалы») родился въ Меккѣ въ 571 г., вступилъ въ бракъ съ богатою вдовою Хадиджа въ 596 г. и принялся за проповѣдь новой религіи около 610 г. Вслѣдствіе враждебныхъ къ нему отношеній могущественнаго рода корейшитовъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ, Магометъ отправился въ Медину (бѣгство въ Медину—«Геджра», отнесенное позднѣе къ 11 іюня 622 г.); послѣ долгой борьбы онъ, опираясь на многочисленныя окружающія племена, вернулся въ качествѣ побѣдителя въ Мекку въ 630 г.; два года спустя онъ умеръ въ Мединѣ.

Послѣ Магомета «калифами» (послѣдователями) его, избранными и несомнѣнными, были Абу-Бекръ (632—634), Омаръ (634—644), Отманъ (644—656); слѣдующій калифъ Али (656—661), бывшій, какъ и Отманъ, лишь зятемъ Магомета, имѣлъ соперника Моавія, умертвившаго дѣтей Али въ 661 г. и бывшаго единымъ калифомъ до 680 года. Монархическій режимъ замѣнилъ затѣмъ выборный принципъ, и вплоть до 750 г. на востокѣ и до 1031 г. въ Испаніи царствовали представители династіи Моавія или Омеяды. Съ 750 до 1258 г. тронъ властителей надъ правовѣрными занимали восточнѣе Египта Абассиды, изъ которыхъ самыми знаменитыми являются Гарунъ-Аль-Рашидъ (766—809) и Аль-Мамунъ (813—833).

Аравія была охвачена исламомъ еще до смерти Магомета; лѣтописи далеко не согласны между собой относительно деталей передвиженія арабовъ и грековъ, и потому не должно разсматривать приводимыя данныя какъ вполнѣ несомнѣнныя. Повидимому, Дамаскъ открылъ свои врата предъ побѣдителями въ 635 г.; битва при Кадези, рѣшившая судьбу Персіи, происходила въ февралѣ 637 г., но Иранское плоскогоріе было занято лишь постепенно въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ. Въ томъ же самомъ 637 г. города Іерусалимъ и Низибъ подпали подъ власть арабовъ. Амру завладѣлъ Вавилоніей египетской въ 640 г., Александріей въ 641 г. и берегами Средиземнаго моря вплоть до Триполи въ 642 г. или на 20 году Геджры.

Завоеваніе Кипра относится къ 647 г., завоеваніе Родоса и Нубіи—къ 651 г.; Гадамесъ былъ занятъ въ 668 г.; первая осада Константи-

нополя арабами продолжалась съ бо́льшею или меньшею энергіею въ теченіе 7 лѣтъ—съ 669 до 675 г.; Карѳагенъ былъ взятъ въ 699 г.; Тарикъ перешелъ черезъ Гадезскій проливъ въ 711 г.; столкновеніе Карла Мартелла и Абдеррахмана на долинахъ у Пуатье относится къ 752 г.; съ 831 по 878 г. главные города Сициліи также покорились арабамъ, равно какъ и многіе пункты на берегахъ Италіи въ концѣ IX вѣка.

Городъ Куфа былъ основанъ въ 637 г., Басра—въ 640 г., Кайруанъ—въ 670 г., Багдадъ—въ 762 г., Фецъ—въ 808 г. Подчиненная маврамъ Испанія не признавала никогда Аббасидовъ, Магребъ сдѣлался независимымъ съ 800 г., тогда какъ долина Нила перестала зависѣть отъ калифовъ Багдада съ 870 г.

Среди поэтовъ, писателей, ученыхъ и путешественниковъ-арабовъ мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя имена, наиболѣе знаменитыя:

	По Р. Хр.
Табари, историкъ, род. въ Амолѣ въ Персіи . .	839—922 г.
Массуди, путешественникъ и историкъ, умершій въ Каирѣ	956 »
Фирдуси, персидскій поэтъ, род. и умеръ въ г. Тусѣ	933—1025 »
Авиценна, философъ и врачъ въ Бухарѣ . . .	980—1037 »
Харири, литераторъ, род. и ум. въ Басрѣ . .	1054—1122 »
Алгазедъ, философъ, жилъ въ Сиріи и Персіи	1058—1111 »
Омаръ Хейямъ, поэтъ и математикъ, род. въ Нишапурѣ	1124 »
Эдризи, путешественникъ и географъ, род. въ Цеутѣ	1099—1164 »
Аверроэсъ, философъ и врачъ, род. въ Кордовѣ, ум. въ Марокко	1100—1198 »
Абу-Эзра, испанскій еврей	1119—1174 »
Абдъ-аль-Латифъ, путешественникъ, род. въ Багдадѣ	1161—1231 »
Абу-эль-Фаридъ, поэтъ, жившій въ Египтѣ .	1181—1234 »
Саади, персидскій поэтъ, род. и ум. въ Ширазѣ	1184—1291 »
Абульфеда, географъ и историкъ, род. въ Дамаскѣ	1273—1331 »
Гафизъ, персидскій поэтъ, род. и ум. въ Ширазѣ	1388 »
Ибнъ-Халдунъ, историкъ, род. въ Тунисѣ, ум. въ Каирѣ	1332—1406 »

Арабы

Всякія границы исчезали съ приходомъ арабовъ: земля становилась общимъ достояніемъ всей народности, члены которой являлись съ того времени братьями, связанными между собою единою вѣрою.

Глава четвертая.

БЫСТРОЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ ИСЛАМА.—КОММУНАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.—АНАРХИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ АРАБОВЪ.—ФАТАЛИЗМЪ.—РЕЗУЛЬТАТЫ ПОБѢДЪ МУСУЛЬМАНЪ НАДЪ ВИЗАНТІЕЙ И ПЕРСІЕЙ.—ШИИТЫ, ИКОНОПОЧИТАТЕЛИ И ИКОНОБОРЦЫ.—ЗАВОЕВАНІЕ МАВРИТАНІИ.—ВТОРЖЕНІЕ ВЪ ИСПАНІЮ.—САРРАЦИНЫ ВО ФРАНЦІИ.—АРАБСКАЯ НАУКА.—СТРАСТЬ КЪ ПУТЕШЕСТВІЯМЪ.—РАВНОВѢСІЕ СИЛЪ.

Восточная имперія ощущала большую необходимость въ упроченіи своей власти въ европейской половинѣ своихъ владѣній, такъ какъ со стороны Азіи начиналъ подниматься новый страшный врагъ— арабы, столь же опасные для жителей Византіи, какъ и для персовъ.

Уже въ 632 г., десять лѣтъ спустя послѣ бѣгства Магомета въ Медину, въ самый годъ смерти пророка, арабы покинули свой полуостровъ съ цѣлью распространять по всему міру вѣру въ единаго истиннаго Бога; тогда же Халедъ, т.-е. «мечъ Аллаха», одержалъ надъ персами первую побѣду. Затѣмъ послѣдовали одна за другой новыя побѣды, и, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, сперва бассейнъ Евфрата, а затѣмъ и вся Сирія попали въ руки магометанъ; Іерусалимскій храмъ былъ превращенъ въ мечеть. Имперія Сассанидовъ рухнула, и власть арабовъ стала признаваться на всемъ материкѣ, вплоть до Индіи. Затѣмъ былъ завоеванъ Египетъ, который тотчасъ же прибрали къ рукамъ, и побѣдители направились на западъ по полосѣ, лежащей между пустыней и моремъ, достигли Триполи и затѣмъ Киренаики. Девяти лѣтъ было достаточно для того, чтобы образовалась имперія еще болѣе обширная, чѣмъ Византійская.

Несмотря на то, что вражда и месть между отдѣльными родами и племенами арабовъ не исчезли, первыя завоеванія магометанства носили характеръ настоящаго всеобщаго всесокрушающаго взрыва, сила коего обусловливалась внезапно освободившейся энергіей арабской народности и ея горячей фантазіей. Эти пастухи, эти верблюдовожатые, эти мирные купцы сдѣлались внезапно горячими проповѣдниками и, какъ бы влекомые единой волею, единымъ духомъ, ринулись на завоеваніе міра, чтобы заставить его чтить единую истинную вѣру. Въ исторіи завоеваній нѣтъ ничего сколько-нибудь подобнаго удивительному походу Халеда, который покинулъ Аравію съ нѣсколькими тысячами воиновъ безо всякаго провіанта, кромѣ небольшого количества муки въ походной сумѣ каждаго изъ солдатъ,— онъ шелъ безъ обоза и съѣстныхъ припасовъ и, несмотря на это, въ теченіе семи дней и семи ночей перешелъ пустыню шириною въ тысячу километровъ; не оставивъ позади себя ни единаго трупа и ни единаго отсталаго солдата, онъ появился совершенно внезапно подъ стѣнами Дамаска и разсѣялъ греческія войска Гераклія. Подобная энергія, граничащая съ чудомъ, не можетъ быть объяснена иначе, какъ коллективнымъ фанатизмомъ: всѣ воины арміи составляли единую душу и единое тѣло. Вообще завоеванія мусульманъ, распространившихся столь замѣчательнымъ образомъ на востокѣ до Индіи, на сѣверо-востокѣ до туркменскихъ степей, на сѣверѣ до границы Византійской имперіи, на западѣ до береговъ Атлантическаго океана и другой стороны Пиренеевъ, едва ли могли бы быть объяснены, если бы завоеватели не были охвачены тѣмъ священнымъ пыломъ, который уже съ самаго начала гарантировалъ имъ побѣду. Безъ сомнѣнія, ихъ самихъ подымала выше нормальнаго уровня непоколебимая вѣра въ чудо: совершенно такъ же позднѣе подвергшіеся арабскому вліянію испанцы во время своихъ побѣдоносныхъ войнъ съ ацтеками, тольтеками и кихуа

Новаго Свѣта видѣли постоянно сражающимися впереди себя св. Якова изъ Компостеллы или же святую Дѣву Марію.

Арабы вѣрили, что ихъ ведетъ самъ Аллахъ, и бросались, очертя

№ 282. Страна Геджры.

голову, въ битву; однако, помимо того, въ этомъ удивительномъ у нихъ подъемѣ духа въ борьбѣ значительную роль играли и собственная ихъ природа, характеръ этой народности и моральныя понятія ея, обусловленныя жизнью подъ жгучимъ солнцемъ на границахъ пустыни. Совершенно справедливо сравнивали періодическое появленіе арабовъ на аренѣ

исторіи со внезапнымъ расцвѣтомъ алоэ, этого растенія пустыни,—оно остается сѣрымъ и запыленнымъ въ теченіе пятидесяти или даже ста лѣтъ и затѣмъ внезапно даетъ отъ себя кисть огромныхъ красныхъ цвѣтовъ, видныхъ издалека, благодаря ихъ яркому блеску. Арабская цивилизація являлась для многихъ изъ покоренныхъ ими народовъ настоящимъ освобожденіемъ и совпадала съ полученіемъ греческихъ рукописей, съ возрожденіемъ эллинской науки среди темной ночи средневѣковья. Это показываетъ намъ въ то же время, какъ безсильны обычныя разсужденія выяснить столь замѣчательный комплексъ историческихъ явленій: какъ объяснить, дѣйствительно, это внезапное появленіе арабовъ на историческомъ поприщѣ, столь же внезапное, какъ ударъ молніи, и возвращеніе ихъ затѣмъ по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ къ прежнему грустному существованію пастуховъ-номадовъ? Эти рѣзкіе контрасты остаются совершенно непонятными для тѣхъ, кто въ настоящихъ условіяхъ не ищетъ отголоска прежнихъ, первобытныхъ, переданныхъ путемъ наслѣдственности.

Помимо вліянія элементовъ окружающей среды, должно принять во вниманіе также и условія экономическія и соціальныя того общества, которое тогда заново складывалось. Всеобщимъ обычаемъ, введеннымъ арабами-завоевателями, являлась полигамія, и въ завоеванныхъ ими странахъ, гдѣ арабамъ не приходилось покупать своихъ женъ, они примѣняли полигамію даже еще болѣе постоянно, чѣмъ на своей родинѣ. Сдѣлавшись полными властителями въ странѣ, они проникали въ семьи туземцевъ и измѣняли ихъ къ своей выгодѣ; они вступали въ бракъ съ дочерями побѣжденныхъ, и, такимъ образомъ, съ самаго начала появлялись новыя поколѣнія, которыя по отцу принадлежали уже къ расѣ завоевателей, научались ея языку, гордились своимъ происхожденіемъ и передавали эту гордость послѣдующимъ поколѣніямъ. Въ особенности въ Сиріи не успѣло пройти и ста лѣтъ со времени завоеванія, какъ вся народность, за исключеніемъ горныхъ племенъ и христіанскихъ или еврейскихъ сектъ, къ которымъ относились съ терпимостью, сдѣлалась арабской по внѣшности: такое приспособленіе происходило со столь замѣчательною быстротою вслѣдствіе того, что оно создавалось въ каждомъ домѣ, въ каждомъ шатрѣ, при самомъ возникновеніи индивидуальной личности. Однако, вредныя послѣдствія полигаміи, которая въ тѣхъ формахъ, какія она принимаетъ на востокѣ, имѣетъ своимъ опорнымъ пунктомъ полную власть мужа и превращеніе жены въ простую вещь, которою онъ владѣетъ, какъ лошадью или собакой, должны были быстро сказаться въ этомъ вновь возникшемъ обществѣ и должны были какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи понизить энергію народности. Послѣ внезапнаго расширенія власти арабовъ наступилъ неизбѣжнымъ образомъ поворотъ назадъ. Дрисмансъ имѣлъ полное осно-

ваніе сказать [1]), что арабы до тѣхъ поръ одерживали побѣду, пока женщина сохраняла у нихъ преобладающее значеніе въ семьѣ и играла дѣятельную роль въ общественной жизни. Царства ихъ пали съ того самаго момента, какъ религія заключила женщину въ гаремъ и сдѣлала ее рабыней, предназначенной лишь для удовлетворенія вожделѣній ея господина и повелителя,—рабыней, о которой этотъ послѣдній говорилъ лишь съ пренебреженіемъ, какъ о чемъ-то низменномъ. Какъ могло совершаться въ такихъ условіяхъ правильное воспитаніе новыхъ поколѣній?

Внутренность древняго гарема въ Дамаскѣ.

Вопросъ о собственности также примѣшался къ этимъ великимъ событіямъ. Въ ненависти араба къ христіанскому міру несомнѣнно играла нѣкоторую роль ненависть номада, незнакомаго съ границами частныхъ владѣній, къ владѣльцамъ личной собственности, которые водружали изображенія боговъ на углахъ занимаемаго ими участка земли [2]). Безъ сомнѣнія. нѣтъ такихъ различій, которыя не были бы въ то же время причинами ихъ взаимнаго отвращенія. Арабы должны были ненавидѣть византійцевъ и всѣ народности римской цивилизаціи, которыя дѣлили землю между частными собственниками, обладавшими личнымъ

1) H. Driesmans. «Wahlverwandschaften der deutschen Blutmischung». — Roorda van Eysinga. 2) Pierre Kropotkine;—Ernest Nys. «Autour de la Méditerranée», p. 5.

правомъ пользоваться ею и злоупотреблять ею. Арабы сами были носителями совершенно иныхъ формъ собственности,—у нихъ мы находимъ коммунистическій строй племени, и, безъ сомнѣнія, именно этому строю должно приписать важнѣйшую роль въ чрезвычайной быстротѣ завоеваній арабовъ. Въ основѣ каждой сколько-нибудь продолжительной политической революціи слѣдуетъ искать соціальную эволюцію: именно въ самыхъ основахъ общества и нарушается обыкновенно равновѣсіе. Если арабы такъ легко одержали побѣду, то это зависѣло оттого, что по сравненію съ міромъ византійскимъ, персидскимъ и другими мірами того времени они представляли собою элементъ болѣе высокаго порядка. Всѣмъ рабамъ, которые вмѣстѣ съ ними призывали Единаго Бога, они давали свободу и, даже еще болѣе, давали полное религіозное равенство и обнаруживали самыя теплыя братскія чувства къ нимъ, какія даются лишь при общемъ воодушевленіи вѣрою. Земледѣльцамъ, лишеннымъ своей законной части воздѣлываемой земли, задавленнымъ крупными феодалами, угнетаемымъ казною, они давали право свободно обрабатывать землю и пользоваться жатвою. Всякія границы исчезали съ приходомъ арабовъ: земля становилась общимъ достояніемъ всей народности, члены которой являлись съ того времени братьями, связанными между собою единою вѣрою. Безъ сомнѣнія, это предоставленіе земли общинѣ вѣрующихъ угрожало большими опасностями въ будущемъ, такъ какъ властители и господа могли встать на мѣсто своихъ подданныхъ,—однако, все время, пока продолжалось религіозное увлеченіе, эта новая форма владѣнія землей оказывалась настоящимъ освобожденіемъ для цѣлыхъ толпъ порабощенныхъ людей, и эти послѣдніе встрѣчали взрывомъ энтузіазма побѣдителей, которые гарантировали имъ одновременно какъ сохраненіе ихъ человѣческаго достоинства, такъ и полученіе хлѣба насущнаго.

Цѣлостность и простота мусульманской вѣры – «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его»—играла большую роль въ побѣдахъ арабовъ, которые видѣли предъ собою лишь нерѣшительныхъ, нестойкихъ противниковъ, лишенныхъ той сверхъестественной силы, которой были охвачены арабы. Впрочемъ, исламъ самъ по себѣ отнюдь не обладалъ такою чистотою и прямотою ученія, какъ то можно было бы думать по внѣшнему впечатлѣнію. Невозможность управлять міромъ при помощи чистыхъ отвлеченій никогда не была констатирована съ такою ясностью, какъ въ зарожденіи магометанства. Вѣдь религія единаго истиннаго Бога, правящаго всѣмъ огромнымъ міромъ, видящаго все, что творится на землѣ, съ высоты небесъ, отнюдь не должна была бы быть привязана къ опредѣленному, точно намѣченному мѣсту, какимъ являлся храмъ въ Меккѣ! Скорѣе уже безграничная однообразная пустыня, представляющая собою море песковъ, соотвѣтствуетъ всемогуществу Аллаха, чѣмъ

такое крохотное мѣсто, гдѣ несчастные людишки предаются обычнымъ суетнымъ занятіямъ повседневной жизни! Между тѣмъ, Аллахъ былъ приниженъ вѣрующими,—они его заставили снизойти именно въ Меккѣ и избрать ее своимъ особымъ святилищемъ. Магометъ, пророкъ Божій, хотя и былъ проникнутъ идеей о вездѣсущности Бога, не рѣшился все же перенести поклоненіе ему на какую-нибудь гору въ пустынѣ,—онъ подчинился господствовавшимъ вѣрованіямъ въ мѣстныхъ боговъ, подчинился всѣмъ суевѣріямъ былыхъ временъ и ограничился тѣмъ, что уничтожилъ лишь идоловъ въ Меккѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объектами его поклоненія сдѣлались источникъ Земземъ и камень Кааба, къ которому онъ припалъ съ благоговѣніемъ своими устами. Язычникъ вдвойнѣ, почитатель источниковъ, камнепоклонникъ, онъ началъ съ того, что съ самыхъ первыхъ шаговъ прегрѣшилъ противъ культа чисто-духовнаго Бога, и, само собою разумѣется, въ этомъ ему подражалъ и весь народъ его, всѣ правовѣрные.

Мекка.– Богослуженіе предъ священнымъ камнемъ Кааба въ Великой Мечети.

Древнія религіи выливаются постепенно въ новыя формы, но отнюдь не погибаютъ: подъ видомъ самаго строгаго монотеизма процвѣтаетъ до сихъ поръ фетишизмъ совершенно такъ же, какъ онъ процвѣталъ въ древности у поклонявшихся силамъ природы и у политеистовъ. Арабы были уже нѣсколько монотеистами еще задолго до Магомета; объ этомъ говоритъ самъ коранъ: «Въ минуты наибольшей опасности язычники призывали всегда Аллаха, а не ложныхъ боговъ» [1]). Въ каждомъ

1) J. Wellhausen. «Die Reste des arabischen Heidenthums».

мозгу всѣ религіи прошлаго располагаются какъ бы наслоеніями. Камень Кааба былъ арабскимъ пантеономъ, въ которомъ слились всѣ божества полуострова, всѣ 360 идоловъ, которыхъ въ прежнія времена воздвигло такое же число арабскихъ народностей [1]), и самымъ строгимъ и горячимъ монотеистомъ между правовѣрными былъ тотъ, у кого всѣ божества его рода, клана и племени слились наиболѣе тѣсно въ единую верховную личность.

Въ теченіе первыхъ временъ распространенія арабскаго владычества, пока всѣ сражавшіеся за исламъ были воодушевлены первоначальнымъ увлеченіемъ, и пока они не смѣшались еще съ другими народностями, такъ что, благодаря наслѣдственности, характеръ и нравы ихъ сохранились, у наиболѣе благородныхъ изъ ихъ предводителей замѣчалась чрезвычайная простота и строгость жизни, напоминающая собою жизнь прежнихъ временъ подъ гостепріимнымъ кровомъ шатра,—жизнь которой тщетно стараются подражать благочестивые мусульмане нашего времени. И до сихъ поръ правовѣрные, къ какому бы сословію они ни принадлежали, должны передъ тѣмъ, какъ идти на молитву, снять съ себя всѣ драгоцѣнныя вещи, отложить въ сторону всѣ золотыя деньги; они должны сдѣлаться бѣдными въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ Аллаха, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе тѣхъ минутъ, которыя они проводятъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Они должны также остерегаться въ присутствіи Аллаха «злого глаза», а вѣдь ничто такъ не возбуждаетъ зависть, ничто не служитъ въ такой степени причиной ненависти и всѣхъ золъ, какъ золото [2]). Точно также въ храмѣ никому не дается никакихъ преимуществъ, нѣтъ никакихъ спеціально предназначенныхъ мѣстъ: богатые и бѣдные, бѣлые и чернокожіе, молятся бокъ-о-бокъ, охваченные однимъ общимъ благочестивымъ порывомъ.

У чистокровныхъ арабовъ побѣды одерживались вѣрующими лишь въ теченіе періода наибольшаго религіознаго увлеченія, которое объединяло ихъ въ одну сплоченную массу,—по природѣ своей сыны пустыни, привыкшіе къ свободной жизни на необозримыхъ пространствахъ, подчиняются плохо авторитету,—ихъ можно назвать анархистами въ самомъ полномъ смыслѣ, людьми, не признающими властей! Какъ только вѣра покидаетъ ихъ, такъ они распадаются, каждый дѣйствуетъ по своему желанію, слѣдуетъ путямъ по своему собственному выбору. Любопытенъ фактъ, что первымъ именно арабъ Ибнъ-Халдунъ формулировалъ теорію анархической общины, не имѣющей никакого начальства. Слѣдуя этому ученому историку XIV вѣка, государство «совершенное», т.-е. идеальное,

---

1) R. Dozy. «Histoire des Musulmans d'Espagne», p. 28. - 2) H. Brugsch. «Aus dem Morgenlande», p. 20.

созидается внѣ всякой матеріальной власти, внѣ всякаго закона, единственно путемъ соглашенія мудрыхъ людей, которые ищутъ только совершенствованія и которые остаются вполнѣ индифферентными ко всѣмъ мелочнымъ расчетамъ политическихъ и національныхъ интересовъ [1]).

№ 283. Первыя завоеванія арабовъ.

На картѣ ошибочно вмѣсто Триполи Варварійскаго (Тараболосъ-алъ-Гарбъ) на берегу Африки нанесенъ Триполи Сирійскій (Тараболосъ-экъ-Хамъ).

Рѣдкая штриховка охватываетъ Аравію, обращенную въ Исламъ до 632 г.; густая покрываетъ области, завоеванныя магометанами съ 632 по 664 г., но наибольшая часть этихъ странъ была подъ властью арабовъ до 644 г., послѣ смерти второго замѣстителя Магомета—халифа Омара.

Впрочемъ, надо сказать, родина арабовъ никогда не была завоевана другими народностями: древніе халдеи и египтяне наложили свою руку лишь на самыя окраинныя изъ провинцій Аравіи, гиміариты ни минуты не владѣли всѣмъ полуостровомъ, полководецъ Августа Элій Галлъ, вторгшійся въ Аравію, былъ остановленъ эпидеміей, возникшей въ его войскахъ, и не могъ проникнуть далеко; что же касается по-

1) E. Nys. «Revue de Droit International et de Législation comparée», t. xxx, 1898.

литическаго подчиненія арабовъ туркамъ, то оно оставалось всегда частичнымъ и временнымъ. Курьезнымъ образомъ оказалось, что 200 лѣтъ спустя послѣ того, какъ жгучія рѣчи Магомета направили бедуиновъ на завоеваніе всего міра, и послѣ того, какъ такъ называемая «арабская» цивилизація распространилась до крайнихъ предѣловъ, истинные «сыны пустыни» сдѣлались чрезвычайно малочисленными въ арміяхъ этихъ завоевателей,—ихъ замѣнили турки, монголы и представители другихъ азіатскихъ народностей. Большинство арабовъ, вышедшихъ невредимыми изъ побѣдоносной войны, вернулось на свой родной полуостровъ; они не пожелали быть гражданами всемірной имперіи и предпочли вести свободную и скромную жизнь въ странѣ, откуда вышли ихъ предки. Каждое изъ первоначальныхъ племенъ получило свою прежнюю самостоятельность, свои традиціи, свои законы, и изъ огромнаго запаса идей и знаній, собранныхъ въ чуждомъ мірѣ, арабы ничего не принесли въ свое отечество: какими они вышли изъ Неджеда и Геджаса, такими же они и вернулись въ нихъ, вернулись прежними независимыми и благородными людьми.

Впрочемъ, вѣроученіе, которое подвигло арабовъ на священную войну, обрекало ихъ уже этимъ самымъ и на покорность, въ случаѣ неудачи. Въ основѣ своей магометанская религія въ своей чистой монотеистической формѣ, выливающейся въ словахъ «нѣтъ Бога, кромѣ Бога»,—религія, требующая слѣпой вѣры въ непреоборимое Провидѣніе. Все, что совершается, неизбѣжно предначертано свыше. Всякое событіе фатально опредѣляется предвѣчною слѣпою волею Того, чье желаніе никѣмъ не можетъ быть отклонено. Въ противоположность тому, въ наивномъ политеизмѣ все существующее имѣетъ своего бога, вплоть до ручья, вплоть до розы,—надежда всегда возможна, такъ какъ и само отчаяніе имѣетъ свои особыя божества. Въ христіанскомъ ученіи, при всей его суровости, особенно въ его католической формѣ, каждый святой представляетъ собою посредника: человѣкъ въ несчастьѣ можетъ обратиться къ цѣлой арміи святыхъ, можетъ призвать на помощь даже какого-нибудь причисленнаго къ лику святыхъ нищаго, валявшагося на гноевищѣ; если же онъ прольетъ слезу, то ангелы соберутъ ее и снесутъ, какъ драгоцѣнный алмазъ, къ ногамъ Приснодѣвы Маріи!

По характеру своему арабы отнюдь не были профессіональными воителями. Послѣ побѣдоносныхъ походовъ, обусловленныхъ религіознымъ увлеченіемъ, сыны пустыни чувствовали, что попали во вполнѣ неестественную среду, такъ какъ оказались среди земледѣльческихъ народностей, и именно вслѣдствіе этого они покидали войска, находившіяся подъ начальствомъ послѣдователей пророка, и возвращались на свой родной полуостровъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что завоеванія арабовъ, совершенныя соотечественниками Магомета, сохранились

на продолжительное время лишь въ странахъ, которыя по географическимъ условіямъ походили на Аравію съ ея скалистыми горами, песчаными и каменистыми пустынями, малымъ количествомъ воды и рѣдкими оазисами: завоеватели утвердились и сохранились въ качествѣ отдѣльныхъ племенъ лишь въ странахъ, аналогичныхъ ихъ собственной странѣ, въ странахъ, которыя могутъ быть названы «внѣшними Аравіями». Въ Персіи, въ Сиріи и даже въ Египтѣ арабы были лишь чужеземцами, тогда какъ далѣе къ западу, по ту сторону Ливійской пустыни и вплоть до Атлантическаго океана они были какъ дома въ пустыняхъ Туниса и на высокихъ плоскогоріяхъ алжирскаго Телля, равно какъ и въ горахъ Марокко.

Магометъ осаждаетъ крѣпость Бaунъ-аръ-Надиръ.—Архангелъ Гавріилъ подноситъ ему бутыль и чашу.
(Миніатюра, «Histoire universelle arabe», XII вѣка).

Не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе арабовъ на міровой аренѣ имѣло также нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія, сказывавшіяся на судьбахъ Восточной имперіи въ теченіе долгаго періода. Именно воители ислама нанесли чувствительный ударъ Персіи, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ семитическими народами, обитавшими на берегахъ Тигра и Евфрата; такимъ образомъ, они устранили самаго опаснаго изъ противниковъ Византіи; завладѣвъ Сиріей, они точно также оказали услугу Византійской имперіи, такъ какъ послѣдней приходилось тратить свои силы на поддержаніе власти на этой узкой полоскѣ земли, длиною въ 500 километровъ, лежащей между пустыней и моремъ. Второй Римъ могъ, такимъ образомъ, въ теченіе долгаго періода наслаждаться отдыхомъ; онъ воспользовался имъ, однако, не столько для того, чтобы возстановить свои силы мудрымъ внутреннимъ устройствомъ, устраненіемъ стѣсненій внутри страны и

развитіемъ свободнаго труда, сколько для того, чтобы накопить огромныя богатства и возстановить утраченный престижъ. Отчасти благодаря нѣкоторому ослабленію сосѣднихъ областей, завоеванныхъ арабами, ослабленію, вызванному ихъ быстрымъ распространеніемъ на востокъ до Персіи и на западъ до Египта, центральная часть утратила ту силу натиска, которая была направлена къ сѣверу, и сдѣлалась сосѣдомъ менѣе опаснымъ, чѣмъ Персія. Это произошло, однако, также вслѣдствіе того, что между Константинополемъ и равнинами Месопотаміи находились области, мало пригодныя для развитія и утвержденія власти арабовъ. Ведя борьбу съ государствомъ, которое являлось главнымъ представителемъ соперничающей съ исламомъ религіи, халифы не находили, однако, въ религіозномъ экстазѣ своихъ вѣрующихъ достаточно сильной побудительной причины, которая заставила бы ихъ покинуть равнины и области знойнаго юга и перейти чрезъ плоскогорья и горы Малой Азіи.

Тѣмъ не менѣе, арабы дѣлали нерѣдкія попытки захватить Византію врасплохъ, такъ какъ городъ этотъ одновременно и олицетворялъ въ себѣ весь христіанскій міръ и являлся носителемъ славы древняго Рима. Вторгаясь въ Анатолію чрезъ Киликійскія врата, арабы пересѣкали Малоазіатскій полуостровъ форсированнымъ маршемъ, чтобы возможно скорѣе достигнуть стѣнъ Константинополя. Извѣстіе о нихъ передавалось, однако, еще ранѣе сигналами, въ видѣ зажигаемыхъ на вершинахъ горъ огней, и византійцы принимали необходимыя мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать врагамъ перейти чрезъ Босфоръ. Правда, одинъ изъ византійскихъ императоровъ, Михаилъ, былъ недоволенъ тѣмъ, что ему помѣшали смотрѣть на цирковое зрѣлище сообщеніемъ о вторженіи арабовъ, и въ 859 г. запретилъ впредь, чтобы его не смѣли безпокоить такою телеграфною передачею [1],—въ эту эпоху, однако, арабы въ значительной степени утратили свою первоначальную силу, и три раза подъ рядъ попытки блокады, предпринимавшіяся ими со стороны моря, оканчивались для нихъ безславно и безрезультатно. Такимъ образомъ, Византія продолжала служить форпостомъ Запада противъ надвигающагося ислама въ теченіе 6 вѣковъ, и пала она подъ ударами не арабовъ, а совершенно другой народности.

Перемѣны, совершившіяся въ Персіи вслѣдствіе завоеванія арабами, отличались поразительною быстротою,—можно было положительно думать, что онѣ произошли съ быстротою молніи. До кроваваго столкновенія при Кадези—этой «битвы битвъ», продолжавшейся 4 дня.

1) W. M. Ramsay. Geographical Journal, oct. 1903, p. 101.

десятки милліоновъ иранцевъ исповѣдывали маздеистскую вѣру; между тѣмъ, всего лишь нѣсколько лѣтъ спустя всѣ персы, за исключеніемъ единичныхъ общинъ, называли себя уже мусульманами. Такое обращеніе требовалось грубой силой, и предоставлялось на выборъ, либо обратиться въ новую вѣру, либо умереть,—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, элементы менѣе благородные подчинялись, тогда какъ наилучшіе люди были обречены на смерть; такимъ способомъ всегда происходитъ отборъ въ обратномъ направленіи. Люди сильные, люди, обладающіе твердыми убѣжденіями, люди, которые по иранскому выраженію «съ гордостью смотрѣли на гордыхъ», пали въ битвахъ, тогда какъ толпы низкихъ людей, подчинявшіяся приказаніямъ новыхъ властителей, проявляли самое низменное отступничество отъ прежней вѣры и подготовляли династіямъ побѣдителей и деспотовъ многочисленныя поколѣнія рабски приниженныхъ подданныхъ. Послѣ кровавыхъ битвъ прошло много вѣковъ въ полномъ молчаніи и тишинѣ, мысль замерла, и лишь въ поэзіи отражался геній персидской народности.

Послѣднимъ центромъ сопротивленія противъ натиска чужеземцевъ былъ городъ Раи, древняя Рага, которая уже подъ властью Ахеменидовъ представляла собою небольшое независимое жреческое государство, подобное независимому въ наше время Ватикану среди итальянскаго королевства. Тамъ царилъ великій жрецъ, выдававшій себя за намѣстника Зороастра и издававшій вполнѣ мирнымъ порядкомъ религіозныя предписанія своимъ вѣрующимъ. Уваженіе къ прошлому сохранило это церковное государство въ теченіе вѣковъ, несмотря на всѣ политическія измѣненія и завоеванія; однако, ненависть мусульманъ не пощадила и этого послѣдняго оплота. Халедъ осадилъ главнаго жреца въ крѣпости Устунаванъ и взялъ ее приступомъ,—это было послѣднимъ эпизодомъ борьбы иранцевъ за ихъ національность [1]). Царь царей погибъ насильственною смертью въ Мервѣ (651 г.), и сынъ его бѣжалъ и искалъ спасенія у китайскаго императора, тогда какъ войска магометанъ прошли чрезъ весь Иранъ и проникли, съ одной стороны, въ Сеистанъ и Кабулистанъ, съ другой—въ Туркестанъ до Самарканда.

Однако, далеко не всѣ маздеисты были истреблены или обращены въ новую вѣру; нѣкоторые изъ нихъ спаслись въ крѣпости, прятавшейся въ горахъ близъ Іезда, другіе—въ горахъ Хорассана, и бѣглецы наиболѣе счастливые нашли себѣ убѣжище на скалахъ Ормуза и затѣмъ на полуостровѣ Гуджератъ, гдѣ они спрятали свои священныя книги и свой вѣчный огонь, спасенный съ большими трудами отъ нечистыхъ рукъ враговъ. Какъ можно заключить изъ тѣхъ сообщеній о ихъ вѣрѣ,

1) Fr. Lenormant. «Les Origines de l'Histoire», t. II, p. 520.

которыя дѣлали маздеисты,ища гостепріимства, первоначальное ученіе ихъ религіи значительно видоизмѣнилось, и первоначальный смыслъ ихъ обрядовъ былъ имъ самимъ понятенъ лишь на половину. Тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между собою и нравственная стойкость этихъ невольныхъ изганниковъ возвели ихъ вскорѣ на высокую ступень и заставили народности Гуджерата и Конкана относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Когда былъ основанъ Бомбей, «парсы», т.-е. персы, находились уже во главѣ всей торговли этого города, подобно женевцамъ и базельцамъ, бывшимъ также изгнанниками за свои религіозныя вѣрованія и достигшимъ того, что стали во главѣ всей торговли Швейцаріи.

На первый взглядъ можетъ показаться, что географическія условія Ирана не имѣли никакого вліянія на измѣненіе религіозныхъ вѣрованій народностей, однако, все же должно отмѣтить, что персидское магометанство не было тожественнымъ съ таковымъ другихъ народностей, обращенныхъ въ исламъ, и что границы этихъ религіозныхъ ученій почти точно совпадаютъ съ таковыми иранскаго государства. Очертанія персидской имперіи и царства Шіатъ-Али, т.-е. страны, населенной послѣдователями Али, имѣютъ ту же самую форму и то же самое протяженіе. Дѣло въ томъ, что завоеваніе отнюдь не измѣнило народности столь глубоко, какъ это можетъ показаться. Если побѣжденные принуждены принять чужеземную религію, то они дѣлаютъ это всегда лишь для видимости и никогда не воспринимаютъ ее въ той формѣ, которая имъ навязывается; скорѣе въ силу рабства, въ которое они впадаютъ, повторяютъ они чисто-внѣшнимъ образомъ слова и формулы, которыя не имѣютъ для нихъ никакого смысла. Ихъ истинной религіей дѣлается не что иное, какъ скопленіе древнихъ суевѣрій, передѣланныхъ на новый ладъ: мистицизмъ, религіозный экстазъ и вѣра въ волшебство расцвѣтаютъ, религіозные же догматы, введенные только-что насильственнымъ путемъ, остаются въ храмахъ, какъ въ арсеналѣ негодное оружіе.

Впрочемъ, индивидуальность Персіи, какъ географической и исторической единицы, была столь рѣзко очерчена и сказывалась столь сильно, что мусульманская религія страны уже въ силу этого должна была принять новую, національную форму,—всѣ обстоятельства содѣйствовали достиженію такого результата. Халифъ Али, зять и племянникъ пророка, женилъ своего сына Гуссейна на дочери Іездигерда, персидскаго царя, свергнутаго съ трона, и, такимъ образомъ, Персія управлялась династіей, въ которой кровь Магомета была смѣшана съ кровью Сассанидовъ. Однако, позднѣе Гуссейнъ былъ убитъ въ мечети города Куфы, недалеко отъ Евфрата, затѣмъ были умерщвлены, вмѣстѣ со всѣми своими родственниками и друзьями, и оба его сына, являвшіеся представителями въ Персіи національной династіи. Власть перешла въ другія руки, и персы, бывшіе слишкомъ слабыми для того, чтобы возстать,

должны были подчиниться новымъ властителямъ; вокругъ памяти обоихъ убитыхъ дѣтей, Гуссейна и Гассана, сложились, однако, легенды, которыя постепенно видоизмѣнили это ужасное убійство въ нѣкотораго рода

№ 284. Область религіи Шіатъ-Али.

Заштрихованная полоса отмѣчаетъ собственныя границы персидской имперіи, а не предѣлы распространенія религіи Шіатъ-Али. Болѣе точныхъ указаній на различія между направленіемъ границъ этихъ двухъ областей редактору не удалось получить. По картѣ атласа Бергхауса шіиты не распространены на востокъ далѣе 60° дол. отъ Гринв.; персидская сторона Персидскаго залива занята суннитами, на западѣ же шіиты остаются въ границахъ черты, проходящей чрезъ Басру и Гамаданъ (Экбатана).

священное жертвоприношеніе,—событіе это сдѣлалось центромъ новой спеціально персидской формы магометанства. Количество суннитовъ, т.-е. магометанъ, которые подчиняются правиламъ чистой формы религіи, носящимъ названіе «Сунна», быстро уменьшалось, и въ настоящее

время въ Персіи ихъ можно найти лишь среди чужестранцевъ — среди татаръ, курдовъ, арабовъ, белуджистанцевъ, авганцевъ и туркменъ.

По ученію шиитской религіи, Али пользуется такимъ же уваженіемъ и поклоненіемъ вѣрующихъ, какъ Магометъ. Если тесть является пророкомъ, то зять представляется его замѣстителемъ,—онъ въ то же время воплощеніе древняго Джемхида; по вѣрованіямъ нѣкоторыхъ сектъ, онъ даже сынъ Аллаха, сосуществующій съ отцомъ; съ другой стороны, халифъ Омаръ, соперникъ Али, разсматривается персами-шіитами какъ воплощеніе зла,—древняя форма религіознаго дуализма возстановляется снова и воплощается въ лицѣ двухъ враждовавшихъ халифовъ. Многія другія детали религіи и нравовъ иранцевъ напоминаютъ маздеизмъ. Такъ, главнымъ празднествомъ у нихъ остался праздникъ весенняго равноденствія Неврузъ, во время котораго они прославляли Ормузда и Митру. Точно также, если мусульмане-сунниты являются настоящими иконоборцами, то совершенно не таковы персы-шіиты,—у этихъ послѣднихъ имѣются изображенія боговъ въ ихъ домахъ, въ ихъ мечетяхъ, они любятъ рисовать изображенія Али; лишь голова «намѣстника» остается постоянно на ихъ изображеніяхъ закрытой покрываломъ либо по той причинѣ, что казалось немыслимымъ нарушать столь явно запретъ корана, либо потому, что художникъ былъ не въ силахъ изобразить черты столь совершенныя, какъ черты божественнаго Али. Земля, небо и адъ иранцевъ остались населенными тѣми же самыми духами и божествами, какъ ранѣе, 3000 лѣтъ тому назадъ, будто послѣдователи Магомета и не завоевывали вовсе страны и не навязали ей силою меча новыхъ вѣрованій [1]). Наконецъ, до сихъ поръ персы, не рѣшаясь нарушить законъ, запрещающій имъ вступать въ бракъ съ сестрами, какъ то практиковалось ранѣе, согласно ихъ обычаямъ, женятся постоянно на своихъ двоюродныхъ сестрахъ.

Паломникамъ и купцамъ Персіи, которымъ приходится странствовать среди мусульманъ-суннитовъ, необходимо вести себя съ крайнею осторожностью и избѣгать всякихъ оскорбленій, насилій или убійства,—потому о нихъ сложилась репутація какъ о людяхъ чрезвычайно ловкихъ, хитрыхъ и умѣющихъ приспособляться къ обстоятельствамъ. У иранцевъ вполнѣ допускается сказать любую самую наглую ложь, если въ то же время мысленно отъ нея энергично отказаться. Отнюдь не іезуитами былъ изобрѣтенъ способъ оставаться въ мирѣ и въ добромъ согласіи съ Господомъ Богомъ, создавая, такъ сказать, храмъ истины внутри себя и позволяя нечистымъ и лживымъ словамъ порочить уста. Эта добродѣтель приспособленія—необходимое свойство

---

1) James Darmesteter. «Parsi-ism: its Place in History», p. 10.

всѣхъ самолюбивыхъ людей и всѣхъ рабовъ,—она является тѣмъ, что персы называютъ словомъ «ketman»: они чрезвычайно искусно придаютъ въ своей корреспонденціи языку два совершенно различныхъ смысла,—одинъ, предназначенный для постороннихъ, для правительства, для бдительнаго ока полиціи, другой—для пониманія заинтересованныхъ лицъ. Совершенно подобно тому, какъ въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, вплоть до эпохи Возрожденія, писатели старались скрыть свои дѣйствительныя поученія подъ самой невинной внѣшней формой, совершенно такъ же и по тѣмъ же причинамъ писатели Ирана пишутъ одновременно и для невѣжественной толпы и для своихъ посвященныхъ въ тайну учениковъ,—фатальныя условія внѣшней среды дѣлаютъ изъ этихъ осторожныхъ людей удивительныхъ притворщиковъ и лицемѣровъ. Паломники-шииты, отправлявшіеся въ Мекку вмѣстѣ съ убѣжденными суннитами, нерѣдко выдаютъ себя за ярыхъ послѣдователей того самаго Омара, котораго про себя они проклинаютъ какъ генія зла, какъ демона во образѣ человѣческомъ.

Впрочемъ, большинство паломниковъ изъ Ирана, прежде чѣмъ дойти до Каабы, останавливаются, перейдя Тигръ и Евфратъ, чтобы посѣтить священные города Кербеллу и Неджефъ: путешествіе это на половину короче путешествія въ Мекку и считается также заслуживающимъ всяческой похвалы и одобренія; для покойниковъ же это паломничество предназначается по преимуществу. Шіиты воображаютъ, что особая святость этой земли по берегамъ обѣихъ великихъ рѣкъ проистекаетъ отъ того, что тамъ хранятся останки первыхъ мучениковъ ихъ, Гуссейна и его дѣтей,—на самомъ же дѣлѣ они совершенно безсознательно повинуются въ данномъ случаѣ суевѣрію гораздо болѣе древнему, такъ какъ именно въ этой области за много тысячъ лѣтъ до ислама, до христіанства и даже до маздеизма находились уже колоссальные некрополи халдеевъ, некрополи Эрека или «города Книги». Вся эта страна представляетъ собою съ незапамятныхъ временъ грандіозное кладбище, и не удивительно, что та глина, которую выкапываютъ изъ могилъ, вырываемыхъ для покойниковъ, употребляется на священныя лепешки, на кирпичики-фетиши, служащіе амулетами паломникамъ.

Совершенно подобно тому, какъ возстановлялась религіозная индивидуальность Персіи, пыталась возродиться много разъ и индивидуальность политическая. Неоднократно пробовали возникать небольшія независимыя государства, почти всегда находившіяся на значительномъ разстояніи отъ окраинъ высокихъ плоскогорій, такъ какъ въ Месопотаміи могущество халифовъ было слишкомъ велико, чтобы пограничные персы могли мечтать о независимости: возстававшія государства имѣли центромъ своимъ Бухару, Кирманъ, Раи или Рага, невдалекѣ отъ современнаго Тегерана, затѣмъ красивый городъ Нишапуръ и древнюю знаме-

нитую Низею, въ которой греческое преданіе, унаслѣдованное отъ маздеистскихъ миѳовъ, видѣло мѣсто рожденія Діонисія или Вакха. Въ то же время вліяніе завоеванной Персіи сказалось на арабахъ-побѣдителяхъ даже и за предѣлами Ирана. Установлено, что халифы Аббассиды—династія, основавшаяся въ Багдадѣ въ серединѣ VIII вѣка, къ которой принадлежалъ и знаменитый Гарунъ-аль-Рашидъ, — отличалась по своимъ нравамъ и по самому способу управленія многими чертами, сближавшими ихъ скорѣе съ персидскими царями, чѣмъ съ повелителями арабовъ (Э. Ренанъ).

Даже и помимо враждебныхъ столкновеній и войнъ, взаимное вліяніе одной расы на другую совершало великій переворотъ въ мірѣ идей и религіозныхъ воззрѣній, равно какъ и въ правахъ. Такъ, напримѣръ, то отвращеніе, которое питали евреи, ревностные исполнители закона Моисеева, къ нарисованнымъ изображеніямъ, отвращеніе, которое отъ нихъ передалось и мусульманамъ, сообщилось, въ концѣ концовъ, половинѣ христіанъ и сдѣлалось одною изъ дѣйствительнѣйшихъ причинъ столкновеній, недоразумѣній и войнъ. Въ теченіе всего VIII вѣка отдѣльныя семьи, отдѣльныя провинціи и отдѣльныя государства дѣлились на двѣ непримиримо враждующія партіи—на «иконопочитателей» и «иконоборцевъ». Если изъ состава Восточной имперіи выдѣлились румыны, перешедшіе на сторону ломбардцевъ, то, главнымъ образомъ, потому, что они предпочли скорѣе измѣнить своему государству, чѣмъ оставить совершавшееся по обычаю поклоненіе предъ статуями и иконами святыхъ. Иконоборцы въ Восточной имперіи играли главную роль въ теченіе цѣлаго столѣтія, и лишь затѣмъ одна изъ императрицъ Византіи рѣшилась вернуться къ древнимъ обычаямъ. Впрочемъ, сами иконоборцы, столь гордившіеся тѣмъ, что низвергли изображенія, которыя казались имъ нечестивыми, все же не совсѣмъ отказались отъ матеріальныхъ знаковъ и символовъ своей внутренней вѣры, и, напримѣръ, самые ярые мусульмане продолжали чтить символическія изображенія, знамена пророка, плащи его и зеленыя таблицы.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что древніе религіозные культы подъ покровомъ культовъ новыхъ все же не утрачивали жизненности даже у наиболѣе фанатичныхъ и горячихъ приверженцевъ той или другой религіи. Нѣтъ ни одного божества, нѣтъ ни одного духа-покровителя, который не сохранился бы въ обрядахъ и въ поклоненіи народа, несмотря на всѣ проклятія, сыпавшіяся на головы почитателей языческихъ божествъ со стороны священнослужителей и вѣрующихъ; даже болѣе,— священнослужителямъ приходится невольно принимать участіе въ церемоніяхъ, устраиваемыхъ въ честь древнихъ боговъ! Народныя вѣрованія проникаютъ иногда даже послѣдовательно чрезъ нѣсколько оффиціальныхъ религій, не испытывая глубокихъ измѣненій. Такимъ обра-

зомъ, напримѣръ, въ городѣ Тирѣ до сихъ поръ справляется праздникъ св. Меклара, имя котораго тожественно съ таковымъ древняго Геркулеса Мелькарта: однимъ изъ сохранившихся съ древнѣйшихъ временъ мѣстныхъ обычаевъ является—идти въ этотъ день ловить раковины пурпурницъ (Murex brandarius) на восточномъ берегу острова, въ той мѣстности, гдѣ въ прежнія времена возвышался финикійскій храмъ этого ужаснаго божества.[1]).

Іерусалимъ. Мечеть Омара и судилище царя Давида.

Вслѣдъ за побѣдами, одержанными исламомъ въ Азіи, въ Иранѣ, послѣдовали побѣды его въ сѣверной Африкѣ. Еще до эпохи распространенія ислама, во времена римлянъ, арабы Аравійскаго полуострова, племя луата или руалдитовъ, захватили Мавританію, и въ теченіе второго послѣ Геджры поколѣнія магометанамъ оставалось лишь послѣдовать по стопамъ своихъ соотечественниковъ-язычниковъ [2]). Въ концѣ VII вѣка, пользуясь перерывомъ враждебныхъ отношеній съ Константи-

1) Socim;—Conder. «Survey of Western Palestine».—2) Tauxier. Revue Africaine;—Keane. «Man past and present», p. 472.

нополемъ и перерывомъ въ междоусобной борьбѣ военачальниковъ, стремившихся сдѣлаться халифами [1]), арабскія полчища проникли внутрь страны и достигли вскорѣ Магреба, т.-е. крайняго запада, современнаго Марокко,—кони ихъ искупались въ волнахъ Атлантическаго океана. Въ томъ году, который предшествовалъ концу столѣтія, они завладѣли Карѳагеномъ, который снова сдѣлался столицей страны: съ этой эпохи начинается окончательное паденіе этого знаменитаго города, его замѣстителемъ явился сосѣдній городъ Тунисъ. Большинство христіанъ было умерщвлено; однако, значительное количество ихъ спаслось все же на островъ Пантеллярія, гдѣ они могли жить въ безопасности въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ,—наконецъ, флотилія арабовъ разыскала ихъ и въ этомъ убѣжищѣ, и, говорятъ, истреблены они были безъ остатка: «прибрежный песокъ смѣшался съ костями ихъ». Повидимому, и евреи находились среди тѣхъ обитателей Мавританіи, которые оказывали сопротивленіе завоеванію страны арабами. Бо́льшею частью эти евреи были, какъ думаютъ, потомками племени бени-израэль, плѣнниками или ремесленниками, которые сопровождали финикіянъ, когда тѣ основали Карѳагенъ; они затѣмъ сдѣлались осѣдлыми мѣстными жителями, позднѣе же сохранились какъ подъ властью римлянъ, такъ и подъ властью вандаловъ и византійцевъ и занимались все время активной пропагандой своего религіознаго ученія. Легенда, къ которой слѣдуетъ, впрочемъ, относиться съ нѣкоторою осторожностью, разсказываетъ, что еврейская царица Кахина собрала вокругъ себя берберійскія племена южнаго Туниса и даже грековъ и оказывала энергичное сопротивленіе арабамъ въ теченіе 10 лѣтъ; она три года выдерживала осаду въ обширномъ амфитеатрѣ Эльджемъ, который былъ превращенъ ею въ сильную крѣпость и нерѣдко позднѣе упоминается подъ наименованіемъ Казръ-эль-Кахина, т.-е. «театръ жрицы» [2]).

Само собою разумѣется, что завоеваніе береговъ Средиземнаго моря являлось гораздо болѣе заманчивымъ, чѣмъ завоеваніе областей болѣе сухихъ и бѣдныхъ внутренней части страны. Въ силу того, замѣчается въ высшей степени курьезное историческое явленіе,—именно постепенное оттѣсненіе христіанскихъ народностей отъ морского побережья въ глубину страны. Тогда какъ арабы, сильно торопившіеся съ завоеваніемъ страны, продолжали свое движеніе на западъ, обитатели страны, назаряне, вполнѣ благоразумно подвигались по направленію къ пустынѣ. Такимъ образомъ, изъ Египта христіанство поднялось по направленію къ верхней Нубіи и завоевало тамъ область еще болѣе

1) L. von Ranke. «Weltgeschichte», V Theil, erste Abtheilung, p. 197. — 2) H. Barth. «Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres».

обширную, чѣмъ низовья долины Нила. Около 1000 г. городъ Хартумъ сдѣлался столицей христіанской религіи въ бассейнѣ верхняго Нила, и разсказываютъ, что церкви его были чрезвычайно богаты золотомъ и другими драгоцѣнностями. Послѣдній христіанскій властитель Нубіи жилъ въ XV вѣкѣ, но еще и 200 лѣтъ спустя христіанскія общины насчитывались въ этой странѣ сотнями; нѣкоторыя изъ нихъ существо-

Бискра. Пустыня и оазисъ.

вали даже въ концѣ XIX вѣка: еще въ 1886 г. одинъ изъ епископовъ Хартума, испуганный завоеваніями махдистовъ, распустилъ свою церковь, и послѣдніе изъ вѣрующихъ спаслись бѣгствомъ въ Нижній Египетъ [1]).

Совершенно такимъ же образомъ и римское вліяніе, принадлежавшее наиболѣе культурнымъ элементамъ Мавританскаго побережья, было оттиснуто вторженіемъ арабовъ къ югу и въ силу того сказывалось еще въ началѣ X вѣка въ самой серединѣ Сахары, такъ какъ городъ Сиддрата, основанный въ эту эпоху бѣглецами-берберійцами, не представляетъ ни по своей архитектурѣ, ни по украшенію своихъ зданій ничего,

1) M. Butcher, Revue des Revues, 1 juillet 1900, p. 105.

далѣе къ югу, путь, идущій по оазисамъ между Сиртомъ Габеса и мароккскимъ городомъ Драа, позволяетъ путнику пройти вдоль южнаго основанія обширнаго острова Мавританіи съ ея горными массивами, къ которымъ относятся горы Аурееъ и Амуръ. Эти естественные пути являются въ то же время и путями для народовъ и различныхъ цивилизацій. Величайшими входными вратами была во всѣ времена та вы-

Берберійская деревня въ странѣ кабиловъ.

рѣзка побережья, которая располагается между Карѳагеномъ и мысомъ Бонъ или Расъ-Аддаръ. Въ этомъ мѣстѣ соединяются всѣ преимущества географическаго положенія: близость суживающагося здѣсь моря, по которому должны приходить корабли, направляющіеся изъ западнаго средиземноморского бассейна или обратно, превосходство условій торговли, вслѣдствіе положенія на углу континента, изрѣзанность берега, обиліе плодородныхъ мѣстностей, наконецъ, превосходный путь, ведущій внутрь страны по долинѣ Меджерда.

Въ теченіе короткаго періода исторіи очень многія народности пользовались этими путями, столь легко доступными со стороны востока. Туземный элементъ населенія состоитъ изъ берберійцевъ, кабиловъ горъ, туареговъ пустыни, земледѣльцевъ, пастуховъ, торговцевъ или разбой-

никовъ, въ зависимости отъ того, къ какому занятію предопредѣлили ихъ климатъ и мѣстныя условія; къ этому первоначальному фону примѣша-

№ 285. Мавританія и Сахара.

1 : 20 000 000

0 500 1000 килом.

Въ началѣ XX вѣка не было еще колеснаго пути вдоль набережной Алжира. На этой картѣ нанесены желѣзныя дороги, которыя, однако, нигдѣ не идутъ вдоль берега моря.

лись, однако, и многіе другіе представители иныхъ расъ. Разсказы «Одиссеи», сложившіеся болѣе 3000 лѣтъ тому назадъ, свидѣтельствуютъ

уже о томъ, что греческіе мореплаватели посѣщали эти острова побережья Сиртовъ, чтобы попробовать тамъ миѳическаго лотоса, заставляющаго забыть отечество. Гораздо болѣе могущественно и болѣе продолжительно, чѣмъ вліяніе греческой культуры, было, однако, въ этомъ африканскомъ мірѣ вліяніе пунической цивилизаціи, центромъ которой былъ Карѳагенъ; затѣмъ римляне, роадиты, вандалы, наконецъ, снова греки добавили опять различные этническіе элементы къ той пестрой смѣси народовъ, которая обитала уже въ этой странѣ. Въ свой чередъ, появились арабы-мусульмане, воители и пастухи, ворвавшіеся въ Мавританію неудержимымъ потокомъ; они заняли тѣ части страны, тѣ долины и плоскогорія, которыя были пригодны для пастьбы ихъ овечьихъ стадъ и ихъ верблюдовъ; они завоевали и увлекли въ своемъ движеніи берберійцевъ, которые по существу не отличаются отъ нихъ ни единымъ признакомъ (А. Бенаръ), увлекли и другихъ обитателей страны. Это первое вторженіе арабовъ-завоевателей имѣло значеніе не столько въ смыслѣ численности послѣднихъ, сколько оказало колоссальное вліяніе на политическое равновѣсіе: оно отдало весь сѣверъ Африки въ руки мусульманъ.

На Иберійскомъ полуостровѣ династія визиготовъ казалась упроченной и окончательно установившейся,—католическая религія обусловила единство вѣры въ странѣ: послѣ того, какъ она одержала побѣду надъ аріанствомъ, въ ней началъ, однако, обнаруживаться длинный рядъ обратныхъ теченій мысли, что привело послѣдовательно къ истребленію альбигойцевъ, къ умерщвленію вальденцевъ и къ продолжительнымъ севеннскимъ войнамъ [1]). Естественная грань, образуемая вратами Геркулеса, казалась достаточною защитою противъ арабовъ,—но послѣдніе владѣли моремъ, и около 680 года ихъ морскіе разбойники неоднократно отваживались нападать на побережья въ окрестностяхъ Валенціи. Наконецъ, въ 710 г. проступки, совершенные самими королями, и измѣна одного изъ князей дали арабамъ приличный поводъ къ нападенію, и 5000 мусульманъ, среди которыхъ находились воины, принадлежавшіе къ семьямъ «защитниковъ Медины»,—эта спеціальная гвардія Магомета,—высадились у подножія скалы, которая съ того времени, по имени ихъ вождя, стала называться Джебель-Тарикъ или Гибралтаръ [2]). Великое сраженіе, данное вблизи Хереса, было столь рѣшительнымъ, что сразу вся Испанія оказалась завоеванной. Тогда какъ другіе вое-

1) Fr. Schrader. Revue de l'Ecole d'Antropologie, 1898.—2) R. Dozy. «Histoire des Musulmans d'Espagne».

начальники Тарика завладѣли Кордовой и другими городами Андалузiи, самъ онъ двинулся на сѣверъ и дошелъ до Дижона въ Астурiи, на берегахъ Бискайскаго залива. Къ югу отъ стѣны Пиренеевъ всѣ визиготскiя или туземныя народности были покорены и подпали подъ власть халифовъ Сирiи,—за исключенiемъ аррагонскихъ пещеръ Собрарбы и астурiйскихъ—Ковадонги, на всемъ полуостровѣ Испанiи имѣлись лишь подданные, трепетавшiе предъ распространителями ислама.

Альгамбра Гренады.—Общiй видъ на дворикъ львовъ.

Исторiя владычества мавровъ въ этой странѣ можетъ быть раздѣлена на два перiода: перiодъ завоеванiя, который продолжался 15 мѣсяцевъ, и перiодъ обратнаго отвоеванiя полуострова христiанами, который длился въ теченiе 8 вѣковъ. По даннымъ Ранке, арабы высадились въ Гибралтарѣ 30 апрѣля 711 г. и дали сраженiе при Xересѣ 25 iюля того же самаго года. Въ 718 г. испанцы впервые разбили войска сарраценовъ при Ковадонгѣ; окончательнымъ же актомъ этой борьбы явилось взятiе Гренады въ 1492 г.

При взглядѣ съ птичьяго полета можетъ показаться, что мы видимъ предъ собою просто быстро охватившую страну волну прилива и вслѣдъ за нею медленный и продолжительный отливъ; однако, послѣ

того, какъ въ ней побыли чужеземцы-мусульмане, Испанія оказалась совершенно переродившейся. Глубокое вліяніе арабовъ на нравы и на образъ мыслей, равно какъ и на самый физическій характеръ народности,

№ 286. Карта распредѣленія арабскихъ названій въ Испаніи.

По картамъ Испаніи изъ атласа Штилера (масшт. 1 : 1500000) здѣсь нанесены всѣ мѣстности, рѣки, горы, хребты и области, названія которыхъ начинаются со слоговъ Al, El, Guada, Djebel, за исключеніемъ тѣхъ, которыя происходятъ несомнѣнно не отъ арабскихъ словъ, въ родѣ Altos или Elenas.

сохранилось чувствительнѣйшимъ образомъ; типъ лица, формы тѣла, образъ жизни по ту и по другую сторону Гибралтарскаго пролива обнаруживаютъ поразительное сходство. Андалузскія дома, также какъ и дома

обитателей Востока, открываются окнами и дверями внутрь, во дворъ; испанскій языкъ содержитъ еще и до настоящаго времени болѣе 2000 арабскихъ словъ,—ихъ значительно больше, чѣмъ германскихъ корней,

№ 287. Орографія Испаніи.

принесенныхъ сюда визиготами; притомъ къ семитическому элементу въ запасѣ словъ кастильцевъ относятся слова наиболѣе важныя съ точки зрѣнія промышленнаго и духовнаго развитія,—это указываетъ на то, что періодъ проникновенія данныхъ словъ былъ періодомъ великаго прогресса труда и мысли. Самая страна носитъ на себѣ очевидные слѣды древняго арабскаго владычества, такъ какъ горы, ручьи и рѣки въ значительной степени обозначаются наименованіями, которыя имъ дали восточные завоеватели: въ Испаніи насчитывается 449 «ayuntamientos»

или общинъ, мавританское наименованіе которыхъ начинается со слога al или el [1]), и если пропорція не является еще болѣе значительной, то это только потому, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ Кастиліи, всѣ селенія арабовъ были стерты съ лица земли христіанами; позднѣе инквизиція исправила огнемъ и мечомъ прежнюю географію Испаніи.

Отдаленность времени придаетъ извѣстную однородность всей исторіи мавровъ въ Испаніи, въ частности же замѣчается лишь хаотическое чередованіе непрерывныхъ войнъ между мусульманами и христіанами, между христіанами и другими христіанами и, наконецъ, между мусульманами и мусульманами, въ особенности между различными колѣнами ихъ, напр., между іеменитами и племенами Неджда,—существовавшая ранѣе ненависть между отдѣльными племенами и расовая вражда не затихли [2]). Самое орографическое строеніе Иберійскаго полуострова, чрезвычайно благопріятствующее установленію на немъ федераціи изъ отдѣльныхъ осѣдлыхъ народовъ, дѣлало затруднительнымъ образованіе единаго централизованнаго государства,—въ то же время какъ христіане, такъ и мусульмане стремились создать въ Испаніи именно такое государство, основанное на полномъ господствѣ ихъ вѣры. Естественная расчлененность поверхности страны содѣйствовала распаденію ея на отдѣльныя политическія единицы, имѣвшія между собой лишь слабую связь. Южный склонъ прибрежныхъ горъ въ южной части страны и въ Сьерра-Невадѣ образуетъ первую изъ такихъ отдѣльныхъ областей. Богатая Андалузія является также обширнымъ бассейномъ, представляющимъ хорошо обособленную географическую единицу; она разбивается, однако, въ свою очередь, на второстепенные отдѣлы, благодаря огромной длинѣ своей и относительно малой ширинѣ. Далѣе область Гренады, за исключеніемъ западной стороны, столь же хорошо отграничена амфитеатромъ горъ и холмовъ и представляетъ собою территорію, весьма легко превращающуюся въ замкнутое политическое цѣлое. Къ сѣверу отъ Сьерра-Морена области Эстрамадура и Ламанча являются также отдѣльными, рѣзко обособленными индивидуальностями, подобно тому, какъ и Мурсія и Валенція на побережьѣ Средиземнаго моря. Наконецъ, во всей остальной части Иберійскаго полуострова впадины, находящіяся между высоко поднятыми массивами плоскогорій, отмѣчаютъ каждая особую область, предуказанную самой природой, какъ отдѣльное политическое цѣлое. Въ общемъ колоссальный циркъ, замыкаемый Пиренеями, представляетъ благопріятное расположеніе частей скорѣе для тѣхъ, кто занимаетъ его сѣверныя части, т.-е. для христіанъ. Эти послѣдніе располагали всѣми преимуществами рельефа, такъ какъ общій наклонъ страны

1) Compeyrans, Bulletin de la Soc. Geogr. de Madrid, 1881.—2) R. Dozy. «Histoire des Musulmans d'Espagne».

направленъ къ югу: въ своихъ горахъ они находили постоянно вполнѣ надежный базисъ для отступленія, тогда какъ мусульмане, отступая изъ одной равнины въ другую, находили защиту лишь за такими цѣпями горъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, легко обойти съ обѣихъ сторонъ.

№ 288. Раздѣленіе Испаніи въ XI вѣкѣ.

Владѣніями христіанскихъ князей были три обширныхъ королевства сѣверо-запада Испаніи (Галиція и Португалія, Леонъ и Кастилія). Наварра и долина басковъ, наконецъ, маленькія княжества, примыкающія къ Пиренеямъ. Другія области (болѣе 12-ти) находились всѣ въ рукахъ мавровъ.

Тѣмъ не менѣе, сила перваго натиска была столь велика, что въ теченіе первой половины столѣтія господства арабовъ въ Испаніи они перешли даже за Пиренеи и проникли въ Галлію. Честолюбивые за-

мыслы ихъ заходили и еще далѣе: арабы собирались послѣдовать по стопамъ Ганнибала, проповѣдывать истиннаго Бога съ высотъ Ватикана, проникнуть затѣмъ до Константинополя и вернуться въ Дамаскъ, чтобы сложить тамъ свои мечи у подножія трона халифовъ [1]). Однако, внутреннія ихъ несогласія уничтожили то превосходство въ силахъ, которымъ они обладали сначала. Главными врагами мавровъ были визиготы, которыхъ они лишили власти въ Испаніи; перейдя восточныя Пиренеи переваломъ Пертусъ или Бельгардъ, мавры завладѣли южной Септиманіей, принадлежавшей къ царству готовъ. Они утвердились затѣмъ въ Нарбоннѣ и дошли, съ одной стороны, до Каркассона и Тулузы, тогда какъ съ другой—послѣдовали по историческому пути отъ Оды до Роны и отъ Прованса до Бургони,—ихъ вскорѣ увидѣли подъ стѣнами Отёна. Однако, полчища мусульманъ, отошедшія слишкомъ далеко отъ плотнаго ядра своихъ вооруженныхъ силъ, находившагося въ Испаніи, принуждены были существовать лишь грабежомъ и не могли, такъ сказать, удержаться на воздухѣ, когда линія сообщеній ихъ была перерѣзана въ долинѣ Оды войскомъ герцога Аквитанскаго,—полчища эти были принуждены перейти обратно за Пиренеи. При второй попыткѣ, сдѣланной арабами, они завладѣли Серданемъ и снова распространились направо и налѣво; на востокѣ они заняли средиземноморское побережье, завладѣли городомъ Арлемъ, затѣмъ направились на сѣверъ по долинѣ Роны и Соны и спустились до Санса въ бассейнъ Сены; на западѣ, чтобы проникнуть въ долину Гаронны, захватить проходы по рѣкамъ къ сѣверу отъ Аквитаніи, они направились по историческому пути Шаранты и Луары. На этотъ разъ арабы проникли до Тура, и здѣсь произошло величайшее столкновеніе между обѣими расами, между обѣими религіями и обѣими цивилизаціями, которыя были представлены, съ одной стороны, войскомъ Абдъ-эръ-Рахмана, съ другой—арміей Карла Мартелла. Битва разыгралась на невысокихъ плоскогоріяхъ Сенъ-Мора—мѣсто это носило названіе еще до вторженія арабовъ—между Туромъ и Пуатье, на томъ перешейкѣ народовъ, который самой географической средой былъ предуказанъ для встрѣчи обитателей сѣвера съ обитателями юга.

Сраженіе было самое ожесточенное, и пораженіе мавровъ было ужасно (752 г.),—они сразу потеряли Аквитанію и всю юго-западную часть Галліи; потомками ихъ здѣсь являются въ настоящее время лишь потомки бѣглецовъ, прятавшихся въ болотахъ побережья и поторопившихся принять вѣру побѣдителей. По берегамъ Средиземнаго моря борьба продолжалась дольше, и лишь семь лѣтъ спустя послѣ рѣшающаго сраженія при Сенъ-Морѣ франкамъ подъ начальствомъ Карла Мартелла,

1) Draper. «Histoire des Conflits entre la Science et la Religion», trad. franç., p. 69.

въ союзѣ съ лангобардами подъ начальствомъ Луитпранда, удалось оттѣснить мавровъ изъ Прованса и Лангедока. Впрочемъ, отдѣльныя

№ 289. Вторженія арабовъ во Францію.

шайки ихъ оставались еще хозяевами сильно укрѣпленныхъ замковъ и горныхъ массивовъ, образующихъ естественныя крѣпости. Они долгое время владѣли тѣмъ покрытымъ лѣсомъ хребтомъ, который называется и до сихъ поръ «Горами Мавровъ», и съ находящагося на вершинѣ гребня города Фраксинатумъ, теперешняго Гардъ-Френэ или «Ясеневаго

замка», господствовали надъ населеніемъ окрестныхъ округовъ; болѣе 80 лѣтъ (890—973) у нихъ былъ здѣсь главный складъ добычи, получаемой во время разбойничьихъ набѣговъ, которые они дѣлали на сосѣднія горныя области, доходя до Валезской Швейцаріи,—въ этой области о пребываніи арабовъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, находящаяся тамъ гора Монте-Морро. Около 945 г. мавры владѣли еще Греноблемъ и богатой долиной Грезиводана, мѣстные жители ихъ называли «саррацинами». Они чувствовали себя тамъ совсѣмъ какъ у себя дома, занимались воздѣлываніемъ земли, женились на дѣвушкахъ мѣстной страны, вступали въ союзъ съ князьями-христіанами окрестностей, и лишь въ 960 г., какъ гласитъ преданіе, ихъ прогнали съ Большого Сенъ-Бернарскаго перевала и оттѣснили на югъ. Безъ сомнѣнія, до сихъ поръ въ области Альповъ и въ Провансѣ имѣется не мало потомковъ, являющихся результатомъ скрещиванія съ этими арабскими и берберійскими завоевателями [1]).

Историки-католики находятся въ большомъ затрудненіи по отношенію къ личности Карла Мартелла, такъ какъ имъ приходится прославлять его дѣятельность, осуждая жестоко его самого,—герой этотъ рѣшился наложить свою руку на церковныя имущества и ограбилъ церкви; потому-то и разсказываютъ, что дьяволъ тотчасъ же послѣ его смерти завладѣлъ его трупомъ и унесъ его, а изъ могилы его вылѣзла змѣя. Значеніе событій, съ которыми связано его имя, обыкновенно, впрочемъ, преувеличивается. Оффиціальные историки любятъ сравнивать сраженіе при Сенъ-Морѣ съ Мараѳонской битвой: побѣда христіанъ надъ арабами, по ихъ словамъ, является столь же важнымъ и не менѣе счастливымъ событіемъ, какъ побѣда грековъ надъ персами, одержанная 12 вѣковъ передъ тѣмъ. Чтобы выяснить, однако, это историческое событіе нелицепріятно, слѣдуетъ опредѣлить прежде всего, на какой сторонѣ находились носители свѣточа науки и искусства. Говоря съ самой общей точки зрѣнія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что магометанство не принесло съ собою такого презрѣнія къ знанію, какое съ самаго начала своего обнаруживала религія Христа. Эта ненависть къ знанію обусловливалась, конечно, тѣмъ, что ученики Іисуса Христа и апостола Павла должны были съ самаго начала вести борьбу съ теологами и философами, причемъ сами они были вооружены лишь священнымъ писаніемъ, тогда какъ противники ихъ превосходно знали древнюю литературу и умѣли вести споръ со всѣмъ искусствомъ тонкой діалектики. Христіанамъ приходилось предавать науку проклятію, такъ какъ въ ней они видѣли главнаго врага и постоянно должны были страдать отъ злыхъ насмѣ-

---

1) J. T. Reinaud. «Invasion des Sarrazins en France».

шекъ ученыхъ. Съ другой стороны, магометане Аравіи были менѣе невѣжественны, чѣмъ ихъ непосредственные сосѣди—языческія племена пустыни: благодаря бесѣдамъ, которыя имъ приходилось часто имѣть съ несторіанами и евреями, они были людьми наиболѣе образованными и наиболѣе опытными въ веденіи споровъ на всемъ полуостровѣ Аравіи. Имъ не приходилось предавать такому проклятію науку, какъ то

№ 290. Хребетъ «Горъ Мавровъ».

дѣлало нарождающееся христіанство: несмотря на то, что они видѣли въ научныхъ занятіяхъ времяпрепровожденіе мало достойное, такъ какъ скорѣе это время должно бы быть использовано для спасенія души, они не заходили все же такъ далеко, чтобы не одобрять или запрещать исканіе научныхъ истинъ. Самъ пророкъ высказывалъ въ этомъ отношеніи мысли, заслуживающія вниманія: «старайтесь овладѣть наукой—говорилъ онъ своимъ ученикамъ,—хотя бы вамъ пришлось за нею слѣдовать до Китая». Въ другомъ случаѣ онъ такъ поучалъ вѣрующаго: «трудись на землѣ, чтобы завоевать знаніе и блага земныя, какъ если бы тебѣ пришлось жить вѣчно, и направляй всѣ твои поступки, имѣя въ виду будущую жизнь, какъ если бы тебѣ пришлось умереть завтра». Конечно,

существованіе въ будущемъ мірѣ считалось болѣе цѣннымъ, но и сокровища жизни настоящей и въ томъ числѣ наука, столь презиравшаяся христіанами, были также у мусульманъ въ большомъ почетѣ.

Несмотря на непрерывныя войны, которыя арабамъ приходилось вести въ Испаніи съ христіанами, укрѣпившимися въ сѣверныхъ горныхъ хребтахъ, и несмотря на кровавое соперничество, разъединявшее тѣхъ и другихъ, главнымъ образомъ, изъ-за наслѣдственной родовой

Видъ перевала Пертюи и замка Белльгардъ, гдѣ находится главный Руссильонскій проходъ, ведущій въ Испанію.

ненависти между семьями, эпоха владычества арабовъ была, безъ сомнѣнія, историческимъ періодомъ, въ теченіе котораго Испанія являлась наиболѣе свободной и наилучшимъ образомъ развивала свои духовныя силы. Достаточно пересѣчь полуостровъ, даже не разспрашивая его жителей и не ознакомляясь съ его литературой, чтобы убѣдиться по великолѣпію развалинъ, по грандіозности древнихъ каналовъ и другихъ сооруженій, что благосостояніе Испаніи, основывавшееся на трудѣ и относительномъ мирѣ въ теченіе владычества мавровъ, было несравненно выше того, чѣмъ оно сдѣлалось позже, и что тріумфъ католицизма означалъ для страны огромный шагъ назадъ. Съ одной стороны, заботы объ орошеніи, съ другой—царство инквизиціи,—таковъ поразительный кон-

трастъ обѣихъ эпохъ. По описаніямъ авторовъ, цитируемымъ Драперомъ [1]), Андалузія въ X вѣкѣ, въ царствованіе халифа Халема, была страной, наилучше обработанной въ мірѣ, и пользовалась наибольшимъ благосостояніемъ. Религіозная терпимость была полная, и ученые евреи, христіане и даже атеисты сходились безъ всякой опасности съ мусульманскими учеными для того, чтобы совмѣстными усиліями искать истину. Анархическій духъ арабовъ проявлялся въ полной свободѣ выраженія мысли,—не было ни слѣда того постояннаго шпіонства за мыслями

Магелонна. Церковь св. Петра.

подданныхъ, того вѣчнаго надзора за письменными произведеніями, какой дѣлалъ изъ Константинополя настоящую темницу.

Въ эту эпоху развитія науки подъ вліяніемъ относительной свободы, принесенной арабами, самъ полуостровъ Аравіи принималъ лишь очень слабое участіе въ поддержаніи духовнаго авторитета надъ народами, исповѣдующими исламъ; арабскія племена, лишенныя въ теченіе многихъ поколѣній наиболѣе энергичныхъ дѣятелей, мало интересовались тѣмъ, что было ими создано. Однако, центры труда и энергичной дѣятельности создавались повсюду среди мусульманскаго міра, отъ Севильи до Самарканда, и благодаря соприкосновенію съ мусульманами возникали и въ прилежащихъ странахъ, населенныхъ христіанами. Такимъ обра-

1) Draper. «Histoire des Conflits de la Science et de la Religion».

зомъ, арабы—«мавры» или «сарацины», какъ ихъ различно называли— оказывали сильное вліяніе и на ходъ мирнаго культурнаго развитія странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Пиренеевъ.

На одной изъ лагунъ, которыя тянутся вдоль выгнутаго полукругомъ средиземноморскаго побережья между Одой и Роной, возвышается базальтовый островокъ, увѣнчанный мрачною руиною, выдѣляющеюся черным пятномъ на свѣтломъ фонѣ моря и неба. Это — развалины Магелонны,—воспоминаніе объ одномъ изъ древнихъ портовъ Галліи; чрезъ этотъ портъ проникала культура арабовъ, совершенно такъ же, какъ въ предшествовавшія времена въ предѣлахъ той же самой мѣстности проникала культура финикіянъ чрезъ укрѣпленный городъ Магало. Когда Карлъ Мартеллъ, побѣдитель саррациновъ въ битвѣ при Пуатье, оттѣснилъ ихъ къ подножію Пиренеевъ, онъ напалъ на Магелонну, занятую еще арабами; послѣдніе являлись властителями столь терпимыми, что въ стѣнахъ города оставили христіанскаго епископа и большое количество католиковъ, тогда какъ, съ другой стороны, тамъ же находили себѣ пріютъ люди науки, поэты и опытные ремесленники. Сѣверный варваръ истребилъ все населеніе города за исключеніемъ христіанъ, разрушилъ самый городъ и перевелъ съ острова на континентъ всѣхъ исповѣдывавшихъ католическую вѣру. Новый возникшій здѣсь городъ Субстанціонъ (Секстанціо) былъ все же нѣсколько арабскимъ и по нравамъ и по любви къ наукѣ и сдѣлался колыбелью той высоко развитой общины, которая позднѣе основала по другую сторону рѣки Леза городъ ученыхъ, Монпелье, гдѣ возникла первая высшая школа Франціи, и было такъ много чужеземныхъ профессоровъ, католиковъ, евреевъ, еретиковъ и вольнодумцевъ. Позднѣе была сдѣлана попытка возстановить Магелонну и устроить тамъ мѣстопребываніе епископа; къ этому времени относятся и тѣ постройки, которыя въ видѣ развалинъ возвышаются тамъ теперь надъ водами и кустарниками; однако, городъ, покинутый людьми, сталъ необитаемъ вслѣдствіе лихорадокъ, свирѣпствующихъ на этомъ болотистомъ побережьѣ. Тѣмъ не менѣе, Магелонна арабовъ должна считаться матерью современнаго французскаго Монпелье, и наша нынѣшняя наука должна видѣть въ развалинахъ ея реликвіи одного изъ своихъ древнихъ священныхъ городовъ.

Великіе столичные центры магометанскаго міра, которые съ окончаніемъ періода ихъ славы обѣднѣли и лишились своего населенія, были еще болѣе, чѣмъ Римъ и Византія въ прежнія времена, центрами духовной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи совершилось обратное движеніе цивилизаціи по направленію къ югу и къ востоку,—до сихъ поръ ходъ цивилизаціи былъ направленъ на западъ и на сѣверъ. Города Каиръ, Дамаскъ, Багдадъ были, безъ сомнѣнія, центрами, гдѣ чаще

всего встрѣчались люди, жаждущіе знаній и науки. Правда, при самомъ началѣ распространенія ислама, невѣжественный и грубый халифъ Омаръ, вѣровавшій лишь въ слова Магомета и отказывавшійся признавать что-либо другое, обнаружилъ полное презрѣніе къ наукѣ, равно какъ и очень

Внутренность мечети въ Кордовѣ.

мало проявлялъ старанія сдѣлать жизнь пріятною. Онъ спалъ нерѣдко ночью на ступеняхъ мечети вмѣстѣ съ носильщиками и погонщиками верблюдовъ, и всю его кухню составляли кувшинъ и миска; точно также единственнымъ признававшимся имъ произведеніемъ науки и искусства былъ Коранъ; большинство историковъ относится съ полнымъ довѣріемъ

къ разсказу отъ отвѣтѣ, данномъ имъ полководцу Амру, на вопросъ, что дѣлать съ жалкими остатками, сохранившимися отъ библіотеки Александріи,—«если произведенія, хранящіяся тамъ, подтверждаютъ Коранъ, они безполезны, если же они противорѣчатъ ему, они вредны, потому, во всякомъ случаѣ, уничтожь ихъ». И пергаменты библіотеки служили, дѣйствительно, въ теченіе 6 мѣсяцевъ,—вѣроятно, вмѣстѣ съ другими горючими матеріалами, такъ какъ пергаментъ горитъ плохо,— на отопленіе бань Александріи [1]). Однако, примѣръ этотъ является совершенно единичнымъ въ исторіи ислама и, напротивъ, можно привести тысячи другихъ примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ о крайне заботливомъ отношеніи мусульманъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Даже свободная мысль имѣла между ними своихъ поборниковъ: на ряду со всѣми защитниками вѣры, правовѣрными и еретиками, мы находимъ также и философовъ и поэтовъ, которые поддерживали полную независимость въ своихъ сужденіяхъ,—они поднимаются какъ гордыя скалы надъ поверхностью водъ.

Во всѣхъ городахъ, завоеванныхъ сарраципской культурой, одной изъ важныхъ заботъ было основывать библіотеку и накоплять въ ней возможно большее количество книгъ. Библіотека Кордовы состояла изъ 600000 великолѣпно переплетенныхъ томовъ и была гордостью этого города; кромѣ нея, въ мусульманской Испаніи было еще 70 общественныхъ библіотекъ и огромное число частныхъ книгохранилищъ. Каиръ и Дамаскъ были столь же богаты книгами, которыя даже давались на время учащимся. По одному изъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ халифомъ Аль-Мамуномъ съ императоромъ византійскимъ Михаиломъ III, халифъ получилъ отъ императора величайшую библіотеку восточной римской имперіи, и именно въ этой библіотекѣ арабскіе ученые нашли трактатъ Птоломея по небесной механикѣ, который получилъ такое огромное значеніе въ средневѣковой наукѣ подъ курьезнымъ греко-арабскимъ названіемъ Альмагеста [2]). Ученые молодыхъ восточныхъ народностей набросились съ увлеченіемъ на эти драгоцѣнныя творенія, которыя греки хранили, не пользуясь ими, лишь просто въ память своихъ предковъ.

Именно въ области астрономіи арабы сыграли наиболѣе значительную роль въ развитіи наукъ. Въ области чистой математики они дали свое названіе «алгебрѣ», которую они заимствовали отъ александрійскаго ученаго Діофанта (IV вѣкъ); они значительно подвинули впередъ изученіе геометріи и тригонометріи и распространили ту систему счисленія, которая хотя и была создана значительно ранѣе ихъ, опре-

1) Draper. «Histoire des Conflits de la Science et de la Religion», pp. 73, 74.— 2) Арабская приставка al и греческое слово μεγίστη (подразумѣвается βίβλος), т.-е. величайшая книга.

дѣляется все же и до сихъ поръ наименованіемъ «арабскихъ цифръ». Точно также въ физикѣ ими были изучены явленія удѣльнаго вѣса, паденія тѣлъ и преломленія свѣта, тогда какъ въ химіи они выработали методы перегонки, возгонки, плавленія и фильтрованія соединеній.

№ 291. Главные университеты арабовъ.

1 : 60 000 000

0 1000 2000 3000 килом.

На этой картѣ должны были бы быть нанесены еще многія другія мѣстности, важныя своими школами: такъ, городъ Джуди-Сапоръ (или Джуди-Шапуръ), который, собственно говоря, былъ знаменитъ еще до завоеванія арабами. Въ царствованіе Хозрава Ануршивана въ этомъ городѣ находился медицинскій факультетъ съ клиникой для образованія молодыхъ врачей; кромѣ того, городъ этотъ славился своими римскими и греческими профессорами, поэтами, мудрецами и риторами. Позднѣе такой городъ, какъ Авацъ въ Сузіанѣ, также заслуживалъ наименованія «города Евклида», такъ какъ славился своими геометрами и литераторами. Медики его также славились. Въ 1259 г. Насръ-Эдинъ основалъ обсерваторію въ Марагѣ.

Они неизмѣнно придерживались экспериментальнаго метода, заимствованнаго ими отъ греческихъ ученыхъ александрійскаго періода, и старались относительно всего получить представленія на основаніи прямого наблюденія и на основаніи опытовъ съ особо для того построенными аппаратами. Часы, водяные и солнечные, маятникъ, циферблатъ, астролябія встрѣчались во всѣхъ ихъ главныхъ школахъ, тогда какъ астрономическія обсерваторіи ихъ, распространенныя по всему мусульманскому міру отъ Севильи до Самарканда, обладали каталогами звѣздъ,

всевозможными астрономическими таблицами, точными вычисленіями наклона эклиптики и движеній луны и солнца.

Наконецъ, они возобновили изслѣдованія, начатыя Эратосѳеномъ, и занялись снова опредѣленіемъ окружности земли, находясь къ тому же въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ условія во времена александрійскаго астронома. Равнины, являющіяся продолженіемъ аравійской пустыни по направленію къ Тавру, были гораздо удобнѣе для измѣренія дуги меридіана, чѣмъ извилистая долина Нила, пересѣченная каналами и усѣянная селеніями: въ этихъ равнинахъ вмѣсто приблизительныхъ опредѣленій можно было пользоваться настоящими измѣреніями цѣпью. Пустыня Тадмора, къ югу отъ большой излучины Евфрата, была избрана для произведенія этого изслѣдованія. Двѣ партіи, состоявшія каждая изъ двухъ астрономовъ, которыми съ точностью была опредѣлена высота небеснаго полюса надъ горизонтомъ въ двухъ точкахъ, отстоявшихъ одна отъ другой на два градуса, пошли одна навстрѣчу другой, имѣя своей задачей опредѣлить длину градуса по меридіану. Затѣмъ подобное же изслѣдованіе было повторено къ сѣверу отъ Евфрата въ равнинѣ Синджабъ. Среднее изъ двухъ этихъ измѣреній дало $56^2/_3$ «мили», какъ длину градуса. Если принять ту длину арабской мили, которая ей приписывается, то ошибка, сдѣланная астрономами Аль-Мамуна, все же довольно значительна, именно превышаетъ дѣйствительность, по Пешелю, на $^1/_{11}$, тогда какъ по даннымъ Ханыкова лишь на $^1/_{50}$ [1]). Все же арабы, во всякомъ случаѣ, подошли ближе къ истинѣ, чѣмъ Эратосѳенъ, такъ какъ послѣдній ошибся въ опредѣленіи длины градуса; по меньшей мѣрѣ, на $^1/_7$ [2]).

Изъ всѣхъ халифовъ наибольшей славой пользуется въ исторіи Востока халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ или Харунъ-эръ-Рашидъ, пятый повелитель изъ династіи Аббасидовъ, жившій въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка и правившій правовѣрными со 164 до 187 г. Геджры. Ученые, писатели, поэты, разсказчики сказокъ и купцы, стекавшіеся со всѣхъ странъ свѣта, толпились постоянно вокругъ его дворца въ роскошномъ городѣ Багдадѣ и затѣмъ разносили славу о немъ во время своихъ путешествій до самаго края міра. Сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ Карломъ Великимъ, могущественнымъ императоромъ Запада, пославъ къ нему посольство, доставили славу и извѣстность знаменитому халифу и въ христіанскихъ странахъ. Если бы вѣрить всѣмъ разсказамъ, распространявшимся о немъ отъ Тихаго океана до Атлантическаго, то можно было бы заключить, что Гарунъ былъ дѣйствительно геніально-мудрымъ правителемъ, расточавшимъ своему народу потоки милости, справедли-

1) Oscar Peschel. «Geschichte der Erdkunde», p. 121, 123.—2) E. H. Bunbury. «History of Ancient Geography», 1 v., p. 625.

вости, знанія и счастья. Въ данномъ случаѣ, однако, какъ и теперь въ нашей общественной жизни, богатой галлюцинаціями, славныя дѣянія многихъ отдѣльныхъ личностей сливаются въ дѣяніяхъ одного центральнаго лица, которое, благодаря сотнямъ и тысячамъ сходящихся въ немъ лучей, превращается въ нѣкое божество. Такъ, Горацій и Виргилій содѣйствовали апоѳеозу Августа, и Людовикъ XIV былъ возвышенъ геніемъ Корнеля и Расина. Мысль не можетъ созрѣть и претвориться въ дѣла иначе, какъ путемъ долгой эволюціи, и отъ этого проистекаетъ,

Сеговія. Видъ Альказара.

что расцвѣтъ эпохи основывается на сѣменахъ, брошенныхъ въ землю въ эпоху предшествующую, — такъ и слава халифа Гарунъ-аль-Рашида покоится всецѣло на работѣ предшествовавшихъ поколѣній. Правда же заключается въ томъ, что Гарунъ, названный «аль-Рашидомъ», т.-е. «справедливымъ», былъ, напротивъ, властителемъ мстительнымъ и кровожаднымъ, несправедливымъ и алчнымъ. Какъ правитель имперіи, онъ не всегда пользовался привилегіей счастливо вести свои дѣла, и если ему часто удавалось одерживать побѣды надъ главнымъ противникомъ своимъ, «римской собакой», императоромъ Восточной имперіи Никифоромъ, то надо сказать, что зато его собственныя владѣнія нерѣдко также подвергались нападеніямъ какъ съ востока, такъ и съ запада: въ концѣ

концовъ, онъ самъ былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій возставшаго населенія Хорассана.

Сильное развитіе путешествій, которое послѣдовало за распространеніемъ магометанства и за завоеваніемъ имъ міра, имѣло значеніе, аналогичное тому, которое позднѣе должно было повести къ открытію Новаго Свѣта. Путешественники-арабы этой эпохи, положительно, охвачены безуміемъ перемѣщенія: разсказы историковъ, географовъ, паломниковъ показываютъ намъ, что они вѣчно въ пути, постоянно направляются либо съ запада на востокъ, либо съ востока на западъ и находятъ притомъ всюду, отъ Китая до Марокко, гостепріимныхъ хозяевъ, знакомыхъ, друзей и родственниковъ. Наказъ Магомета относительно необходимости для каждаго правовѣрнаго побывать въ Меккѣ поощрялъ ихъ къ постоянному переселенію съ одного конца свѣта на другой, и арабы предавались путешествіямъ тѣмъ охотнѣе, что, благодаря связи, созданной единствомъ вѣры, могли находить во всѣхъ странахъ людей, съ которыми вступали въ дружескія сношенія, и благодаря допустимости ихъ обычаями многобрачія могли въ любомъ мѣстѣ создать себѣ новую семью. Особенно большое число авантюристовъ и ученыхъ заставила эта страсть къ путешествіямъ пуститься въ путь въ X вѣкѣ. Массури приводитъ слѣдующія слова арабскаго поэта: «я такъ далеко зашелъ по направленію къ закату солнца, что изъ моей памяти исчезло почти воспоминаніе о его восходѣ, я такъ сильно приблизился къ востоку, что забылъ и самое имя запада».

Завоеватели на сушѣ, арабы равнымъ образомъ завладѣли и моремъ. На западѣ Аравійскій и Персидскій заливы, Оманское море и Индійскій океанъ принадлежали имъ всецѣло; въ концѣ перваго вѣка Геджры арабскіе мореплаватели вели уже торговлю съ Кантономъ; сто лѣтъ спустя, они перенесли свой главный торговый центръ къ устьямъ Янъ-цзы-цзяна и, кромѣ того, имѣли важный торговый рынокъ на Малайскомъ полуостровѣ [1]). На западѣ они отняли у христіанъ какъ Черное море, такъ и Эгейское и все Средиземное. Владѣя Испаніей и нѣкоторыми пунктами на побережьѣ Прованса, Лигуріи и Италіи, они старались также завладѣть и островами: въ концѣ VIII вѣка они заняли Балеарскіе острова, затѣмъ устроились на островѣ Сардиніи и въ Сициліи; въ концѣ концовъ, они завладѣли совершенно этимъ островомъ, съ одного конца его до другого; затѣмъ въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря они овладѣли укрѣпленнымъ островомъ Мальтой, населеніе котораго стало совершенно арабскимъ, приняло языкъ и обычаи арабовъ. Такъ, позднѣе, арабскій историкъ Ибнъ-Халдунъ съ гордостью, не совсѣмъ, впрочемъ, оправдываемой дѣйствительностью, заявлялъ, что въ

---

1) R. Beazley. «Mediaeval Trade and Trade Routes».

XI вѣкѣ арабы господствовали надъ всѣми странами, окружающими «море Рима»,—«христіане не могутъ пустить плавать въ это море ни одной доски».

Власть арабовъ на морѣ прошла отнюдь не даромъ въ смыслѣ прогресса науки и въ смыслѣ передачи новыхъ знаній послѣдующимъ поколѣніямъ. Астрономическія таблицы Абулъ-Гассана, жившаго въ XIII вѣкѣ отмѣчаютъ на берегахъ Средиземнаго моря 130 мѣстъ, опредѣленныхъ астрономически, которыхъ не было въ таблицахъ Птоломея. Кромѣ того, ошибки греческаго географа въ значительной степени исправлены: тогда какъ длина главнаго бассейна Средиземнаго моря отъ Танжера до Триполи на берегу Сиріи была указана въ таблицахъ Птоломея въ 62°, въ арабскихъ таблицахъ разстояніе между обѣими точками сокращено до 42° 30, и превышаетъ, слѣдовательно, лишь на 52, точное разстояніе по опредѣленіямъ современныхъ астрономовъ. Спрашивается, какимъ способомъ могли достичь арабы столь замѣчательной точности? Отсутствіе письменныхъ указаній не позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ съ достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ, данный результатъ свидѣтельствуетъ о продолжительныхъ наблюденіяхъ и долгомъ изученіи этого вопроса арабскими мореплавателями. Весь этотъ прогрессъ въ познаніяхъ о землѣ пропалъ, впрочемъ, совершенно безполезно для невѣжественныхъ сосѣдей арабовъ: ошибочныя данныя Птоломея заучивались въ христіанскихъ школахъ вплоть до эпохи Возрожденія [1]).

Рукоятка меча мавровъ (XV вѣка), называемаго мечомъ Боабдиля.

Въ ту эпоху, когда халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ и императоръ Карлъ Великій явились въ глазахъ подчиненныхъ имъ народовъ представителями двухъ противоположныхъ одинъ другому міровъ—магометанскаго и христіанскаго,—силы обоихъ находящихся въ борьбѣ элементовъ находились почти въ равновѣсіи: христіане не были достаточно объединены и не обладали такими матеріальными силами, чтобы быть

1) Cosimo Bertacchi. «L'Italia e il suo Mare», Bollettino della Societa Geographica Italiana Agosto; 1900, pp. 708 ss.

въ состоянiи вытѣснить арабовъ-завоевателей изъ Испанiи и съ острововъ Средиземнаго моря, тогда какъ, съ другой стороны, и мусульмане, хотя и сохранили почти всюду агрессивное положенiе, не были достаточно сильны, чтобы завладѣть хотя бы однимъ изъ обоихъ городовъ, являвшихся символами владычества христiанъ,—Римомъ или Константинополемъ. Римъ, расположенный внутри страны, могъ быть покоренъ лишь путемъ организацiи огромной военной экспедицiи, тогда какъ арабы, разсѣянные по всей окружности Средиземнаго моря, могли предпринимать лишь небольшiе разбойничьи набѣги, въ родѣ того, который имѣлъ мѣсто въ 846 г., когда саррацины напали на предмѣстья Рима, ограбили ихъ церкви и завладѣли священными реликвiями. Что касается второго Рима, столицы Восточной имперiи, то арабы дважды потерпѣли неудачу подъ его стѣнами, такъ какъ военныя преимущества этого города были слишкомъ значительны, его стратегическiе рессурсы слишкомъ сильны, и снабженiе его провiантомъ съ моря и съ суши столь легкимъ, что осада была немыслима,—нападающимъ приходилось довольствоваться занятiемъ подступовъ къ Византiи на полуостровѣ Малой Азiи. Состоянiе равновѣсiя между обѣими группами народовъ и обѣими цивилизацiями, сѣверной и южной, могло быть нарушено лишь появленiемъ на мiровой аренѣ новыхъ этническихъ элементовъ—норманновъ и турокъ.

Каролинги и Норманны.

Хронологія.

Послѣдній король династіи Меровинговъ былъ лишенъ трона въ 752 г. при жизни Карла Великаго, однако, на самомъ дѣлѣ, уже болѣе ста лѣтъ династія Каролинговъ держала власть въ своихъ рукахъ. Пипинъ Древній, скончавшійся въ 639 г., его сынъ Гримуальдъ, Пипинъ Геристальскій, скончавшійся въ 714 г., второй Гримуальдъ, затѣмъ Теобальдъ, знаменитый Карлъ Мартеллъ, родившійся въ 689 и скончавшійся въ 741 г., наконецъ, его сынъ Карломанъ, ушедшій въ 747 г. на Кассинскую гору, были не болѣе какъ управляющими дворцовъ. Пипинъ Короткій, родившійся въ Юпиллѣ въ 714 г., братъ предыдущаго, былъ первымъ членомъ династіи, принявшимъ титулъ короля (752—768).

Карлъ Великій, родившійся неизвѣстно гдѣ въ 742 или 747 г., взошелъ на тронъ одновременно со своимъ братомъ Карломаномъ, но такъ какъ этотъ послѣдній умеръ въ 771 г., Карлъ остался единственнымъ властителемъ надъ народами, обитавшими между Альпами и Ламаншскимъ проливомъ. Въ 772 г. онъ разрушилъ Ирминскую колонну между Эмсомъ и Везеромъ и десятью годами позже совершилъ кровавую бойню надъ саксами; въ 804 г. была предпринята его первая военная экспедиція, направленная противъ народностей, живущихъ по берегамъ Эльбы. Въ Дунайской долинѣ Карлъ съ 787 г. завладѣлъ Баваріей и сражался на равнинахъ Венгріи съ 791 по 799. Переваливъ черезъ Альпы впервые въ 773 г., онъ короновался королемъ лангобардовъ въ 774 г., затѣмъ былъ помазанъ римскимъ императоромъ папою Львомъ III въ 799 или 800 г. Взятіе Пампелуны и пораженіе при Ронсевалѣ 15 августа относится къ 778 г., взятіе Барселоны—къ 801 г. Карлъ Великій скончался въ Э-ля-Шапелль 28 января 814 г.

Послѣ него Людовикъ Благочестивый (814—840) владѣлъ также всѣми странами между Эльбою и Эбро. Простое перечисленіе королей, которые послѣдовали затѣмъ какъ во Франціи, такъ и въ Лотарингіи и въ Германіи, не даетъ никакого представленія о чрезвычайномъ осложненіи политической исторіи, внесенномъ борьбою между представителями династіи Каролинговъ и предпринятыми ими раздѣлами. Во всякомъ случаѣ, менѣе трехъ четвертей вѣка спустя послѣ смерти Карла Великаго, представитель новой линіи Евдій принялъ титулъ короля

Франція (887), а сто лѣтъ спустя послѣдній представитель Каролинговъ былъ окончательно низложенъ.

Отмѣтимъ все же нѣкоторыхъ изъ королей общеизвѣстнаго списка. Карлъ Лысый—840—870 г., Карлъ Толстый былъ низложенъ въ 887 г., Карлъ Простой—898—923 г., Людовикъ IV—36—954 г., Гуго Капетъ—987—996 г., Робертъ 996—1031 г., Генрихъ I—1031—1060 г.,—слѣдуютъ одинъ за другимъ вплоть до эпохи крестовыхъ походовъ.

Главнѣйшіе короли Германіи, нерѣдко короновавшіеся императорами священной римской имперіи, были въ теченіе разсматриваемаго періода слѣдующіе: Лотарь—814—855 г., царствовавшій вмѣстѣ съ Людовикомъ Германскимъ (817 — 875), Генрихъ Птицеловъ — 918 — 936 г., Оттонъ I—936—973 г., Оттонъ II—971—983 г. и т. д.

Въ Англіи Эгбертъ, воспитанный при дворѣ Карла Великаго, сдѣлался королемъ Вессекса (800) и, мало-по-малу, увеличилъ свои владѣнія. Датчане, оттѣсненные въ царствованіе Альфреда (871—901), нерѣдко, въ свою очередь, берутъ верхъ, и подъ конецъ своей жизни Канутъ Великій (1014—1036) владѣетъ всѣми островами и полуостровами, которые омываются Нѣмецкимъ моремъ; послѣ смерти его сына Канута Твердаго въ 1043 г. датчане изгнаны изъ Англіи. На престолъ восходитъ король саксонской династіи Эдуардъ Исповѣдникъ (1042—1056), но затѣмъ Вильгельмъ IV, герцогъ норманскій, высаживается въ Гастингсѣ вскорѣ послѣ его смерти и завоевываетъ Англію.

Внѣ военнаго и политическаго міра ни одной выдающейся личности среди христіанъ нельзя отмѣтить въ теченіе всей этой эпохи: цѣнныя литературныя произведенія, какова, напримѣръ, пѣснь о Роландѣ, дошли до насъ безъ указанія имени автора.

Каролинги и Норманны

Забвеніе, которое стало удѣломъ Гренландіи, должно быть объяснено усиленіемъ центральной власти, разрушающей всегда энергію отдѣльныхъ личностей.

Глава пятая.

КАРЛЪ ВЕЛИКІЙ И ЕГО ИМПЕРІЯ.—ФРАНЦІЯ, ГЕРМАНІЯ И ЛОТАРИНГІЯ.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.—ИРЛАНДІЯ И ЕЯ МИССІОНЕРЫ.—СКАНДИНАВІЯ.—ТРАЭНДЕРЫ И ДАТСКІЕ КОРОЛИ.—НАБѢГИ НОРМАННОВЪ.—ЗАСЕЛЕНІЕ ИСЛАНДІИ.—ОТКРЫТІЕ НОВАГО СВѢТА.—СЛАВЯНЕ И ФИННЫ, ЧЕХИ, БОЛГАРЫ, МАДЬЯРЫ, ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ.

Постепенное замѣщеніе Меровинговъ Каролингами и замѣна ничего не дѣлавшихъ королей сильными и могущественными воителями, развѣ лишь со стороны разсказчиковъ преданій и бездарныхъ писакъ, могутъ приписываться придворнымъ заговорамъ, интригамъ и другимъ второстепеннымъ причинамъ. Легко усмотрѣть, что на самомъ дѣлѣ здѣсь дѣло идетъ о замѣнѣ династіи, совершенно истощенной отъ чрезмѣрнаго злоупотребленія властью со всѣми ея безуміями и прихотями, новымъ

поколѣніемъ, полнымъ силъ и энергіи. Отъ салійскихъ франковъ, проникшихъ въ Галлію, послѣ того какъ они обогнули съ запада Шарбонньерскій лѣсъ и избрали своею столицею Турнэ, а затѣмъ Суассонъ, власть перешла въ руки грубыхъ обитателей Австразіи, пришедшихъ прямо изъ тѣхъ дикихъ странъ, которыя простирались между Рейномъ, Маасомъ и Мозелемъ,—они вторгались въ восточную Францію толпами, становившимися все болѣе и болѣе многочисленными и все болѣе опасными. Представителями этихъ новыхъ пришельцевъ были и Карлъ Мартеллъ, Пипинъ Короткій и Карлъ Великій, этотъ варваръ, возстановившій римскую имперію,—все люди, обладавшіе чрезвычайной энергіей; къ сожалѣнію, они дали потомство, которому суждено было еще скорѣе опуститься и исчезнуть съ лица земли, чѣмъ потомству Меровинговъ.

Галлія, за исключеніемъ суровой Бретани,—таково было наслѣдіе, полученное Карломъ Великимъ послѣ смерти его отца Пипина и его брата Карломана; владѣнія его представляли собою лишь очень незначительную частицу извѣстныхъ тогда странъ, тогда какъ Карлъ, сдѣлавшійся вскорѣ «Великимъ» въ силу своихъ побѣдъ и учиненнаго имъ кровопролитія, былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые желаютъ получить все. Какъ бы то ни было, надо признать, что ему удалось собрать воедино весь христіанскій міръ запада,—онъ даже расширилъ его предѣлы, въ особенности въ сторону востока, въ области германскихъ странъ. По направленію къ югу, за предѣлами Пиренеевъ, дѣла его шли лишь наполовину успѣшно, такъ какъ къ западу отъ этого хребта рыцари его во время отступленія были совершенно истреблены басками въ Ронсевальскомъ ущельѣ; на востокѣ же послѣ многихъ битвъ ему все же не удалось перейти по ту сторону Эбро. Самыя великія побѣды были одержаны имъ къ востоку отъ Рейна, Везера и Эльбы надъ собратьями по крови саксами и другими воинственными племенами центральной части Европы. Въ немъ воплощается грандіозная волна отлива, послѣдовавшаго вслѣдъ за приливной волной переселенія народовъ съ востока на западъ нѣсколько сотъ лѣтъ до того времени,—онъ низвергается съ запада на востокъ и заходитъ далеко за предѣлы той области, которая уже подверглась латинскому вліянію; будучи самъ германцемъ и варваромъ, нѣсколько смягченнымъ цивилизаціей, Карлъ Великій символизируетъ, такимъ образомъ, латинскую культуру, борющуюся съ германцами, и христіанскую вѣру, борющуюся съ язычествомъ.

Своей суровой, безпощадной рукой онъ раздавливаетъ тѣ германскія племена, которыя оказываютъ ему сопротивленіе. Во время своего перваго похода онъ низвергаетъ ту символическую колонну Ирминсуль, въ которой поклонники ея, какъ разсказываютъ, видѣли воплощеніе творческой силы по преимуществу, и предъ лицомъ его саксы отступаютъ, прячась въ лѣса и за широкія рѣки. Непрерывная война приняла

самый свирѣпый характеръ. На берегахъ рѣки Аллера 4500 саксовъ-плѣнниковъ были обезглавлены. Въ 804 г., когда побѣжденные сдались и просили пощады, побѣдитель увелъ съ собою не менѣе 10000 за-

№ 292. Имперія Карла Великаго.

Имперія Карла Великаго не затушевана. Области, управлявшіяся прямо намѣстниками императора, не отграничены на картѣ отъ имперіи. Областями, плохо покоренными или платившими сполна дань, были: Бретань, Гасконь, Каталонія, герцогства Сполетское и Беневентское, венгерская равнина и страны между Эльбой и Одеромъ.

Штриховка покрываетъ: 1) мусульманскія владѣнія (Испанію, Магребъ), 2) Восточную имперію (Сицилія, Калабрія, далматское и греческое побережья), 3) церковныя земли, 4) другія независимыя страны (королевство Леонъ, Англія, Данія, славянскія, аварскія и болгарскія земли).

ложниковъ, чтобы гарантировать подчиненіе себѣ народа и вѣрное сохраненіе имъ христіанской религіи: епископства и монастыри, построенные на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, среди вновь завое-

ванныхъ странъ, были учреждены именно съ тою цѣлью, чтобы закрѣпить какъ матеріальное, такъ и моральное завоеваніе страны. На сѣверѣ войска Карла Великаго проникли до береговъ Эйдера, на востокѣ они достигли венгерской равнины и взяли приступомъ вблизи Тиссы 6 концентрическихъ стѣнъ крѣпости, въ которой заперлись авары. Наконецъ, на югѣ, Карлъ Великій, лично управлявшій какъ всѣми военными предпріятіями, такъ и самими странами, создававшій въ то же время законодательства и заботившійся о просвѣщеніи, завладѣлъ всей Италіей, начиная отъ сѣвера ея и до центральной части: границы его имперіи охватили наибольшую часть полуострова. За предѣлами территоріи, покоренной имъ силою оружія, многіе изъ мелкихъ князьковъ, каковымъ являлся, напримѣръ, дожъ только-что развивавшейся Венеціи (806 г.), оказывали ему также почести.

Мечъ Карла Великаго,
служившій ранѣе для посвященія въ короли Франціи.

Когда въ день Рождества Христова, въ 799 г., Карлъ Великій получилъ изъ рукъ папы или, вѣрнѣе, самъ взялъ императорскій вѣнецъ на ступеняхъ алтаря храма св. Петра, его обширная территорія соприкасалась уже своими границами съ Восточной римской имперіей, вся христіанская Европа оказывалась раздѣленной на двѣ половины, и опять Западная имперія занимала первое мѣсто въ смыслѣ силы и могущества: въ 812 г. Карлъ Великій получилъ даже оффиціально инвеституру константинопольскаго императора. Впрочемъ, идея римской имперіи въ той формѣ, въ какой она выливалась во времена Рима, все еще продолжала

поддерживаться, несмотря на всѣ превратности исторіи, несмотря на паденіе Западной имперіи и на всѣ ужасныя бѣдствія, обрушившіяся на имперію Восточную. Карлъ Великій воспринялъ эту идею не только въ силу своего честолюбія, но и потому, что то общество, часть коего онъ составлялъ, совершенно также смотрѣло на вещи. Организація всего политическаго міра въ формѣ имперіи представлялась тогда наиболѣе совершенной, и внѣ подобнаго строя рисовался лишь сплошной хаосъ.

Корона Карла Великаго
(хранится въ императорской сокровищницѣ въ Вѣнѣ).

Будучи типичнымъ абсолютнымъ монархомъ, Карлъ Великій признавалъ, что его власть должна лежать въ основѣ всякаго политическаго и соціальнаго авторитета. Въ силу этого онъ не хотѣлъ—хотя это и отрицается писателями, приверженными церкви — признавать римскаго папу, намѣстника самого Іисуса Христа па землѣ, выше своей собственной персоны, хотя бы даже только въ духовномъ отношеніи. Если онъ сохранилъ за папою тѣ земли, которыя были подарены его отцомъ, если даже онъ увеличилъ это наслѣдіе церкви, то, во всякомъ случаѣ, онъ считалъ эти подаренныя области не иначе, какъ дарованнымъ имъ леномъ, и признавалъ себя все же главою надъ первосвященникомъ, который объединялъ въ своей особѣ всю католическую церковь запада. Этою объединенностью всей католической церкви онъ хотѣлъ воспользоваться для собственныхъ цѣлей,—онъ хотѣлъ увеличить свое могущество. использовавъ тѣ силы, которыя давала церковь, и хотѣлъ подчинить ее своей власти. Обычная клятва вѣрности была для него недостаточна, онъ требовалъ отъ своихъ феодаловъ вторичной присяги въ повиновеніи ему, какъ «главѣ церкви». Надо, впрочемъ, сказать, что онъ, дѣйствительно, самъ распредѣлялъ епископскія мѣста и назначалъ епископовъ; онъ не останавливался передъ тѣмъ, чтобы отмѣнять приказанія прелатовъ и диктовать имъ, что они должны дѣлать.

Должно замѣтить, что во многихъ отношеніяхъ Карлъ Великій

довольно неосмотрительно приносилъ въ жертву интересамъ духовенства будущность гражданскаго общества, закрѣпляя за церковью дарованныя ей земельныя имущества: предоставленіе монастырямъ владѣній являлось во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ временное признаніе власти папъ. До тѣхъ поръ, пока монахи, вышедшіе сами изъ народа, принуждены были работать наравнѣ съ простыми людьми и должны были сами вспахивать свою землю, они продолжали принимать участіе въ народной жизни; съ того же времени, когда были установлены церковные сборы, и монастыри получили на вѣчныя времена неприкосновенныя земельныя имущества, монахи превратились въ особый классъ и неизбѣжнымъ образомъ сдѣлались угнетателями [1]).

Вѣря въ свою роль человѣка, отмѣченнаго самимъ Провидѣніемъ, Карлъ Великій искалъ въ церкви лишь средства. необходимыя для утвержденія его имперіи. Единство вѣры являлось однимъ изъ средствъ противъ раздробленности германскихъ племенъ. Онъ хотѣлъ имъ воспользоваться точно также и противъ аквитанцевъ и другихъ народовъ южной Галліи: Карлъ Великій и его предшественники Карлъ Мартеллъ и Пипинъ Короткій являлись мстителями сыновей Хлодвига, и франки, которыхъ этотъ императоръ посылалъ въ качествѣ управителей южныхъ областей, мстили за своихъ предковъ, изгнанныхъ въ прежнія времена изъ долинъ Оды и Гаронны. Населеніе юга Франціи отличалось отъ населенія сѣвера меньшею грубостью, болѣе изящнымъ языкомъ, болѣе утонченными нравами и не столь прямыми и непосредственными религіозными формами религіи, прежде же всего отличалось своимъ духомъ независимости, который именно и желалъ сломить король франковъ,—его ненависть противъ «ереси» юга не можетъ быть иначе объяснена. Типичнымъ представителемъ южанъ былъ нѣкогда Феликсъ, архіепископъ Ургельскій, который видѣлъ во Христѣ постольку же «сына человѣческаго», поскольку «сына Божія», и отказывался признавать въ Дѣвѣ Маріи «матерь Божію», заступницу и владычицу міра; несмотря на свой санъ священника, онъ не вѣрилъ въ то, что священники выше мірянъ, и проповѣдывалъ, что послѣдніе должны исповѣдываться только Богу. Вполнѣ естественно, что Карлъ Великій возсталъ противъ такихъ вольнодумныхъ мыслей, которыя противорѣчили тѣмъ правиламъ, коимъ подчинялись милліоны его подданныхъ. Будучи самъ настоящимъ римскимъ папой, онъ созвалъ церковный соборъ, заставилъ епископовъ и самого папу осудить Феликса и натравилъ противъ сочувствовавшихъ его ученію всю свору монаховъ-бенедиктинцевъ, составлявшихъ сообщество, тѣсно привязанное къ трону молчаливымъ соглашеніемъ. Въ

1) Victor Arnould. «Histoire Sociale de l'Eglise», Société Nouvelle, nov. 1896.

своей ревностной религіозной пропагандѣ, которая, на самомъ дѣлѣ, являлась не чѣмъ инымъ, какъ культомъ собственной власти, Карлъ Великій выстроилъ по обоимъ склонамъ Пиренеевъ болѣе тысячи церквей, посвященныхъ Приснодѣвѣ, покровительницѣ монашескихъ орденовъ. Одинъ изъ многочисленныхъ монастырей, построенныхъ имъ, былъ монастырь св. Волюсьена, близъ горы Фоа,—ему спеціально было поручено наблюденіе надъ Ургельскимъ епископствомъ, гдѣ прежде былъ епископомъ Феликсъ. Таково было начало того постояннаго наблюденія и контроля, которое имѣло княжество Фоа надъ обитателями Андорры, образовавшими въ царствованіе Людовика Благочестиваго республику [1]).

Св. Петръ вручаетъ знамя города Рима Карлу Великому и омофоръ папѣ Льву III.

Мозаика, сохранившаяся въ церкви Св. Іоанна Латранскаго въ Римѣ, съ картины Массюеро.

Колоссальная имперія Карла Великаго, образовавшаяся въ значительной степени путемъ кровопролитія и поддерживавшаяся въ своемъ единствѣ благодаря мудрой политикѣ, а отнюдь не благодаря желанію самихъ народовъ, входившихъ въ составъ этой имперіи, должна была неизбѣжнымъ образомъ распасться на отдѣльныя части, какъ только окоченѣла могучая рука основателя имперіи. Послѣ смерти Карла Великаго все пришло въ движеніе, и различныя народности, перемѣшанныя въ невѣроятный хаосъ, народности, о которыхъ политическіе дѣятели прежнихъ временъ не имѣли и понятія, и которыхъ они, во всякомъ случаѣ, не уважали, стали стремиться къ раздѣленію и распредѣляться по нарѣчіямъ, по нравамъ и по естественному сродству,—совершенно такъ же, еще до того, какъ листья развернутся изъ почекъ,

1) Nap. Peyrat. «Les Réformateurs au XII siècle».

можно угадать ихъ въ той однородной по внѣшности массѣ, изъ которой они выходятъ. Такъ, одно изъ королевствъ, образовавшихся на развалинахъ имперіи, составилось изъ областей Германіи, расположенныхъ по ту сторону Рейна; другое королевство обнимало всю сѣверную Галлію между Маасомъ, Роной, Луарой и океаномъ; на югѣ Аквитанія возстановилась въ видѣ независимаго королевства, тогда какъ по другую сторону Альповъ Италія тоже обособилась. Для того, однако, чтобы высказать должный почетъ титулу императора, который носилъ старшій сынъ Людовика Благочестиваго, Лотарь, король Италіи, ему должны были предоставить также земли, составлявшія владѣнія его отца, т.-е. тѣ лѣсныя области Австразіи, которыя тянулись до Голландіи и Фризіи. Какимъ образомъ было, однако, связать Римъ, оффиціальную столицу имперіи, съ Э-ля-Шапелль, столицею Австразіи? Приходилось отмежевать чрезъ равнины и горныя страны полосу земли, въ составъ которой входила Савойя, Швейцарія, Юра и Вогезы, — вполнѣ естественно, что такое искусственно созданное государство, вытянутое въ длину и образованное изъ отдѣльныхъ отрѣзковъ, принадлежащихъ совершенно различнымъ географическимъ областямъ, не могло поддерживаться иначе, какъ путемъ непрестанныхъ войнъ.

Лишь обѣ концевыя области страны, выпавшей на долю Лотаря, обладали путями сообщенія, именно тѣ области, которыя являлись естественными и соотвѣтствующими нормальному распредѣленію народовъ,— съ одной стороны, Италія, съ другой—Лотарингія, бывшая основнымъ ядромъ странъ, расположенныхъ между Галліей и Германіей, странъ, которыя позднѣе вылились въ государства, населенныя народностями, говорящими на двухъ языкахъ—бельгійцами, валлонцами и фламандцами [1]).

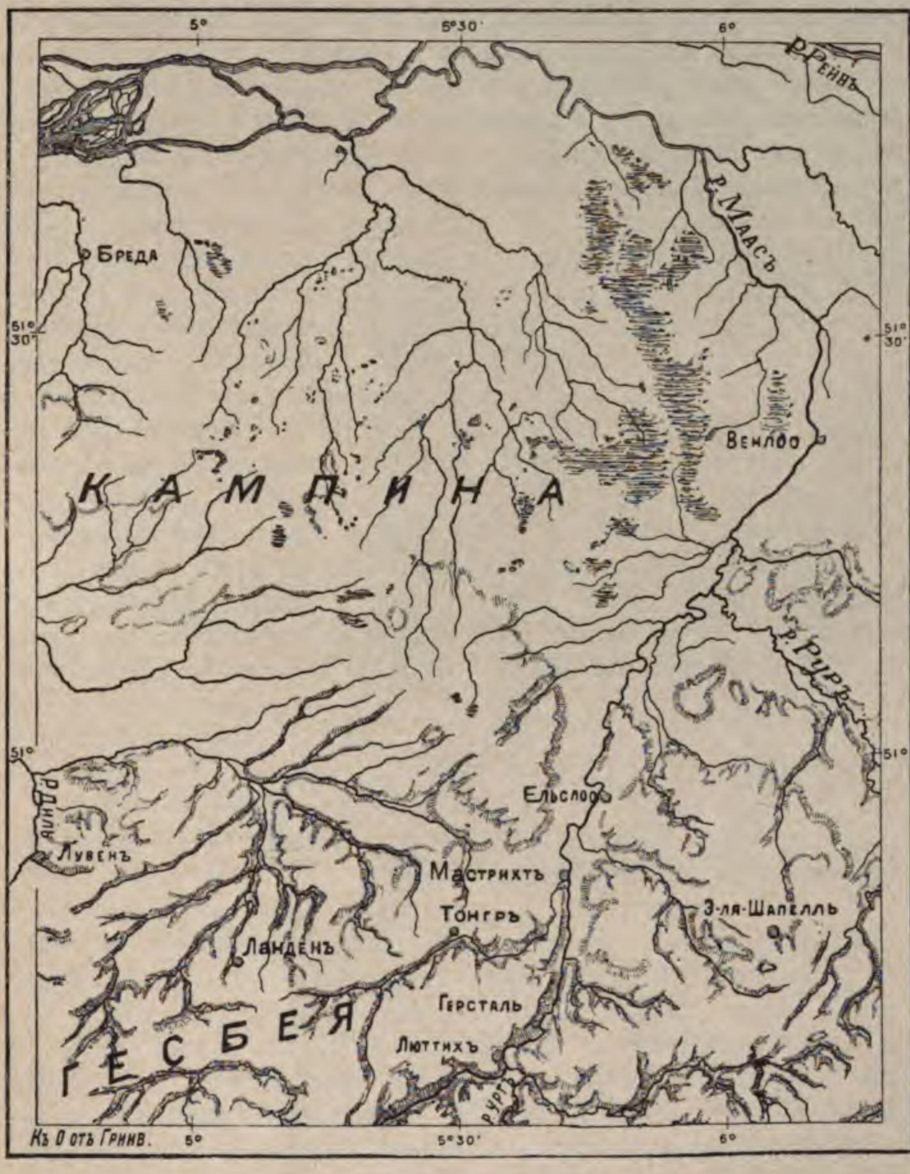
Въ 843 г. верденскій договоръ утвердилъ раздѣлъ имперіи Каролинговъ; своимъ основнымъ значеніемъ въ исторіи онъ обязанъ образованію двухъ рѣзко различающихся національностей—Германіи и Галліи; эта послѣдняя съ середины IX вѣка можетъ даже называться уже Франціей, такъ какъ въ одномъ изъ документовъ 833 г. [2]) наименованіе это уже примѣняется, тогда какъ, съ другой стороны, языкъ, на которомъ Людовикъ Германскій долженъ былъ обращаться къ нейстрійскому войску, собравшемуся у Страсбурга, когда бралъ его въ свидѣтели своихъ священныхъ обѣтовъ, не былъ уже вовсе языкомъ латинскимъ,—это былъ настоящій французскій, въ которомъ замѣчаются слова, обороты и построенія рѣчи вполнѣ правильные и прекрасные.

---

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique». 2) Leopold von Ranke. «Weltgeschichte», VI Theil, I Abth., p. 93.

Точно также Карлъ, при объясненіи съ германцами, долженъ былъ го-

№ 293. Наслѣдственныя земли Каролинговъ.

Масштабъ 1 : 1000000

Съ городами Ланденъ, Герсталь, Юпилль (на правомъ берегу Мааса противъ Герсталя), Э-ля-Шапелль связана память о Пипинѣ, Карлѣ Мартеллѣ и Карлѣ Великомъ. Тонгръ, названіе котораго тожественно съ Тюрингеномъ (Гюйсмансъ), не что иное, какъ древній римскій городъ Адуатика. Ельслоо и Лувэнъ напоминаютъ о вторженіи норманновъ (см. ниже).

ворить на нарѣчіи, которое превратилось въ современный языкъ. Между

обѣими народностями устанавливалось все болѣе и болѣе рѣзкое различіе,—оно должно было отъ вѣка къ вѣку увеличиваться все сильнѣе и сильнѣе вслѣдствіе того, что понемногу сталъ упраздняться латинскій языкъ, какъ языкъ разговорный, и въ то же время стали развиваться и оригинальныя литературы Германіи и Франціи.

Такъ подготовлялась новая эра въ исторіи Западной Европы, равно какъ наблюдались и значительныя измѣненія въ области языка, на которомъ говорили народности, въ области нравовъ и политическихъ условій. Карлъ Великій, несмотря на то, что прошло лишь нѣсколько лѣтъ съ его смерти, сталъ уже легендарною личностью; подобно древнимъ римскимъ императорамъ, онъ получилъ послѣ смерти свой апоѳеозъ, и притомъ это возведеніе въ санъ святого, причисленіе къ лику божествъ, проистекало не со стороны толпы священниковъ и придворныхъ, но со стороны народныхъ массъ, у которыхъ кружилась еще голова отъ его величія, и которые невольно сравнивали его силу и могущество съ быстрымъ разложеніемъ династіи Каролинговъ послѣ его смерти. Современное общество, старавшееся приподняться надъ жестокими нравами того времени, не могло сформироваться, не имѣя предъ собой идеала, и, какъ всегда, такой свѣтлый идеалъ будущаго искали въ прошедшемъ,—обожествленный Карлъ Великій сталъ центромъ безчисленныхъ разсказовъ и легендъ, которыя распространялись всюду, несмотря на то, что главный герой ихъ являлся личностью почти неизвѣстной въ оффиціальной исторіи. Отважный Роландъ, не упоминаемый совершенно въ хроникахъ, оставался въ теченіе многихъ вѣковъ прототипомъ всѣхъ добродѣтелей, которыя должны быть свойственны доброму феодалу и честному рыцарю, и слава его поблекла лишь послѣ того, какъ онъ былъ воспѣтъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ—Аріостомъ; этотъ послѣдній, впрочемъ, не проникъ въ самыя нѣдра народнаго духа, изъ коихъ вышелъ Роландъ.

Циклъ литературныхъ произведеній о Карлѣ Великомъ и его храбрыхъ рыцаряхъ получилъ развитіе почти исключительно во Франціи, и въ этомъ мы видимъ новое свидѣтельство тому, что во всемъ своемъ цѣломъ имперія Карла Великаго представляла собою потокъ латинской расы, имѣвшей центромъ своимъ Галлію, потокъ, нахлынувшій на германскихъ варваровъ, всецѣло предававшихся тогда воспѣванію кровавой эпопеи Нибелунговъ и коварныхъ божествъ ада, отъ которыхъ никому нѣтъ спасенія. Однако, и на сѣверѣ Германіи обожествленный Карлъ Великій занялъ мѣсто древняго Водана, и личность Роланда приняла чрезвычайную рельефность въ мѣстныхъ миѳологіяхъ. Колонны Ирмина, напоминающія своимъ наименованіемъ одновременно какъ Германа, такъ и Арминія, побѣдителя римлянъ, и Донара, бога грома, стали посвящаться Роланду, являвшемуся тѣмъ же самымъ бо-

жествомъ, лишь подъ другимъ наименованіемъ,—замѣнили лишь палицу въ его рукахъ—мечомъ [1]). Почти всюду эти колонны или «роланды» ставились посреди рыночной площади большихъ городовъ древней Саксоніи, тогда какъ церкви посвящались св. Петру, бывшему другимъ наслѣдникомъ бога грома.

Параллельно съ цикломъ сказаній о Карлѣ Великомъ нарождался въ Великобританіи, а также и во Франціи циклъ сказаній объ Артурѣ и рыцаряхъ круглаго стола,—сказанія, символизировавшія не короля-побѣдителя, а побѣжденныя народности, каковыми были галлы, шотландцы, бретонцы. Вопреки притѣсненіямъ англовъ и ютовъ Германіи, народность кельтовъ, подвергшаяся притѣсненію, видѣла себя возставшей въ лицѣ Артура и рисовала себя сама образцомъ всякаго рыцарства, идеаломъ всякой добродѣтели, героемъ крестоваго похода во имя справедливости и добра, похода еще болѣе возвышеннаго, чѣмъ походы противъ сарациновъ.

Роландъ и Роджеръ.
Барельефы надъ воротами Веронскаго собора.

Однако, въ эту эпоху всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ мистиковъ, мечтали о насиліяхъ и о войнахъ; даже лучшіе люди этой эпохи, не останавливавшіеся передъ смертью за идею, совершенно не могли представить себѣ живущаго въ мирѣ человѣческаго общества, въ которомъ дѣятельность его членовъ проявлялась бы исключительно въ занятіяхъ мирныхъ, въ развитіи знаній и въ распространеніи вѣры. Всюду и вездѣ подготовлялись воинственныя столкновенія между христіанами и сарацинами, между

1) Paul Platen; Alfr. Kirchhof. «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Halle», 1900, p. 97.

воображаемыми носителями культуры и завоевателями-варварами. Самыми мирными странами были области крайняго запада, расположенныя внѣ путей, по которымъ двигались завоеватели и войска защитниковъ, именно Бретань и Галлія, горныя страны, гдѣ относительная независимость населенія позволила зародиться литературѣ, посвященной мстительнымъ замысламъ кельтской расы, которая воплощалась въ личностяхъ Артура и Мерлина. Что касается Ирландіи, она также была обязана своею мирною жизнью относительной изолированности и отдаленности отъ континента. Она не была завоевана ни римлянами, ни какимъ-либо изъ народовъ-завоевателей, сокрушившихъ римскую имперію, и потому этотъ «Островъ изумруда» сохранилъ въ нравахъ отдѣльныхъ группъ своего населенія чрезвычайную самобытность. Здѣсь замѣчались въ то же время самые удивительные контрасты высокой культуры и совершенной первобытной дикости.

Судьбы Ирландіи вытекаютъ всецѣло изъ географическихъ формъ ея поверхности. Если разсматривать островъ съ точки зрѣнія лишь его очертаній, а не рельефа, то на первый взглядъ онъ представляется единымъ связнымъ органическимъ цѣлымъ. Почти правильная четыреугольная форма его побережья можетъ вызвать предположеніе, что вся его масса по общей своей архитектурѣ вполнѣ одинакова и представляетъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, области, благопріятныя для нормальнаго развитія политической жизни общества. Въ дѣйствительности, однако, это не такъ, — Ирландія не островъ, а архипелагъ острововъ. Обширная срединная равнина, тянущаяся съ востока на западъ отъ Дублинскаго залива къ заливу Гальвей, дѣлитъ всю страну на двѣ половины, которыя въ прежнія времена сообщались между собою лишь съ большими затрудненіями, благодаря обилію озеръ, болотъ и торфяниковъ, выполняющихъ всѣ низменныя части ея. Эта равнина, наиболѣе высокая часть коей не превышаетъ 75 метровъ надъ уровнемъ моря, даетъ вѣтви къ сѣверу и къ югу, въ формѣ другихъ впадинъ, образующихъ какъ бы проливы между массивами, которые поднимаются на нѣсколько сотъ, даже на тысячи метровъ. Торфяники, трясины, озера затрудняютъ сообщеніе между отдѣльными группами горъ тѣмъ болѣе, что обширныя пространства, находившіяся въ промежуткахъ, оставались совершенно ненаселенными, — такимъ образомъ, эти грани раздѣляли области, различавшіяся по составу населенія, области, которыя то сближались превратностями исторіи, то становились далѣе однѣ отъ другихъ. Границы этихъ областей нерѣдко мѣнялись въ теченіе феодальныхъ войнъ, но можно сказать, что, въ общемъ, четыре древнихъ герцогства, сдѣлавшихся теперь провинціями, именно Коннаутъ, Мюнстеръ, Ульстеръ и Лейстеръ, равно какъ и графство Мисъ, соотвѣтствуютъ вполнѣ по своимъ очертаніямъ естественному раздѣленію острова:

каждый изъ нихъ обладаетъ опредѣленнымъ массивомъ горъ или группами массивовъ. образующихъ особую область, этническую и политическую.

Безо всякаго сомнѣнія, первоначальные контрасты почвенныхъ условій и рельефа должны были отразиться и на природѣ населенія доисторической эпохи и первыхъ временъ исторіи; во всякомъ случаѣ, установлено, что въ теченіе историческихъ временъ характеръ заселенія страны чрезвычайно сильно различался въ различныхъ провинціяхъ Ирландіи. Крутыя скалы Коннаута, обращенныя прямо къ безграничному пустынному океану, не допускали чужеземцевъ высаживаться на это побережье, и потому мѣстное населеніе, не возобновлявшееся никакими элементами, притекавшими извнѣ, должно было дольше сохранить свои сложившіеся въ древности обычаи, чѣмъ обитатели другихъ провинцій. Берега Мюнстера, изрѣзанные многочисленными гаванями, являлись, напротивъ, именно тою областью, гдѣ происходили высадки мореплавателей Западной Европы и Средиземнаго моря,—здѣсь высадились двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ финикіяне, затѣмъ испанцы и французы и, наконецъ, даже позднѣе варварійцы. Сѣверо-восточная часть Ирландіи, связанная подводнымъ хреб-

Шахматная фигура, подаренная Гаруномъ-аль-Рашидомъ Карлу Великому.

томъ съ Шотландіей, съ которой въ настоящее время проектируютъ соединить ее либо туннелемъ, либо грандіознымъ мостомъ, была и въ прежнія времена въ частыхъ сношеніяхъ съ этой сосѣдней страной; изъ Ирландіи переселились въ Шотландію скотты, которые дали и самое названіе странѣ; въ позднѣйшія же времена происходило обратное переселеніе земледѣльцевъ и промышленниковъ Шотландіи въ Ирландію. Наконецъ, Лейстеръ и въ особенности графство Мисъ, расположенные противъ береговъ Англіи, должны были привлекать къ своимъ плодороднымъ землямъ земледѣльцевъ и торговцевъ противолежащихъ береговъ. Поскольку вторженіе идей, распространявшихся изъ Англіи, совершалось мирнымъ образомъ, обширная равнина, доступъ къ которой открытъ чрезъ Дублинскій заливъ, должна была служить для всей остальной части острова главнымъ очагомъ, изъ коего распространялась культура. Въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, когда англичане прочно устроились въ Ирландіи, эта долина являлась также центромъ, изъ котораго завоеватели постепенно подвигались по направленію къ массивамъ горъ и къ окружности острова, покоряя или истребляя племена, не имѣвшія необходимой связи между собой, для того, чтобы оказать успѣшное противодѣйствіе.

Столь значительное разнообразіе географическихъ элементовъ Ирландіи объясняетъ также различія и контрасты въ характерѣ мѣстныхъ цивилизацій: на одномъ и томъ же островѣ удерживались пережитки жесточайшаго варваризма, тогда какъ въ другихъ областяхъ народъ поднялся до самыхъ высокихъ моральныхъ воззрѣній, значительно превосходящихъ тѣ, которыя господствуютъ въ настоящее время среди всего человѣчества. Какъ примѣръ первобытной грубости нравовъ можно привести одного изъ героевъ легендъ, Конеолла «побѣдителя», сына Аморгана «съ огненными волосами», — не проходило дня, не проходило ночи, чтобы король этотъ не убивалъ кого-либо изъ обитателей Коннаута, онъ не засыпалъ безъ того, чтобы не подержать отрубленную голову на своихъ колѣнахъ. Обычай, хранившійся очень долго, требовалъ, чтобы каждый воинъ послѣ смерти погребался въ вертикальномъ положеніи, лицомъ къ врагамъ. Вплоть до VII вѣка всѣ женщины страны были обязаны нести военную службу на защиту короля и сражались, вооруженныя серпами [1]). Даже и послѣ этого времени сохранялось еще долго рабство и до X вѣка, т.-е. до эпохи, когда скандинавскіе властители впервые вычеканили въ Ирландіи монету «Сеншусъ-Моръ», или сводъ ирландскихъ законовъ, отмѣчалъ «cumhall», т.-е. женщину-рабыню, какъ предметъ, имѣвшій извѣстную цѣнность,—цѣна ея опредѣлялась стоимостью трехъ головъ рогатаго скота.

1) D'Arbois de Jubainville. «Études sur le Droit celtique», t. II, p. 123.

Съ другой стороны, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не отличался столь возвышенными идеями справедливости, какъ народъ ирланд-

№ 294. Ирландія. Островъ изумрудовъ.

скій. Ирландцы не были никогда покорены и завоеваны, они не испытывали никогда угнетенія со стороны монарховъ-цезарей, этихъ страшныхъ разрушителей народнаго благополучія, и потому не были знакомы и съ ужаснымъ «римскимъ правомъ», которое сохраняется и до настоя-

щаго времени и побѣдоносно выдерживаетъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій борьбу, которую ведутъ противъ него. Англичанамъ, непрерывно нападавшимъ на Ирландію и, въ концѣ концовъ, утвердившимъ въ ней свою власть, должно быть приписано мало почетное дѣло уничтоженія древнихъ ирландскихъ обычаевъ. По существу въ древней Ирландіи не было вовсе установленныхъ законовъ, и ея судьи отнюдь не были чиновниками государства, въ римскомъ и въ современномъ смыслѣ этого слова: названіе судьи «brithem», превращенное англичанами въ «brehon», имѣло значеніе «посредникъ». Вершители правосудія воспитывались въ особыхъ школахъ, гдѣ научались древнимъ обычаямъ и правовымъ порядкамъ, изучали пословицы и поэмы; они отнюдь не законодательствовали—на это народъ не давалъ имъ права, они лишь высказывали свое мнѣніе въ спорныхъ случаяхъ. Каждый изъ жителей, предъ лицомъ ихъ, разсматривался какъ равный, онъ излагалъ, въ чемъ предметъ спора, и каковы его доводы, судьи-посредники ограничивались тѣмъ, что высказывали свое мотивированное мнѣніе о совершившихся фактахъ. Но если этотъ приговоръ посредниковъ не обладалъ никакой силою принудительности по отношенію къ данной личности, то зато имѣлъ огромную власть надъ общественнымъ мнѣніемъ. Если лицо, признанное посредниками виновнымъ, отказывалось признавать ихъ рѣшеніе и объявляло, что не желаетъ уступать противной сторонѣ, судьи объявляли, въ свою очередь, что въ такомъ случаѣ тотъ, кто противится ихъ рѣшенію, «отлучается и отъ Бога и отъ людей». Приговоренный переставалъ принадлежать къ обществу; ни одинъ изъ его должниковъ не былъ обязанъ платить ему свои долги; никто изъ его ближнихъ не былъ обязанъ помогать ему въ несчастьи. Всѣ переставали знаться съ нимъ, какъ если бы жизнь его уже кончилась. Въ силу этого почти всегда онъ предпочиталъ подчиняться рѣшенію судей и исполнялъ требованія ихъ приговора, заключавшіяся обыкновенно въ томъ, чтобы вознаградить пострадавшаго тѣмъ или другимъ числомъ головъ скота, тѣми или другими вещами или инструментами, или же, если онъ принадлежалъ къ классу «nemed» или «священныхъ»—къ королямъ, къ аристократіи, къ священникамъ, къ ученымъ, къ учителямъ или мастерамъ,—онъ долженъ былъ выдержать еще и постъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго періода. Это судебное устройство, возникшее въ очень древнія времена, вкоренилось столь сильно въ сознаніе ирландскаго народа, что правовые порядки британцевъ могли его замѣнить лишь въ концѣ XVII вѣка. Послѣдніе судьи-посредники и вслѣдъ за ними тяжущіеся, окруженные толпою друзей и любопытныхъ, поднимались на вершину высокаго холма,—они произносили свой приговоръ, залитые лучами свѣта и окруженные широкимъ кругозоромъ [1]).

1) D'Arbois de Jubainville. Ernest Nys. Société Nouvelle, Mai 1896, p. 604.

Въ теченіе долгаго періода своей дѣятельности ирландскіе судьи были судьями въ высшей степени исключительными, если справедливо то, что о нихъ разсказываютъ: они всегда старались внушить народу, чтобы тотъ, поскольку это только возможно, обходился безъ ихъ помощи, и чтобы тяжущіеся пытались непосредственно войти другъ съ другомъ въ соглашеніе и уважали взаимно данное слово, которое называлось у ирландцевъ «договоромъ устъ». Какъ бы то ни было, но достовѣрно извѣстно, къ великой чести ирландской націи, что устные договоры считались въ Ирландіи народомъ долгое время болѣе цѣнными, чѣмъ договоры письменные, въ которыхъ уже самая необходимость подписи возбуждала сомнѣніе въ дѣйствительной честности заключающихъ договоровъ. «Бываетъ три случая, когда народъ умираетъ: это когда онъ утрачиваетъ свою доброту, когда наступаетъ моровая язва или война, и, наконецъ, когда нарушаются устные договоры». Это чрезвычайное уваженіе къ своему слову обнаруживало у культурныхъ ирландцевъ большую заботу о собственномъ достоинствѣ, и различныя черты изъ ихъ общественной жизни свидѣтельствовали, дѣйствительно, о замѣчательно большомъ просторѣ, предоставлявшемся отдѣльной личности въ сношеніяхъ съ себѣ подобными. Такъ, формы брака варіировали у нихъ согласно желанію вступающихъ въ бракъ: можно было вступить въ бракъ на пробу на одинъ годъ или болѣе, чтобы испытать другъ друга и гарантировать взаимные интересы въ случаѣ несогласія. Само семейство не разсматривалось какъ кругъ, совершенно замкнутый: молодой ученикъ могъ сдѣлаться, напримѣръ, «сыномъ» своего учителя, и послѣдній принималъ титулъ «отца-кормильца»; тотъ и другой должны были тогда помогать другъ другу до самой смерти [1]).

Въ ту эпоху, къ которой относится появленіе законодательнаго памятника Сеншусъ-Моръ, т.-е. около середины V вѣка, ирландское общество дѣлилось на кланы; можно было, однако, различить уже и общественные классы, основывавшіеся не на благородствѣ крови или силѣ оружія, а, съ одной стороны, на богатствѣ, съ другой—на знаніи. Каста ученыхъ людей дѣлилась сама на 10 классовъ, сперва сообразно съ числомъ легендъ или преданій, которыя зналъ ученый. Высшій аристократическій классъ «олламъ» удерживалъ въ своей памяти, по меньшей мѣрѣ, 350 преданій, тогда какъ низшій классъ зналъ лишь 7 легендъ, имѣя, впрочемъ, также нѣкоторыя познанія въ искусствахъ, въ грамматикѣ и въ музыкѣ, въ рецептахъ химіи и въ правѣ. Такимъ образомъ, ученые Ирландіи были похожи на древнихъ друидовъ галловъ [2]),

---

1) Ernest Nys, op. cit., p. 608.—2) М. М. Ковалевскій. «Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи» (М., 1885; перев. по-французски 1893, p. 370).

съ тѣмъ лишь отличіемъ, что не были обязаны поучать религіознымъ доктринамъ; въ ихъ рукахъ оставалась лишь власть произносить судебные приговоры, и, что бы тамъ ни говорили они, вѣроятно, ею нерѣдко злоупотребляли. Такимъ образомъ, напримѣръ, во время одного знаменитаго процесса, называемаго «Діалогомъ двухъ докторовъ», ученые формулировали рѣшеніе совершенно непонятнымъ для всѣхъ образомъ, вслѣдствіе высокопарности и цвѣтистости языка. Тогда выборные отъ народа принесли жалобу королю Коншебару: «эти люди—говорили они—претендуютъ на монополію справедливости и знанія, но мы не поняли ни слова изъ того, что они сказали». Король постановилъ, что ученые и впредь могутъ высказывать свои рѣшенія, но что въ окончательномъ рѣшеніи будетъ принимать участіе весь народъ [1]).

Литература Ирландіи была относительно богата въ эту эпоху. Наука и всѣ носители знанія пользовались здѣсь великимъ уваженіемъ, безразлично: являлись ли они представителями древней мысли, или провозвѣстниками новой религіи, каковыми были, напримѣръ, ирландскіе монахи, принесшіе горнымъ жителямъ Ирландіи первыя начала христіанства. Это уваженіе къ знанію было однимъ изъ величайшихъ факторовъ въ томъ постепенномъ превращеніи идей и нравовъ, которое произошло въ теченіе среднихъ вѣковъ; благодаря свободѣ передвиженія, обусловленной всеобщимъ уваженіемъ къ знаніямъ, христіанскихъ миссіонеровъ встрѣчали всюду съ большими почестями, и они являлись настоящими посредниками между народами, даже въ томъ случаѣ, когда эти народы вели между собою войну. Вѣстники мира, бродившіе подъ различными наименованіями по Европѣ, — странствующіе музыканты, игравшіе на различныхъ инструментахъ, разсказчики и пѣвцы поэмъ, проповѣдники тѣхъ или иныхъ идей и вѣрованій, несмотря ни на что, работали на пользу сближенія людей между собою, въ то время какъ войны и акты насилія стремились ихъ разъединить. Въ теченіе распаденія Имперіи Каролинговъ, равно какъ и каждый разъ, когда норманны появлялись у береговъ Европы съ цѣлью грабежа и завоеванія прибрежныхъ странъ, сношенія между отдѣльными народами не прерывались окончательно, именно благодаря странствующимъ пѣвцамъ, поэтамъ и миссіонерамъ, этимъ носителямъ мира,—передъ ними всѣ дороги всегда были открытыми.

Давленіе германскаго міра на міръ латинскій было остановлено и даже отброшено къ востоку германцемъ Карломъ Великимъ,—общее движеніе переселенія народовъ было отклонено съ прежнихъ путей. Побѣжденные саксы были оттѣснены къ сѣверу, въ страны скандинавовъ,

1) D'Arbois de Jubainville. «Senchus Môr», p. 99.

жившихъ на Балтійскомъ побережьѣ, и къ востоку, въ страны славянъ и финновъ. Эти послѣдніе не имѣли достаточно силъ, чтобы продолжать свое движеніе на западъ, скандинавы же, видя предъ собою свободное море, должны были пользоваться имъ для своихъ разбойничьихъ набѣговъ и завоеваній въ размѣрахъ тѣмъ болѣе широкихъ, чѣмъ сильнѣе давили на нихъ со стороны ихъ южной границы. Движеніе, происходившее въ великую эпоху переселенія народовъ, движеніе, благодаря

Норвежская долина въ оконечности фьорда.

которому батавскіе и бретанскіе берега, равно какъ и берега сѣверной и западной Галліи, населились ютами, фризами, саксами и англами, началось съ новою силою. Датчане и норвежцы, которые часто смѣшиваются въ исторіи подъ наименованіемъ «норманновъ» или «людей сѣвера», стали производить все чаще и чаще свои разбойничьи набѣги,— это была эпоха «викинговъ», т.-е. «людей изъ устьевъ рѣкъ», пересѣкавшихъ моря, чтобы неожиданно высадиться гдѣ-нибудь на островахъ или на побережьѣ, перебить всѣхъ жителей, носящихъ оружіе, похитить женъ и завладѣть добычей.

Викинги были скорѣе моряками, чѣмъ обитателями суши, и разсматривали всю сѣверную область сѣверной Европы какъ свое отечество, раздѣляемое лишь морскими водами, заливами и проливами на острова, на полуострова. Данія, хотя она и привязана къ континенту,

составляла для нихъ такую же точно страну, какъ и всѣ другія приморскія страны сѣвера. Полуостровъ этотъ вполнѣ справедливо, какъ съ точки зрѣнія географіи, такъ и этнологіи, причисляется къ Скандинавіи. Одна изъ легендъ древней Эдды разсказываетъ намъ, какъ шведскій король Гильфи отблагодарилъ богиню Гафіонъ за то, что она растрогала его своимъ пѣніемъ,—онъ подарилъ ей островъ Зеландъ, отдѣливъ его отъ сосѣдняго материка глубокою бороздою, проведенною плугомъ, въ который были запряжены четыре быка [1]).

Впрочемъ, датчане, будучи свободными со стороны моря, позаботились о томъ, чтобы защитить себя стѣною со стороны суши. Суженное мѣсто полуострова являлось въ высшей степени благопріятнымъ для возведенія защитныхъ сооруженій. Съ восточной стороны, со стороны склона къ Балтійскому морю имѣлся рядъ проливовъ и небольшихъ озеръ, бывшихъ продолженіемъ настоящаго глубокаго фіорда, залива Шлей, который вдавался на 40 километровъ внутрь страны и былъ достаточно глубокъ для того, чтобы давать доступъ судамъ крупныхъ размѣровъ. Съ запада глубокія устья рѣкъ, болота и трясины дѣлали мѣстность совершенно непроходимою для всѣхъ, кромѣ туземцевъ, жившихъ настоящими амфибіями и умѣвшихъ передвигаться въ челнокахъ и пробираться по болотамъ. Между этимъ восточнымъ заливомъ и болотами оставался перешеекъ шириною въ какихъ-нибудь 15 километровъ, которымъ съ незапамятныхъ временъ пользовались перевозчики кладей, доставлявшіе товары изъ залива Шлей въ медленно текущую рѣку Треене, которая извивается среди болотистой мѣстности. Именно на этомъ-то перешейкѣ Датскаго полуострова король Готрикъ построилъ въ 808 г. стѣну, служившую для защиты. Прежде всего онъ вырылъ «Кограбенъ» или «ровъ коровъ», который могъ служить въ то же время каналомъ для судовъ, за нимъ же построилъ прочную стѣну, названную «Даневеркъ» — «произведеніе датчанъ». Около восточной оконечности этой стѣны находились единственныя ворота, Виглесдоръ, служившія въ мирныя времена для прохожденія купцовъ и пастуховъ съ ихъ скотомъ и закрывавшіяся во времена войны. Императоръ Оттонъ II и другіе германскіе властители останавливались передъ этимъ препятствіемъ и даже еще въ 1864 г. пруссакамъ, несмотря на всѣ ихъ страшныя орудія войны, приходилось брать это препятствіе силою. Недалеко отъ воротъ, вблизи современнаго города Шлезвига, находился въ средніе вѣка островъ Хайтабу (Хедеби), на которомъ археологи нашли драгоцѣнные остатки, выяснившіе всѣ детали цивилизаціи той эпохи: тамъ были найдены монеты и различные предметы, свидѣтельствующіе о важномъ значеніи торговли Хедеби, распространявшейся вплоть до востока. Во вре-

1) «Edda», Der Gesang bei der Mühle». Edition de Hans von Wolzogen, p. 405

мена Ганзы Хедеби съ его каналомъ былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлался въ

№ 295. Перешеекъ полуострова Даніи.

Въ настоящее время весь перешеекъ полуострова принадлежитъ всецѣло Германской имперіи. Граница проходитъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Рибъ и Кольдинга, затѣмъ идетъ по Малому Бельту, оставляя въ сторонѣ острова Фюненъ и Лаландъ, принадлежащіе Даніи.

Между устьемъ Эльбы и Килемъ нанесенъ морской каналъ, открытый нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

настоящее время лежащій по сосѣдству городъ Киль, связанный каналомъ съ устьемъ Эльбы [1]).

---

1) Fräulein Mestorf. «Mitt. d. Anthropologischen Vereins in Schleswig-Holstein». Heft 14, 1901.

Суровая и дикая природа, среди которой жили обитатели береговъ Скандинавскихъ морей, подготовляла ихъ къ жизни, полной опасностей и труда, къ жизни, которая подъ давленіемъ тяжелыхъ экономическихъ условій должна была выродиться въ жизнь, основанную на разбоѣ и грабежѣ. Сѣверное небо нерѣдко затянуто туманами и тучами, море неспокойное и бурное, у береговъ всюду песчаныя мели и островки, о которые разбиваются волны, покрывая ихъ бѣлою пѣною, наконецъ, встрѣча прилива и отлива увлекаетъ воды въ опасный для мореходовъ водоворотъ. Прямо изъ моря поднимаются высокіе гранитные мысы и скалы, достигая облаковъ, разрывающихся на нихъ въ клочья, темные прорывы разсѣкаютъ эти утесы, и по нимъ сбѣгаютъ водопады; морскіе заливы, фіорды, замыкаются у входа островами и рифами, проникаютъ далеко вглубь материка и прихотливо вѣтвятся въ боковыхъ долинахъ между утесами, отполированными древними ледниками; по склонамъ горъ и на плоскогорьяхъ виднѣются темныя полосы хвойнаго лѣса, составляющія яркій контрастъ съ пятнами снѣга. Всюду мы находимъ грандіозную и страшную природу, мы не видимъ передъ собою веселой картины, развѣ лишь гдѣ-нибудь на берегу моря замѣчается селеніе, окруженное лугами, тянущимися вдоль побережья.

Отдѣльные кланы норманновъ или норвежцевъ находили въ этихъ долинахъ, являющихся продолженіемъ фіордовъ, достаточное количество плодородныхъ земель для того, чтобы снискать себѣ пропитаніе; они обладали, кромѣ того, въ сосѣднихъ водахъ настоящими садками рыбы; здѣсь были наилучшія условія для образованія небольшихъ федеративныхъ республикъ, изъ коихъ каждая владѣла циркомъ горъ, группирующихся вокругъ залива. Одна отъ другой онѣ были изолированы скалами, лѣсами и снѣгами, бо̀льшая часть общинъ могла долгое время сохранять свою автономію—и моральныя качества ея членовъ тѣмъ сильнѣе увеличивались, чѣмъ сильнѣе развивались ихъ храбрость и инціатива. Такъ, Трондьемскій округъ, менѣе изрѣзанный крутыми хребтами, чѣмъ другія области побережья на юго-западѣ и на сѣверо-востокѣ, раздѣлялся естественно на 8 «fylke» или небольшихъ республиканскихъ конфедерацій, число которыхъ соотвѣтствовало числу долинъ. Обитатели страны, извѣстные подъ наименованіемъ «траэндеровъ», были достаточно многочисленны для того, чтобы образовывать могущественную группу населенія, но ни одинъ изъ городовъ не подчинился бы власти другихъ общинъ: каждое рѣшеніе, затрагивающее общіе интересы, обсуждалось свободно всѣми гражданами, земледѣльцами и рыбаками. Въ то же время непосредственно къ югу отъ Трондьема, по другую сторону сравнительно невысокихъ хребтовъ (670 метровъ), открываются широкія долины озеръ и рѣкъ, обращенныя къ фіорду Христіаніи и къ владѣніямъ Швеціи; въ этихъ южныхъ частяхъ Норвегіи, подвергавшихся во всѣ

времена германскому вліянію, мы это видимъ даже и теперь еще въ началѣ XX столѣтія,—королевская власть была уже въ эпоху Карла

№ 296. Область Трондьема и норвежскаго королевства.

Великаго прочно утвердившеюся и угрожала даже всѣмъ мелкимъ князькамъ и небольшимъ республиканскимъ общинамъ. Разсказываютъ, что, согласно закону, называвшемуся по имени одной изъ конфедерацій траэндеровъ «Фрестенскимъ», правомъ и даже долгомъ каждаго свобод-

наго человѣка или «buendi» было убить любого князя или любого короля, который завладѣлъ бы его имуществомъ или инымъ способомъ нарушилъ бы мирную жизнь его дома. Одно изъ преданій, именно легенда о собакѣ-королѣ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя подданные питали къ королевскому сану. Побѣжденнымъ обитателямъ Трондьема, по этой легендѣ, было предоставлено на выборъ избрать своимъ королемъ либо собаку, либо одного изъ министровъ побѣдителя; они избрали собаку въ надеждѣ, что она скорѣе околѣетъ. Дѣйствительно, ночью

Украшенія и оружіе норманновъ.

дворецъ собаки-короля окружили дикіе звѣри, и несчастное животное не могло отъ нихъ защититься и было разорвано въ клочки [1]).

Воспоминанія о грабежахъ и убійствахъ, совершавшихся древними норманнами по берегамъ Западной Европы, воспоминанія, о которыхъ сохранились цѣлыя легенды, заставляли лѣтописцевъ и историковъ видѣть въ этихъ обитателяхъ сѣвера лишь грубыхъ варваровъ, совершенно нецивилизованныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ во многихъ отношеніяхъ варвары эти были гораздо культурнѣе того населенія, у котораго они отнимали города и богатства. Ихъ вооруженіе, щиты, панцыри, мечи были сдѣланы несравненно изящнѣе; ихъ клинки были лучше отточены и лучше закалены. Одежды ихъ были богаче, такъ какъ искусство тканья и вышиванья было у нихъ болѣе развито. Суда ихъ были кра-

1) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 14.

сивѣе, лучше оснащены и прочнѣе построены,—каждое изъ судовъ могло поднимать нѣсколько сотъ гребцовъ и воиновъ. Они вели очень оживленную торговлю, особенно съ восточными странами; они могли достичь ихъ лишь путемъ обмѣна товаровъ, а отнюдь не путемъ вооруженныхъ нападеній; на многихъ островахъ Балтійскаго моря, вплоть до Норвегіи, были открыты клады, состоявшіе изъ монетъ византійскихъ и персидскихъ династій Сассанидовъ и Абассидовъ. Точно также были найдены драгоцѣнности, происходившія изъ Греціи и изъ Азіи, различ-

Изображеніе солнца въ бронзовый вѣкъ.
Отчасти золоченая бронза, найденная на островѣ Зееландъ.

ные браслеты, застежки, кольца и ожерелья: торговля и морской разбой прекрасно уживались у норманновъ совершенно такъ же, какъ они уживались ранѣе у финикіянъ и грековъ и какъ въ наше время уживаются у малайцевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно на востокѣ и въ средиземноморскомъ мірѣ нужно искать зачатковъ скандинавскаго искусства, которое развивалось постепенно и вполнѣ оригинальными путями. Даже письменность норманновъ, буквы, при помощи которыхъ воспроизводились саги, появляются впервые въ видѣ искаженныхъ и плохо скопирован-

ныхъ латинскихъ буквъ; однако, мало-по-малу, эти грубые знаки превращаются въ «руны», обладающія совершенно инымъ, очень характернымъ внѣшнимъ видомъ [1]).

У этой суровой народности поведеніе отдѣльныхъ ея представителей было въ высокой степени благороднымъ и рыцарскимъ; въ случаяхъ борьбы норманновъ допускалась лишь борьба равнаго съ равнымъ,— между двумя одинаковыми воинами или двумя одинаковыми боевыми судами. Предводители нерѣдко сами принимали вызовъ и рѣшали свои споры единоборствомъ, обыкновенно на какомъ-нибудь островкѣ, на глазахъ обѣихъ дружинъ, которыя, располагаясь по берегамъ, смотрѣли на борьбу своихъ начальниковъ. Иногда вмѣсто военачальниковъ воины той и другой дружины выбирали съ обѣихъ сторонъ по бойцу и уславливались между собою въ томъ, что за побѣдившей стороной будетъ признана побѣда. Высоко ставя свою славу, норманнъ охотно хвастался своими подвигами,—умереть въ благородномъ бою было для него большою радостью, особенно если на немъ лежалъ долгъ мести за собратьевъ по оружію или за брата по крови или за друга, съ которымъ онъ былъ связанъ клятвой вѣрности. Умереть отъ болѣзни или отъ старости считалось постыднымъ, разсматривалось какъ наказаніе, ниспосланное богами. Король Гаконъ, которому угрожала такая обычная смерть простыхъ мирныхъ жителей, приказалъ перенести себя на свою военную ладью, вышелъ въ море, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, дувшимъ съ берега, и самъ зажегъ костеръ на кораблѣ, который послужилъ ему гробницею.

Однако, рабство, явившееся результатомъ войнъ, закралось и въ среду этихъ свободныхъ людей; чужеземцы, взятые въ сраженіяхъ, оставались плѣнниками. Впрочемъ, настоящаго рабства не было среди свободныхъ людей сѣвера,—у каждой семьи былъ земельный участокъ, который она воздѣлывала трудомъ своихъ рукъ. Въ этомъ отношеніи наблюдался совершенный контрастъ между конфедераціями траэндеровъ съ одной стороны и монархическимъ государствомъ Даніи—съ другой; тамъ, подъ вліяніемъ германскихъ нравовъ, земледѣльцы, постепенно прикрѣплявшіеся къ землѣ, стали настоящими рабами и сдѣлались такимъ же предметомъ торговли, какъ рабочій скотъ. Береговыя области залива Христіаніи являлись переходной страной между областью Трондьема и Даніей; все, что проникало съ юга, шло именно этимъ путемъ,— имъ шло и монархическое правленіе, и рабство, и христіанство. Техническія знанія, проникшія по этому пути, нашли, однако, здѣсь среди норманновъ ремесленниковъ уже очень искусныхъ.

---

1) Alfred Maury. «La vieille Civilisation Scandinave». Revue des Deux-Mondes, 15. IX. 1880.

Одинъ изъ норманновъ, нѣкто Оттаръ, упоминаемый въ лѣтописяхъ,

№ 297. Скандинавія.

является даже великимъ путешественникомъ,—онъ совершилъ путешествіе, не имѣвшее въ тѣ времена себѣ равнаго и удивительное особенно

полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо стремленій къ выгодѣ. Этотъ воитель задался вопросомъ, что можетъ находиться у сѣверныхъ береговъ за тѣми островами и мысами, о которыхъ ему говорили рыболовы. «Онъ не зналъ и желалъ это узнать»,—таково было его собственное наивное выраженіе. Оттаръ отправился въ путь въ 870 г. на небольшомъ суднѣ и плылъ все время вблизи береговъ; неоднократно онъ вступалъ въ сношенія съ туземцами, рыболовами и охотниками, и узналъ, что они принадлежатъ къ совершенно иной народности, чѣмъ его собственная,—это были лопари, жившіе тамъ такъ же, какъ и въ настоящее время. Послѣ трехдневнаго пути за тѣми предѣлами, которыхъ достигали до него китобои, онъ замѣтилъ, что берегъ направляется къ востоку, и, обогнувъ самый сѣверный мысъ полуострова Скандинавіи, плылъ въ теченіе 4 дней вдоль берега, носящаго теперь наименованіе Мурманскаго [1]); затѣмъ онъ вступилъ въ море, по которому черезъ пять дней плаванія попалъ въ устье рѣки,—это была Сѣверная Двина, впадающая въ Бѣлое море. Онъ не рѣшился тамъ высадиться на берегъ, такъ какъ боялся «біармієвъ» или «пермяковъ»,—представители этой народности финскаго происхожденія собрались во множествѣ и угрожали убить норманновъ или взять ихъ въ рабство. Оттаръ вернулся обратно въ западную Скандинавію, установивъ то, что было до него не извѣстно, именно, что земли норманновъ не являются отдѣльнымъ островомъ въ Сѣверномъ морѣ, но соединены съ континентомъ. Около того же времени другой норманнъ, Вульфстанъ, изслѣдовалъ въ географическомъ отношеніи всѣ южные острова Балтійскаго моря до береговъ Эстоніи, «богатой медомъ и рыбою» [2]). Около семи вѣковъ прошло затѣмъ до того времени, когда другіе мореплаватели по стопамъ Оттара обогнули Нордкапъ и проникли въ Бѣлое море,—лишь въ 1553 г. англійскій мореплаватель Виллаугби посѣтилъ берега этихъ сѣверныхъ морей, омывающихъ Россію [3]).

Бо́льшая часть путешествій норманновъ имѣла, однако, своею причиною не столько наивную страсть къ знанію, сколько стремленіе къ грабежамъ и завоеваніямъ. Около середины VIII вѣка, въ ту эпоху, когда утвердилась власть королей Австразіи, основателей каролингской династіи, началась и эпоха «викинговъ», этихъ страшныхъ пиратовъ, представлявшихъ какъ бы одно цѣлое со своими быстроходными боевыми судами, у которыхъ носъ былъ украшенъ пастью дракона. До нѣкоторой степени причиной такого вооруженнаго похода норманновъ къ берегамъ Западной Европы являлись экономическія условія. Въ данномъ случаѣ не только играло роль то обстоятельство, что саксы тѣс-

1) Самое названіе «Мурманъ» стоитъ въ связи съ именемъ «норманновъ».—2) Bosworth. «King Alfred, Anglo-Saxon Version of Orosius»; Löwenberg. «Gesbichte der Geographie», p. 90.—3) Oscar Peschel. «Geschichte der Entdeckungen», pp. 80 ss.

нились франками и, въ свою очередь, тѣснили датчанъ, а тѣ вытѣсняли норманновъ, заставляя ихъ изъ внутренней части страны двигаться къ морю, но и увеличеніе жителей въ этой странѣ со здоровымъ климатомъ, гдѣ болѣзни такъ рѣдки. Вынужденное выселеніе норманновъ не могло происходить мирнымъ путемъ въ эти времена всеобщихъ кровавыхъ столкновеній: оно неизбѣжно должно было принимать характеръ воинственныхъ набѣговъ. Обыкновенно въ самихъ семьяхъ норманновъ происходило раздѣленіе: тогда какъ старшіе сыновья оставались защищать отеческія земли, младшіе направлялись въ море, волны котораго несли ихъ къ новымъ странамъ болѣе богатымъ, чѣмъ страна ихъ предковъ Эти добровольные изгнанники произносили клятву на своемъ мечѣ, при помощи котораго они надѣялись завоевать себѣ счастье на чужбинѣ; они клялись также своимъ «дракономъ»-ладьей, уносившей ихъ ежегодно въ новую мѣстность, гдѣ можно было пограбить. Судно это являлось священнымъ,—его крестили кровью военноплѣнныхъ, которыхъ помѣщали между вальками при спускѣ судна [1]). Знамя Гарольда Жестокаго несло на себѣ многозначащее слово «Landöde», т.-е. «разоритель странъ».

Скандинавская ладья.

1) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 17.

Въ первыя времена этихъ разбойничьихъ набѣговъ у каждаго скандинавскаго рыцаря («jarl»), занимавшагося этимъ смертоубійственнымъ дѣломъ, было свое особое знамя; позднѣе, когда набѣги превратились въ регулярныя ежегодно совершавшіяся экспедиціи, отдѣльные «предводители мысовъ» стали соединять свои военныя шайки въ настоящія арміи, которыя вторгались съ полнымъ сознаніемъ своей общности и своей обособленности по религіи и цивилизаціи отъ латинскаго міра. Тогда норманны стали сражаться «за Одина и за Тора противъ бѣлаго Христа»,—они сдѣлались рыцарями мрачныхъ божествъ сѣвера. Религіозная ненависть была движущимъ началомъ, заставлявшимъ норманскихъ завоевателей проявлять особую жестокость къ монастырямъ и къ церквамъ, истреблять и сжигать священныя реликвіи, убивать монаховъ и священниковъ. Однако, въ этомъ ужасномъ соперничествѣ, замѣчавшемся между обоими религіозными культами, появлялось христіанское вліяніе. На самомъ дѣлѣ, выставлявшіяся] народностями символическія личности по существу были однѣми и тѣми же. Это былъ скандинавскій старый Одинъ или Вотанъ, облаченный въ сѣрый какъ морскіе туманы плащъ, съ двумя воронами, каркающими пророчества на плечахъ, а со стороны христіанъ—Богъ-Отецъ, также отягощенный годами, съ главой, окруженной сіяніемъ и съ парящимъ надъ нимъ голубемъ. Подобнымъ же образомъ скандинавскій богъ Торъ, потрясающій громомъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ Богу-Сыну, Высшему Судіи, который будетъ взвѣшивать на вѣсахъ дѣйствія живыхъ и мертвыхъ. При столкновеніи обѣихъ религій божества скандинавскія, несмотря на то, что это были божества побѣдителей, должны были постепенно измѣнять свою физіономію и становились все болѣе и болѣе похожими на божества христіанскія; впрочемъ, норманны вѣдь знали впередъ, такъ гласили даже ихъ древнія пророчества, что боги ихъ должны умереть! Предъ вѣрующими начинали вырисовываться новыя божественныя личности — это были ожидаемые наслѣдники [1]). Однако, какъ всегда, оффиціальное обращеніе всего народа совершалось чрезвычайно медленно. Норманны-язычники были разбойниками; разбойниками же оставались еще долгое время и ихъ обращенные уже въ христіанство потомки. Одна изъ сагъ XII вѣка разсказываетъ, что король Зигурдъ отправился посѣтить короля іерусалимскаго Бодуина. Плывя вдоль береговъ во главѣ многочисленной флотиліи, онъ говорилъ своимъ воинамъ: «если мы встрѣтимъ торговое судно, нападайте на него и грабьте; если экипажъ его состоитъ изъ христіанъ, мы отдадимъ имъ половину того, что мы взяли отъ нихъ, такъ какъ надо помогать своимъ братьямъ; если же они язычники, то мы возблагодаримъ Господа»!

---

1) Max Müller. «Essais de Mythologie comparée», trad. par G. Perrot, p. 227.

Требованія распространителей христіанства, чтобы время было раздѣлено на недѣли, по семи дней въ каждой, являлось одной изъ причинъ, задерживавшихъ установленіе христіанства среди населенія сѣвера. Эти простые безхитростные люди не могли понять, почему они должны раздѣлять время совсѣмъ наперекоръ всѣмъ своимъ привычкамъ, только изъ-за одного того, что Богъ шесть дней употребилъ на устройство міра и на седьмой день опочилъ отъ трудовъ. Такое раздѣленіе времени сдѣлалось общераспространеннымъ въ римской имперіи и было принято германцами, по всѣмъ вѣроятіямъ, два или три столѣтія спустя [1]). Сѣверные обитатели, однако, привыкшіе приспособляться ко временамъ года, работать въ теченіе долгихъ лѣтнихъ дней и приноравливать всѣ свои празднества къ продолжительнымъ зимнимъ ночамъ, не признавали такихъ правильныхъ перерывовъ нормальнаго теченія жизни и сплошного равномѣрнаго раздѣленія, какъ лѣта, такъ и зимы, на семидневные періоды. Съ другой стороны, господа отказывались кормить своихъ рабовъ въ дни отдыха, а рабы, съ своей стороны, отказывались соблюдать постные дни [2]).

Набѣги морскихъ пиратовъ-норманновъ были направлены, главнымъ образомъ, на острова и берега запада Европы. Въ 795 г. они завладѣли островомъ Ратлиномъ, лежащимъ у сѣверо-восточнаго угла Ютландіи, и, опираясь на него, распространяли свою власть на всѣ фіорды Шотландіи и на море, носящее въ настоящее время названіе пролива св. Георгія. Вскорѣ они заняли также Гебридскіе острова, затѣмъ съ начала IX вѣка стали нападать на островъ св. Іоны, съ котораго вышло столько миссіонеровъ, отправившихся въ сосѣднія страны. Они обосновались какъ бы въ центрѣ своихъ завоеваній на полуостровѣ Катнибѣ, называемомъ теперь Кетнессомъ, и на островѣ Мэнѣ, который долгое время принадлежалъ имъ и именно этому обстоятельству обязанъ тѣмъ, что образуетъ и до сихъ поръ оффиціально отдѣльное королевство, входящее въ составъ Британской имперіи. Въ дѣлѣ завоеваній выработалось даже нѣкотораго рода раздѣленіе труда. Тогда какъ норвежцы занялись колонизаціей сѣверныхъ острововъ Шотландскихъ и Оркадскихъ и сосѣднихъ областей верхней Шотландіи, которая еще до сихъ поръ въ память ихъ носитъ названіе Сузерланда или «южной земли», датчане устроились на берегахъ Англіи, гдѣ они играли роль скорѣе цивилизаторовъ, чѣмъ завоевателей. Король Канутъ (Кнутъ), царствовавшій одновременно надъ землями, населенными скандинавами, и надъ землями бретонцевъ и англовъ, оставилъ послѣ себя воспоминаніе, какъ монархъ

1) Geffroy. «Rome et les Barbares», p. 116.—2) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 26.

чрезвычайно справедливый и мудрый, что говоритъ уже въ пользу той цивилизаціи, которой онъ являлся представителемъ.

№ 298. Западные берега Шотландіи.

Господствуя надъ британскими морями, норманны проникли также далеко и въ заливы и устья рѣкъ континента Европы. Въ теченіе трехъ четвертей вѣка, съ 820 по 891 годъ, они опустошили всю приморскую область Нидерландовъ, методически пользуясь устьями рѣкъ Рейна, Мааса, Шельды, для того, чтобы посѣщать различныя внутреннія об-

ласти и вести дѣло опустошенія страны «съ такою же тщательностью, какъ любое хорошо поставленное коммерческое дѣло» [1]). Имъ удалось даже основать въ 881 г. вблизи Мастрихта въ Ельслоо [2]) нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря, изъ котораго они дѣлали набѣги на окружающіе

№ 299. Сѣверные берега Шотландіи.

Карты №№ 298 и 299 отчасти захватываютъ одну и ту же область; такъ, сѣверная оконечность острова Скей изображена на обѣихъ картахъ.

города и монастыри, и куда они складывали свою добычу. Ничто не могло противостоять имъ, за исключеніемъ крѣпостей, которыхъ они, снабженные лишь оружіемъ моряковъ, не имѣли возможности взять приступомъ; зато они разрушали города, селенія и монастыри, — именно бла-

---

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», p. 37. — 2) См. карту № 293, стр. 477

годаря норманнамъ, не сохранилось до нашего времени никакихъ слѣдовъ скульптуры и архитектуры эпохи Каролинговъ.

Во Франціи ладьи норманновъ поднимались вверхъ по Соммѣ, Сенѣ, Виленѣ, Луарѣ, Гароннѣ и Адурѣ.

Отсутствіе связи и взаимной поддержки въ томъ политическомъ цѣломъ, которое носило названіе «Франціи», было такъ велико, что норманны на 120 ладьяхъ доходили даже до Парижа (въ 845, 856,

Западный берегъ о. Іоны.

861 гг.) и грабили его предмѣстья, покидаемыя жителями; затѣмъ, по прошествіи въ теченіе нѣкотораго періода времени, они, благодаря побѣдамъ Роберта Сильнаго, предка Капетинговъ, должны были воздержаться отъ набѣговъ; когда же этотъ періодъ миновалъ, они появляются снова подъ стѣнами города (въ 885 г.) и, послѣ полуторагодовой блокады, получивъ съ него выкупъ, двигаются далѣе до Бургони и опустошаютъ городъ Санъ. Отдѣльные опорные пункты, острова и мысы служатъ имъ вооруженными лагерями, откуда они производятъ набѣги, гдѣ они защищаются въ случаѣ нападенія, и гдѣ складываютъ свою добычу,— на рѣкѣ Сенѣ такимъ лагеремъ былъ островъ Уассель, на полуостровѣ Котанте, господствующемъ одновременно надъ Ламаншемъ и островами Джерси, такую же роль играла мѣстность Хагъ-дикъ; на берегу океана для той же цѣли служили острова Нуармутье и Рэ. Въ 844 г. мы встрѣчаемъ норманновъ уже далеко отъ морского берега, такъ какъ они

вступаютъ въ Перигэ воротами, которыя получили съ тѣхъ поръ названіе «Норманнскихъ воротъ»—доказательство легкости, съ которой эти морскіе пираты преобразовались въ настоящія пѣшеходныя и кавалерійскія войска, такъ какъ, конечно, они не могли достигнуть Исля въ своихъ морскихъ ладьяхъ. Нападенія ихъ на королевство столь хорошо

№ 300. Набѣги норманновъ на Францію.

предусматривались, что съ населенія взимался даже правильный налогъ, носившій названіе «норманнскаго налога». Между городами континента, подвергшимися нападенію норманновъ, должно отмѣтить города: Э-ла-Шапель, Кёльнъ, Трэвъ, Мецъ, Майнцъ, Вормсъ, Нантъ, Манъ, Бордо, Тулуза, Меленъ, Мо, Санъ и даже Клермонъ. Предполагаютъ также, что норманны проникли вплоть до Швейцаріи, въ долину Гасли, и что именно они принесли мѣстнымъ жителямъ легенду о Вильгельмѣ Теллѣ, позднѣе приписывавшуюся самимъ республикански настроеннымъ жителямъ Гель-

веціи. Наконецъ, дружина норманновъ въ 859 г. имѣла почти невѣроятную для того времени смѣлость обогнуть Европу, войти въ Средиземное море, устроить вооруженный лагерь въ Камаргѣ и отправиться затѣмъ грабить итальянскіе берега, даже городъ Пизу и другіе города [1]). Сѣверные мореплаватели очень скоро приспособились къ путешествіямъ въ южныя страны и встрѣтились на этихъ берегахъ съ другими пиратами—сарацинами, которые въ 838 г. напали на Марсель и въ 869 г. взяли въ плѣнъ архіепископа Арльскаго, тогда какъ около этого же времени норманны поднялись по Ронѣ до Валанса [2]).

Въ концѣ IX вѣка Германіи снова удалось освободиться отъ набѣговъ норманновъ, благодаря побѣдѣ императора Арнульфа Каринтскаго, одержанной вблизи Лувэна на берегахъ рѣки Диль (891 г.) надъ норманнами, которые устроились тамъ еще 6 лѣтъ тому назадъ; впрочемъ, набѣги не имѣли въ эту эпоху особаго смысла, такъ какъ страна была совершенно разорена и не представляла для пиратовъ никакой цѣнности. Однако, въ другихъ частяхъ европейскаго побережья давленіе, напротивъ, увеличивалось. Тогда какъ норманны боролись съ саксами и датчанами изъ-за Англіи, другіе скандинавскіе викинги отважились пуститься въ Средиземное море чрезъ Гибралтарскій проливъ, добывали рабовъ и собирали военную добычу съ Балеарскихъ острововъ, съ африканскаго побережья, съ Италіи, съ Греціи, даже съ Малой Азіи. Начиная съ 896 г. одинъ изъ норманскихъ изгнанниковъ Ру (Рольфъ, Ролло, Роллонъ) устроился прочно на континентѣ Франціи и методически принялся завоевывать страну. Одна скандинавская армія направилась съ сѣвера на югъ по бассейну Сены, другая двигалась съ запада на востокъ по бассейну Луары, и въ промежуточныхъ равнинахъ былъ данъ цѣлый рядъ крупныхъ сраженій. На всемъ пути норманнамъ удавалось завладѣть страною, и, въ концѣ концовъ, въ 912 г., французскій король Карлъ Простой (въ смыслѣ «скудоумный») принужденъ былъ оставить всякія притязанія на завоеванныя норманнами земли и отдалъ въ ленное владѣніе Ру всю превосходную страну, которая съ того времени и стала называться «Нормандіей». Военныя силы завоевателей были, однако, слишкомъ малочисленны и не могли вытѣснить туземнаго населенія, — норманны подверглись французскому вліянію и сдѣлались французами, подобно тому какъ въ прежнія времена франки Нейстріи сдѣлались галлами. Норманны забыли свой скандинавскій языкъ, отъ котораго въ настоящее время сохранилось лишь ничтожное число словъ и лишь нѣсколько географическихъ названій; они перемѣнили также и религію и даже безъ особенно сильнаго противодѣйствія, такъ какъ перемѣна

1) Annales de St. Bertin; Alfred Maury, Revue des Deux-Mondes, 15 sept. 1880. — 2) Kleinclausz, dans «l'Histoire de France» de E. Lavisse, II, 1, p. 381.

страны и образа жизни пріучаетъ и подготовляетъ и къ перемѣнѣ культа. Однако, страсть къ приключеніямъ и къ кровавымъ битвамъ, свойственная предкамъ норманновъ, носившихся по бурнымъ волнамъ моря, долгое время не исчезала изъ души французскихъ норманновъ,— вліяніе прежней среды продолжало сказываться и въ новѣйшія времена, и именно эта древняя кровь викинговъ была причиной, побудившей Вильгельма Завоевателя предпринять завоеваніе Англіи и позднѣе Тан-

Внутренность церкви св. Климента въ Римѣ.

(Часть постройки относится къ IX вѣку).

креда—занять Италію; эта же кровь викинговъ, текшая въ жилахъ купцовъ Дьеппа и другихъ норманнскихъ городовъ, побуждала ихъ предпринимать путешествія съ цѣлью изслѣдованія Канарскихъ острововъ и Африки. Вплоть до XIII вѣка титулъ «начальника пиратовъ» считался почетнымъ титуломъ въ Нормандіи и Англіи,—въ этомъ сказывалась опять-таки древняя кровь викинговъ.

На востокѣ Европы сходное этническое движеніе охватило скандинавовъ, норманновъ и другія народности и заставило ихъ занять прибалтійскія земли. Варяги или варингеры покорили финскія племена эстовъ и славянъ морского побережья и искали только случая, чтобы уве-

личить еще значительнѣе число своихъ подданныхъ. Во многихъ мѣстностяхъ сарматскихъ равнинъ, у схожденія естественныхъ путей сообщенія основывались «rosslagen» или общины торговцевъ и промышленниковъ забалтійскихъ странъ,—онѣ и служили центрами политической власти. Несогласія славянскихъ племенъ послужили удобнымъ поводомъ, и въ 862 г. три брата изъ племени «рōдовъ» или «руссовъ», Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, вторглись побѣдителями въ обширную страну, которая носитъ въ настоящее время наименованіе «святой» Руси, какъ-будто само это наименованіе не напоминаетъ вовсе о завоеваніи и объ униженіи туземнаго населенія. По мнѣнію лингвистовъ, самое слово «Русь» произошло отъ финскаго слова «rodsen», имѣющаго значеніе «гребцы». Швеція до сихъ поръ является для финляндцевъ «страною руссовъ» или «гребцовъ» — «Ruotse-Moa», тогда какъ Россія сохранила у нихъ свое древнее наименованіе «Wenne-Moa» или «страна вендовъ».

Царство трехъ братьевъ, соединившееся затѣмъ подъ властью одного Рюрика, состояло первоначально изъ той части современной Россіи, которая простирается къ югу и къ юго-востоку отъ Финскаго залива, до верховьевъ Волги, и центромъ которой является Новгородъ. Однако, варяжскіе пришельцы, получавшіе подкрѣпленія со стороны новыхъ шаекъ, приходившихъ съ моря, не довольствовались владычествомъ надъ завоеванными областями,—ихъ привлекалъ къ себѣ югъ. Въ началѣ X вѣка столица имперіи перемѣстилась,—резиденціей сыновей Рюрика сдѣлался Кіевъ, и завоеванія стали распространяться еще далѣе на югъ. Еще до середины X вѣка норманны появились подъ стѣнами Константинополя, котораго, впрочемъ, не могли взять: они возвратились къ Византіи, впрочемъ, вторично и заставили императора купить миръ цѣною дорогихъ подарковъ и обѣщаній. Принявъ христіанскую вѣру, норманны Россіи утратили свою аггрессивную силу, направленную противъ христіанъ Востока, и, напротивъ, подверглись сами византійскому вліянію, которое преобразовало постепенно всѣ ихъ идеи, представленія и нравы по образцамъ, пришедшимъ изъ Восточной римской имперіи. Тѣмъ не менѣе, завершилось въ высшей степени замѣчательное явленіе полнаго круговорота завоевателей-норманновъ вокругъ континента Европы: норманны (варанги), вышедшіе изъ Норвегіи и обогнувшіе Западную Европу, встрѣтились на островахъ Средиземнаго моря съ другими норманнами-«варягами», совершившими длинный путь чрезъ всѣ славянскія земли изъ Швеціи въ Византію, — отъ Скандинавіи до Сициліи кругъ былъ, такимъ образомъ, замкнутъ!

За предѣлами Европы норманны совершили также не малый подвигъ въ исторіи человѣчества,—именно они заселили Исландію и впервые

открыли Новый Свѣтъ. Къ тому же, по крайней мѣрѣ, первое изъ этихъ

№ 301. Вторженіе норманновъ въ Россію.

Пути вторженія норманновъ-варяговъ въ Россію нанесены по сочиненію А. Лефевра, «Germains et Slaves»; прохожденіе завоевателей указывается также въ той области, которая теперь представляетъ собою Польшу.

Разсказываютъ, что именно обитатели новгородской земли просили варяговъ—«придти и княжить нами».

Норманны три раза появлялись подъ стѣнами Константинополя—въ 503, 907 и 930 гг. Извѣстно также, что специальная гвардія, охранявшая императоровъ византійскихъ, состояла изъ норманновъ.

событій произошло безъ всякаго кровопролитія, безъ грабежей и убій-

ства. Такъ, часть норвежскаго населенія, которая покинула родную страну, представляла собою соціальный элементъ несравненно болѣе высокій, чѣмъ завоеватели-викинги. Любовь къ свободѣ, а отнюдь не стремленіе къ захвату добычи, обусловливала эмиграцію обитателей Трондьема.

Около этой эпохи, въ концѣ IX вѣка, королю Гаральду «съ прекрасными волосами» удалось основать Норвежское королевство и подчинить страну своей власти: владѣя проходами, которыми сообщались между собою сѣверные и южные фіорды, онъ могъ придать географическое единство государствамъ, которыми владѣлъ, и тѣмъ изъ его свободолюбивыхъ подданныхъ, которые не могли приспособиться къ повиновенію его волѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ покинуть отечество. Одинъ изъ путешественниковъ-авантюристовъ, нѣкто Надъ-Оддъ, принесъ уже въ страну вѣсть о существованіи «земли снѣговъ», названной позднѣе «землею льдовъ», Исландіей, гдѣ, какъ онъ говорилъ, каждый можетъ жить независимымъ и свободнымъ: «тамъ нѣтъ ни королей, ни тиранновъ». На островѣ этомъ устроились, однако, уже нѣкоторые поселенцы. Начиная съ 795 г., «рарае» или отшельники-кельты съ острова Іоны и изъ Ирландіи заняли уже земли, носившія названіе Вестманнъ-Ейаръ, усѣивающія море къ юго-западу отъ побережій Исландіи,—самое имя ихъ обозначаетъ «острова западныхъ людей», т.-е. «острова ирландцевъ». Эти монахи-отшельники высадились также и на берегахъ Исландіи, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многочисленные, оставленные ими здѣсь одиннадцать вѣковъ тому назадъ предметы, — колокола, священныя книги и кресты [1]). Нѣкоторые изъ кельтовъ Шотландіи проникли также на этотъ островъ около 825 года. Мѣстныя названія ирландскаго происхожденія напоминаютъ о пришествіи древнихъ колонистовъ Британскихъ острововъ, и именно продолжительному вліянію ихъ народности приписывается нахожденіе среди мѣстнаго населенія многочисленныхъ представителей Исландіи темноволосаго типа [2]).

Три четверти вѣка спустя, послѣ появленія первыхъ обитателей на берегахъ Исландіи, на нихъ высадились, въ свою очередь, норвежскіе бѣглецы. Первый норвежскій колонистъ, Ингольфъ, высадился здѣсь уже въ 870 г., но большое переселеніе совершилось лишь четыре года спустя [3]). Тогда тысячи переселенцевъ появились въ короткій промежутокъ времени на юго-западномъ берегу острова, и каждому изъ новоприбывшихъ семействъ пришлось предоставить участокъ земли. Каждый колонистъ имѣлъ право получить здѣсь въ свое владѣніе такое простран-

---

1) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 5. — 2) Jules Leclercq. «La Terre de Glace». — 3) C. Rafn. «Antiquitates Americanae», 1837.

ство земли, сколько онъ въ теченіе дня могъ пройти вдоль берега; пограничными знаками его были костры, которые онъ зажигалъ одинъ при восходѣ, другой при закатѣ солнца [1]). Позднѣе участники эти были подраздѣлены, такъ что у каждаго поселенца имѣлись свои поля и свои

№ 302. Исландія, островъ лавы и льдовъ.

На югѣ острова Ингольфгёфди напоминаетъ о томъ пунктѣ, гдѣ высадились первые норвежскіе колонисты.
Озеро отъ Альманнагья—озеро Тингвеллиръ.

пастбища. Общественное мнѣніе исландцевъ осуществило столь полно принципъ «земля—земледѣльцамъ», что, несмотря на всѣ экономическіе перевороты, онъ сохранился вплоть до XIX вѣка.

Въ нѣсколько лѣтъ было закончено заселеніе всего побережья Исландіи, на которомъ могутъ обитать люди,—заселились даже области, обращенныя къ сѣверу, и вскорѣ островъ обладалъ уже очень многочисленнымъ населеніемъ, быть-можетъ, даже болѣе многочисленнымъ,

1) Ernest Nys. «Le haut Nord», pp. 6—7.

чѣмъ въ настоящее время [1]). Островъ этотъ достаточно обширенъ, такъ какъ поверхность его равняется почти одной пятой поверхности Франціи; съ точки зрѣнія климата, онъ также обладаетъ нѣкоторыми преимуществами, такъ какъ средняя его температура—около 5° Ц. и даже болѣе — выше, чѣмъ это можно было бы ожидать въ столь высокихъ широтахъ. Однако, это преимущество, обусловленное теплыми водами, приносимыми сюда Гольфштромомъ къ западнымъ и отчасти даже къ сѣвернымъ берегамъ, въ нѣкоторые годы уничтожается преобладаніемъ холоднаго полярнаго теченія, омывающаго восточные берега и продолжающагося вдоль южныхъ,—иногда случается, что къ острову подходятъ ледяныя поля, и бѣлые медвѣди высаживаются на него и нападаютъ на стада. Въ зависимости отъ взаимодѣйствія теплыхъ и холодныхъ водъ температура зимы въ одной и той же мѣстности въ различные годы можетъ различаться на 15°. Весеннее время, столь мягкое и пріятное въ другихъ странахъ Европы, изобилуетъ здѣсь постоянными страшными бурями. Лѣса состоятъ не изъ деревьевъ, а изъ мелкихъ кустарниковъ, и па обширныхъ пространствахъ совершенно отсутствуютъ. До новѣйшаго времени, когда настойчивымъ изслѣдователямъ удалось, благодаря непоколебимой энергіи и благодаря тѣмъ рессурсамъ, которые даетъ нынѣ наука, познакомиться со внутреннею частью страны, многія изъ областей были совершенно недоступны человѣку вслѣдствіе снѣговъ и льдовъ, вслѣдствіе бурныхъ рѣкъ и топкихъ болотъ; нерѣдко наблюдаются здѣсь и изверженія вулкановъ, выбрасывающихъ цѣлыя облака пепла,—имъ покрываются поля и пастбища, такъ что и человѣкъ и домашнія животныя остаются безъ пропитанія. Во время неурожая и голода Исландія, отдѣленная отъ другихъ странъ безконечными водными пространствами, не имѣла по сосѣдству ни одной дружеской народности, которая могла бы снабдить ее хлѣбомъ. Чтобы сохранить свою собственную жизнь и жизнь своихъ дѣтей, исландцамъ приходилось принимать совершенно исключительныя мѣры предосторожности.

И, несмотря на всѣ эти крайнія трудности существованія среди окружающей природы, обитателямъ Исландіи удалось съ самаго начала, съ точки зрѣнія умственнаго и моральнаго развитія, занять одно изъ первыхъ мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ, если только не самое первое мѣсто, и нельзя не признать ихъ заслуживающими только почетнаго мѣста, принимая во вниманіе ихъ малочисленность. Защищенные въ достаточной степени водными пространствами въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ, обитатели Исландіи удачнѣе, чѣмъ населеніе Трондьема,

---

1) Обыкновенно допускаютъ, что въ концѣ XII вѣка населеніе Исландіи составляло 120000 обитателей, въ XVIII вѣкѣ ихъ было, по меньшей мѣрѣ, 40000. Перепись 1901 г. дала лишь 78000 обитателей.

Равнина Альтингъ, спереди Курганъ Закона, вдали Тингвеллиръ, справа скалы Альманнагья.

сумѣли охранить свое достоинство вполнѣ свободныхъ людей и не знали ни королей, ни феодальныхъ князей, не знали никакой іерархіи, никакого военнаго строя. Общественныя дѣла обсуждались у нихъ всѣми обитателями, одѣтыми въ воинскіе доспѣхи, которые символизировали абсолютное право каждаго личной обороны. Мѣстомъ сбора ихъ, бывшимъ также и мѣстомъ ежегодной ярмарки, была считавшаяся также чѣмъ-то въ родѣ столицы Исландіи мѣстность Альманнагья или «проходъ всѣхъ людей»,—это было плато, образованное застывшей жидкой лавой, между стѣнами разсѣлины. Здѣсь на огромной скалѣ, по бокамъ которой были выбиты ступени, становился «lögmadr»—«чтецъ закона», читавшій громкимъ голосомъ постановленія, сдѣланныя предыдущими народными собраніями; тѣ изъ постановленій, которыхъ онъ не читалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и объявленія которыхъ не требовали слушатели, считались уничтоженными [1]). У подножія Альманнагья, въ равнинѣ Тингвеллиръ, покрытой растрескавшимися потоками лавы, находился «Курганъ Закона». На крутомъ трудно доступномъ холмѣ изъ лавы становились судья и обвиняемый съ глазу на глазъ, окруженные зрителями [2]).

Оставаясь свободными, обитатели Исландіи могли заботиться о дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ сокровищъ знанія, которыя были принесены ихъ предками съ отдаленныхъ континентовъ. Въ каждой семьѣ научались чтенію; профессія поэта, разсказчика древнихъ поэмъ, считалась очень почетною, и на каждомъ кораблѣ, везшемъ изъ Исландіи запасы трески для продолжительныхъ постовъ Западной Европы, отправлялись также и «скальды», искавшіе въ чужихъ странахъ новостей, чтобы потомъ воспроизвести ихъ позднѣе въ своемъ отечествѣ. Въ этомъ была одна изъ важнѣйшихъ причинъ замѣчательнаго умственнаго развитія исландцевъ. «Островъ льдовъ» находился въ мирныхъ отношеніяхъ со всѣми чужеземными странами, его жителямъ не приходилось бояться никакихъ насилій даже въ военныя времена,—тогда какъ англійскій купецъ, путешествовавшій по Норвегіи, или норвежецъ, проѣзжавшій по Англіи, рисковали, въ случаѣ возникновенія враждебныхъ отношеній, быть ограбленными и лишенными своего имущества, или даже, быть-можетъ, захваченными въ плѣнъ и убитыми, исландцы могли свободно путешествовать, пользуясь всюду радушнымъ гостепріимствомъ. Благодаря такимъ общимъ условіямъ свободы и благополучія, и обращеніе исландцевъ въ христіанство совершилось подобно колонизаціи безо всякой борьбы и безъ гражданской войны. Первые бѣглецы, по-

1) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 12.—2) См. рисунокъ на стр. 511, карту № 303 на стр. 514 и концовку главы.

селившіеся на островѣ, были еще язычниками, тогда какъ послѣдовавшіе по ихъ стопамъ находились уже подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, и, мало-по-малу, новая вѣра путемъ мирныхъ бесѣдъ сосѣдей предъ домашнимъ очагомъ распространялась, вытѣсняла прежнюю или скорѣе примѣшивалась къ первоначальной. Скандинавскіе боги отнюдь не раз-

№ 303. Планъ Альтинга.

A- *Спускъ къ Альманагья* C- *Входъ Альтинга*
B- *Водопадъ Оксара* D- *Тронъ Судіи*

Опредѣлить масштабъ этого древняго плана, безъ сомнѣнія ошибочнаго, невозможно, такъ какъ измѣренія, даваемыя лордомъ Дюфференомъ, Жюлемъ Леклеркомъ и другими относительно размѣровъ Альманнагьи и Кургана Закона, не совпадаютъ. Оріентировка по странамъ свѣта приблизительна.

Сѣверная стѣна Альманнагьи, вулканическая природа которой на противолежащемъ рисункѣ ясно видна, выше южной, такъ что на фотографіи на стр. 511, снятой съ сѣверо-востока на юго-западъ, можно видѣть одну стѣну за другой.

смàтривались какъ воплощенія діавола,—они превращались постепенно въ божественныя личности христіанской религіи: самое имя Бога, призывавшагося исландцами, обращенными въ христіанство, оставалось тѣмъ же самымъ, какъ и во времена языческія,—Алльфадиръ, «Отецъ всего міра» [1]), могъ не покидать небесъ ради того, чтобы предоставить

1) Max Müller. «Essais de Mythologie comparée», trad. G. Perrot, p. 227.

свое мѣсто новому пришельцу. Наблюдалась даже вещь совершенно неслыханная въ исторіи христіанства: исландскіе христіане, вмѣсто того, чтобы уничтожать памятники, относящіеся къ древней языческой религіи, старались благоговѣйно ихъ сохранить,—такъ сохранились около 1100 года произведенія Земунда Зигфузена и, сто лѣтъ спустя, произве-

Водопадъ Оксара въ Альманнагьи.

денія Снорро Стурлесона, автора «Heimskringla»—«Кругъ міра»—и средневѣковыхъ легендъ изъ исторіи норвежскихъ королей, легендъ самыхъ живыхъ и самыхъ изящныхъ [1]). Именно, благодаря стараніямъ этихъ обращенныхъ въ христіанство исландцевъ, были собраны и сохранены легенды и поэмы Эдды или «Старой Бабушки», одинъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ источниковъ миѳологіи древнихъ скандинавовъ.

1) Flint. «Philosophy of History».

Открытіе Гренландіи и континента Америки было также совершено норманнами Исландіи. Лишь три года спустя послѣ переселенія норманновъ въ Исландію, одинъ изъ ихъ путешественниковъ Гуннбьорнъ дошелъ до второй «покрытой льдомъ земли», которая была неудобна для колонизаціи. Затѣмъ другой изъ изгнанниковъ, Эрикъ Рыжій, отправился также по направленію къ этой новой землѣ, обогнулъ ея крайній мысъ Варфъ, извѣстный въ настоящее время подъ англійскимъ названіемъ мыса Фаруэлля, и, достигнувъ западнаго берега, основалъ тамъ первое поселеніе европейцевъ на территоріи Новаго Свѣта. Страна эта была столь сурова, и полоска воздѣлываемой земли у основанія горъ и ледниковъ была такъ узка, что другіе изслѣдователи дали этой странѣ наименованіе «Земля отчаянія» [1]), тогда какъ Эрикъ Рыжій, понимая, что для того, «чтобы составить хорошую репутацію своей колоніи, необходимо дать ей хорошее названіе», далъ ей имя Гренландіи, т.-е. «Зеленой земли», и хитрость его вполнѣ удалась. Норманны стали селиться тамъ, и вскорѣ ихъ было гораздо больше, чѣмъ туземцевъ-эскимосовъ,—они построили тамъ селенія и даже города, позднѣе же, сдѣлавшись христіанами, какъ и ихъ собратья-исландцы, стали строить церкви, отъ которыхъ и до сихъ поръ сохранились еще нѣкоторые остатки. Гренландской паствой управлялъ епископъ, назначавшійся римскимъ папой.

Однако, сила распространенія норманновъ еще не уменьшилась, и не прошло и двухъ десятилѣтій со времени заселенія гренландскаго побережья, предпринятаго Эрикомъ Рыжимъ, какъ были открыты новыя земли и между ними островъ, который до нашихъ дней сохранилъ названіе Новой Земли—«Фунду-ніа-ландъ» или «Геллуландъ», т.-е. Ньюфаундлендъ. Первое путешествіе было совершено сюда невольно нѣсколькими ладьями норманновъ, затерявшимися въ туманѣ, но въ 1000 г. было предпринято уже преднамѣренное путешествіе Лейфомъ Эриксономъ, сыномъ одного изъ первыхъ гренландскихъ колонистовъ, который направилъ свой путь къ южнымъ берегамъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ названіемъ Лабрадора, Земли св. Лаврентія и Новой Англіи. Онъ дошелъ до «страны виноградной лозы» или Винланда, названной такъ по обилію дикаго винограда, который былъ узнанъ германцемъ Тиркеромъ, однимъ изъ спутниковъ Лейфа. Спрашивается, къ которой изъ современныхъ странъ должно относиться это норманское названіе? Если правильно истолковывается одно изъ мѣстъ древнихъ сагъ, гдѣ говорится о продолжительности зимнихъ дней Винланда, то мѣстность эту надо искать между 40° и 42° сѣв. шир., т.-е. на берегахъ Масса-

1) I. I Hayes. «The Land of Desolation», London, 1871.

чусетса [1]). Между различными остатками, указывавшимися какъ реликвіи, свидѣтельствующія объ этомъ великомъ географическомъ событіи, имѣются развалины, которыя были описаны Горсфордомъ такъ, что это описаніе вполнѣ подходило къ тѣмъ постройкамъ, которыя около того

№ 304. Отдаленныя путешествія норманновъ.

Названія на картѣ—это тѣ названія, которыя встрѣчаются въ исландскихъ сагахъ. Нанесены путь Оттара въ Біармію и путь варяговъ по направленію въ Кордарикію и Миклагарду (Константинополь), равно какъ и Зигурда въ Святую Землю.

же времени возводились въ Исландіи [2]); во всякомъ случаѣ, впрочемъ, сооруженія эти настолько громоздки, что остается все же нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онѣ построены норманнами, и на самомъ ли дѣлѣ послѣдніе были въ окрестностяхъ современнаго Бостона [3]). Густавъ Стормъ считаетъ установленнымъ, что Винландъ составляетъ часть Новой Шотландіи, которая расположена противъ Ньюфаундленда.

---

1) Oscar Peschel. «Geschichte der Entdeckungen». — 2) Cornelia Horsford. «National geogr. Magazine», March 1898, № 3, pp. 73 ss. —3) Ph. Marcou, Notes manuscrites.

Какъ бы то ни было, путешествія норманскихъ мореплавателей къ берегамъ Сѣверной Америки не были особенно многочисленными и въ позднѣйшіе періоды стали совершаться все рѣже и рѣже. Изъ руническихъ надписей одна, относящаяся къ серединѣ XI вѣка, описываетъ злоключенія норманскаго судна, которое направлялось въ Винландъ и затерялось «среди льдовъ на пустынномъ морѣ» [1]). Въ XII вѣкѣ путешествія эти совершенно прекратились, вслѣдствіе трудности плаванія, такъ какъ ежегодно льдины образовывали непреодолимую преграду между Исландіей и южною оконечностью Гренландіи [2]). «Земля виноградной лозы» была такимъ образомъ утрачена норманнами, но память о ней сохранилась въ преданіяхъ, и долгое время передавались разсказы о Винландѣ какъ о земномъ раѣ. Адамъ Бремъ разсказываетъ въ своей исторіи церкви, составленной около 1070 г., что король Свенъ Эстридсонъ говорилъ ему о большомъ островѣ Винландѣ, расположенномъ очень далеко въ западномъ морѣ, и расхваливалъ ему превосходный виноградъ, растущій тамъ на дикихъ лозахъ, и обширныя поля злаковъ, дающія жатву самъ-100, даже не будучи засѣянными человѣкомъ.

Затѣмъ и легенды затерялись, также какъ и само открытіе: названіе отдаленныхъ земель сохранилось лишь въ памяти разсказчиковъ сагъ и людей, читавшихъ древнія рукописи. Даже сама Гренландія забылась, чему причиною были опять-таки исключительно трудности путешествія. Подобно большинству регрессивныхъ явленій исторіи эта утрата открытой страны должна быть приписана ослабленію иниціативы отдѣльныхъ личностей, что явилось слѣдствіемъ усиленія центральной власти, всегда уничтожающей энергію отдѣльныхъ лицъ. Уже въ 1261 г. Гренландія подпала подъ непосредственную политическую власть Норвегіи, причемъ торговля между метрополіей и колоніями сдѣлалась королевской монополіей, а экспедиціи съ цѣлью открытій превратились въ функціи государственной службы и стали дѣлаться все болѣе и болѣе рѣдкими. Послѣднее судно Маркланда, долженствовавшее отправиться изъ Европы въ Гренландію, вышло въ 1347 г. Затѣмъ въ 1387 г., когда королева Маргарита, объединившая подъ своей властью всѣ три скандинавскія государства, объявила своей собственной привилегіей торговлю со всѣми колоніями королевства отъ Финляндіи до Гренландіи, оказалось, что корабли, выходившіе изъ Даніи подъ государственнымъ флагомъ и долженствовавшіе совершить положенный имъ рейсъ къ Фаррёрскимъ островамъ и въ Исландію, не имѣли болѣе времени посѣщать «Зеленую Землю» [3]). Отсутствіе способовъ сообщенія прервало, въ концѣ концовъ, всѣ сноше-

---

1) Sophus Bugge, Globus, 22 mai 1902.—2) H. J. Mackinder. «Britain and the British Seas», p. 7.—3) Ernest Nys. «Le haut Nord», p. 9.

нія съ древней колоніей, и она настолько была забыта, что даже спорили, существуетъ ли вообще эта земля, которая въ прежнія времена столь правильно уплачивала подати и платила церковные сборы римскому папѣ; въ этой странѣ когда-то проповѣдывались даже крестовые походы, совершенно такъ же, какъ и въ другихъ христіанскихъ областяхъ [1]). О ней сохранилось лишь названіе, нанесенное на карты безо всякихъ поясненій, и мореходы, повторяя древнія легенды, разсказывали, что къ западу отъ Исландіи воздвиглась ледяная стѣна, прекратившая навсегда судоходное сообщеніе.

Тогда какъ норманны, эти «люди сѣвера», называвшіеся также «людьми моря», разсѣкали морскія волны по различнымъ направленіямъ

Часть гобелена въ Байё (XI вѣка).

и нападали на побережья Европы, или же переселялись на сѣверные острова и полуострова, другіе народы, находившіеся въ движеніи, были охвачены могучей волной народнаго движенія, которое опрокинуло римскую имперію и нарушило равновѣсіе. Первый періодъ великаго переселенія народовъ, во времена Гензериха, Алариха и Атиллы, всколыхнулъ всѣ народности древняго міра, отъ береговъ Японскаго моря до побережій Средиземнаго моря и Атлантическаго океана. Однако, главный его результатъ заключался въ томъ, что явственно установилось великое значеніе германскихъ народовъ, и политическимъ государствамъ, на которыя они разбились, было гарантировано неоспоримое преобладаніе. Въ ту самую эпоху, когда подъ управленіемъ Карла Великаго германская народность получила гегемонію надъ другими народами, стала

1) P. Riant. «Expéditions et Pèlerinages des Scandinaves».

явственнѣе очерчиваться въ исторіи и другая этническая группа, именно славянскія народности, извѣстныя ранѣе подъ общимъ наименованіемъ скифовъ, сарматовъ, гиперборейцевъ и т. п.; эти народности начали постепенно объединяться въ государства, находившіяся уже подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства и греко-римской цивилизаціи.

Въ началѣ историческаго періода европейскіе народы, финикіяне и греки, имѣли лишь крайне смутное представленіе о колоссальныхъ областяхъ сѣвера, прилегающихъ къ инымъ морямъ и населенныхъ народами иной расы и совершенно иныхъ нравовъ, чѣмъ обитатели Средиземнаго моря. Этотъ міръ, въ который древніе народы совершенно не проникали, оставался для нихъ настолько неизвѣстнымъ, что относительно его разсказывались невѣроятнѣйшія басни и удивительнѣйшія легенды, къ которымъ примѣшивалось лишь немного истины. Такъ, у Геродота мы находимъ разсказы о скифахъ-земледѣльцахъ, «сѣющихъ хлѣбъ не для своего употребленія, а для продажи» (кн. IV, 17), и это доказываетъ, что греки имѣли уже нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ богатѣйшихъ пространствахъ чернозема, которыя производятъ въ изобиліи хлѣба, служащія для вывоза. За этими предѣлами, однако, какъ разсказывали, находятся земли совершенно необитаемыя, «пространства, которыхъ нельзя ни увидѣть, ни достичь изъ-за перьевъ, разсыпанныхъ по землѣ». Какъ указываетъ Геродотъ, «каждый, кто видѣлъ снѣгъ, падающій хлопьями, знаетъ, что эти хлопья походятъ на перья» (кн. IV, 7, 30).

Жизнь «скифовъ», какъ ее описываютъ древніе авторы, является именно такой, какая опредѣляется природой почвы и климата. Если осѣдлые или полуосѣдлые земледѣльцы и занимали наиболѣе плодородныя области въ тѣ времена, то надо сказать, что наибольшая часть населенія, слишкомъ малочисленная, по сравненію съ огромными пространствами, состояла изъ пастуховъ-кочевниковъ, жившихъ за счетъ своихъ стадъ быковъ и овецъ и своихъ табуновъ лошадей, которыхъ они перегоняли съ одного мѣста на другое. Описанія, которыя дѣлаются авторами, почти совпадаютъ съ тѣми, какія десять вѣковъ спустя дѣлали лѣтописцы, характеризуя гунновъ, и какія еще черезъ нѣсколько вѣковъ характеризовали монголовъ. Скифы жили или совсѣмъ безъ крова, или въ палаткахъ; когда народность находилась въ движеніи, женщины мирно работали на своихъ повозкахъ, тогда какъ мужчины гарцовали на коняхъ по сторонамъ, украшенные волосами, а иногда даже кожами побѣжденныхъ враговъ. Имѣя обыкновеніе часто переходить съ мѣста на мѣсто, не заботясь о томъ, кто данныя мѣста занялъ ранѣе, скифы являлись опасною воинственною народностью,—они избѣгали давать правильныя сраженія, но нападали быстро и внезапно и столь же бы-

стро обращались въ бѣгство; въ тѣхъ случаяхъ, впрочемъ, когда приходилось защищать свою собственную землю, въ которой покоился прахъ ихъ предковъ, они сплачивались въ огромныя арміи. Народность эта презирала смерть. До середины X вѣка у славянъ современной Польши практиковался обычай самосожиганія вдовъ на кострѣ умершаго мужа [1]). Во времена Геродота массагеты, чувствовавшіе приближеніе старости, убивались своими родственниками, и ихъ собственное мясо, вмѣстѣ съ мясомъ различныхъ животныхъ, поѣдалось на тризнѣ, справлявшейся въ честь ихъ; тотъ изъ нихъ, кто умиралъ отъ болѣзни, не удостоивался такой почетной тризны, такъ какъ смерть его считалась до нѣкоторой степени постыдной. Археологическія находки, сдѣланныя въ курганахъ южной Россіи, въ значительной степени дополняютъ разсказы Геродота [2]).

При погребеніи лицъ высокаго сана, вдова умершаго, его слуги и лошади слѣдовали за нимъ въ могилу, и, дѣйствительно, въ княжескихъ могильникахъ находятся кости многочисленныхъ жертвъ, принесенныхъ въ силу этого обычая. Въ этихъ могильникахъ много вещей изъ золота и мѣди, много оружія и украшеній, но очень рѣдко встрѣчается желѣзо, что служитъ доказательствомъ тому, что въ ту эпоху европейская промышленность едва успѣла еще одержать побѣду надъ главнѣйшимъ изъ металловъ.

Золото, олово и мѣдь, необходимыя для приготовленія бронзовыхъ издѣлій, не находятся, однако, въ равнинахъ Скифіи, и мѣстнымъ жителямъ приходилось получать ихъ изъ другихъ мѣстъ. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ обитатели сарматскихъ равнинъ, при всей своей воинственности, должны были все же приспособляться къ необходимости вести торговыя сношенія; посредниками въ этихъ послѣднихъ являлись торговцы, образовывавшіе особыя касты, почти всегда находившіяся въ пренебреженіи, но, тѣмъ не менѣе, совершенно необходимыя: эти торговцы странствовали по намѣченнымъ съ незапамятныхъ временъ путямъ и находились въ полной безопасности, благодаря покровительству, оказывавшемуся имъ всѣми. Такимъ способомъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы, необходимые для производства различныхъ издѣлій, передавались по историческимъ путямъ Азіи, связывавшимъ Китай съ крайнимъ западомъ, Кавказъ—со странами дальняго сѣвера. Торговые пути сходились также и у побережья Понта Евксинскаго, гдѣ устроились греческіе колонисты, окруженные народностями, подвергшимися на половину греческому вліянію. Торговля золотомъ, какъ это извѣстно изъ похода аргонавтовъ,

---

1) H. M. Chadwick. «The Cult of Othin», p. 42. — 2) «Исторія», кн. I, §§ 215, 216.

имѣла однимъ изъ своихъ главнѣйшихъ рынковъ южный склонъ Кавказа, именно Колхиду, т.-е. нынѣшнюю Георгію. Та же самая страна обладала также и залежами олова, которыя доставляли эту необходимую составную часть для изготовленія бронзовыхъ издѣлій (Э. Шантръ). Со временъ Геродота, торговцы, вышедшіе изъ этихъ кавказскихъ странъ, равно какъ и торговцы, направлявшіеся изъ Азіи, доставляли приносимые ими металлы въ городъ Ольбію, располагавшійся въ низовьяхъ Борисѳена. Позднѣе другой греческій городъ, Пантикапея, современный городъ Керчь, лежащій у пролива изъ Азовскаго моря въ Черное, унаслѣдовалъ эту торговлю съ Азіей. Впрочемъ, каждый изъ торговцевъ дѣлалъ, по всей вѣроятности, лишь часть всего пути, и драгоцѣнные товары, необходимые для изготовленія предметовъ роскоши, передавались этапами съ рынка на рынокъ, перевозились караванами и такимъ путемъ достигали, въ концѣ концовъ, Понта Евксинскаго.

Смѣшиваніе и скрещиваніе между отдѣльными народностями повлекло за собою то, что всѣ славяне нашего времени, равно какъ и другіе обитатели обширныхъ равнинъ Евразіи, принадлежащіе къ финскимъ и тюркскимъ племенамъ, имѣли своими предками не только воинственныя народности, оставившія послѣ себя рядъ кургановъ въ степяхъ южной Россіи, но и тѣ древнія народности рудокоповъ и торговцевъ, которыя получили наименованіе «чуди». Въ воображеніи народномъ племя это рисуется не столько въ видѣ отдѣльной касты, класса или особой народности, сколько въ формѣ населенія таинственныхъ гномовъ или карликовъ, обладавшихъ искусствомъ добывать металлы изъ рудъ и находить драгоцѣнные камни въ нѣдрахъ земли.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ не имѣется еще общаго наименованія, которое охватывало бы различныя народности, извѣстныя въ настоящее время подъ наименованіемъ «славянъ»—терминъ, происхожденіе котораго остается неизвѣстнымъ. Быть-можетъ, онъ происходитъ отъ корня «слава», но оказывается, что именно тѣ первые «славяне», которые носили это наименованіе, были мирными земледѣльцами, чрезвычайно добродушными и мягкими по характеру, жившими общинами [1]) и отнюдь не претендовавшими на репутацію воиновъ и завоевателей. Лишь гораздо позже, по всей вѣроятности, благодаря развитію патріотическаго чувства, наименованіе это стало обозначать «знаменитые», «доблестные»,—народы любятъ измѣнять слова такимъ образомъ, чтобы они служили имъ для собственнаго прославленія! Вполнѣ вѣроятно также, что настоящзя этимологія названія «славяне», въ дѣйствительности, сближаетъ ихъ съ корнемъ «слово»—названіе это выражаетъ со-

---

1) Palaky. «Geschichte von Böhmen».—Schaffarick. «Geschichte der slawischen Sprachen».— L.-J. Hannusch. «Wissenschaft des slawischen Mythus».

браніе людей, которые говорятъ на одномъ понятномъ нарѣчіи. Затѣмъ

№ 305. Пути славянскихъ племенъ по Европѣ.

1 : 20000000

0 500 1000 Килом.

Заштрихованныя области—это тѣ, въ которыхъ въ настоящее время населеніе говоритъ на славянскихъ нарѣчіяхъ. Линіи, нанесенныя пунктиромъ, намѣчаютъ по сочиненію А. Лефевра, «Germains et Slaves», общее движеніе славянъ съ V вѣка до Р. Хр. до VIII в. по Р. Хр.

по курьезной ироніи судьбы это наименованіе («slavon», «schiavoni»,

«esclavons») сдѣлалось у венеціанцевъ, а потомъ и у всѣхъ западныхъ народовъ Европы синонимомъ плѣнниковъ, рабовъ («esclaves»),—такъ велико было число плѣнниковъ, которыхъ взяли среди этихъ восточныхъ народностей христіанскіе завоеватели и распространители религіи, изъ коихъ первымъ былъ Карлъ Великій. Во всякомъ случаѣ, фактомъ, признаваемымъ историками [1]), является то, что христіанство и рабство, шедшее съ запада, проникли въ славянскія страны одновременно.

Долгое время земледѣльческія народности славянскихъ земель не сознавали своего родства. Предпринимая свои переселенія, они не обнаруживали никакой между собою связи и распространялись по различнымъ направленіямъ въ Европѣ. Такъ, напримѣръ, венеты, которые перешли чрезъ Альпы, и названіе которыхъ сохранилось въ современной Венеціи, являются ближайшими родственниками тѣхъ венетовъ, которыхъ германцы называли вендами, и которые проникли въ сѣверную Германію вплоть до Эльбы и даже на югъ до рѣки Заале; одно изъ ихъ племенъ достигло даже страны Люнебурга, между Эльбою и Везеромъ, и названіе мѣстности свидѣтельствуетъ о томъ, что они были даже во Франконіи, гдѣ теперь находится городъ Нюрнбергъ. По направленію къ югу вторженія славянъ слѣдовали за таковыми готовъ и другихъ германскихъ народностей, которыя двигались на югъ и на западъ; славяне занимаютъ здѣсь дунайскія земли, извѣстныя въ настоящее время подъ названіемъ Верхней Австріи, и заполняютъ бо́льшую часть Балканскаго полуострова. Македонія, Ѳракія и Ѳессалія дѣлаются славянскими странами; эти сѣверные завоеватели проникаютъ даже на Пелопоннесъ, и вся Греція получаетъ наименованіе «Славіи»: географическія названія этой мѣстности позволяютъ констатировать, какъ велико было вліяніе языка, на которомъ говорили чужеземцы, близкаго къ современному сербскому. Что бы ни говорили нѣкоторые изъ греческихъ писателей, стремящіеся охранить славу прежнихъ вѣковъ, смѣшеніе грековъ со славянской расой, во всякомъ случаѣ, измѣнило чрезвычайно своеобразно этническіе элементы древней Греціи,—однако, продукты такого смѣшенія подверглись могущественному вліянію окружающей среды и постепенно снова возстановили греческую народность, приближающуюся по типу къ древне-греческой.

Странствуя по низменнымъ равнинамъ, не имѣющимъ опредѣленныхъ естественныхъ границъ, которыя могли бы служить защитою противъ окружающихъ германскихъ народовъ, славянскія племена находились въ положеніи очень неустойчивомъ и въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія принуждены были въ значительной степени отступить изъ занятой ими первоначально территоріи,—бо́льшую часть этой тер-

---

1) Schnitzler, Macciowski, Schaffarik, Hannusch.

риторіи отняли у нихъ племена германскія. Эти послѣднія, частью путемъ непосредственнаго завоеванія военными силами, частью путемъ медленнаго проникновенія и вліянія мирной культуры, оттѣснили постепенно славянскія народности въ тѣ степи, изъ которыхъ они вышли. Однако, какъ-разъ въ самомъ естественномъ центрѣ Европы и германскаго міра чехи и ихъ собратья-моравы удержались очень прочно. Причиною тому было, что здѣсь имѣется огромный четыреугольникъ Богеміи, занятый нѣкогда кельтскимъ племенемъ боевъ и образующій настоящую крѣпость, которой природа придала удивительно правильныя геометрическія очертанія. Верхнее теченіе Эльбы и ея главнаго притока Молдавы прорывается въ германскія области длиннымъ и извилистымъ ущельемъ; съ трехъ сторонъ, съ сѣверо-запада, съ юго-запада и съ сѣверо-востока, страна эта чрезвычайно рѣзко ограничена хребтами горъ, которыя до проведенія дорогъ являлись двойнымъ препятствіемъ, такъ какъ, помимо своей крутизны, были покрыты лѣсами и, кромѣ того, были совершенно ненаселены. Четвертая сторона четыреугольника Богеміи, именно юго-восточная, представляетъ собою также рядъ хребтовъ и неровностей, образующихъ водораздѣлъ между притоками Эльбы и Дуная; этотъ рядъ горныхъ хребтовъ, въ которыхъ съ давнихъ поръ добывались руды, и потому имѣлось многочисленное населеніе рудокоповъ, былъ болѣе удобопроходимъ, чѣмъ другія стороны ромба, и позволялъ легко сообщаться богемской впадинѣ съ восточными областями, изъ которыхъ являлись переселенцы-чехи. Въ то же время глубокое вдавленіе, идущее съ юга на сѣверъ въ видѣ долины Моравы и сообщающее долины Дуная съ верховьями Одера, облегчало все же до нѣкоторой степени возможность давленія на Богемію германскихъ народовъ, и съ этой стороны область владѣнія славянъ была чрезвычайно сужена германцами.

Народности финскаго происхожденія, которыя послѣ славянъ имѣли въ смыслѣ численности наибольшее значеніе среди населенія равнинъ восточной Европы, были также увлечены общимъ движеніемъ миграціи и послѣдовали за авангардомъ, состоявшимъ изъ германскихъ и славянскихъ народовъ. Нерѣдко происходило, однако, что переселенцы перемѣшивались и вліяли другъ на друга, благодаря взаимнымъ встрѣчамъ и столкновеніямъ; даже языкъ и воспоминанія о прежней жизни народности нерѣдко измѣнялись въ теченіе переселенія. Результатъ такого рода мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у болгаръ. Эти обитатели древней Мезіи были, безъ сомнѣнія, угрскаго происхожденія, какъ и гунны, и ихъ первоначальный языкъ долженъ былъ походить на языкъ самоѣдовъ, родственнаго имъ племени, оттѣсненнаго къ берегамъ Великаго океана. Впервые болгары появляются въ исторіи на берегахъ рѣки Волги, отъ которой они получили и свое наименованіе,—если только не

наоборотъ: эта рѣка была названа по имени народности,—ихъ столица располагалась въ мѣстѣ впаденія Камы и являлась однимъ изъ крупнѣйшихъ торговыхъ центровъ всего восточнаго міра. Судьба болгаръ, ихъ завоеванія, затѣмъ пораженія, бѣдствія, возвращеніе назадъ, являются одною изъ ужаснѣйшихъ страницъ въ лѣтописяхъ переселенія воинственныхъ народностей. Въ теченіе долгихъ войнъ они смѣшивались и перемѣшивались съ различными обрывками другихъ побѣжденныхъ ими народностей. Имя ихъ произносилось съ ужасомъ всѣми и потому сдѣлалось въ нарѣчіяхъ западныхъ народовъ однимъ изъ наиболѣе зловѣщихъ,—даже въ отдаленной Бразиліи индѣйцы, которые наводили ужасъ на португальскихъ колонистовъ, получили отъ послѣднихъ сохранившееся до сихъ поръ названіе «бугровъ», по имени той же угрской народности. Перейдя Дунай впервые въ 498 г., болгары являлись въ теченіе болѣе чѣмъ четырехъ вѣковъ постоянной угрозой Восточной имперіи; въ 814 г. они подступили къ стѣнамъ Константинополя; сто лѣтъ спустя, Василій II Армянскій получилъ титулъ «умертвителя болгаръ», вполнѣ оправдываемый его жестокими кровавыми дѣяніями. Несмотря ни на что, однако, болгары, принявшіе, между тѣмъ, христіанство, удержались южнѣе Дуная, хотя настолько смѣшались съ другими завоевателями, что ихъ угрское происхожденіе совершенно исчезло,—они сдѣлались славянами по языку и нравамъ, сходными съ ихъ сосѣдями, сербами и русскими.

Другія народности финскаго происхожденія, проникшія также на равнины восточной Европы, могли оставаться если не совершенно чистыми, то, по крайней мѣрѣ, все же обладающими достаточной внутренней связью для того, чтобы оставаться хорошо различимыми вплоть до нашихъ дней и сохранять какъ свой языкъ, такъ и характерныя черты своихъ древнихъ нравовъ. Между этими финскими племенами племя «самъ» или «лопари» занимаетъ вполнѣ обособленное мѣсто вслѣдствіе своеобразности географическихъ условій, которымъ они подчинялись, послѣ того какъ были оттѣснены на сѣверъ и должны были разселиться по обѣимъ сторонамъ Ботническаго залива въ Финляндіи и Швеціи; въ этихъ странахъ, гдѣ земледѣліе возможно лишь въ немногихъ хорошо защищенныхъ мѣстностяхъ, единственнымъ источникомъ существованія человѣка могутъ служить лишь рыба и мясо, кровь и молоко оленей; человѣкъ принужденъ поэтому вести жизнь кочевника, тѣмъ болѣе, что лишаи, эта главная пища домашнихъ оленей, возстановляются въ той мѣстности, гдѣ они были съѣдены животными, не ранѣе какъ чрезъ 10 лѣтъ. Въ тѣхъ областяхъ внутри страны, гдѣ семьи номадовъ не располагаютъ достаточнымъ количествомъ пищи, доставляемой моремъ, и гдѣ земля не можетъ быть воздѣлываема, обычнымъ питательнымъ продуктомъ въ теченіе зимы являются одна горькая трава, мохъ и кора

деревьевъ,—иногда къ ней прибавляютъ мучнистую землю, образуемую въ значительной степени крупинками размельченной слюды [1]). По Дюбену, языкъ лапландцевъ содержитъ 41 слово для обозначенія хлѣба, 20 словъ для обозначенія льда и 26—для обозначенія замерзанія и оттаиванія [2]). Добывать пищу, ѣсть и прозябать—таково единственное занятіе этихъ сѣверныхъ людей; пространства вокругъ нихъ были столь обширны и пустынны и, скованныя льдами моря, столь безлюдны, что лопари не могли находить себѣ источника существованія въ грабежахъ и морскихъ разбояхъ, какъ ихъ южные сосѣди, норманны.

Барабанъ, которымъ лопари вопрошаютъ судьбу.

Многія народности, называемыя въ настоящее время народами «разнаго корня», вслѣдствіе несомнѣнно иного ихъ происхожденія, чѣмъ славянскія племена Россіи,—напримѣръ, башкиры, остяки, вогулы, мордва, черемисы и чуваши, вотяки, зыряне и другіе, имѣли столь мало между собой этнической связи, и полукочевническій образъ жизни давалъ территоріямъ ихъ столь расплывчатыя очертанія, что они не могли образовывать народности, принимающія сознательное участіе въ исторической жизни Европы; тѣ изъ племенъ, однако, которыя устроились по берегамъ Балтійскаго моря,—эсты и ливы, корелы и финны, могли, по крайней мѣрѣ, основать свое особое рѣзко ограниченное отечество. Уже подъ наименованіемъ біарміевъ, когда они обитали восточнѣе въ области Біарміи или Пермскаго края, эти финскія племена пріобрѣли достаточно большое значеніе какъ торговые посредники между Европой и

1) C. Schmidt. Bull. de l'Acad. de Sciences de Pétersbourg, vol. XVI, 1871. - 2) Gust. von Düben. «Lappland och Lapparne».

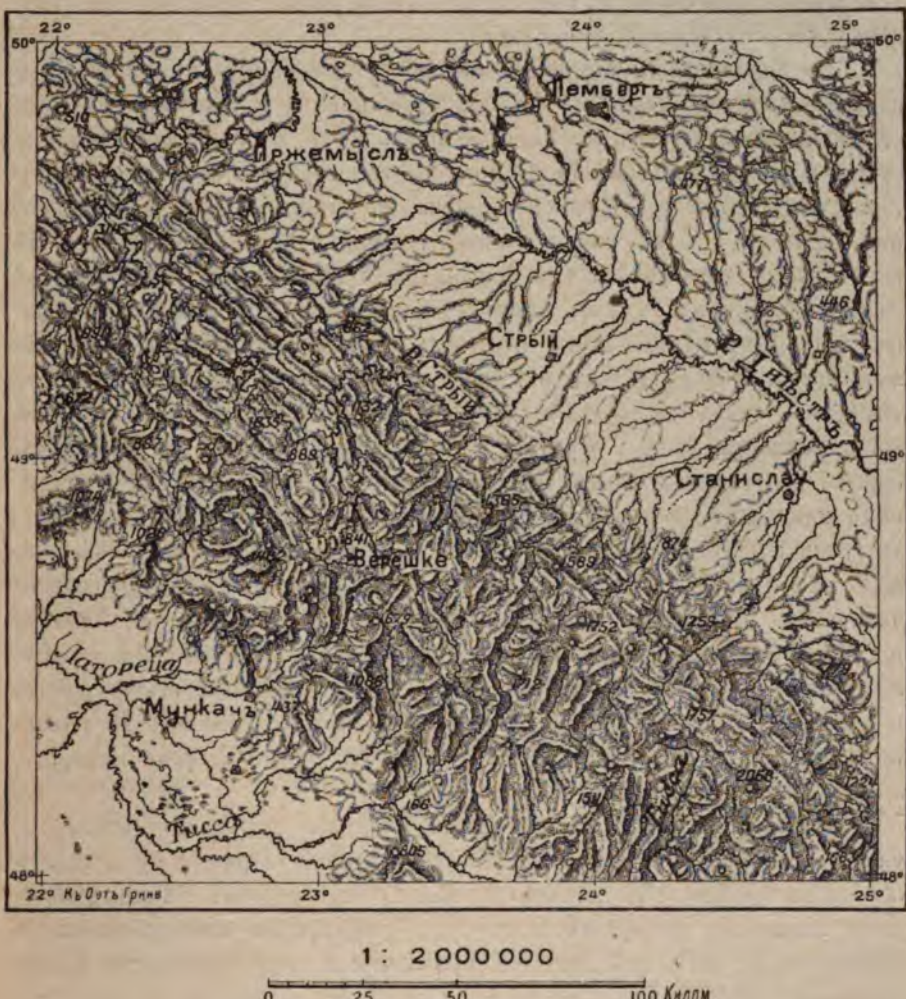
Азіей; они сдѣлались таковыми еще болѣе, когда дошли до береговъ моря, которое привело ихъ хотя бы и въ не совсѣмъ прямое соотношеніе со странами Западной Европы. Они проникли даже до Скандинавіи, гдѣ вошли въ соприкосновеніе съ норманнами, но не имѣли силы бороться съ такими соперниками и были оттѣсненыя ими со Скандинавскаго полуострова въ «страну болотъ»—«Fenn-land»,—имя которой они и до сихъ поръ носятъ. Одно изъ ихъ племенъ, племя квенеръ, устроилось на восточномъ берегу Ботническаго залива и обязано своимъ наименованіемъ, которое по-шведски означаетъ «женщины», тому, что ихъ считали племенемъ амазонокъ, и въ качествѣ такой народности они были извѣстны вплоть до самыхъ крайнихъ предѣловъ древняго міра благодаря разносившимъ эти слухи мореплавателямъ-арабамъ. Что касается финновъ, то самое уже отличіе ихъ въ смыслѣ типа, языка и нравовъ отъ славянъ, скандинавовъ и германскихъ племенъ было достаточнымъ для того, чтобы въ нихъ видѣли опасныхъ колдуновъ и волшебниковъ.

Въ центрѣ Европы угрскія и тюркскія племена слѣдовали по стопамъ готовъ, проникшихъ гораздо далѣе на западъ, чѣмъ племена финскія,—они заняли, въ концѣ концовъ, почти весь огромный амфитеатръ Карпатскихъ горъ, который выполнялся прежде внутреннимъ моремъ, образованнымъ въ мѣстѣ сліянія Дуная и Тиссы. Азіатскія народности, одна за другой, устраивались тамъ благодаря тому, что обширная равнина Альфельда напоминала имъ «море травъ» Монголіи, тѣмъ болѣе, что ее окружали такія же покрытыя лѣсами горы, какъ Саянскій и Алтайскій хребты. Гунны сдѣлали эту мѣстность центромъ своихъ разбойничьихъ набѣговъ; авары владѣли здѣсь между Дунаемъ и Тиссой крѣпостью округлой формы за семью стѣнами, въ которой они складывали свою военную добычу, награбленную въ теченіе трехъ вѣковъ въ предѣлахъ греко-римскаго міра. Послѣ полнаго оттѣсненія аваровъ, которые утратили даже свое имя, слившись со славянами или болгарами, другія народности, пришедшія только-что изъ Азіи, проникли также въ великую равнину, расположенную между Карпатами. Это была народность мадьяровъ,—вслѣдъ за нею сюда пришли печенѣги, затѣмъ куманы, палокры, язиги, которые всѣ смѣшивались между собой, равно какъ смѣшивались и съ хазарами, аварами и славянами, находившимися уже въ странѣ.

Мадьяры сохранили еще воспоминаніе о проходѣ, ведущемъ чрезъ Карпаты, которымъ они проникли въ равнину, занимаемую ими теперь уже въ теченіе десяти вѣковъ. На сѣверо-востокъ отъ великой дуги горныхъ хребтовъ, тамъ, гдѣ долина рѣки Стрыя, притока Днѣстра, приближается къ долинѣ рѣки Латорезы, одного изъ верхнихъ притоковъ Тиссы, имѣется перевалъ Веречке, наиболѣе высокій гребень котораго до-

стигаетъ 841 метра, тогда какъ надъ нимъ еще подымаются на 300 метровъ горныя вершины. Прохожденіе этимъ переваломъ не трудно. Это-то и были ворота, по которымъ проникли мадьяры, это была «дорога

№ 306. Мадьярскія ворота.

мадьяровъ», какъ называетъ и до сихъ поръ мѣстное населеніе окрестности. Именно здѣсь венгерская народность, тѣснимая сильно печенѣгами, создала при содѣйствіи Арнульфа Коринтскаго, побѣдителя норманновъ, свои важнѣйшія защитныя сооруженія: городъ Мункачъ, господ-

ствующій надъ горнымъ проходомъ съ юга, долженъ былъ служить караульнымъ постомъ и игралъ такую роль до прошлаго вѣка, препятствуя проникать этимъ проходомъ враждебнымъ арміямъ германскимъ, славянскимъ или угрскимъ. Однако, нѣкоторые изъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища, и между ними тѣ самые печенѣги, которые преслѣдовали мадьяровъ въ 898 г., приходили по тому же самому проходу и просили у венгровъ принять ихъ, такъ какъ венгры были неоспоримыми владѣльцами всей великой равнины.

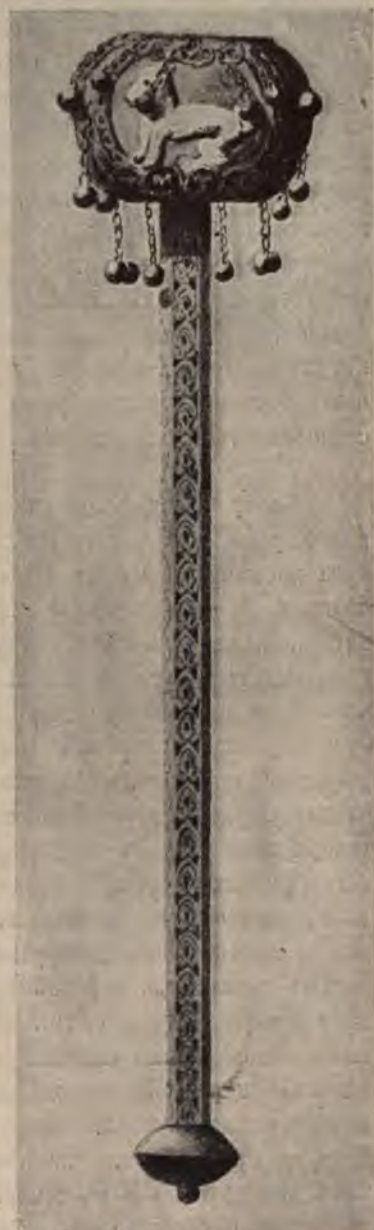
Во время своего вторженія въ страну, покоренную ими подъ предводительствомъ Арпада, венгры были язычниками и ринулись на христіанскій міръ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ ихъ предшественники гунны и авары: они прошли, неся съ собою разрушеніе чрезъ всю южную Германію, проникли, съ одной стороны, до Италіи, съ другой—до Франціи. Силы ихъ были, однако, сломлены германскими императорами въ двухъ рѣшительныхъ бояхъ, и венгры были принуждены замкнуться въ своемъ обширномъ горномъ циркѣ, гдѣ они устроились и приняли религію западныхъ народовъ; въ 1001 г., сто лѣтъ спустя послѣ вторженія ихъ, король получилъ даже изъ рукъ самого папы корону, которая съ тѣхъ поръ стала называться короной св. Стефана. Сохранивъ свою воинственность, венгры обратили съ этого времени всѣ свои инстинкты борьбы противъ восточныхъ народовъ, которые оставались еще язычниками или были обращены въ исламъ. Съ восточной стороны они сдѣлались защитниками христіанской Европы,—мирная жизнь земледѣльцевъ мало ихъ удовлетворяла. Въ теченіе вѣковъ венгры оставались полукочевниками, переходили изъ одной мѣстности въ другую, какъ только истощалась почва, и охотно всегда были готовы перенестись и въ другія дальнія страны, если только представлялась возможность пограбить и повоевать. Вся народность считала себя какъ бы войскомъ на походномъ положеніи, находящимся подъ управленіемъ не «короля Венгріи», а «короля венгровъ».

По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что слово «ország» [1]), употребляющееся въ настоящее время въ смыслѣ «страна», происходитъ отъ слова «úrság», обозначающаго «свита» или «кортежъ». Такимъ образомъ, выраженіе, употреблявшееся для обозначенія спутниковъ главы войска, стало, въ концѣ концовъ, примѣняться для обозначенія мѣста пребыванія всей народности [2]).

Увлеченные игрой фантазіи, венгры любятъ производить свою генеалогію отъ короля гунновъ, страшнаго Атиллы; весьма вѣроятно,

1) «Magyar ország», страна венгровъ или Венгрія. 2) Bernhard Munkàczi. «Ethnographia»; Karl Tagànyi. Ungarische Revue, 1895, t. II, p. 126.

однако, что среди ихъ предковъ авары значительно преобладаютъ численностью надъ гуннами, такъ какъ авары непосредственно предшествовали гуннамъ въ занятіи обширной равнины и пребывали въ ней несравненно болѣе долгое время. Мадьяры представляютъ собою, очевидно, народъ чрезвычайно смѣшаннаго происхожденія и, какъ можно судить по ихъ типу и внѣшности, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживаютъ монголо-подобныя черты,—среди нихъ наблюдаются самые разнообразные типы, представляющіе иногда нѣкоторое общее сходство. Что касается языка, то онъ свидѣтельствуетъ также о хаотической смѣси, въ которой объединяются элементы, характеризующіе эту народность. Мадьярское нарѣчіе состоитъ, главнымъ образомъ, изъ двухъ основныхъ нарѣчій—угрскаго и тюркскаго, но комбинація ихъ такова, что угрское нарѣчіе послужило, главнымъ образомъ, къ образованію конструкціи предложеній, тогда какъ тюркское приняло наибольшее участіе въ образованіи самихъ словъ. Быть-можетъ, однако, все же нельзя заключить, что мадьярскій языкъ является, благодаря такому обстоятельству, языкомъ угрскимъ, подобно тому, какъ англійскій, по своему синтаксису, долженъ быть отнесенъ къ нарѣчіямъ германскимъ. Общій законъ, по которому грамматика переходитъ изъ одного языка въ другой въ качествѣ неприкосновеннаго наслѣдства, равно какъ и другой законъ, по которому языкомъ болѣе древнимъ долженъ считаться языкъ, содержащій наименованія, относящіяся къ первобытной жизни народности,—оба эти закона отнюдь не имѣютъ значенія абсолютныхъ правилъ. Такъ, въ мадьярскомъ языкѣ въ грамматикѣ мы

Скипетръ венгерскаго короля.

находимъ какъ тюркскія формы, такъ и многочисленныя угрскія и, съ другой стороны, обозначеніе существенныхъ предметовъ угрскаго происхожденія встрѣчаются бокъ-о-бокъ съ таковыми же тюркскаго. Слова, обозначающія глазъ, ротъ, ухо, языкъ, зубы, нёбо, руку, сердце, кровь, мозгъ—угрскаго корня, тогда какъ слова, обозначающія кисть руки, колѣно, спину, желудокъ, носъ, шею, пупокъ, бороду, усы—тюркскаго происхожденія. Должно ли изъ этого заключить, что мадьяры—народность по происхожденію угрская, и что элементы этой народности, имѣющіе тюркское происхожденіе, явились на свѣтъ лишенные тѣхъ органовъ, которые не заключаются въ ихъ запасѣ словъ? Славяне точно также въ значительной степени посодѣйствовали обогащенію мадьярскаго языка и его превращенію, такъ какъ ихъ новыми словами были замѣщены многія древнія слова. Нельзя отрицать, что въ составъ мадьярскаго языка вошли въ высшей степени разнообразныя формы, что указываетъ на чрезвычайную смѣшанность происхожденія самой народности [1]).

Въ ту эпоху, когда венгры окончательно устроились въ центральной Европѣ, ихъ родственники, тюрки чистой расы, находились еще въ пути по направленію къ Византійской имперіи, которую они, въ концѣ концовъ, завоевали. Турки или ту-кіу, называвшіе себя «сынами волчицы», были племенемъ варварскимъ. Эта народность, въ которой Дегинь видитъ наиболѣе типичныхъ представителей тюркской расы, начала свои завоеванія около середины VI вѣка и въ нѣсколько лѣтъ овладѣла всей Азіей отъ Кореи до Туркестана. Двѣсти лѣтъ спустя тюркское царство не существовало болѣе, его мѣсто было занято царствомъ уйгуровъ, другого тюркскаго племени, болѣе цивилизованнаго, благодаря миссіонерамъ несторіанамъ. Въ этихъ обширныхъ, не имѣющихъ естественныхъ границъ странахъ государства, основывавшіяся завоевателями-номадами, возникаютъ сразу въ различныхъ пунктахъ и обладаютъ измѣнчивыми контурами, внезапно принимая гигантскіе размѣры, затѣмъ распадаясь и разсѣиваясь, какъ облака въ небесной выси. Къ тому же феодальныя связи, объединявшія отдѣльныхъ князей съ великимъ ханомъ, были связями мало прочными, какъ это можно судить по описанію церемоній возведенія на царство, приводимыхъ однимъ изъ китайскихъ писателей: «когда предводитель ихъ долженъ быть возведенъ на престолъ, его главные придворные переносятъ его въ носилкахъ изъ войлока и въ теченіе дня заставляютъ его совершить девять прогулокъ вокругъ города... Затѣмъ они берутъ его подъ руки и сажаютъ его на лошадь; потомъ стягиваютъ шею его шелковой лентой такъ сильно, что едва его не удушаютъ; отпуская затѣмъ эту петлю, они

---

1) Arminius Vámbéry. Ungarische Revue, Mai, Juli, 1894, pp. 247, 248.

быстро обращаются къ нему съ вопросомъ: «сколько лѣтъ будешь ты нашимъ ханомъ»? Король, умъ котораго мутится отъ всего совершив-

Посвященіе Дрогона, брата Карла Великаго (рѣзьба по слоновой кости той эпохи).

шагося, отвѣчаетъ имъ, что придетъ въ голову, и этотъ отвѣтъ истолковывается подданными такъ, какъ имъ кажется лучше» [1]). Такимъ обра-

1) G. de Saint-Yves. Revue scientifique, 10 févr. 1900.

зомъ, ханъ игралъ роль оракула и таинственнымъ образомъ самъ предсказывалъ свое будущее.

Уйгуры, имѣвшіе большое значеніе среди народовъ центральной Азіи въ ту эпоху, когда долина Тарима, теперь почти совершенно пустынная, была гораздо болѣе населена и усѣяна многолюдными городами, покоящимися теперь подъ сыпучими песками,—эти уйгуры не принимали, повидимому, участія въ происходившемъ переселеніи народовъ по направленію къ западу. Занимая область, ясно ограниченную съ трехъ сторонъ, съ юга, съ запада и съ сѣвера, они могли совершенно мирнымъ путемъ заботиться о развитіи въ своей странѣ цивилизаціи, которая занимала промежуточное мѣсто между цивилизаціей китайской и цивилизаціей Бактріаны. Путешественники буддисты, имена коихъ сохранились въ китайскихъ лѣтописяхъ, неоднократно пересѣкали эту страну, обладавшую прекрасною природою, нисколько не худшею, чѣмъ природа Пьемонта и Ломбардіи,—они вели диспуты о вѣрѣ съ несторіанцами, маздеистами и мусульманами страны. Около 1000 г. уйгурская народность пользовалась высокимъ почетомъ, вслѣдствіе знакомства своего съ науками и искусствами [1]), но если справедливо, какъ то думаетъ большинство географовъ, изслѣдовавшихъ природу страны, что линія снѣговъ на окружающихъ горахъ повысилась, что потоки, сбѣгавшіе съ горъ, изсякли, и что обширное «Средиземное море» уйгуровъ распалось, мало-по-малу, на рядъ озеръ и болотистыхъ пространствъ, перемѣщающихся съ мѣста на мѣсто подъ вліяніемъ вѣтровъ, то естественно, что и число жителей должно было соотвѣтственно уменьшиться. Культурные центры становились все малочисленнѣе, и, въ концѣ концовъ, вся этническая группа утратила настолько связь между собою, что не могла противостоять давленію монгольскихъ народностей востока. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе періода развитія своей цивилизаціи уйгуры являлись естественными посредниками между Европой и Азіей, и именно благодаря ихъ помощи узнали арабскіе путешественники тѣ пути, которые по другую сторону Памира сходятся въ Ланъ-Чоу на Желтой рѣкѣ и направляются въ Срединную имперію.

Въ то же время другія тюркскія народности были увлечены предшествовавшими переселеніями на западный склонъ Небесныхъ горъ, въ страну, которая по ихъ собственному имени называлась долгое время Туркестаномъ, и увидѣли передъ собою на западѣ пространство совершенно открытое. Эти народности испытали такое же притяженіе къ области цивилизаціи арабовъ, какое испытывали норманны къ области христіанъ. Это были орды турокъ-сельджуковъ или Сельджукидовъ.

---

1) A. Vàmbéry. «Uigurische Sprachmonumente».

Обращенные въ исламъ и притомъ не въ ту разновидность его, которая исповѣдывалась ихъ сосѣдями персами-шіитами, но въ чистую магометанскую вѣру, центромъ которой являлась Мекка, они, тѣмъ не менѣе, открыли военныя дѣйствія противъ своихъ единовѣрцевъ. Въ 1040 г. турки проникли на Иранское плоскогоріе чрезъ Гератскій проходъ, отбросили къ востоку его защитниковъ изъ династіи Газнавидовъ, наиболѣе знаменитый представитель коей султанъ Махмудъ скончался въ 1033 г. послѣ того, какъ ввелъ въ Индію, вплоть до береговъ Ганга, религію Магомета. Въ 1048 г. сельджуки столкнулись въ Арменіи съ греками и оттѣснили ихъ; въ 1055 г. Тогриль, внукъ Сельджука, вступилъ побѣдителемъ въ Багдадъ и поступилъ съ халифомъ, намѣстникомъ Магомета, почти такъ же, какъ въ ту же самую эпоху поступилъ Танкредъ съ намѣстникомъ св. Петра [1]). Іерусалимъ, Дамаскъ, Анатолія (1087 г.) подпали подъ власть турокъ, и образовалась сильнѣйшая имперія, защищаемая воинственными обитателями, въ жилахъ которыхъ текла новая кровь—съ этой-то имперіей и пришлось столкнуться христіанамъ, когда у нихъ явилось желаніе отвоевать обратно святыя мѣста. Меликъ-Шаху (1073—1092) подчинялись всѣ страны отъ Кашкара до Никеи и отъ Каспійскаго моря до Счастливой Аравіи. Городъ Испагань сдѣлался столицей государства гораздо болѣе значительнаго, чѣмъ Византійская имперія.

Если судить по надписямъ, сохранившимся на памятникахъ, возведенныхъ султанами Сельджукидами, эти послѣдніе были властителями чрезвычайно гордыми и ужасными. На воротахъ одного изъ караванъ-сараевъ путешественникъ Лушанъ прочелъ слѣдующія слова: «я повелѣлъ построить этотъ благословенный караванъ-сарай, я величайшій султанъ, высокій царь царей, держащій всѣ народы за горло» [2]). Эти жестокіе властители были въ то же время большими любителями великолѣпія и роскошныхъ празднествъ, около нихъ концентрировались также ученые, писатели, поэты и пѣвцы, скульпторы и архитекторы: уйгуры, иранцы, сирійцы, снискавшіе славу въ своей странѣ, всѣ собирались вокругъ султана. Многочисленныя зданія, которыя сохранились послѣ нихъ въ Малой Азіи и были построены въ XI, XII и XIII вѣкахъ, свидѣтельствуютъ о господствѣ тогда чрезвычайно удачнаго смѣшенія византійскаго и персидскаго стилей. Во всѣхъ городахъ и по всѣмъ главнымъ путямъ были возведены тогда школы, университеты, мечети и въ особенности караванъ-сараи. Нѣкоторые изъ караванъ-сараевъ съ великолѣпными сводами, со стрѣльчатыми башнями и колоссальными

---

1) Leopold von Ranke «Weltgeschichte», VIII Theil, p. 32. 2) Verhandlungen der Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin, 1897, n° II, p. 257.

дворами были такъ велики, что могли вмѣстить сразу цѣлое войско, равно какъ и тысячи верблюдовъ и лошадей (Ф. Сарръ).

Къ этимъ туркамъ-сельджукамъ примѣшивались другія мусульманскія народности, явившіяся вмѣстѣ съ аварами къ берегамъ восточнаго Средиземнаго моря и вполнѣ готовыя къ борьбѣ съ христіанами Византіи и Рима. Въ теченіе двухъ вѣковъ затѣмъ оба міра, западный и восточный, неоднократно сталкиваются и ведутъ борьбу, какъ на первый взглядъ кажется, всего лишь изъ-за обладанія одной гробницей.

РЫЦАРИ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

Хронологія.

Отъ 1000 г. до 1250 г. въ общепринятыхъ хронологическихъ спискахъ перечисляется болѣе сорока римскихъ папъ, которые занимали престолъ св. Петра въ теченіе, въ среднемъ, 6—7 лѣтъ каждый, и, кромѣ того, около 20 анти-папъ. Замѣшанными въ борьбу, о которой говорится на послѣдующихъ страницахъ, являются, главнымъ образомъ, слѣдующіе изъ нихъ: Александръ II миланскій, 1061—1073 г., Григорій VII (Гильдебрандъ) тосканскій, 1073—1086 г., Викторъ III беневентскій, Урбанъ II въ Шатильонъ-сюръ-Марнѣ, 1088—1089 г., Паскаль III тосканскій, 1099—1118 г., затѣмъ Иннокентій II, 1130—1143 г., Евгеній III, 1145—1153, Адріанъ IV, 1154—1159, Александръ III и др.

Установивъ нѣсколько болѣе порядка среди разрушенія, внесеннаго норманнами, династія Капетинговъ заняла французскій тронъ, и съ самаго начала образъ правленія ея былъ относительно мирный; монархи этой династіи слѣдовали одинъ за другимъ по прямой линіи, и царствованіе каждаго изъ нихъ соотвѣтствовало примѣрно періоду одного поколѣнія: Гуго Капетъ царствовалъ въ 987—996, Робертъ, получившій прозваніе Благочестиваго, род. въ 970 г., царствовалъ съ 996—1031, былъ отлученъ отъ церкви съ 998—1001, Генрихъ I, 1031—1060 г., Филиппъ I, 1060—1108 г., былъ отлученъ отъ церкви съ 1094—1104 г., Людовикъ VI, 1108—1137г., Людовикъ VII, 1137—1180 г., Филиппъ II (Августъ), 1150—1223 г., былъ отлученъ отъ церкви съ 1199—1201 г., Людовикъ VIII и Людовикъ IX, получившій названіе Святого, 1226—1270 г.

Въ теченіе того же промежутка времени послѣдовательность монарховъ, восходившихъ на германскій тронъ, была болѣе сложная. Оттонъ I, называемый Великимъ, второй изъ королей саксонской династіи, завладѣлъ Ломбардскимъ королевствомъ, заставилъ себя помазать на царство въ Римѣ и возстановилъ священную германскую имперію въ 962 г.; два другіе Оттона и Генрихъ II принадлежатъ къ той же линіи. Конрадъ II, завладѣвшій королевствомъ Арльскимъ, и за нимъ три Генриха принадлежали къ франконской династіи. Изъ нихъ Генрихъ IV, родившійся въ Госларѣ въ 1050 г. и вступившій на престолъ 6-ти лѣтъ, былъ въ 1076 г. отлученъ отъ церкви, вслѣдствіе несогласія съ папой изъ-за инвеституры епископовъ; въ слѣдующемъ году онъ униженно просилъ прощенія у папы Григорія VII въ Каноссѣ; борьба возобновилась затѣмъ снова, и въ 1084 г. Генрихъ былъ помазанъ въ императоры однимъ изъ анти-папъ; однако, сыновья его возстали противъ него, онъ долженъ былъ спастись въ Льежѣ и умеръ въ 1106 г. Генрихъ V, его сынъ и наслѣдникъ, царствовавшій съ 1106 по 1125 г., боролся также, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ уступить.

Послѣ Лотаря II (1125—1138), монарха саксонской династіи, на

тронъ вступили представители швабскаго княжескаго дома, Гогенштауфены, о которыхъ будетъ говориться подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Въ Константинополѣ, въ теченіе XI вѣка, царствуетъ около 20 императоровъ различныхъ династій; въ концѣ концовъ, одерживаютъ верхъ Комнены. Алексѣй I, 1081—1118 г., принималъ у себя участниковъ перваго крестоваго похода, за нимъ послѣдовали Іоаннъ, 1110—1143, Мануилъ, 1143—1180, затѣмъ раздоры изъ-за трона продолжались. Въ 1204 г. результатомъ четвертаго крестоваго похода было сокращеніе области, которою управляли императоры Восточной Римской имперіи, до одного королевства Никейскаго, тогда какъ Балдуинъ Фландрскій, Генрихъ Геннегаускій, Петръ и Робертъ-де-Куртенэ и, наконецъ, Балдуинъ II царствовали въ Византіи; затѣмъ Михаилъ Палеологъ, 1260—1282 г. отвоевалъ обратно древнюю столицу Восточной римской имперіи въ 1261 г.

Въ Англіи Вильгельмъ-Завоеватель умеръ въ 1081 г., и ему наслѣдовали два его сына, Вильгельмъ Рыжій и Генрихъ I. Послѣ Этьенна де-Блуа (1135—1154) царствовали Плантагенеты: Генрихъ II, 1154—1189, Ричардъ Львиное Сердце, 1189—1199, Іоаннъ Безземельный, 1199—1216, Генрихъ III, 1216—1272 и т. д.

Сыновья Танкреда Готвильскаго высадились въ южной Италіи въ 1038 г., Робертъ Гискаръ сдѣлался герцогомъ Апуліи и Калабріи и вмѣшался въ борьбу, получивъ поддержку со стороны Григорія VII; въ 1074 г. онъ былъ отлученъ Григоріемъ VII отъ церкви, затѣмъ подчинился ему и позднѣе освободилъ его изъ рукъ Генриха IV, который осаждалъ его въ Римѣ, но затѣмъ Робертъ захватилъ Григорія VII въ плѣнъ, и въ качествѣ его плѣнника Григорій VII и умеръ въ 1085 г. въ Салерно. Младшій братъ, Рожеръ, Великій графъ (1040—1101), завершилъ покореніе Сициліи; Рожеръ II, сынъ этого послѣдняго, 1093—1154, объединилъ обѣ Сициліи въ одно королевство.

Далѣе приводятся имена нѣкоторыхъ выдающихся личностей:

Беренгаръ Турскій, ересіархъ	998—1088
Петръ Пустынникъ Амьенскій, монахъ-проповѣдникъ	1050—1115
Гассанъ-Ибнъ-Сабба, «Старецъ съ горъ»	1056—1124
Абеляръ, философъ и теологъ, род. въ Нантѣ	1079—1142
Сюжеръ, министръ Людовика VI, род. въ Сенъ-Дени	1081—1151
Анна Комнена, дочь Алексѣя I, писательница	1082—1148
Элоиза, настоятельница Параклетскаго мон., род. въ Парижѣ	1101—1164
Св. Бернардъ, настоятель монаст. Клерво, род. въ Дижонѣ	1091—1152
Петръ Преподобный, паст. въ Клюни, род. въ Оверни	1091—1156
Арнольдъ изъ Брешіи, ересіархъ и революціонеръ	1100—1155
Петръ Брюэсскій, ересіархъ	1080?—1120
Арриго, ересіархъ Ломбардскій	1088?—1148?

> Возмущеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабовъ—противъ господъ существуетъ вѣчно, и прошло много вѣковъ, прежде тѣмъ первыс получили нѣкоторое удовлетвореніе.

Глава шестая.

ТЫСЯЧНЫЙ ГОДЪ.—РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.—ПАПЫ, ЕПИСКОПЫ И МОНАРХИ.—ДУХОВНАЯ И СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ.—МОНАШЕСТВО НА ЗАПАДѢ.—РЫЦАРСТВО И РАБСТВО.—ПАЛОМНИЧЕСТВО.—ПРИЧИНЫ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.—ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ И ТЕЧЕНІЕ ВЪ ОБРАТНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ.—ФРАНЦІЯ, СТАРШАЯ ДОЧЬ ЦЕРКВИ.—ХРАМОВНИКИ И УБІЙЦЫ.—КЛЮНИ И СИТО.—ВАЛЬДЕНСЫ И КАТАРЫ.—АРНОЛЬДЪ ИЗЪ БРЕШІИ.—СУДЬБЫ ИРЛАНДІИ.—ЛЮДОВИКЪ СВЯТОЙ.

Постоянно стремящееся къ господству духовенство, принужденное въ настоящее время вести борьбу изъ-за своей власти, счастливо уже тѣмъ, что создаетъ себѣ иллюзіи относительно своего владычества въ эпоху среднихъ вѣковъ. Служители церкви любятъ представлять

себѣ, что въ эти времена ихъ наибольшаго могущества даже души всѣхъ членовъ общества принадлежали имъ всецѣло, и все общество цѣликомъ было еще «исполнено благодати» и припадало къ престолу церкви со всѣмъ жаромъ искренней вѣры. Имъ, впрочемъ, тѣмъ легче обманывать себя въ этомъ направленіи, что исторіографами того времени были почти исключительно священники: духовныя лица являются лѣтописцами въ теченіе почти тысячи лѣтъ и, конечно, ведутъ свою линію и изображаютъ всѣ историческіе факты такъ, чтобы они служили къ ихъ собственной чести и выгодѣ! Съ другой стороны, даже и враги католицизма часто также подпадаютъ этой иллюзіи, тѣмъ болѣе, что она позволяетъ имъ сдѣлать еще болѣе яркимъ контрастъ этого періода полнаго мрака съ послѣдующимъ періодомъ эмансипаціи мысли. Однако, какъ католики, такъ и свободомыслящіе въ равной степени заблуждаются. Дѣло въ томъ, что религіозныя увлеченія, жизнь въ мистическомъ туманѣ—всегда явленія исключительныя въ обществѣ, и у огромнаго большинства людей всѣ стремленія ихъ направлены къ удовлетворенію непосредственныхъ нуждъ, необходимыхъ для поддержанія тѣлесной жизни. Почти всѣ люди проводятъ жизнь естественнымъ порядкомъ, не ища отвѣта на вопросы, зачѣмъ, почему и какъ они появились на этомъ свѣтѣ,—вѣра ихъ, которую они исповѣдуютъ, является не болѣе, какъ приспособленіемъ къ повседневнымъ ихъ привычкамъ. Такъ было и въ средніе вѣка и во всѣ другія историческія эпохи. Однако, внезапный разрывъ, совершившійся въ цивилизованной Европѣ въ эпоху Возрожденія, «когда она увлеклась науками, какъ юноша, перешедшій въ классъ риторики» [1]), отвратилъ писателей, воодушевленныхъ любовью къ древности, отъ всякаго серьезнаго изслѣдованія жизни среднихъ вѣковъ; такимъ образомъ, традиція, распространяемая церковью, еще болѣе утвердилась. Историки обратили свое вниманіе на эти темныя времена лишь въ XVIII столѣтіи, а изслѣдованія болѣе серьезныя относятся даже къ XIX вѣку. Въ настоящее время мы отыскали все же народъ подъ тѣмъ двойнымъ панцыремъ, которымъ прикрыли его съ одной стороны короли, съ другой—церковь.

Курьезная легенда, именно, легенда о «тысячномъ годѣ», чрезвычайно содѣйствовала укрѣпленію ложной идеи, будто бы народы Западной Европы были тогда воодушевлены глубочайшею вѣрою. Въ прежнія времена всѣ историки разсказывали, что приближеніе тысячнаго года, ожиданіе пришествія антихриста и послѣдняго страшнаго суда охватило души рѣшительно всѣхъ. Всюду враги мирились между собой, торговцы переставали покупать и продавать, скряги не стали болѣе накоплять

1) Raoul Rosières. «Recherches critiques sur l'Histoire religieuse de la France», p. 7.

деньги, и даже преступники прекратили свои злыя дѣянія. Всѣ власть имущіе распростерлись будто бы ницъ предъ алтарями и жертвовали все свое имущество церкви, иначе говоря, стремились передать его въ руки Божіи, надѣясь получить помилованіе и прощеніе и быть допущенными въ жизнь вѣчную. Нѣтъ, однако, ни одного письменнаго документа, относящагося къ тому времени, который давалъ бы хоть малѣйшее указаніе, оправдывающее эту легенду: въ современныхъ лѣтописяхъ находятся лишь обычныя причитанія монаховъ о грѣхахъ людей и о наказаніяхъ ада; уже много вѣковъ раздавались все тѣ же жалобы, и еще въ теченіе ряда вѣковъ имъ суждено было воспроизводиться въ очень сходной формѣ: «Братья, бодрствуйте, кайтеся во грѣхахъ. Міръ близокъ къ своему концу. Прошло тысяча и сто лѣтъ. Появляются уже знаменія, предшествующія кончинѣ міра. Молитесь, кайтеся, наступаетъ конецъ міра» [1]).

Можно сказать даже, что именно въ тысячномъ году жизнь европейскихъ народовъ была относительно менѣе безпокойной, менѣе нелѣпой и менѣе исполненной страшныхъ предчувствій, чѣмъ она была, напримѣръ, во Франціи 100 лѣтъ спустя послѣ вторженія норманновъ, и чѣмъ она была четыре вѣка спустя во время ужасной столѣтней войны. Напротивъ, всѣ событія развивались въ эту эпоху относительно нормальнымъ порядкомъ, особенно по сравненію съ феодальнымъ періодомъ среднихъ вѣковъ, когда слѣдовали однѣ за другими войны, грабежи и пожары; лѣтописи нисколько не доказываютъ также, чтобы въ тысячномъ году имущіе люди дѣлали болѣе значительныя приношенія церкви, чѣмъ ранѣе. Въ дѣйствительности, легенда эта приняла реальныя формы лишь въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ вполнѣ естественнаго стремленія людей относить всѣ великія событія къ опредѣленному мѣсту, къ опредѣленной личности или къ точно опредѣленному времени: просто-на-просто, желали объяснить столь замѣчательное развитіе религіи, которое произошло нѣсколько до и нѣсколько послѣ тысячнаго года, избраннаго какъ средняя промежуточная величина. Настоящимъ распространителемъ этой легенды былъ Робертсонъ, благодаря высокой авторитетности своей таблицы «Tableau des Progrès de la Société en Europe», гдѣ иллюзія всеобщаго страха предъ послѣднимъ судомъ была выражена въ окончательной формѣ [2]).

Въ XI вѣкѣ, когда послѣ арабскаго вторженія въ страны, лежащія у береговъ Средиземнаго моря, образовалось обратное движеніе изъ Европы въ Азію, выразившееся въ крестовыхъ походахъ, совершился

---

1) «La Nobla Leyczon» des Vaudois».—2) Dom Plaine. Revue des Questions historiques, janvier 1878; Raoul Rosières, ouvrage cité, pp. 135, 163.

тилъ въ 867 г. подробнымъ обвинительнымъ актомъ, въ которомъ онъ

№ 307. Аквилейя, Градо и Юліанскіе Альпы.

упрекалъ западную церковь не только въ примѣненіи обрядовъ, против-

ныхъ обычаю, но и въ ереси. Расхожденіе въ вѣрованіяхъ и въ обрядахъ было, такимъ образомъ, окончательно констатировано, но благоразуміе еще долгое время одерживало верхъ надъ ненавистью и личными счетами, такъ какъ ни та, ни другая изъ христіанскихъ церквей не желала заслужить упрекъ въ томъ, что нарушила единство церкви, этотъ основной принципъ религіи Христа. Въ концѣ концовъ, однако, вопросъ объ «опрѣснокахъ», т.-е. хлѣбѣ безъ дрожжей, примѣнявшемся при причащеніи,—что восточные христіане считали суевѣріемъ іудейскаго происхожденія,—вызвалъ расщепленіе, подготовленное въ теченіе вѣковъ, и какъ съ той, такъ и съ другой стороны стали провозглашаться анаѳемы противникамъ. Раздѣленіе церквей совершилось. Это произошло въ 1054 г., въ самой серединѣ XI вѣка, въ эпоху, когда папское могущество возросло и увеличилось: расщепленіе обѣихъ церквей было уже настолько подготовлено, какъ среди низшаго духовенства, такъ и въ народныхъ слояхъ, что престижъ римскаго первосвященника отнюдь не пострадалъ во всемъ западномъ мірѣ вслѣдствіе оффиціальнаго раздѣленія.

Римско-католическая икона.

Въ теченіе ряда вѣковъ римскіе первосвященники старались постепенно использовать тѣ исключительныя преимущества, которыя представлялись имъ благодаря тому, что управленіе имперіей было перенесено въ Константинополь, тогда какъ на западѣ тронъ долгое время оставался незанятымъ,—они были «первыми въ Римѣ», а Римъ былъ первымъ изъ городовъ,—въ силу этого они непрестанно увеличивали свое могущество и пріобрѣтали все бо́льшую и бо́льшую святость въ глазахъ вѣрующихъ всѣхъ государствъ запада. Къ тому же они пользовались и всѣми многочисленными случаями, облегчавшими имъ возможность сдѣлаться первѣйшими князьями среди князей. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ они имѣли возможность обзавестись большою собствен-

ностью, но первоначально ихъ земельныя имущества или «отчины» принадлежали имъ, находясь въ то же время подъ верховнымъ управленіемъ экзарховъ равеннскихъ и императоровъ Восточной имперіи. Короли Ломбардіи угрожали отнять у нихъ ихъ владѣнія и привилегіи, потому они воспользовались поддержкой Пипина Короткаго, помогли ему сдѣлаться королемъ, за что онъ, въ свой чередъ, утвердилъ ихъ власть надъ всею областью между Анконой и Равенной. «Свѣтская власть» папъ была основана и вскорѣ значительно возросла благодаря Карлу Великому, который получилъ корону изъ рукъ папы Льва III. Этотъ послѣдній оставался, правда, съ точки зрѣнія чисто-земной, простымъ вассаломъ, но, съ другой стороны, вѣдь если онъ вѣнчалъ королей и императоровъ, то не располагалъ ли онъ также и властью божественной, которая дѣлала его превыше всѣхъ людей? Это-то именно и утверждали римскіе папы съ того самаго времени: ученіе церкви въ этомъ отношеніи было окончательно фиксировано, тѣмъ болѣе, что церковь постаралась точно формулировать предполагаемое право цѣлой серіей посланій, приписывавшихся папамъ шести первыхъ вѣковъ христіанской эры. Во все это вѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ, въ теченіе семи столѣтій, вплоть до того самаго времени, когда было доказано, что всѣ эти посланія ложны или, по меньшей мѣрѣ, поддѣланы, что открыто было, впрочемъ, лишь послѣ реформаціи.

Икона греческой православной церкви.

Въ то же время императоры германскіе, несмотря на то, что папы ихъ короновали, именно съ папами же энергичнѣйшимъ образомъ бо-

окончательный разрывъ между обѣими христіанскими церквами, восточной и западной. Это событіе, опредѣляемое въ исторіи терминомъ «раздѣленіе церквей», имѣло своей истинной причиной естественное соперничество двухъ городовъ, Рима и Константинополя, которые были двумя противоположными центрами тяжести въ равновѣсіи средиземноморского міра. Когда точки притяженія, естественные центры, стали различаться, раздѣленіе должно было произойти и между обѣими областями притяженія. Что касается причинъ разрыва, выставлявшихся съ той и съ другой стороны, то онѣ настолько ничтожны, что не могли зародиться изъ глубокаго убѣжденія,—это были не болѣе какъ жалкіе предлоги: употребленіе прѣснаго хлѣба, употребленіе молока, число постныхъ дней, строй и порядокъ пѣснопѣній, поклоны и колѣнопреклоненія во время празднествъ и множество другихъ пустяковъ, которые никоимъ образомъ не могли бы разъединить общины, охваченныя пыломъ горячей вѣры. Если всѣмъ подобнымъ мелочамъ придавалось значеніе, то это доказываетъ, какъ велика была въ сущности общая индифферентность вѣрующихъ; если они позволили себя такимъ способомъ раздѣлить на двѣ паствы, сдѣлавшіяся съ того времени враждебными, такъ какъ болѣе онѣ не знались одна съ другою, это доказываетъ, что они повиновались интересамъ политическимъ, а отнюдь не внутреннему убѣжденію. Къ тому же еще задолго до того, какъ раздѣленіе церквей было объявлено оффиціально, оно уже существовало въ дѣйствительности. Около конца V вѣка, менѣе ста лѣтъ до того, какъ совершилось расщепленіе обѣихъ имперій, началось и раздѣленіе церквей: различныя стремленія, иные сохранившіеся пережитки, полная противоположность въ смыслѣ національности и нравовъ, придавали обѣимъ церквамъ совершенно различную физіономію, независимо отъ противорѣчій въ догматахъ. Кажущееся объединеніе, продолжавшееся еще и послѣ того, какъ въ дѣйствительности произошло раздѣленіе, зависѣло отъ того уваженія, которымъ пользовался Римъ, этотъ главный городъ земного шара. Впрочемъ, Римъ имѣлъ еще то преимущество, что на западѣ онъ былъ единственной духовной столицей, за исключеніемъ развѣ Аквилеіи, которую въ VI в. замѣнилъ городъ Градо, гдѣ также находился патріархъ,—между тѣмъ, на востокѣ Константинополь долженъ былъ раздѣлять свою высшую власть съ Александріей, Антіохіей и Іерусалимомъ.

Возстановленіе Западной имперіи Карломъ Великимъ увеличило еще болѣе контрастъ политическихъ и религіозныхъ условій той и другой половины Европы: всѣ интересы папства заставляли его обращаться всецѣло къ властителямъ варварскаго происхожденія, царствующимъ на туманномъ сѣверѣ, далеко отъ Вѣчнаго города. Папа—какъ стали называть теперь римскаго епископа—отлучилъ отъ церкви Фотія, патріарха константинопольскаго, за его неповиновеніе; этотъ же послѣдній отвѣ-

другимъ интересамъ, лежащимъ внѣ церкви; оно должно было сконцен-

№ 308. Владѣнія Григорія VII.

1: 10 000 000

0 100 250 500 килом.

Часть Италіи, покрытая штриховкой, представляетъ собою Церковную область во время ея наибольшаго развитія въ средніе вѣка. Наслѣдіе св. Петра на Тирренскомъ морѣ, Равеннскій экзархатъ на Адріатическомъ морѣ и область Перузы связаны между собой. Въ 1077 г. графиня Матильда принесла въ даръ Григорію VII всѣ свои владѣнія, заключающія всю Тоскану и часть Ломбардіи до другой стороны рѣки По; однако, сопротивленіе городовъ, поддерживавшихся императоромъ, воспрепятствовало папѣ принять эти владѣнія подъ свою власть.

Вблизи Гаэты небольшая область, заключающая Спиньо и Суйо, находилась въ рукахъ сарраціновъ до 916 г. Вся нынѣшняя нижняя Италія и Сицилія управлялись наслѣдниками Танкреда съ 1080 г. Робертъ Гискаръ разбилъ Алексѣя Комнена при Дураццо въ 1082 г. и завладѣлъ этимъ побережьемъ.

трировать всѣ свои силы, чтобы превратиться въ настоящее духовное воинство. Не имѣя семьи, священникъ не имѣлъ точно также и отече-

ныхъ обычаю, но и въ ереси. Расхожденіе въ вѣрованіяхъ и въ обрядахъ было, такимъ образомъ, окончательно констатировано, но благоразуміе еще долгое время одерживало верхъ надъ ненавистью и личными счетами, такъ какъ ни та, ни другая изъ христіанскихъ церквей не желала заслужить упрекъ въ томъ, что нарушила единство церкви, этотъ основной принципъ религіи Христа. Въ концѣ концовъ, однако, вопросъ объ «опрѣснокахъ», т.-е. хлѣбѣ безъ дрожжей, примѣнявшемся при причащеніи,—что восточные христіане считали суевѣріемъ іудейскаго происхожденія,—вызвалъ расщепленіе, подготовленное въ теченіе вѣковъ, и какъ съ той, такъ и съ другой стороны стали провозглашаться анаѳемы противникамъ. Раздѣленіе церквей совершилось. Это произошло въ 1054 г., въ самой серединѣ XI вѣка, въ эпоху, когда папское могущество возросло и увеличилось: расщепленіе обѣихъ церквей было уже настолько подготовлено, какъ среди низшаго духовенства, такъ и въ народныхъ слояхъ, что престижъ римскаго первосвященника отнюдь не пострадалъ во всемъ западномъ мірѣ вслѣдствіе оффиціальнаго раздѣленія.

Римско-католическая икона.

Въ теченіе ряда вѣковъ римскіе первосвященники старались постепенно использовать тѣ исключительныя преимущества, которыя представлялись имъ благодаря тому, что управленіе имперіей было перенесено въ Константинополь, тогда какъ на западѣ тронъ долгое время оставался незанятымъ,—они были «первыми въ Римѣ», а Римъ былъ первымъ изъ городовъ,—въ силу этого они непрестанно увеличивали свое могущество и пріобрѣтали все бо́льшую и бо́льшую святость въ глазахъ вѣрующихъ всѣхъ государствъ запада. Къ тому же они пользовались и всѣми многочисленными случаями, облегчавшими имъ возможность сдѣлаться первѣйшими князьями среди князей. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ они имѣли возможность обзавестись большою собствен-

рому монархъ Великобританіи считается распредѣлителемъ всѣхъ имуществъ, какими только владѣютъ его подданные.

Значительнѣйшимъ произведеніемъ Вильгельма-Завоевателя было составленіе «Domesday-book» (буквально «Книга страшнаго суда»—кадастровая, поземельная книга), вышедшей за годъ до его смерти, въ 1086 году. Изъ этого драгоцѣннаго статистическаго документа, безъ сомнѣнія, неполнаго, но, все же, гораздо болѣе подробнаго и точнаго, чѣмъ документы многихъ современныхъ государствъ, явствуетъ, что король раздѣлилъ всю страну на болѣе чѣмъ 60000 леновъ и сохранилъ для самого себя всего лишь 1422 лена, взятыхъ имъ въ полную собственность, равно какъ и обширные лѣса и области охоты. Прямые вассалы короля, числомъ 700, среди которыхъ были всѣ предводители, пришедшіе изъ Нормандіи съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ, были также лишены обширныхъ помѣстій; затѣмъ за ними слѣдовали въ іерархическомъ порядкѣ другіе феодалы, норманны и англосаксы, вассалы, свободные люди и представители низшихъ классовъ. Регистръ содержитъ всего 283242 имени, но въ немъ отсутствуетъ еще перепись сѣверныхъ областей, охватывающая наибольшую часть Вестморлэнда и Кумберлэнда, равно какъ и Дюргэмъ и Нортумберлэндъ; можно, такимъ образомъ, предположить, что всѣхъ землевладѣльцевъ было, по меньшей мѣрѣ, 300000. По этимъ даннымъ, къ которымъ добавляются еще различныя свѣдѣнія о кліентахъ вельможъ и ихъ семьяхъ, можно приблизительно исчислить населеніе, жившее въ Англіи послѣ насильственнаго раздѣленія владѣній въ 2000000 жителей.

Папа Григорій VII (существуетъ другой портретъ Григорія VII, мало похожій на этотъ).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе слѣдующихъ 20 лѣтъ притѣсненій и гоненій, происходившихъ послѣ смерти Эдуарда Исповѣдника (1066 г.), число это уменьшилось [1]).

Что касается епископовъ и другихъ членовъ духовенства, помогавшихъ Вильгельму въ его завоеваніяхъ, то они были вознаграждены землями и учрежденіемъ налоговъ; однако, король отнюдь не предоставлялъ имъ роли представителей и намѣстниковъ верховнаго властителя папы,—онъ сдѣлалъ изъ нихъ вассаловъ, которые должны были оказывать ему почести, и заботился о томъ, чтобы, въ случаѣ войны или внутреннихъ неурядицъ, ихъ вооруженныя силы находились въ его распоряженіи.

Великіе честолюбивые замыслы папства должны были чрезвычайно сильно отразиться на самой Италіи, особенно въ вопросѣ о «Церковной области», и на Германіи —имперіи, глава которой принужденъ былъ переходить черезъ Альпы, чтобы короноваться въ Римѣ. Въ силу курьезнаго, но вполнѣ объяснимаго противорѣчія, именно въ Италіи папа встрѣтилъ во время своей борьбы наиболѣе заядлыхъ и непримиримыхъ враговъ,—духъ возмущенія вѣдь развивается въ особенности при прямомъ, непосредственномъ давленіи; въ Германіи населеніе охотно повиновалось бы и двумъ властителямъ, если бы принадлежащія каждому власти были точно разграничены. Однако, каждый изъ нихъ желалъ получить всю власть, и между обѣими сторонами, столь рѣзко противоположными, никакое соглашеніе не было возможно. Ни римскій папа, ни императоръ не соглашались уступить, такъ какъ и тотъ и другой являлись представителями полной и абсолютной власти. Съ одной стороны, было произволеніе Божіе, съ другой же—всемірное владычество! Сообразно съ интересами отдѣльныхъ князей, городовъ, группъ, классовъ и кастъ, сообразно съ интересами жителей горъ, долинъ или морского побережья, оба противника, папа и императоръ, получали своихъ сторонниковъ и защитниковъ въ борьбѣ, перипетіи которой давали перевѣсъ то одному изъ нихъ, то другому.

Историки, вслѣдствіе обозначенія противоположными терминами, легко впадаютъ въ ошибку и воображаютъ, что въ теченіе эпической борьбы среднихъ вѣковъ власть «духовная» и власть «свѣтская» представляли собою два принципа, глубоко различающіеся по существу,—на самомъ дѣлѣ какъ та, такъ и другая власть имѣла своимъ объектомъ одно и то же—именно, полное господство надъ всѣми подданными народами, господство какъ надъ самыми ихъ душами, такъ и надъ ихъ имуществомъ. Вѣдь и короли говорили, что они установлены самимъ Богомъ, что они держатъ въ рукахъ мечъ, ниспосланный съ неба, вѣдь

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», p. 128.

Фридрихъ Барбаросса заставилъ, напримѣръ, доказать ученыхъ Болоньи въ 1158 г., что ему принадлежитъ власть надъ всѣмъ міромъ, и что всякое противорѣчащее этому мнѣніе не болѣе, какъ гнусная ересь.

Дворецъ князей-архіепископовъ въ Льежѣ (въ настоящее время зданіе суда).

Вѣдь именно въ этой божественности своей власти короли и видѣли спасительное средство, позволявшее имъ долгое время удерживаться на тронѣ или даже вполнѣ сохранить свою власть, несмотря ни на какія «отлученія отъ церкви». Французскій король Робертъ долгое время оказывалъ сопротивленіе отлученію отъ церкви, наложенному на него изъ-

за того, что онъ вступилъ въ запрещенный бракъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ заслужилъ прозваніе «Благочестиваго»,—страхъ и трепетъ передъ отлученіемъ отнюдь не существовали въ тѣ времена, какъ это воображаютъ теперь, а между тѣмъ, происходило это именно въ тысячномъ году. Въ примѣръ можно привести также несчастную жертву Григорія VII, стараго императора Германіи Генриха IV, который провелъ свои послѣдніе дни во дворцѣ архіепископа Отбарта, въ Льежѣ. Народъ, не заботясь о громахъ и молніяхъ, метавшихся папою, почиталъ отлученнаго отъ церкви императора какъ святого и, когда онъ умеръ, сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чтобы прикоснуться къ его тѣлу,—крестьяне покрыли его тѣло зерномъ, чтобы затѣмъ посѣять это зерно въ надеждѣ получить обильную жатву [1]).

Что касается папы и другихъ представителей духовной власти, то самая исторія ихъ столкновеній съ гражданскимъ міромъ свидѣтельствуетъ объ энергіи, съ которой они добивались также и свѣтской власти. Самыя владѣнія, полученныя ими, въ концѣ концовъ, въ Италіи, представляли собою лишь незначительную часть ихъ матеріальнаго могущества. При посредствѣ своихъ легатовъ, вершившихъ правосудіе надъ всѣми церквами и требовавшихъ десятичный сборъ, они впутывались во всѣ тѣ случаи, когда ихъ прямой или косвенный интересъ былъ замѣшанъ, и заставляли маневрировать въ томъ или въ другомъ направленіи арміи священниковъ и монаховъ, имѣвшихъ въ церкви свою единственную семью. Всѣ событія гражданской жизни, бракъ, наслѣдованіе, рожденіе и смерть, обѣты и присяга,—все служило имъ на пользу, и, благодаря этому, они нерѣдко являлись болѣе королями, чѣмъ сами короли,—«именно вслѣдствіе этого обстоятельства исторія каждаго народа всегда не что иное, какъ исторія Рима» [2]).

Лишь одинъ единственный изъ монарховъ Европы добился того, что самъ сдѣлался папскимъ легатомъ и могъ, слѣдовательно, самъ управлять духовенствомъ, избѣгая тѣмъ постояннаго вмѣшательства,—такимъ ловкимъ дипломатомъ былъ графъ Роджеръ Норманскій, отвоевавшій Сицилію у магометанъ; папа, который ему предоставилъ эту огромную привилегію, былъ Урбанъ II, фанатически преданный идеѣ крестовыхъ походовъ. Сицилійское государство пріобрѣло, такимъ образомъ, право церковной автономіи—предметъ зависти со стороны всѣхъ другихъ государствъ,—оно могло избѣжать того хаоса, который произошелъ вслѣдствіе столкновенія папской и императорской власти. Нигдѣ различныя формы цивилизаціи, византійской и арабской, христіанской и магометанской, не уживались столь тѣснымъ образомъ, какъ въ

1) H. Pirenne. «Histoire de Belgique», p. 86.—2) Voltaire. «Essai sur les Mœurs», t. I, ch. XLI.

Сициліи, этой политической лабораторіи, оставшейся долгое время невѣдомой историкамъ, несмотря на реальное значеніе, которое она пріобрѣла въ развитіи европейскихъ идей [1]).

Если цѣль, преслѣдовавшаяся обѣими соперничающими сторонами, и была одной и той же, то надо сказать, что оружіе, которымъ они пользовались, было различно, точно также и употреблявшійся ими языкъ былъ различный. Папа, сильный тою увѣренностью въ законности своего божественнаго намѣстничества,—увѣренностью, которую сами его враги обнаруживали въ своемъ невѣдѣніи, имѣлъ основаніе формулировать свои требованія въ словахъ полныхъ мистицизма, которыя всѣ слушали съ извѣстнымъ религіознымъ трепетомъ и благоговѣніемъ, какъ если бы голосъ его нисходилъ съ неба, между тѣмъ короли и бароны должны были говорить какъ простые смертные, сообразно со множествомъ своихъ страстей и склонностей и сообразно со своими собственными интересами. Господство духовенства, болѣе мудрое, болѣе равное ко всѣмъ, лучше противостояло нетерпѣнію народному, и возмущенія были рѣже; оно было также мягче, чѣмъ управленіе грубое, чисто-дѣлового, матеріальнаго характера, каковымъ являлось управленіе феодаловъ. Крестьянинъ, не привыкшій еще къ повиновенію, не пріученный путемъ долгой рутины, могъ возставать противъ барона и его вооруженной дружины, когда чувствовалъ себя болѣе сильнымъ; въ то же время противъ беззащитнаго священника, противъ монаха, одѣтаго въ бѣлое, онъ чувствовалъ себя безоружнымъ. Монахи также притѣсняли его, но притѣсняли во имя Господа Бога и всѣхъ его святыхъ! Священникъ владѣлъ особою силою связывать и развязывать на землѣ, отверзать врата рая или врата ада,—его не осмѣливались даже ненавидѣть, изъ боязни мщенія со стороны какого-нибудь духа тьмы. Горные жители, валезцы, напримѣръ, не разъ, возставали противъ своихъ господъ и нападали на нихъ вооруженные своими страшными «matze»—палицами въ видѣ головы, утыканной шипами и гвоздями; они разрушали замки бароновъ, но никогда не рѣшались нападать на стѣны монастыря или разрушать церкви. Они продолжали преклоняться предъ епископомъ, и феодальныя отношенія ихъ сохранялись вдвойнѣ—и въ экономическомъ и въ религіозномъ отношеніяхъ [2]). Нерѣдко соперничество духовной и свѣтской власти имѣло своимъ временнымъ слѣдствіемъ закрѣпленіе за городами ихъ привилегій и свободъ: священники охотно принимали на себя роль «защитниковъ» вѣрующихъ, и когда послѣдніе принимали это въ серьезъ, то такіе пастыри становились даже чрезвычайно легко святыми, и память о нихъ долго сохранялась вѣрующими. Въ этомъ при-

1) Ernest Nys. «Le Développement économique et l'Histoire», p. 8.—
2) Edouard Rod, Soc. normande de Géogr., janvier, février, 1897.

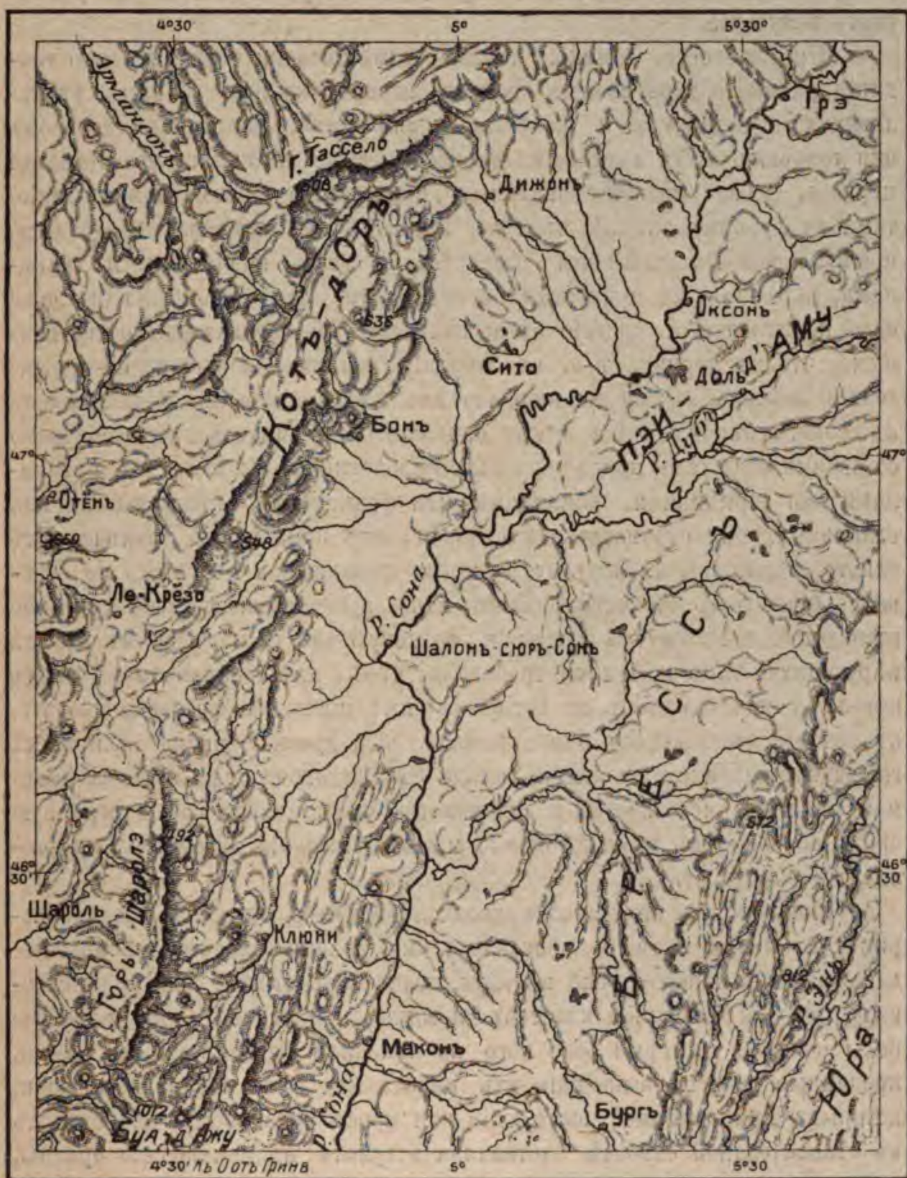
чина, почему тысячи прелатовъ и монаховъ и до настоящаго времени являются патронами городовъ, которыми они нѣкогда управляли, или которые они защищали отъ произвола властителей.

Съ другой стороны, въ зависимости отъ различныхъ условій случалось, что интересы мірского общества, старающагося освободиться отъ давленія церковной власти, были представлены лицами гражданской власти; однако, эти послѣднія имѣли въ глазахъ толпы всегда тотъ недостатокъ, что выступали отдѣльными бойцами или же были привязаны къ очень малочисленнымъ группамъ, тогда какъ противъ нихъ выступала церковь, рисовавшаяся во всемъ своемъ величіи и блескѣ, достигавшая небесъ. Правда, единство это быстро исчезло бы, если бы папы позволили епископамъ и цѣлой арміи священниковъ вполнѣ слиться съ массою другихъ феодальныхъ князей, какъ то сдѣлали, напримѣръ, халифы, носители власти Магомета, по отношенію къ шейхамъ мусульманскаго міра. Во многихъ странахъ можно было видѣть могущественныхъ слугъ церкви, игравшихъ роль обыкновенныхъ бароновъ, заботившихся лишь о своей личной власти и нисколько не обращавшихъ вниманія на высшіе интересы, заключавшіеся въ господствѣ власти церковной. Строгій законъ о безбрачіи духовенства, изданный Гильдебрандомъ, успѣшно отвратилъ эту великую опасность неповиновенія, создавъ армію священниковъ, не имѣющихъ иной семьи, какъ ихъ собратья по священству. Духовныя лица какъ бы вступали въ бракъ съ церковью, которая должна была отвратить отъ нихъ всѣ человѣческія страсти.

Впрочемъ, священниковъ, зависящихъ непосредственно отъ Рима, безъ сомнѣнія, было бы недостаточно для сохраненія папской власти въ теченіе вѣковъ, если бы, съ другой стороны, безчисленныя группы людей, преданныхъ религіи, не дали связи всему церковному міру Запада своею сплоченностью, внѣ какой-либо даже мысли объ отечествѣ. Это были монахи, слѣдовавшіе уставу святого Бенедикта,—они основали тысячи монастырей и образовали колоссальную армію, къ которой присоединялись еще болѣе ревностные рекруты,—армію, боровшуюся за единство и величіе церкви. Съ начала X вѣка во Франціи основалось аббатство въ Клюни, которое реставрировало уставъ бенедиктинцевъ, нѣсколько измѣнивъ его,—оно сдѣлалось тотчасъ, благодаря дѣятельности даровитыхъ людей, какъ бы умственной столицей Европы и второй религіозной метрополіей послѣ Рима: оно унаслѣдовало роль и значеніе знаменитаго аббатства на Монте-Кассино, и туда стали со всѣхъ сторонъ стекаться люди, желавшіе избѣжать опасностей, мірской суеты или грѣховности вѣка; туда же собирались люди, желавшіе жить въ мирѣ и спокойствіи, чтобы изучать рукописи, въ которыхъ была собрана вся древняя наука, или чтобы подготовляться къ странствованіямъ въ

христіанскомъ мірѣ подъ высокимъ покровительствомъ аббатства Клюни,

№ 309. Клюни и Сито.

1 : 1 000 000

0 10 30 60 килом.

или, наконецъ, чтобы создать себѣ репутацію учености и святости. Великолѣпное Бургиньонское аббатство, колокольня котораго поднимается

выше всѣхъ другихъ церковныхъ зданій, построенныхъ до готическаго періода, привлекло къ себѣ цѣлую школу архитекторовъ и скульпторовъ,—именно тамъ народилась прекрасная Бургонская школа романскаго искусства.

Прежде всего, однако, монахи содѣйствовали осуществленію традицій римскаго міра своимъ полнымъ игнорированіемъ границъ, раздѣляющихъ государства и феодальныя княжества,—языкъ, на которомъ они говорили, былъ латинскій, отечествомъ же ихъ была христіанская церковь. Слово «интернаціональный», понимаемое современными патріотами въ дурномъ смыслѣ, съ тѣхъ поръ, какъ государства обособились, превратились въ отдѣльныя отечества съ рѣзко намѣченными границами, охраняемыми крѣпостями и заставами,—это слово было бы даже едва понятнымъ въ средніе вѣка; настолько представлялось естественнымъ, что въ церкви, т.-е. въ собраніи святыхъ, всѣ священнослужители и монахи, каково бы ни было ихъ мѣсто рожденія, принадлежали къ одной великой семьѣ и всюду одинаково принимались лишь сообразно со своими заслугами предъ церковью. Безразлично, были ли они ирландцами или германцами, испанцами или французами, итальянцами или славянами, они странствовали свободно изъ прихода въ приходъ, отъ одного монастыря къ другому и могли повышаться въ санѣ, не отрекаясь отъ своего отечества. Какъ папа провозглашалъ свое духовное господство, а въ случаѣ нужды и свѣтскую власть надъ всѣмъ міромъ вѣрующихъ, такъ и монахи требовали, чтобы ихъ признавали во всѣхъ католическихъ странахъ, по которымъ имъ приходилось странствовать; въ теченіе ряда вѣковъ они охраняли свои древнія права «римскихъ гражданъ». При столкновеніи Запада съ Востокомъ, для папства прочная связь его монашества и духовенства представляла собою огромную силу, особенно въ виду того, что массы населенія дробились на различныя народности.

Монашество не только приводило общество въ связь съ древнеримской цивилизаціей и доставляло ему, такимъ образомъ, извѣстные идеалы, столь необходимые въ мірѣ, полномъ угнетенія,—оно содѣйствовало также и смѣшенію классовъ и могло утилизировать огромные запасы энергіи, которые безъ него не находили бы себѣ исхода. Люди, преданные религіи, вышедшіе изъ народа или даже изъ рабовъ, люди, которыхъ прирожденное честолюбіе или просто физическая потребность въ относительной свободѣ заставляла вступать въ монашескіе ордены, вносили въ свою дѣятельность больше энергіи, чѣмъ потомки аристократіи, уставшіе жить, не начавъ жизни. Такимъ образомъ, религіозныя общины, подновлявшіяся постоянно притокомъ снизу, не ограничивались въ видѣ касты, имѣющей исключительно наклонность къ притѣсненіямъ, и не терялись въ туманѣ мистицизма. Въ эту эпоху романическаго ры-

царства и полныхъ чудесъ легендъ умы людей, впрочемъ, охотно обращались ко всему таинственному и неизвѣстному. Вѣдь однимъ изъ лицъ Св. Троицы былъ Святой Духъ, Утѣшитель,—существо столь рас-

Монастырь Клюни, возстановленный.

плывчатое, неопредѣленное, что народное представленіе не могло найти для него другого символа, какъ изображеніе голубя. Богъ-Отецъ, Творецъ всего видимаго, Богъ-Сынъ, пострадавшій на крестѣ, представлялись слишкомъ матеріальными, слишкомъ конкретными личностями,—мистикамъ, заключеннымъ въ четырехъ стѣнахъ монастырей, необходимо

было существо неуловимое, такое существо, которое тщетно старалось бы реализировать творческая фантазія [1])!

Другой соціальный факторъ, также какъ и монашество, значительно содѣйствовалъ возникновенію крестовыхъ походовъ,—это было рыцарство. Установленіе это относится обыкновенно къ эпохѣ паладиновъ, какъ если бы оно возникло вмѣстѣ съ Роландомъ, достигло наибольшаго блеска подъ стѣнами Іерусалима и затѣмъ стало постепенно исчезать, одновременно съ измѣненіемъ оружія борьбы,—именно когда плебейскіе стрѣлки Эдуарда III и фландрскіе ткачи, вооруженные тяжелыми палицами, одержали въ XI вѣкѣ побѣду надъ французскими закованными въ латы рыцарями. Не подлежитъ сомнѣнію, что расцвѣтъ рыцарства соотвѣтствуетъ какъ-разъ той эпохѣ, когда литература цикла Карла Великаго и Артура и рыцарей круглаго стола идеализировала рыцарей и ихъ дѣянія, превращала ихъ подвиги почти въ чудеса и дѣлала изъ нихъ особую касту, своею силою и добродѣтелями превышающую человѣческія способности. Эта каста появляется, однако, еще до Капетинговъ и даже значительно ранѣе Каролинговъ: Фюстель-де-Куланжъ ясно доказалъ, что рыцарство находилось въ зачаткѣ еще въ древнеримскомъ мірѣ; оно продолжало существовать и въ позднѣйшіе вѣка, претерпѣвая медленныя измѣненія.

Путемъ постепеннаго развитія обширные земельные участки, галлоримскія «виллы», сдѣлались владѣніями, находившимися въ полной собственности, на которыхъ къ тому же не лежало никакихъ ни податей, ни обязательствъ, когда предводители варваровъ вторглись въ цивилизованный міръ со своими полчищами. Король Меровинговъ, раздавая земли своимъ вѣрнымъ слугамъ, установилъ съ ними такія отношенія, которыя постепенно вылились въ форму отношеній повелителя къ вассаламъ, обладающимъ ленами, и далъ начало отношеніямъ, аналогичнымъ таковымъ между господами и слугами: отъ высокихъ слоевъ общества до низшихъ, и люди и земли были раздѣлены въ іерархическомъ порядкѣ на послѣдовательные разряды, связанные узами ленной зависимости.

Ниже меченосцевъ стояли крестьяне, трудившіеся надъ землею, засѣвавшіе поля и потомъ и кровью добывавшіе пропитаніе,—это были люди, не имѣвшіе никакихъ правъ, прикрѣпленные къ землѣ. Предполагалось, что превращеніе рабства въ крѣпостное состояніе было обусловлено, съ одной стороны, вліяніемъ христіанства, съ другой—вліяніемъ германцевъ: условія религіозныя и этническія совпали и повели къ крупному измѣненію соціальныхъ отношеній между господами и слугами. Утвержденіе это, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Крѣпост-

1) Victor Arnould. «Histoire Sociale de l'Eglise», Société Nouvelle, nov. 1896.

ное состояніе беретъ свое начало въ такой же степени въ римскомъ мірѣ, какъ и въ мірѣ варваровъ. Боязнь, что земля будетъ совершенно

№ 310. Владѣнія графа Шампани.

1 : 5 000 000

0 100 200 300 килом

Прилагаемый списокъ, составленный по даннымъ А. Лоньона въ атласѣ Шрадера, заключаетъ перечисленіе различныхъ сюзереновъ графства Шампани въ соотвѣтствующихъ областяхъ.

I) Король Франціи:—1. Графство Шампанское, Мо, Провенъ и т. д.—2. Бретель въ Бовези.—3. Ленъ Марли.—4. Графство Сансеррское.—5. Кастелянскій округъ Эни и др.—6. Графство Блуа, Шартръ, Вьерзонъ, Туръ и т. д.—7. Бру.—8. Ножанъ-ле-Ротру.

II) Архіепископъ Реймскій.—9. Графство Порсьенское, Ретель, Гранъ-Пре.—10. Эпернэ и т. д.—11) Ленъ Жуанвилль и т. д.

III) Герцогъ Бургонскій:—12. Графство Труа и т. д.—13. Ружмонъ и т. д.—14. Малиньи.

IV) Епископъ Санскій:—15. Монтро и т. д.—16. Графство Жуаньи.

V) Аббатъ монастыря Сенъ-Дени:—17. Ножанъ-сюръ-Сенъ.

VI) Епископъ Оксерскій:—18 Кастелянск й округъ Ленсекъ и т. д.

VII) Епископъ Отёнскій:—19. Шатель-Сансуаръ и т. д.—20. Люзи.—21. Юшонъ.

VIII) Епископъ Лангрскій:—22. Баръ-сюръ-Сенъ.

IX) Императоръ Германскій:—23. Ленъ Гондрекуръ и т. д–24. Белренъ.—25. Русси.—26. Оршимонъ.

Для многихъ изъ этихъ леновъ графъ Шампанскій былъ не болѣе какъ промежуточнымъ сюзереномъ; другіе феодалы оказывали ему почести вслѣдствіе непосредственнаго подчиненія ему, таковъ былъ графъ Анжуйскій, англійскій король, графы Неверскіе, Вермандуа, Дипершъ и т. д.

Цифры на картѣ соотвѣтствуютъ списку, буквы же представляютъ собою иниціалы указанныхъ городовъ.

оставлена земледѣльцами, терроризованными вторженіемъ враговъ, заставила крупныхъ землевладѣльцевъ имперіи прочно привязать крестьянъ къ землѣ, такъ что каждый пріобрѣтавшій землю могъ покупать ее, не

выше всѣхъ другихъ церковныхъ зданій, построенныхъ до готическаго періода, привлекло къ себѣ цѣлую школу архитекторовъ и скульпторовъ,—именно тамъ народилась прекрасная Бургонская школа романскаго искусства.

Прежде всего, однако, монахи содѣйствовали осуществленію традицій римскаго міра своимъ полнымъ игнорированіемъ границъ, раздѣляющихъ государства и феодальныя княжества,—языкъ, на которомъ они говорили, былъ латинскій, отечествомъ же ихъ была христіанская церковь. Слово «интернаціональный», понимаемое современными патріотами въ дурномъ смыслѣ, съ тѣхъ поръ, какъ государства обособились, превратились въ отдѣльныя отечества съ рѣзко намѣченными границами, охраняемыми крѣпостями и заставами,—это слово было бы даже едва понятнымъ въ средніе вѣка; настолько представлялось естественнымъ, что въ церкви, т.-е. въ собраніи святыхъ, всѣ священнослужители и монахи, каково бы ни было ихъ мѣсто рожденія, принадлежали къ одной великой семьѣ и всюду одинаково принимались лишь сообразно со своими заслугами предъ церковью. Безразлично, были ли они ирландцами или германцами, испанцами или французами, итальянцами или славянами, они странствовали свободно изъ прихода въ приходъ, отъ одного монастыря къ другому и могли повышаться въ санѣ, не отрекаясь отъ своего отечества. Какъ папа провозглашалъ свое духовное господство, а въ случаѣ нужды и свѣтскую власть надъ всѣмъ міромъ вѣрующихъ, такъ и монахи требовали, чтобы ихъ признавали во всѣхъ католическихъ странахъ, по которымъ имъ приходилось странствовать; въ теченіе ряда вѣковъ они охраняли свои древнія права «римскихъ гражданъ». При столкновеніи Запада съ Востокомъ, для папства прочная связь его монашества и духовенства представляла собою огромную силу, особенно въ виду того, что массы населенія дробились на различныя народности.

Монашество не только приводило общество въ связь съ древнеримской цивилизаціей и доставляло ему, такимъ образомъ, извѣстные идеалы, столь необходимые въ мірѣ, полномъ угнетенія,—оно содѣйствовало также и смѣшенію классовъ и могло утилизировать огромные запасы энергіи, которые безъ него не находили бы себѣ исхода. Люди, преданные религіи, вышедшіе изъ народа или даже изъ рабовъ, люди, которыхъ прирожденное честолюбіе или просто физическая потребность въ относительной свободѣ заставляла вступать въ монашескіе ордены, вносили въ свою дѣятельность больше энергіи, чѣмъ потомки аристократіи, уставшіе жить, не начавъ жизни. Такимъ образомъ, религіозныя общины, подновлявшіяся постоянно притокомъ снизу, не ограничивались въ видѣ касты, имѣющей исключительно наклонность къ притѣсненіямъ, и не терялись въ туманѣ мистицизма. Въ эту эпоху романическаго ры-

мелкими владѣльцами, въ руки крупныхъ феодаловъ. Соціальная неустойчивость, отсутствіе увѣренности въ будущемъ фатальнымъ образомъ видоизмѣнили мелкую личную и общинную собственность въ собственность феодальную. Но, если земледѣльцы предоставляютъ свои поля и самихъ себя феодаламъ, то зато они стараются остаться подъ защитою послѣднихъ и добиваются, какъ только могутъ, того, чтобы занимаемые ими участки были сохранены за ними возможно долгое время. Суровая необходимость побуждаетъ ихъ, такимъ образомъ, торговать своей собственной личностью и своей землею; у нихъ является, къ тому же, полная увѣренность, что если только могущество господъ ихъ увеличится, они, конечно, совсѣмъ перестанутъ признавать заключенные съ ними договоры и контракты и будутъ по своему усмотрѣнію распоряжаться и ими самими и имуществомъ ихъ. Нерѣдко свободные владѣльцы или общинники оказывались лишенными своихъ личныхъ правъ и своего имущества, даже не имѣвъ возможности защищать свои интересы,—случалось, ихъ лишалъ собственности какой-нибудь завоеватель или военачальникъ, иногда господинъ ихъ въ припадкѣ хорошаго расположенія духа дарилъ ихъ самихъ и всѣхъ ихъ ближнихъ кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, обитатели Белладжіо на Лаго-ди-Комо протестовали всѣми силами противъ Фридриха Барбароссы, который подарилъ весь ихъ округъ, всѣхъ людей и все имущество миланскому аббатству св. Амвросія. «Императоръ—говорятъ они въ своей жалобѣ—не можетъ дарить другому то, что ему не принадлежитъ». Протесты подобнаго рода должны были быть нерѣдки, но лишь очень небольшое число изъ нихъ сохранилось въ архивахъ,—это были свидѣтели, очень непріятные для власть имущихъ, и послѣдніе имѣли полное основаніе ихъ уничтожать [1].

Динанъ, городъ, надъ которымъ господствуетъ укрѣпленный замокъ.

1) Maxime Kovalevsky. Société Nouvelle, août 1896, p. 152.

было существо неуловимое, такое существо, которое тщетно старалось бы реализировать творческая фантазія [1])!

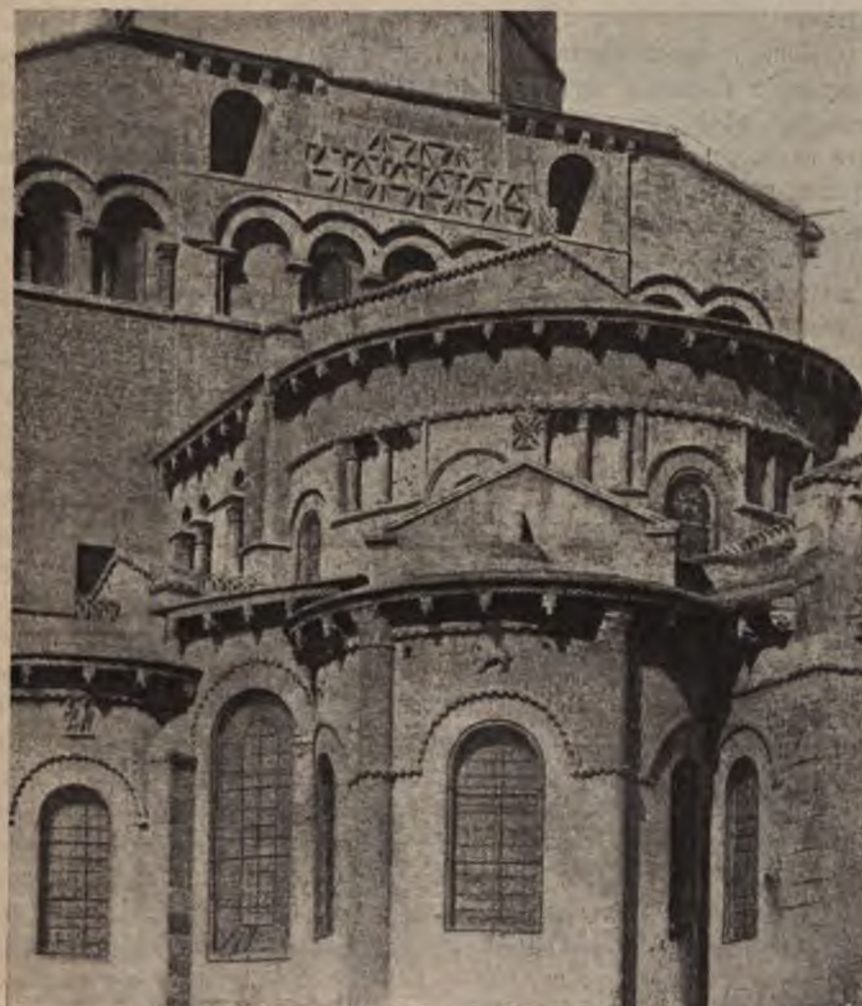
Другой соціальный факторъ, также какъ и монашество, значительно содѣйствовалъ возникновенію крестовыхъ походовъ,—это было рыцарство. Установленіе это относится обыкновенно къ эпохѣ паладиновъ, какъ если бы оно возникло вмѣстѣ съ Роландомъ, достигло наибольшаго блеска подъ стѣнами Іерусалима и затѣмъ стало постепенно исчезать, одновременно съ измѣненіемъ оружія борьбы,—именно когда плебейскіе стрѣлки Эдуарда III и фландрскіе ткачи, вооруженные тяжелыми палицами, одержали въ XI вѣкѣ побѣду надъ французскими закованными въ латы рыцарями. Не подлежитъ сомнѣнію, что расцвѣтъ рыцарства соотвѣтствуетъ какъ-разъ той эпохѣ, когда литература цикла Карла Великаго и Артура и рыцарей круглаго стола идеализировала рыцарей и ихъ дѣянія, превращала ихъ подвиги почти въ чудеса и дѣлала изъ нихъ особую касту, своею силою и добродѣтелями превышающую человѣческія способности. Эта каста появляется, однако, еще до Капетинговъ и даже значительно ранѣе Каролинговъ: Фюстель-де-Куланжъ ясно доказалъ, что рыцарство находилось въ зачаткѣ еще въ древне-римскомъ мірѣ; оно продолжало существовать и въ позднѣйшіе вѣка, претерпѣвая медленныя измѣненія.

Путемъ постепеннаго развитія обширные земельные участки, галло-римскія «виллы», сдѣлались владѣніями, находившимися въ полной собственности, на которыхъ къ тому же не лежало никакихъ ни податей, ни обязательствъ, когда предводители варваровъ вторглись въ цивилизованный міръ со своими полчищами. Король Меровинговъ, раздавая земли своимъ вѣрнымъ слугамъ, установилъ съ ними такія отношенія, которыя постепенно вылились въ форму отношеній повелителя къ вассаламъ, обладающимъ ленами, и далъ начало отношеніямъ, аналогичнымъ таковымъ между господами и слугами: отъ высокихъ слоевъ общества до низшихъ, и люди и земли были раздѣлены въ іерархическомъ порядкѣ на послѣдовательные разряды, связанные узами ленной зависимости.

Ниже меченосцевъ стояли крестьяне, трудившіеся надъ землею, засѣвавшіе поля и потомъ и кровью добывавшіе пропитаніе,—это были люди, не имѣвшіе никакихъ правъ, прикрѣпленные къ землѣ. Предполагалось, что превращеніе рабства въ крѣпостное состояніе было обусловлено, съ одной стороны, вліяніемъ христіанства, съ другой—вліяніемъ германцевъ: условія религіозныя и этническія совпали и повели къ крупному измѣненію соціальныхъ отношеній между господами и слугами. Утвержденіе это, однако, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Крѣпост-

1) Victor Arnould. «Histoire Sociale de l'Eglise», Société Nouvelle, nov. 1896.

двухъ прилегающихъ одна къ другой общинъ; насмѣшки и брань не могли бы, однако, питать и поддерживать изъ вѣка въ вѣкъ духъ взаимной вражды, если бы свѣтскіе и духовные вельможи не были заинтере-

Церковь св. Павла въ Иссуарѣ (Пюи-де-Домъ).
Романскій овернскій стиль XI и XII в.

сованы въ разжиганіи ея, въ возбужденіи враждебныхъ отношеній,— вѣдь это отвращало массы отъ направленнаго противъ вельможъ движенія,—движенія, которое непремѣнно возникло бы и было бы вполнѣ законнымъ. Когда крестьяне убивали другъ друга при столкновеніи полчищъ, различающихся лишь тѣмъ, что несли разныя знамена, господа

ихъ, наблюдавшіе за битвой съ высоты своихъ башенъ, чувствовали, что имъ нечего бояться этой низменной черни,—они могли спокойно продолжать отнимать у крестьянъ ихъ хлѣбъ, ихъ вино, ихъ скотъ, ихъ юношей, ихъ женъ и дочерей,—все вѣдь это принадлежало имъ по праву сильнаго [1])!

Конечно, крестьяне глубоко чувствовали всѣ наносимыя имъ раны,—возмущеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ, рабовъ—противъ господъ существуетъ вѣчно, но много прошло вѣковъ, прежде чѣмъ первые получили нѣкоторое удовлетвореніе! Нѣкоторые изъ стансовъ, пѣтыхъ трубадурами, обнаруживаютъ намъ, насколько ясно у крестьянъ XII вѣка было чувство причиняемой имъ несправедливости,—совершенно такъ же вѣдь говорили они и наканунѣ жаккеріи и наканунѣ крестьянской войны, то же говорятъ они и въ наши времена, времена забастовокъ и революціоннаго соціализма! «Вельможи причиняютъ намъ только зло, мы не видимъ отъ нихъ ни мудраго управленія, ни справедливости; они владѣютъ всѣмъ, насъ же заставляютъ жить въ бѣдности и въ страданіяхъ!.. Почему обращаются они съ нами такъ? Уйдемте изъ-подъ ихъ власти,—вѣдь мы такіе же люди, какъ и они!.. И насъ сотни противъ единицъ... Будемъ держаться всѣ вмѣстѣ, и никто тогда не сдѣлается надъ нами господиномъ, и мы будемъ въ состояніи свободно рубить деревья, добывать дичь изъ лѣса и рыбу изъ рѣкъ, мы будемъ дѣйствовать по своей волѣ въ лѣсахъ, въ лугахъ и на водѣ!..» [2]).

Въ то же время господа по своему высокомѣрію и въ силу существующаго порядка находили, что они принадлежатъ къ совершенно особому человѣчеству, чѣмъ порабощенная земледѣльческая чернь; тѣмъ не менѣе, они молчаливо принимали на себя обязательство защищать эту чернь противъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ: чтобы удержать свои земли, имъ приходилось защищать также и плуги и рабочія руки. Какъ рыцарь, такъ и вассалы сдѣлались поневолѣ воинами и начальниками военныхъ дружинъ, собравшихся вокругъ нихъ. Они не выходили изъ своихъ замковъ иначе, какъ верхомъ на лошади, окруженные толпою вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Ѣзда въ сѣдлѣ была символической привилегіей, указывающей, по всеобщему мнѣнію, на физическое и моральное превосходство надъ толпою, принужденною ходить пѣшкомъ. Такъ постепенно сложился совершенно обособленный классъ, имѣющій въ средневѣковомъ обществѣ свои особые интересы, особую мораль и даже особые идеалы. Занятые со временъ каролинговъ, главнымъ образомъ, защитою христіанскихъ областей, съ одной стороны, отъ сарраціновъ, съ

---

1) W. Denton. «England in the fifteenth Century», p. 43.—2) Wace; Benoît de Sainte-Maure; Augustin Thierry. «Considérations sur l'Histoire de France», chap. I.

другой—отъ аваровъ и венгровъ, рыцари стали въ скоромъ времени считать себя воинствомъ, учрежденнымъ спеціально для защиты западной цивилизаціи; страсть къ славѣ содѣйствовала этому, и вскорѣ они пожелали перейти отъ защиты къ нападенію,—перенесли военныя дѣй-

Майнцскій соборъ.
Построенъ въ X—XIII в.

ствія во вражескія страны, думая завоевать себѣ новыя королевства въ областяхъ, занятыхъ невѣрными. Толпы всевозможныхъ несчастливцевъ не замедлили скопиться въ цѣлыя арміи: нищіе, просящіе по дорогамъ, различные неудачники образовали ряды этого воинства, причемъ дисциплина поддерживалась крѣпостными рыцарей, игравшими роль сержантовъ и офицеровъ,—такъ слагались эти арміи авантюристовъ, увеличи-

ваясь послѣ каждаго успѣха и разсѣиваясь послѣ каждаго пораженія. Толпы фламандцевъ вошли въ составъ арміи Вильгельма-Завоевателя и по окончаніи войны остались въ Англіи, гдѣ въ теченіе слѣдующихъ столѣтій вслѣдъ за ними явились и толпы другихъ ихъ соотечественниковъ, нашедшихъ здѣсь себѣ новое отечество. Феодалы континентальной части Европы нанимали также большое количество бельгійцевъ, называвшихся тогда «брабантцами»; въ военной исторіи XI и XII вѣковъ они играли ту же роль, какъ четыре столѣтія спустя швейцарцы [1]).

Совершенно подобно тому, какъ «князья церкви» старались завладѣть гражданскою властью и усилить свое владычество надъ душами и тѣлами подданныхъ, такъ и князья свѣтскіе принимали на себя охотно санъ и прерогативы духовной власти. Такъ, Гуго Капетъ заставлялъ называть себя и «аббатомъ» и «графомъ» города Парижа; можно привести много и другихъ аналогичныхъ примѣровъ [2]). Даже и по общему своему характеру рыцарство приняло религіозный отпечатокъ. Христіанскій фанатизмъ въ соединеніи съ честолюбіемъ заставилъ рыцарей сгруппироваться въ братства, сходныя съ монашескими и имѣвшія также свои опредѣленные обѣты, свои уставы и обряды. Обряды посвященія соблюдались тщательно, причемъ образцомъ служили рыцари, занимавшіе первое мѣсто, именно рыцари Шампани и Лотарингіи, —лишь путемъ такого посвященія могъ молодой рыцарь войти въ составъ корпораціи. Подобно тому, какъ у первобытныхъ народовъ, прежде всего молодой рыцарь подвергался цѣлому ряду жестокихъ испытаній, во время которыхъ испытывали его храбрость, его физическую выносливость, изобрѣтательность его ума; затѣмъ, когда предполагали, что онъ достоинъ сдѣлаться равноправнымъ рыцаремъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, обыкновенно въ Троицу, созывалось большое собраніе рыцарей и дамъ, и новопосвящаемому подносились золотыя или серебряныя шпоры, кольчуга и панцырь; онъ становился на одно колѣно въ центрѣ залы и получалъ отъ благороднѣйшаго изъ присутствовавшихъ рыцарей три традиціонныхъ удара плашмя лезвеемъ меча,—съ этого момента онъ становился рыцаремъ, равноправнымъ съ прочими. Онъ получалъ затѣмъ отъ себѣ равныхъ братскіе поцѣлуи, вооружался копьемъ, щитомъ и шлемомъ. Сюзеренъ выслушивалъ его присягу въ вѣрности, представители церкви также брали съ него обѣщаніе вѣчной преданности церкви и повиновенія; наконецъ, онъ давалъ торжественный обѣтъ передъ всѣмъ свѣтомъ въ искренности, справедливости и великодушіи, обѣщалъ защищать слабыхъ, въ особенности сиротъ и женщинъ. Красивый девизъ и символи-

1) Pirenne. «Histoire de Belgique», t. I, p. 134. — 2) Giambattista Vico. «Scienzia Nuova», édit. française, p. 372.

ческіе цвѣта, получаемые имъ, должны были всегда напоминать ему о взятыхъ на себя обязательствахъ.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что были на самомъ дѣлѣ благородные рыцари «безъ страха и упрека»—единичныя личности, принимавшія всерьезъ тѣ красивыя клятвы, которыя они давали,—они оста-

Соборъ въ Дюргемѣ, построенный между 1093 и 1135 годами.
Типъ архитектуры называется англичанами „норманскимъ" и соотвѣтствуетъ „романскому".

вались всю жизнь вѣрными своему девизу и своей дамѣ сердца; были и «странствующіе рыцари», переѣзжавшіе съ мѣста на мѣсто въ поискахъ неправды, съ которой слѣдовало бы бороться, въ поискахъ несчастныхъ, которыхъ должно защищать; однако, эти герои справедливости были смѣшны уже въ глазахъ своихъ современниковъ,—позднѣе они были увѣковѣчены въ «Рыцарѣ Печальнаго Образа». Большинство паладиновъ, увлеченные стремленіемъ къ славѣ и честолюбіемъ, ставили цѣлью своей жизни вести войну, покорять и притѣснять побѣжденныя народности.

Въ ту эпоху рыцари и монахи, равно какъ и купцы и всѣ, кому удавалось ускользнуть отъ тяжелыхъ условій рабства, охотно пускались въ полное иногда гибельныхъ авантюръ предпріятіе паломничества къ святымъ мѣстамъ, къ церквамъ и монастырямъ, въ которыхъ совершались чудеса; главнымъ же центромъ ихъ притяженія была Гробница Господня: посѣщеніе «святыхъ мѣстъ» было въ такой же чести у христіанъ, какъ поклоненіе Каабѣ у магометанъ. Однако, магометане были въ Меккѣ у себя дома, тогда какъ католикамъ приходилось пересѣкать вражескія страны, пользоваться тамъ гостепріимствомъ изъ милости и открывать врата Іерусалима и святой гробницы деньгами. Саррацины, какъ ловкіе купцы, вполнѣ знали цѣну этихъ посѣщеній пришельцевъ, которыхъ можно было обирать сколько угодно, но, при всемъ томъ, перѣдко, вслѣдствіе расовыхъ и религіозныхъ несогласій, возникали раздоры, взаимныя оскорбленія, пускались въ ходъ камни и мечи. Наиболѣе знаменитымъ изъ паломничествъ было путешествіе, предпринятое въ 1064 г. тысячами вѣрующихъ,—говорятъ, ихъ было 7000,—они слѣдовали пѣшкомъ за архіепископомъ майнцскимъ; это паломничество, какъ разсказываютъ лѣтописи, дало не мало доказательствъ горячей вѣры, но въ то же время не мало было и сценъ насилія и убійства,—менѣе третьей части паломниковъ вернулось въ свое отечество [1]). Такимъ образомъ, чувство мести непрерывно возростало у христіанъ. Каждый изъ паломниковъ, возвращавшійся изъ Палестины, проповѣдывалъ среди окружающихъ необходимость завоеванія святыхъ мѣстъ. Еще за два поколѣнія до великаго крестоваго похода послѣдній подготовлялся въ умахъ людей, о немъ говорилось на всѣхъ церковныхъ собраніяхъ и во всѣхъ рыцарскихъ замкахъ. Этотъ крестовый походъ не могъ не быть предпринятъ, такъ какъ всѣ его желали, къ нему всѣ стремились съ давнихъ поръ. Къ тому же романы, легенды, поэтическія произведенія, перепутывая вѣка, помѣщали уже въ прошлое время это великое предпріятіе, которое христіанскіе рыцари должны были еще совершить. Карлъ Великій, какъ личность, совмѣщавшая въ себѣ всѣ славныя дѣянія человѣческія, долженъ былъ, конечно, явиться лицомъ, которому приписывалось и превращеніе всѣхъ идеальныхъ стремленій въ реальныя побѣды. Христіане, дѣйствительно, страдали отъ глубокаго униженія при видѣ гробницы своего Бога въ рукахъ саррациновъ, и этого было достаточно для составителей легендъ, чтобы приписать великому императору освобожденіе гроба Господня. Крестовый походъ, который подготовлялся, долженъ былъ пойти по намѣченнымъ путямъ.

Безъ сомнѣнія, папа и императоръ, спорившіе изъ-за власти надъ

---

1) Leopold von Ranke. «Weltgeschichte», VIII Theil.

Западной Европою, должны были оба предпочесть продолженіе своей непосредственной борьбы перенесенію войны въ отдаленныя неизвѣстныя страны,—однако, общественное мнѣніе, существовавшее и въ эту эпоху, высказывалось слишкомъ энергично для того, чтобы можно было ему противодѣйствовать. Впрочемъ, папа былъ въ полномъ правѣ надѣяться на то, что помощь, которую католики окажутъ византійскому христіанскому міру, пожалуй, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ присоединеніе восточной церкви къ его собственной, католической, которая считалась тогда единственной истинной. Такова и была политика папы Григорія VII; онъ самъ приготовлялся къ путешествію въ Константинополь, чтобы лично повести туда армію, которая помогла бы византійцамъ противъ магометанъ,—разумѣется, онъ выговаривалъ себѣ выгодныя условія [1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанская вѣра играла значительную роль въ движеніи, направившемъ полчища обитателей Запада въ Палестину: «Dios li volt! Dios li volt!»—возглашали толпы людей, охваченныхъ экстазомъ послѣ зажигательныхъ рѣчей ораторовъ; однако, какъ ни сильна религіозная вѣра отдѣльныхъ лицъ, нерѣдко прямо охваченныхъ безуміемъ, она все же въ обыденной жизни народовъ всегда занимаетъ второе мѣсто, позади непосредственныхъ экономическихъ интересовъ: заботы о пропитаніи, повседневная матеріальная жизнь являются главными двигателями. Чтобы дать импульсъ столь могущественному и сильному движенію, какъ то, которое вылилось въ крестовыхъ походахъ, необходимо было, чтобы и движущее начало дѣйствовало въ средѣ этихъ народовъ на всѣ слои и классы—на крестьянъ и горожанъ, духовныхъ лицъ и рыцарей; необходимо было также, чтобы это начало обладало достаточной силой, иначе духъ подражательности и, заразительное безуміе, охватывающее народныя массы, не могло бы поддерживаться въ теченіе долгаго времени.

Такимъ движущимъ началомъ было отчаяніе,—всѣ народы были столь несчастны, что страстное желаніе перемѣны господствовало надъ ними. Существованіе всей феодальной Европы, вѣчно потрясаемой войнами и распрями, было столь печально, ея жизнь была полна такой неувѣренности и такъ часто посѣщали ее неизбѣжныя несчастья, голодъ и моровыя повѣтрія, пожары и убійства, что все, даже совершенно невозможное, представлялось скорѣе предпочтительнымъ, чѣмъ плачевное настоящее. Лишь надежда на лучшее будущее могла бросить несчастныхъ за предѣлы ихъ родины въ страны столь удаленныя, что разстояніе до нихъ казалось неисчислимымъ и даже направленіе къ нимъ

1) Leopold von Ranke. «Weltgeschichte», VIII Theil, p. 69.

по сушѣ или по морю намѣчалось лишь въ самыхъ общихъ чертахъ паломниками и торговцами. Легенды, подобныя тѣмъ, которыя нѣкогда обусловили вторженіе варваровъ въ Галлію и во всѣ средиземноморскія страны вплоть до Африки, разсказывали чудеса о странахъ востока. Было извѣстно, что «Индія», эта отдаленная область восходящаго солнца, являлась мѣстомъ, откуда приходили въ Европу драгоцѣнные камни, алмазы и золото, и было извѣстно также, что Константинополь обязанъ своими богатствами той торговлѣ, которой удавалось проникнуть чрезъ владѣнія магометанъ-завоевателей въ Переднюю Азію. Воображенію рисовалась возможность освобожденія всѣхъ торговыхъ путей, которые ведутъ въ эти счастливыя страны,—путей, доступъ къ которымъ преградили ненавистные сарацины. Въ этомъ случаѣ каждый могъ бы удовлетворить своимъ честолюбивымъ замысламъ: монахъ могъ бы сдѣлаться апостоломъ, епископомъ или патріархомъ; рыцарь «ничего не имѣющій», какимъ былъ, напр., знаменитый Готье, одинъ изъ начальниковъ перваго крестоваго похода, дѣлался сперва начальникомъ надъ небольшимъ отрядомъ, затѣмъ могъ возвыситься до званія полководца, могъ пріобрѣсть большой ленъ и богатство; наконецъ, простой воинъ, слуга или крестьянинъ разсчитывали просто на удачный грабежъ; изъ-за всего этого стоило рискнуть жизнью, тѣмъ болѣе, что, оставаясь въ Европѣ, все равно приходилось постоянно рисковать ею изъ-за большого числа злоумышленниковъ всѣхъ классовъ и всѣхъ странъ. Такимъ образомъ, всѣ слѣпо бросались въ самыя рискованныя авантюры.

Впрочемъ, надо сказать, что и нѣкоторые изъ проповѣдниковъ крестовыхъ походовъ не останавливались передъ указаніемъ настоящихъ прямыхъ побудительныхъ причинъ, которыя обыкновенно прикрываются различными красивыми словами. Такъ, папа Урбанъ II, обращаясь въ 1095 г. къ христіанамъ Клермонта, говорилъ совершенно такимъ языкомъ, какъ современные экономисты говорятъ передъ своими избирателями, доказывая необходимость колонизаціи и новыхъ предпріятій: «Земля, въ которой вы обитаете, окружена со всѣхъ сторонъ морями и горами, и вамъ, при многочисленности населенія, на ней тѣсно: она бѣдна богатствами и даетъ скудное пропитаніе тѣмъ, кто ее воздѣлываетъ. Вотъ почему вы вырываете другъ у друга изъ рукъ кусокъ, ведете междоусобныя войны и убиваете другъ друга! Умѣрьте же свою взаимную вражду, заключите миръ и отправляйтесь въ путь ко гробницѣ Господней»! Такимъ образомъ, по словамъ самого намѣстника Христова, гробница Спасителя можетъ быть освобождена лишь путемъ заключенія союза между Богомъ и мамоной! Точно также императоръ византійскій Алексѣй Комненъ, обращаясь къ феодальнымъ баронамъ Запада, говорилъ имъ съ такимъ же цинизмомъ, какъ Бонапартъ передъ своей итальянской арміей: «Если столько золъ, если даже любовь къ святымъ

Ангулемъ. Соборъ св. Петра, основанный въ XI вѣкѣ и освященный въ 1128 г.

апостоламъ не могутъ поднять христіанъ, то попробуйте поднять ихъ жадностью къ золоту и къ серебру, имѣющимся въ достаточномъ количествѣ у невѣрныхъ, пусть подумаютъ они также о красотѣ греческихъ женщинъ»[1])! Затѣмъ, возможность вѣчнаго спасенія, обѣщаннаго духовенствомъ, должна была также влiять въ бóльшей или въ меньшей степени даже на тѣхъ, кто вѣрилъ въ него лишь на половину: папа провозгласилъ отпущеніе грѣховъ каждому, кто возложитъ на себя крестъ, и этотъ походъ съ оружіемъ въ рукахъ гарантировалъ райское блаженство. Не представлялся ли здѣсь великолѣпный случай загладить всѣ предыдущіе грѣхи и преступленія, всѣ убійства и насилія, доставивъ себѣ удовольствіе совершать новые, на этотъ разъ лишь противъ мусульманъ?

Еще задолго до того, какъ крестовые походы начались офиціально, они уже осуществлялись въ дѣйствительности. Можно сказать, что все движеніе это продолжалось 700 или 800 лѣтъ,—оно длилось, начиная со столкновенія Карла Мартелла съ маврами при Пуату и въ Септиманіи и до походовъ Карла V къ берберійскимъ берегамъ. Постоянныя войны обитателей сѣверной части Испаніи съ арабами, занимавшими ея южную часть, заполняли западный флангъ этой арены великой борьбы; тамъ непосредственное соприкосновеніе воюющихъ непрестанно поддерживало борьбу ихъ, тогда какъ на востокѣ, на другой оконечности Средиземнаго моря, столкновенія требовали продолжительныхъ подготовокъ и порождали несравненно большія кровопролитія. Лѣтописи свидѣтельствуютъ о томъ, что, перечисляя всѣ экспедиціи, великія и малыя, предпринятыя европейцами, можно насчитать даже болѣе шести или восьми крестовыхъ походовъ [2]). Необходимость классификаціи и приведенія событій въ порядокъ заставила историковъ описывать лишь наиболѣе крупныя изъ этихъ предпріятій, чтобы не теряться во множествѣ мелкихъ деталей; при всякомъ удобномъ случаѣ болѣе или менѣе крупныя вооруженныя шайки или группы пилигримовъ, иногда даже отдѣльные разбойники, продолжали направляться въ святую землю, увеличивая арміи крестоносцевъ, пополняя образовавшуюся убыль или же разсѣиваясь по пути.

До завоеванія Палестины, самымъ первымъ дѣйствіемъ должно было быть отвоеваніе Средиземнаго моря, всецѣло принадлежавшаго арабамъ. Еще въ началѣ XI вѣка, въ 1015—1016 гг., флотиліи Пизы и Генуи завладѣли Сардиніей, которую Могхидъ, арабскій владѣтельный князь Деніи, у береговъ Валенціи, присоединилъ къ своему княжеству. Балеарскіе острова, принадлежащіе тому же самому арабскому принцу въ

1) Moine Robert.—Guilbert de Nogent. «Hist. Hieros.», cités par Raoul Rosières, ouvr. cité, pp. 240, 241. 2) Raoul Rosières. «Recherches critiques sur l'Histoire religieuse de la France», p. 239.

Испаніи, были завоеваны итальянскими республиками лишь въ теченіе слѣдующаго вѣка. Однако, Сицилія, занимающая самую центральную часть Средиземнаго моря, была захвачена норманнами. Изъ морскихъ разбойниковъ эти послѣдніе сдѣлались князьями и королями, когда Робертъ Гискаръ, сынъ Танкреда, завладѣлъ южными провинціями Италіи, а его братъ Рожеръ перешелъ черезъ Мессинскій проливъ, причемъ кони его переправились вплавь, позади лодокъ. Сицилія была тогда раздѣлена на рядъ небольшихъ княжествъ, и предводитель норманновъ могъ напасть на Палермо, пользуясь содѣйствіемъ флотиліи Пизы и отнюдь не имѣя надобности воевать со всѣми занимавшими страну сарацинами (1072 г.). Онъ послѣдовательно отвоевывалъ одну за другою части острова и въ 1901 г., за нѣсколько лѣтъ до великаго крестоваго похода, взялъ послѣднюю крѣпость Казръ-Янъ или Кастро-Джіованни, древнюю Энну, «пупъ Тринакріи», священное мѣсто, на которомъ находился нѣкогда алтарь Цереры. Крестоносцы получили, такимъ образомъ, для своихъ предпріятій важную точку опоры въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря.

Иниціатива непосредственнаго вооруженнаго нападенія на осквернителей гроба Господня не исходила, однако, отъ норманновъ—исходною областью была Франція, гдѣ особенно громко раздавались слова папы. Первоначально это было ужасное, безпорядочное, хаотическое движеніе. Сбѣгались толпы рыцарей, слугъ, бродягъ, воиновъ и направлялись на востокъ, захватывая по пути новыя толпы. Вторженіе галловъ повторилось снова, но было направлено теперь уже къ востоку и, конечно, было болѣе несвязнымъ и непослѣдовательнымъ, чѣмъ вторженіе вольковъ-тектозаговъ четырнадцать вѣковъ до того времени. Все это двигалось подобно грязевому потоку, покрывая нечистотами всю проходимую страну. За этими толпами, переходившими отъ убійства къ убійству и отъ одной болѣзни къ другой на своемъ пути чрезъ Венгрію и Болгарію и во время первыхъ стычекъ въ Малой Азіи, шли огромныя арміи, находившіяся подъ командованіемъ самыхъ знаменитыхъ рыцарей христіанскаго міра, арміи, состоявшія, главнымъ образомъ, изъ французовъ, норманновъ, лотарингцевъ, обитателей Арденновъ и Нидерландовъ. Готфридъ Бульонскій, какъ говоритъ Отто фонъ-Фрейзингенъ, былъ поставленъ во главѣ крестоносцевъ изъ-за того, что онъ одинаково хорошо зналъ языки какъ романскихъ народовъ, такъ и тевтоновъ. Онъ пошелъ по пути, идущему чрезъ центральную Европу, тогда какъ Раймундъ Тулузскій направился чрезъ сѣверную Италію и Далмацію, а итальянцы избрали морской путь на Константинополь, гдѣ было назначено соединеніе всѣхъ силъ. Оттуда предполагалось проложить себѣ путь силою, разбивая турокъ, занимавшихъ города и горные проходы Малой Азіи и Сиріи: изъ 700000 крестоносцевъ, отправившихся въ путь, осталось, однако, лишь около поло-

вины,—по Гиббону, 300000 крестоносцевъ погибли до того еще, какъ былъ взятъ хотя бы одинъ городъ у мусульманъ.

Во всякомъ случаѣ, эта колоссальная армія никогда не достигла бы своей цѣли, если бы она не встрѣтила радушнаго пріема со стороны

№ 311. Пути слѣдованія перваго крестоваго похода.

1 : 40 000 000

0 1000 2000 3000 килом.

Заштрихованныя области это—тѣ, въ которыхъ господствовали мусульмане въ эпоху перваго крестоваго похода. Путь, которымъ слѣдовалъ Готфридъ Бульонскій вдоль Дуная, путь Раймунда чрезъ Ломбардію и Танкреда чрезъ Тарентскій проливъ намѣчены прерывистой линіей.

своихъ хозяевъ-византійцевъ. Рыцари-крестоносцы, которымъ Сельджукиды преградили путь передъ Никеей, не могли обойтись безъ помощи грековъ, такъ какъ не имѣли возможности ни откуда получать провіанта,—имъ пришлось, противъ всякаго ихъ желанія, преклониться предъ императоромъ Алексѣемъ, признать его своимъ главою и торжественно обѣщать ему вернуть всѣ области, которыя прежде входили въ

составъ Восточной Имперіи, и которыя имъ теперь удастся завоевать. Они дали это обѣщаніе, зная заранѣе, что папскій легатъ, сопровождавшій ихъ, освободитъ ихъ, въ случаѣ надобности, отъ этой клятвы. Только тогда открылись настоящія военныя дѣйствія: крестоносцы взяли Никею, затѣмъ нанесли мусульманамъ пораженіе въ большой битвѣ внутри полуострова Малой Азіи, прошли чрезъ Киликійскія врата, названныя ими «воротами Іуды», настолько они казались имъ опасными [1]), и заняли очень важный пунктъ, городъ Эдессу, защищавшій ихъ отъ непріятелей, которые могли бы придти со стороны Евфрата; затѣмъ они заперлись въ стѣнахъ Антіохіи, изъ которой спаслись съ большимъ трудомъ послѣ побѣды, казавшейся настоящимъ чудомъ; въ концѣ концовъ, благодаря несогласіямъ, возникшимъ среди мусульманъ, между которыми были, съ одной стороны, фатимиты изъ Египта, съ другой—турки изъ Азіи, они дошли до стѣнъ Іерусалима, взяли его приступомъ и залили потоками крови,—въ самомъ храмѣ «кони утопали въ крови до колѣнъ».

Сраженіе крестоносцевъ съ саррацинами
(живопись на стеклѣ въ Сенъ-Дени).

Начиная осаду Іерусалима, крестоносцы оказались въ числѣ всего лишь 20000 человѣкъ; вскорѣ же въ Іерусалимѣ остались лишь сотня рыцарей и тысяча пѣхотинцевъ. Все великое воинство растаяло, и святая гробница была привязана къ христіанскому міру лишь тонкою нитью, которую легко можно было разорвать.

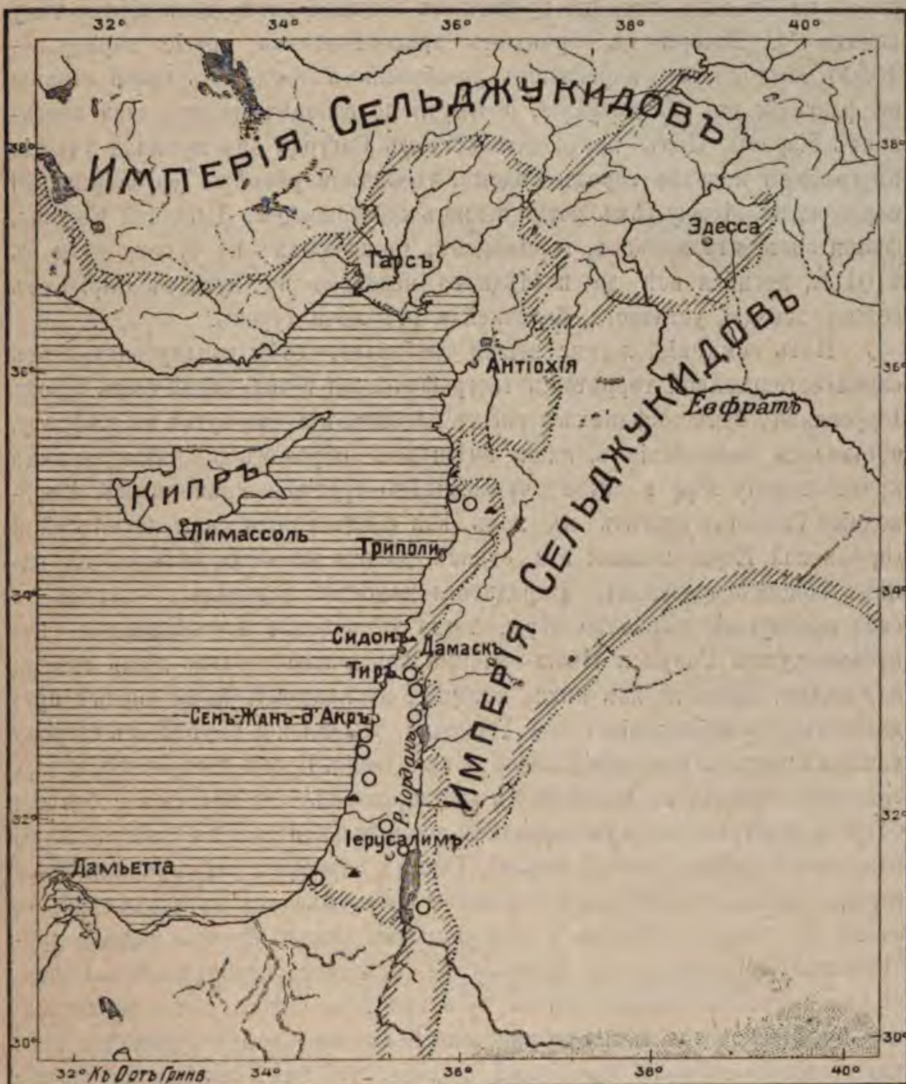
Все было бы потеряно, если бы интересы торговли не поддерживали интересовъ вѣры. Къ счастью, флотиліи Генуи и Пизы были уже готовы для перевозки провіанта, рыцарей и пилигримовъ, и благодаря этимъ подошедшимъ морскимъ силамъ, удерживавшимъ побережье, Балдуинъ, замѣстившій своего брата Готфрида, могъ сохранить въ своихъ

---

1) W. M. Ramsay. Geographical Journal, oct. 1903.

рукахъ Іерусалимъ и затѣмъ завоевать половину городовъ побережья,

№ 312. Христіанскія королевства на Востокѣ.

▲ Мѣста занят. госпитальерами *○ Мѣста занят. тамплерами.*

1 : 7 500 000

0 100 200 400 килом.

Побережье Малой Азіи къ сѣверу отъ Кипра составляло часть Восточной Имперіи.

между прочимъ, Сенъ-Жанъ-д'Акръ и Триполи. Этотъ послѣдній городъ обладалъ замѣчательнѣйшей библіотекой, по всѣмъ вѣроятіямъ, наилуч-

шей въ мірѣ изъ сохранившихся еще,—варвары Запада, вѣрные христіанскимъ традиціямъ, не преминули предать ее пламени; какъ замѣчаетъ Рамсей, крестоносцы той эпохи не умѣли выцарапать своихъ именъ на скалахъ, подобно греческимъ воинамъ пятнадцать вѣковъ тому назадъ [1]). Вскорѣ къ франкамъ присоединились другіе варвары—10000 настоящихъ норвежцевъ, прибывшихъ прямо изъ своей страны на флотиліи изъ 50 кораблей, обогнули по волнамъ океана весь континентъ Европы. Подъ предводительствомъ Сигурда они приняли участіе въ грабежѣ и, взявъ городъ Сидонъ, увеличили размѣры Іерусалимскаго королевства. Между тѣмъ, сотни тысячъ крестоносцевъ Западной Европы, французовъ, итальянцевъ, германцевъ, пришедшихъ по сухому пути въ 1101 г., погибли всѣ до послѣдняго человѣка на пути въ Сирію отъ голода, жажды, усталости, болѣзней и отъ меча турокъ.

Безъ сомнѣнія, логика вещей требовала, чтобы изолированная отъ своей естественной территоріи географическая точка, какой былъ городъ Іерусалимъ, безъ сосѣднихъ горныхъ массивовъ и безъ путей къ Евфрату, оставалась завоеваніемъ, лишь внѣшнимъ образомъ привязаннымъ къ христіанскому міру и потому чрезвычайно трудно сохраняемымъ. Необходимо было бы пустить въ ходъ всѣ соединенныя силы латинской и германской Европы; силы эти, однако, далеко не были объединены однимъ общимъ чувствомъ. Народности наиболѣе варварскія влагали въ свое предпріятіе наиболѣе вѣры, тогда какъ болѣе просвѣщенныя—искусные купцы Генуи и Пизы—занимались исключительно лишь своими барышами. Даже тѣ изъ нихъ, которые, повидимому, были вполнѣ преданы дѣлу освобожденія гроба Господня, уклонялись нерѣдко въ сторону личныхъ выгодъ или національнаго самолюбія. Кромѣ того, вопросы внутренняго порядка въ различныхъ государствахъ становились все болѣе и болѣе настоятельными и уменьшали въ значительной степени относительную важность владѣнія Святой Землей. Такимъ образомъ, когда укрѣпленный городъ Эдесса, защищавшій Сирійское побережье отъ мусульманъ, былъ взятъ въ 1144 г. умнымъ и настойчивымъ Зенки, близкое паденіе христіанскаго Іерусалимскаго королевства сдѣлалось неизбѣжнымъ. Совершенно напрасно отправилось въ путь три года спустя самое значительное по численности скопище крестоносцевъ изъ всѣхъ бывшихъ, такъ называемый «второй» крестовый походъ. Въ немъ принимало участіе 14000 рыцарей и милліонъ пѣшихъ людей; во главѣ стояли два монарха, императоръ германскій Конрадъ III и король Франціи Людовикъ VII. Однако, какъ и всегда, эта огромная армія растаяла по дорогѣ, Эдессу не удалось взять обратно, и даже Дамаскъ, располагаю-

---

1) Geographical Journal, oct. 1903, p. 384.

щійся ближе къ Іерусалиму, остался въ рукахъ мусульманъ. Оба главнокомандующіе почти совсѣмъ безъ войска вернулись въ свои страны, испытавъ униженіе полнаго пораженія. Сорокъ лѣтъ спустя, въ 1187 г., знаменитый управитель Египта Салахъ-эдъ-Динъ или Саладинъ завла-

№ 313. Пути крестовыхъ походовъ отъ второго до послѣдняго.

Частая штриховка покрываетъ территоріи, находившіяся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха; рѣдкая штриховка отмѣчаетъ области, признававшія верховную власть Рима.

Число 1147 отмѣчаетъ путь, которымъ шелъ Конрадъ III, 1189—путь Барбароссы и 1190—путь Филиппа-Августа. Крестовые походы Людовика Святого, въ 1248 г. въ Дамьетту и въ 1270 г. въ Тунисъ, отмѣчены непрерывной линіей.

дѣлъ святымъ городомъ, несмотря на всю защищенность его позицін, на прочность его стѣнъ и на храбрость защитниковъ. Христіанское Іерусалимское королевство просуществовало менѣе ста лѣтъ,—случайности военнаго счастья воскресили его на нѣсколько лѣтъ въ XIII вѣкѣ,

затѣмъ все было кончено навсегда, несмотря на послѣдующіе крестовые походы.

На югъ отъ Средиземнаго моря исламъ также одержалъ верхъ надъ христіанствомъ. Рожеръ Сицилійскій также попробовалъ предпринять крестовый походъ въ Мавританію. Онъ завладѣлъ всѣми гаванями Туниса и даже городомъ Триполи. Такимъ образомъ, область господства ислама была раздѣлена на двѣ части, и если бы норманны сохранили въ своемъ владѣніи берберійское побережье, то мусульманская Испанія, окончательно отдѣленная отъ восточнаго магометанскаго міра, лишенная сношеній и моральной поддержки, была бы, безъ сомнѣнія, вскорѣ обратно отвоевана христіанами Наварры, Астуріи и Кастиліи; однако, съ середины XII вѣка сицилійскіе завоеватели должны были оставить захваченную ими область. Въ 1159 г. они должны были снова отплыть на сѣверъ, и въ теченіе семи столѣтій исламъ въ Африкѣ продолжалъ отражать съ величайшимъ успѣхомъ всѣ атаки со стороны Западной Европы.

Обладаніе въ теченіе полувѣка городомъ, гдѣ скончался Богъ христіанъ, должно было вполнѣ естественнымъ образомъ оказать значительное вліяніе на всю европейскую цивилизацію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Впрочемъ, это вліяніе чрезвычайно сложно и распутать его во всѣхъ деталяхъ въ высшей степени трудно, еще труднѣе выяснить значеніе взаимнаго соприкосновенія народовъ Запада съ народами Востока. Тѣмъ не менѣе, общіе результаты такого соприкосновенія представляются настолько очевидными, что можно съ увѣренностью констатировать, какимъ способомъ они дѣйствовали на міровое равновѣсіе.

Прежде всего могущество римской церкви оказалось чрезвычайно усилившимся. Каковы бы ни были побудительныя причины крестовыхъ походовъ, оффиціально совершались эти предпріятія всегда отъ имени и ради вящшей славы папства: рыцари объявляли о своей готовности слѣдовать «волѣ Божіей» въ присутствіи самого первосвященника или его главнѣйшихъ прелатовъ, и самый знакъ креста, которымъ они украшали свои плащи, свидѣтельствовалъ о ихъ подчиненіи духовной власти. Эта гегемонія папства въ крестовыхъ походахъ должна была, повидимому, повлечь за собою полную романизацію Іерусалима, сдѣлавшагося просто вассальною областью церковной власти Рима. Таково и было въ дѣйствительности стремленіе монаховъ всѣхъ родовъ, которые сопровождали рыцарей; однако, тѣ, кому приходилось поработать, естественно, желали имѣть и выгоды отъ своихъ трудовъ, и рыцари, не боясь раздражать клерикальныя власти, преспокойно дѣлили между собою завоеванные лены и крупные денежные доходы. Къ тому же, постоянная

безпощадная война, которую приходилось вести противъ различныхъ народностей, заставляла европейцевъ, проникшихъ въ Палестину, поддерживать военный режимъ. Кромѣ того, соперничество антіохійскаго патріархата, почитаемаго восточными христіанами равнымъ или даже превосходящимъ по своему достоинству патріархатъ Іерусалимскій, пре-

Іерусалимъ.— Куполъ Гробницы Господней.

пятствовало установленію папскаго намѣстничества въ столицѣ Святой Земли [1]). Городъ принялъ все же видъ какого-то военнаго монастыря съ постоянными процессіями, торжественными богослуженіями и общественными молитвами,—колокольный звонъ раздавался при всѣхъ гражданскихъ событіяхъ, равно какъ и при всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ.

1) Leopold von Ranke. «Weltgeschichte», VIII Theil.

Христіане, по примѣру магометанъ и подъ вліяніемъ, вѣроятно, тѣхъ же причинъ, образовали общество, въ которомъ религіозный законъ поглотилъ совершенно законъ гражданскій,—съ одной стороны, «soutra» Корана, съ другой—изреченія Библіи опредѣляли всѣ дѣйствія властей и всѣ сужденія ихъ.

Крестовые походы имѣли также своимъ послѣдствіемъ то, что французская королевская власть стала играть роль въ извѣстной степени подчиненной и зависимой отъ римской церкви. Проповѣдь перваго крестоваго похода была начата во Франціи, и французскіе рыцари принимали въ немъ участіе въ наибольшемъ числѣ. Затѣмъ, движеніе, обусловленное религіознымъ увлеченіемъ и страстью къ приключеніямъ, распространилось постепенно и на всю остальную центральную Европу, но первое мѣсто продолжало все же принадлежать французскимъ крестоносцамъ и норманнамъ Сициліи, которые, впрочемъ, въ эту эпоху по языку и культурѣ были привязаны къ рыцарству французской націи. Въ глазахъ папъ подвиги западнаго рыцарства, вмѣстѣ съ приношеніями церкви, сдѣланными Пипиномъ Короткимъ и Карломъ Великимъ, и вмѣстѣ съ обращеніемъ Хлодвига, послужили къ образованію извѣстнаго рода традиціи, по которой задачей политики Франціи стало считаться благосостояніе и процвѣтаніе церкви. Съ эпохи крестовыхъ походовъ беретъ начало выраженіе «Gesta Dei per Francos», и духовенство нашло въ этомъ чрезвычайно удобный предлогъ для того, чтобы сдѣлать попытку подчинить себѣ французскій народъ, заставить его дѣйствовать для своей выгоды, придавъ ему наименованіе «воина Божія». Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ миновали эпохи Возрожденія, реформаціи и революціи, это отраженіе крестовыхъ походовъ оказываетъ вплоть до настоящаго XX вѣка свое вліяніе на всѣ внутреннія гражданскія неурядицы французской націи и стремится удержать послѣднюю въ лонѣ католической церкви.

Ремесломъ феодальныхъ рыцарей было—сражаться, но, въ то же время, именно постоянныя войны и варваризмъ, являвшійся ихъ послѣдствіемъ, влекли за собою полное паденіе военнаго искусства, тактики и стратегіи: рыцари убивали другъ друга, но совершенно не умѣли вести бой, правила веденія войны были забыты. Настоящихъ армій болѣе не существовало,—войска не являлись болѣе организованными группами, связанными во-едино и согласующими свои дѣйствія сообразно съ общимъ планомъ. Сколько было рыцарей, столько же было и отдѣльныхъ, независимыхъ военачальниковъ; каждый начальствовалъ надъ своими воинами не въ силу своего таланта или признанной заслуги, а по праву своего рожденія и своего сана. Воины, игравшіе главную роль въ битвахъ, избирались среди крѣпостныхъ; не получивъ предварительной военной подготовки, они должны были сражаться, имѣя въ виду не по-

бѣду всѣхъ, а, главнымъ образомъ, славу своего начальника, и когда имъ удавалось поймать плѣннаго или добыть лошадь, то считалось вполнѣ естественнымъ, что они заботились прежде всего о томъ, чтобы доставить добычу въ надежное мѣсто, а затѣмъ уже снова возвращались на поле битвы. При такихъ условіяхъ всеобщіе маневры войсками были невозможны. Военное искусство сдѣлало шагъ впередъ лишь послѣ того, какъ крестоносцамъ пришлось столкнуться съ войсками магометанъ. Христіанскіе рыцари научились отъ своихъ враговъ выстраивать сплоченныя войска, наученныя вести правильный бой, и видѣть своей главной цѣлью общую побѣду. Впрочемъ, надо замѣтить, что, повидимому, искусство веденія осады не было окончательно утрачено: спеціальные инженеры передавали изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, искусство проведенія траншей и подготовки штурма [1]).

Стѣны Антіохіи.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ своихъ сношеній съ мусульманами христіане, несмотря на весь фанатизмъ и религіозную ненависть, самымъ чувствительнымъ образомъ подверглись восточному вліянію. Вполнѣ естественно, что условія климата сказались уже прежде всего на одеждѣ, пищѣ и повседневныхъ занятіяхъ,— совершенно аналогичнымъ образомъ нѣсколько вѣковъ спустя французскіе солдаты въ Алжирѣ превратились въ «зуавовъ» и «спахи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнилась и нравственность, равно какъ и образъ мышленія. Эволюція, совершившаяся въ умахъ крестоносцевъ, стояла въ связи съ двумя элементами,—съ одной сто-

1) Paul Meyer. «Introduction» à Girart de Roussillon, pages LXX, LXXI.

роны, съ отечествомъ, изъ котораго они вышли, съ другой—со страной, въ которой они совершали свои подвиги. Это ясно сказалось на тѣхъ рыцарскихъ орденахъ, которые возникли во время крестовыхъ походовъ, и практическій характеръ которыхъ, проистекающій изъ новаго положенія, сильно отличался отъ древняго рыцарства, задававшагося столь же недостижимыми идеалами, какъ въ сказкахъ, гдѣ рыцарь стремится къ освобожденію какой-нибудь принцессы, заключенной въ башнѣ или среди непроходимаго лѣса. Рыцари-крестоносцы ставятъ себѣ цѣль легче достижимую, но вполнѣ серьезную, такъ какъ она соотвѣтствуетъ истиннымъ обязанностямъ человѣка. Орденъ госпитальеровъ, оффиціально принадлежавшихъ къ обширной семьѣ монаховъ-августинцевъ, могъ возникнуть лишь въ чужой странѣ, гдѣ собратья по вѣрѣ рисковали не найти себѣ пристанища въ населенныхъ мѣстахъ, въ странѣ, гдѣ такъ важно встрѣтить надежныхъ друзей среди свирѣпыхъ враговъ, найти убѣжище среди пустынь и скалистыхъ горъ, гдѣ нужно пролагать пути для путешественниковъ и паломниковъ, ухаживать за ранеными и больными и умѣть одновременно управляться съ мечомъ и утолять страданія. Не подлежитъ сомнѣнію, что рыцари-госпитальеры восприняли на Востокѣ традиціи другихъ подателей помощи, несторіанъ, убѣжища которыхъ встрѣчались вплоть до Китая на горныхъ снѣговыхъ перевалахъ и въ оазисахъ пустынь.

Тампліеры или храмовники—«рыцари храма», названные такъ по мѣсту нахожденія ихъ общества, которое собиралось въ залахъ дворца, построеннаго на развалинахъ храма Соломона, стремились соединить въ своемъ лицѣ власть духовную и свѣтскую, старались быть одновременно монахами и воинами, носить клобукъ и мечъ. Подобно священникамъ, они произносили обѣты, благословляли и проклинали, отверзали врата ада и врата рая; съ другой же стороны, какъ рыцари, они совершали на землѣ тѣ предначертанія, которыя должны были дать имъ жизнь вѣчную. Съ самаго начала орденъ этотъ пріобрѣлъ такую страшную силу, что даже папы сомнѣвались, должно ли принимать на службу церкви защитниковъ столь могущественныхъ. Однако, святой Бернардъ, управлявшій тогда христіанскимъ міромъ, составилъ самъ статуты ихъ ордена (1128 г.) и направлялъ ихъ первыя политическо-религіозныя предпріятія. Подобная община, совмѣщающая въ себѣ силы, которыя въ другихъ случаяхъ являются противоположными, объединяющая самые различные элементы, не заботясь о положеніи, о языкѣ и о національности, не ограничивающая свои проекты ни предѣлами своего отечества, ни предѣлами Европы, но, наоборотъ, обнимающая въ своихъ вожделѣніяхъ весь міръ,—такая братская община, безъ сомнѣнія, легко одержала бы верхъ надъ императорами и папами, надъ султанами и имамами, если бы она сохранила характеръ сплоченной арміи, и если бы силы

ея оставались объединенными; враги ея, однако, все возрастали въ численности, по мѣрѣ того, какъ накоплялись ея богатства. Ордену тампліеровъ приходилось прежде всего вести борьбу со своими вѣчными и непримиримыми соперниками-госпитальерами, приходилось бороться и дорого платиться за враждебное отношеніе епископовъ, вельможъ и ко-

Улица рыцарей въ Родосѣ.

ролей, затѣмъ расплачиваться и за политическія неудачи, когда военныя пораженія и несогласія заставили тампліеровъ покинуть континентъ Азіи и искать убѣжища на островѣ Кипрѣ. Тѣмъ не менѣе, этотъ пользовавшійся наибольшимъ почетомъ рыцарскій орденъ удерживался въ теченіе почти двухъ вѣковъ, и нерѣдко и позднѣе дѣлались попытки возстановить его. Еще и въ настоящее время сколько суетныхъ и честолюбивыхъ людей украшаютъ себя титуломъ и знаками ордена «рыцарей храма»!

У магометанъ также были свои организаціи, боровшіяся и молитвой и оружіемъ. Къ таковымъ принадлежала организація «глотателей гашиша» (хашишія) или «убійцъ», возникшая въ Персіи за нѣсколько лѣтъ до образованія ордена храмовниковъ. Принадлежа къ сектѣ «измаилитовъ», названной такъ по имени нѣкоего Измаила, потомка Али, глотатели гашиша первоначально не принимали никакого участія въ политикѣ и ограничивались лишь религіозными обрядами. Они исповѣдывали очень возвышенную философскую доктрину, стремились къ сліянію всѣхъ идеалистическихъ формулъ, отъ ученія Платона до христіанскихъ идей, и проповѣдывали нѣчто въ родѣ пантеизма, основывающагося на общей гармоніи всѣхъ частей міра, на преклоненіи предъ космосомъ, отъ котораго зависитъ каждая человѣческая личность, составляющая, подобно свѣтиламъ небеснымъ, часть его, почему человѣкъ долженъ стремиться къ познанію и пониманію красоты и величія мірозданія [1]).

Преданіе, которое несомнѣнно приняло бы иной характеръ, если бы оно не было передано намъ христіанами, которые охотно приписывали своимъ врагамъ всѣ пороки и преступленія, это преданіе сообщаетъ, что «убійцы» были фанатизированы однимъ изъ пророковъ, который опьянилъ ихъ наслажденіями, привелъ ихъ въ религіозный экстазъ и выпустилъ въ свѣтъ, вооруживъ ихъ противъ противника кинжаломъ и ядомъ. Этотъ глава ихъ, «старецъ съ горъ», обиталъ въ укрѣпленномъ замкѣ Аламутѣ, на одномъ изъ отроговъ персидскаго Эльбурса,—въ его власти находилось, однако, еще сто другихъ крѣпостей въ разныхъ областяхъ Передней Азіи. Послѣдователями этого страшнаго монаха являются, однако, лишь тихіе и мирные подданные Индійской имперіи [2]).

Въ Европѣ монашество претерпѣло, лишь болѣе медленно, то же самое развитіе, какъ на Востокѣ. Превратности политики, войны и дипломатіи перемѣщали отчасти однихъ и тѣхъ же лицъ съ одного конца христіанскаго міра на другой, и отзвуки событій разносились повсюду. Въ тѣ времена два главные французскіе центра монашескаго міра, Клюни и Сито, обладали духовнымъ авторитетомъ, превосходившимъ въ значительной степени таковой монастыря въ Монте-Кассино, бывшаго до того времени главнымъ разсадникомъ аббатствъ Запада и главной школой папства. Клюни, гдѣ въ концѣ XII вѣка возникъ вокругъ высокой церкви промышленный городокъ, принялъ характеръ мірской и отличался роскошью; монастырь этотъ стремился даже къ тому, чтобы попасть въ разрядъ крупныхъ городовъ, однако, былъ расположенъ внѣ

---

1) P. Casanova. Journal Asiatique, 9e série, tome XI, N° 1. 1898.—E. Doutté. Bull. de la Soc. de Géogr. et d'Archéol. d'Oran, janv. à mars, 1899, p. 53.— 2) H. Yule. «The Book of Marco Polo», 2e édition, vol. 2, p. 155.

крупныхъ историческихъ путей, въ одной изъ боковыхъ долинъ рѣки Соны. Его будущій соперникъ, монастырь Сито или Цистерціумъ, былъ

№ 314. Страна «убійцъ».

основанъ посреди глухихъ лѣсовъ, усѣянныхъ болотами и озерами,— здѣсь нашелъ себѣ понравившееся ему убѣжище монахъ, который сдѣлался затѣмъ св. Бернардомъ. Несмотря на то, что его краснорѣчіе и

праведность привлекали къ нему массы желающихъ послушать его слова, монастырь Сито остался все же тѣмъ, чѣмъ онъ является и въ настоящее время,—огромной постройкой посреди совершенной пустыни. Монастырь этотъ далъ вскорѣ начало многимъ другимъ,—между ними знаменитому монастырю Клерво, въ которомъ самъ св. Бернардъ сдѣлался аббатомъ. Затѣмъ отъ этихъ монастырей, путемъ выселенія монаховъ, пошли многіе новые отпрыски, и въ началѣ XIII вѣка, черезъ сто лѣтъ послѣ основанія Сито, орденъ располагалъ уже болѣе чѣмъ тысячью аббатствъ, разбросанныхъ по всей христіанской Европѣ и по Палестинѣ. Св. Бернардъ сдѣлался настоящимъ управителемъ всего христіанскаго самосознанія, и со всѣхъ сторонъ обращались къ нему съ вопросами, просьбами посовѣтовать и подкрѣпить,—его слово стоило цѣлаго воинства.

Нищій монахъ.

Аббатъ Клерво былъ въ такой степени совѣтникомъ церкви, что въ самый критическій моментъ жизни папства кардиналы избрали на тронъ св. Петра его любимѣйшаго ученика, тосканца Бернардо, который, сдѣлавшись папою, принялъ имя Евгенія III и продолжалъ обращаться къ своему прежнему аббату какъ къ руководителю. Именно для поученія папы составилъ св. Бернардъ свою книгу «Considération». «Смиряйся—говорилъ онъ въ ней,—смиряйся; мы вѣдь знаемъ, что апостолъ Петръ никогда не появлялся передъ народомъ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями, въ шелковыхъ одѣяніяхъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, окруженный воинами,—въ этомъ ты скорѣе послѣдователь не Петра, а императора Константина. Если нужно—примѣняйся къ вѣку, но и облаченный въ золото и пурпуръ не переставай быть пастыремъ добрымъ и не краснѣй отъ Евангелія».

Къ счастью, въ періоды политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, когда духъ человѣческій ищетъ возродиться къ свободѣ, появляются также и люди, которые не «примѣняются къ вѣку». Время крестовыхъ походовъ было эпохой возрожденія въ такой же степени для самой церкви, какъ и для еретическихъ ученій. Если въ первую половину среднихъ вѣковъ религіозныя несогласія были относительно рѣдки, то надо сказать, что въ ту эпоху, когда народности Запада пришли въ соприкосновеніе съ

народами Востока, въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, даже въ смыслѣ своихъ идей, вѣрованій и миѳологическихъ представленій,—въ эту эпоху они сдѣлались очень частыми. Всѣ измѣненія въ умственномъ мірѣ должны были потрясать непоколебимую башню догматовъ христіанской вѣры, которая претендуетъ на роль неподвижнаго маяка, возвышающагося надъ волнами. Тѣмъ не менѣе, высшіе классы, изъ коихъ пополнялось и рыцарство и монашество, могли находить исходъ мятежности своей души, либо предпринимая полныя приключеній путешествія, либо обращаясь къ философскимъ размышленіямъ; эти классы могли наилучшимъ способомъ приспособляться къ господству всемірной церкви, которая подъ кажущимся единствомъ скрываетъ столько разнообразныхъ мнѣній и различнѣйшихъ стремленій. Въ нѣдрахъ народа, а не въ высшихъ правящихъ слояхъ зарождаются обыкновенно еретическія ученія. Такіе мыслители, какъ Абеляръ, Беранже Турскій и другіе «схоластики», затрагивали церковь лишь тонкой діалектикой и не могли войти глубоко въ жизнь народа. Ихъ ораторскія схватки доставляли удовольствіе ученымъ, но не имѣли никакого вліянія на народъ. Безсмертную память Абеляръ заслужилъ отнюдь не своими писаніями или диспутами,—она стала его удѣломъ изъ-за его любви къ Элоизѣ.

Рыцарь-храмовникъ.

Впрочемъ, идейное движеніе отнюдь не было главной побудительной причиной, которая отторгла отъ церкви значительныя народныя массы, въ особенности въ Италіи и на югѣ Франціи, и породила такимъ образомъ еретическія общины: истинной причиной такого отпаденія было въ большинствѣ случаевъ возмущеніе общественной морали противъ продажнаго, хищнаго и безнравственнаго духовенства. Священники, жаждущіе могущества и власти, чувствовали себя уже близкими къ тому, чтобы осуществлять свою власть, и своими капризами, своими оскорбленіями, своею жадностью къ деньгамъ заслуживали вполнѣ тѣхъ порицаній, которыя направляли по ихъ адресу св. Бернардъ и другіе безкорыстные защитники церкви. Многія ереси, происхожденіе коихъ

приписывается вліянію какого-нибудь преданія, тайнымъ образомъ передававшагося отъ семейства къ семейству, возникали въ дѣйствительности изъ-за священниковъ-святотатцевъ, дѣлавшихся нестерпимыми для ихъ паствы. Простые люди, сохраняя всю свою наивную вѣру, становились еретиками уже въ силу того только, что избирали своими руководителями и совѣтниками какихъ-нибудь старцевъ-мирянъ изъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ общины [1]). Уничтоженіе священства, внѣшній разрывъ съ церковью былъ достаточной причиной, чтобы отдѣлить отъ ствола церкви всѣ отклонившіяся въ сторону вѣтви. Другою косвенною причиною образованія ересей должно считать географическія условія въ суровыхъ областяхъ Альповъ и гористой центральной Франціи. Нѣкоторыя мѣстности, доступъ къ которымъ затруднителенъ, не посѣщались вовсе священниками, обитавшими въ расположенныхъ ниже долинахъ или въ равнинѣ; цѣлыя поколѣнія жителей общинъ, затерявшихся въ горахъ, не имѣли никакого сношенія съ епархіями, отъ которыхъ они оффиціально зависѣли. Когда при какомъ-нибудь духовномъ соборѣ или при военномъ предпріятіи небольшія группы горныхъ жителей сталкивались съ представителями папства, расхожденіе въ распространенныхъ у нихъ ученіяхъ внезапно обнаруживалось, къ величайшему смущенію прелатовъ.

Именно такимъ образомъ можно объяснить образованіе вѣроученія, распространеннаго въ вальденскихъ долинахъ, на склонѣ, обращенномъ къ Пьемонту, и въ верховьяхъ Дюрансы. Въ тѣ времена, также какъ и теперь, большое число выходцевъ съ горъ спускалось ежегодно со своихъ гребней, гдѣ зимою невозможно было работать, и устраивалось въ городахъ ниже расположенной страны, превращаясь тамъ въ каменщиковъ, плотниковъ или носильщиковъ, или же являясь купцами, торгующими мелкими издѣліями, производимыми въ горахъ. Между ними находились и люди образованные, ревностные христіане и проповѣдники, и, такимъ образомъ, по путямъ этихъ временныхъ переселеній «вальденское ученіе» распространилось, подобно лавинѣ, спускающейся съ Альповъ. Горные жители, бывшіе посредниками между этими областями, являлись въ то же время и единственными носителями религіозныхъ идей: они распространяли свое ученіе и ни съ какой другой стороны не принимали новаго. Этимъ объясняется очень широкое распространеніе одной изъ формъ религіи, которая удержалась почти безъ измѣненія въ отдаленныхъ долинахъ и появлялась отъ времени до времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ равнины и побережья, гдѣ она, впрочемъ, исчезла съ тече-

---

1) Henry Charles Lea. «Origines et Procédure de l'Inquisition», tome I, trad. par Salomon Reinach.

ніемъ вѣковъ. Область Альби, нѣкоторыя мѣстности западнаго Лангедока и многолюдный городъ Тулуза были такими пунктами на югѣ, гдѣ собирались вѣрующіе, наиболѣе благосклонно встрѣчали провозвѣстниковъ «высокаго ученія», не признававшаго священниковъ съ ихъ ненужными и дорогими побрякушками. Одно изъ мѣстъ въ писаніяхъ Петра

№ 315. Вальденскія долины.

Главнымъ центромъ валденскихъ сектъ является долина рѣки Пеллисъ.

Благочестиваго, аббата Клюни, свидѣтельствуетъ о томъ, что обитатели Тулузы уничтожали кресты какъ отвратительные символы пытки и смерти. По постановленію вальденса Петра Брюэзскаго, ревностнаго миссіонера чистой вѣры, власти приказали уничтожить въ городѣ всѣ кресты, которые были снесены на площадь Капитолія, гдѣ ихъ предали пламени;

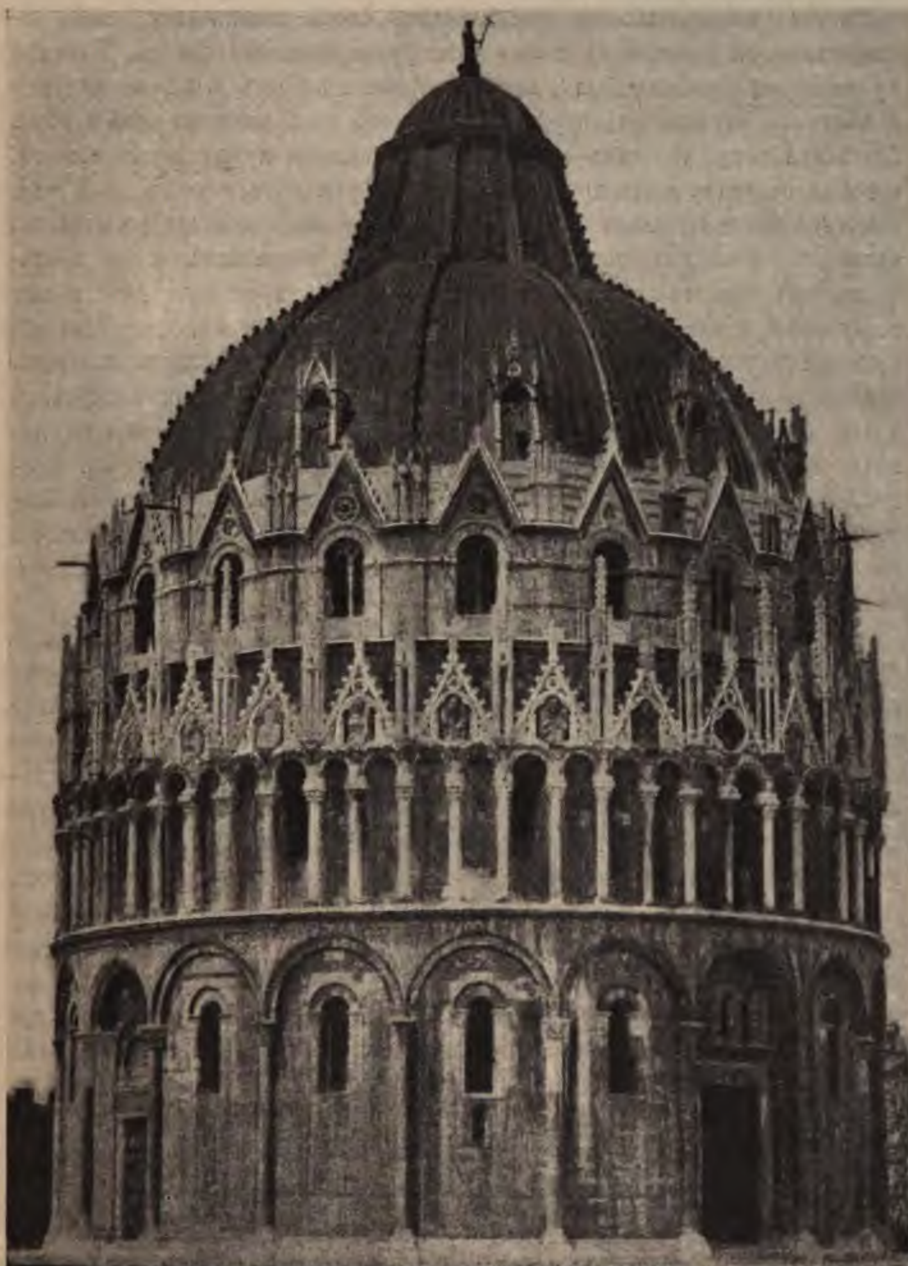
этотъ огонь наканунѣ Пасхи служилъ для приготовленія грандіознаго общественнаго пира [1]).

Къ тѣмъ элементамъ еретическихъ ученій, которые происходили частью отъ противодѣйствія крестьянъ, угнетенныхъ вельможами церкви, частью отъ неодинаковости распространенія религіи въ связи съ различными географическими условіями, присоединились и настоящія ереси, пришедшія издалека. Весь остатокъ прежнихъ гностическихъ сектъ, избѣжавшихъ преслѣдованій церкви, скопился и присоединился къ тѣмъ изъ ученій, которыя силою вещей являлись съ нимъ родственными, и нерѣдко тѣ и другія сливались въ одно единое религіозное и политическое цѣлое. Такимъ образомъ, такъ называемые катары или «чистые», относившіе свое возникновеніе къ манихеянамъ Ирана и Малой Азіи, слились, мало-по-малу, съ «вальденсами» и вмѣстѣ съ ними же и исчезли, сметенные тѣмъ же самымъ вихремъ, когда варвары сѣвера и Франціи обрушились на югъ. Эти «добродѣтельные люди» (bons hommes), какъ ихъ называли обыкновенно за чистоту ихъ жизни, отличались, однако, сильно отъ вальденсовъ какъ своими традиціями, такъ и сложностью своихъ догматовъ: тогда какъ горные жители Альповъ ограничивались упрощеніемъ своей религіи, устранивъ изъ нея всякое вмѣшательство церкви и довольствуясь лишь «высокимъ ученіемъ», просто резюмировавшимъ моральныя основы Евангелія, катары были утонченными теологами, стремившимися къ совершенству путемъ лишеній и трудно исполнимыхъ обрядовъ. Въ мірѣ матеріальномъ, однако, все сказывается наружными проявленіями, ничто не остается исключительно въ области духа. Сдѣлавшись достаточно сильными, эти еретическія ученія обнаружили также желаніе придать себѣ нѣкоторую политическую организацію; какъ всегда, однако, въ такихъ случаяхъ, они были послѣдовательны лишь на половину и, несмотря на то, что возставали противъ продолжателей прошедшаго, искали и сами въ прошедшемъ точекъ опоры.

Въ серединѣ XII вѣка Арнольдъ изъ Брешіи, сотоварищъ Петра Брюэзскаго и Арриго, ученикъ и воспитанникъ Абеляра, монахъ республиканскаго склада, строгій народный трибунъ, окруженный «волосатыми людьми», сдѣлалъ попытку достичь двоякой цѣли, съ одной стороны—революціонной, съ другой—возстановительной. Онъ хотѣлъ одновременно и уничтожить власть духовенства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановить древнюю римскую республику. Ему удалось поднять благородные ломбардскіе города—Брешію, въ которой онъ родился, Павію, Миланъ и ихъ сѣверныхъ сосѣдей отъ Асти до Тревизы. Несмотря на то, что

1) Nap. Peyrat. «Les Réformateurs au douzième Siècle», pp. 71, 72.

противъ него были и папа и императоръ, онъ могъ все же въ теченіе

Крестильная часовня въ Пизѣ.

долгихъ лѣтъ бороться съ ними,—настолько прочна была солидарность

въ этихъ нарождающихся буржуазныхъ обществахъ, достаточно развитыхъ для того, чтобы не вѣрить въ божественность первосвященника, и достаточно увѣренныхъ въ превосходствѣ своей цивилизаціи, чтобы не относиться съ уваженіемъ къ императору варварскаго сѣвера. Позднѣе Арнольдъ принужденъ былъ, правда, бѣжать, но онъ выждалъ моментъ и получилъ возможность вернуться на этотъ разъ даже въ самый Римъ благодаря тому, что тамъ происходили несогласія между двумя папами, которые отлучали другъ друга отъ церкви. Происходило это въ 1146 году. Первой заботой Арнольда было возстановить древнюю римскую республику, какъ онъ ее себѣ представлялъ по древнимъ описаніямъ и по преданіямъ; онъ создалъ орденъ конныхъ рыцарей, промежуточный между сенаторами и плебеями, установилъ избраніе консуловъ, предсѣдательствующихъ въ сенатѣ, и народныхъ трибуновъ, защищающихъ интересы народовъ. Арнольдъ счелъ ненужнымъ избраніе гражданами анти-папы, и это, быть-можетъ, спасло республиканскій Римъ отъ крестоваго похода, проповѣдывать который противъ него предполагалъ уже св. Бернардъ; онъ постарался, однако, насколько то было возможнымъ, ограничить суверенитетъ императора, этого второго врага, который имѣлъ въ его глазахъ, по меньшей мѣрѣ, то преимущество, что былъ противникомъ папства [1]).

Благодаря странной игрѣ случая, эта реставрація республики, воскресившая то положеніе вещей, которое исчезло уже двѣнадцать вѣковъ тому назадъ, удержалась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ-будто вовсе не существовало власти первосвященника, хотя происходило это въ томъ самомъ вѣкѣ, который долженъ былъ провозгласить, какъ основной политическій догматъ, всемірное владычество церкви надъ всѣми вѣрующими. Однако, живая вѣра, творящая чудеса, отсутствовала у гражданъ Рима, и когда со стороны сѣвера надвинулась буря, когда съ высотъ Апеннинъ спустился со своимъ войскомъ Барбаросса, сенаторы и консулы, трибуны и граждане просили пощады, и Арнольдъ былъ сожженъ живымъ предъ Вратами Народа. Папская власть была возстановлена какъ надъ гражданами Рима, такъ и надъ самимъ императоромъ, который, внутренно проклиная папство, долженъ былъ держать стремя Адріана IV, сына англійскаго крѣпостного, прежняго нищаго и затѣмъ бѣднаго монаха.

Тотъ самый римскій первосвященникъ, который обладалъ такимъ могуществомъ, что унизилъ Барбароссу на глазахъ его рыцарей, не преминулъ распредѣлить государства и народы по своему усмотрѣнію. По-

1) Sismonde de Sismondi. «Les Républiques Italiennes».

добно своимъ предшественникамъ, онъ предоставилъ крестоносцамъ народы Востока; финляндцевъ и другіе народы дальняго сѣвера онъ далъ недавно обращеннымъ въ католицизмъ шведамъ; когда же Генрихъ II, король англо-норманновъ, писалъ ему о необходимости завоевать Ирландію, Адріанъ поощрилъ его: «Ирландія—отвѣчалъ онъ королю—со всѣми островами, принявшими христіанскую вѣру, принадлежитъ, по твоему

Видъ города Тлемсена.

правильному мнѣнію, также какъ и по мнѣнію всего міра, римской церкви. Ты сообщаешь намъ, что желаешь завоевать этотъ островъ, подчинить его народъ законамъ, истребить пороки и заставить платить десятину св. Петру. Мы одобряемъ твои намѣренія: расширь границы святой церкви и сдѣлай свое имя славнымъ во вѣки вѣковъ». Вмѣстѣ съ этой буллой англійскому королю, въ знакъ инвеституры, былъ посланъ золотой перстень, украшенный символическимъ изумрудомъ [1]). «Изумруд-

1) Nap. Peyrat. «Les Réformateurs au douzième Siècle», p. 445.

ный» островъ былъ на самомъ дѣлѣ отчасти завоеванъ. Генрихъ II построилъ свой дворецъ въ городѣ Дублинѣ, какъ бы для того, чтобы закрѣпить навсегда тамъ свое могущество, и ирландцы были лишены своей независимости, своей собственной цивилизаціи; низвергнутые въ бездну нищеты и варваризма, они вступили въ самый ужасный періодъ своей исторіи, періодъ рабства и моральнаго паденія, который продолжается и до сихъ поръ; по замѣчательной ироніи судьбы исторія тѣсно привязала ихъ къ той самой римской церкви, которою они были проданы Англіи!

Тогда какъ частичные крестовые походы совершались на западѣ, серія настоящихъ крестовыхъ походовъ, направленныхъ противъ ислама, продолжалась на востокѣ. Третій крестовый походъ, отправившійся отвоевывать Іерусалимъ, далъ рядъ наиболѣе романическихъ и красивыхъ съ внѣшней стороны сценъ войны, такъ какъ тогда принимали участіе, съ одной стороны, герой Барбаросса, исчезнувшій таинственнымъ образомъ и ставшій источникомъ легендъ, съ другой—кипучій Ричардъ Львиное Сердце и благоразумный политикъ Филиппъ-Августъ, съ другой же стороны—Саладинъ, образецъ для всѣхъ рыцарей, арабскихъ и христіанскихъ. Однако, результаты далеко не соотвѣтствовали величію всей обстановки. Іерусалимъ не былъ обратно завоеванъ христіанами, и единственное, чего имъ удалось добиться отъ ихъ благороднаго противника, было милостивое разрѣшеніе совершать паломничества къ святому гробу Господню безъ какихъ-либо препятствій и притѣсненій со стороны магометанъ. Затѣмъ, надо отмѣтить образованіе третьяго религіозно-рыцарскаго ордена—ордена Тевтонскихъ рыцарей, мечъ которыхъ нѣсколько позднѣе совершилъ столько жестокихъ дѣяній среди языческихъ племенъ на границѣ Германіи, среди пруссаковъ и литовцевъ.

Четвертый крестовый походъ оставилъ даже совсѣмъ въ сторонѣ Іерусалимъ. Его объектомъ были долина Нила и овладѣніе ея богатыми хлѣбомъ землями и торговлей съ Индіей; однако, въ пути венеціанцы, перевозившіе крестоносцевъ на своихъ корабляхъ, направили своихъ жадныхъ къ наживѣ союзниковъ къ иной цѣли, именно къ Константинополю. До того времени западныя полчища, несмотря на нерѣдкія столкновенія со своими временными хозяевами, византійцами, не рѣшались нарушить клятву вѣрности и подданство имперіи, въ которой имъ приходилось останавливаться. Отправляясь съ цѣлью воевать съ мусульманами и освободить гробъ Господень, крестоносцы не могли задерживаться въ пути для того, чтобы истреблять другихъ христіанъ. На этотъ разъ, однако, искушеніе было слишкомъ сильно, и они не могли

ему противостоять. Взявъ городъ хитростью, они половину его сожгли, другую же половину разрушили и разграбили (1204). Венеціанцы,

№ 316. Латинская имперія и Восточная имперія.

Латинская Имперія простиралась по обоимъ берегамъ Босфора, тогда какъ Восточная имперія имѣла своею столицею Никею (Изникъ). Негрепонтъ (Евбея) и Циклады находились во власти венеціанскихъ родовъ точно такъ же, какъ Родосто. Галлиполи и Лапсаки.

какъ знатоки хорошихъ вещей, увозили при этомъ колесницы и тріумфальныя арки, чтобы украсить ими собственный городъ; западные же

варвары, пришедшіе изъ Франціи и Бельгіи, сплавляли бронзовыя вещи и золотыя и серебряныя украшенія, чтобы дѣлать изъ нихъ деньги и оружіе.

Не проистекаетъ ли злоба, которую до сихъ поръ таитъ Западъ противъ Византіи, въ значительной степени изъ-за того, что при соприкосновеніи своемъ съ константинопольскими греками крестоносцы, предки цивилизованныхъ народовъ Франціи и Германіи, имѣли вполнѣ ясное сознаніе своего несравненно болѣе низкаго развитія? Они должны были внутренно сознавать, что, по сравненію съ греками, являлись варварами не только съ точки зрѣнія искусствъ и ремеслъ, но также и въ смыслѣ умѣнья жить и въ смыслѣ нравственности: они чувствовали себя необразованными, грубыми, жадными и жестокими. Анна Комнена жалуется на страшную алчность латинянъ и на ихъ невыносимую болтливость. Съ той и съ другой стороны проявлялась неприкрытая ненависть. Точно также папы Запада обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, которыя лелѣяли въ теченіе всѣхъ крестовыхъ походовъ, въ ожиданіяхъ—водворить единство вѣры. Тщетно старались они возстановить единую всемірную церковь своей собственной властью: они раздѣляли ту общую всѣмъ людямъ иллюзію, что достаточно получить согласіе властителей, чтобы вызвать глубокія измѣненія и въ самихъ народныхъ массахъ. Когда крестоносцы, овладѣвъ Византіей, предавались всѣмъ излишествамъ роскоши, грубыхъ наслажденій и насилій, вражда между латинскими варварами и цивилизованными греками приняла такіе размѣры, что самая мысль о единствѣ религіи должна была исчезнуть. Разъединеніе установилось настолько непоправимое, что христіане Востока никогда не могли болѣе простить христіанамъ Запада испытанное униженіе.

Дѣйствительно, временное установленіе Латинской имперіи на Востокѣ имѣло своимъ единственнымъ результатомъ обѣднѣніе Византіи и облегченіе ея будущаго завоеванія турками. Обитатели Запада, сломивъ главный источникъ сопротивленія, подготовили окончательное уничтоженіе имперіи, произведенное, однако, врагами, организованными болѣе сплоченно, чѣмъ они сами,—они проложили путь, по которому долженъ былъ слѣдовать два съ половиной вѣка спустя султанъ Магометъ. Впрочемъ, Бальдуинъ Фландрскій и тѣ, кто избралъ его императоромъ, никакъ не могли приспособиться къ восточнымъ нравамъ и политическимъ традиціямъ Византіи; принеся съ собою идеи феодальнаго міра Запада, они старались, какъ могли, примѣнить ихъ въ новой странѣ, остававшейся имъ неизвѣстной. Прежде всего они раздѣлили имперію на обширные лены и вассальныя области, какъ бы спеціально для того, чтобы установить въ ней несогласія и постоянныя войны: имъ приходилось, такимъ образомъ, бороться между собою, защищаясь въ то же время про-

тивъ болгаръ съ сѣвера, противъ турокъ съ востока и противъ независимыхъ греческихъ княжествъ, удержавшихся въ Эпирѣ и въ Анатоліи. Такимъ образомъ, Латинская имперія, уменьшаясь мало-по-малу, прекратила свое существованіе по прошествіи менѣе чѣмъ полувѣка (1204—1261) жалкаго прозябанія.

Области Восточной имперіи, на которыхъ наилучшимъ образомъ сказалось западное вліяніе, были Пелопоннесъ и острова, разсѣянные вокругъ континентальной Греціи. Объясняется это очень просто: до Мореи и до Спорадъ было гораздо легче добраться изъ Франціи и изъ Венеціи, чѣмъ до настоящихъ областей Востока; кромѣ того, Морея, раздѣленная самой природой на отдѣльныя долины рѣкъ, разъединенныя, подобно сотамъ улья, болѣе чѣмъ какая-либо другая страна, была способна къ введенію феодальнаго режима; каждый же изъ острововъ Цикладъ, обладающій гаванью, садомъ, оливковыми рощами и торговыми складами, превращался легко въ торговую контору, гдѣ удобно могла устроиться какая-нибудь крупная семья благородныхъ венеціанцевъ. Лишь въ 1540 г., около трехъ съ половиной вѣковъ послѣ того внезапнаго происшествія, которое дало начало возникновенію Латинской имперіи, Венеція была принуждена очистить свои послѣднія владѣнія въ эллинскихъ водахъ. Въ Мореѣ до сихъ поръ находятся многочисленныя военныя сооруженія, свидѣтельствующія о прочномъ занятіи страны западными феодалами.

Два послѣдніе крестовые похода, предпринятые французскимъ королемъ Людовикомъ IX, который былъ объявленъ католической церковью «святымъ», приняли снова характеръ религіозныхъ предпріятій, утраченный предыдущими походами, имѣвшими цѣлью завоеванія и грабежъ. Крестоносцы снова сдѣлались «воинами Божьими», но воинами, которые не имѣли въ себѣ болѣе вѣры. Въ обоихъ своихъ походахъ Людовикъ Святой не былъ счастливъ. Напавъ на Египетъ, въ которомъ онъ совершенно справедливо видѣлъ ключъ ко гробу Господню, онъ лишь съ большимъ трудомъ могъ завладѣть городомъ Даміеттой (1249); затѣмъ, окруженный врагами, онъ пережилъ вмѣстѣ съ большею частью своей арміи униженія плѣна и принужденъ былъ заплатить за себя выкупъ за счетъ обложенія своего народа новыми налогами. Во время второго похода онъ не рѣшался уже болѣе и думать о «святомъ городѣ», считая его окончательно потеряннымъ, но ограничился тѣмъ, что пересѣкъ наискосокъ Средиземное море и высадился около Туниса, гдѣ отъ чумы погибла бóльшая часть его войска (1270). Мусульманская легенда окружила его такимъ же ореоломъ, какъ и легенда христіанская, такъ какъ сообщаетъ, что въ часъ своей кончины онъ обратился въ мусульманство. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ полной

безпомощности креста противъ Корана, и его королевство, Францiя, которая была первой, начавшей крестовые походы, была и послѣдней, окончившей ихъ и вышедшей изъ нихъ чрезвычайно ослабленной. Акка или Сенъ-Жанъ-д'Акръ, единственная крѣпость, которую христiане сохранили въ Святой землѣ, пала въ 1291 г., и защитники ея разсѣялись по Европѣ и по островамъ Средиземнаго моря. Отъ крестовыхъ походовъ сохранились въ Азiи лишь стѣны крѣпостей, смутныя преданiя и въ горахъ Ливана нѣкоторая симпатiя христiанскихъ племенъ къ католической Францiи. Что касается населенiя, происшедшаго путемъ скрещиванiя европейцевъ съ туземцами и разсѣяннаго въ Iерусалимѣ, Антiохiи, Эдессѣ и въ другихъ городахъ, то оно быстро исчезло: на протяженiи нѣсколькихъ поколѣнiй эти метисы слились съ туземцами, подобно каплямъ дождя, теряющимся среди волнъ морскихъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ и историческихъ названій и именъ цитированныхъ въ текстѣ авторовъ.

Названія племенъ и народностей отмѣчены **жирнымъ** шрифтомъ; цифры обозначаютъ страницы; *курсивомъ* набраны страницы, на которыхъ данное названіе находится на картѣ, помѣщенной въ текстѣ.

А

Абассиды —419, 420, 438, 462, 493.
Абдеррахманъ —420, 452.
Абдъ-Аль-Латифъ 420.
Абеляръ 538, 589, 592.
Абиссинія 414.
Абу—*159*, 204, 205.
Абу-Бекръ—419.
Абульфеда—420.
Абулъ-Гассанъ - 465.
Абу-Эзра—420.
Абу-эль-Фарядъ—420.
Авары - *279*, *286*, *287*, *327*, *329*, *343*, *371*, *373*, 417, 418, 472, 528, 530, 531, 536, 565.
Авацъ—*461*.
Авганцы—436.
Августинъ, св. 238, 281, 292, 293, 380.
Августулъ—340.
Августь 74, 85, 279, 340, 463.
Аверроэсъ 420.
Авеста 120, 130, 144.
Авицена - 420.
Авраамъ 400.
Авреліанъ 237, 238.
Австразія *355*, 356, 367, 470, 476, 496.
Астралійцы—117, 229.
Австралія - *95*, 229.
Австрія, Верхняя—524.
Агли - *351*.
Агня—148, 162, 169.
Агра—*159*.
Адалія—*597*.
Адама пикъ — 108, *111*, 178, 179.
Адана—*277*.
Адельсбергъ—*543*.
Аденскій зал. *141*.
Адига, р.—287, *291*.
Аднамерченъ—*500*.
Адрампатамъ—*161*.
Адріанополь — 286, 288, 296, *597*.
Адріанъ—283, 595.
Адріанъ IV—537, 594.
Адріатическое море—288, *291*, 304, 310, 330, *507*, 517.
Адрія—*291*.
Адуатика—*477*.
Адулійскій зал. 414.
Адуръ 502.
Азербейджанъ 416.
Азія 6, 8, 9, 10, 13, 18, 22, 30, 38, 62, 69, 85, 86, 100, 104, 120, 130, 152, 158, 160, 182, 207, 226, 229, 239, 250, 255, *279*, 298, 300, 302, 304, 305, 324, 325, 330, 387, 392, 405, 412, 415, 421, 439, 493, 521, 522, 528, 532, 534, 541, 576, 585, 600.
Азовское море - 300, 522.
Азуръ 144.
Азы—300.
Айгунъ - *41*.
Айны —92, 93, 94.
Айода—180.
Айодхія - 194, *195*.
Аииса - *451*.
Аиравати—199.
Акбайтальскій перевалъ 20.
Аквилея — 330, 512, *543*, *547*.
Аквинеумъ—*333*.
Аквитанія—334, 354, 452, 476.
Аквитанцы 474.
Акезинъ 128.
Акка *579*, 600.
Аксарай, р.—*125*.
Аксу *17*.
Акціумъ —251.
Ала-Куль *21*.
Алайская ложбина - 18.
Алайскій хребетъ 16, *17*, 20.
Аламутъ - 586, *587*.
Аларихъ — 237, 286, 287, 293, 296, 325, 339, 342, 519.
Аларихъ II—296.
Алахавадъ - *159*.
Алгазедъ—420.
Александрія 190, 191, 192, 238, 241, 246, 254, 265, 274, 278, 296, 382, 384, *415*, 416, 419, 429, 460, 542.
Александрія Дальняя — *187*.
Александрія Кавказская - *187*.
Александръ II, папа 537, 548.
Александръ III, папа 537.
Александръ Македонскій - 86, 102, 122, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 197, 249, 274.
Александръ Северъ 238, 250.
Алексій I Комненъ - 389, 538, *547*, 570, 575.
Алены — *279*, *286*, *287*, 293, 295, 312, 327, 328, 230, 332, 348, 367.
Алеутскіе ост.— 94, *95*.
Алжиръ 443, *445*, 583.
Али - 419, 434, 436, 586.
Аликантъ - *449*.
Аликасунари 190.
Аллагабадъ 194, *195*.
Аллеманы *279*, *286*, *287*, *327*, *329*, 335, 336, 338, *341*, 318.
Аллеманъ—348.
Аллеръ, р. *471*.
Алломаны — 335.
Альфаридъ - 514.
Алоръ *219*.

Алтай *9*, *21*, 22, 23, *25*, 28, 65, 299, 300, *301*, 302, 326, 330.
Алтайскій хребетъ—528.
Алтынъ-Дагъ—*45*.
Альбанія - *251*.
Альбано -238.
Альбанцы *523*.
Альбаррацинъ—*451*.
Альби—351, 591.
Альбигойцы—254.
Альгамбра 447.
Альдабра *231*.
Альказаръ 463.
Альмагеста 460.
Аль-Мамунъ - 419, 460, 462.
Альмчнайя, Альманнагья - *509*, 511, 513, *514*, 515.
Альмерія - *449*, *451*.
Альпы—34, 88, 131, 132, 304, 305, *307*, 308, 311, 318, 328, 330, 333, 340, 367, 415, 454, 467, 476, 524, 550, 590, 592.
Альпы Ретическіе -320.
Альпы Швабскіе 322.
Альпы Юлійскіе 543.
Альтмигъ—511, *514*.
Альтмюль - *307*, 321.
Альфельдъ 327, *333*, 334, 528.
Альфредъ 468.
Амфуру 96.
Аляска 95.
Амазонки -328.
Амаларихъ 296.
Амальфи 547.
Амбала - *131*.
Амбоина 219.
Амбра, мысъ *231*.
Амвросій, св. 361.
Америка 226, 516.
Амида - *231*, 397, 398.
Амирантскіе острова 198, *231*.
Амолъ - 420.
Аморгадъ 422.
Амрицаръ 159.
Амру 419, 460.
Аму-Дарья 157, 413, 415, 425, *462*.
Амуръ, горы 444, 445.
Амуръ, р. 40, 42.
Амьенъ 368.
Амэнофисъ 218.
Аназъ 242.
Анарадхапура—108, *111*, 113.
Анастасій—289, 314, 389, 393, 394.
Аната—442.
Анатолія—399, *415*, 416, 432, 535, 599.
Ангконъ - 209.
Ангкоръ *211*.
Англичане 192, 484, 567.
Англія 54, 192, 339, 358, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 366, 372, 468, *471*, 482, 499, 504, 505, 513, 516, 517, 534, 548, 566, 596.
Англо-саксы - 50, 338, *373*.
Англы - *279*, *286*, *287*, *327*, *329*, 338, *343*, 358, 360, 365, *371*, 479, 487, 499.
Англьсей *365*.
Ангулемъ - 571.
Андалузія 327, 332, 447, 450, 457.
Андаманскіе острова - *198*, *209*, 226.
Андере *45*.
Андорра 475.
Андріана - 230.
Андромаха—191.
Анды—160.
Анжуанъ—*231*.
Анкона—545, *547*.
Анна Комнена 538, 598.
Аннамиты 214.
Аннамъ — 86, 162, 208, 209, 212, 214.
Анневье, д', долина *347*, 349.
Антакія 277.
Антали—*121*.
Антананариво—*231*.
Антарикъ—367.
Антибъ—*455*.
Антилибанъ—276.
Антинол — 86, 245, 347, 249, 273, 285, 375.
Антіохія — 192, 237, 246, *251*, 265, 390, 542, 575, 576, 577, 579, 583, 600.
Антіохъ—191.
Антонины — 86, 134, 271, 295, 334.
Антонинъ 288, 283, 349.
Антоній - 251, 278, 378, 383.
Антунъ - 86.
Анузій 285.
Анурограммуръ—*113*.
Апеннины 38, 593.
Аполлинарій, св.—403.
Аполлонъ—267, 280.
Апулія—538, *547*.
Арабы—101, 106, 222, 230, 392, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 436, 438, 439, 440, 441, 442, 446, 447, 452, 453, 454, 456, 457, 458, 460, *461*, 464, 465, 466, 528, 584, 573.
Аравали—*159*, 204.
Аравійскій зал.—276, 464.
Аравійское море — 104, *105*, 112, *115*, 141, *146*, 156, *413*.
Аравія — *49*, *141*, 194, *199*, 230, 400, 414, 416, 419, 422, 429, 431, *435*, 455, 457, 535.
Араксъ—*251*, *397*.
Аральское море— 7, *49*, *301*, 413.
Араратъ 396, *397*.
Арахозія—120, 122, *141*, 182.
Аргонскій лѣсъ - *307*.
Аргунь - *41*.
Ардамиръ—397.
Арденскій лѣсъ—*307*, 337.
Ардены — 298, 299, 336, 357, 574.
Ардеширъ—237, 250.
Ардешъ - 370.
Арджуна—142.
Арекомики—352.
Аржанъ—*455*.
Ари—*109*, 198.
Арии-Ару—*111*.
Ариманъ—253.
Аристобулъ - 248.
Аристотель - 186, 379, 410, 411.
Арій—238, 282, 283.
Арійцы—8, 16, 28, 30, 102, 113, 116, 117, 118, *121*, 129, 130, 131, 135, 136, 139, 144, 145, 148, 149, 150, 154, 155, 160, 161, 162, 165, 168, 172, 178, 179, 192, 196, 242, 400.
Арійцы-эллины—113.
Аріостъ 478.
Аркадій—295.
Арль—296, 342, 355, 368, 452, *453*, *471*.
Арльское королевство — 537.
Армавиръ—*251*, *397*.
Арматъ—*483*.
Армансонъ 555.
Арменія—*371*, 396, *397*. 398, 400, *415*, 535.
Арменія, Великая—*251*.
Арменія, Малая *251*.
Арминій—318, 478.

Арморика—296, 338.
Армяне - 400.
Арнольдъ - 538, 592, 594.
Арнульфъ Каринтскій — 501, 529.
Ароматовъ мысъ—194.
Арпадъ 530.
Арранъ—*500*.
Аррасъ—357.
Арриго - 538, 592.
Арріенъ -188.
Арсакиды—237, 396.
Арсакъ—237.
Артабанъ IV—237.
Артаксата—*251*, *397*.
Артаксерксъ—250, 416.
Артемида—266.
Артуа—357.
Артуръ 479, 480, 558.
Архипелагъ—399.
Асвины—152.
Асезинъ—186, *189*.
Асиравати—173.
Асока-Пандази - 102, 176, 177, 194.
Ассамъ—208.
Ассирійцы - 181.
Ассирія—*251*.
Асти—592.
Астурія 447, *449*, 580.
Атаіарихъ - 296.
Атарва—102.
Атарва-Веда—150.
Атаульфъ - 296, 334.
Атилла — 295, 313, 330, 333, 334, 338, 389, 519, 530.
Атлантическій океанъ — 15, 54, 279, 422, 431, 440, 460, *495*, *500*, *501*, 519.
Атлантическое побережье 100.
Атласъ - 442, 443, *445*.
Атропатены — 146, *251*, *415*.
Аттокъ *125*, *129*, *153*, *189*.
Ауресъ *445*.
Афганистанъ — 104, 126, *127*, 178, 182, 326, *435*.
Африка — 108, 199, 222, 223, 230, 273, *279*, 293, 295, 327, 328, 332, 346, *371*, 414, 429, 439, 442, 446, 505, 570, 580.
Афродита -266.
Ахемениды 250, 433.
Ахиллъ—191, 274.
Ахнетъ -*445*.
Ахура—144.
Ахуръ-а-Мазда—144.
Ацтеки—422.
Аэта 226.
Аэцій—295, 337, 340.
Аѳанасій, св.—384.
Аѳина Паллада—266.
Аѳины—293, 410, *415*.
Аѳонъ, гора *597*.

Б

Бабъ - эль - Мандебскій прол.—141, 196.
Баварія 311, 467.
Баварскій лѣсъ—307, 311.
Багаваси—214.
Багдадъ — 50, 411, 420, 438, 458, *461*, 462, 53..
Баг-истанъ 50, 54.
Багратиды - 400.
Баграшъ-Куль - *21*, 22.
Бадахосъ—*451*.
Байё—519.
Байкалъ—301.
Байтарани—114.
Баки—49, 50, 51, 60, 94.
Бактріана — 6, *9*, 16, *49*, 50, 182, 192, 193, 196, 325, 326, 534.
Бактро-Индійская имперія—193.
Бактры—*49*, 50, 182, *187*.
Банъ-сингъ - 50.
Балдуинъ Фландрскій — 538, 576, 598.
Балдуинъ II—538.
Балеарскіе ост. - 332, 412, 464, 504, 573.
Бали—216, *218*, *219*.
Балканскій полуостровъ — 88, 295, 327, *371*, 524.
Балканы 288, 308, 310, 395.
Балтійское море — 286, 300, *301*, 302, 303, 304, 314, 328, 332, 488, 493, *495*, 496, *507*, 527.
Балтійское побережье - 487.
Баміанскій проходъ—120, 122, 158, 204.
Баміанъ—7, 120, 122, *125*, *187*.
Бангка—*218*.
Бангкокъ - *63*, *209*.
Банда, море *219*.
Бандермассингъ—*219*.
Баніаръ—151.
Банту—230.
Баранаси—*175*.
Бардванъ—196.
Бари—*547*.
Баркулъ хреб.—22, 23, *25*, 194, *195*.
Барманія—208.
Барселона — 296, *449*, *451*, 467.
Бартоломью, Дж.-Г.—198.
Баръ-сюръ-Сенъ—*559*.
Баски 329, *451*, 470.
Басра—420, *435*.
Басъ—364, *365*.
Батавія *218*, 221.
Баттамбангъ—*211*.
Баунъ-аръ Надиръ 431.
Бахтіары *49*, 50.
Вахусъ—145.
Бацебинахъ 277.
Башкиры—527.
Бевэ *309*.
Безье *351*.
Бейрутъ—*277*.
Белладжіо 561.
Белренъ *559*.
Белуджистанцы - 436.
Белуджистанъ 117, *127*, *435*.
Бельгардъ—152, 456.
Бельгія 335, 336, 338, 357, 361, 368, 598.
Бельтъ, Большой—*489*.
Бельтъ, Малый *489*.
Бельфастъ—*365*.
Бенаресъ—*146*, *159*, 167, 172, *175*, 194, *195*, 201, 204, 212.
Бенаръ, А. - 446.
Бенгалія *146*, 160, 162, 166, 197, 208.
Бенгалоре *115*.
Бенгальскій зал.—*63*, 104, 112, *115*, *146*, 156, 158, *209*.
Бендерели *597*.
Беневентское герцогство - *471*.
Беневентъ—*471*, *547*.
Бенедиктъ, св.—384, 385, 410, 554.
Бени-израэль—440.
Бенуэ *461*.
Бенъ-Невисъ *500*.
Беранже Турскій—589.
Бераръ - *146*.
Берберійцы 347, 444.
Бергенъ—*491*, *495*.
Бергхаусъ - *435*.
Беренгаръ Турскій 538.
Бернардо 588.
Бернардъ, св.—538, 584, 587, 588, 589.
Боссъ - 182.
Бетика 371.
Бетъ-офъ-Льюйсъ—*501*.

Бехаръ—*146*, *175* 176.
Библія 112, 120, 252.
Биллитонъ *218*.
Бпреджинъ—*277*.
Бирма—208.
Бирманія 62, *159*, 208, *209*.
Бирубудруръ *218*.
Бискайскій зал. 447.
Бискра—441.
Біарміи—496, 517, 527.
Біармія—302, 527.
Біасъ—123, 128, 186, 189.
Блуа—*559*.
Блэдъ—330.
Боабдиль 465.
Бовези *559*.
Богемія—310, 341, 525.
Богемскій лѣсъ *307*.
Бодо—43.
Бодуинъ—198.
Бозъ-Бурунъ—393.
Бойи—304, 525.
Болгарія—310, 574.
Болгары—*286*, *287*, *327*, *329*, *341*, *343*, 417, 523, 525, 526, *575*.
Болонья—*291*, 551.
Бомбей — 147, 194, *195*, 434.
Бонапартъ—570.
Бонвало, М.—45.
Бонифацій—295, 372.
Бонъ—*555*.
Бонъ, мысъ 444, *445*.
Бордо 350, *355*, 380, 453, *471*, 503.
Борегаръ, Оливье 116.
Борисоенъ—522.
Борнео *95*, 108, 218, *219*, 220.
Боруссы 575.
Бостонъ—517.
Босфоръ — 392, 393, 399, 432, *597*.
Ботническій зал. — *495*, 526, 528.
Боходъ *219*.
Боэцій—296, 342.
Бразилія—526.
Брама — 133, 145, 152, 153, 154, 166, 172, 208.
Браманабадъ—*105*, 130.
Браманцы—114, 119, *120*, 139, 141, 150.
Браманы—162, 166, 167, 173.
Брамапутра, р. *9*, 42, *45*, 62, *63*, 128, 146, *195*, *199*.
Брамбананъ 224.
Брахи—117.
Бреда *477*.
Бремъ, Адамъ—518.
Брессъ—*555*.
Бретань—350, 368, 370, 371, 470, *471*, 480.
Бретель—*559*.
Бретонцы—479. 499.
Брешія—538. 592.
Бриньоль—*455*.
Бристоль—364, *365*.
Британія — *279*, 332, 333, 499.
Британскіе острова—367, 508, 518.
Британцы 338, 387.
Бритты—358, 367.
Бріансонъ—*591*.
Броутсона заливъ—*87*.
Бру—*559*.
Бругсъ 336.
Бруннгоферъ—131.
Брюссель—336.
Буа д'Ажу *555*.
Буда—323.
Будапештъ 333.
Будда—102, 108, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 178, 179, 200, 204, 206, 254.
Булонскія возвышенности 336.
Булонь—336.
Бурбонь *231*.
Бургиньонск е аббатство 555.
Бургонь 352, 452, 502.
Бургосъ *451*.
Бургунды—*279*, *286*, *287*, 293, 312, *327*, *329*, 330, 334, 335, 338, *341*, 342, *343*, 348, 354, 371.
Бургъ—*555*.
Буржъ—*355*.
Буру—96, *219*.
Буру-Будоръ—223, 225.
Буру-Будхуръ—223.
Буряты 32, 35.
Бустара—114.
Бутанъ 191.
Бухара—9, 420, 435, 437.
Бхиль—*121*.
Бѣлградъ—*333*, 396.
Бѣлое море—496.
Бѣлоруссы—*523*.
Бѣлый Нефритъ, р.—14.
Бэда—373.

В

Ваалъ—414.
Вавилонія—241, *251*, 419.
Вавилонъ — 52, 200, 249, 250, *251*, 278, 294.
Вагнеръ—317.
Вадъ-эль-Кебиръ—*449*.
Ваисіи 166, 173.
Вакхъ 182, 266, 438.
Валансъ 504.
Валахія 310, 334.
Валгалла 317.
Валентиніанъ—258, 284.
Валентиніанъ III—295.
Валенцій 238, 281, *286*.
Валенція — 446, 449, 450, *451*, 573.
Валеріанъ 238, 251, 416.
Валлія—296.
Вальденскія долины *591*.
Вальраммъ—313.
Вангъ-манъ 4. 74.
Вандалы — *279*, *286*, *287*, 293, 295, 312. *327*, *329*, 332, 338, 339, 340, *341*, *342*, 346, 349, 389, 410, 446.
Вандаммъ—349.
Вандевиль—349.
Ванделикуръ 349.
Вандея—370.
Вандиньи—349.
Ванъ оз. *251*.
Ванъ-Ланъ—162.
Вара 318.
Варазтадъ—396.
Варанази—212.
Варанги—506.
Вардемана—194. 196.
Варингеры—505.
Варлаамъ—254.
Варта—332.
Варфъ 516.
Варяги—505, 506, 507.
Василій II Армянскій — 526.
Васко-де-Гама—188.
Ватерфордъ—*483*.
Ватиканъ—354, 433, 452.
Ватна Іокуллъ—*509*.
Вачъ 133.
Веберъ—162, 180, 191.
Веды 116, *120*.
Веды—102, 112, 118, 119, 120, 127, 128, 131, 136, 139, 141, 148, 150, 152, 180, 252.
Везеръ — *307*, 467, 470, *471*, 524.
Вей—*61*, 64.
Вей-ха-вей 87.
Вейхо—26, *27*, 56.
Вексфордъ—483.
Велизарій—295, 389, 412.
Великая Стѣна—4, 24, 26, 27, 29, 30, 37.
Великій океанъ—525.
Великобританія 329, 341, 361, 364, 479, 549.
Великороссія—94.

Великороссы *523.*
Венгрія — 304, 330, 467, 531, 548, 574.
Венгры 29, 530, 532, 565, *575.*
Венды—524.
Венеды — *279*, *286*, *287*, 312, *327*, *329.*
Венера - 372.
Венеты -312, 524.
Венеція — 472, 524, *547*, 599.
Венди — *279*, *286*, *287*, 312, *327*, *329.*
Венива, Св.—372.
Венлоо—*477.*
Верденъ -*471.*
Верешке - 528, *529.*
Верона - *547.*
Веспасіанъ—241, 283, 325.
Вессекское королевство — 366.
Вессексъ—*365*, 468.
Вествальдъ—*307.*
Вестманнъ Эйаръ — 508, 509.
Вестморлэндъ—549.
Ветаръ *219.*
Виглесдоръ—488.
Византійская имперія — 535.
Византія — 176, 278, 288, 290, 334, 391, 394, 396, 399, 400, 401, 402, 404, 406, 417, 418, 421, 431, 432, 438, 458, 466, 506, 536, 538, 598.
Визиготы *279*, *286*, *287*, 293, 296, *327*, *329*, 332, 334, 335, 338, 340, *341*, 342, *342*, 347, 348, 354, 367, *371*, *373*, 449, 452.
Викинги — 487, 496, 504, 505, 508.
Викрамадитія—197.
Викторъ III—537.
Вилена - 502.
Виллаугби 496.
Виллахъ *543.*
Вильгельмъ Завоеватель—505, 538, 518, 549, 550, 566.
Вильгельмъ IV—463.
Вильгельмъ Рыжій—538.
Вильгельмъ Телль—503.
Виндишъ—*355.*
Виндія—*159.*
Виндобона—333.
Винландъ - 516, *517*, 518.
Виргилій - 463.
Вирджайнагаръ *195.*
Висла—303, 334, *507.*
Вистаспа 179.
Виталій св.—401.
Витегесъ - 296.
Витербо - *547.*
Вишну — 145, 153, 154, 155, 160, 176, 191.
Вихара - 175.
Виѳлеемъ 238, 240, 242, 294.
Віеннъ - 368.
Віенская діоцеза - *279.*
Вогезы *307*, 308, 476.
Вогулы—527.
Воданъ—478.
Возрожденія эпоха—540
Волга 286, 295, *301*, 306, 326, 327, *461*, 506, *507*, 525.
Вольтурнъ—*471.*
Вормсъ—*503.*
Востокъ 16, 48, 75, 253, 278, 295, 324, 370, 385, 416, 449, 462, 506, 556, *577*, 580, 584, 586, 589.
Восточная римская имперія — 340, 443, *373*, 392, 394, 396, 398, 412, 414, 416, 417, 421, 431, 438, 463, 466, *471*, 472, 473, 506, 526, 538, 545, 576, *577*, *597*, 599.
Восточное королевство — 357.
Вотанъ—370, 498.
Вотяки—527.
Врасъ, мысъ -*501.*
Врата парода - 594.
Врата нефрита - 56.
Врикодаръ—142.
Второй Римъ 394, 431.
Вуельо - 296, *355.*
Вульфетанъ 496.
Ву-ти—4, 86.
Ву-чанъ - *58*, 59, *67.*
Вьенна - 350, 453, *471.*
Вьерзонъ—*559.*
Вѣна - 304, 308, 333, 473, *575.*
Вѣрный *17.*

Г

Габесъ—444, *445.*
Гавай—*95.*
Гаве, Эрнестъ 246.
Гавріилъ, арханг. 431.
Гаггаръ 1.8, *129*, *131*, *159.*
Гадамесъ - 419, *445.*
Гаддинъ, К.—229.
Гадрамаутъ - *141.*
Гадезскій прол.—420.
Газнавиды - 535.
Гайдерабадъ - 113, *187*, 194, 195.
Гайя *146*, 172, *175.*
Гайяздавъ 396, *397*, 400.
Гаконъ 494.
Галега *231.*
Галиція 237, 332, *451.*
Галла-Плацидія 345.
Галлиполи *597.*
Галліенъ—238.
Галлія 200, 253, 265, *279*, 287, 288, 293, 295, 298, 299, 304, 305, 306, 320, 329, 330, 332, 335, 337, 340, 341, 347, 348, 350, 352, 353, 354, 358, 364, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 374, 377, 378, *451*, 452, 458, 470, 474, 476, 478, 480, 487, 570.
Галлъ—Элій, 429.
Галлы 298, 299, 330, 335, 339, 387, 479, 485, 504, 574.
Галь 226.
Гальвей—480.
Гальде-дю—74, 79.
Гальдгеппингенъ - 491.
Галльштадтская эпоха—309.
Гамаданъ *429*, *435.*
Гамахъ 277.
Гамбургъ—*489.*
Гангъ, р. *9*, 62, 102, 104, *105*, 112, 113, 119, 126, 128, 129, 132, 131, 149, 156, 158, *159*, 160, 162, 171, 172, 173, *175*, 178, 188, 190 192, *195*, 196, 199, 208, 210, 212, *415*, 535.
Гангъ-Диэри—42, 132, *159.*
Гандавры—140, 141.
Гандаки—162, *175.*
Гандъ 357.
Ганза—489.
Ганнибалъ—298, 397, 452.
Гань-Су 325.
Гаральдъ 508.
Гардафуй, м. *141.*
Гардъ Френэ 453.
Гарильяно—*381.*
Гарольдъ Жестокій—497.
Гаронна 350, 354, 452, *453*, *471*, 474, 502.
Гарунъ-Аль-Рашидъ — 419, 438, 462, 463, 465, 481.
Гарцъ—*307.*
Гасконь - *471.*
Гасли—503.
Гассанъ—435.
Гассанъ-Ибнъ-Сабба—538.

Гастинапура — 157, *159*, 194, *195*.
Гастингсъ—168, *503*.
Гауризанкаръ—15.
Гаутама—102, 174, 175.
Ганъ-су—29, 38, 49, 50, 70.
Гафизъ—420.
Гафіонъ - 488.
Гаэлы—367.
Гаэта - *381*, *547*.
Гвадалквивиръ *449*.
Гвадіана—*449*.
Гваліоръ 194, *195*.
Гвардафуй, м.—194, *199*.
Гвіана—350.
Геарогъ - 128.
Гебридскіе острова—499, *500*, *501*.
Геджасъ—156, 430.
Геджра — 419, *423*, 430, 462, 464.
Гедизъ—*597*.
Гедрозія —*141*, 187.
Гезндръ—128, *189*.
Гекторъ - 191.
Гекуба—191.
Геліогобалъ —238, 250.
Гелльуландъ - 516, *517*.
Гельветы —304.
Гельвеція - 368, 503.
Гельмендъ *105*, 122, *125*, *127*, 182, *187*.
Гемона—*543*.
Гензанъ—*87*.
Гензерихъ 295, 339, 346, 519.
Генисаретское оз. —241.
Генрихъ I—468, 537, 538.
Генрихъ II 537, 538, 595, 596.
Генрихъ III—538.
Генрихъ IV—537, 538, 546, 552.
Генрихъ V - 537.
Генрихъ Геннегаускій 538.
Генрихъ Птицеловъ—468.
Генуя - *547*, 573, *575*, 576, 578.
Георгія—400, 522.
Георгія св. проливъ—499.
Гепиды—*279*, 286, 287, *327*, *329*, 330, 334, *341*, *343*, 371.
Гераклій — 389, 416, 418, 422.
Гератскій проходъ—535.
Гератъ—120, 182, *187*, 412, *413*, *429*, 435.
Геркулесъ- 182, 274, 280, 334, 439, 446.
Германія — 54, 305, 306, *307*, 308, 320, 330, 347, 357, 361, 363, 368, 467, 468, 476, 478, 479, 489, 504, 524, 530, 550, 552, 560, 596, 598.
Германцы—304, 308, 312, 313, 314, 317, 335, *341*, *343*, 349, *371*, *373*, 386, 477, 486, 516, *523*, 524, 556.
Германъ—389, 478.
Геро—*351*.
Геродотъ — 44, 181, 380, 410, 520, 521, 522.
Геростратъ—294.
Герсталь—*477*.
Герулы—286, 314, 317, 330, 331.
Герцъ 543.
Гесбея—*477*.
Геталандъ—*495*, *507*.
Гетеборгъ—*495*.
Гиббонъ—575.
Гибралтарскій прол. —448, 504.
Гибралтаръ—*445*, 446, 447.
Гидаспъ—128, 186, *189*.
Гидраотъ—186, *189*.
Гижонъ—449.
Гилля—295.
Гилледъ 238, 255.
Гиллестръ—*591*.
Гилль—*591*.
Гильдебрандъ — 357, 546, 554.
Гильфи—488.
Гималаи—*9*, 42, 45, *49*, 126, 128, *129*, 130, 132, 134, 152, 156, 159, 160, 168, 171, 180, *301*.
Гиміариты—429.
Гиндукушъ—*9*, 120, 122, 123, 124, *129*, 139, 156, 182, 192, 193.
Гинь-де—52.
Гипацій—296, 384, 410.
Гиппалъ—106, 194, 197.
Гиппонъ—238, 293, 295.
Гиринъ— *41*.
Гирканское море—136.
Гистаспъ—179.
Гифазисъ—128, 186, *189*.
Гіенгеймъ—*307*, 318.
Глазговъ—*365*.
Гломменъ—*491*.
Гоа—194, 195.
Гоби, пустыня—22, *27*, 31, *33*.
Гова—230, 231.
Гогенштауфены—538.
Гогра, р.—*159*.
Годавари, р.—*146*, 195.
Годуэнъ - Аустена, гора — 17.
Гола—*491*.
Голгоеа—371.
Голконда—194.
Голландія—476.
Голубая рѣка - 54, 60.
Гольфштромъ - 510.
Гомалъ—123, *125*, *127*.
Гоморъ—562.
Гомсъ—*277*.
Гондерихъ 295.
Гондрекуръ—*559*.
Гонды—*121*.
Гонорій—238, 279, 295, 334.
Горацій—463.
Гордіенъ—200.
Гормидъ III—389.
Горсфордъ—517.
Готландъ—*495*.
Госларъ—537.
Готрикъ—488.
Готтоны—328.
Готфридъ—576.
Готфридъ Бульонскій — 574, *575*.
Готы—*279*, *286*, *287*, 288, 296, *327*, 328, 332, 334, 338, 342, 389, 452, 528.
Готье—570.
Грааля чаша—371.
Градо—*543*.
Грампіанскія горы—*500*.
Гранъ-Пре—*559*.
Грандсонъ—*309*.
Граціанъ—284.
Грезиводанъ 454.
Греки—86, 102, 122, 144, 164, 188, 190, 191, 192, 230, 248, 249, 274, 290, 293, 304, 313, 342, 343, 344, 392, 395, 418, 419, 446, 454, 493, 520, *523*.
Гренада—411, 447, *449*, 450, *451*, *461*.
Гренландія—469, 516, *517*, 518.
Гренобль *453*, 454.
Греція — 6, 54, 84, 194, 200, 241, 246, 254, 286, 299, 305, 334, 392, 404, 406, 410, 493, 504, 524, 562, 599.
Григорій, еписк.—296, 330.
Григорій VII — 537, 538, 546, *547*, 548, 549, 552, 569.
Григорій, папа—296, 372, 378.
Григорій Турскій — 378, 380.

Гримуальдъ I—467.
Гримуальдъ II—467.
Грэ—*555*.
Грюнведель—13.
Гуго Капетъ — 468, 537, 566.
Гудбрандъ—*491*.
Гуджератъ—*141*, *146*, 191, 201, 433, 434.
Гудмунсонъ, Зигуртъ—515
Гудсонъ—*222*.
Гулль—359, *365*.
Гумберъ—363.
Гундульфъ—313.
Гуннбьорнъ—516.
Гунны — 23, 29, *286*, 287, 295, 296, 325, 326, *327*, 328, *329*, 330, 332, *341*, *343*, 349, *371*, 389, 412, 417, 520, 528, 530, 531.
Гунтеръ—116.
Гуссейнъ - 434, 435, 437.
Гэльвей—*483*.
Гюе—*269*.
Гюисмансъ—*477*.

Д

Давала-Гири *159*.
Давидъ -242, 400, 439.
Дакія—288.
Да-Курэ—31.
Далмація—518, 574.
Даль—*491*.
Дальній Востокъ - 414.
Дамасій—377.
Дамаскъ - 237, *251*, 276, 411, 419, 420, 422, 425, *429*, 452, 458, 460, *461*, 535, *577*, 578.
Дамганъ - *187*.
Дамьетта—*577*, *579*, 599.
Даневеркъ, стѣна — 488, *489*.
Данія - *471*, 487, *489*, 494, 517, 518.
Дапсангъ, гора - *17*, *129*.
Дарвинъ 225, 314.
Дарій—86, 179, 181, 182, 186, 250, 410, 416.
Дарьяльское ущелье - 300, *301*.
Даттамитра—191.
Датчане — 360, 366, 468, 487, 488, 497, 504, *523*.
Дахна *141*.
Дегинь 532.
Деіоцей—250.
Декканское плоскогоріе 104.
Декканъ *105*, 121, *146*, 147.
Дели *105*, *129*, 146, 158, *159*, 194, *195*, 212.
Дель-Гардъ - 351.
Демавендъ—132, *587*.
Деметра 266, 372.
Деметрій - 191.
Демосѳенъ - 410.
Денія *451*, 573.
Джаза 215.
Джайны 204, 205.
Джайпуръ—194, *195*.
Джалалпуръ—*189*.
Джамбу—132.
Джамна - 119, 128, *129*, *131*, *146*, 149, 158, *159*, 173, 191, *195*.
Джанпалы *120*.
Джаффна *111*, *161*.
Джебель - Тарикъ — 446, 447.
Джедда—*423*.
Джелама 107, 128, *129*, 151, *189*.
Джемхидъ - 436.
Джемсъ—211.
Джерси - 502.
Джохоръ *218*.
Джуди - Сапоръ (Джуди-Шапуръ)—*461*.
Джудріо *543*.
Джунгарія—*21*, *25*, 38, 51, 324, 326.
Джунгарскій Алатау *21*, 22.
Джунгары 23, 30, 192.
Ди—364, *365*.
Дижонъ—296, 447, 538, 555.
Диль - 477, 504.
Динанъ—561.
Дитрихъ Бернскій 342.
Діана Эфесская - 261, 372.
Діего-Суарецъ *231*.
Діодоръ Сицилійскій 181.
Діоклетіанъ—238, 272, 278, *279*, 283, 287.
Діонисій 438.
Діофантъ—460.
Днѣпръ—324, *461*, 507.
Днѣстръ 303, 417, 528, *529*.
Докканебп, мысъ *501*.
Доль *555*.
Донаръ—478.
Донъ—295, 305, 328, *461*.
Дора-Рипарія -*591*.
Дроа—444, *445*.
Драва—301, *333*, 338, *543*.
Дравидія—110.
Дравиды 113, 116, 118, *121*, 154, 155, 160, 172, 229.
Драгиньянъ—*455*.
Дрангіана—123, *141*, 182.
Драперъ—457.
Драупади—142.
Дрисмансъ 424.
Дрогонъ—533.
Дровна 350.
Друиды—485.
Дублинскій зал. 480, 482.
Дублинъ *483*, 596.
Дубъ - *555*.
Дунай 65, 272, 286, 287, 288, 296, 298, 303, 304, 305, *307*, 308, 310, 311, 318, 320, 321, 322, 328, 329, *333*, 334, 343, 389, 394, 396, 417, 418, 461, 471, *507*, 525, 526, 528, *575*.
Дураццо *547*.
Дуэро *449*.
Дхофаръ - *141*.
Дьеппъ - 505.
Дюбенъ—527.
Дюнкирхенъ - 336.
Дюранса 590, *591*.
Дюргэмъ—549, 567.
Дюфференъ 514.
Дянъ-джинъ -79.

Е

Евгеній III 537, 588.
Евдій 467.
Евзебій - 238, 246, 269.
Евклидъ—461.
Евразія 522.
Евреи - 117, 132, 144, 241, 242, 244, 262, 263, 264, 276, 380, 400, 420, 458.
Еврипидъ—410.
Европа - 6, 24, 38, 47, 65, 72, 81, 110, 194, 255, *286*, *287*, 298, 300, 302, 303, 304, 305, 306, 309, 310, 311, 313, 318, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, *341*, *343*, 344, 348, 350, 354, 367, *371*, *373*, 380, 386, 388, 410, 437, 470, 472, 478, 481, 486, 487, 492, 496, 499, 500, 504, 506, 510, 513, 518, 519, *523*, 524, 525, 526, 527, 528, 530, 532, 534, 540, 541, 542, 548, 552, 566, 569, 570, 574, 578, 580, 582, 584, 586, 588, 600.
Евфратъ—50, 51, 134, 135, 136, *141*, *251*, 272, 276, *277*, 278, 279, *301*, 391,

398, 400, *413*, 422, 431, 434, *435*, 437, *461*, 462, 576, *577*, 578.
Египетъ 85, 194, 241, 246, 276, 296, 383, 384, 403, 404. 412, 414, *415*, 419, 420, 422, 431, 432, 440, 441, 576, 579, 599.
Египтяне — 242, 248, 287, 429.
Ельслоо—*477*, 501.
Енисей *301*, 302, 325.
Ерл-пьенъ-кво 91.

Ж

Желтая рѣка—24, 26, 40, 42, 54, 55, 56, 60, 64, 66, 68, 86, *209*, 531.
Желѣзныя ворота -- 310, 311, 394.
Женева 369.
Желтое море - *67*, 70, *87*.
Жиронда 350, 453.
Жоло, архипел.- *219*.
Жоло, море- *219*.
Жуанвиль *559*.
Жуаньи—*559*.

З

Заалайскій хребетъ—16, *17*, 20.
Заале—524.
За-гангская-Индія *113*.
Загрошъ 251, 253, 396, 416, 417.
Закавказье *397*.
Замбези 230.
Западная римская имперія—310, 391, 472, 473, 542.
Западное королевство — 357.
Западъ 48, 75, 104, 106, 150, 253, 254, 295, 324, 370, 384, 385, 402. 414, 432, 462, 554, 556, 569, 570, 578, 580, 586, 588.
Зевсъ—248, 253.
Зеебомъ 359.
Зееландъ - 488, *489*, 493, *495*.
Зеленая Земля - 518.
Зеленый Нефритъ, р. 14.
Земземъ—427.
Земля св. Лаврентія 516.
Зендъ-Авеста -252.
Зенки 578.
Зенонъ—295, 340.
Зерванъ —253.
Зигидегунъ · 313.
Зигуртъ 498, 517.
Зигфузенъ, Земундъ 515.
Зиналъ, долина *347*.
Зингъ-Бумъ—114.
Зиновій 237.
Зиновія 277.
Зондскій архипелагъ 214, 222.
Зондскій пр. *218*.
Зороастръ 179, 433.
Зундъ—*495*.
Зыряне - 527.
Зюйдерзее · *307*.

И

Иберійскій полуост. 88, 328, 332, 347, 350, 446, 450.
Иберія 122, *251*, 334.
Иберійцы—352.
Ибнъ-Халдунъ—420, 428, 464.
Идрапраста—194.
Идріа - *543*.
Идрія—*543*.
Измаилъ —586.
И онцо 543.
И-іенъ 44.
Икаръ - 269.
Илей *365*.
Иль, р.—*17*, 20, *21*, 418.
Иллирійскіе отроги 333.
Иллирія—334.
Иль-де-Франсъ 337.
Иммаусскія горы — 104 *113*.
Императорская дорога — 20.
Ингольфъ 508.
Ингольфсхефди—*509*.
Индійская имперія—586.
Индійскій океанъ — *49*, 104, 108, 110, *111*, *141*, 186, 193, 194, 198, 199, *218*, 219, 222, 232, 239, 404, *415*, 464.
Индійскій полуост. 106, 126, 140, 180, 223.
Индійцы 104.
Индія 6, *9*, 16, 42, 43, *49*, 60, 62, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 112, *113*, 114, *115*, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 126, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 139, 144, 145, *146*, 147, 148, 149, 152 153, 154, 156, 158, 160, *161*, 162, 164, 165, 166, 168, 170, 171, *175*, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 190, 191, 192, 193, 194, *195*, 196, 197, 198, 199, 200, 204, 208, 209, 210, 212, 215, 218, 222, 223, 230, 255, 325, 326, 367, 380, 404, 412, 414, *415*, 416, 422, *435*, 535, 570, 596.
Индо-германцы—139.
Индо-европейцы - 8.
Индо-Китай - *63*, 75, *95*, 100, 162, 198, *199*, 207, 208, *209*, 210, 212, 214, 230.
Индостанъ—104, 105, 129, *146*, 156, *159*, 199.
Индра—126, 135, 140, 145, 152, 160, 212.
Индраспати 212.
Индусы—13, 116, 124, 129, 164, 172, 192, 210, 222, 223, 230.
Индъ, р.—*9*, 16, 17, 102, 103, 104, 105, 112, *113*, 118, 119, 120, 122, 124, *125*, 126, *127*, 128, *129*, 132, 134, 136, *141*, *146*, 149, 153, 156, 158, *159*, 160, 178, 180, 184, 185, 186, *187*, 188, *189*, *195*, 197, 199, *301*, 413, *415*, 416, *435*.
Индѣйцы—36, 526.
Иннокентій—238, 293.
Иннокентій II—537.
Иракъ—122.
Иранское плоскогоріе - 419, 535.
Иранцы—120, 130, 252, 300, 433, 436, 535.
Иранъ—6, *49*, 102, 118, 119, 122, 132, 136, 139, 143, 144, *146*, 148, 180, 181, 182, *187*, 192, 193, 211, 249, *251*, 254, 325, 412, 414, 416, 433, 434, 437, 438, 439, 592.
Ириней—238.
Ирландія—296, 364, 367, 379, 386, 387, 388, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, *500*, 503, *517*, 595.
Ирландское море *365*.
Ирландцы —387, 483, 485, 508, 556.
Иродъ 243.
Ирминская колонна—467.
Ирминсуль 470.
Ирминъ 870
Иронъ - 301.

Ирравади 62, *63*, 128, 199, 208, *209*.
Иртышъ, р.—*9*, 23, *301*, 326.
Исламъ—268, 429.
Исландія—506, 508, *509*, 510, 513, 516, *517*, 518, 519.
Исландцы—509, 513, 516.
Ислей—*500*.
Исль—*503*
Исмидскій зал —393.
Исникъ - *597*.
Испагань—*435*, 535.
Испанія—34, 238, 253, 265, *279*, 295, 332, 334, *341* 347, 358, 367, 412, 419, 420, 446, 447, 448, 449, 450, *451*, 452, 456, 460, 464, 466, *471* 548, 573, 574, 580.
Испанцы — 48, 104, 422, 556.
Иссуаръ - 563.
Иссыкъ-Куль - *17*, 413.
Истрія 513.
Истръ *333*.
Италія 54, 88, 9., 104, 244, 265, 272, 274, *279*, 287, 295, 296, 304, 306, 329, 330, 332, 334, 336 340, 341, 342, 347 367 372, 373, 382, 392, 406, 417, 420, 464, 472, 476, 504, 505, 530, 538, *547*. 548, 550, 552, 574, 589.
Итальянцы—48, *523* 556.
Итчинъ 364.
И-чангъ *58*, *59*, *67*.
Ичеу *57*, *67*.

І

Іаве 153, 245, 248, 400.
Іеддо - 91.
Іезда 147, 433.
Іездигеръ - 389, 434.
Іездъ *435*.
Іеменъ *141*. *415*.
Іерихонъ 388.
Іеронимъ, св. - 238, 282, 294, 381.
Іерскіе острова *455*.
Іерусалимское королевство 578, 579.
Іерусалимъ 238, 241, 242, 243, *251*, 264, *265*, *415*, 416, 419, 439, 535, 542, 558, 568, *575*, 576, *577*, 578, *579*, 580, 581, 596, 600.
Іеръ - *455*.
Іешу - 241.
Іиландъ - 318, 338.
Іисусъ Христосъ - 237, 240, 241, 242, 245, 246, 248, 249, 254, 268, 276, 282, 290, 367, 370, 371, 382, 412, 454, 473, 474, 498, 544.
Іо 4.
Іоаннъ 538.
Іоаннъ Безземельный — 538.
Іоаннъ Дамаскинъ 254.
Іоаннъ Златоустъ — 390, 403.
Іоаннъ, св. 242, 248.
Іоаннъ, св. Латранскій— 475.
Іовъ 244.
Іокогама 89, 99.
Іоны св. ссгр. 499, *500*, 502, 508.
Іорданисъ—342.
Іорданъ *577*.
Іорнандъ—296.
Іосафатъ—254.
Іосифъ —242.
Іосифъ Флавій 238, 382.
Іосія 388.
Іо-чу *58*, *59*.
Іо-шуй *61*.
Іудеи 241, 242.
Іудея 240, 246, 254.

К

Кааба, камень 427, 428, 437, 568.
Кабилы 444.
Кабулистанъ 433.
Кабулъ 7, *105*, 113, 120, 121, 122, *125*, 126, *153*, 182, 183, *187*, *189*, *435*.
Кабура—*113*.
Кавакъ - 122, *125*, *187*.
Каваре—303.
Каверя, р. *115*.
Кавказскій хребетъ - 300.
Кавказъ 122, 299, 300, *301*, 302, 327, 396, 399, 400, 417, *435*, 521, 522.
Кагоръ *355*.
Кадези 419, 432.
Кадиксъ 449.
Кади-кый—*393*.
Кэдисье—429.
Казаки 302.
Казбекъ 300.
Казръ-эль-Кахина 440.
Казръ-Янъ 574.
Кайласъ 132, 133, *159*.
Кайруанъ - 420.
Каиръ, городъ 411, 420, 458, 460, *461*, *575*.
Кайфонгъ—*27*, 56, *57*, *58*, *67*, 68.
Калабрія *471*, 538, *547*.
Кала-Оня—*111*.
Каледонскій каналъ *500*.
Калидаса—102.
Каликутъ *115*, 194, *195*.
Калимегъ *161*.
Калингу 214.
Калмыки - 32.
Калхедонія *415*.
Кальвадосъ - 348.
Калькутта — 62, *63*, 119, 194, *195*.
Кама - 526.
Камакура 89.
Камарга—334, *503*, 504.
Ка-мау, мысъ *218*.
Камбоджа - 208, *209*, 210, 212.
Камбоджійцы - 212, 213.
Камбрія *365*.
Камбрэ *355*.
Камилли 385.
Кампина—336, *477*.
Канарезы *120*.
Канарскіе остр.- 246, 505.
Кандагаръ—*187*, *435*.
Каннеола—482.
Канисфъ - 325.
Кан-кічнъ *59*.
Канод жъ 194, *195*.
Каносса 537, 546, *547*.
Кантабры 329.
Кантонъ 60, 62, *63*, *70*, 464.
Кануджъ 194.
Канутъ Великій 468, 499.
Канутъ Твердый - 468.
Капетинги—502, 537, 558.
Капилавасту 171, *175*.
Капитолій 248, 5 1.
Каподистрія *543*
Каппадокія 251.
Карадунгъ *17*, *45*.
Каракалла - 193, 238, 274.
Кара-Катъ (Черный Нефратъ), р.—14, 16.
Каракашъ *17*.
Кара-Корумъ - 16, *17*, 158, 301.
Каракорумъ, городъ—*33*.
Каракоталъ - 122, *125*, *129*.
Каранорь 61.
Кардамомск. хреб. *115*.
Кардукскія горы 134.
Карикалъ *115*.
Каринтія *543*.
Каріанда - 102, 186.

Каркассонъ—*351*, 452, *453*.
Карломанъ 467, 470.
Карлъ V -573.
Карлъ Великій —241, 366, 367, 462, 465, 468, 470, *471*, 472, 473, 474, 475, *477*, 478, 479, 481, 486, 491, 519, 524, 533, 542, 545, 558, 568, 582.
Карлъ Лысый—168.
Карлъ Мартеллъ 420, 452, 454, 458, 467, 470, 474, *477*, 573.
Карлъ Простой 468, 504.
Карлъ Толстый 468.
Каролинги 467, 468, 469, 476, *477*, 478, 486, 502, 558.
Каролинскіе острова 226, 227, 228.
Карпаты 303, 310, 318, 328, 334, 394, 417, 528.
Карры—*251*.
Карстъ—*543*.
Карѳагенъ 238, 295, 332, 420, 440, 444, 446, 419.
Касвинъ *587*.
Каспійскія врата--250.
Каспійское море—7, *49*, 120, 136, 182, *187*, *301*, *413*, 435, 535, *587*.
Кассино, гора—*379*, 467.
Касситеридскіе ост. 122.
Кастилія—450, *451*, 580.
Кастильцы 449.
Касторъ 268.
Кастро-Джіованни 574.
Каталонскій атласъ 413.
Каталаунскія поля -330.
Каталонія *471*.
Катанія—547.
Катманду—*45*, *146*, 160, 175, 194, *195*.
Катнибъ 499.
Катрфажъ 116, 118, 226.
Каттегатъ -*495*.
Каттіаваръ *105*, 204.
Катунъ-фу 392.
Каупманнагёфнъ 514.
Кашгарія—9, 13, 18, 22, 29, 50, 323, 324, 326, 414.
Кашгаръ *17*, 18, 20, *105*, 158, 412, *413*, 535.
Кашмиръ -16, 104, *105*, 126, *129*, 154, 190, 194, 326.
Кахина —440.
Кахоръ -*355*.
Кветта *127*, *435*.
Квинтиліанъ 238, 283.
Кельнъ -238, *355*, *503*.
Кельпартъ, ост. -87.
Кельты — 349, 371, 479, 508.
Кенди *111*.
Кентъ—338, 358, 362, *365*.
Кербелла 437.
Кериманъ 187.
Керманъ—147.
Кёршна - 191.
Керуленъ - *33*.
Керчь -522.
Керья, городъ -*45*.
Керья-Дарья—10, *45*.
Кетнессъ—499.
Кибульдъ —389.
Кизылъ-Артскій хреб. 20.
Кизылъ-Су *17*, 18, *49*.
Киликійскія врата — 432, 576.
Киль—*489*.
Кимвры 298, 318.
Киназо 94.
Кинтейръ—*500*.
Кинъ-ша-Кіанъ — 62, *63*, *70*.
Кипръ- 276, 389, *415*, 419, *577*, 585.
Киргизы - 30.
Киренаика - 422.
Кирманъ—*435*, 437.
Кирополисъ 187.
Киръ - 180, 188, 250.
Кистна -*146*, *195*.
Китай - 4, 6, 7, 14, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 38, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 52, 54, 56, 58, 59, 60, 61, 62, *63*, 64, 66, *70*, 71, 72, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 82, *83*, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 94, *95*, 100, 160, 192, 193, 207, *209*, 214, 215, 254, 324, 390, 392, 412, 414, 455, 461, 521, 584.
Китайское море *63*, *70*, 88, 100, 214, *218*, *219*.
Китайцы 14, 16, 22, 29, 34, 44, 46, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 68, 76, 77, 78, 86, 87, 94, 192, 210.
Кихуа 54, 422.
Кіанъ, р. - 61.
Кіанъ-Си *70*.
Кіанъ-Су—*57*, *59*, *70*.
Кіевъ - 506, *507*.
Кіенъ-куенъ - 28.
Кіу-сіу, ос. - *87*, 91, 94, 95.
Клавдій Птоломей — 110, *113*, 262.
Клагенфуртъ—*543*.
Классъ—403.
Клейдъ *365*, *500*.
Клеменцъ - 301.
Кленъ 350.
Клеопатра 378.
Клерво—538, 588.
Клермонъ—*355*, *503*, 570.
Климентъ св. - 505.
Кловисъ- -353.
Клодіонъ 296, 337.
Клодомиръ *355*.
Клотаръ 296, *355*, 356.
Клюни 538, 554, 555, 557, 586, 591.
Ковадонгъ 447.
Кограбенъ 488.
Коей-чеу *70*.
Коимбатуръ *115*.
Козенца—*547*.
Коконуръ - 36.
Кокосовые ост.—*198*.
Коларійцы —113, 114, 118, *121*, 154, 155, 160.
Коломбанъ св. - 388.
Коломбо 108, *111*.
Колхида - *251*, 522.
Коль—113, *121*.
Кольбрукъ - 136.
Кольдингъ *489*.
Коммодъ—238.
Комнены 538.
Коморинъ, м. - *115*, 196, *199*.
Коморскіе ост. *198*, *231*.
Компостелла - 423.
Кона - 227.
Конканскій берегъ — 106, *141*, *146*, 158, 194.
Конканы—*120*, 434.
Коннаутъ—480, 481, 483.
Конрадъ II 537.
Конрадъ III - 578, *579*.
Константинополь — 238, *265*, *279*, 295, *341*, *342*, 346, *371*, *373*, 389, 392, *393*, 394, 395, 396, 398, 399, 400, 406, 409, 414, *415*, 416, 417, 418, 419, 429, 432, 440, 452, 457, 466, 506, *507*, *517*, 526, 538, 542, 544, 569, 570, 574, *575*, *579*, 596, *597*.
Константинъ — 176, 238, 278, 279, 280, 281, 283, 362, 382, 588.
Константинъ IV 389.
Константинъ V—389.
Константинъ VII, Порфирородный - 389.
Константинъ IX—389.
Константъ II - 389.
Констанцій 280.
Констанцское оз.—311.
Конфуцій 46, 61, 81, 82.

Концивъ -*309*.
Коншебару - 486.
Конъ-фу цзе - 4.
Коралловые ост. 107.
Коранъ—459, 460.
Кордарикія *517*.
Кордова 411, 420, 447, 449, *451*, 459, 460, *461*, *575*, *579*.
Корейскій архипелагъ - *87*.
Корейскій зал. - *87*.
Корейскій полуостровъ - 42.
Корейскій прол.—*87*.
Корейцы - 87, 94.
Корелы - 527.
Корея - *41*, 73, *87*, 88, 91, 94, 95, 532.
Коринеъ—237, 417.
Коркъ 483.
Корнель 463.
Корнуэльсъ - 358, *365*, 366.
Коромандельскій бер. — 118, *146*, 158.
Корсика 332, *547*, 548.
Кортело - 309.
Костенко - 18.
Котанте 502.
Котъ д'Оръ 330, *555*.
Кофенъ *125*, *129*, *153*, 189.
Красная рѣка - 214.
Красное море - 186, 194, *199*, 414, 416, 423.
Крассъ - 251.
Крахъ - 214.
Кришна - 191.
Кроаты - *575*.
Ксаръ Энсаръ—442.
Ксерксъ - 410.
Ктезифонъ - 250, *251*.
Ктезій - 102, 181.
Куанъ-си - *70*.
Куангъ-тунъ - 60, *70*.
Кудагу *120*.
Кузрау 182.
Куксгавенъ 489.
Куку-Норъ - *25*.
Кулу - 123.
Кульджа *17*, *21*, *301*.
Кульджинск. перевал. - 22.
Кульджинскій районъ — 325.
Куманы 528.
Кумари мысъ 196.
Кумбаксиамъ *115*.
Кумберлэндъ - *365*, 549.
Кунаръ - *125*.
Кунгъ-ву - 53.
Куннингэмъ 175.
Кура, р. - *397*, *413*.
Курамъ - *125*.
Курганъ Закона - 511, 513, 514.
Курды 436.
Курильскіе о тр. - 94, *95*.
Куро-Сиво, теченіе 96.
Куру 156.
Кусайе - 229.
Куфа - 420, 434.
Ку-Чангъ - 326.
Ку-Шанъ - 326.
Куэнъ-Лунь - *9*, 10, 13, *17*, 14, 22, 24, *25*, 26, 28, *301*, 323, 326.
Кшантіп - 166, 167.
Кью-кіангъ - *59*.
Кэтнессъ *501*.

Л

Лабрадоръ—516.
Лаго-ди-Комо—561.
Лазарь—244.
Лайбахъ—*543*.
Лакедивскіе ост. 104, 110, *141*, *146*, *198*.
Лакно - *159*.
Лактанцій 380.
Лакшпу - 155.
Лаландъ—*489*.
Ламанчъ 450.
Ламаншъ - 238, *355*, 361, 467, 502.
Лангедокъ - 200, 453, 591.
Лангръ *559*.
Ланденъ—*477*.
Ланка - 162, 197, 212, 213, 214.
Ланкэстеръ *365*.
Ланъ-Чеу 24, *25*, 26, *27*, *49*, 56, 63, *70*, 534.
Лаонъ - 356.
Лао-цзе 4.
Лапландцы—527.
Лапсаки - *597*.
Лассенъ 200.
Латорепа - *529*.
Латыши—*575*.
Лаузицъ 312.
Лахоръ - *159*, *189*.
Левъ I—295.
Левъ III—389, 467, 475, 545.
Левъ VI, Философъ - 389, 409.
Ледовитый океанъ — 22, 317.
Лежаль 246.
Леза, рѣка—458.
Лейстеръ 480, 482, *483*.
Леклеркъ, Жюль 514.
Лекокъ, фонъ—13.
Ле-Крёзо *555*.
Лембергъ—*529*.
Ленорманъ—122.
Ленсекъ *559*.
Леонъ—*451*, *471*.
Лерэнскіе ост. *455*.
Лефевръ, А. — 286, 287, 329, 333, *371*, *373*, 389, 417, 507, *523*.
Лехеръ 316.
Лехъ *105*, *129*.
Ливанъ—276, 600.
Ливерпуль - 365.
Ливійская пустыня — 431.
Ливія *141*, *198*, *199*.
Ливы 527.
Лигурія 464.
Лигуры 352.
Лиль-де, Леопольдъ - 369.
Лимассоль *577*.
Лимерикъ—483.
Лиможъ - 296
Лимузенъ - 370.
Лингга—*218*, 222.
Линкепингъ *495*.
Липи—381.
Лиссабонъ—*449*.
Литовцы - 304, *523*, 596.
Литтль-Мингъ - *501*.
Ліанъ-чеу *25*.
Ліонъ - 238, 350, 355, 368, *453*, *471*.
Ліотъ—227.
Ліу-Кіу 95.
Ло - *61*.
Лобъ, пустыня - 7, 11, *25*, 65.
Лобъ-Норъ—13, *21*, 22, *25*.
Лоло 46.
Ломбардія—301, 367, 406, 534, 545, *547*, *575*.
Ломбардск. королевство — 537.
Ломбарды - 432, 438.
Ломбокскій прол. - *219*.
Ломбокъ - 217, *219*, 220.
Лонгобарды—279, *286*, *287*, *327*, *329*, 338, *341*, *343*, *347*, 367, *371*, *373*, 417, 453, 467.
Лондиніумъ - 360, 362.
Лондиньеръ—359.
Лондонъ *355*, 360, 361, 362, 363, *365*, *575*, *579*.
Лоньонъ *559*.
Лопари 526, 527.
Лотарингія 467, 476, 566.
Лотарингцы 574.
Лотарь—468, 476.
Лотарь II—537.
Лотъ 293.
Лохо, р. *58*.

Луанъ-Пробанъ—*209*.
Луара—306, 330, 332, 334, 338, 350, 351, 352, 353, 354, *355*, 452, 453, *471*, 476, 502, 501.
Луата 429.
Лувенъ *477*, *503*, 504.
Луитпрандъ—453.
Лу-Ланъ - 11, 13, 14, 15, *21*, 65.
Лушанъ 535.
Лхасса - *45*, 194, *195*, 200.
Льожъ 337, 537, 551, 552.
Льюисъ—*501*.
Люсна - *491*.
Любекъ 489.
Людовикъ Благочестивый - 467, 475, 476.
Людовикъ Германскій — 468, 476.
Людовикъ IV - 468.
Людовикъ VI - 537, 538.
Людовикъ VII 537, 578.
Людовикъ VIII—537.
Людовикъ IX Святой — 537, 579, 599.
Людовикъ XIV—463.
Люзи—*559*.
Люксойлъ 388.
Люнебургъ 524.
Люттихъ—*477*.
Ля-Гардъ-Френэ—*455*.
Ляо-дунъ—*87*.
Ляо-Хе 40, *41*.

М

Маасъ - 299, *307*, 335, 337, *355*, 470, *471*, 476, *477*, 500.
Маврикія св. ост.—*231*.
Мавританія - 295, 332, 339, 346, 357, 412, 439, 440, 443, 444, *445*, 446, 580.
Мавританск. побережье - 441.
Мавры 420, 447, 450, 451, 452, 453, 458.
Магало 458.
Магелланъ 223.
Магеллона - 453, 457, 458.
Магометъ—32, 419, 422, 426, 427, 429, 430, 431, 434, 436, 446, 459, 461, 533, 534, 588.
Магребъ 420, 440, 471.
Мадагаскаръ *199*, 222, 230, *231*, 232.
Мадаинъ - 230, 231, *415*, 429.
Мадрасъ *115*, 194, *195*.
Мадура *115*, *218*, *219*.
Мадьярскія ворота—*529*.
Мадьяры 330, *373*, *523*, 528, 529, 530, 531, 532.
Маздакъ—390, 416.
Майзуръ *115*, 118, *146*, 194, *195*.
Майнъ - *307*, 311, 321, 335.
Майнцъ - *503*.
Майотъ - *231*.
Макассарскій пр. - 219, 220.
Макассаръ - *219*.
Македонія - 182, 188, 237, 395, 524.
Македоняне - 186.
Маконъ - *555*.
Максенцій - 279.
Максиминъ 336.
Максимъ, св.—404.
Малабарскій берегъ 106, *141*, *146*, 158, 195, 367.
Малага *449*, *451*.
Малайаламъ *121*.
Малайскій архипелагъ — *95*, *199*, 212, 215, 219, 220.
Малайскій полуост.—208, 226, 464.
Малайцы 101, 116, 117, 210, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 227, 229, 230, 231, 232, 493.
Малайцы-полинезійцы—226.
Малакка *218*.
Малаккскій полуост. — *209*, *218*.
Малаккскій проливъ 218.
Малая Азія — 222, 211, 250, 306, 403, 416, 452, 456, 504, 535, 574, 576, *577*, 592.
Малединскіе ост. 101, 107, 108, *109*, *141*, *146*, *198*.
Малины *559*.
Малороссы *523*.
Ма-луанъ-кіанъ—62, *63*.
Малунгъ-Сонъ - *209*.
Мальбрюкъ 100.
Мальта—461.
Мамуана - 225.
Манаарь, оз. *161*.
Манаарскій зал.—*115*, *161*.
Мандалай *63*, 209.
Мани 253, 254, 283.
Мантай *161*.
Ману 102, 134, 140, 163, 164.
Мантль 538.
Маньчжурія 40, *41*, 75, 76, 92, 324.
Маньчжуры - 94.
Манъ, Ле—*503*.
Марага 397, *461*.
Мараты *121*.
Мараѳонская битва - 454.
Мараѳонъ - 410.
Маргарита, королева 518.
Маргіанинъ - 187.
Маргіана 120.
Мареотисъ 246.
Маринъ Тирскій - 196.
Марисъ *333*.
Марія, оз. 246.
Маріанскіе остр. - 227.
Марія св., мысъ *231*.
Маріутъ, оз. - 246.
Марія Дѣва 242, 266, 267, 412, 423, 474.
Маркландъ - 518.
Марли *559*.
Маркоманы *279*, *286*, *287*, *327*.
Марко Поло 6.
Маркъ Аврелій 238, 251, 279, 283, 288.
Марна 352.
Марокко - 420, 431, 440, 464.
Маросъ *333*.
Марселинъ, Амміенъ—179.
Марсель—238, *355*, 356, 368, 380, *452*, 504.
Марсъ 280.
Мартанда - 190, 193.
Мартинъ св. - 238, 265, 368, 370.
Марціанъ - 295.
Маскала 414.
Маскаренскіе ост. - *198*, *231*.
Массагеты - 521.
Массачусетсъ—517.
Массуди 420.
Массури—164.
Массюеро 475.
Мастрихтъ *477*, 501.
Матильда, графиня 547.
Матура - 108, *111*.
Махабхарата 102, 156, 162, 163, 178, 180, 189, 191.
Махавели *111*.
Махаммедъ—119.
Маханади - *146*, *159*, *195*.
Махдисты 441.
Махо 231.
Махи, р. - *105*, *146*.
Махмудъ - 535.
Мегасѳенъ 102, 188, 190, 191.
Меджерда 444, *445*.
Медина 392, 419, 422, *423*, *429*, 446.
Мезія 525.

Мей-лангъ 60, *70*.
Мекка—213, 392, 419, *423*, 426, 427, *429*, 437, 464, 535, 568.
Мекларъ, св.—439.
Меконгъ—62, *63*, *209*, 210, *211*, 214.
Мекранъ *141*.
Меланезійцы—96, 227, 229, 230.
Меланезія—*95*.
Меленъ—*503*.
Меликъ-Шахъ 535.
Мелькартъ—439.
Менамъ—208, 209, 210.
Менандръ—191.
Менапійцы 336.
Мендерецъ—*597*.
Менъ-цзе—4, 80, 81.
Мервари 163.
Мервъ 7, 412, 413, 429, 433, *435*.
Мерія—114.
Мерлинъ—180.
Меровинги—296, 330, *355*, 356, 358, 467, 469, 470, 558.
Мерсей—222, 364, *365*, 366, *449*.
Меру—132, 131, 197.
Месопотамія 50, 52, 55, 134, 136, 250, *251*, 398, 412, 416, 432, 437.
Мессинскій пр. 287, 574.
Металанимъ *227*, 228, 229.
Мецъ 380, *503*.
Мидія *251*.
Мидяне 122.
Мизія діоцеза—*279*.
Миклагарда—*517*.
Микронезія *95*.
Миланъ 278, *279*, *355*, *471*, *547*, 592.
Милетяне—303.
Мина—*121*.
Минданао *219*.
Минерва 267, 268.
Минкопи—226.
Мину-Тенно—100.
Минъ, династія 53, 81.
Минь-кіанъ *61*, 64, *70*.
Мись 480, 482.
Мито *211*.
Митра 253, 254, 266, 276, 370, 411, 414, 436.
Митъ—*483*.
Михаилъ 432.
Михаилъ III 389, 460.
Михаилъ Палеологъ 538.
Мо 356, *503*, *559*.
Моавій—419.
Моголы—194.
Могхидъ—573.
Мозампо *87*.
Мозель—*307*, 335, 470, *471*.
Мозьеръ—337.
Моисей 268.
Молдава 525.
Молуккское море—*219*.
Монъ-Визо—*591*.
Монголія—*9*, *25*, 30, 31, *33*, 34, 36, 38, 40, *41*, *49*, 56, *70*, 193, 326, 412, 414, 528.
Монголы—16, 23, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 192, 308, 520.
Монпелье—*351*, 458.
Монсеръ, Э.—191.
Монте-Кассино—*381*, 384, 410, 554, 586.
Монте-Морро 454.
Монтро *559*.
Морава 304, 311, 525.
Моравы—*373*, 525.
Морвенъ—*500*.
Мордва—527, *575*
Морей-фергсъ—*501*.
Морекэмбъ—364, *365*.
Могея 599.
Морины 336.
Моунтъ-Эверестъ—*45*.
Мохель—231.
Мраморное море—*393*, *597*.
Муари долина—*347*.
Муарэ—330.
Музартскій перевалъ—20.
Музартъ—*17*.
Муйдиръ—442, *445*.
Мукденъ—39, *41*.
Муллъ—*500*.
Мульмеинъ—*209*.
Мундо—389.
Мункачъ—*529*.
Мургабъ, р.—*17*.
Мурманскій берегъ—496.
Мурсія—150.
Мустагъ-ата 16, *17*.
Мэнъ—*365*, 499.
Мюнстеръ 480, 481, *483*.
Мяо-дзе—44, 46.

Н

Наварра—*449*, *451*, 580.
Навигенца, р—*347*, 349.
Навизаашъ—349.
Нагасаки—*87*.
Надъ-Одлъ—508.
Назаретъ—242.
Назаряне—410.
Най-хунъ-ти—4, 50.
Наксуанъ *251*.
Накулъ—143.
Намюръ—299, 337, 357.
Нанкинъ 55, *57*, 64, *67* 69, *70*.
Нантъ *503*, 538.
Нанъ-Шань 24, *25*, 325.
Нан-чань—*59*.
Нара—86.
Нарбадъ, р.—104, 105, *146*, 158, *159*, *195*.
Нарзесь—389.
Наръ-Беликъ 277.
Нарбонна—*351*, *355*, 380, 452, *453*.
Нарбоннезія—334, *351*, 354.
Нарра, р.—*105*, 128.
Нарханъ-Касъ—*175*.
Наръ-эль-Ази—*277*.
Нарынъ, р. *17*, *413*.
Насръ-Эдинъ—*461*.
Натала—*131*.
Натуна—*218*.
Нахичевань—397.
Нахонтъ—4, 50
Нахоръ-Вать—211.
Нахоръ-Томъ—211.
Наякота—160.
Нган-кинъ—*59*, *67*.
Нган-хоей—57, *70*.
Неаполь—257, 259, *547*.
Неархъ 186, 194.
Небесныя горы—531.
Неврузъ—136.
Негапатамъ *115*.
Негритосы 116, 118, 226, 229.
Негропонтъ—*597*.
Негросъ—*219*.
Негры—117, 230.
Неджда—450.
Неджедъ—156, 430.
Неджефъ—437.
Нейстрійцы 357.
Нейстрія *355*, 356, 357, 504.
Нейшатель *309*.
Нейшательское оз.—309.
Неккаръ—*307*, 311, 322.
Неостеръ-Рикъ—357.
Непалъ—*146*, 160, 175, 178, 194.
Неронъ 263.
Несторъ 390.
Нибелунги 478.
Нигеръ—108, *445*, *461*.
Нидерланды 500, 571.
Низея 438.
Низибида *251*.
Низибъ *397*, 398, 419.
Никейскій соборъ—283.

Никейское королевство—538.
Никея 535, *575*, 576 *597*.
Никифоръ—389, 463.
Никобарскіе острова—*198*, *209*.
Никомидія—278, *279*.
Нилъ—186, 242, 383, *415*, 420, 441, *461*, 462, 596.
Нильгири *115*, 116.
Нимъ - 352.
Ниневія—54, *251*.
Нирвана - 102, 176.
Нипонъ 92, 96.
Нишапуръ 420, 437.
Новая Гвинея - *95*, 223.
Новая Земля 516.
Новая Шотландія 517.
Новгородъ—506, *507*.
Ново-Гебридскіе ост. - 227.
Новый Свѣтъ 104, 177, 232, 423, 461, 507, 516.
Ножанъ-ле-Ротру—*559*.
Ножанъ-сюръ-Сенъ *559*.
Ной - 396.
Нонни - 40, *41*.
Норвегія - 490, 493, 506, 508, 513, *517*, 518.
Норвежцы—360, 487, 513.
Нордъ - 349.
Нордкапъ - 496.
Нормандія 504, 505, *517*, 549.
Норманны - 366, 466, 467, 469, *477*, 487, 492, 493, 496, 497, 498, *500*, 502, *503*, 504, 505, 506, *507*, 516, 517, 518, 529, 534, 548, 574, 582.
Норсъ-Мингъ - *501*.
Нортумберлэндъ *365*, 549.
Нортумбрія 373.
Норфолькское графство 362.
Нотръ-Дамъ - 348.
Нуармуатье—502.
Нубія - 419, 440, 441.
Нью эстль - 359, *365*.
Ньюфаундлендъ 516, 517.
Нѣманъ—507.
Нѣмецкое море - *307*, 338, 343, *365*, 468, *495*, *507*.
Нюрнбергъ - 524.

О

Оаза—352.
Оберландъ—334.
Объ—330.
Обь—23, *301*.
Овернь—296, 370, 538.
Оверньe—*309*.
Оденатъ—237, 276, 277.
Одензе—300.
Одензи -*489*, *495*.
Оденъ-Вальдъ—*307*.
Одеръ—301, 338, *471*, *507*, 525.
Одипъ—300, 317, 318, 319, 498.
Одоакръ — 295, 340, *341*, 367.
Одовакаръ—340.
Одъ—*146*, *159*, 160, 162, 168, 180, 191, 197, *351*, 352, 452, 458, *471*, 474.
Ока - *507*.
Океанія—225, 226.
Оксара, водопадъ — *514* 515.
Оксерръ—*559*.
Оксонъ—*555*.
Оксусъ—8, *9*, 16, *17*, 120, 122, *125*, *146*, *187*, 193, *301*, 325.
Олибрій—284.
Ольбія 303, 522.
Ольденбергъ, Германъ — 173.
Ольна—359.
Омагъ—*483*.
Оманскій зал.—*141*, *187*, *413*, *435*, 464.
Оманъ—*141*, *415*, *435*.
Омаръ—419, 429, 436, 439, 459.
Омаръ Хейямъ—420.
Омеяда—419.
Опорто—*451*.
Оранъ— 442.
Ораоны—116, *120*.
Орбъ 350, 352.
Ордосъ—392.
Орефа-Іокуллъ—*509*.
Оригенъ— 237, 238.
Орисса—113, 114, *146*.
Оркадскіе ост. 499, *501*.
Оркнейскіе ост.—*501*.
Орлеанское королевство - *355*.
Орлеанъ — 329, 330, 352 *355*, 380.
Орлеанэ—350.
Ормуздъ—144, 253, 436.
Ормузскій проливъ—*141*.
Ормузъ—433.
Орозъ Павелъ—238.
Оронтъ—277.
Орфа—412, *413*.
Орфей—268.
Орхонъ—301.
Оршимонъ—*559*.
Осетины 300.
Оссы—300.
Остеръ Рикъ—356.
Остроготы - *279*, *286*, *287*, 296, *327*, 328, *329*, 330, 332, *341*, 342, *343*, 347.
Остяки—527.
Отбартъ—552.
Отёнъ — 452, *453*, *555*, *559*.
Отманъ 419.
Оттаръ—495, 496, *517*.
Оттонъ I Великій — 468, 535.
Оттонъ II—468, 488, 535.
Оузъ—*365*, 366.
Ошъ—*17*, 18, 20.

П

Павелъ I, папа—378.
Павелъ, апостолъ — 237, 240, 247, 256, 268, 292, 369, 383, 454, 563.
Павелъ Озоръ - 293.
Павелъ Отшельникъ 372.
Павія 296, 592.
Па-де-Кале - 349.
Падеринъ—33.
Пайтанъ - *195*.
Палаванъ *219*.
Палатинъ—267.
Палермо *547*, 574.
Палестина—237, 244, 255, 568, 569, 573, 581, 588.
Палиботра—188.
Палласъ—28.
Палкскій зал. - *161*.
Палкскій прол. *161*.
Палокры 528.
Пальманова *543*.
Пальмира—275, 276, *277*, 278.
Памирскій Постъ *17*, 20.
Памиры—7, 8, *9*, 14, 16, *17*, 22, 24, 38, *49*, 50, *129*, 177, *301*, 323, 324, 325, 412, 534.
Пампелуна *355*, 451, 467.
Памфилія—390.
Пандавы—143.
Панду 142, 156, 158.
Панини 102, 178.
Паннонія діоцезъ 279.
Паннонія—238, 333, 343.
Пантанъ 191.
Пантеллярія—440, *445*.
Пантеонъ 178.
Пантикапея—522.
Паньяга де-, А. 110.
Папуасія 227.
Папуасы—229.

Параклетскій монаст. — 538.
Парижское королевство — *355*, 356.
Парижъ — *355*, *471*, 502, *503*, 538, *559*, 566, *575*, *579*.
Паропамизъ — *113*, 120, 122, 181, 188, 192.
Парси 250, 434.
Парѳенонъ - 294.
Парѳяне — 192, 240, 249, 251, 398.
Паскаль III—537.
Пасхи, ост. 222.
Патала *113*.
Паталипутра —188, 194.
Патна—188, 194, *195*, 197.
Патрикъ 387.
Патроклъ—188.
Педро м.—*111*. *161*.
Педроталлагалла—*111*.
Пейпусъ, оз.—*301*, 302.
Пекинъ - *27*, *41*, 57, *67*, *70*.
Пе-кіанъ—60.
Пеллине—*591*.
Пеллисъ—*591*.
Пелопоннесъ 524, 599.
Пельви—252.
Пенэнгъ—*218*.
Пенджабъ—8, *9*, 26, 27, 102, 126, 127, *129*, *141*, *146*, 156, 180, 188, *189*, *415*.
Пергамъ 378.
Передняя Азія — 24, 38, 240, 250, 276, 398, 570, 586.
Перигё—*503*.
Перигоръ—370.
Периклъ—410.
Пермскій край 299, 302, 527.
Пермь—*301*.
Пермяки - 496.
Перреро *591*.
Персеполь 187.
Персидскій зал. 136, *141*, *187*, *199*, 276, 413, *435*, 464.
Персія—*141*, 14[illegible], 181, 23[illegible], 249, 252, 254, 283, 326, 392, 396, *397*, 404, 410, 412, 414, 419, 420, 431, 432, 434, *435*, 436, 437, 438, 586.
Персы - 118, 122, 181, 186, 249, 250, 254, 416, 421, 433, 434, 454, 535.
Пертусъ—351, 452.
Пертюи—456.
Перу 54.
Перуджія - *547*.
Перуза—547.
Петръ—538.
Петръ Александрійскій—377.
Петръ, св., апостолъ - 237, 241, 246, 263, 382, 475, 479, 535, 537, 546, 547, 571, 588, 595.
Петръ Благочестивый—591.
Петръ Брюссельскій - 538, 591, 592.
Петръ Преподобный—538.
Петръ Пустынникъ Амьенскій—538.
Пешель - 462.
Печенѣги — 528, 529, 530, *575*.
Печили *57*, 68, *70*.
Печилійскій заливъ — 40, *41*.
Пешаверъ—*127*, *153*, 194.
Пештъ—333.
Пиза—504, *547*, 573, 574, *575*, 576, 578.
Пинтлэндъ-ферсъ *501*.
Пиньероль—*591*.
Пипинъ 378, 470, 477.
Пипинъ Геристальскій - 467.
Пипинъ Древній - 467.
Пипинъ Короткій - 467, 470, 474, 545, 582.
Пиренеи — 287, 347, 348, 422, 447, 450, 451, 452, 458, 470, 475.
Пиѳагоръ—171, 379.
Пиѳей—312.
Плантагенеты 538.
Платонъ - 243, 410, 586.
Плехельмъ—313.
Плеяды—52.
Плиній - 194, 196, 380.
Плотенъ 200
Пномъ-пенъ—*63*, *209*, *211*.
По, р. — 287, *291*, 304, 310, 367, 371, 471, 547, *591*.
Побенъ, прол. *161*.
Пойнтъ-де-Галль—*111*.
Полинезійцы — *96*, 97, 223, 231.
Полинезія *95*. 227, 228.
Полленція 287, 296.
Поллуксъ 268.
Польша - 507, 521.
Поляки *523*, *575*.
Помона—*501*.
Помпеи—269.
Понапе - 226, 227, 228.
Пондишери — *115*, 194, *195*.
Понтекорво—*381*.
Понтъ-а-Вендинъ—348.
Понтъ Евксинскій—*251*, *279*, 299, 308, 393, 394, 521, 522.
Порсьенское графство — *559*.
Порто *449*.
Португалія—332, *451*.
Португальцы—120.
Портъ-Артуръ *41*, *87*.
Потанинъ—29.
По-янгъ 60.
По-янгъ-хэ, оз. - *59*.
Праслинъ - 231.
Пратиштана—194.
Праяга—194.
Предъ-гангская Индія—*113*.
Пресбургъ 308.
Пржемыслъ *529*.
Пробъ 238, 331, 332.
Провансъ—334, 340, 341, 452, 453, 454, 464, 548.
Провенъ—*559*.
Прокопій - 296, 314.
Прометей—148.
Пропонтида—394, 395.
Протеи 154.
Пруссаки 596.
Психея—268.
Птоломей - 191, 197, 214, 283, 344, 380, 460, 465.
Пуату - 327, 350, 352, 573.
Пуатье 342, 354, 420, 452, 453, 458.
Пувурвилль—82.
Пуло-Кондоръ—*211*.
Пульсляндъ—*517*.
Пульхерій - 295.
Пунака - 194, *195*.
Пьемонтъ—534, 590.
Пэн-д'Аму—*555*.
Пюи-де-Домъ—563.

Р

Раваль-Пинди—197.
Равенна—*291*, 293, 295, 296, 340, 345, 368, 369, 382, 401, 403, 404, 405, 406, *471*, 545, *547*.
Равеннскій экзархатъ — *547*.
Рави—128, *129*, *159*, 186, *189*.
Рага—433, 437.
Раги—*251*.
Рагэ—*587*.
Радагесъ—*287*.
Раджагриха—194, *195*
Раи—433, 437.

Раймундъ Тулузскій—574, *575*.
Рама—152, *161*, 162.
Рамаяна—102, 134.
Рамесерамъ, оз.—*161*.
Рамнадъ—*161*.
Рамсей—*578*.
Ранко—447.
Раннъ—*105*, 128.
Рапти—*175*.
Расинъ—463.
Расъ-Аддаръ—441.
Расъ-Фартакъ—194, *199*.
Расъ Хатпба—423.
Расъ-эль-Хаддъ—*199*.
Ратлинъ, ост.—499, *500*.
Ратнапуръ—108, *111*.
Регель—18.
Регіумъ—367.
Реджіо—*547*.
Режанъ—*218*.
Рейкьявикъ—509.
Реймское королевство—*355*, *356*.
Реймсъ—*355*, *559*.
Рейнброкъ—318.
Рейнъ—65, 272, 295, 298, 304, 305, *307*, 318, 332, 334, 335, 353, 391, 470, *471*, 476, *477*, 500, *507*.
Реккаредъ—296, 346.
Ренанъ, Э.—438.
Реннштегъ 308.
Реннъ—200.
Рено—182. *291*.
Ретель—*559*.
Рибль—364, *365*.
Рибъ—*489*.
Ригъ-Веда—102, 128, 130, 131, 136, 139, 149, 150, 166.
Римляне—48, 85, 144, 188, 232, 240, 244, 248, 250, 251, 252, 273, 287, 288, 290, 292, 298, 299, 305, 313, 318, 334, 336, 341, 342, 343, 344, 346, 353, 359, 360, 389, 391, 392, 398, 439, 440, 446, 478.
Римская имперія—257, 262, 274, 275, 277, 288, 289, 298, 314, 325, 327, 328, 329, 334, 336, 339, 340, 344, 370, 385, 472.
Римъ—6, 86, 154, 194, 200, 237, 238, 244, 248, 250, *251*, 258, 262, 263, 264, *265*, 267, 269, 271, 272, 274, 275, 276, 277, 278, *279*, 284, *286*, *287*, 288, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 305, 306, 309, 325, *327*, 328, *329*, 332, 334, 335, 339, 340, *341*, 342, 343, 347, 350, 360, *371*, *373*, 378, 379, 384, 385, 387, 389, 392, 394, 396, 398, 404, 406, 412, 417, 429, 432, 458, 465, 466, *471*, 472, 475, 476, 505, 536, 537, 538, 542, 544, 550, 552, 554, 560, *575*, *579*, 580, 594.
Риттеръ, Карлъ—88.
Рихтгофенъ—64, 67.
Ричардъ, Львиное Сердце—538, 596.
Ріу—222.
Роадиты—446.
Робертсонъ—541.
Робертсъ—182.
Робертъ—468, 551.
Робертъ Благочестивый—537.
Робертъ Гискаръ—538, *547*, 574.
Робертъ-де-Куртенэ—538.
Робертъ Сильный 502.
Ровиро *291*.
Роджеръ 479.
Роджеръ Норманскій—552.
Родосто *597*.
Родосъ—419, 585, *597*.
Родригецъ, о т. *198*, *231*.
Рождества, ост. *198*.
Рожеръ—574.
Рожеръ Великій, графъ—538.
Рожеръ II—538.
Рожеръ Сицилійскій—580.
Роккасекка—*381*.
Роландъ—468, 478, 479, 558.
Ролло—504.
Роллонъ 501.
Рольфъ 504.
Ромулъ-Августулъ 295.
Рона—304, 305, 334, *347*, 352, 354, 368, 452, *453*, 458, *471*, 476, 504.
Ронсеваль—*471*.
Ронсевальское ущелье—470.
Роскоммонъ *483*.
Россія—18, 21, 301, 496, 506, 507, 521, 522, 527.
Ротхаргебирге *307*.
Ру—504.
Руалдиты—439.
Руапъ *355*.
Ружмонъ—*559*.
Румыны—48, *523*.
Румъ—392.
Руръ—*477*.
Русси—*559*.
Руссильонскій проходъ—456.
Русскіе 526, *575*.
Русское царство—548, *575*.
Русь—506.
Рэ—502.
Рювъ—*218*.
Рюрикъ 506.

С

Саади 420.
Сава 304, *333*, 340, *543*.
Савитаръ 181.
Савитри 181.
Савойя 476, 548.
Сагъ-гигга—50.
Садавира—162, 170, *175*.
Сайгонъ—*209*, *211*.
Сака—192, 326.
Сакаи—226.
Сакарія—*597*.
Саккіа-Муни 102, 171, 175, 176, 212, 415.
Саксы—*279*, *286*, *287*, *327*, *329*, 328, *341*, *343*, 358, 360, 366, 367, *371*, *373*, 467, 486, 487, 496, 504.
Саладинъ—579, 596.
Саламанка—*449*.
Саламинъ 410.
Салахъ-эдъ-Динъ—579.
Салемъ—*115*.
Салерно—538, *547*.
Салійцы 336, 357.
Салоры—29.
Салуенъ 62, *63*, 208.
Сальвіенъ—238, 293.
Сама—102.
Самара *301*, 326.
Самаркандъ—*187*, 412, 413, 433, *435*, 457, *461*.
Самъ 526.
Сангала—189.
Сангарскій прол. 92.
Сангпо, р.—*45*.
Сандракоттъ 188.
Санли—356.
Сансеррское графство—*559*.
Сансъ—452.
Санталы 116.
Санъ—*453*, 502, *503*, *559*.
Санъ-ба—*209*.
Санъ-Дженнаро—257, 259.
Санъ-Джермано—379, *381*, 384, *547*.
Санъ-Назаріо—345.

Сапоръ—237, 416.
Сарабу—173.
Саравакъ—*218*.
Сарагосса 449.
Сарасвати 128, *131*, 133, 162.
Сарасвати-Гаггаръ — 128, 156.
Саргонъ—50.
Сардинія—332, 464, 547, 548, 573.
Сарматія—305, 394.
Сарацины 349, 447, 454, 458, 479, 501, *547*, 568, 576.
Сарръ, Ф.—536.
Сарсуть—128.
Сассаниды 237, 250, 252, 253, 389, 407, 411, 417, 422, 434, 493.
Сассанъ—250.
Сатадру 128.
Сатіабхама—155.
Сатпура—104, *159*.
Сахадева—143.
Сахара—411, *445*.
Сахель—445.
Саянъ 28, 65.
Саянскій хребетъ—528.
Св. Антоній—296.
Св. Бенуа—296.
Св. Коломбанъ—296.
Св. Павелъ 296.
Св. Патрикъ—296.
Св. Ѳома—367.
Сватъ—153.
Свенъ-Гединъ—7, 10, 11, 13, 14, 15, 65.
Свиландъ—*507*.
Себу *219*.
Севенны—370.
Севернскій зал.—364.
Севернъ—364, *365*.
Северы—267, 298.
Севилья—411, *449*, 451, 457, *461*.
Сеговія *451*, 463.
Сеистанъ—182, 433.
Сейшельскіе острова—*198*, *231*.
Секстанціо—458.
Селе—229.
Селевкиды 188, 191, 244, 250.
Селевкія—250, *251*.
Селевкъ 188.
Селевкъ Никаторъ 249.
Селенга—33, *301*.
Сельджукиды — 534, 535, 575.
Сельджукидовъ имперія—*577*.
Сельджукъ 535.
Семанги 226.
Семирамида—181, 188.
Сена 295, 304, 306, 350, 352, 353, *355*, 452, *471*, 502, 504.
Сенегалъ—108.
Сеншусъ-Моръ—482, 485.
Сенъ *353*.
Сенъ-Бернарскій перевалъ—413, 454.
Сенъ-Винцентъ *445*.
Сенъ-Дени—538, *559*, 576.
Сенъ-Жакъ—215.
Сенъ-Жанъ-д'Акръ — *577*, 600.
Сенъ Мартенъ д'Алеманъ—348.
Сенъ-Моръ — 452, *453*, 454.
Сенъ-Тропецъ—*455*.
Септа-Синду—127.
Септиманія 449, 452, 573.
СептимійСеверъ—238, 251, 271, 272.
Серапіонъ—375.
Сербы—418, *523*, 526, 575.
Сердань 452.
Сетледжъ—119, 128, *129*, 134, *159*.
Сеулъ *87*.
Се-Чуанъ—46, *70*.
Сибилла—243.
Сибирь—*9*, 23, 30, 41, *49*, *95*, *301*, 302.
Сива—145, 154, 157, 160, 214, 224.
Сиватъ—153, 197.
Сигурдъ 578.
Сиддарта 102, 171, 172, 173, 175, 441.
Сидоній Аполлинарій — 238, 378.
Сидонъ—*577*, 578.
Си-иганъ 56, *58*, 61, *63*, *70*.
Си-кіанъ—60, *61*, *70*, 75, *209*.
Симла—194, *195*.
Симплонскій перевалъ—413.
Сильвесъ—451.
Сингалезы—*121*, 222.
Сингапъ *27*, 64.
Сингапуръ 215, *218*, 222.
Сингидунумъ—*333*.
Сингубумъ *146*.
Синджабъ—162.
Синду 102, 104, *105*.
Синдъ 126, *129*, *141*, *146*, 153, *187*, *189*.
Синеусъ 506.
Сирійское побережье — 578.
Сирійцы 86, 535.
Сирія—*251*, 254, 380, 389, 390, 403, 404, 406, 412, *415*, 416, 420, 422, 424, 431, 447, 465, 574, 578.
Сирты—443, 444, 446.
Сита 162.
Сито *555*, 586, 587, 588.
Сицилійское государство—552.
Сицилія 265, 340, 367, 412, 420, 445, 464, *471*, 506, 517, 538, *547*, 552, 553, 574, 582.
Сіагрій 194, 295, 340.
Сіамскій зал.—*209*, *211*.
Сіамъ 62, 208, *209*, 210, 212.
Сіан-кіанъ—*59*.
Сіанъ-танъ *59*.
Сіан-янь—*58*, *59*, *67*.
Сіерра 347.
Скагерракъ *495*.
Скальды 513.
Скандинавія — 304, 363, 488, *495*, 496, 506, 528.
Скандинавскій полуост.—528.
Скандинавы—300, 301, 486, 505, 528.
Скей, остр.—*500*, *501*.
Скилаксъ—102, 186, 194.
Скифія—521.
Скифы—192, 193, 326, 520.
Скотты—482.
Скотъ Эригенскій—387.
Славины—*327*, *329*.
Славинцы—*341*.
Славія—524.
Славяне—*286*, 308, *341*, *371*, *373*, 389, 487, 505, 522, 526, 528, 532, 556.
Славяно-германцы —118.
Словены *523*.
Смирна—238, *597*.
Снефелль-Іокулль—*509*.
Снехеттанъ—*491*.
Собрарба—417.
Согдіана—414.
Согне-фіордъ—*491*.
Содомъ—293.
Сокотра, ост.—*198*.
Соленый хреб.—*129*.
Соломонъ—18, 19, 584.
Сольвей-Ферсъ—364, *365*.
Сома—149, 152, 307.
Сома-Дева-Батта—154.
Сомалійцы—106.
Сомма—337, 353, 502.
Сона—188, 304, 350, 352, 452, *453*, 555, 587.

Сонъ Гангъ *146*, *159*, *195*.
Соутгэмптонъ—364, *365*.
Софія, св. храмъ — 398, 399.
Софоклъ—410.
Спиньо—547.
Сполета —*471*, *547*.
Сполетское герцогство — *471*.
Спорады—599.
Средиземное море—5, 6, 54, 86, 88, 104, 106, 171, 188, 276, 303, 304, 332, 341, 350, 352, 389, 414, 419, 440, 442, 450, 452, *455*, 464, 465, 466, 481, 504, 506, 519, 520, 534, 536, 541, 573, 574, 580, 599, 600.
Средиземно-морское побережье—332.
Срединная имперія, царство—4, 5, 21, 24, 42, 46, 49, 56, *59*, 60, 64, 71, 74, 75, 80, 86, 87, 100, 193, 534.
Сринагаръ—107, *129*, 189, 194, *195*.
Ставангеръ—*491*, *495*.
Стамбулъ 399.
Станислау—*529*.
Старый Свѣтъ—6, 16, 20, 22, 24, 120, 232, 254.
Стефанъ, діаконъ — 237, 261.
Стефанъ, св.— 530.
Стилихонъ 287.
Стормъ, Густавъ 517.
Страбонъ—188, 380.
Страна смерти—42.
Страна Травъ—31, 32, 34, 38, 39.
Страна шелка—*113*.
Страссбургъ — 296, 354, *355*, *471*, 476.
Стронгъ, ост.—229.
Стрый, городъ—*529*.
Старый, р.—528.
Стурлесонъ, Снорро—515.
Суаньскій лѣсъ—336.
Суассонск. королевство—*355*.
Суассонъ—296, 340, 353, *355*, 356, 470, *471*.
Субстанціонъ—458.
Суда *219*.
Судра 166, 173.
Суза—200, *251*.
Сузерландъ—499, 500.
Сузіана—4, *49*, 50, *141*, 461.
Суйо—*547*.
Сулейманъ, царь—18.
Сулейманъ-Дагъ — 123, *125*, *127*.
Суматра—215, 216, 218, 220, 230.
Сумба—*219*.
Сумбава—216, *219*.
Сунгари—40, *41*.
Сурабайя—*219*.
Сурія—181.
Суръ—*277*.
Сусанна—400.
Суссексъ—*365*.
Суффолькское графство—362.
Су-Неу—*25*, *61*.
Суэвы—*287*, 293, *327*, *329*, 332, 334, 338, *341*, *343*, 348, 367, *371*, *373*.
Суэцъ—380.
Сыръ-Дарья — *187*, *413*, *435*, 461.
Сьерра-Морена—450.
Сьерра-Невада—450.
Сѣверная Америка—518.
Сѣверная Двина—496.
Сѣверное море—496.
Сѣверный каналъ—*500*.
Сэлисбери 361, 364, *365*.
Сэтледжъ—*189*, *195*.
Сюжеръ—538.

Т

Табари—420.
Тавризъ—*397*, *435*.
Тавръ—276, 462.
Тагаста—238.
Тадморъ — *251*, 276, 277, *461*, 462.
Таи—210.
Тайванъ—*27*, *67*.
Тайнъ—*365*.
Тай-пей-шань—88.
Та-кіанъ—64.
Такла Маканъ, городъ—*17*.
Такла-Маканъ, пустыня — 7, *9*, 10, *17*, 21, 22, *45*.
Таксила—*189*.
Таксилъ — 102, *113*, 194, *195*.
Тактъ-и-Сулейманъ — 124, *127*.
Талдыкскій перевалъ—20.
Тали—62, *63*.
Талотъ—*219*.
Талъ—122.
Талкаменто—*543*.
Таматава—*231*.
Тамили—*120*.
Тамрапарни—110.
Танджоре—*115*.
Танетъ—358.
Танжеръ—*445*, 465.
Тан-кіанъ—56, *58*.
Танкредъ—505, 535, 547, 574, 575.
Танкредъ Готвильскій — 538.
Танотъ 338.
Тапробане—110, 113.
Тапти, р. *159*.
Тараболосъ-алъ-Гарбъ — 429.
Тараболосъ-экъ-Хамъ — 429.
Тарбагатай — *21*, 22, 23, 65.
Тарвисъ—*543*.
Тарентскій проливъ *575*
Тарентъ—*547*.
Тарикъ—420.
Таримъ—8, *9*, 10, 14, 15, *17*, 18, *21*, 75, 158, *301*, 323, 534.
Тарквинія—248.
Тарнъ—351.
Тарсъ 237, *577*.
Таръ *105*, *129*, 130, *141*, *146*, 163, 388.
Тасманцы—229.
Тассело—*555*.
Татарія—204.
Татары—30, 31, 436.
Тауберъ—*307*, 321.
Таунусъ—*307*.
Тацитъ 238, 262, 313.
Ташкентъ—19, *435*.
Ташкурганъ *17*, 177.
Ташъ-Рабатъ-Даванъ—411.
Тахо—*449*.
Та-Юанъ—86.
Тевтобургскій лѣсъ—*307*.
Тевтоны—298, 318.
Тегеранъ—*435*, 437, 587.
Тейсса—*333*.
Текла—*509*.
Тектозаги—352.
Телемахъ—273.
Телугу—118, *120*.
Телль, алжирск. 431.
Темза—222, 361, 362, 363, 364, *365*.
Тенассеримъ—209.
Тенсбергъ—*491*, 495.
Теобальдъ—467.
Теодорихъ I — 296, 340, 341, 342, 343, 355.
Теодорихъ II—296.
Теодорихъ Великій—296.
Теодорихъ Веронскій — 342.
Терекъ-Даванъ—18.

Террагонъ—238.
Террачина—*381*.
Террьенъ-де-ла-Купери — 50, 51, 52, 55.
Тертенъ—*45*.
Тертенъ-Дарья, р.—*45*.
Тертулліанъ—238, 258.
Тешъ—*351*.
Тзи—61.
Тибетское плоскогоріе — 42, 62.
Тибетцы—13, 160.
Тибетъ 9, 24, 26, 36, 42, 43, 44, *45*, *49*, *63*, 105, *146*, 158, 193, 194, 204.
Тиверіадское озеро—241.
Тиграноцерта—*251*, 398.
Тигръ — 134, *141*, 250, *251*, 278, *301*, 396, 398, 400, 413, 431, 435, 437, *461*.
Тимаро—304.
Тингвеллиръ — 509, 511, 513.
Тинъ-линъ—28.
Тиркеръ—516.
Тирренское море — 332, 412, *547*.
Тиръ—*251*, 439, *577*.
Тисса — 333, 417, *471*, 472, 528, 529.
Тисъ—*365*.
Тифлисъ—397.
Тихій океанъ—15, 26, 62, 94, *95*, 96, 103, 210, *219*, 324, 462.
Тлемсенъ—595.
Тода—117.
Токіо—96.
Токмакъ—412, 413.
Толедо—*449*, *451*, *575*.
Тольбіакъ—296, 353, *355*.
Тольмейкъ—*543*.
Тольтеки—422.
Тонгръ—*477*.
Тонди—*161*.
Тонкинскій зал.—214.
Тонкинцы—212.
Тонкинъ—*70*, 86, 209, 213.
Тонле-Сапъ — 209, 210, *211*, 212.
Торгиль—535.
Торъ—317, 319, 342, 370, 498.
Тоскана—*547*, 548.
Тоскандрія—336.
Тотила—296.
Трава, р.—*489*.
Трансильванія—334.
Трапезунтъ—*251*.
Траэндеры—490, 491.
Траянъ — 251, 288, 310, 318, 320, 321.
Тревиза—592.
Тревъ *355*, *503*.
Треенъ, р.—488, *489*.
Трибоніанъ—405.
Трибоній—390.
Тривандрумъ—*115*.
Тримурти—115, 154, 155, 157.
Тринкомали *111*.
Тринтъ—*365*.
Триполисъ—59, 265, 419, 422, 429, 465, *577*, 580.
Тритчинаполи—115.
Тріестъ—*543*.
Тромелинъ—*231*.
Троа—329, *355*, 559.
Трондьемъ — 490, *491*, 492, 494, *495*, 508, 510.
Троя—157, 278.
Троянская война—191.
Труворъ—506.
Трэве—323.
Тсинъ-линъ—56.
Туареги—442, 444.
Туатъ—442, *445*.
Ту-кіу—532.
Тулонъ—*455*.
Тулу *120*.
Тулуза — 296, 350, 352, *355*, 452, *453*, *471*, *503*, 591.
Тунг-тинг-ху, оз.—58, 59.
Тунгъ-тингъ—60.
Тунисъ — 420, 431, 440, 442, *445*, *579*, 580, 599.
Тунъ-Ченъ—*27*.
Турамайя—191.
Туранцы—118.
Туранъ—182, 412.
Туренъ—352.
Туркестанъ 9, 19, 20, 325, 433, *435*, 532, 534.
Турки—406, 430, 466, 532, 534, 535, 536, 576, 598.
Туркмены—249, 436.
Турнэ—296, 353, *355*, 470, *471*.
Турфанъ—13, *21*, *25*.
Туръ—238, 296, 369, 380, 452, *453*, *559*.
Тусъ—420.
Тьерри—*355*.
Тюрингенскій лѣсъ 307.
Тюрингенъ *477*.
Тюрки 23, 28, 20, 192, 308, 412, 532.
Тюрко-монголы—9.
Тянь-цзинъ—*41*.
Тянь-Шань—7, *9*, *17*, 20, *21*, 22, 23, *25*, 26, *49*, *301*, 323, 325, 326, 412.
Тянь-Шань-Нанъ-Лу—20, 24, *49*.
Тянь-Шань-Пе-Лу—22, 24.

У

Уайтъ—364, *365*.
Уанъ-Ли—82.
Уаргла—442, *445*.
Уассель 502, *503*.
Удженнъ—*146*, *159*, 194, *195*, 197.
Удине—*543*.
Удіена—153, 198.
Уйгуры—412, 532, 534, 535.
Украйна—299.
Уларъ, А.—29.
Улунгуль, р.—23.
Ульстеръ—480, *483*.
Умбрія—238, 296.
Унгры—29.
Уоллесъ—220.
Упсала—300, *495*.
Уралъ—*301*, 302.
Уральскія горы—326.
Урбанъ II 537, 552, 570.
Урга—31, *33*.
Ургель *451*, *471*.
Ургъ, р.—*477*.
Урумсу—*21*.
Урунгу, р.—21, 23.
Урфа 277.
Урянхаи 30.
Уэлъ—362, 363, 364, *365*

Ф

Файзабадъ—*125*.
Фаррерскіе острова—518.
Фарси 392.
Фаруэлль—516.
Фатимиты—576.
Фахіанъ 390, 415.
Фаэнца—*291*.
Фебъ Аполлонъ 267.
Феликъ Ургельскій 474, 475.
Фенестрель *591*.
Фергана 8, *9*, 18, 86.
Фермо *547*.
Феррара *291*.
Фиджи, ост.—228.
Филиппвиль 443.
Филиппинскіе острова—*95*, 220.
Филиппополь—*597*.
Филиппъ I—537.

Филиппъ II Августъ 537, 579.
Филиппъ-Августъ—596.
Филонъ - 238, 246, 247, 248.
Финикіяне 122, 440, 458, 493.
Финксъ *365*.
Финляндія 301, 517, 518, 526.
Финляндцы - 506, 595.
Финны *279*, *286*, *287*, 308, *327*, *329*, *341*, *343*, *371*, *373*, 487, 527, 528.
Финскій зал. 506.
Фирдуси - 420.
Фирминъ Матернъ—281.
Фирозпуръ *189*.
Фихтельгебирге *307*, 308.
Фламандцы 566.
Фландрія - 357.
Флитъ—362, 363.
Флоренція 287.
Флоресъ *219*.
Фо-кіенъ 60.
Фоа—*471*, 475.
Фонди *381*.
Формоза, островъ *70*, 86.
Форли *291*.
Фотій—542.
Фраксинатумъ—453.
Франки — *279*, *286*, *287*, 295, 296, 299, *327*, *329*, 335, 336, 337, 338, 339, 340, *341*, 342, *343*, 350, 353, 354, 359, 367, *371*, *373*, 452, 470, 474, 497, 504, 578.
Франконскій лѣсъ - *307*.
Франція — 64, 220, 307, 308, 332, 335, 339, 348, 350, 351, 352, 354, 355, 358, 369, 370, 380, 406, *453*, 467, 468, 470, 472, 474, 476, 478, 479, 502, *503*, 504, 510, 530, 541, 554, *559*, 562, 574, 578, 582, 589, 590, 592, 598, 599, 600.
Французы — 48, 192, 335, 504, 556, 574.
Фредди - *291*.
Фрежюсъ - *455*.
Фрейзингенъ-фонъ, Отто - 574.
Фрэрэ - 338.
Фридрихъ Барбаросса — 551, 561, *579*, 594, 596.
Фризія—476.
Фризы—358, 487.
Фріуль *543*.
Фузанъ 87.
Фу-кіенъ — *70*.
Фунду-віа-ландъ 516.
Фу-Ши - 4.
Фюненъ—*489*.
Фюстель де-Куланжъ 290, 386, 558.

Х

Хагъ-дикъ—*502*, *503*.
Хаджикакъ—122.
Хазары—*373*, 528, *575*.
Хайберъ—120, *125*, *129*.
Хай-нанъ, островъ—*70*, 86, *209*, 214.
Хайтабу—488.
Халдеи—51, 55, 132, 134, 429.
Халдея—50, 52, 134, 136.
Халебъ - 276, *277*.
Халедъ—422, 433.
Халемъ—457.
Халкедонія—417.
Халха—32.
Хальмахеръ—*219*.
Хами—*25*.
Ханъ-Кіангъ—*27*, 56, 57, 58, *59*, *61*, *67*.
Ханнамъ-Хиллъ—361.
Ханой—*63*, *209*, 217.
Ханская династія—4.
Ханумапъ—158, *161*.
Ханыковъ—462.
Ханъ, династія—69.
Ханъ-Тенгри *17*, 20.
Ханъ-Хай—22, 23, *49*.
Хап-чоу—*25*, *67*, 69, *70*.
Ханчунъ—*27*.
Хан-янъ—*58*, *59*, *67*.
Хань-коу *58*, 59, 60, *63*, *67*, *70*.
Харбинъ—41.
Харири—420.
Харранъ—277.
Харріа—114, *121*.
Хартумъ—441.
Хаушъ-Кури -253.
Хвай—*61*.
Хвелова—*451*.
Хедеби—488, *489*.
Хей-шинъ -*61*.
Хемберъ—*365*.
Хено—357.
Хересъ—*445*, 446, 447, *449*.
Херулы—*279*, *286*, *287*, *327*, 329.
Хива—9, *435*.
Хильдебертъ—*355*.
Хильперикъ—353.
Хинганъ—40, 41.
Хлодвигъ—296, 326, 343, 353, 354, *355*, 356, 474.
Хлодіо—337.
Хмеры — 210, *211*, 212, 214.
Хо, р.—61.
Хоай, р.—*57*, *61*, *67*.
Хоай-Нганъ—*57*, *67*.
Хоангъ-ти—66.
Хоангъ-ту—64, 66, 68.
Хоанхо—*25*, 26, *27*, 29, *33*, 51, 56, *57*, 58, *61*, *63*, 64, 66, *67*, 68, *70*, 72, 86.
Хоггаръ—*445*.
Ходжентъ—*187*.
Хозравъ - Ануширванъ — 389, 410, *461*.
Хозрой Справедливый — 389, 416, *415*.
Хозрой II—389, 416.
Хозру—389.
Холинъ, городъ - *33*.
Хо-панъ—*57*, *58*, 64, *70*.
Хо-нанъ, городъ—*58*.
Хонг-ху—373.
Хондо—92, 94.
Хонды 114, 121.
Хорассанъ—433, 464.
Хоръ—285.
Хотанъ—14, 15, 16, *17*.
Хризостомъ—191.
Христіанія—490, *491*, 494.
Христіанъ—224, 227.
Христосъ—191, 200, 206, 237.
Хсійская династія—4.
Хсинъ Нганъ *27*.
Ху-нанъ—*58*, *59*, *70*.
Хунгъ-кіанъ—62, *63*.
Хунъ-Земледѣлецъ—4, 74, 75, 79.
Хунъ-ну—29, 325.
Ху-пе—*58*, *59*, *70*.

Ц

Цайдамъ *25*.
Цангъ-Во 134, *146*, *159*, *195*.
Царицынъ—326.
Цезарея—238, 296.
Цезарь—200, 278, 377.
Цейлонъ—102, 104, 107, 108, 109, 110, *111*, 112, *115*, 116, *146*, 152, 158, 160, *161*, 168, 178, 192, 197, 212, 213, 214, 415, 416.

Целебесское море—*219*.
Целебесъ—*219*, 220.
Цельзій—237.
Центральная Азія—62.
Церера—574.
Цеута—420.
Цзи—*61*.
Цзи-нанъ—*57*, *67*, *70*.
Цзинъ-ши—4.
Циклады—599.
Цзинъ-линъ-шанъ—*27*.
Ципанго—91.
Цистерціумъ—587.
Ціампа—214.
Цусима, ост.—*87*, 95.
Цюльпихъ—*355*.

Ч

Чабуръ—*277*.
Чагосъ—105, *198*.
Чадъ, оз. *461*.
Чакары—32.
Чамбалъ—*159*.
Чампа—214.
Чампы—210.
Чандра-Гупта—189, 194.
Чарикаръ—*187*.
Чатыръ-Куль—*413*.
Че-кіанъ—*70*.
Чеккано *381*.
Чемликъ, зал.—*393*.
Чемульпо—*87*.
Ченабъ—186, *189*.
Ченг-ту—56, *70*.
Черемисы—527.
Черное море—286, *301*, 303, 304, 310, 328, 332, 341, 393, 396, *413*, 414, *507*, 522, *597*.
Черный Иртышъ—*21*, 22.
Честеръ—359, 365.
Чехи—*341*, *373*, *523*, 525.
Чибръ—122.
Чизоне—*591*.
Чинабъ—*127*, 128, *129*.
Чиназъ—*187*.
Чингисъ-ханъ—32, 33, 34.
Чинг-ту—*63*.
Чиралъ—*125*.
Чисгольмъ—*359*.
Чокъ-чинъ-дуганъ—36.
Чо-Сёнъ—*87*.
Чоу, династія—4.
Чу, р.—*17*.
Чуваши—527.
Чудское оз.—302.
Чудь—28, 302, 522.

Ш

Шалонскій бой—332.
Шалонъ-сюръ-Сонъ—555.
Шалонь—*559*.
Шампань—*559*, 566.
Шан-си—*57*, 68, *70*, 85.
Шантабумъ—*211*.
Шанталемъ—229.
Шантръ, Э.—300, 522.
Шан-тунъ—*57*, *70*, *87*.
Шанхай—*67*, *70*.
Шанъ, династія—1.
Шапура, р. 276.
Шапура I—237.
Шапура II—237.
Шаранта 332, 349, 350, 452.
Шарбоньерскій лѣсъ—*307*, 336, 337, 470.
Шаргинъ—50.
Шароль—*555*.
Шаролэ, горы—*555*.
Шартръ—*559*.
Шасисадра—134.
Шатель-Сансуаръ—559.
Шатильонъ-сюръ-Марнъ—537.
Шахпуръ—*189*.
Шварцвальдъ—*307*, 308.
Шведы—*523*.
Швейцарія 25, 434, 451, 476, 503.
Швеція—301, 490, 506, *517*, 526.
Шельда—*307*, 335, 336, 337, 500.
Шемоканкаръ—*45*.
Шенъ-Си—29, *70*.
Шеринголы—29.
Шетландскіе ост.—396.
Шизонъ—*591*.
Ширазъ—420.
Ши-Хоанъ-Ти—4, 24, 81, 86, 92, 214.
Шингъ-ти—4.]
Шинъ-Нунъ—4, 50.
Шіатъ-Али 434, 435.
Шлегель—52.
Шлезвигъ—318, 488, *489*.
Шлей—188, *489*.
Шокалаи 227.
Шотландія—364, 366, 482, 499, *500*, *501*, 508, *517*.
Шотландскіе остр.—499.
Шотландцы—479.
Шрадеръ—*559*.
Штилеръ—301.
Шу-Кингъ—61.
Шуръ-Вальдъ—*307*.

Э

Э—368.
Эби-Норъ—*21*, 22.
Эбро—287, 449, 467, 470 *471*.
Эвбея—*597*.
Эвонъ—364, *365*.
Эгбертъ—366, 468.
Эгейское море—288, 305, 393, 395, 464, *597*.
Эгидій 295, 340.
Эдда—488, 515.
Эденъ—198.
Эдесса—*251*, *397*, 398 412, *413*, *575*, 576, *577* 578, 600.
Эдзина, р.—*25*, 29, 61.
Эдинбургъ—*365*.
Эдомъ—383.
Эдризи—420.
Эдуардъ III—558.
Эдуардъ Исповѣдникъ—468, 550.
Эйдеръ—472.
Эйнфишъ—349.
Эйтель—313.
Эйфель—307.
Экбатана—200, 250, *251*, *415*, 435.
Эквадоръ—160.
Элевзида—294.
Элизе Реклю, гора—45.
Эллины—192.
Элоиза—538, 589.
Эльба—222, 304, *307*, 311, 338, 467, 470, *471*, *489*, *507*, 524, 525.
Эльба, мысъ—423.
Эльбурсъ—586, *587*.
Эльвендъ—132.
Эльджемъ—440, *445*.
Эльсасо—*503*.
Э-ля-Шапель—467, *471*, 476, *477*, *503*.
Эмонье—211.
Эмсъ—307, 467.
Эна—349, 574.
Энгель-ландъ—338.
Энглези—364.
Эни—559.
Энній—378.
Энъ. р.—*555*.
Эпернэ—559.
Эпиръ—599.
Эратосѳенъ—188, 197, 344, 462.
Эрекъ—437.
Эриданъ—304.
Эриксонъ, Лейфъ—516.
Эрикъ—296.
Эрикъ Рыжій—516.
Эринъ—387.
Эритрейское море—196.
Эритрея—414.
Эрманрикъ—328, 341.

Эро-352.
Эскимосы—517.
Эсперіа—*381*.
Эссексъ—*365*.
Эссенъ—303.
Эстляндія—302.
Эстонія—496.
Эстрамадура—450.
Эстридсонъ, Свенъ—518.
Эсты—505, 527, *575*.
Эсхилъ—410.
Эта, гора—274.
Этимандеръ 182.
Этруски—304.
Этьеннъ-де-Блуа—538.
Эфесъ—261.
Эція—*451*.
Эчміадзинъ—*397*.
Эшъ-Шамъ *277*.
Эѳіопія—414.

Ю

Ю, министръ, императоръ—4, 48, 61.
Юлдузъ—20, *21*.
Юдиштиру—142, 178, 194.
Юдиеь—400.
Юкаръ—*449*.
Ю-Кунгъ—60, 61.
Юліанъ—238, 251, 284, 336.
Ю-Мынъ—26.
Юнъ-Нанъ—46, 62, *63*, *70*, 159.
Юпилль—467, *477*.
Юпитеръ—248, 266, 267, 276, 280, 410.
Юра, горы—*307*, 476, *555*.
Юра Франконская—311.
Юра Швабская—311.
Юра, ост.—*500*.
Юстиніанъ—295, 296, 371, 389, 396, 402, 404, 405, 406, 409, 410, 412, 414.
Юстинъ—295, 389.
Юстинъ II—389.
Ю-Тіанъ—14.
Ютландъ—338, *489*, *495*, 499.
Юты—338, 358, 366, 479, 487.
Юшонъ *559*.
Юэ-чжи—325, 326.
Юэнъ-Цангъ—390, 415
Юэнъ-юэнъ—79.

Я

Ява—108, 214, 215, 216, *218*, *219*, 220, 223, 224, 225.
Яванопула—190.
Яванское море—*218*, *219*.
Ягуры—29.
Ядринцевъ—301.
Яжусъ—102.
Язиги—528.
Якка—*451*.
Яковъ, св.—423.
Яксартъ, р.—*9*, 18, 102, *187*, 193, *301*.
Ялита-Вистара—179.
Ялу, р.—*87*.
Янг-чеу—57, *67*.
Янъ-тзе-кіанъ 46, 56, *57*, *58*, *59*, 60, *61*, 62, *63*, 64, *67*, 68, 69, *70*, 75.
Японія—*83*, 85, 86, 88, 91, 92, 93, 94, *95*, 96, 98, 99, 100, 208, 222, 415.
Японскіе острова—91, 92, 95, 96, 99.
Японское море—*87*, 94, 519.
Японцы—92, 97, 100.
Яркандъ—16.
Яркендъ—*17*.
Ярунгъ-Цангбо—42.
Яшъ-Берени—333.

Ѳ

Ѳаисъ—375.
Ѳалесъ—379.
Ѳеванда—296.
Ѳеодора—389, 405.
Ѳеодосій, архіепископъ—403.
Ѳеодосій I Великій—238, 282, 286, 288, 295, 377 391, 396, 406, 410.
Ѳеодосій II—295, 409.
Ѳессалія—524.
Ѳома Аквинскій—283.
Ѳока—389.
Ѳракія діоцеза—*279*, 288, 334, 395, 399, 524.

